

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

XI

REGNUM
Москва 2012

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)
Р89

Р89 **Русский Сборник: исследования по истории России** \ ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти.
Том XI. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 556 с.
ISBN 978-5-905040-03-0

УДК 947 (08)
ББК 63.3(2)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. М. Володихин.</i> Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV.....	7
<i>И. В. Дубровский.</i> Новые документы о России Ивана Грозного	25
<i>С. В. Белоусов.</i> Конный полк Пензенского ополчения в сражении под Магдебургом 27 октября 1813 г.....	59
<i>Артак Магалян.</i> Судебное дело Кусапатовых Атабекянов (1852–1855)	68
<i>Р. С. Авиллов.</i> Из истории русско-китайской границы: «Шитэулинский инцидент» 1879 года.....	101
<i>Л. В. Бибикова.</i> Либеральное движение глазами политической полиции Российской империи (1880–1905)	148
<i>Ф. А. Гайда.</i> Министр внутренних дел Н. А. Маклаков: политическая карьера русского Полиньяка	174
<i>М. А. Колеров.</i> Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги	208
<i>Пол Симмонс.</i> Анатомия бунта: волнения в 223-м пехотном Одоевском полку накануне Февральской революции.....	232
<i>А. В. Ганин.</i> Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова	255
<i>С. М. Назария.</i> Антиеврейская политика в Румынии (1866–1940)	337

<i>Анхель Гутьеррес. Из дневника: СССР в 1949–1972 годах</i>	359
<i>Ашот Егиазарян. Экономика Турецкой республики Северного Кипра (2000–2006).....</i>	387

КРИТИКА

<i>К. В. Шевченко. А. Ю. Бендин. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010.....</i>	482
<i>О. Р. Айранетов. Ну очень краткая история... N. Stone. World War One. A Short History. Penguin Group. 2007.....</i>	491
<i>А. В. Ганин. О книге В. В. Каминского «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии»</i>	514
<i>Н. К. Гаврюшин. Преподобный Сергей в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института / Отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. СПб., 2010.....</i>	537
<i>А. В. Марчук. Ю. Н. Жуков. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы: От Российской Империи к СССР. М., 2011.....</i>	543
<i>Сведения об авторах XI тома «Русского Сборника».....</i>	554

Д. М. ВОЛОДИХИН

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ВОЕВОДСКОГО КОРПУСА ПРИ ИВАНЕ IV

В XVI столетии Московское государство постоянно прилагало колоссальные усилия для поддержания высокой обороноспособности. Процессам мирного государственного строительства с востока и юга угрожали Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, а также ногайские орды; с севера нависала молодая, но быстро усиливающаяся Швеция; на северо-западе связь со странами Европы «запирал» недружественный Ливонский орден; на западе простирались земли Великого княжества Литовского — одного из крупнейших европейских государств и давнего противника Москвы. Россия воевала постоянно, а если даже выпадал мирный год, всё равно на оборонительный рубеж по течению реки Оки выставлялось крупное полевое соединение, призванное отбивать неожиданные нападения крымцев или ногайцев. Необходимо учесть, что страна не являлась густонаселенной, крупных городов в ней было совсем немного, значительная ее часть находилась в зоне рискованного земледелия, драгоценные металлы приходилось полностью импортировать, как и целый ряд иных «стратегических товаров», в том числе некоторые виды вооружения и снаряжения. Таким образом, не располагая высококоразвитой экономической основой и мощным демографическим ресурсом, Россия столкнулась с необходимостью создать сплоченные, хорошо организованные, высокомобильные вооруженные силы. Учитывая необходимость время от времени вести боевые действия порой на нескольких фронтах одновременно и, если

понадобится, перебрасывать относительно незначительные силы с одного края государства на другой, российское правительство во главе с монархом принуждено было особое внимание уделить высшему военному командованию. Иными словами, людям, от опыта, расторопности, отваги, а еще, того больше, от слаженности общих действий которых неоднократно зависела судьба важнейших родов и областей, а порой и всей державы.

Таким образом, кадровый состав руководства российскими войсками являлся на протяжении XVI в. одним из главных вопросов государственного администрирования. Особенное значение он приобрел в середине столетия, когда масштаб военных усилий Московского государства значительно вырос. Именно в этот период России покорились Казанское и Астраханское ханства, долгое время не прекращалась напряженная борьба с Крымом, прошла тяжелая Стародубская война с Великим княжеством Литовским и началась одна из крупнейших войн всего европейского Средневековья — Ливонская. Под занавес названного периода была введена опричнина, по многочисленным свидетельствам источников, значительно повлиявшая на состав русского воеводского корпуса.

Однако в специальной исследовательской литературе военному командованию России середины XVI в. уделено совсем немного места. Как ни парадоксально, до настоящего времени не появилось ни одной монографии, где исследовался бы социальный состав воеводского корпуса Московского государства того периода или хотя бы приводился его списочный состав! Это относится как к дореволюционной, так и к советской, а также постсоветской историографии.

Нельзя сказать, чтобы русское военное дело тех времен не становилось предметом исследований. Существует обширная литература, где немало место отдано вопросам вооружения отечественных войск, их тактики, воинским смотрам, отдельным историческим победам русского оружия и биографиям выдающихся полководцев. Досконально изучены вопросы местничества, представительство военно-служилого класса в Боярской думе, генеалогия наиболее влиятельных семейств, борьба придворных партий. Наконец, создан громадный объем статей и монографий, связанных с изучением социально-политической, экономической и культурной сущности опричнины. Но если последние две группы научных трудов имеют между собой отчетливую связь и перекликаются по множеству вопросов, то первая — посвященная военному делу — оказывается как бы в стороне от общей

логики развития исторической науки. Столь значительная часть повседневной жизни военно-служилого класса, как участие в военных операциях, изучается в отрыве от магистральных проблем социально-политической истории России. Создалась ситуация, в которой социальный аспект руководства вооруженными силами России военные историки не считают своей исследовательской территорией, отдавая его специалистам, занимающимся историей дворянства, а те, в свою очередь, не берутся за него, видя в нем часть истории военного дела. Тем более, историю опричнины крайне редко и лишь по частным вопросам связывают с историей русской армии, хотя большинство видных опричников так или иначе служили на воеводских должностях.

Социально-политический феномен опричнины получил разработку в трудах нескольких поколений российских и советских историков. Внутреннее устройство опричнины, социальный состав опричной элиты, а также ее влияние на политический строй Московского государства к настоящему времени изучены досконально. Значительно отстает по уровню изученности вопрос о влиянии, оказанном опричными преобразованиями на военное дело России во второй половине XVI столетия.

Как правило, историки русской армии ограничиваются фразами о том, что опричина «уничтожила местничество», или о том, что опричина «истребила цвет отечественных военачальников». И то, и другое до настоящего времени не получило серьезных научных обоснований. Более того, за пределами исследовательского интереса специалистов по военной истории остается целый ряд крупных проблем. Одной из них является динамика социального состава высшего командования русскими вооруженными силами. Ясно, что опричина должна была оказать серьезное воздействие на то, из каких социальных групп рекрутируется воеводский корпус, в том числе его важнейшая часть — командиры полков и самостоятельных полевых соединений (армий). Речь идет не только о том, каким образом подбирались воеводские кадры в рамках самого опричного боевого корпуса. Чтобы понять ситуацию во всей ее полноте, следует поставить целый каскад вопросов. Так, «земские» военачальники контролировали значительно больший процент вооруженных сил, в том числе действующих «в поле», нежели опричные; поэтому возникает вопрос: изменился ли, и если да, то как именно, механизм назначения на высшие воеводские должности в «земщине» в период существования опричной военной системы? Другой, не менее важный вопрос: каким был результат опричнины для русского

воеводского корпуса, изменился ли его социальный состав в постопричный период по сравнению с предопричным? Решению этих проблем и посвящена данная работа.

Опричный боевой корпус был развернут в полную силу относительно недолго. В 1565 г. небольшие отряды опричников осуществили первый боевой выход — под Болхов, против крымцев¹. От 1566 г. не осталось свидетельств о каком-либо участии опричников в боевых операциях. Осенью 1567 г. опричные силы участвовали в большом походе, прерванном (из-за боязни измены) до соприкосновения с неприятелем². Лишь на исходе 1567-го и в первые месяцы 1568 г. на поле боя появляются самостоятельные трехполковые, а затем и пятиполковые опричные соединения³. Военские разряды дают сведения о существовании подобного рода соединений до майской оборонительной операции под Москвой 1571 г., где участвовал так называемый «опричный разряд». Для более позднего времени нет достоверных свидетельств о существовании опричных боевых соединений. Общие действия опричных ратей и земских встречаются как минимум с 1569 г., когда З. И. Плещеева-Очина отправляют с опричным отрядом на поддержку земской армии воеводы М. Я. Морозова, идущей отбивать Изборск. Но до середины 1571 г. разряды четко отделяли участвующие в крупной операции соединения опричников от соединений земцев. А с зимы 1571–1572 гг. начинается расписывание опричных и земских воевод в один и тот же полк без обозначения их принадлежности к опричнине и земщине.

Разрядная запись выхода опричников под Тарусу, относящаяся к 7080 (1571/1572) г. вроде бы говорит о самой поздней крупной самостоятельной операции опричного воинства. Однако свидетельство тарусской разрядной записи 7080 г. выглядит сомнительно. Вот что она сообщает:

«Того же году в Торусе из опришнины воеводы были по полком:

В большом полку воеводы князь Михайло Темрюкович Черкасский да князь Иван Васильевич Темкин.

В правой руке воеводы князь Микита Романович Одоевский да князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку воеводы князь Василей Иванович Борбашин да окольничей Микита Васильевич Борисов.

¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 45.

² Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 51–54.

³ Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 249–250.

В сторожевом полку воеводы князь Василей Иванович Телятевский да князь Иван Охлябинин.

В левой руке князь Иван да князь Дмитрий Щербатые»⁴.

Она присутствует только в сокращенной редакции разрядной книги. Информация, содержащаяся в ней, использовалась исследователями, в частности В. Б. Кобрин учел ее при составлении списка опричников⁵.

Однако очень сомнительно, что этот выход опричного корпуса в действительности состоялся. Во всяком случае, он не мог пройти при том составе воевод, который приведен в разрядной книге.

Прежде всего, кн. М. Т. Черкасский был казнен после прорыва хана Девлет-Гирея к Москве. Казнь состоялась в конце мая — начале июня 1571 г.⁶

Возможно, его имя попало в заготовку разряда, предназначенного для выхода полков осенью 1571 г. Когда эта заготовка составлялась, приказные люди еще не знали о смерти Черкасского. В этом случае возможны два варианта: либо поход к Тарусе все-таки состоялся, но без участия покойного князя (это могло произойти только осенью 1571 г., поскольку названные в записи воеводы — князья Д. Щербатый, Н. Одоевский, И. Охлябинин и А. Хованский — участвовали зимой, весной и летом 1572 г. в других походах: к Новгороду Великому, «на берег», а также в оборонительной операции против очередного набега Девлет-Гирея), либо похода не было, хотя заготовка и вошла в состав разрядной книги.

За второй вариант говорит почти полная идентичность этой записи и другой, составленной за год до того, для похода опричного корпуса туда же, к Тарусе. На всех воеводских постах стоят те же персоны, лишь последняя строка звучит иначе: «В левой руке князь Иван Черкасской, да князь Дмитрий Щербатой»⁷. Но и эта разница может объясняться одной только оплошностью писца: случайно пропустив слово «Черкасской», он мог создать ошибочное впечатление, что в состав разряда введен князь Иван Щербатый.

⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 86–87.

⁵ Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 96.

⁶ Р. Г. Скрынников придерживается мнения, согласно которому кн. М. Т. Черкасский «...между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом» (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 434).

⁷ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 69.

Необыкновенное сходство двух разрядов носит уникальный характер: небывалое дело, чтобы командование полевых соединений, назначенное с хронологической дистанцией в год, при совершенно разных обстоятельствах, тем не менее, во всем или почти во всем повторяло друг друга. Вероятнее всего, переписчик дважды ввел в состав разрядной книги одну и ту же запись: подобного рода дублиеты в воинских разрядах XVI в. не редкость. Но тогда сама возможность похода опричной армии к Тарусе выглядит крайне сомнительно. Пользоваться данными тарусского разряда 7080 г. для определения состава опричной военной элиты означает делать источниковедчески неоправданный шаг.

В этом случае дата последней крупной операции опричного корпуса как самостоятельного соединения должна быть перенесена на значительно более раннее время. Осенью 1570 г. его вывели к Тарусе, плюс еще два значительных отряда опричников были развернуты под Калугой и у Сенькина перевоза⁸. Большая часть этих сил была сконцентрирована в мае 1571 г. для крупной оборонительной операции. Во всяком случае, когда против Девлет-Гирея, рвущегося к Москве, стали собирать полки, то опричные полковые воеводы были назначены в основном из числа тех, кто был выставлен охранять южный рубеж еще осенью⁹. Против крымцев опричники и армия «земщины» действовали в условиях раздельного командования, и притом крайне неудачно. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем, а оставшиеся полки жестоко пострадали, пытаясь отстоять столицу. Результатом же стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами столицы. Видные опричные военачальники, участвовавшие в походе как полковые воеводы, подверглись смертной казни: кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, В. П. Яковлев. После лета 1571 г. опричный корпус как самостоятельная боевая сила не собирался.

Опровергнув достоверность свидетельств из тарусского опричного разряда 7080 года, остается констатировать: в распоряжении историка нет данных, которые доказывали бы участие опричного боевого корпуса даже в обороне южных рубежей Московского государства осенью 1571 г., хотя в 1567–1570 гг. опричные полки регулярно несли «береговую» службу на Оке. Для того, чтобы отменить ежегодный осенний выход опричников на Оку, требовалось особое решение государя, и оно, как видно, было

⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 271–272.

⁹ Там же. С. 277–278.

тогда принято. Таким образом, полномасштабное существование опричного воинского корпуса относится к периоду с конца 1567-го по лето 1571 г.

В истории опричнины различаются два периода, связанных с кадровой политикой в отношении воеводского корпуса. До середины 1570 г. среди военачальников опричнины, в том числе и главнокомандующих опричными соединениями, чрезвычайно высок процент представителей старомосковских боярских семейств. Этот процент намного выше представительства нетитулованной служилой знати в русской армии доопричного периода на хронологическом пространстве в полстолетия — от 1510-х г. Особенно велика роль двух влиятельных боярских семейств: Плещеевых и Колычевых-Умных. Из 8 командующих полевыми соединениями опричников, назначавшихся на протяжении всего периода существования опричнины, четыре — представители нетитулованной старомосковской знати: И. Д. Плещеев Колodka, А. И. Плещеев-Очин, З. И. Плещеев-Очин и Ф. А. Плещеев-Басманов; один — из выезжей северокавказской знати (кн. М. Т. Черкасский), и только три — из родов титулованной знати: кн. А. П. Телятевский, кн. В. И. Телятевский и кн. Ф. М. Трубецкой¹⁰; притом лишь последний из них, родовитый Гедиминович, относится к первостепенной, знатнейшей служилой аристократии. Опричная армия с осени 1567 по май 1571 г. совершила 9 боевых выходов в составе трех- и пятиполковых соединений, когда во главе этих соединений стояли представители русской служилой знати¹¹. В пяти случаях опричные полевые соединения возглавляли представители нетитулованной знати, в четырех — титулованной (соответственно, 56 % и 44 %)¹². За то же время на посты первых воевод отдельных полков 17 раз ставились представители русской служилой знати; из них 12 (71 %) титулованных аристократов и 5 нетитулованных (29 %)¹³. Худородные «выдвиженцы»-дворяне были допущены на командные должности опричного воинского корпуса

¹⁰ Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного. С. 250.

¹¹ Еще в двух случаях это был кн. М. Т. Черкасский: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 228; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 68–69.

¹² Еще в двух случаях это был кн. М. Т. Черкасский: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II, Ч. II. С. 221, 237, 250–251, 261–262; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 58–60, 57, 68–69, 72.

¹³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 221, 228, 237, 250–251; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 55, 58–60, 57.

в весьма незначительном количестве, скорее как исключение¹⁴. Зато среди опричных воевод встречается немало выходцев из родов титулованной знати, стоявших в середине XVI столетия на втором плане — по знатности, влиянию и земельным богатствам. Ни одного военачальника, принадлежащего среде высшей титулованной аристократии, «княжат», до 1570 на воеводские должности в опричнину привлечено не было (тот же кн. Ф. М. Трубецкой начал выдвигаться в опричнине на высокие и высшие армейские посты не ранее мая 1570 г.).

В середине 1570 г. кадровая политика резко изменилась: командование опричного боевого корпуса «усилили» целым рядом знатнейших аристократов с княжеским титулом¹⁵. Князь Ф. М. Трубецкой, знатнейший аристократ, дважды возглавляет основные силы опричной армии¹⁶. Зато нетитулованной знати в принципе перестают давать назначения на должности полковых воевод и командующих полевыми соединениями. Социальный состав опричных воевод в 1570–1571 гг. лишь незначительно отличался от социального состава командования вооруженных сил Московского государства в 1550-х и первой половине 1560-х гг. Но до какой степени сохранилось доопричное состояние в сфере назначения на высшие командные должности в «земщине», если рассматривать ее за тот же период — 1568–1571 гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде понять, в чем коренное отличие между опричным и доопричным механизмами комплектования воеводского корпуса. А отличие это весьма велико. Фактически опричнина совершила переворот в кадровой политике относительно русского воеводского корпуса.

С середины 1530-х по начало 1560-х гг. социальный состав командования вооруженных сил Московского государства выглядел совершенно не так, как установилось в ранней опричнине. Чтобы сравнить ситуацию, сложившуюся в армии опричнины и «земщины» с системой рекрутирования военачальников в российские вооруженные силы на протяжении всего периода регентства Еле-

¹⁴ За все годы опричнины выходцы из среды «худородных» дворян полками (только полками и никогда — соединениями!) командовали трижды: два раза К. Поливанов и один раз И. Блудов: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 237; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 55, 57.

¹⁵ Володихин Д. М. Не за совесть, а за страх: воеводы князя Владимира Андреевича Старицкого на опричной службе // Историческое обозрение. М., 2010. Вып. 11. С. 14–26.

¹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 261–262; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 72.

ны Глинской и царствования Ивана IV до середины 1560-х гг., автором этих строк были проанализированы сведения воинских разрядов по 124 кратким боевым выходам и значительным кампаниям русских войск с лета 1534 г. по осень 1559 г.¹⁷, а также данные по зимней 1562–1563 гг. наступательной операции под Полоцком.

За период с 1534-го по 1559 г. первыми воеводами большого полка, т. е. командующими крупным самостоятельным полевым соединением представители нетитулованной знати назначались только 5 раз. А это составляет всего лишь 4 % от числа всех назначений — ничтожная цифра и серьезный показатель падения служилого статуса нетитулованной знати. Первыми воеводами не большого, а других полков представители нетитулованной знати за всё это время назначались 104 раза. За этот же период представители титулованной аристократии побывали на аналогичных воеводских постах 315 раз — в 3 раза больше. Иначе говоря, «княжатам» досталось несколько более 75 % подобного рода назначений, а представителям боярских родов — чуть менее 25 %. Однако если взглянуть на период с 1534 по 1546 г., то соотношение будет другим: 33 назначения к 136. Иначе говоря, 19 % и 81 %. Для сравнения: при Иване III, в период с осени 1478 по лето 1505 г., нетитулованная знать занимала места командующих полевыми соединениями в 14 % случаев, а отдельные полки возглавляла в 37 % случаев; при Василии III, с осени 1505 по лето 1533 г.¹⁸, процент нетитулованной знати в высшем командовании русской армии составил по обоим параметрам соответственно 8 % и 25 %¹⁹. Очень хорошо видно: старомосковские боярские рода имеют при Иване III прочные позиции на армейской лестнице чинов. Проще говоря, перед ними открыты просторы для карьеры в вооруженных силах. Их влияние постепенно снижается, но резкое его падение происходит лишь в 1530–1540-х гг.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 2. С. 244–246, 249–255, 257, 260–261, 263–266, 273–281, 283–285, 287, 289–291, 294–296, 298–300, 302–305, 307, 310–311, 313–318, 321, 328–335, 342–345, 348–351, 353–363, 365–366, 382–383, 385, 387–388, 392–393, 395, 398, 402–404; М., 1978. Т. I. Ч. 3. С. 410, 412–413, 418–419, 426, 441–444, 448, 452–454, 461, 463, 467–468, 475–476, 491, 495–496, 501–502, 504, 506, 508; Т. II. Ч. 2. С. 4, 6–7, 17–19, 24–28, 32–34, 38, 39–40, 45–47, 56–57, 59–61.

¹⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. 1. С. 21–22, 27–31, 33–40, 43, 49, 51, 53–72, 74–75, 79, 87.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. 1. С. 88–91, 93–101, 104, 107–108, 114–117, 120–145, 147–167, 169–171, 174–175, 186–188; М., 1977. Т. I. Ч. 2. С. 189–190, 196–198, 204–205, 209–210, 213, 215, 218–223, 227–230, 238, 239.

М. М. Кром собрал данные по пожалованиям в боярский чин периода с конца правления Василия III (1533) до кончины Елены Глинской в 1538 г.: преобладание титулованной знати в списке пожалований незначительно, почти незаметно²⁰. В армии сложилась принципиально иная ситуация. Приведенные выше цифры дают совершенно определенную картину: титулованная знать, особенно та ее часть, которая относится к числу знатнейших родов царства, занимающих верхние позиции в системе местных счетов, абсолютно преобладает.

Положение нетитулованной знати в армии несколько улучшилось с 1547 г., вероятно, в связи с браком Ивана IV на Анастасии Захарьиной-Юрьевой, происходившей из старомосковского боярского рода. М. М. Кром считает, что к концу 1548 г. «в Думе установился своего рода баланс между старинной ростово-суздальской знатью..., потомками литовских княжат... и старомосковским боярством... Так создавалась основа для консолидации придворной элиты»²¹. Но в армии положение старомосковского боярства улучшилось лишь незначительно; вряд ли социальные амбиции его представителей были удовлетворены. Возврата к временам Ивана III не произошло.

Зимой 1562–1563 гг. русская армия проводила стратегически важную операцию: лучшие силы ее были собраны для осады и взятия Полоцка. Во главе полевого соединения встал сам Иван IV. Поскольку данному походу придавалось особое значение²², в состав командования должны были отрядить наиболее надежных, искусных и опытных воевод.

Воинский разряд полоцкого похода показывает следующее: за вычетом самого царя, кн. В. А. Старицкого и представителей выезжей татарской знати, командные кадры состояли из 22 воевод. Из них три — кн. М. П. Репнин, М. И. Вороной Волинский и Б. И. Сукин — были фактически исключены из местнической системы старшинства, поскольку командовали «нарядом»²³, а служба артиллерийских командиров не сопоставлялась со служ-

²⁰ Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 163–164.

²¹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. С. 352.

²² Александров Д. Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 88, 90; Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 322.

²³ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатий. М., 2004. Вып. 10. С. 128.

бой командиров полковых. Командование ертаулом также не могло сопоставляться с командованием полками, поскольку ертаул был явно «честию ниже» всех полков. Во главе ертаула в Полоцком походе стоял кн. А. П. Телятевский, вторым воеводой ему дали И. А. Бутурлина²⁴.

Что же касается прочих воеводских назначений, то они имели довольно четкую сетку старшинства по службе и по «чести», заданную «Приговором» о полковых воеводах 1550 г.²⁵

Первым воеводой большого полка числился кн. И. Д. Бельский, знатнейший Гедиминович (его следовало бы считать командующим полевым соединением, если бы старшинство его должности не становилось формальным в присутствии самого царя), а вторым воеводой ему назначили кн. П. И. Шуйского, знатнейшего Рюриковича²⁶.

Вот список первых воевод прочих полков: кн. И. Ф. Мстиславский, кн. В. М. Глинский, кн. И. И. Пронский, кн. П. М. Щенятев²⁷. Все — титулованные служилые аристократы самого высокого уровня знатности. Ни одного представителя старых московских боярских родов. Выходцам из этой среды достались менее значительные места третьих (!) воевод в некоторых полках и лишь в одном случае — второго воеводы (передовой полк, воевода И. В. Шереметев Большой)²⁸. Казалось бы, эта ситуация хотя бы отчасти компенсируется тем, что первым «дворовым воеводой», т. е. командиром «государева двора», поставлен боярин Иван Петрович Яковля²⁹. Но «государев двор», или, иначе, «государев полк», не получил в воинской иерархии середины XVI в. четкого статуса ни по служебному старшинству, ни по «старшинству чести». Так что общую картину абсолютного преобладания высшей титулованной знати в армейском командовании это назначение смягчает лишь в очень малой степени.

К середине 1560-х гг., таким образом, положение представителей боярских родов в военной иерархии оставалось стесненным. И поколение выходцев из этой среды, которые начали делать карьеру в 1520 — 1540-х гг., условно говоря, «поколение Алексея Даниловича Плещеева-Басманова», видело, сколь резко ухуд-

²⁴ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода. С. 128.

²⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 29–30.

²⁶ Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода. С. 125–126.

²⁷ Там же. С. 126–128.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Там же. С. 129.

шился его служилый статус по сравнению с временами Ивана III и Василия III. Быстрое и весьма болезненное сокращение возможностей выйти на главные командные посты в армии должно было вызвать недовольство; по всей видимости, оно стало источником серьезной социальной напряженности внутри военно-служилого класса.

Ранняя опричнина создала условия для «реванша» нетитулованной аристократии на армейской службе.

Но этот поворот в кадровой политике коснулся не только опричнины. Если проследить по разрядам за 7076–7079 (1567–1571) гг., т. е. за период расцвета опричной военной системы, кого ставили на главные воеводские посты в «земщине», то и здесь станут очевидными радикальные изменения в комплектовании армейского командования по сравнению с доопричным временем.

В этот период земская армия осуществила 14 боевых выходов, в рамках которых формировались соединения от трех полков и более³⁰. В четырех операциях земские воинские соединения действовали под командой представителей нетитулованной знати — В. А. Бутурлина, И. П. Хирона Яковлева, И. В. Меньшого Шереметева и М. Я. Морозова. Особенно велико значение боярина И. П. Хирона Яковлева: за это время его ставят на высокие воеводские посты пять раз. Всё это представители родовитой боярской аристократии. Выходцы из названной среды, таким образом, назначались на высшие командные должности в 29 % случаев. Что же касается первых воевод в отдельных полках (не считая большого полка, первый воевода которого считался командующим всем соединением), то и по этому параметру боярская знать заняла твердые позиции: 12 назначений из 39, т. е. порядка 30 %. Если же присовокупить к этим цифрам число назначений на пост второго воеводы большого полка (он приравнивался к первым воеводам других полков по служебному старшинству), то представительство нетитулованных боярских родов в высшем командовании «земской» армии возрастет до 35 %.

Такого в русской армии не было весьма долго. Фактически, в «земщине» произошел возврат более чем на 60 лет назад —

³⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 230–231, 234, 235, 238, 239, 240, 247–248, 261, 277, 282–283: Движение «с Невля на Полоцк» в 7076 (1567/1568) г., выход «к Вязьме... для литовских людей» в 7076 (1567/1568) г., операции под Уллой и Изборском зимой 1568–1569 гг., а также 10 выходов на «береговую службу» и против появившихся в южных регионах татарских отрядов в 7076–7079 (1567–1571) гг.

к порядкам периода правления Ивана III. Следует также обратить внимание на еще один впечатляющий факт: в «земщине» представители нетитулованной знати, т. е. в основном выходцы из старинных московских боярских родов, получили на армейской службе положение, сравнимое с тем, какое занимали представители их среды в опричнине.

В итоге напрашивается вывод: взлет, которого добились Плещеевы, Колычевы-Умные и другие древние боярские семейства в опричнине, сказался также на положении московской нетитулованной знати и в «земщине». Предположительно, титулованная российская аристократия (и в первую очередь ее «сливки» — «княжата») должна была потесниться на своих позициях в армейском командовании. Очевидно, расширяя канал для возвышения старомосковских боярских родов на воинской службе, верхушка титулованной знати добивалась консолидации «земщины» перед лицом того наступления, которое в опричные годы вел на права служилой аристократии Иван IV.

Старинные московские боярские семейства находились в близких отношениях с правящей династией благодаря тому, что служили ей на протяжении многих поколений. В период конфронтации Ивана IV с «княжатами» эта социальная среда могла предоставить монарху важный политический ресурс: возможность заменить своими представителями выходцев из высшей княжеской аристократии на ключевых управленческих постах, в том числе и в армии. Подобные амбиции у старого боярства были, почва для конфликта с «княжатами» (главным образом, оказавшимися на службе у московских государей относительно недавно) также имелась. Таким образом, накануне опричнины и в опричное время на действия Ивана IV оказывал влияние серьезный социальный фактор: наличие мощной опоры в виде значительного сегмента служилой русской аристократии.

Названный фактор действовал до 1570 г. Затем монарх, после Новгородского «изменного дела» разочаровался в самой возможности опираться преимущественно на эту социальную среду. Ключевые фигуры опричнины, в том числе и клан Плещеевых, как минимум, не поддержали план карательной экспедиции на земли Северной Руси, если только не сопротивлялись ему открыто. Это было воспринято как нелояльность. Как уже говорилось, на протяжении последних лет опричнины значение старых боярских семейств в опричнине упало (в том числе и в опричной армии). Гораздо больше надежности обеспечивали командные

кадры, назначаемые из числа второстепенных княжеских родов. Это прежде всего князья Телятевские, Хворостинины, Гвоздевы-Примковы, кн. И. П. Охлябинин, кн. В. А. Сицкий. «Выдвиженцы» из числа не столь знатных дворян использовались на крупных воеводских постах относительно редко и не сыграли сколько-нибудь значительной роли. Часто назначались на воеводские посты лишь царский фаворит К. Д. Поливанов, а также М. А. Безнин-Нащокин и И. Б. Блудов — видимо, в силу выдающихся тактических способностей.

С расформированием опричной военной системы в 1571 г. и отменой опричнины в целом в 1572 г. встал вопрос о новой кадровой политике по отношению к воеводскому корпусу. Следует повторить и подчеркнуть: фактор особых надежд монарха на старомосковскую боярскую среду перестал «работать». Она уже не выглядела в его глазах надежным кадровым ресурсом, позволяющим обойтись без «княжат». И лишь опасения высших родов княжеской аристократии насчет того, что в будущем царь вновь может сделать ставку на московскую нетитулованную знать, теоретически могли избавить эту группу в составе правящего класса от новой утраты служебных перспектив — как в 1530–1540-х гг.

Разрядные записи за 1571–1584 гг. (до кончины Ивана IV), а также ряд летописных известий позволяют составить четкое представление об этой новой кадровой политике³¹.

В названный период прошла 101 войсковая операция (походов, осад крепостей, выходов на оборонительные позиции, случаев сосредоточения на границах), совершенная полевыми соединениями в составе от 2 до 7 полков. Из них в двух случаях армию возглавлял сам Иван IV (новгородские походы зимы 1571–1572 гг. и весны 1572 г.) — в разрядной записи нет упоминания воевод большого полка, более того, в месте, где должны быть перечислены воеводы, прямо говорится следующее: «В большом полку —

³¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 291–294, 305, 308, 314–317, 320, 325, 335–337, 339, 342, 345, 347, 357–359, 362, 364–365, 368, 370–372, 377, 379–380, 382, 384, 391, 393, 404–406, 415–416, 422–423, 435–436; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 3. С. 444–445; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. 1. С. 24–25, 28, 29–30, 32–35, 53–62, 75, 77, 86–87, 90, 119, 121–125, 132–134, 136–137, С. 149–150, 152–154, 168, 176, 179–180, 183, 185, 188–189, 199, 205–209, 212–213, 215–218, 221–222, 224–226, 230; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. III. Ч. 2. С. 3–6, 18–20, 25–27; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 184; Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 227.

царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси»³². В остальных 96 походах главное командование должно было находиться в руках у первого воеводы большого полка.

Представители титулованной знати получали посты «командармов», т. е. первых воевод большого полка, в 80 случаях (80,8 %). Первыми воеводами в остальных полках они бывали в 183 случаях (62,9 % от всех назначений). Иными словами, «княжата» заметно улучшили свои позиции в армии по сравнению с периодом опричнины. Фактически они вновь доминируют на высших командных постах. Но это уже далеко не то абсолютное господство, которым пользовались титулованная служилая аристократия в период «боярского царства» 1530-х — 1540-х гг.

Ключевые посты в русской армии 1570-х — первой половины 1580-х гг. чаще всего занимают именно «княжата». Среди них выделяются рода Булгаковых-Голицыных (в первую очередь, В. Ю. и И. Ю. Булгаковы-Голицыны), Трубецких (Ф. М. Трубецкой, Т. Р. Трубецкой), Воротынских (М. И. Воротынский до казни в 1573 г. и затем — И. М. Воротынский), Одоевских (Н. Р. Одоевский до казни в 1573 г., а затем М. Н. Одоевский), Мстиславских (И. Ф. Мстиславский и его сын Ф. И. Мстиславский), в какой-то степени Шуйских (прежде всего, А. М. и И. П. Шуйские); на ключевых воеводских должностях часто оказываются С. Д. Пронский, М. П. Катырев-Ростовский, А. П. Хованский. Поразительно высокое место в армейской иерархии занимают «княжата»-Гедиминовичи. И это еще после того, как извелся род князей Бельских, глава которого, кн. И. Д. Бельский (знатнейший Гедиминович), до своей гибели в 1571 г. занимал лидирующее место в списке полководцев Московского государства! Весьма прочные позиции — у князей Хворостининых. Однако они ходят в полковых воеводах, а командование полевыми соединениями в этот период им не доверяют, хотя прежде «военная звезда» XVI столетия кн. Д. И. Хворостинин возглавлял небольшие армии³³, — сказывается невысокий уровень знатности этого семейства.

Нетитулованная знать, а именно выходцы из боярских родов, выдвигалась на должности «главнокомандующих» (первых

³² Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 81. Фактически старшинство среди воевод в обоих случаях имел кн. Ф. М. Трубецкой — первый «дворовый воевода».

³³ Так, вскоре после завоевания Полоцка кн. Д. И. Хворостинин возглавил небольшое самостоятельное соединение — корпус поддержки, отправленный к городу, которому угрожало нападение польско-литовских войск: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 163.

воевод большого полка) 12 раз (12,1 %), а на должности первых воевод других полков — 76 раз (26,1 % от всех назначений). Конечно, по сравнению со второй половиной 1560-х гг. это значительно более низкий результат. Но он представляет собой результат своего рода социального компромисса и обеспечивает все же для представителей данной социальной группы хорошие возможности для карьерного возвышения в армии. По первой позиции произошел возврат почти что к временам Ивана III, по второй — получен результат несколько более выгодный для старомосковского боярства, чем это было при Василии III. Иными словами, опричные годы хотя и не позволили московскому боярству обойти на поприще военной службы титулованную знать, но все-таки остановили ослабление его позиций в армейском командовании и стабилизировали возможности карьерного продвижения для его представителей на приемлемом уровне.

Из старинных боярских родов на протяжении всего постопричного периода наиболее прочные позиции у Бутурлиных. Выходцы из этого семейства постоянно назначаются на должности полковых воевод, а время от времени возглавляют полевые соединения. Высоко стоят также Морозовы и Колычевы. Постоянно назначается полковым воеводой В. В. Головин.

Важно отметить еще один социальный результат опричнины: ключевые посты в войсках гораздо чаще стали занимать персоны, не имеющие отношения к русской служилой аристократии.

Это, во-первых, представители выезджей татарской, ногайской, северо-кавказской знати (Черкасские, Шейдяковы, Тюменские и т. п.). Если прежде во главе войск довольно редко ставили номинального командующего из служилых татарских «царей» или «царевичей», то со времен опричнины это стало обычным делом, а в послеопричные годы выходцы из этой социальной среды стали регулярно получать должности «государевых воевод» (соответственно, 6,1 % и 8,6 % по названным позициям).

И, во-вторых, не прошел даром опыт назначения в годы опричнины на высокие воеводские должности представителей дворянства, т. е. неродовитой части военно-служилого класса. Их по-прежнему немного, зато воеводские чины они получают не в сравнительно небольшой опричной, а в единой русской армии. Так, пост первого воеводы в походе «по ногайским вестям» на Каму получает дворянин Н. Чепчугов-Клементьев³⁴,

³⁴ Володихин Д. М. Казус Чепчугова // Родина. М., 2008. № 6. С. 48–53.

5 или 7 раз (источники дают противоречивые сведения³⁵) в роли полковых воевод оказываются другие дворяне (2,4 %). Чаще всего это даровитый «выдвиженец» государев М. А. Безнин-Нашокин.

Итак, на протяжении периода, превышающего столетие, — с последней четверти XV в. по 1584 год, когда скончался Иван IV, — командование вооруженных сил формировалось почти исключительно из представителей русской служилой аристократии. Ключевые воинские посты занимают, главным образом, представители двух социальных групп — старомосковского боярства, т. е. нетитулованной знати, связанной с московскими государями традициями долгой родовой службы, а также «княжат», — главным образом, пришлого элемента, относительно недавно оказавшегося на московской службе, утратив прежнее независимое или почти независимое положение.

В первой трети XVI в. позиции титулованной аристократии в воинском командовании постепенно укрепляются, а в 1530–1540-х гг. «княжата» добиваются полного доминирования в русской воинской иерархии. Положение нетитулованной знати резко ухудшается. Уровень, на котором оно стабилизируется в период с конца 1540-х по середину 1560-х гг., видимо, не удовлетворяет древнее московское боярство.

Оно выступает в качестве главной опоры Ивана IV при учреждении опричнины и в первые годы ее существования. Вся вторая половина 1560-х гг. проходит под знаком «боярского реванша» над высшими родами «княжья». Выходцы из нетитулованной знати обретают господствующее положение в опричной армии (главным образом, представители семейства Плещеевых). Кроме того, видимо, под влиянием опричных порядков, княжеская аристократия делает представителям московского боярства значительные уступки и в земской армии: здесь они получают значительно более широкие возможности карьерного продвижения, нежели это было до опричнины.

Однако в 1570 г. происходит падение старых лидеров опричнины, в том числе и доминирующего в опричной военной иерархии семейства Плещеевых. По всей видимости, Иван IV испытыва-

³⁵ Весной 1576 г., во время похода к Калуге, «судовой рати» дворяне И. Р. Писарев и И. Н. Мясной поставлены вроде бы на воеводские посты, но названы «головами», что считалось в русской армии менее высоким чином (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. С. 405–406).

ет разочарование в возможностях боярской среды служить ему в качестве неисчерпаемого резерва высококлассных администраторов и воевод, которые были бы покорными исполнителями его воли. В опричнине появляются полководцы из числа высших родов титулованной аристократии.

С самого начала опричнины видно, что значительное количество военачальников рекрутируется в опричнину из второстепенных княжеских семейств.

На протяжении всего периода существования опричнины воеводские посты в ней получают неродовитые выходцы из дворянства, не имеющего отношения к аристократическим родам. Однако их количество невелико, а командование самостоятельными полевыми соединениями опричной армией им не доверили ни разу.

После расформирования опричной системы вчерашние опричные полководцы вливаются в единую русскую армию.

В послеопричный период складывается новый курс кадровой политики в отношении воинского командования. Соперничество между титулованной и нетитулованной знатью заканчивается компромиссом, в рамках которого «княжата» сохраняют преобладающее положение, но старомосковскому боярству открывается более широкий доступ к наиболее важным постам в армии. Представители второстепенных княжеских родов, игравших важную роль в опричной армии, сохраняют свое положение и в армии общегосударственной. Монарх продолжает назначать на воеводские посты выходцев из «худородного» дворянства, хотя количество подобных назначений остается незначительным. Кроме того, в командовании полевыми соединениями России несколько большее значение начинает играть «выезжая» татарская, ногайская, северокавказская знать.

В результате «передел» армейской иерархии на приемлемые «сферы влияния» создал надлежащие условия для консолидации правящего класса России.

И. В. ДУБРОВСКИЙ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РОССИИ
ИВАНА ГРОЗНОГО

Поиск новых исторических источников — одна из главных задач историков. До революции 1917 года многие русские историки работали в зарубежных архивах и смогли существенно расширить источниковую базу по истории России. Прежде всего, как известно, это касается материалов XVI и XVII веков. В некоторых случаях западные архивы оказываются главным источником информации о важнейших событиях внутренней истории России. Примером может служить история опричнины, известная нам фактически в основном со слов иностранцев.

В наши дни снова есть возможность ездить в Европу и собирать архивные материалы, однако специалисты по русской истории пользуются ею явно недостаточно. Возможно, кто-то думает, что главные источники открыты и введены в научный оборот; мне доводилось слышать такое мнение. Возможно также, отпугивают трудности архивной работы: языки, палеография, а еще скорее — отсутствие проторенных троп, чужих примеров перед глазами. В целом, по-видимому, существует мнение, что наладить такую работу довольно сложно, в том числе в силу материальных причин, а отдача не гарантирована.

Мне хочется с этим поспорить. За последние полтора года мне удалось поработать примерно в тридцати архивах нескольких европейских стран. Моей целью был поиск материалов по истории России и ее отношений со странами Западной Европы при Иване Грозном. Среди специалистов по истории России XVI века я по-

ка человек новый. Это подразумевает недостаток квалификации, который я осознаю. Но я также никогда не занимался западноевропейским XVI веком и вообще никогда до сих пор не работал в архивах. Мне оставалось учиться всему по ходу дела, и это оказалось возможным. Чтение документов и есть единственная возможность учиться палеографии. Половину потраченных средств мне удалось возместить за счет научных грантов, полученных, правда, совсем под другие проекты. Как ни странно, когда возникает потребность, деньги находятся. Результаты моих поисков превзошли все ожидания.

Правильная форма работы историка — это книга. Здесь механизм прост. Написание книги отнимает у опыта его протяженность: книга заставляет связать вещи, увиденные по отдельности, и только так опыт может чему-то научить. Это работа, которую нельзя проделать в уме и результат которой нельзя узнать заранее. Пока я могу поделиться только первыми впечатлениями от источников.

* * *

Я делаю две работы, которые в данном случае, по-моему, удачно дополняют одна другую: вместе они показывают, на что могут быть нацелены поиски. Одна моя работа — новое издание латинских текстов Альберта Шлихтинга. Шлихтинг — важнейший автор, описывающий опричнину. До сих пор считалось, что его основное сочинение «О нравах и жестоком правлении тирана Московии Василия» (так называемая «Brevis enarratio») сохранилось в одной рукописи, которая находится в Секретном Архиве Ватикана¹. Первое краткое сообщение Шлихтинга известно историкам в немецком переводе по рукописи, найденной в Вене². Наконец, существует немецкий перевод Brevis enarratio, который хранится в Мюнхене. Мне удалось найти и обработать девять латинских рукописей Шлихтинга. Шесть из них содержат известный текст «De moribus et imperandi crudelitate Basilii Moschoviae tyranni brevis enarratio»:

¹ Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер., ред. и примеч. А. И. Малеина. Л., 1934. 4-е изд., вышедшее в 1935 году, кроме перевода включает также публикацию латинского текста.

² Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de principis Iwani vita et tyrannide // Scriptores rerum Polonicarum. T. I. Cracoviae, 1872, p. 145–147.

- A* = Рим, Archivio Segreto Vaticano. Miscellanea, Armadio II, Ms. 69, f. 17–39.
- B* = Рим, Biblioteca Apostolica Vaticana. Ottoboniani Latini, Ms. 2416, f. 558–578v.
- C* = Рим, Biblioteca Angelica. Ms. 154, f. 1–17.
- D* = Падуя, Biblioteca del Seminario vescovile di Padova, Ms. 189, f. 2–16v.
- E* = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 833 (615), f. 43–66.
- F* = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 834 (616), f. 47–63v.

Еще три — неизвестную новую редакцию текста, озаглавленную «*Narratio de moribus et imperandi crudelitate Basili Moscoviae magni ducis in anno 1569 usque ad 1570 partim*»:

- G* = Милан, Biblioteca Ambrosiana, Ms. Z 145 sup., f. 317–370.
- H* = Мантуя, Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 562, fascicolo 2.
- I* = Нью-Хейвен, Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Ms. 960, f. 1–11v.

Наконец, семь рукописей из девяти включают в виде приложения неизвестный латинский вариант первого небольшого сочинения Шлихтинга, которое историки знают в немецком переводе. Он называется в моих рукописях «*De his quae nunc in Moschovia agantur anno Domini 1570 1 Octobris*»:

- b* = Рим, Biblioteca Apostolica Vaticana. Ottoboniani Latini, Ms. 2416, f. 579–582v
- c* = Рим, Biblioteca Angelica, Ms. 154, f. 17–19v.
- d* = Падуя, Biblioteca del Seminario vescovile, Ms. 189, f. 17–19v.
- e* = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 833 (615), f. 67–70v.
- f* = Валансьен, Bibliothèque municipale de Valenciennes, Ms. 834 (616), f. 63–65v.
- g* = Милан, Biblioteca Ambrosiana, Ms. Z 145 sup., f. 371–389.
- i* = Нью-Хейвен, Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Ms. 960, f. 12–16.

Рукопись А, хранящаяся в Секретном Архиве Ватикана, была открыта П. Пирлингом. Она находится в бумагах Винченцо даль Портико, бывшего папского нунция в Польше. Иероним Граля считает, что первой редакцией сочинения, которое мы знаем в латинской версии «Brevis enarratio», являлся сохранившийся польский текст «Sprawa wielkiego kniazia Moskiewskiego, Roku 1571»³. Существует письмо Портико от 19 сентября 1571 года, в котором он сообщает, что посылает в Рим сочинение Шлихтинга, которое он распорядился перевести с польского языка на латынь⁴. Интересная подробность найденного латинского варианта краткого послания Шлихтинга — указанная в заглавии дата сообщения 1 октября 1570 года. Видимо, это дата бегства автора из Москвы. И. Граля также обнаружил письмо подканцлера Великого княжества Литовского Воловича от 23 ноября того же года, где говорится о приезде в Литву «немца Шлихтинга несколько недель тому назад»⁵. Портико узнает о Шлихтинге почти год спустя. Список А — не оригинал, а копия. На это указывают характерные ошибки, отмеченные первым издателем «Brevis enarratio» А. И. Малейным, которые могли появиться только в результате копирования⁶. Очевидно, Портико сделал этот список для себя. Таким образом, благодаря Портико в Риме оказались минимум два списка.

В биографии папы Пия V Джироламо Катены рассказано о том, как папа хотел привлечь правителя Московии к коалиции христианских держав для войны с Турцией и поручил начать переговоры с ним своему нунцию в Польше Портико. Портико посылает в Рим сочинение Шлихтинга, которое открывает папе глаза. Ужаснувшись прочитанному, Пий велит Портико ни в какие переговоры не вступать⁷. Эта интерпретация из книги Катены перешла в работы П. Пирлинга, затем была повторена Е. Ф. Шмурло и с тех пор повторяется всеми, кто вспоминает этот эпизод⁸. Здесь можно только развести руками. П. Пирлинг,

³ Grala H. Zur Werk und Person Albert Schlichtings // Bayern und Osteuropa. Aus der Geschichte der Beziehungen Bayerns, Frankens und Schwabens mit Russland, der Ukraine und Weissrussland / hg. H. Beyer-Thoma. Wiesbaden, 2000, S. 132–134.

⁴ Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, T. 2. Roma, 1861, p. 773.

⁵ Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI века. М., 1994. С. 384.

⁶ Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 4.

⁷ Catena G. Vita del gloriosissimo papa Pio quinto. Roma, 1586, p. 185–186.

⁸ Pierling P. Rome et Moscou (1547–1579). Paris, 1883, p. 58–84, 140–144, 147–148; Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. Т. 2, вып. 2. СПб., 1913. С. 227–251.

Е. Ф. Шмурло и другие исследователи прекрасно знают письмо, написанное Винченцо даль Портико в Рим кардиналу Коммендоне 3 октября 1571 года, откуда становится известно об отказе папы от переговоров с правителем Московии. Кажется, это письмо не было прочитано исследователями внимательно. А сказано в нем буквально следующее: «Отвечая на ваши письма от 29 августа и 1 сентября, сообщаю, что я охотно отказываюсь от мысли ехать в Московию. О свирепом нраве, дикости и бесчеловечности этого тирана Его Святейшество сможет узнать из книги, которую я послал 19 сентября» («Alle dui di Vostra Signoria Illustrissima et Reverendissima delli 29 Agosto et primo Settembre in risposta dico che volentieri dismetto li pensieri di andare in Moscovia, et la Sua Santità dal libro mandato alli 19 Settembre cognoscerà veramente la fierezza et barbarie et inhumana natura di quel tiranno»⁹). Совершенно очевидно, что решение прекратить попытки связаться с правителем Московии было принято в Риме до того, как Портико отправил папе Римскому сочинение, известное нам под именем Альберта Шлихтинга.

Точно можно сказать, что папский престол попытался публично представить свой отказ от контактов с царем следствием получения негативной информации о Московии. Но, судя по всему, эта мысль созрела в Риме только в ноябре 1571 года, когда был получен и прочитан Шлихтинг. В письме, датированном 21 ноября, папа Пий V сообщает польскому королю Сигизмунду Августу о том, что он отказывается от переговоров с Иваном Грозным после того, что он о нем узнал («propter ea, quae de illius vita asserimus») ¹⁰. То же объяснение приводится в «Московии» Поссевино, вышедшей в 1586 году. Поссевино также избегает подробностей и не называет имени Шлихтинга: по его словам, папа Пий V сначала поручил своему нунцию в Польше Винченцо даль Портико отправиться в Московию, «но впоследствии, прослышав о жестокости Московита, отвратился от этой мысли» ¹¹.

Джироламо Катена не просто приводит эту версию, а цитирует документ — письмо папы своему нунцию: «Ознакомившись с тем, что вы сообщаете о Московите, мы предписываем вам оставить приготовления к поездке в Московию, даже если польский король ее одобрит и будет ей содействовать, ибо мы не желаем иметь дела с таким ужасным и столь варварским народом» («Нав-

⁹ Theiner A. Op. cit., p. 774.

¹⁰ Письмо опубликовано в кн.: Шмурло Е. Ф. Ук. соч. С. 236.

¹¹ Possevino A. Moscovia. Vilnae, 1586, p. 36–36v.

biam veduto quello, che avisate del Mosco, non curate voi d'andar più in quelle parti, quando anche il re di Polonia lodasse et favorisse l'andata vostra, non volendo noi haver comercio con gente tanto fiera et così barbara»). Проблема в том, что историки такого письма не знают. Зато об авторе биографии папы Пия V их мнение не самое благоприятное. Джироламо Катена склонен преувеличивать успехи и замалчивать неудачи своего героя. Людвиг фон Пастор насчитывает целый ряд мест, где изложение Катены является прямой фальсификацией¹². Очевидно, мы можем пополнить этот список. Какие помехи встали на пути папского нунция, которому было поручено завязать отношения с Иваном Грозным? Таким непреодолимым препятствием явился отказ польского короля Сигизмунда Августа пропустить его в Московию. П. Пирлинг и Е. Ф. Шмурло в своих книгах подробно описывают эту коллизию. Мы приходим к выводу, что сочинение Шлихтинга сыграло ту роль, что помогло папе сохранить лицо.

Есть подробность, объяснить которую трудно. Это название сочинения, в котором правитель Московии назван Василием. Шлихтингу оно принадлежать не может. Нельзя предположить, чтобы Шлихтинг, проживший несколько лет фактически в окружении Ивана Грозного, не знал, что того зовут Иваном. В самом тексте «Brevis enarratio» довольно много личных имен, однако «тиран Московии» остается безымянным. Имя «Василий» применительно к Ивану Грозному появляется во второй итальянской редакции рассказа Шлихтинга, однако ясно, что оно проникает в текст из заглавия. Припиской неизвестного редактора также выглядит предисловие к сочинению, где об авторе говорится в третьем лице и рассказано о том, как именно он попал в Россию и смог собрать важные сведения. В польском тексте «Sprawa wielkiego kniazia Moskiewskiego» этого предисловия нет.

Странное заглавие могло быть дано не в Польше, а в Италии. Информация о правителе Московии до Италии доходила, однако Ивана Грозного практически никогда не называли по имени, а называли «великим герцогом Московии» (не признавая за ним более высокого титула) либо просто «Московитом». Когда имя требовалось узнать, это не всегда получалось. В письме папы Пия V Ивану Грозному от 9 августа 1570 года, опубликованном А. Тейнером по регистрам Ватикана, там, где должно стоять имя адресата, мы видим пропуск: «Dilecto filio nobili viro... Moscovitar-

¹² Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 8. Freiburg im Breisgau, 1920, S. 657–658.

um duci»¹³. Н. П. Лихачев опубликовал оригинал данного письма, где в адресе этого пропуска нет, но нет и имени. Оно адресовано: «Dilecto filio nobili viro, Moschovitarum duci»¹⁴. Итальянские писатели конца XVI века Антонио Чиккарелли и Маркантонио Чаппи называют Ивана Грозного странным именем Grolasilio¹⁵. (Возможно, источник недоразумения — ошибочное прочтение Gio. Basilio.) Время от времени в Италии царя называют Василием (очевидно, по имени его отца Василия III, контакты которого с Римом запомнились благодаря известному сочинению Джовио). Я приведу пример, который мне кажется достаточно красноречивым. Речь идет о неопубликованном «Собрании анекдотов» Камилло Капилупи: упоминая Ивана Грозного, автор сначала оставляет пустое место для его имени, которого он не знает, но надеется выяснить, а затем вписывает имя «Василий»¹⁶.

Что представляют собой два неизвестных текста? Вторая редакция сочинения Шлихтинга, видимо, возникла на севере Италии. Новых данных по русской истории она не содержит. Любопытно заметить, что редактор текста допускает ту же ошибку, что и автор немецкого перевода: вместо фразы «вернувшись из Великих Лук» («reversus ex Magnis Lucis») мы читаем «вернувшись из великих лесов» («reversus ex magnis nemoribus»); в немецком тексте — «вернувшись с охоты» («als er vom geiaidt wider haim kommen»). Нетрудно догадаться, что в обоих случаях название русского города Луки прочитано как латинское слово «lucus»¹⁷. Вместе с тем текст может быть интересен с точки зрения истории распространения информации о Московии.

Особняком среди списков Шлихтинга стоит рукопись из Мантуи, хранящаяся в Архиве Гонзага. По форме это обычное письмо того времени: лист бумаги, сложенный вчетверо, образует восемь страниц; семь из них заполняются текстом, восьмая

¹³ Theiner A. Op. cit., p. 748.

¹⁴ Лихачев Н. П. Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве. СПб., 1906. Фотография на С. 29.

¹⁵ Ciccarelli A. Le vite de Pontefici. Roma, 1587, f. 272v. (2-е изд. 1588); Ciappi M. A. Compendio delle heroiche e gloriose attioni e santa vita di Papa Gregorio XIII. Roma, 1591, p. 57 sq. (2-е изд. 1596).

¹⁶ Capilupi C. Raccolta di aneddoti riferentisi a papi, sovrani, ambasciatori e altre personalità. Biblioteca Nazionale Centrale di Roma, Fondo Vittorio Emanuele, ms. 1009, f. 164.

¹⁷ На любопытную ошибку в немецком переводе обращает внимание И. Д. Горшков. См.: Горшков И. Д. Немецкий список «Сказания» Альберта Шлихтинга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2004. № 2 (16). С. 45.

служит обложкой конверта, где пишется адрес. В данном случае вместо адреса указано только название сочинения. На семи страницах мантуанского списка поместилось меньше половины «*Brevis enarratio*», сокращенной более чем в два раза. Повествование обрывается, когда заканчивается свободное место. Похоже, текст приспособляется к определенным каналам передачи политической информации и нуждам, которые они обслуживают. Действительно, в таком виде он напоминает *avvisi* (буквально: «новости», «известия»), рукописные газеты с изложением политических новостей, которые получают широкое распространение в этот период. Рукописные «новости» изначально и были письмами без адресата, адресованными всем.

Состав двух других списков, которые я отнес ко второй редакции, следующий: первая половина сочинения Шлихтинга (около 34 тысяч печатных знаков) дана в них в сокращенной версии письма из Архива Гонзага, что составляет около 15 тысяч знаков; далее следует пропуск (по тексту «*Brevis enarratio*» это примерно 19 тысяч знаков); затем без всякой редакции и сокращений переписана заключительная часть сочинения объемом около 21 тысячи печатных знаков. Заодно переписывается приложение — первый краткий рассказ Шлихтинга. При соединении частей вышел казус. Первая часть оканчивается информацией о приезде в Москву польских послов. Вторая начинается с рассказа о застолье Ивана Грозного, на которое приглашены князья Щербатый и Барятинский, вернувшиеся из польского плена. По-видимому, невнимательный переписчик решил, что речь идет об одних и тех же людях. Интересно заметить, что даже эта редакция не коснулась рассказа о московском еретике Федоре (или Матвее?) Башкине, который показан как последователь лютеранства и жертва религиозных гонений, увиденных глазами протестанта. Католики копируют это место с равнодушием.

Первое краткое сообщение Шлихтинга о последних событиях в Московии, написанное по горячим следам, дано в виде приложения ко всем спискам обеих редакций, за исключением той самой рукописи, которую историки царствования Ивана Грозного знали до сих пор, а также списка из Архива Гонзага.

Известный немецкий вариант данного сочинения может являться переводом найденного латинского текста. Теоретически можно допустить и то, что оба текста — переводы с третьего языка: польского. Против этого предположения, кажется, говорит тот факт, что немецкий текст имеет латинское заглавие. Тем не менее стоит остановиться на одной подробности. Немецкий

текст содержит много слов, которые, вероятно, воспринимаются автором как сугубо русские: «князь», «рубль», «деньги», «квас», «гонец», «опричники». Транскрипции даны следующие: «knäs», «rubel», «dziengen», «boiarowie», «kwassietz», «gonietz», «oprziczney». Нетрудно заметить, что некоторые формы и написания этих слов явно напоминают польский язык. Не везде в немецком тексте эти слова возникают к месту. Так, слово «гонец», которое, конечно, является русским и польским одновременно, относится к посланцу шведского короля. В найденном латинском варианте приведенных слов нет. Либо автор немецкого текста не всегда умело пользуется своей образованностью, либо переводит не латинский, а польский текст. В одном месте сочинения упоминается русский напиток «мед». Снова можно заметить, что слово «мед» в русском и польском языках звучит одинаково. Немецкий автор дает перевод: «honig»; латинский текст — транскрипцию: «med-» (в аблативе «medone»). Если мы будем держаться мнения, что немецкий текст — перевод с латинского, то тогда должны признать, что немецкий автор заменяет русские слова переводом там, где они есть, и вставляет туда, где их нет.

Сравнение текстов позволяет сделать следующие выводы. Немецкий автор часто передает информацию в довольно свободной манере. У него несколько изменен порядок изложения. Некоторые места даны в сокращениях. Наконец, целые куски текста вообще опущены. Видимо, такая опущенная информация расценивается составителем немецкого текста как недостаточно важная для его адресата либо как потерявшая важность. Сокращению подвергся довольно обстоятельный рассказ латинского текста о сторонниках герцога Магнуса, ставленника Ивана Грозного в Ливонии, готовившихся сдать ему Пернов и Ригу в том случае, если первым сдастся Ревель. О Риге сказано красочно: «девушка созрела», «*similis est virgini nubili seu maturae*». Другое место, опущенное в немецком тексте, — история выкупа из московского плена литовского князя Сергея Лукомского. Таких новых подробностей, в конечном счете, не так много, но они есть и, вероятно, будут интересны специалистам. В то же время надо отметить, что некоторые сведения немецкого автора в латинской версии отсутствуют. Так, оказывается, что известное сообщение о численности опричного полка Ивана Грозного («*Oprzitzne, derer helt der Moskowitter bei acht hundert*») есть только в немецкой версии сочинения Шлихтинга.

Кроме того, немецкий перевод не содержит ряда ошибок латинского текста. Так, один из послов, отправленных Иваном

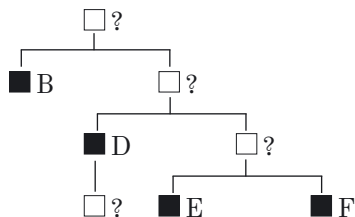
Грозным в 1571 году в Польшу, И. М. Канбаров в найденных списках ошибочно представлен как два лица: «Iwan Kambarow et Tartarus Kozanensis baptizatus»; немецкий текст в этом месте точнее: «Knäs Iwan Kamburof, welcher ein getauffter Tater aus dem Kenigreich Casan ist». По сообщению немецкого автора, осенью 1570 года в зачумленной Москве царем были оставлены начальниками казначей Василий Масальский и печатник Борис Сукин: «Die itzigen obristen Regenten in der Mosk sind diese: Knäs Wassilliei Masalsky Schatzmeister vnd Boris Sukin, sein gesellen: der Moskowitter itzt alle empter mit zweien personen besetzt hat». В латинском тексте неудачно поставленный сочинительный союз делает казначеем Бориса, который к тому же оказывается коллегой второго казначея Сукина: «Praefecti civitatis Moschae sunt hi: Basilius Masalski ac vicethesaurarius eiusdem Borisz cum Sukino suo collega. Duo enim hoc tempore habentur vicethesaurarii».

Немецкий перевод озаглавлен: «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана» («Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de principis Iwani vita et tyrannide»). Латинский текст называется иначе: «О последних событиях в Московии, 1 октября 1570 года» («De his quae nunc in Moschovia agantur anno Domini 1570 1 Octobris»; «agantur» читается во всех семи списках: либо нам следует исправить «agantur» на «aguntur», либо, возможно, понимать название так: «Что говорят о последних событиях в Московии»). Между прочим, он тоже напоминает рукописную газету. Действительно, в заголовках наиболее распространенной формы *avvisi* указываются только место и точная дата сообщения, но предмет, тема никак специально не оговариваются. Согласимся, что это странный заголовок для любого текста, кроме письма или газеты; иметь такое название все равно что не иметь никакого. По-видимому, краткое сообщение Шлихтинга вначале циркулировало в форме самостоятельного рукописного «известия».

Найти этому прямое доказательство пока не получается. Старые «новости» сохраняли редко. Дошедшие до нас коллекции *avvisi* были исключением. Но и архивисты к таким текстам бывают невнимательны. Все найденные списки большого сочинения Шлихтинга, кроме текста из Архива Гонзага, так или иначе описаны (в каталогах архивов и библиотек, где они находятся, либо в старых библиографических работах). Эти описания могут быть неточными, однако специалист всегда догадается, о чем идет речь. Напротив, из семи копий краткого послания в каталогах описана лишь одна. Такой текст оказывается иголкой в стоге

сена. Иными словами, мы можем знать одну сторону бытования рассказов Шлихтинга и совсем не знать другую.

Важным источником сведений может стать анализ разночтений. Прежде всего быстро становится понятным, что наши девять рукописей представляют собой разрозненные фрагменты рукописной традиции. Я не знаю ни одной рукописи, о которой можно было бы уверенно сказать, что она переписана с другой известной мне рукописи, и только в одном случае ясно, что две копии сделаны с одной и той же рукописи. Это списки Е и F, хранящиеся в Муниципальной библиотеке города Валансьена. Ближе всего текстологически к рукописям из Валансьена стоит рукопись D, которая в настоящее время хранится в Библиотеке Падуанской епископской семинарии. То, что с этого списка делалась копия, известно доподлинно: внизу страниц примерно до середины рукописи (р. 2–11) мы встречаем итальянскую пометку «trascritto» («переписано»). Это наверняка пометки переписчика, которые он делал для себя. Тем не менее анализ разночтений убеждает в том, что падуанская рукопись или снятые с нее копии не могут быть прямым источником неизвестного протографа рукописей из Валансьена: в ряде мест рукописи Е и F повторяют написания D, в других случаях они отличаются от D, давая, однако, написания, известные по рукописям из Рима; чаще всего это рукопись В (Codices Ottoboniani Ватиканской библиотеки). Следовательно, D и протограф Е и F должны быть связаны не напрямую, а через еще один общий протограф. Так же опосредованно, а не напрямую связаны D и В. Копия D в основном повторяет разночтения, зафиксированные в копии В, однако в отдельных случаях обнаруживает преемственность с другими римскими рукописями — А и С. Наконец, есть разночтения, общие для D, Е и F, которые есть только там. Отношение четырех рукописей В, D, Е и F можно представить следующим образом:

Родство рукописей В, D, Е и F наиболее явственное. Оно прослеживается в сотнях разночтений. Так вырисовывается

путь распространения текста из Рима на север Италии и оттуда в Южные Нидерланды.

Другую отдельную группу составляют рукописи второй редакции, но она выделяется не на основе их сходств, а на основе отличий от других. Список Гонзага содержит такие ошибки и пропуски, которые исключают его роль протографа для двух других рукописей. Это любопытно и значит, что такой список был не один. Рассказ Шлихтинга в форме *avviso* тиражировался. В копии из миланской библиотеки Ambrosiana место, где заканчивается текст из Архива Гонзага, отмечено переписчиком двумя чертами на полях. В рукописи, оказавшейся в библиотеке Йельского университета, место соединения частей не отмечено никак; вторая часть даже не начинается с нового абзаца. Тем не менее лучшим списком, наименее испорченным в рукописной традиции, кажется копия из Йеля. Прямой связи между тремя списками не прослеживается. Это только разрозненные следы традиции, масштабы которой для нас не ясны.

С какими списками теснее всего связан немецкий перевод «Brevis enarratio»? Он хранится в Баварском Государственном Архиве и, очевидно, принадлежал герцогу Баварскому Альбрехту V. Немецкое название точно повторяет известное нам название латинского текста: «Eine kurze Erzählung von des Mostkowitischen Tyrannen Basilij Sitten und grausamen tyrannischem Regiment»¹⁸. Сопоставление написаний личных имен и топонимов в латинском и немецком текстах показывает, что немецкий перевод находится в наиболее близком родстве с римской рукописью А, которая хранится в Секретном Архиве Ватикана.

Совпадений много, и их можно увидеть даже там, где на первый взгляд их нет. Обычные затруднения всех переписчиков возникают в связи с написанием редких букв «w» и «k». В латинском языке они встречаются в основном в именах собственных. Так, одно из написаний буквы «w» в незнакомом слове, которым является личное имя, можно прочесть как «ro». Такие ошибки, в частности, есть в разночтениях латинских текстов Шлихтинга. Потому немецкие написания «Oroczina», «Sircoroa», «Stabroroski» можно считать точным повторением написаний «Owczina», «Sircowa», «Stabrowski» латинского списка А. То же касается транскрипций «Horinstej» («Horinski»), «Sziczley» («Sziczki») и т. д. Еще одно сходство мюнхенской ру-

¹⁸ Bayerisches Hauptstaatsarchiv, Kurbayern Äußeres Archiv, Bd. 4424, f. 1–37v.

кописи со списком из Секретного Архива Ватикана — отсутствие краткого послания Шлихтинга, прилагающегося к другим рукописям.

Но есть и отличия. В ряде случаев написаний имен собственных немецкий текст следует не за списком А, а за другими римскими списками В и С:

Нем.	А	В	С
Baratniski	Boratinski	<i>Boratniski</i>	
Obolniski	Obolinski	<i>Obolniski</i>	<i>Obolniski</i>
Lowczik	Lowcik		<i>Lowczik</i>

То, что латинский протограф немецкого текста из Мюнхена включил в себя прочтения не одной, а нескольких римских рукописей, теоретически можно объяснить двумя способами. Либо рукопись, которая легла в основу мюнхенского списка, происходит из Рима. Либо перед нами свидетельство того, что в Рим попали разные списки сочинения.

В рукописи А есть ошибки, отсутствующие в других списках:

А	В	С
civibusque <i>omnibusque</i> trucidatis	civibusque <i>omnibus</i> trucidatis	civibusque <i>omnibus</i> trucidatis
dicentes <i>oportere</i> omnes vinctos ire	dicentes <i>oportere</i> omnes vinctos ire	

Эти описки настолько явные, что они могли быть исправлены внимательным переписчиком. Таким образом, данные ошибки еще не доказывают, что рукопись А не могла послужить источником других римских рукописей. Однако, по крайней мере, одна ошибка является таким доказательством. Список А дает написание «Vladodogie», повторенное в списке С, а также в немецком тексте в форме «Usladodogia». Речь идет о Ладоге. Удвоение слога — распространенная ошибка переписчиков. Закрепившись в традиции, эта ошибка уже не могла быть исправленной. Тем не менее в рукописях В, Е и F мы читаем: «Vladogiae»; в рукописи D: «Vladegiae».

Переписчик копии С (или ее протографа) довольно свободно исправлял и редактировал текст. Эти исправления в последующей

традиции не отразились. Можно уверенно утверждать, что известных нам копий (или их протографов) с этого списка не делалось. Если не иметь в виду данной редакции, копии *Biblioteca Angelica* и Секретного Архива Ватикана кажутся особенно близкими. В то же время отличием списка С от списка А является большее число польских написаний имен собственных. Примером может служить имя автора. Написание «Szlychtink» существует только в рукописи С из *Biblioteca Angelica*. Обе ватиканские рукописи дают другую транскрипцию — «Schlichting»; остальные латинские списки — ее испорченный вариант: D и E — «Schliching»; F — «Schlichtmg»; немецкий перевод «Brevis enarratio» — «Schlichtlin». В «Nova ex Moscovia» — «Schlichting».

Откуда все-таки рукопись попала в Мюнхен? И. Граля считает, что она могла попасть туда из Вены¹⁹. Главных аргумента два. Во-первых, это наличие в Вене немецкого перевода краткого сочинения Шлихтинга. Но этот аргумент не очень хорош в силу упомянутой проблемы названия «Brevis enarratio». Латинское заглавие немецкого текста «Nova ex Moscovia» называет правителя Московии не Василием, а Иваном. Во-вторых, мы знаем, что какие-то материалы о Восточной Европе пересылались из Вены в Мюнхен. На это можно заметить, что баварский герцог Альбрехт V, который обнаруживает к таким материалам неожиданный интерес, — один из немногих немецких князей, кто имел также тесные контакты с Римом.

Рукописей Шлихтинга оказывается довольно много. Если считать списки, существование которых устанавливается из анализа рукописной традиции, — возможно, около двадцати. Пан Граля любезно сообщил мне, что имеет также сведения о существовании списка Шлихтинга в Швеции. Тем не менее хочу сказать о другом. Узнавая детали распространения текста, нельзя не отметить, каким ограниченным оно оказывается. Шлихтинга копируют и распространяют скупо. Латинские списки сочинения локализуются в трех местах: папская курия, север Италии и один семейный архив в Южных Нидерландах. К сожалению, история практически всех рукописей оказывается довольно темной, но в общих чертах картину можно себе представить.

Распространение рукописи в Риме ограничено узким кругом лиц. Списки Шлихтинга появляются в библиотеках наиболее высокопоставленных членов курии. Прочие римляне о существовании такого сочинения, возможно, не подозревают. Примером

¹⁹ Grala H. Op. cit., S. 142–145.

такого незнания может служить упомянутый Камилло Капилупи. О жестокостях «Василия» он якобы сообщает со слов шведского посла. Любопытно отметить связь Капилупи с курией, где он состоял в должности протонотария. На севере Италии среда бытования списков демократичнее. В первой половине XVII века падуанским кодексом владели монахи Виченцы. Первый известный его владелец — местный антиквар Фортунато Скола, вступивший в монастырь San Felice di Vicenza в 1594 году и умерший в 1645 году²⁰. Миланская *Biblioteca Ambrosiana*, как известно, сложилась в начале XVII века путем соединения двух книжных собраний: кардинала Федерико Борромео и падуанского библиотекаря Джан Винченцо Пинелли. Пинелли известен как собиратель сочинений о Московии, однако интересующая нас рукопись в каталогах его собрания отсутствует.

Муниципальная библиотека Валансьена — типичный продукт Французской революции. Два списка Шлихтинга происходят из реквизированной библиотеки герцогов Круи²¹. Историкам России это имя знакомо: один из членов этой семьи в чине генералиссимуса русской службы в 1700 году командовал русской армией в сражении под Нарвой; «Круи» — правильное (старо-пикардийское) произношение данного имени. Самый известный представитель семьи в конце XVI века Филипп де Круи, герцог Архот (1526–1595), одна из ведущих фигур политической истории Нидерландов, под конец жизни удалился в Венецию. Возможно, его итальянские связи и были источником рукописей из Валансьена. Мы снова получаем указание на Северную Италию, сугубо локальное распространение списков Шлихтинга: Виченца, Милан, Мантуя, возможно — Венеция. Дальнейшая судьба сочинения, видимо, отражает историю семьи де Круи. Рукопись копировалась как часть семейного архива вместе с другими документами, свидетельствующими о причастности предков к большой политике. Число списков Шлихтинга, включая утраченный протограф, было не меньше трех. Это может объясняться разрастанием семьи и стремлением размножить архив для всех ветвей дома. Наличие

²⁰ По информации отца *Angiol Gabriello di Santa Maria, Biblioteca e storia di quei scrittori così della città come del territorio di Vicenza*. Vol. 3, parte 2. Vicenza, 1775, p. CLXX. О Фортунато Скола см. там же, p. CXII, а также: *Armellini M. Bibliotheca Benedictino Casinensis sive Scriptorum Casinensis Congregationis alias S. Justinae Patavinae qui in ea ad haec usque tempora floruerunt operum ac gestorum notitiae*. Vol. 1. Assisii, 1781, p. 173.

²¹ *Mangeart J. Catalogue descriptif et raisonné des manuscrits de la bibliothèque de Valenciennes*. Paris, Valenciennes, 1860, p. IX sq., 605, 608.

в Библиотеке Валансьена сразу двух копий интересующего нас сочинения — обратным процессом собирания архивов угасших линий²². Рукописи Шлихтинга с трудом поддаются датировке. Список Е единственный, который включает тексты первых десятилетий XVII века. Другие копии могли быть сделаны раньше. Переписчик рукописи Е без конца путает буквы «b» и «v», и можно уверенно утверждать, что его родной язык испанский.

В сочинениях современников имя и сочинение Шлихтинга, насколько я знаю, упоминается только у Джироламо Катены. Достаточно очевидно, что он не просто слышал о Шлихтинге, а держал его книгу в руках. Он называет его «Alberto Szlychtin Pomerano», что буквально списано из предисловия к «Brevis enarratio», где тот назван «Albertus Schlichting Pomeranus». Причем форма «Szlychtin» — польская транскрипция имени, которую опять же можно было только списать. Как уже сказано выше, написание «Szlychtink» существует в рукописи С из библиотеки Angelica.

У Габудзио Шлихтинг фигурирует под усеченным именем «Альберта из Померании». Биография Пия V Джованни Антонио Габудзио сначала была задумана автором как латинский перевод книги Катены. В некоторых местах она так и осталась переводом, включая сообщение о пересылке рукописи Шлихтинга и впечатлении, которое она произвела на папу Римского²³.

Людвиг фон Пастор находит сведения, что книга Джироламо Катены, опубликованная летом 1586 года, была написана, по крайней мере, за два года до этого²⁴. Время написания интересующего нас места определяется довольно точно. Эпизод оканчивается сообщением о приезде в Рим русских послов, поведение которых, по мнению автора, подтверждает негативную информацию Шлихтинга об этом народе. По тексту ясно, что речь идет о гонце Ивана Грозного Истоме Шевригине, который находился в Риме с конца февраля по март 1581 года. Автор еще не знает ни о следующем русском посольстве в Рим Якова Молвянинова в сентябре 1582 года, ни о Ям-Запольском перемирии, заключенном при участии папского посланца Антонио Поссевино в январе 1582 года.

Знают ли Шлихтинга лица, участвующие в дипломатических контактах курии с Московским государством десять лет спустя? Сохранилось обстоятельное свидетельство, где перечислены все

²² Об истории дома Круи см.: Adels-Torn B. *Maison de Croy, étude héraldique, historique et critique*. Bruxelles, 1894.

²³ Gabutius I. A. *De vita et rebus gestis Pii V. Roma, 1605*, p. 156–157.

²⁴ Pastor L. *Op. cit.*, S. 656.

сочинения и документы, касающиеся Московии, прочитанные Поссевино. Мы узнаем из этого текста, что перед отъездом в Россию весной 1581 года Поссевино получил от Портико для ознакомления рукопись «о нраве великого герцога Московии и тамошнем народе», составленную послами польского короля Сигизмунда Августа²⁵. Очевидно, имеется в виду сочинение «*Il successo dell'imbasciaria del re di Polonia al principe di Moscovia a dì 12 di Genaro 1570*». Это первый текст знакомой нам рукописи Портико, следом идет текст «*Brevis enarratio*», который мы назвали списком А. Возможно, подразумевается вся рукопись, названная здесь по первому тексту. Среди документов далее фигурируют послания Пия V. Еще ниже в числе прочитанного назван плагиатор Шлихтинга Гваньини. Зная упорство Поссевино в добывании информации, трудно предположить, что с сочинением Шлихтинга он не познакомился. Тем не менее факт состоит в том, что автор прямо не называется. Как уже сказано, Поссевино не упоминает Шлихтинга и на страницах своей «Московии» в рассказе о несостоявшейся миссии Портико. Такое молчание выглядит нарочитым.

Среди сотен людей, оставивших свидетельства о приезде в Рим посольств Шевригина и Молвянинова, биограф папы Пия V Джироламо Катена оказывается единственным, кто вспомнил Шлихтинга. Это огромный корпус документов, в котором Портико, в то время являвшийся губернатором Рима, действует еще только один раз. После аудиенции Молвянинова он отвечает на расспросы папского церемониймейстера Муканцио о неподобающем поведении москвитов и подтверждает, что это им свойственно²⁶. О сочинении Шлихтинга церемониймейстер, возможно, даже не слышал. Новым контактам интересующий нас текст не мешает, а они ему, видимо, вредят. Вещи могут существовать по отдельности: здесь дипломатические контакты, там рукопись; а представления — это действия, поведение людей. История распространения информации о России и есть история ее отношений с другими странами Европы.

* * *

Рассказ о другой своей работе я хочу начать не с перечисления архивных находок, а попытаюсь сформулировать, какой

²⁵ Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. С. 20.

²⁶ Акты исторические, относящиеся к России / Сост. А. И. Тургенев. Т. 1. СПб., 1841. С. 392.

мне видится ее суть. В своем дневнике путешествия в Италию Монтень сообщает о приезде в Рим к папе Григорию XIII «посла Московита» Истома Шевригина:

«Он был одет в красное пальто, расшитую золотом рясу, шляпу в форме ночного колпака, тоже шитую золотом и подбитую мехом, а под низ что-то вроде ермолки, шитой серебром. Это второй посол из Московии, который прибыл к папе. Первый был во времена папы Павла III. В Риме думали, что послу было поручено побудить папу вмешаться в войну, которую польский король вел против его повелителя. Посол должен был ссылаться на то, что Московиту предстояло выдержать первый натиск Турка и что, если сосед его ослабит, он будет неспособен к другой войне. Это означало бы распахнуть двери перед Турком, который явится к нам. Еще он мог пойти на попятную в некоторых религиозных разногласиях, которые у него были с римской церковью. Посла поселили у коменданта замка, как другого во времена папы Павла, и содержали за счет папской казны. Он ни за что не желал целовать папе ноги, а соглашался поцеловать только правую руку, и уступил лишь тогда, когда ему засвидетельствовали, что сам император подчинен этому обряду, ибо примера королей ему было мало. Он не знал ни одного языка, кроме своего собственного, и прибыл без переводчика. С ним было всего трое или четверо спутников, и говорили, что он пересек Польшу переодетый с превеликой опасностью. Его народ настолько несведущ в здешних делах, что он привез в Венецию письма своего повелителя на имя великого наместника Венецианской сеньории. Когда его спросили, какой смысл они вкладывают в это обращение, он ответил, что они думали, что Венеция состоит под властью папы и тот посылает туда наместников, как в Болонью и другие места. Одному Богу известно, с какой миной проглотили это невежество напыщенные венецианцы. Им и папе он дарил соболей и черных лис, чей мех еще более редкий и дорогой»²⁷.

Французский исследователь М. Бидо дает свидетельству Монтеня следующую интерпретацию. В описании Монтеня, пишет он, «посол Московита» выглядит беспомощным чудачком, неизвестно как исполняющим порученную ему должность. Монтеню, впрочем, не интересно знать, что он за человек. Он улавливает

²⁷ Journal de voyage de Michel de Montaigne, éd. F. Rigolot. Paris, 1992, p. 110–111.

в нем лишь те черты, которые делают его представителем своего народа, «почти чуждого Европе». Эти черты складываются в противоречивый образ. М. Бидо говорит нам о «двух парадигмах» в изображении России. Это соединение «мощи и ничтожности, почти смехотворности», денег и неумения общаться, претензий и невежества в европейских делах. Культурную дистанцию между Россией и «Европой», их «абсолютное различие» здесь усугубляет невозможность диалога с послом, «который явился без переводчика, вероятно, думая, что его наречие понимают повсюду». По словам Бидо, это не позволяет Монтеню повторить его опыт общения с каннибалами и узнать русских с лучшей стороны («L'altérité absolue se double ici d'une impuissance à communiquer qui interdirait à Montaigne de renouveler l'expérience qu'il eut à Rouen avec les cannibales du Brésil»)²⁸.

С интерпретациями трудно спорить. Но в данном случае мои сомнения касаются принципа наблюдения, того, как исследователь делает свои выводы. Уместно сделать две оговорки. Во-первых, мы должны принять во внимание контекст интересующей нас дневниковой записи. Из контекста следует, что «смехотворным» Монтеню представляется многое, и «две парадигмы» у него частый образительный прием. Автор встречает «посла Московита» на церемонии открытия приюта для нищих. Монтень приводит некоторые подробности и, прежде чем перейти к описанию русского посольства, делает отступление о благочестии римлян:

«В Риме много частного благочестия и братств, где часто показывают изрядные примеры благотворительности. Народ, по-моему, менее благочестивый, нежели в хороших городах Франции, хотя более падкий до церемоний, ибо в этом отношении они не ведают границ.

Я пишу здесь свободно. Вот два примера. Один человек был с девкой. Они лежали в кровати и занимались во всю этим делом, когда в полночь прозвонила «Ave Maria». Ни с того ни с сего девка вдруг бросилась с кровати на пол, встала на колени и стала молиться. Когда он был с другой — стук в дверь, является мамочка (ибо молодыми верховодят старые, которые у них за мамаш или теток). В гневе и ярости она срывает с шеи молодой

²⁸ Bideaux M. Hommes vus dans le voyage en Allemagne et en Italie de Montaigne // Montaigne Studies, V, 1993, p. 149. Ср.: Монтень М. Опыты. М., 1991, т. 1, с. 321–341 (кн. I, гл. 31: «О каннибалах»).

шнурок, на котором была маленькая Мадонна, чтобы не пятнать ее грязью девкиного греха. Молодая страшно сокрушалась, что позабыла ее снять, так как обычно она ее снимала».

Затем автор обращается к чудовищной шляпе («посла Москвиты») и другим подробностям его миссии. Надо перечитать эти сообщения вместе, чтобы уловить их общий тон. Монтень ссылается на то, что говорят в Риме. Он сам на время становится частью разноязычной римской толпы, и не ясно, где кончается его язвительность и начинается заимствованная. Насмешка и отвержение здесь сопряжены сложнее, чем может показаться. Монтень считает про себя веру римлян пустыми церемониями и не доверяет их широким жестам, подозревая, что за ними не стоит настоящего желания исправить свою жизнь. Тем не менее он не поворачивается и не уходит. И этот русский тоже удерживает его внимание. Монтень о нем расспрашивает.

Во-вторых, пользуясь дневником Монтеня как источником сведений, надо помнить об известных особенностях этого текста. В литературе не раз высказывалась мысль, что Монтень не стремится здесь давать законченных описаний. Это не те картины, которые призваны передать суть вещей и зафиксировать «мнение автора». Мы имеем дело с текстом другого рода, а именно с записями для памяти. Автор записывает то, что боится забыть. Отсюда он иногда упускает такие подробности пережитого и увиденного, которые нам кажутся весьма существенными (например, свою встречу с Торквато Тассо), и, напротив, щедро уделяет место мимолетным впечатлениям. У Монтеня мы встречаем необычное движение «точки зрения автора». В жизни наши представления меняются постоянно, и это происходит не только потому, что мы усваиваем новую информацию. Перепады настроения, физическое состояние, погода, собеседник — всё может отразиться на нашем восприятии, и мы за собой это прекрасно знаем. Но письменный текст и любой другой коммуникативный акт, имеющий в виду что-то сообщить другим людям, по определению должен быть избавлен от таких флюктуаций. И это уже не вопрос психологии, а вопрос лингвистической прагматики. Если мы хотим что-то сказать и быть понятыми, следует говорить что-то одно. Один известный лингвист называет это языковое явление «эпистемическим обязательством»: утверждая некую мысль, мы берем на себя обязательство быть ей приверженными не в том смысле, что мы должны считать ее истинной, а в том, что ничто другое в наших

утверждениях и поведении не должно противоречить тому, что мы считаем ее истинной²⁹.

Монтень пишет для себя, и ему дороги его впечатления, а противоречий он не боится и не думает их исправлять или сглаживать. В таком образе действия нет никакого «скептицизма», который Монтеню подчас приписывают. То, что играет роль, — только и исключительно способ употребления речи. Монтень вообще невысокого мнения о своих умственных способностях. Он без конца жалуется на свою плохую память и пробует с ней бороться. Весь Монтень и есть борьба с бессилием ума. Его путевой дневник — спасательный круг, брошенный ускользающему опыту. Это не панорама, а альбом зарисовок.

Не понимая сказанного правила речи, историки часто допускают ошибку. Они легко приравнивают произнесенные высказывания к выраженному «убеждению». Устойчивое повторение одного и того же трактуется как некий факт «сознания». Потому некоторые так легко берутся рассуждать о «представлениях» и «идеологиях». Нас уверяют в существовании и власти «идей». Но всё это слова, сказанные другим людям. Речь идет только о фактах общения между людьми. Неучет одного лингвистического правила, помноженный на энергию историков, вырастает до размеров фундаментальной ошибки в понимании жизни.

Интерпретация Мишеля Бидо касается записи, сделанной Монтенем 1 марта 1581 года. Между тем эти слова Монтеня о «после Московита» не являются единственными. Хотя второе упоминание сделано вскользь, оно также заслуживает внимания. Я снова обращаю внимание на контекст. В 1580 году Португалия потеряла самостоятельность и перешла в руки испанского короля Филиппа II. Одной из формальностей, которую требовалось соблюсти, была церемония в Риме:

«18-го числа португальский посол от имени короля Филиппа вручил папе королевство Португалию. Это тот самый посол, который представлял в Риме покойного короля и кортесы, противившиеся королю Филиппу.

На обратном пути из Сан Пьетро я повстречал одного человека, который в шутку известил меня о двух вещах: португальцы выказали свое послушание на Страстной неделе, да еще в день посещения церкви Сан Джованни а Порта Латина, где несколько лет тому назад какие-то португальцы вступили в странное брат-

²⁹ Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003. С. 270.

ство. Они женились друг на друге, мужчина с женщиной. Это было венчание по всей форме, как женимся мы. Они вместе принимали причастие, читали то же самое свадебное евангелие, а после спали и жили вместе. По словам римских остряков, раз соединение мужчины и женщины делает законным только то обстоятельство, что оно должно быть в браке, этим умникам померещилось, будто то другое занятие тоже было бы законным, если бы кто-то разрешил его при помощи церковных обрядов и таинств. Восемь или девять португальцев из этой милой секты сожгли на костре.

Я видел помпезное шествие испанцев. Их приветствовал пушечный салют со стен Замка Св. Ангела и Ватиканского дворца. Посла сопровождали трубачи и барабанщики и папские стрелки. Я не пошел внутрь смотреть церемонию и слушать речь. Посол Московита наблюдал это шествие из разукрашенного окна. Как мне передал тот, кому было поручено общаться с ним через переводчика, он говорит, что его позвали посмотреть на большое ополчение, но что в его стране, когда речь идет о конной войске, это всегда двадцать пять или тридцать тысяч. И он насмеялся над всем этим чванством»³⁰.

Монтень снова всех ругает: испанцев — за чванство, португальцев — за потакание своим страстям, посла Жуана Гомеша да Сильву, готового служить тем и этим, — за беспринципность. И снова вворачивает историю со ссылкой на «одного человека», давая нам услышать толки римских площадей и улиц. При этом «посол Московита» избавлен от насмешек. Тут всего лишь краткая ремарка, но она содержит информацию о том, что Монтень не воспринимает пришельца из Московии бессловесной куклой. Ему передают некое высказывание «посла Московита», и он с удовольствием его повторяет. Это высказывание Монтеню явно понравилось. Он нашел в нем созвучие своим ощущениям. 1 марта, по выражению Бидо, Шевригин в культурном отношении напоминает каннибалов Нового Света. А семнадцать дней спустя оказывается, что с ним можно общаться и ценить его мнения. Здесь Монтень и Шевригин смеются вместе.

Еще раз хочу сказать: ошибкой будет расценивать эту запись как выражение «позиции автора», которую он сможет точно вспомнить и повторить в другой раз. Монтень ведет дневник, потому что справедливо не доверяет своей памяти и не находит в своем внутреннем мире твердой почвы руководящих идей, тех

³⁰ Journal de voyage de Michel de Montaigne, p. 118.

вымышленных монолитов, в существовании которых некоторые исследователи не хотят усомниться. В обнажении этой злополучной ошибки, по-моему, и заключается главный урок и ценность текстов Монтеня.

Монтень заслуживает того, чтобы пойти по его стопам. Кроме миссии Истома Шевригина, отправленного царем к папе и императору, я собираю материалы о предыдущем русском посольстве к императору Афанасия Резанова (с которым Истома встретился по дороге и чей переводчик поехал с ним в Рим) и следующем посольстве к папе Римскому Якова Молвянинова.

Представления не гипнотизирующие идеи, а совершенные действия, практики. Чтобы сориентироваться в этом материале, требуется увидеть их максимальное число. Следовательно, должен максимально расширяться круг наших источников. Первое открытие состоит в количестве существующих материалов, которые никогда не использовались в полном объеме. К счастью, большой массив документов опубликован. Назову лишь некоторые из этих публикаций. Это русские посольские книги, найденное и опубликованное Н. П. Лихачевым «Дело о приезде Поссевина», известные сборники западноевропейских документов, подготовленные А. И. Тургеневым, П. Пирлингом, Е. Ф. Шмурло. Крайне важны также изданные тома корреспонденции папских нунциев, особенно нунциев в Польше Дж.-А. Калигари и А. Болоньетти, сочинения А. Поссевино и целый ряд других материалов. Много публикаций небольших и в таких местах, где едва ли кто-то станет их искать. У меня сложилось впечатление, что русские, а тем более зарубежные историки редко в эти издания заглядывают, если вообще подозревают о их существовании. Наконец, много материалов неопубликованных. За короткий срок мне удалось собрать свыше двухсот архивных документов.

Общим представлением об интересующих меня событиях мы обязаны прежде всего П. Пирлингу. П. Пирлингу казалось разумным и естественным опираться на документы, оставленные прямыми участниками дипломатических контактов, и в их изучение и публикацию он внес неоценимый вклад. Другие свидетельства в поле зрения П. Пирлинга не попадали. Е. Ф. Шмурло справедливо считал, что круг источников необходимо расширить. Хотя Е. Ф. Шмурло не смог довести свою работу до конца, собранные им материалы существуют и доступны исследователям. Архив ученого, переданный в дар нашей стране правительством Чехословакии, находится в Государственном архиве Российской Федерации. Прежде всего речь идет о неопубликованных при-

мечаниях к книге «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией». Существование такой коллекции стало для меня огромным подспорьем. Мне удалось найти в бумагах Е. Ф. Шмурло несколько десятков документов о моих посольствах. Большинство сделанных им транскрипций я смог проверить по оригиналам, но не все. Я до сих пор не работал в испанских архивах — Симанкасе и Архиве соборного капитула Толедо. В случае документов из испанских коллекций мне остается использовать копии Е. Ф. Шмурло.

Что искать в архивах? Прежде всего, очевидно, нас должны заинтересовать основные каналы распространения политической информации в Европе. Это, во-первых, письма послов и всевозможных агентов, информирующих своих правителей, и, во-вторых, рукописные газеты — *avvisi*. То и другое тесно увязано. Деятельность составителей газет прямо связана с деятельностью послов, которые выступают ее потребителями. «Неофициальные» источники еще не значит «неинформированные». За хорошие деньги можно получить качественную и даже секретную информацию. История Шевригина показывает, как секреты венецианского правительства на другой день попадают в газеты.

Рукописные газеты в последнее время стали объектом целого ряда исследований, однако не сделана та работа, с которой, по идее следовало начинать, а именно не собрана информация о существующих коллекциях документов³¹. Большие коллекции известны. Если говорить о второй половине XVI века, их всего две. Это собрания герцогов Урбинских, сегодня в Ватиканской библиотеке, и Фуггеров — в Австрийской Национальной библиотеке в Вене. В них собраны *avvisi* за несколько десятилетий (за полвека в урбинской коллекции и за 35 лет в коллекции Фуггеров). Другие коллекции намного меньше, часто это подшивка за один год. *Avvisi* интересующих меня лет представлены в подшивках коллекционеров Гуго Блоция (Австрийская Национальная библиотека), Джан Винченцо Пинелли (миланская *Biblioteca Ambrosiana*). Том, хранящийся в *Biblioteca Ariosteana* в Ферраре, составили *avvisi*, которые пересылал из Рима посол герцога Феррарского Клаудио Ариосто. Скорее всего, они первоначально были вложены в письма посла, хотя самих писем найти не удастся. Архивисты часто «сортировали» документы, которые

³¹ Исключение составляет одна старая книга о немецких землях: Kleinpaul J. Das Nachrichtenwesen der deutschen Fürsten im 16. und 17. Jahrhundert. Leipzig, 1930.

потом благополучно терялись. Так пропало огромное число avvisi. В венском Haus-, Hof- und Staatsarchiv, к счастью, этого проделано не было. Здесь находится большое собрание писем послов императора, касающихся Шевригина и Молвянинова, с вложенными в них рукописными газетами. Венские сборники Фуггеров и Блюция содержат оригинальные итальянские газеты, коллекция Гессенского Государственного архива в Марбурге — немецкие переводы итальянских газет. Ряд важных собраний avvisi до войны находился в Фонде Фарнезе Неаполитанского Государственного архива (один документ оттуда с сообщением о приезде в Рим Якова Молвянинова упоминает Людвиг фон Пастор). Я был там и убедился, что все интересующие меня коллекции погибли³². Мою информацию, естественно, нельзя считать полной. В несколько мест я еще только собираюсь поехать.

Флорентийский архив может служить иллюстрацией того, как и сколько информации о приезде москвитов доходило до итальянского герцога. Послы великого герцога Тосканского, сообщавшие ему о посольствах Шевригина и Молвянинова, находились в городах по пути их следования: при дворе императора в Праге, в Венеции, Ферраре, Риме. Болонья относилась к папскому государству и управлялась легатом. Иметь там своего дипломатического представителя флорентийский герцог не мог, но тоже имел информатора, который и был самый информированный человек в городе — директор почты. Писем было не по одному. Всего я нашел 29 писем послов с новостями о Шевригине и Молвянинове. Любопытно заметить, что герцогу эти русские, возможно, не были особенно интересны. За это говорит следующий эпизод. Дело в том, в Риме созрело решение отправить Молвянинова в обратный путь новой дорогой через Флоренцию, чтобы показать ему силу Италии. Еще один документ, найденный во Флорентийском архиве, — письмо великого герцога Тосканского Франческо I папскому нунцию в Польше Болоньетти, в котором тот извиняется, что не может принять Молвянинова. Причина — время года. В это время по своему обычаю герцог уезжает охотиться на свою загородную виллу

³² О судьбе Неаполитанского архива в годы войны см.: Trombetta V. Biblioteche e archivi napoletani durante la guerra // *Le biblioteche e gli archivi durante la seconda guerra mondiale. Il caso italiano* / a cura di A. Capaccioni, A. Paoli e R. Ranieri. Bologna, 2007, p. 393–442. В 1943 году сначала американцы разбомбили архив зажигательными бомбами. Затем наиболее ценные коллекции, вывезенные от бомбежек на одну загородную виллу, в качестве карательной акции сожгли немцы.

в Поджо-а-Кайано и, по его словам, вернуться оттуда никак не может. Мы знаем, что названная вилла находится не так далеко от города. Поссевино, сопровождавший Молвянинова, в Поджо-а-Кайано приезжал, Молвянинов оставался во Флоренции. Наконец, последний документ из Флорентийского Государственного архива показывает нам то, чего мы как исследователи лишены. Дипломатическую почту в архивах находить нетрудно. О гонцах Ивана Грозного в Италии у нас много свидетельств всевозможных дипломатических агентов. Однако гораздо труднее отыскиваются письма других людей, кто реагирует не по обязанности. Таково письмо брата Иеримии да Удине. Он пишет великому герцогу из Фолиньо в Умбрии и сообщает, что третьего дня в местечке Мачерата в Марке виделся с кардиналом Сфорца. Они обсуждали, в частности, Шевригина, который, по мнению кардинала, скорее глуп, чем умен.

23 письма о Шевригине и Молвянинове нашлись в архиве герцога Мантуи. Наверняка, кроме писем, были *avvisi*, которые во Флоренции и Мантуе толком не сохранились. Сколько их могло быть, мы можем представить себе по аналогии. В собрании *avvisi*, которые получал от своего агента в Риме герцог Урбинский, о «послах Московита» сообщают свыше 50-ти. Кажется, только для испанского короля Филиппа II информацию пытались суммировать: мы находим выжимку из четырех писем его посла в Риме о приезде Молвянинова³³. По словам Дж. Паркера, лавина политической информации стала бедой правления Филиппа II, возможно предопределившей неудачи его внешней политики³⁴. Наверное, эта проблема касалась не его одного. Интересно то, что в некоторых других местах свидетельств заметно меньше. В Тирольском Земельном архиве в Инсбруке я смог обнаружить всего два письма о Шевригине посла в Риме брата императора эрцгерцога Австрийского Фердинанда. Где-то мы можем сетовать на плохо налаженное архивное дело, но не везде недостаток документов объясняется этим. Как ни странно, правом иметь своего посла в Риме располагал Сенат города Болоньи, и вся документация сохранилась очень полно. Я нашел в ней всего одну

³³ Этот текст опубликован: Pérez Bueno L. Un embajador de Moscovia en Roma // *Hispania, revista española de historia*. T. VII, 1947, p. 667–668.

³⁴ Parker G. Felipe II. Conocimiento y poder // *El Hispanismo angloamericano: aportaciones, problemas y perspectivas sobre historia, arte y literatura españolas (siglos XVI–XVIII)* / ed. J. M. de Bernardo Ares. Vol. 2. Córdoba, 2001, p. 1085–1104.

оговорку о занятости папы по причине приезда русских послов. На этом интерес к ним заканчивался.

Мне хотелось бы остановиться на некоторых моментах содержания документов, которые мне удалось собрать. Это вопросы о власти предубеждений и переживании культурных различий России и Запада. Естественно, повторяю, речь идет только о первом впечатлении от источников.

Есть несколько текстов, пропитанных желчью. Колкости письма Вольфганга Цюнделина Йоахиму Камерарию из Венеции в Нюрнберг от 17 февраля 1581 года хочется процитировать. Автор смеется над платьем москвитя, которое если и было когда-то красным, то очень давно. Но физиономия у него точно красная и вся в фурункулах. Москвитя видно по физиономии. Цвета лица выдает привычки. Действительно, пишет автор, венецианцы, пришедшие звать гостя в сенат, застали того с бутылкой³⁵. Напротив, образ Московии в письмах великому герцогу Тосканскому его агента в Венеции Андреа Ландино восходит к западноевропейским сочинениям первой половины XVI века с их смесью интереса и уважения. Волна отрицательных сочинений о России, которую всколыхнула Ливонская война, прошла мимо него. Большинство сообщений о приезде москвитов в массе *avvisi* и писем послов отличает нейтральный тон и сдержанность. Эмоции вызвало убийство переводчика-итальянца на обратном пути посольства Шевригина в Московию. Агент герцога Мантуанского при дворе императора в письме из Праги от 23 мая 1581 года передает, что некоторые опасаются за жизнь Поссевино, но именно эта фраза вписана шифром!³⁶

Документы не отразили большого интереса к жизни и людям далекой страны. Наиболее ценный фрагмент этнографического содержания сохранился в биографии папы Григория XIII, написанной неким «кавалером Лоски»³⁷. Рукопись хранится в Секретном Архиве Ватикана и представляет собой компиляцию, видимо, середины XVIII века; *terminus post quem* — 1742 год, дата публикации «Анналов Григория XIII» Джампьеро Маффеи, откуда

³⁵ Bayerische Staatsbibliothek, München, Collectio Camerariana, XXI = Clm 10371, f. 186.

³⁶ Archivio di Stato di Mantova, Archivio Gonzaga, busta 460, p. 421v, 424, 425v.

³⁷ *Li successi di Gregorio XIII Bolognese di fameglia Boncompagni creato pontifice li 13 Maggio 1572 con una piena notitia di quanto accadde nel di lui pontificato descritta dal cavaliere Loschi.* Archivio Segreto Vaticano. Fondo Bolognetti, t. 45, p. 150 v — 153.

«кавалер Лоски» дословно списывает второй фрагмент о русских посольствах 1581 и 1582 годов³⁸. Интересующий нас текст по стилю выглядит такой же заимствованной вставкой. В частности, там сообщается о том, что русские отказываются заходить в римские церкви, если видят в них собак. Кроме того, Истома Шевригин поразил римлян тем, что разбавлял вино водкой, а лечились русские купаниями в холодной воде. Последнее может быть любопытно. Со слов иностранных путешественников, включая Поссевино, известно о купаниях москвитов в ледяной воде на праздник Крещения. Здесь мы имеем данные об отдельном существовании подобной практики, которую церковь пытается включить в свои обряды. Эта этнографическая запись также дошла до нас в ряде пересказов. Возможно, свидетельство было единственным в своем роде. Второго Джовио, написавшего книгу о Московии со слов посла Василия III Дмитрия Герасимова, в то время уже не нашлось.

Любопытна иконография посольств. Надо помнить, в какую страну приехали русские. Их не могли не рисовать. Изображения приезжих из Московии всего лишь скромные книжные гравюры. Гравюру, представляющую аудиенцию у папы Римского Истома Шевригина, можно найти во втором издании вышеупомянутой книги Чаппи. Изображение Молвянинова принадлежит Чезаре Вечеллио. Его известная книга о костюмах «*De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*» была опубликована в Венеции в 1590 году. Где и как изображали других послов из дальних стран? Зал Четырех Дверей венецианского Дворца дождей украшает большое полотно Габриэле Кальяри «Дожд Паскуале Чиконья принимает дары персидского посла». Сын Паоло Веронезе Габриэле Кальяри — художник другого масштаба, нежели троюродный брат Тициана Чезаре Вечеллио. Он был бы шире известен, если бы не редкость его работ. Полотно находится возле дверей в зал заседаний венецианского Сената. Тинторетто, лучшему венецианскому художнику в эти годы, было заказано полотно для потолка Зала Сената, на котором он должен был изобразить прибытие в Венецию японских послов в 1585 году³⁹. Судьба этой работы не известна, хотя заказ был оплачен, а Тинторетто оставалось жить еще несколько лет. Так мы встречаем целую художественную программу, показывающую место Вене-

³⁸ F. 265v — 271v = Giampietro Maffei, *Degli annali di Gregorio XIII Pontefice Massimo*. T. 2, Roma, 1742, p. 181–185.

³⁹ Документ опубликован: Berchet G. *Le antiche ambasciate giapponesi in Italia* // *Archivio veneto*. Vol. 14 (1877), p. 165.

ции в мире. «Послы Московита» в один ряд с послами восточных стран не попадают.

Напротив, существуют, по-моему, удивительные примеры того, как русские вливаются в итальянскую жизнь. Читатель, наверное, помнит новеллу Стендаля «Виттория Аккорамбони». История основана на реальных событиях, к которым оказывается причастен Яков Молвянинов. Он виделся с будущей героиней Стендаля в тюремном застенке Замка Св. Ангела и якобы обещал просить папу о ее освобождении⁴⁰. Другой эпизод можно принять за выражение агрессии в отношении москвитов, хотя скорее это просто бытовая ссора. Некие римляне расположились ночью с вином и закуской под окнами дворца Колонна, где жил Молвянинов. Поздний ужин кончился песнями, а когда незадачливый «посол Московита» попытался высказать им свое неудовольствие, в окно полетели камни⁴¹. Певцов нашли и примерно наказали. Монтень прав в отношении незнания языков. Дмитрий Герасимов говорил с Джовио на латыни. Шевригин и Молвянинов знали только по-русски. Впрочем, опять нужен контекст, и не нужны поспешные выводы о культурных рвах и стенах. В промежуток между приездом двух гонцов Ивана Грозного в Рим является новый испанский посол граф Оливарес — отец знаменитого испанского временщика. По словам французского посла в Риме Поля де Фуа, он также не говорил ни на одном иностранном языке⁴². Поль де Фуа пишет об этом с насмешкой, но не как о чем-то неслыханном и невозможном. К слову сказать, испанцы, чья сила в Европе была слишком болезненной, гораздо скорее русских были объектом недоброжелательства и предубеждений. Французы и итальянцы в этом отношении совершенно разделяли убеждения друг друга, но тоже друг друга недолюбливали, иногда заходя далеко.

Исторический контекст требуется для понимания претензий Ивана Грозного, высказанных Поссевино, о том, что пале во время аудиенции целуют ногу, а католическое духовенство бреет бороды. Человек волен обобщать обычаи своей страны, но исторички картины обычаев должны реконструировать, а не принимать на веру. Митрополит Макарий бранил за утрату благочестия

⁴⁰ Avviso из Рима от 22 сентября 1582 года, приложенное к донесению Клаудио Ариосто, посла в Риме герцога Эсте. Biblioteca Ariostea di Ferrara, classe I, n. 173, f. 109–109v.

⁴¹ Avviso из Рима от 3 октября 1582 года из собрания герцога Урбинского. Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini 1050, p. 374v.

⁴² Lettres de Messire de Paul de Foix, archevesque de Toloze et ambassadeur pour le roy aupres du pape Gregoire XIII, au roi Henry III. Paris, 1628, p. 513.

в форме бритья бороды русское войско под Свяжском⁴³. Отец Ивана Грозного признавался Герберштейну, что брил бороду ради красавицы жены, и есть безбородые портреты царя Бориса. Флорентийский купец Джованни Тедалди, информировавший Поссевино по пути в Россию, уверял его в том, что вопрос бритья бороды не должен вызвать затруднений, учитывая то обстоятельство, что и в России есть священники, которые бреются⁴⁴. В Европу XVI века как раз вернулась мода на бороды, не оставившая равнодушными римских пап. После Климента VII, к которому ездил Герасимов, до Иннокентия XII, умершего в 1700 году, все папы Римские были бородаты, включая Григория XIII. Борьбу за бритье католических священников в 1576 году, то есть всего за несколько лет до приезда русских посольств, начал в своей епархии будущий католический святой архиепископ Миланский Карло Борромео. Причем он начал ее с того, что сбрил бороду сам. Впрочем, борьба с бородами в рядах его собственного клира имела небольшой успех. Около полутора десятков провинциальных соборов второй половины XVI — начала XVII века в Германии, Италии, Франции, Нидерландах скорее пытаются регламентировать ношение бороды духовенством, чем его искоренить. Главный посыл состоит в том, что клирикам нечего гнаться за мирской модой и тем более подражать бородам военных⁴⁵.

Целование папских ног — одна из тех болезненных тем, с которых начиналась европейская Реформация, разбудивших Лютера. Однако не следует думать, что та часть Европы, которая осталась верной Риму, принимала этот обычай без раздумий. Стрелы метали свои. Обычай целования ног прямо осуждает французский биограф римских пап Жан Папир Массон⁴⁶. О Рабле сохранилось легенда: будучи на аудиенции у папы Римского в свите кардинала Жана дю Белле, он разразился своей очередной буффонадой. Якобы Франсуа Рабле тихо, но слышно для окружающих сказал, что кардинал дю Белле — большой сеньор и вправе поцеловать папе ногу, а он сам не достоин такой чести и готов поцеловать папе зад, если тот его помочет⁴⁷. В романе Раб-

⁴³ ПСРЛ, т. 13, Ч. 1. СПб., 1906. С. 480, 482.

⁴⁴ Запись рассказа Тедалди опубликована в кн.: Pierling P. Un Nonce du pape en Moscovie: préliminaires de la trêve de 1582. Paris, 1884, цит. по р. 178.

⁴⁵ Hofmeister Ph. Der Streit um des Priesters Bart // Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. 62, 1943/44 [1945], S. 72–94.

⁴⁶ Papirii Massoni Libri sex de episcopis Urbis. Paris, 1586, p. 286–287.

⁴⁷ Michaud L. G. Biographie universelle ancienne et moderne. T. 35. Paris, 1843, p. 479.

ле (книга IV, глава XLVIII) жители Папомании обещают в случае приезда папы на их остров целовать ему не ноги, а задницу. Упреки царя Ивана Грозного в адрес папы Римского, за которыми Поссевино угадывает происки английских купцов, могли исходить и от католиков.

Различие церквей и невозможность их соединения — аксиома для современных историков. Я спрашиваю себя о том, так ли было в XVI веке и для кого было, а для кого нет? Поссевино в своей книге «Московия» уверяет читателя, что принципиально не заходил в православные церкви. Его попутчики уверяют, что заходил⁴⁸. Остается узнать, зачем понадобилась эта ложь. Приезд Шевригина в Венецию случайно совпал с конфликтом в отношениях Венеции и Рима. Речь шла о визитации монастырей, которую папство считало своей неотъемлемой прерогативой, а венецианцы рассматривали как нарушение обычаев их государства и попрание его суверенитета. Папский нунций в Венеции Альберто Болоньетти пишет в Рим, что в частных разговорах венецианцы угрожают порвать с папой Римским и перейти в православие⁴⁹. То же доносит своему королю французский посол в Венеции Арно дю Феррье⁵⁰. Истома Шевригин еще не успел добраться до Рима, а там уже зрело подозрение, что царь хочет обмануть папу. Сношения с ним затеваются москвитями для отвода глаз. Единственное желание царя — окончить гибельную войну с Баторием, чтобы на другой день забыть о Риме. Как ни странно, эта версия переходит в книги некоторых современных исследователей. Зная немного царя Ивана Грозного, трудно счесть ее психологически правдоподобной. Проще допустить другое: человек меняется от обрушившихся на него бед. Желание отношений с Римом могло сформироваться в Грозном как довольно искреннее⁵¹. Возможно, ему казалось

⁴⁸ Ioannis Pauli Campani Relatio de itinere Moscovitico // Antemurale. Roma, 1960/61. Т. 6, p. 18 sq.

⁴⁹ Stella A. Chiesa e Stato nelle relazioni dei nunzi pontifici a Venezia: Ricerche sul giurisdizionalismo veneziano dal XVI al XVIII secolo. Città del Vaticano, 1964.

⁵⁰ А. дю Феррье королю 3 марта 1581 года. Bibliothèque nationale de France, Cinq cents Colbert, ms. 368, p. 214–215.

⁵¹ Так же считает Б. Н. Флоря. В своих работах он уточняет этапы формирования у Ивана Грозного такого нового отношения к Риму: Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х годов XVI века // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XIX века. Кишинев, 1980. С. 118–132; Он же. Иван Грозный. М., 2009. С. 400.

достаточным условием таких новых отношений формальное признание первенства папы Римского в церковной иерархии. То, что его готовность идти навстречу быстро разбилась о близорукость самозванных миссионеров, не его вина.

Есть сфера, где русские и итальянцы разительно отличаются друг от друга. Это сфера имен. Желание московитов всех называть по именам временами ставит в тупик. Истома Шевригин в своем «статейном списке», отчете о посольстве, перечисляет послов в Риме и пишет, что имени французского посла так и не смог выяснить, поскольку тот уехал (а новый посол Поль де Фуа еще не вступил в должность). Кому в таком случае могло понадобиться знать, как его звали? Иван Грозный в послании венецианцам, объясняя пропажу их письма, сообщает, что Шевригин отдал письмо «немчину Ансе Збернегусю», которое у него отобрали морские разбойники. Даже исследователю трудно установить, о ком идет речь. «Анса» значит «Ганс», вторая половина фамилии «гусь», видимо, «хузен» или «хаузен». Но на этом мои догадки заканчиваются. Едва ли венецианцы знали больше. Имя собственное предстает для русского уха важнее любых других обозначений. Итальянцы легко впадают в противоположную крайность, пренебрегая именами как чем-то ненужным. За исключением римской курии, никто в Италии в доступных мне источниках ни разу не назвал Шевригина по имени. Якова Молвянинова называют по имени только однажды⁵². Для них хватает безликого обозначения «послы Московита». По словам одного из *avvisi*, Молвянинов прибыл в Рим «*con uno, che lo chiamano il V Notaro*» («с человеком, которого они называют пятым нотариум») ⁵³. Должность с таким названием в Италии можно себе представить, но не в России. Мы знаем, что спутника Молвянинова звали Тишиной Васильевым. Это объясняет ситуацию. На вопрос о своем спутнике тот отвечает: «Тишка подьячий», а его собеседнику слышится «чинкуе», «*cinque notaro*», и даже не возникает мысли, что ему называют имя, которое ему ни к чему. В этом отношении Монтень похож на итальянцев. Он тоже скупится на имена, а оперирует обозначениями «посол Московита», «нынешний польский король» и тому подобными. Я не рискну, тем не менее, утверждать, что здесь сокрыта некая культурная разница между

⁵² Ziggioiti B. *Accademia Olimpica. Biblioteca Civica Bertoliana di Vicenza*, ms. 2916, p. 40.

⁵³ *Avviso* из Рима от 12 сентября 1582 года из собрания герцога Урбинского. *Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini 1050*, p. 335.

Россией и Европой, поскольку у меня сложилось впечатление (которое может впоследствии подтвердиться или нет), что в Германии дело обстоит не совсем так. В германских землях имена московитов довольно часто знают и используют. Границы таких культурных фактов всякий раз надо устанавливать. Они могут оказаться не там, где мы ожидаем их встретить.

Монтеню не удается поразить нас своей проникательностью. Истома Шевригин смеется над кавалькадой посла Португалии не по своей воле, а по обязанности. Русскому послу перед отъездом строго наказано не подавать виду, что что-то может его удивить. В другой раз Антонио Поссевино бранит бесчувственность русских, которых, по его мнению, ничто не может расшевелить. Он надеялся, что красочная церемония въезда императора Рудольфа II в Аугсбург, свидетелем которой стало посольство Молвянинова, не оставит русских равнодушными. Но те взирали на происходящее с каменными лицами. Ничто из этого блеска «не трогало их настолько, чтобы они похвалили это от души»⁵⁴. Поссевино не мог знать, что в своем отчете те опишут это событие во всех подробностях⁵⁵. Оказывается, они смотрели во все глаза.

То же относится к Шевригину и волнующему нас случаю. В своем посольском отчете к впечатлениям того дня Истома возвращается трижды, подчеркивая могущество испанского короля Филиппа II, которому в Европе нет равных, касаясь недавнего присоединения Португалии и самой церемонии⁵⁶. В отчет Истома, записанный в Посольском приказе, не вошло всё, что он рассказывал. Запись была выборочной, либо она затем подверглась редакции и сокращению. Возможно, у Ивана Грозного в Старице Истома также говорил что-то о вышеупомянутом «пушечном салюте со стен Замка Св. Ангела и Ватиканского дворца». Шевригин вернулся в Старицу и предстал перед царем 17 июля 1581 года, а десять дней спустя царь Иван Грозный пишет в Смоленск о том, как должен быть организован торжественный въезд Поссевино, и среди отданных распоряжений есть такое: «А как папин посол учнет въезжати в посад, и они б велели стреляти с городов со всех, изо всего наряду вдруг пыжи» (стрелять холостым зарядом из всех пушек)⁵⁷. Поссевино постарались встретить со всей возможной

⁵⁴ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 72–73.

⁵⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Ст. 867–868.

⁵⁶ Там же. Т. 10. СПб., 1871. Ст. 21, 27, 28.

⁵⁷ Там же. Ст. 52.

торжественностью, и в Смоленске его въезд сопровождал орудийный салют. Для России такое кажется новинкой дипломатического церемониала. До тех пор послов подобным образом не встречали. Мы видим пример завидной гибкости, готовности менять свои обычаи, если это потребуется для пользы дела.

Это наблюдение не должно заслонить от нас вопрос еще более важный. Как человек следует обычаям? И здесь ключевое слово — Витгенштейн. Следование правилам при ближайшем рассмотрении, на котором настаивает Монтень, вообще оказывается совсем не тем, что мы готовы о нем подумать. В *avviso* из Рима от 18 марта 1581 года (тот же день, которым датировано сообщение Монтеня), сохранившемся в коллекции герцогов Урбинских, поведение Шевригина во время шествия испанцев описано весьма для нас неожиданно. Информатору Монтеня тот безразличным тоном рассказал что-то о военной силе царя, отнявшей у него способность удивляться. Видевшие Истому в тот день говорят о его изумлении. Особенное впечатлили Шевригина те самые артиллерийские залпы со стен Замка Св. Ангела, повторенные в Смоленске (*«mostrando gran meraviglia e stupore, massime nel sparare tant'artiglieria in Castello, quando l'ambasciatore di Portogallo passò ponte con bellissimo ordine e numero di cavalli, et di tanto concorso di popolo»*)⁵⁸. Похожей информации много. По свидетельству многих источников, в Риме и Венеции Шевригин очень часто не только не прятал своего интереса и восхищения от увиденного, но и радостно ими делился и жаловался на то, что дома в его рассказы просто не поверят. Открытость Шевригина не оставалась без ответа, она завоевывала ему симпатии. Молвянинов держался строже и в сравнении с Шевригиным проигрывал. Книга об этом может получиться познавательной.

⁵⁸ Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinate Latini 1049, p. 129–129v.

С. В. БЕЛОУСОВ

КОННЫЙ ПОЛК ПЕНЗЕНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ
В СРАЖЕНИИ ПОД МАГДЕБУРГОМ
27 ОКТЯБРЯ 1813 Г.

Как известно, основополагающими документами при создании народного ополчения в 1812 г. стали Высочайшие манифесты от 6 и 18 июля 1812 г., согласно которым район формирования ополчений был ограничен шестнадцатью губерниями европейской части России, которые объединялись в три ополченческие округа. Пензенская губерния наряду с Казанской, Нижегородской, Костромской, Симбирской и Вятской вошла в состав III округа. Эти губернии должны были приготовиться расчислить и назначить людей, но до особого повеления предпринималось их не собирать и не отрывать от сельскохозяйственных работ¹. Таким образом, III округ первоначально рассматривался в качестве резервного. Начальником ополчения III округа указом Александра I от 17 июля 1812 г. был назначен генерал-лейтенант граф Петр Александрович Толстой.

В конце июля — начале августа 1812 г. в губерниях, где формировались ополчения III округа, прошли дворянские собрания, на которых обсуждались нормы набора ратников и правила их приема, устанавливались соответствующие денежные расходы, избирались начальники губернских ополчений. В Пензе собрание дворян состоялось 31 июля.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXXII. № 25176, 25188; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сб. документов / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1962. С. 14–16.

Численность первого ополчения III округа была установлена в 46 333 человека². Из них 9 292 должна была выставить Пензенская губерния. Кроме того, еще 22 739 человек из губерний, входивших в III округ, были приняты в резервное ополчение³. Сбор ратников ополчений III округа должен был начаться с 1 сентября.

17 сентября 1812 г. генерал-лейтенант граф П. А. Толстой докладывал Александру I о том, что губернии, входившие в III округ, приступили к сбору воинов, «который по Нижегородской и Костромской начался с 1 сентября, по прочим же начаться должен в начале же с <его> м<есяца>»⁴. В докладе П. А. Толстого определялась и структура губернских ополчений. Так, Пензенское ополчение должно было быть разделено на 4 пехотных (14 батальонов, один из полков 2-батальонного состава) и 1 конный полк (5 конных сотен). Оно имело и артиллерийскую команду. Кроме того, П. А. Толстой представил на высочайшее утверждение начальников ополчений и полковых командиров, избранных дворянством в губерниях, которые были утверждены рескриптами Александра I от 28 сентября 1812 г.⁵ Начальником Пензенского ополчения стал генерал-майор Н. Ф. Кишенский, командирами пехотных полков — полковники К. И. Селунский и И. Д. Дмитриев, подполковники Кушнерев и Вайников, конного полка — полковник Л. А. Безобразов.

² Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С.366–367.

³ Вопрос о численности ополчений всех трех округов до настоящего времени является дискуссионным. По подсчетам В. И. Бабкина, количество ратников, урядников и офицеров ополчений равнялось 230 217 человек. По данным, которые содержатся в сборнике документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», — 203 430 (без учета резервного ополчения) (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 5). П. А. Жилин полагает, что общее число ополченцев, которые были собраны во всех трех округах, составляло 192 976 (без учета резервного ополчения III округа) (Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 242–243). В. П. Тотфалушин отмечает, что в I округе было выставлено (по разным данным) от 121,5 до 136,1 тыс. человек, во II — от 23,4 до 27,3 тыс. человек, в III — от 43,6 до 48,4 тыс. человек. Кроме того, в III округе по указу от 21 октября 1812 г. был произведен новый набор в резервное (2-е ополчение) по 2 ратника со 100 душ, который дал еще от 22,7 до 25,7 тыс. человек. Всего же III округ поставил от 63,7 до 71 тыс. человек (Тотфалушин В. П. Ополчение // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 521–523). Таким образом, общая численность ополчений всех 3-х округов (по В. П. Тотфалушину) составляла от 208,6 до 255,5 тыс. человек.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 284. Л. 40–41об; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 366–367.

⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153 в. Д. 166. Ч. 2. Л. 6–6 об, 8.

Сбор крестьян, поступающих в ополчение, начался в Пензенской губернии 15 сентября⁶. Некоторые проблемы, которые возникали при формировании ополчения, в частности при замещении офицерских должностей, а также в ходе набора ратников, снабжения их продовольствием, обмундированием и вооружением, уже поднимались нами в ряде работ⁷. Поэтому в данной публикации мы не будем останавливаться на их рассмотрении.

Отметим, что ополчение III округа должно было выступить в поход на основании императорского рескрипта, данного 8 ноября 1812 г. Александр I предписывал графу П. А. Толстому следовать «на Муром, Рязань, Орел и Глухов и расположиться в малороссийских губерниях» с целью прикрыть «изобильные наши провинции на случай какого-либо неприятельского со стороны сей покушения, в то время когда регулярные наши армии займутся дальнейшим преследованием неприятеля»⁸.

В начале декабря 1812 г. ополчение III округа, за исключением Пензенского, двинулось в поход. Пензенское ополчение выступило в поход на месяц позже намеченного срока, в первых числах января 1813 г., из-за волнений ратников, произошедших в декабре 1812 г.⁹ При этом после волнений произошли некоторые изменения в его руководстве. Начальник Пензенского ополчения генерал-майор Н. Ф. Кишенский и командир 3-го пехотного полка подполковник Кушнерев «якобы по болезни» остались в губернии. Командиром 3-го пехотного полка был назначен П. А. Бекетов,

⁶ Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 73.

⁷ См., например: Белоусов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 127–165; Белоусов С. В. Проблема комплектования ратниками ополчений III округа в 1812 г. (на примере Пензенского и Симбирского ополчений) // Известия Самарского научного центра РАН: Новые гуманитарные исследования. Самара, 2006. С. 90–95; Белоусов С. В. Проблема комплектования офицерскими кадрами ополчения III округа (на примере Пензенского и Симбирского ополчений) во время Отечественной войны 1812 г. // А. И. Кошелев и его время: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. И. Кошелева (23–25 мая 2006 г.). Рязань, 2007. С. 101–106.

⁸ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153 в. Д. 166. Ч. 2. Л. 14–15 об; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 373–374.

⁹ Об этом подробнее см.: Белоусов С. В. Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2006 г. — М., 2007. С. 107–125.

а Пензенское ополчение вместе с Симбирским было подчинено генерал-майору В. П. Титову.

Пензенское ополчение приняло участие в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Оно прибыло на театр военных действий к концу августа 1813 г. и, как и все ополчения III округа, было включено в состав Польской армии генерала от кавалерии Л. Л. Беннигсена. С 1 по 5 октября и с 17 октября по 20 ноября 1813 г. пешие полки Пензенского ополчения участвовали в осаде Дрездена, с 16 декабря 1813 по 2 января 1814 г. — в осаде Магдебурга, с 24 января по 25 октября 1814 г. находились под Гамбургом. Конный полк ополчения в составе авангардного отряда Польской армии под командованием генерал-майора К. А. Крейца сражался под Лейпцигом, Магдебургом и Гамбургом.

Полки Пензенского ополчения неоднократно участвовали в боевых столкновениях с противником. Самым известным эпизодом отличия пензенских ратников, который встречается в научной литературе, является участие конного полка в сражении под Магдебургом 27 октября 1813 г., когда полк атаковал пехотную колонну неприятеля, рассеял ее и захватил одно орудие. При описании этого сражения обычно ссылаются на приказ № 84 по Польской армии от 3 ноября 1813 г., копия которого сохранилась в делах Пензенской ученой архивной комиссии Государственного архива Пензенской области¹⁰. Отдавая должное мужеству ратников, командующий Польской армией генерал Л. Л. Беннигсен отмечал: «Пензенский конно-казачий полк будучи 27-го числа минувшего октября при Магдебурге в деле против неприятеля, в виду войск, бывших в сем же действии, пошел в атаку на неприятельскую пехоту, в колонне шедшую; расстроив оную, взял одно орудие — подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии, отдавая оному должную справедливость. Я не оставил донести об оном Его Императорскому Величеству...»¹¹

В Российском государственном военно-историческом архиве нам удалось обнаружить рапорт генерал-майора К. А. Крейца от 1 ноября 1813 г., на основе которого и был составлен приказ по Польской армии, приведенный выше. В рапорте приводятся

¹⁰ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 132. Оп. 1. Д. 225. Л. 11.

¹¹ Этот документ неоднократно публиковался. См., например: Ермолаев В. Пензенский край в Отечественной войне 1812 года. Пенза, 1945. С. 32–33; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 404; Пензенский край XVII в. — 1917: Документы и материалы. Саратов, 1980. С. 85.

подробности этого боя. Так как документ имеет безусловную научную ценность, мы приводим его здесь полностью:

1813 г., ноября 1.

**Рапорт генерал-майора К. А. Крейца¹² генералу от кавалерии
Л. Л. Беннигсену об участии авангарда Польской армии в сражении под Магдебургом у деревни Золен 27 октября 1813 г.**

Заняв ночью 26-го деревню Эйкендорф, 27-го в 5 часов утра, вследствие диспозиции, прибыл я с отрядом к деревни Вельслебен, где на высотах между сею деревнею и местечком Зальца открыл неприятеля. По отступлении его к местечку продолжал я марш мой по дороге в деревню Вестергизен и, открыв неприятеля в деревни Тодендорф, заметил я тогда же онаго и в деревни Золен. Вашему Сиятельству угодно было приказать четырем орудиям отряда мне порученного действовать на правом фланге, а после — на левом, где, придвинув батарею к самой почти деревни Золен, имел участие в очищении оной. Когда же неприятель начал отступать, ваше сиятельство изволили мне приказать преследовать его с кавалериею. Две колонны пехоты неприятельской, остановясь на высоте, закрывающей отступление неприятеля из Зальца, казалось, имели намерение держаться. Тогда приказав я артиллерии порутчику Потемкину действовать картечью по колоннам, в то же время Пензенского конного полка порутчику Ликтанскому велел атаковать во фланг, а генерал-майор Каблуков 1-й¹³ по отличному усердию к службе вызвавшись добровольно вести два эскадрона

¹² Крейц Киприан Антонович (1777–1850), барон, генерал-майор. Из курляндских дворян. Сын ротмистра польской и саксонской службы А. А. Крейца. С 1810 г. шеф Сибирского драгунского (с декабря 1812 — уланского) полка. В Бородинском сражении командовал бригадой 3-го кавалерийского корпуса, был контужен в правый бок, ранен картечью в правое плечо, пулей в правую руку, осколком гранаты в правую ногу. В 1813 г. участвовал в блокаде Модлина (в отряде Палена), затем командовал авангардом Польской армии; отличился при Вильсдорфе, Вурцене, Лейпциге. См. подробнее: Малышкин С. А., Подмазо А. А. Крейц К. А. // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 380–381.

¹³ Каблуков 1-й Платон Иванович (1779–1835), из дворян Костромской губернии. В 1812 г. полковник Кавалергардского полка. В Бородинском сражении ранен саблей в руку и награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В сентябре 1813 г. был произведен в генерал-майоры. Затем находился в Польской армии, участвовал в осаде Магдебурга и Гамбурга. См. подробнее:

Пензенские и один Серпуховской (Серпуховского уланского полка. — С. Б.) в лицо неприятелю. Решительно ударил, обе колонны опрокинул и оружие неприятельское из колонны отнял. В то время пять эскадронов неприятельской кавалерии показались с дороги из Зальца в правом у меня фланге, что и спасло две сии колонны от совершенного истребления. После сего преследовал я до деревни Вестергизен и Сальпке, где, заняв блокгаузы, оные истребил и, завладев деревнями Фермерслебен и Букау, попортил находящиеся там блокгаузы и оные оставил. При сем случае пропал без известия 1 офицер. Ранено 1 офицер, унтер-офицер 1, рядовых 8. Убито рядовых 3, лошадей 10. Ранено лошадей 20. Список отличившихся и росписку о здаче в главное дежурство неприятельской пушки честь имею представить.

Представлено о ротмистре Ранцове ноября 19 дня 1813 под № 64¹⁴.

К рапорту приложены списки отличившихся в сражении 27 октября у деревни Золен, в которых упоминаются офицеры и ратники конного полка Пензенского ополчения. Первым среди пензенцев названа фамилия ротмистра Ранцова. Представляя его к ордену св. Анны 2-й степени, генерал-майор К. А. Крейц отмечал, что он, «командуя Пензенским полком, ударил решительно под предводительством генерал-майора Каблукова 1-го на пехоту и способствовал к завладению орудия неприятельского, при котором случае и ранен пулею»¹⁵.

Роман Иванович Ранцов (6.4.1782—20.12.1836), о котором идет речь в документе, был помещиком Керенского уезда, где в селе Никольском, деревнях Снихиной и Сосновке за ним числилось более 500 крепостных. Кроме того, он имел крестьян в Нижегородской и Владимирской губерниях. В начале XIX в. прослужив несколько лет в одном из департаментов Министерства внутренних дел, он был отставлен от службы по болезни с чином коллежского асессора. В 1811 г. Р. И. Ранцов был избран Керенским уездным предводителем дворянства. При формировании Пензенского ополчения в 1812 г. он поступил эскадронным командиром в конный полк, в составе которого принял участие в заграничных походах

Безотосный В. М. Каблуков П. И. // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 319.

¹⁴ РГВИА. Ф. 9194. Оп. 1/1846. Св. 6. Д. 29. Л. 2–2 об.

¹⁵ Там же. Л. 3–3 об.

русской армии. Р. И. Ранцов сражался при Вильсдорфе и Вурцене. За отличие, проявленное в «битве народов» под Лейпцигом, он был награжден орденом св. Анны 3-й степени. Из-за болезни командира конного полка Пензенского ополчения полковника Л. А. Безобразова с середины октября 1813 г. Р. И. Ранцов командовал полком. За отличие в сражении при Магдебурге 27 октября, где он получил ранение пулей в грудь, Р. И. Ранцов был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом¹⁶. После возвращения Пензенского ополчения Р. И. Ранцов вновь становится Керенским уездным предводителем дворянства и остается им, по одним данным, до 1822, по другим — до 1826 г. Как сообщает Г. П. Петерсон, Р. И. Ранцов пользовался большим уважением не только в Керенске, но и в Пензе, где, «как говорят, дворянские собрания не открывались до его приезда»¹⁷.

Другим офицером конного полка Пензенского ополчения, отличившимся в сражении под Магдебургом, был поручик Ликтанский (Лихтанский). По представлению его к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом К. А. Крейц писал, что он, «командуя эскадром, послан был во фланг пехоте и решительным ударом способствовал к завладению пушкой и к ниспровержению колонны»¹⁸. К сожалению, каких-либо сведений о поручике Ликтанском нам обнаружить не удалось. Его фамилия отсутствует в списках офицеров Пензенского ополчения, которые приводит в своей книге В. Р. Апухтин¹⁹. Не находим упоминания о нем и среди дворян Саратовской губернии, которые участвовали в Пензенском ополчении²⁰. Удалось выяснить лишь то, что именно поручик Ликтанский в 1815 г. являлся командующим конным полком Пензенского ополчения при его возвращении в Пензенскую губернию²¹.

¹⁶ Хотя К. А. Крейц представил Р. И. Ранцова к награждению орденом св. Анны 2-й степени, последний получил орден св. Владимира 4-й степени с бантом, что видно из его формулярного списка (ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 516. Л. 500 об — 501).

¹⁷ Петерсон Г. П. Исторический очерк Керенского края. Пенза, 2002. С. 37.

¹⁸ РГВИА. Ф. 9194. Оп. 1/1846. Св. 6. Д. 29. Л. 3–3 об.

¹⁹ Апухтин В. Р. Очерк формирования дворянством Пензенской губернии и действий ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812–1814 годов. М., 1912. С. 1–3, 15–16.

²⁰ Хованский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов, 1912. С. 41–59.

²¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 529. Л. 129–145.

Кроме двух офицеров конного полка Пензенского ополчения за храбрость, проявленную в сражении под Магдебургом 27 октября 1813 г., к Знакам отличия Военного ордена были представлены и два пензенских ратника. Это штаб-трубач Андрей Капитанов и рядовой Федор Сергеев. Как значится в списке отличившихся в сражении «нижних чинов», они находились «в атаке на пехоту и первые наскakали на неприятельское орудие и оное свезли»²².

Имя рядового ратника Федора Сергеева встречается в именном списке конного полка Пензенского ополчения, составленном 31 августа 1814 г., под № 457 без указания каких-либо подробностей²³. Лишь в списке воинов 3-го эскадрона конного полка ополчения, возвращенных обратно в свои дома после окончания заграничных походов, содержатся некоторые сведения о нем. В этом списке Федор Сергеев значится крестьянином помещика Ранцова с. Архангельского Керенского уезда²⁴.

Гораздо больше сведений удалось собрать о другом отличившемся пензенском ратнике. Андрей Михайлов сын Капитанов происходил из крестьян помещика И. Ф. Кашкарова с. Широкоис Мокшанского уезда. В 1815 г. ему было 25 лет. Он был холост. После окончания заграничных походов и роспуска ополчения возвратился в родное село²⁵. Штаб-трубачом Андрей Капитанов стал далеко не случайно. Известно, какую страсть к музыке питал отставной гвардии прапорщик Иван Федорович Кашкаров, крепостным которого он был. И. Ф. Кашкаров слыл в округе большим меломаном. Имея более тысячи крепостных душ, он имел возможность изредка бывать в Петербурге, где посещал концерты знаменитых музыкантов (например, скрипача Роде). В своем имении И. Ф. Кашкаров создал «отличный оркестр» (капеллу роговой музыки), для чего выучил играть на роговых инструментах (очевидно, пастушеских рожках) 40 мальчиков из числа своих крепостных. По словам современников, лучше этой роговой капеллы не было в России²⁶. Очевидно, Андрей

²² РГВИА. Ф. 9194. Оп. 1/1846. Св. 6. Д. 29. Л. 4.

²³ Там же. Ф. 395. Оп. 311/240. Д. 66. Л. 249 об.

²⁴ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 529. Л. 141 об.

²⁵ РГВИА. Ф. 395. Оп. 311/240. Д. 42. Л. 24об; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 529. Л. 129 об.

²⁶ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1892. Кн. 3. С. 37–38; Юматов П. И. Воспоминания ветерана 1813–1814 годов // Земство. 1996. № 1. С. 122. Об этом писал и И. М. Долгорукий. См.: Тюстин А. В. Пензенское дворянство. Пенза, 2001. С. 22–23.

Капитанов и был одним из тех мальчиков-музыкантов, которые входили в этот музыкальный коллектив.

Таким образом, вновь обнаруженный архивный документ помогает конкретизировать степень участия конного полка Пензенского ополчения в сражении под Магдебургом у д. Золен 27 октября 1813 г., об отличии в котором генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен отдал приказ по Польской армии, где поставил подвиг, совершенный пензенцами, в пример для всей кавалерии.

АРТАК МАГАЛЯН

СУДЕБНОЕ ДЕЛО КУСАПАТСКИХ АТАБЕКЯНОВ (1852–1855)

Согласно Гюлистанскому договору от 1813 г., заключенному между Россией и Персией, вместе с другими северо-восточными провинциями Восточной Армении, Карабах вошел в состав Российской империи, а в 1822 г. Карабахское ханство было окончательно упразднено. Вековое стремление армянских меликов Карабаха к русскому протекторату завершилось присоединением края к России. По законопроекту 1840 г. в Закавказье было проведено административное деление: создана Грузино-Имеретинская губерния с центром в Тифлисе и Каспийская область с центром в Шемахи. Большая часть восточно-армянских территорий вошла в качестве уездов в состав указанной губернии, а некоторые, в том числе и Карабах, — в состав Каспийской области¹. Во второй половине 40-х годов XIX века, в силу новых административных изменений, Шушинский уезд был включен в состав Шемахинской губернии. Параллельно с административной реформой, происходил также процесс отчуждения в казну земельных угодий, принадлежавших армянскому меликскому сословию. Потомки меликов, теряя свои родовые вотчины и лишаясь традиционных привилегий своих предков, переселялись в различные города. Публикуемые ниже оригинальные материалы дела Атабекянов детально представляют весь процесс отчуждения в пользу государства земельных угодий, принадлежавших этому меликскому

¹ Нагорный Карабах. Историческая справка. Ереван, 1988. С. 15.

роду. Дело Атабекянов представляет собой четкую картину отчуждения собственности и лишения имущества армянского меликского сословия, представленную сухим языком цифр и фактов. В хронологическом плане, первый документ, включенный в дело, датируется 19 мая 1852 г., а последний — 15 мая 1855 г.

Считаем целесообразным вкратце представить также генеалогию меликского рода Атабекянов. Род Атабекянов произошел от сотника² Атабека, который жил в конце XVII века в селении Кусапат гавара Джраберд в Арцахе. По его имени члены рода стали называться Атабекянами. По свидетельству известного армянского писателя и исследователя Раффи, «Атабекяны вели свое происхождение от старинного дворянского рода»³. Согласно устной родовой традиции Атабекянов, род их ведет свое происхождение от Асан-Джалалянов, знаменитых правителей Хаченаского княжества⁴. В пользу этой версии свидетельствует тот факт, что титул «атабек» впервые стал личным именем именно в династии Асан-Джалалянов, став одним из самых распространенных имен в этом роду⁵. Характерно, что Католикос всех армян Ефрем в свидетельстве, выданном им 20 декабря 1809 года, пишет: «От отпрыска к отпрыску владычествовали до 1678 [года], до времен Атабека II Великого, прозванного сотником, [который был] из потомков и отпрысков упомянутого князя Джалала»⁶. Здесь речь идет о хаченском князе Асане Джалале Дола, следовательно, данным свидетельством католикос Ефрем подтверждает происхождение Атабекянов от рода Асан-Джалалянов. Основываясь на свидетельстве католикоса Ефрема, члены высшего совета св. Эчмиадина в удостоверении, выданном в октябре 1821 года

² Воинское звание в Арцахе.

³ Раффи. Меликства Хамсы. Ереван, 1991. С. 150.

⁴ Израелов Г. Село Касапет // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 13. Тифлис, 1892. С. 43; Մաղախյան Ա. Արցախի մելիքությունները և մելիքական տները XVII–XIX դդ. Երևան, 2007, էջ 113.

⁵ Ուլուբաբյան Բ. Խաչենի իշխանությունը X–XVI դարերում. Երևան, 1975, էջ 217.

⁶ Матенадаран. Архив Ал. Ерицяна. Папка 153. Док. 108 (копия). Русскую копию данного документа см.: Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 54. Оп. 9. Д. 297, также: Ф. 4, Оп. 15. Д. 18. Кстати, русский историк В. Потто был знаком с этими документами, однако он не уточняет, о каком именно роде идет речь, иначе вопрос происхождения рода Атабекянов не был бы поводом для разногласий (см.: Потто В. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902. Здесь и далее ссылки даны на армянское издание данной работы: Պոտտո Վ. Ղարաբաղի առաջին կամավորները. Երևան, 1974, էջ 8).

Аслану Атабекяну, подтвердили его происхождение от рода Асан-Джалалянов⁷. Относительно сотника Атабека сохранились лишь обрывочные данные. Известно, что он «оставил после себя двух сыновей: Вани и Гулия. Потомки Вани впоследствии переселились в Россию, где живут и поныне; потомки Гулия остались в Карабахе»⁸. Из уже знакомого нам свидетельства, выданного в 1809 году католикосом Ефремом одному из потомков дома Атабекянов, нам становится известно, что «от Гули родился Саргис, а от Саргиса Арутюн». Что касается потомков Вани, то упомянутое свидетельство сообщает более подробные данные о них. Католикос всех армян Ефрем пишет: «Вани, сын Атабека, родил сотника Атабека III, а от Атабека родился Арутюн — отец... парона Аслана, который в году 1205 летоисчисления армянского и в 1756 году от рождества Христова по некоторым причинам оставил свое княжество и вотчину своим единокорядцам, а сам, странствуя по разным краям, наконец, пришел и поселился в Тифлисе во времена грузинского царя Тамраза и принял чин его военного знаменосца, а затем во времена царя Ираклия был возведен в чин стража окрестностей града Тифлиса при грузинском князе Хатхадове (Хахамхазе), и сопровождал того [в войнах] против древнейших горских грабителей лезгинов. И венчавшись во граде Тифлисе, родил Мовсеса, Оганнеса и Аслана»⁹. Последний в конце XVIII — начале XIX века развернул значительную политическую деятельность.

Внук Гули Арутюн (Туни) жил в конце XVIII века. Сыновья Арутюна — Вани (Ованнес, 1766 — 07.03.1854) и Акоп († 1844) прославились во время русско-персидской войны 1804–1813 гг. Вани, который был сотником и командовал конницей мелика Ровшана Мелик-Аллахвердяна, владевшего гаваром Джраберд, благодаря своим многочисленным услугам получил от российского правительства чин прапорщика, золотую медаль и пенсию в размере 200 рублей. В 1814 году сотник Вани получил также титул мелика и должность правителя Джрабердского меликства¹⁰. «Из ханской талаги, выданной им в 1814 году, видно, что Вани своими стараниями населил в Челябинтском магале семь армянских деревень, находившихся в полном разорении после персидских нашествий,

⁷ Матенадаран. Католикосский архив. Папка 39. Док. 252 (черновик).

⁸ Պոստոն Վ. Ղարաբաղի արաջին կամավորները, էջ. 9.

⁹ Матенадаран. Архив Ал. Ерицяна. Папка 153. Док. 108.

¹⁰ Մաղալյան Ա. Արցախի մելիքությունները և մելիքական տները XVII–XIX դդ. էջ 114.

уничтоживших в крае даже все признаки когда-то бывшей здесь культуры»¹¹. Этими деревнями были Кусапат, Оратах, Мартакерт, Мец Шен, Мохратах, Кармираван и Цахкашен, с которых вплоть до 1823 года мелик Вани взимал малоджахат в свою пользу¹². Однако впоследствии начинается постепенное отчуждение в пользу казны селений, принадлежавших мелику Вани Атабекяну. «Последнее имение Атабековых, селение Касапет, заключающее в себе пахотные, лесные, сенокосные и пастбищные участки, пространством примерно до 10 000 десятин обращено в казну по Высочайшему повелению 6-го декабря 1866 года с назначением всей фамилии Атабековых пенсии в размере 1 368 рублей»¹³. В дальнейшем внук сотника Акопа — Нерсес Асланович Атабекян — «после продолжительного судебного разбирательства с царским правительством, в качестве компенсации за свои захваченные царским правительством земли (вотчину. — *А. М.*), получает находящийся между Паракаром и Вармазйаром (ныне: Аревшат) неполивной и невозделанный каменистый участок государственной земли, именуемый «пустошь»¹⁴.

До настоящего дня специалистам-историкам были знакомы судебные дела варандинских Мелик-Шахназарянов (Дело Шахназаровых) и гюлистанских Мелик-Бегларянов (Дело Бегларовых). Дело Атабекянов публикуется впервые и может стать важной составной частью для целостного представления истории потомственной армянской аристократии Арцаха-Карабаха. Данные документы хранятся в Матенадаране имени Месропа Маштоца в Ереване. Восемь из публикуемых документов вшиты в папку с надписью «Дело архива Верховного Католикоса Всех Армян по прошению прапорщика мелика Вани Атабекяна касательно посредничества перед Верховным Гражданским Управлением о возврате ему отнятых у него собственных угодий, которые в гаваре Карабах», а один документ (№ 3) зарегистрирован в качестве отдельной архивной единицы в Католикосском архиве Матенадарана. Другая копия Донесения (№ 7), отправленного наместнику Кавказскому, также была обнаружена нами в Католикосском архиве (док. 171, коп. 300); однако при подготовке публикации за основу была принята копия, вшитая в Дело. Отметим

¹¹ Պոստոն Վ. Ղարաբաղի առաջին կամավորները, էջ 38.

¹² Матенадаран. Католикосский архив. Папка 171. Док. 300. С. 2а.

¹³ Պոստոն Վ. Ղարաբաղի առաջին կամավորները, էջ 57.

¹⁴ Եղիազարյան Ա. Հովսեփ Աթաբեկյան // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1959, № 2-3, էջ 207.

также, что документы № 3, 4 и 8 впервые переведены с армянского на русский язык. В целях сохранения содержательной связи между документами, последние публикуются в очередности, представленной в Деле. В документах были сделаны некоторые поправки, касающиеся грамматики и пунктуации, однако не затрагивающие их смыслового содержания.

1.

**Рапорт вице-директора Канцелярии Наместника Кавказского
главе Епархиальной Консistorии Армянской Апостольской
Церкви в Грузии о ходе дела относительно возврата мелику Вани
Атабекяну принадлежавших ему деревень.**

18 июня 1852 г. Тифлис

В Грузино-Имеретинскую Епархиальную Армяно-Григорианскую Консistorию

В следствие отношения Грузино-Имеретинской Епархиальной Армяно-Григорианской Консistorии от 12го июня N 1019, имею честь препроводить при сем копию с рапорта Директора Канцелярии Наместника к Г. Начальнику Гражданского Управления от 19 минувшего мая, N 4731, по делу о возвращении прапорщику Мелик Вани Атабекову, армянских деревень в Челябинском магале Шушинского уезда.

Вице-Директор

№ 5770

*[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344.
Л. 1а. Оригинал. Рукопись]*

2.

**Копия с рапорта Директора Канцелярии Наместника Кавказского
к Г. Начальнику Гражданского Управления Закавказским Краем
от 19 мая 1852 года № 4731.**

Прапорщик Мелик-Вани Арутюнов Атабеков, в прошении поданном Католикосу Всех Армян Патриарху Нерсесу¹⁵, объясняя права свои на принадлежность ему семи армянских деревень

¹⁵ Нерсес Ашгаракеци (1770–1857) – Католикос всех армян (1843–1857), принял руководящее участие в создании добровольческих отрядов армян в годы русско-персидской войны (1826–1828 гг.).

в Челябинтском магале в древности разоренных и в последствии населенных им, просит:

1) О предоставлении ему Атабекову того права на означенное имение, коим он пользовался с 1806 по 1823 год, или же об утверждении за ним в потомственном владении, согласно Высочайшему рескрипту о поземельных правах меликов из армян, состоящего во владении его с 1806 года сел. Касапет с прилежащими к нему землями, и 2) О возвращении ему на основании того же рескрипта одного яйлагного места Улубек-Паша-Айгир-булаг и двух зимовников принадлежавших ему и состоящих ныне в казенном ведомстве.

Его Святейшество передавая лично Князю Наместнику прошение Атабекова ходатайствует у Его Светлости об удовлетворении вышеозначенной просьбы Атабекова.

По поручению Князя Михаила Семеновича¹⁶, препровождая при сем к Вашему Сиятельству в подлиннике прошение Атабекова с следующими при нем документами, имею честь покорнейше просить Вас по собрании подлежащих по оному сведению, доставить Г. Наместнику мнение Ваше, о мере возможности удовлетворения просьбы Атабекова, возвратив и включаемые здесь бумаги.

Подлинный подписал коллежский асессор Лисовский.

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 1а-б. Копия. Рукопись]

3.

Письмо Степаноса Манджняна Нерсесу Ашгаракеци о ходатайстве Наместнику Кавказскому с просьбой не отчуждать от рода Атабекианов селение Кусапат, принадлежащее этому роду.

9 августа 1852 г. Шуши

Ваше Преосвященство Наимилостивый Владыко

По несчастному стечению судьбы, секретарь Консистерии Саргис-бек Атабекианц¹⁷, по прибытию в Шуши, пребывает во влас-

¹⁶ Воронцов Михаил (1782–1856) — князь, генерал-фельдмаршал (1856). В 1844–1854 гг. был наместником Кавказским и командующим Отдельным Кавказским корпусом. Был в близких отношениях с Католикосом всех армян Нерсесом Ашгаракеци (об этом см.: Ерицов А. Патриарх всех армян Нерсес V, князь М. С. и княгиня Е. К. Воронцовы в их частной переписке. Тифлис, 1898).

¹⁷ Атабекиан Саргис (ум. 1896) — сын Мелика-Вани, секретарь армянской консистерии Карабаха (см.: Մաղախյան Ա. Արցախի մեխրութիւնները և մեխրական տները XVII–XIX դդ. Երևան, 2007, էջ 120–121).

ти переживаний. Несчастья обступили его со всех сторон; его супруга тяжело больна, племянник скончался, от своего брата¹⁸, который пребывает в России в городе Балта, у него долгое время нет вестей, и страховое письмо, отправленное ему, вернули обратно, поэтому он подозревает, что тот умер. А селение Кусапат, которым [Атабекяны] владели согласно решению Шемахинского суда, нынче передали в царскую казну. И так он пребывает в переживаниях. Хотя здесь работает для [над вопросом] селения, однако просил меня сообщить Вашему Преосвященству помочь ему ходатайством перед Его Светлостью Наместником Кавказским, дабы не были лишены своего селения, которое является последним убежищем их благополучия и наградой многолетней верной службы их отца. О мельчайших деталях этого дела он намерен сам написать и отправить почтой Вашему Преосвященству, в надежде на защиту и помощь Вашего Преосвященства.

Священник Степанос Мандиняц

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 167. Док. 474. Л. 1. Оригинал. Ручпись. Перевод с армянского]

4.

Письмо мелика Вани Атабекяна Нерсесу Аштаракци о ходатайстве Наместнику Кавказскому с просьбой о возвращении ему селения Кусапат.

15 августа 1853 г. Кусапат

Ваше Наисвятейшее Преосвященство¹⁹ Наиблаженный Владыко и Благославленный Патриарх

Я нашел величайшее утешение слушая, в последних вздохах своей старости, наижеланного Вашего Богоодаренного Патриаршества и моего благословенного благодетеля, и святое послание о Богопочитании в кондаке Вашего преосвященства 23-го июня, который поцеловал своими устами и излил благословения слезу, так дойдя до последней надежды в сердце своем. Я также выслушал Ваши, благословенный отец, обнадеживающие [слова] в защиту моих прав и состояния, которое отобрали у меня,

¹⁸ Речь идет о другом сыне Мелика-Вани – Атабеке (Адаме) Атабекяне, который полковником участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. (см.: Պրոֆեսոր Չ. Ղարաբաղի առաջին կամավորները, Երևան, 1974, էջ 58).

¹⁹ В начале документа Нерсес Аштаракци оставил заметку: «Мелик-Вани Атабекян, получил 26 августа».

в ответ на мои услуги и честное трудолюбие, завистливые, злокозненные и могущественные люди, и вместо справедливого отношения [ко мне], злонамеренно разорили плоды пота и многолетних трудов моих, [ввергнув меня] в безутешную печаль. И моя неразборчивость в законодательстве и в [царивших] порядках, настигшие меня одно за другим различные несчастья и враждебность, которые безмерно ослабили меня, не дав возможности укрепить мое положение, — все это послужило причиной того, почему я не смог изначально предотвратить зло и вступиться за мои злонамеренно попранные права.

Я полон всемерной надежды, что Ваше, Благословенный Патриарх, святое и справедливое ходатайство о моих попранных правах, не останется без достойного уважения перед беспристрастными судьями, и что оно станет строением моего разоренного дома и [послужит] во благо моим отпрыскам, и сие будет не моей заслугой, а Вашей наградой, [что приведет к] вечной благодарности моих отпрысков к благословенному имени Вашего Преосвященства. Нынче доволен я весьма и рад безмерно тому, что в час моего последнего отчаяния, снискал я щедрый дар Вашего Наисвятейшего благословения и желанное заступничество. Блаженны и отпрыски мои, которые имеют в защиту свою вышнюю длань Вашего Богоодаренного Патриаршества.

Я весьма обнадежен тем, что мой сын Саргис, которого Вы намерены сделать полезным для церкви и который снискал Вашу безмерную благотворительность и защиту, будучи наиродным служителем Вашего Преосвященства, старательно и с большой готовностью исполняет святые пожелания Ваши пред взором Благословенного Господа нашего, преданное, искреннее и верное служение которому, и тем самым приумножение радости [Вашего] милосердного Владычества и моей должно быть его первейшим долгом и моим отцовским заветом.

Преосвященный Владыко, прошу быть снисходительным, поскольку моя неотступная нужда и потребность в защитном ходатайстве моего Наблаженного Владыки заставили меня повторно утомлять Ваше Преосвященство низжайшим прошением по причине неудачного происшествия, имевшего место по возвращении из Тифлиса моего сына Саргиса, которое является последним несчастьем моего дома, — в частности лишение меня вотчины моей и селения Кусатат, которое находилось под властью моей с 1806 года и являлось последним источником [благосостояния] моего рода, что и вынудило меня

выслать к ногам Вашего Наисвятейшего Патриаршества моего сына Саргиса, дабы лично Вам сообщить о моих просьбах и об обстоятельствах несчастного происшествия, вместе с моим прошением, адресованным господину Наместнику. И [посему] прошу Вашего отеческого ходатайства, без которого мне невозможно ожидать скорейшего решения дела, о возвращении мне сего селения, для которого нет никаких законных препятствий. Прошу не пренебрегать [прошением] и на сей раз также соблагovolить ходатайствовать перед Его Светлостью о возвращении сего селения под мое владычество, как и было прежде, для снискания [средств обеспечения] моего быта, до окончательного решения дела, заведенного при Вашем Патриаршеском Владычестве посредничестве, которое по всей видимости будет продолжаться долго.

В ожидании принятия моего прошения Вашим Богодаренным Патриаршеством, честь имею пребывать навечно в искреннем уважении и совершенном подданстве Наисвятейшего Владычества Вашего покорнейший слуга, прапорщик Мелик-Вани Атабекянц

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 3а-4а. Оригинал. Рукопись. Перевод с армянского]

5.

Прошение Нерсеса Аштаракци наместнику Кавказскому М. Воронцову о возврате селения Кусатат Мелику-Вани Атабекяну.

23 сентября 1853 г. Тифлис

Ваша Светлость Милостивый Государь Князь Михаил Семенович

Вашей Светлости небезызвестны усерднейшие услуги прапорщика Мелика Вани Атабекова, оказанные им неоднократно Великой Державе Всероссийской еще в те времена, в которые величие и могущество оной немногими были испытываемы, и именно:

1) Мелик-Вани спас в 1805 году отряд полковника Карягина²⁰ с двумя орудиями от неизбежной гибели, предстоявшей от пора-

²⁰ Карягин Павел († 1807) — полковник, в 1804 г. участвовал во взятии Гандзака. В кампании 1805 г. в Аскеране и Шахбулахе Мелик-Вани Атабекян спас отряд Карягина из окружения персидских войск.

жения многочисленным войском персиян под предводительством персидского принца Аббас-Мирзы²¹.

2) Для истощенного нестерпимым голодом русского отряда, осажденного неприятелем и не имевшего ни от кого помощи и ни одного человека, знавшего о положении местности, Мелик-Вани был самозванною жертвою, доставляя неоднократно хлеб из своей собственности и без всякого возмездия.

3) По случаю истребления неприятелем артиллерийских лошадей, он был запряжен с солдатами для возки и спасения орудий русских.

4) Когда же прекращено было всякое сообщение, Мелик-Вани отправлял пешком обязанность курьерскую, доставлением бумаг в разные пункты, как-то: в крепость Шушу и в Елисаветполь к князю Цицианову²².

5) Сопутствуя всюду отряду, он самоотличным образом укреплял его в разных пунктах неприятелю неприступных, соединив отряд этот с войском князя Цицианова, и За эти услуги был Мелик-Вани вознагражден Его Сиятельством 12ю семействами армян, жителей Елисаветпольского уезда селения Асканат, подкреплением чего служит предписание Елисаветпольского капитана исправника на имя Мелика-Арушана от 6 апреля 1806 года, о вручении ему Мелику-Вани тех семейств, каковое предписание представлено Вашей Светлости при прошении его, 5 апреля прошлого 1852 года, и 6) За тем Мелик-Вани оказал отличные услуги и в разных других отрядах и случаях, начиная с 1805 по 1813 год, быв в делах противу горцев, и наконец был вознагражден за эти заслуги, в 1812 году прапорщичьим чином, с жалованием, в виде пенсии, в 200 руб. сереб. в год, и разными другими наградами.

Словом, человек этот священно и превосходно исполнял долг верноподданного и истинного христианина, каковые подвиги его службы славятся как в данных ему разными военачальниками восьми аттестатах, представленных также Вашей Светлости при вышеизъясненном прошении его, а так и в русских газетах.

Мелик-Вани оказал еще одну деятельность, достойную также особенной похвалы: Челябинский магал, один из владений

²¹ Аббас-Мирза (1789–1833) — престолонаследник Персии, главнокомандующий персидскими войсками в русско-персидских войнах 1804–1813 гг. и в 1826–1828 гг.

²² Цицианов Павел (1754–1806) — генерал от инфантерии. В 1804 г. возглавлял поход русской армии к Ереванской крепости. Убит 8 февраля 1806 г. во время переговоров с Бакинским ханом.

бывших армянских владетельных меликов, совершенно опустошенных по смутным обстоятельствам края, переобразовал единственно своими услугами, трудами и деятельностью, населив туда разных мест и провинций жителей, а также и пожалованных ему князем Цициановым 12 ти и Шекинским Исмаил ханом 5 ти семейств, и таким образом населил семь разоренных армянских селений того магала.

И наконец, человек этот деятельный, услугами своими и не-утомимы трудами, заслуживая особенное внимание русского правительства и местного владетельного хана приобрел хорошее состояние, чин, меликское достоинство и право владения семи населенными им селениями и всеми жителями оных, которыми и владел на правах карабагских беков во все время ханского правления до 1823 года, т. е. до побега хана за границу в Персию, к чему может служить довольным доказательством то, что если Мелику-Вани не было бы предоставлено право владения, то не мог бы он владеть населенным имением и подвластными, и то в столь долгое время.

Но ныне, — ныне человек этот без куса хлеба! к чему довели следующие неожиданные им несчастные случаи:

а) В 1823 году, после побега хана, и в начале образования в Карабаге гражданского правления, по злословию недоброжелательных лиц, завидовавших его преимуществам, были описаны в казну вышеизъясненные селения и жители оных, в числе коих и пожалованные князем Цициановым семейства, оставляя у него из оных одно селение Касапет и 30 семейств подвластных, каковые и находились во владении его и пользовании до прошлого 1852 года. Лишение это, сколько мне известно, последовало для Мелика-Вани от неблаго к нему расположения тогдашнего местного начальства, нежелавшего оценить отличные его заслуги.

б) Табун его лошадей, около 150, в 1826 году был невозвратно добычею персиян.

в) Лишился он наконец в 1838 году и пенсии своей, которая по добродетельному ходатайству Вашей Светлости Высочайше возобновлена ему с 1847 года, и г) Потерпел он и разные другие несчастные случаи и притеснения, и наконец впал в совершенное отчаяние и оскорбительное положение.

Но наступил час его возрождения: Мелик-Вани восторженно обрадовался, что Всевышнему провидению угодно было посылать в Закавказский край особу, которой правительство доверило свое правосудие и которой лично известны заслуги его, и потому

в прошении своем 5 апреля прошлого 1852 года, переданном мною лично Вашей Светлости объяснив обстоятельство своих прав, прибегнул к правосудию и милосердной защите Вашей Светлости, прося убедительнейше о восстановлении ему своего права, дабы не лишился он справедливо заслуженной милости того правительства, для которого не щадил он ни состояния, ни живота своего, каковую милостию пользуются все Карабагские беки, даже и те из них, которые одним служением местному Владетельному Хану, втрое и в четверо приобрели населенные имения, каковыми владеют они неисключительно и ныне, на каковую просьбу его Ваша Светлость изволили обратить внимание, следствием чего есть то, что об удовлетворении его забираются уже по приказанию Вашему справки и сведения, которые еще не окончены.

Но несчастный старик этот в приятном ожидании удостоения благодетельного результата дела своего, о возвращении ему тех имений, которых лишился он прежде, — старик этот к вящему несчастью своему вновь лишен в прошлом году владемою им селения Касапет, которое служило ему в дряхлых летах и семейству его единым содержанием. И как усматривается из прилагаемой при сем просьбы его на имя Вашей Светлости, право его на то селение рассмотрено уже бывшею Каспийскою Палатою Государственных Имуществ и утверждено Г. Главноуправлявшим Грузиею, в 1844 году, на основании чего и представлено было ему право владения и пользования тем селением по прежнему, до определения прав всех владельцев на имения, и как полагаю я, отобрание этого последнего селения должно быть без особого рассмотрения и разрешения Вашей Светлости.

Ваша Светлость! Заслуги прапорщика Мелика-Вани Атабекова, деятельные его труды, а также нанесенные ему обиды и лишения и настоящая крайность его положения в преклонных летах, — трогают всех и каждого его знающего, в особенности же сильно трогают меня, как очевидца дел его, а это поставляет меня в обязанность утруждать особу Вашей Светлости и потому почтительнейше препровождая при сем просьбу его на имя Вашей Светлости, которую подать лично препятствовали ему и лета и другие обстоятельства свои, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не оставить заслуженного старца без утешения и милостивою резолюциею велеть возвратить ему как землю обществу селения Касапет принадлежащую, во всех ея границах, так и следовавший ему с того селения за прошлый 1852 и сей 1853 годы доход, впредь до рассмотрения Вашею Светлостию и окончательного определения права его на просимые им имения,

о которых забираются уже, как и выше сказано, по приказанию Вашему справки и сведения.

Милость же, которую угодно будет Вашей Светлости оказать Мелику-Вани, заслуженному старцу, обратившемуся к единому Милосердию Вашей Светлости и просящему в том моего ходатайства, а также и обширному семейству и престарелой сотруднице — супруге его, не мало утешить и меня, ибо видеть заслуженного старца вознагражденным по своим заслугам и праву, действительно не мало бы доставило утешение как мне, так и армянской нации, в Карабаге обитающей, рвение которой к пользам службы Его Императорскому Величеству, беспредельно.

В совершенном ожидании удовлетворения просьбы моей, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть

№ 371

Вашей Светлости Милостивого Государя покорнейший слуга и богомолец патриарх Католикос Всех Армян Нерсес

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 11а–14б. Копия. Рукопись]

6.

Прошение Мелика-Вани Атабекяна наместнику Кавказскому М. Воронцову о возврате селения Кусапат.

15 августа 1853 г. Кусапат

Докладная записка прапорщика Мелика-Вани Атабекова. Жительство имею Шемахинской губернии Шушинского уезда в селении Касапет

Ваша Светлость! Об услугах моих и трудах, поделенных мною по долгу верноподданного на пользу службы Великой Державе Всероссийской, а также и о правах моих на те разоренные селения в Челябинтском участке, кои населены трудами моими и которыми владел я во все время с 1806 года Карабагского ханского правления, и наконец о неправильном лишении меня того права после побега хана Карабагского в Персию в 1823 году, — я имел уже честь подробно объяснять в прошении моем 5 апреля прошлого 1852 года, лично переданном Вашей Светлости Святейшим Патриархом Католикосом Всех Армян Нерсесом, на каковую просьбу мою обращено уже правительственное Вашей Светлости внимание, во следствие чего, об удовлетворении меня по мере Его Светлости Наместнику Кавказскому Госпо-

дину Генерал Адъютанту и Кавалеру Князю Михаилу Семеновичу Воронцову возможности, забираются уже, по приказанию Вашему, Светлейший Князь, надлежащие справки и сведения, которые еще неокончены.

Но между тем как я ожидал удостоиться благодетельной милости Вашей Светлости и справедливого результата к восстановлению прежнего моего права, так между тем к несчастью моему я лишился и последнего средства пропитания: ибо селение Касапет, находившееся в постоянном еще с 1806 года владении и пользовании моем и служившее семейству моему и мне в дряхлых годах единым содержанием, — селение это после объявления в прошлом 1852 году в Шушинском уезде новой податной системы, вошло в числе некоторых бекских имений в казенное ведомство, и сколько мне известно, переход этот последовал по ошибке, а не с особого рассмотрения и разрешения правительства, коего благодетельные законы не лишают однакож верноподданного не только временем и заслугами приобретенного права владения, но даже и того имения, которое, если только докажет хозяин находилось у него в четырехмесячном владении, — что не менее доказывается тем, что изъясненные имения беков, перешедшие в прошлом году в казенное ведомство, без всякого даже законного исследования, возвращены уже частию и возвращаются владельцам по их просьбам.

Хотя селение Касапет в 1842 году по возникшей переписке, заведенной недоброжелательными ко мне лицами, отобрано было в казну, но бывшая Каспийская Палата Государственных имуществ в следствие принесенной ей мною жалобы, собрав надлежащие сведения и убедившись в справедливости на то моего права, журналом на 19 день января 1844 года заключила оставить оное в прежнем владении моем впредь до определения вообще прав здешних владельцев на имения, каковое заключение утверждено Господином Главнoуправлявшим Грузию в том 1844 году, и приведено тогда же в надлежащее исполнение, с предоставлением мне того селения во владение по прежнему.

Считая себя правым и оправданным уже пред начальством, и будучи по дряхлости лет моих не в состоянии подавать вновь по начальству просьбы и вновь следить за ходом дела, к чему служит препятствием не менее и крайность положения моего, я приемлю смелость прибегнуть к единому покровительству особы Вашей Светлости, и всеуниженнейше прошу, велеть кому следует, на основании заключения Палаты Государственных имуществ и разрешения предшественника Вашей Светлости,

изъясненного в предложении Г. Начальника Гражданского Управления в 16 день декабря 1844 года за № 11315, к управлявшему Шемахинскою областью Г. Генерал-майору Каханову, на основании коих возвращено было мне то селение Касапет, оставить и ныне землю оною во всех ее границах во владении моем на общем основании Высочайше утвержденного положения Кавказского комитета, впредь до рассмотрения и окончательного определения Вашею Светлостию права моего на просымаемые мною имения, о которых забираются сведения и тем предоставить мне в дряхлых летах моих средство к поддержанию скудного положения семейства моего, не оставив также милостивою резолюциею приказать возвратить мне и следовавший мне с того селения за прошлый 1852 и настоящий 1853 годы доход, ибо до решения дела моего не представлялось справедливости лишать меня преждевременно последних средств моего с семейством существования.

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 15а–16б. Копия. Рукопись]

7.

Донесение наместнику Кавказскому об отказе прошения о собственности Мелика-Вани Атабекяна.

14 октября 1853 г. Тифлис

Господину Наместнику Кавказскому
Представление

С донесением, что домогательство прапорщика Мелик Вани, об оставлении в ведении его 7 армянских деревень в Челябинтском участке, не подлежит удовлетворению, с представлением документов его.

Прапорщик Мелик Вани Арутинов Атабеков в прошении поданном Патриарху и Католикосу Всех Армян Нерсесу, объясняя права свои на принадлежность ему семи армянских деревень в Челябинтском магале, в древности разоренных и в последствии населенных им, — просил:

1° о предоставлении ему Атабекову того права, на означенное имение, коим он пользовался с 1806 по 1823 год, или же об утверждении за ним в потомственном владении, согласно Высочайшему Рескрипту, о поземельных правах меликов из армян, состоящего во владении с 1806 года селения Касапет, с принадлежащими к нему землями, и 2° о возвращении ему, на основании того же

Рескрипта яйлагного места Улубек-Паша-Айгир-Булаг и двух зимовников, принадлежащих ему и состоящих ныне в казенном ведомстве.

Его Светейшество передавая лично Вашей Светлости прошение Атабекова ходатайствовал об удовлетворении оногo. Прошение это Экспедиция Государственных Имуществ по поручению Г. Начальника Гражданского Управления препровождая к Г. Управляющему Губернию 31 мая 1852 года за № 731, с следующими при нем по особой описи документами, — просила, по собрании надлежащих по оному сведениям, с возвращением приложений доставить князю Василию Осиповичу мнение по сему делу.

В следствие чего Г. Статский Советник Смиттен передоная прошение Атабекова с приложениями Шушинскому Уездному Начальнику предписал доставить обстоятельные сведения, с присовокуплением и заключения его по этому предмету.

За отсутствием Шушинского Уездного Начальника помощник его Титулярный Советник Байков донося Г. Управляющему Губернию, что действительно ли прапорщик Мелик Вани Атабеков владел с 1806 по 1823 год семью армянскими деревнями в Челябинбургском магале, и на каком основании, в делах Шушинского Уездного Управления и архива сведений никаких нет, потому что все дела бывших Шушинских городского и провинциальных судов за время по 1823 год находившиеся в канцелярии Управлявшего Мусульманскими Провинциями, поступили ввремя преобразования Гражданского Управления в Закавказском крае в канцелярию Наместника бывшей Каспийской области. Неизвестно также владел ли Атабеков и по какому праву яйлагным местом Улубек-Паша-Айгир-Булаг и двумя зимовниками состоящими после в казенном ведомстве. Что касается до селения Касапет, то он получает с него поземельные доходы на основании разрешения Главноуправлявшего Закавказским краем, — последовавшего в 1844 году, затем хотя по неимению никаких сведений о степени основательности домогательства Атабекова, он Байков не может сделать положительного заключения, но в всяком случае, полагает, что просьба его неосновательно уже потому, что она простирается на огромное казенное имущество, именно 7 деревень и яйлагные места состоящие как сам он говорит во владении казны около 30 лет.

Из архивного дела имеющегося в Губернском правлении бывшего Шушинского городского суда видно; в августе 1823 года прапорщик Мелик Вани объяснял городскому суду, что из Челя-

бюртского магала малджагат²³ поступил в пользу его как прежде, так и во время владения Мехти-Кули хана Карабагского²⁴, и в доказательство этого представил свидетельство тамошних почетных беков.

Свидетельство то суд представляя на благорассмотрение Военно-окружного Начальника Г. Генерал-майора князя Мадатова²⁵, испрашивал разрешения; следует ли после этого предоставить просителю пользование доходами со всего магала. В дополнение к этому потребована была на право пользования ему малджагатом с Челябинбургского магала ханская талага, по рассмотрении которой Г. Военно-окружной Начальник нашел документ этот совершенно не достаточным доказательством на получение просимого им малджагата из магала в управлении его находящегося, так как эта талага дана прапорщику Мелику Вани Челябинбургскому на меликское его достоинство бывшим в Карабаге владельцем Мехти-Кули ханом в 1815 году.

Но как Мелик Вани действительно при бывшем хане точно и без талаги со всего магала пользовался малджагатом, то принимая во уважение, что он будучи Магальным Наибом, обязан иметь особые немаловажные по состоянию своему издержки на содержание рассыльных эсаулов и угощение приезжающих к нему по делам службы чиновников, Генерал-майор князь Мада-

²³ Малоджахат – Термин образован из слов «мал» (собственность, богатство) и «джахат» (сторона, места, пахотные земли). «Мал» – налог на собственность, а «джахат» – поземельный налог, взимаемый с пахотных земель села. Эти два налога рассчитывались вместе и в общей сумме взимались с сельской общины. Малоджахат составлял большую часть ренты–налога, взимавшегося с населения и в раз навсегда установленных размерах взимался с райатов. Поэтому весьма часто под «малоджахатом» разумели и все другие налоги, взимаемые с данного объекта; в данном случае «малоджахат» усматривался как собирательный налоговый термин (см.: Մալոճախատի արտաբերութիւնը և վաճառքը. հրոճարտախփեր, քր. I, Կազմեց Չ. Փափազյան. Երևան, 1956, էջ 232).

²⁴ Мехти-Кули хан († 1845) — хан Карабаха, сын Ибрагим-хана. Властями России назначен ханом после убийства его отца в 1806 г., в 1822 г. сбежал в Персию, после чего Карабахское ханство было ликвидировано.

²⁵ Мадатов Валериан (Ростом Мадатян, 1782–1829) — генерал-лейтенант. В 1816 — командующий российскими войсками в Карабахе, с 1817 — окружной военачальник в Карабахском, Ширванском и Шакийском ханствах. Осенью 1826 г. его войска очистили Карабах от персидских войск. (Детали биографии см.: Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Жизнеописания ген.-л. В. Мадатова и ген.-м. Бурцова. СПб., 1859. С. 1–64; Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1874; Թերզրիբաշյան Վ. Գեներալ-լեյտենանտ Վ. Գ. Մադաթով. Երևան, 1942.)

тов разрешил предоставить Мелику Ванию одну только деревню из несущих малджагатную подать. На этом основании городской суд предоставил ему Мелик-Ванию пользоваться малуджагатом с селения Касапет, коего поступило в казну пшеницы 68 четвертей 6 четвериков и ечменя 86 чувалов, и об этом 14 ноября того 1823 года данес ему Мадатову.

По ведомостям действительного статского советника Могилевского за 1823 год²⁶ значится, что в Челябинском участке состоит в управлении прапорщика Мелика Оганеса семь деревень, — именно 1. Касапет, 2. Гюль-ятаг, 3. Кичик-карабек, 4. Улукарабек, 5. Магауз, 6. Асан-риз и 7. Енгича. Жители сих деревень платят в казну денежную подать, хлебную подать под названием сальяна²⁷ и кроме того 25 вьюков дров, прочие доходы со всего магала предоставлены Мехти-Кули ханом в пользу прапорщика Мелика Оганеса, во уважение того, что все сии деревни большею частию старанием его собраны и заселены. Но Мехти-Кули хан предоставил пользоваться мелику малджагатом, на талаги же право принадлежности ему этого дохода в собственность.

Из дел бывшей Ширванской Палаты Государственных Имуществ видно: в ноябре 1843 года прапорщик Мелик Вани Атабеков приносил жалобу на отобрание от него малджагатного дохода с селения Касапет. Палата Государственных Имуществ основываясь на вышеизложенном разрешении бывшего Военно-окружного Начальника Г. Генерал-майора Мадатова, и на основании повеления Г. Военного Министра, о том чтобы отношения беков к поселениям оставить до времени на прежнем положении, заключила: право пользования прапорщиком Меликом Вани доходами с селения Касапет оставить в прежнем виде впредь до определения вообще прав здешних владельцев на имения. Заключение это утверждено Г. Главноуправлявшим Закавказским краем 16 декабря 1844 года N 11315, и предложено для приведения его в исполнение.

По последнему камеральному описанию и облагательному списку в селении Касапет показано казенных крестьян занимающих казенную землю и обложенных податью 95 дымов по 11 р. и 49 ды-

²⁶ Речь об «Описании Карабахской провинции», составленном в 1823 г., действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым (опубл.: Тифлис, 1866).

²⁷ Сальянэ — вид налога, который взимался с пшеницы (см.: Գրլոյան Վ. Արևելյան Հայաստանը XIX դարի առաջին երեսնամյակին և հայ-ռուսական հարաբերությունները, Երևան, 1989, էջ 129).

мов по 3 р. с дыма, противу последних сделана в камеральном описании отметка, что они подвластные Атабековым. При вверении новой податной системы Шушинским Уездным Начальником подполковником Смирновым совместно и советником Губернского Правления Г. Вольфрамом объявлено Касапетцам, что те из них, которые обложены податью по 11 р. с дыма, не обязан уже давать никаких доходов в пользу Атабековых, те же, которые обложены по 3 р., должны оставаться в прежних отношениях к Атабековым по отбиванию им доходов. Из дел комиссии о поземельных правах беков, оказывается, что на 49 семейств в селении Касапет уже распространено положение Комитета с 1 января сего 1853 года.

Сообразив все вышеизложенные обстоятельства, я нахожу, домогательство прапорщика Мелик Вани, о предоставлении ему права пользоваться прописанными семью армянскими деревнями в Челябинтском участке, — не подлежит удовлетворению. Что касается до селения Касапет, то пользование доходами с этого селения предоставлено ему в 1823 году бывшим Военно-окружным Начальником Г. Генерал-майором Мадатовым, а на 49 семейств распространено уже сначала нынешнего года положение Кавказского Комитета, то эти собственно семейства оставить в зависимости его Мелик-Вани.

Об этом почтительнейше имею честь донести Вашей Светлости вследствие отношения Экспедиции Государственных Имуществ за № 731, с представлением и документов его Мелик-Вани, и доложить, что владел ли Мелик-Вани с 1806 года упоминаемыми им семью деревнями, в архивных делах Губернского правления сведения не имеется.

№ 1300

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 17а–20б. Копия. Рукопись]

8.

**Письмо мелика Вани Атабекяна Нерсесу Апштаракци о ходатайстве
наместнику Кавказскому с просьбой о возврате его вотчины.**

17 октября 1853 г. Кусапат

Ваше Наисвятейшее Преосвященство Наиболаженный Патриарх и Владыко

Сын Ваш духовный и мой телесный, Саргис Атабекянц, возвратившись из Тифлиса, рассказал мне о человеколюбии Вашего Богоодаренного Владычества, совершенном ради него, которое

и далее намерены совершать ради него и меня, старца, и рода моего во веки вечные. Вместе с тем, он явил мне награду милосердия отеческой любви Вашей. И нет более занятия мне, кроме как до скончания жизни моей коленопреклонно пред наидобрейшим Творцом выражать благодарность за Вашу богосотворенную личность. Преосвященный владыко, [Вы] единственное упование старчества моего и защитник прав моих, вечный объект нашей признательности, всеобщего мира и благоденствия во славу Божию и во благо церкви и всего народа нашего.

Наиблаженнейший Патриарх, было получено письменное уведомление из Шемахи о том, что относительно дела о моих владениях, которое было заведено милостивым ходатайством Вашего Богоодаренного владычества, было решено там, в Шемахе, так, что мне будет возвращено селение Кусатат, а касательно остальных владений, отобранных у меня в прежние времена и о которых было ходатайствовано Вашим Преосвященством, решение об их судьбе было оставлено на усмотрение Его Светлости Наместника Кавказского. Это решение, как я полагаю, уже должно было дойти до Его Светлости в Тифлис.

Скорейшим образом сообщая сие Вашему Богоодаренному Владычеству, прошу о Вашем, святейший Патриарх, человеколюбию [дабы Вы соизволили] распорядиться, как сами того решите, о том, как довести сие дело до конца, согласно Вашему справедливому посредничеству, и имею честь нижайше просить, дабы Ваше Богоугодное Владычество распорядилось об исходе сего дела в мою пользу, таким утверждающим и вечным решением, дабы после кончины моей потомки мои не несли каких-либо делопроизводств и тяжб по поводу тех же владений из-за злонравных писарей и [прочьего] вмешательства, и дабы чужие не прибрали себе мои заслуги в несчастье могиле моей и потомкам моим.

В ожидании визита Всевышнего, по милосердному отеческому ходатайству Вашему, имею честь пребывать всегда и навечно

Богоугодного Владычества Вашего покорный слуга Мелик
Йоаннес Атабекянц²⁸

*[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344.
Л. 5а–6а. Оригинал. Рукопись. Перевод с армянского]*

²⁸ Мелик-Вани Атабекян имел обыкновение подписывать свои письма именами Йоаннес, Иване или Вани, которые в действительности являются разными формами одного и того же имени, соответствующего русскому Иван, церковному Иоанн.

9.

Прошение Саргиса Атабекяна наместнику Кавказскому Н. Муравьеву 29 о споре касательно собственности, возникшем между ним и Зурабом Саакяном.

16 мая 1855 г., Шуши

Его Высокопревосходительству Наместнику Кавказскому Главнокомандующему Отдельным Кавказским Корпусом Господину Генерал-Адъютанту Генералу от Инфантерии и Кавалеру Муравьеву 1^{му}

Губернского Секретаря Саркис-бека Мелик-Иванова сына Атабекова

Прошение

Затруднительное положение, которому подвергла меня неправильность распоряжения Шемахинского Губернского Правления к отобранию от меня населенной земли моей Мардакерд, состоящей Шушинского Уезда в Челябинтском участке и к отдаче оной по силе подлоги составленного домашнего духовного завещания (о чем объяснено ниже) от имени умершего бездетно прапорщика Макара Иванова жителю города Шуши Зурабу Петросову сыну Саакову, происходящему из податного сословия, — вынуждает меня утруждать особу Вашего Высокопревосходительства и всепокорнейше просить обратить на настоящую всенижайшую мою просьбу особенное Ваше благосклонное внимание.

Отец мой прапорщик Мелик-Вани Атабеков, умерший 7 марта 1854 года, кроме отличных заслуг, оказанных им Русскому правительству с 1805 по 1813 год, а также и в делах противу горцев по 1821 год, — оказал еще одну деятельность, достойную особенного внимания: Челябинтский магал один владений бывших Армянских владетельных меликов, совершенно опустошенный по смутным обстоятельствам края по 1803 год переобразовал единственно своими стараниями и трудами собрав жителей с разных отдаленных мест и заселив семь разоренных Армянских селений того магала, каковыми селениями он по воле местного владетельного хана владел на правах Карабагских беков во все время ханского правления по 1823 год, т. е. до побега хана за границу в Персию, — чему вернейшим свидетелем есть описание

²⁹ Муравьев Николай (1794–1866) — генерал от инфантерии (с 1853). Служил на Кавказе, участвовал в русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войнах. В 1854 — назначен наместником Кавказским и командующим Отдельным Кавказским корпусом. Ушел в отставку в 1856 г.

действительного статского советника Магилевского за 1823 год, где сказано: „в Челябинтском магале состоит в управлении прапорщика Мелика Оганеса (он же и мелик Вани) семь деревень, именно: 1. Касапет, 2. Гюль-ятаг, 3. Кичик-Карабек, 4. Улукарабек, 5. Магауз, 6. Асан-риз и 7. Енгича, жители сих деревень платят в казну денежную подать, хлебную подать под названием сальяна и кроме того 25 вьюков дров, прочие доходы со всего магала; (Челябуртского, заключавшегося тогда в этих семи деревнях) предоставлены Мехти-Кули ханом в пользу прапорщика Мелика Оганеса во уважение того, что все сии деревни большею частию старанием его собраны и заселены. — После побега хана по неблагорасположенности к отцу моему бывшего Военно-окружным в мусульманских провинциях Начальником Г. Генерала Князя Мадатова, было оставлено в пользовании его одно селение Касапет, а прочие шесть деревни были отобраны в казну, о чем и производилось дело в бывшем Шушинском городском суде в 1823 году по жалобе моего отца. Сведения об этом Ваше Высокопревосходительство благоволите усмотреть в справках доставленных Господину Предшественнику Вашему Шемахинским Военным Губернатором, управляющим Гражданскою частию, в представлении от 14 октября 1853 года за № 1300. последовавшем по прошению моего отца, лично переданному Его Светлости святейшим Патриархом и Католикосом Всех Армян Нерсесом, исходатайствовавшим о возобновлении прежнего права его на означенные шесть деревень. Предоставленным Г. Князем Мадатовым селением Касапет отец мой прапорщик Мелик-Вани владел, как во все время ханского правления по 1823 год, так и после того по 1852 год, т. е. до введения в Шушинском уезде новой податной системы, но в сем году селение это было разделено по платежу податей на две части, одна 95 дымов была обложена высшим окладом податей, т. е. по 11 руб. сереб. в год, а другая 49 дымов как подвластные отцу моему, по 3 рубля. По происходившей об этом в следствие просьбы отца моего поданной Предшественнику Вашего Высокопревосходительства, переписке управлявший Гражданскою Частию на Кавказе и за Кавказом Г. Генерал от Кавалерии Реад, основываясь на доставленных Шемахинским Губернским Правлением сведениях доказывающих между прочим, что при дознании, произведенном Комиссиею о разборе поземельных прав беков оказалось, что поселенная земля Касапет-мюлки с участками Мардакирд, Бюкадаш и Юхари-Гюльятаг со времен ханских находится во владении отца моего и все 144 дыма до введения новой податной системы платили отцу моему до-

ходы за пользование его землею, — изволил предписать: селение Касапет во всем его составе, оставить по прежнему во владении отца моего, распространив и на остальных 95 дымов казенных крестьян, занимающих землю отца моего, положение Кавказского Комитета и взаимных отношений беков и поселян, на их землях живущих, и распорядиться об обложении их тою податью, какая определена для поселян, живущих по владельческой земле, о чем и впоследствии уже окончательное распоряжение казенной палаты о обложении их меньшею податью.

Объяснив о праве отца моего на целое селение Касапет, обращалось изложить и о достоянии умершего прапорщика Макара Иванова. Человек этот был один из казенных поселян деревни Кичик-Карабек, отошедшей в 1823 году, как выше объяснено, от отца моего в казенное ведомство, чему служит доказательством то, что отец и двоюродные братья Иванова состояли и состоят в податном окладе, но в последствии времени после 1826 года за заслуги, оказанные им в разных делах Российскому правительству, был вознагражден прапорщичьим чином, орденом Кавалера и пенсионом в год по 750 руб. ассигнациями, да кроме того предоставлены были ему Иванову в 1826 году Г. Главнуправлявшим в Грузии за разорение потерянное им в том году от персиян и мятежников карабагских, семь дымов из казенных крестьян деревни Кичик-Карабек. Наконец человек этот был задержим сильною болезнью умер в 7 день июля 1848 года бездетно в госпитале Штаб Квартиры Мингрельского Егерского полка, расположенной в урочище Ханкендах.

Один из его Макара Иванова подвластных жителей селения Кичик-Карабек, в последствии времени переселившийся на жительство в город Шушу, по имени Зураб Петросов сын Сааков, находившийся во время смерти Иванова в урочище Ханкендах, выдумал достать себе его документы и составить от имени его Иванова домашнее духовное завещание, в том, что будто бы умерший Иванов, кроме других собственных движимых и недвижимых имений, заключающихся между прочим в домах, садах, мельнице и хлебопахотных землях, отказал ему Саакову и деревню Кичик-Карабек и Высочайше пожалованный ему пенсией, и успел он в этом своем предприятии. Завещание это было засвидетельствовано в Шемахинской палате Уголовного и Гражданского Суда, и затем было предписано ввести его Саакова во владение помещенным в том завещании имением Иванова, кроме деревни Кичик-Карабек и его пенсии. Но дабы наказать этого неблагонамеренного человека за сей его подлог, подвергший меня ныне

безвинному затруднению, Всевышнему проведению угодно было ослепить его — дать включить в то завещание составленное 15 февраля 1837 года и Высочайше пожалованный Иванову пенсия, произведенный ему чрез три года после составления того завещания, то есть в 11 день декабря 1839 года, как это ясно видно из приказа Генерала от Инфантерии Головина 1-го³⁰, данного по Отдельному Кавказскому Корпусу того 11 декабря за № 154 и приложенного при нем списка.

Объяснив о правах умерших прапорщиков отца моего Мелика Вани Атабекова и Макара Иванова, а также и о подлоге Зураба Саакова, имею честь почтительнейше изложить распоряжения начальства по этому завещанию и последствия его, лишающие меня безвинно своей собственности.

Шемахинская Палата Уголовного и Гражданского Суда, при засвидетельствовании (в 27 день июля 1851 года) представленного в оную Зурабом Сааковым завещания, коим будто бы Иванов отказал ему движимое и недвижимое имущество, заключающееся в домах, садах, мельнице и хлебопахотных землях, а также и деревню Кичик-Карабек и пенсия, в надписи засвидетельствования на этом завещании сделанной присовокупила: «что касается до помещенной в том завещании дер. Кичик-Карабек, то о ней Зураб Сааков может просить особо Высшее Начальство, тем более, что он по происхождению своему не имеет права на владение деревнею, да и в документах, по которым умерший завещатель прапорщик Макар Иванов владел тою деревнею, не сказано, что ему таковая отдана в вечное и потомственное владение». О таком засвидетельствовании Палата для сведения уведомила Шемахинское Губернское Правление по части Государственных Имуществ, которое от 3 августа 1851 года за № 10872 известило Палату, что оно принимая во внимание:

«1. Что семь семейств армян деревни Кичик-Карабек, составляющие ныне 17 семейств, предоставлены с разрешения Главноуправлявшего в Грузии умершему прапорщику Макару Иванову для получения с них только некоторых доходов, а не в вечное владение.

2. Что после него не осталось никаких наследников, которые имели бы право на владение означенною деревнею, и 3. Что в За-

³⁰ Головин Евгений (1782–1858) — генерал от инфантерии (с 1839). Участвовал в русско-турецких войнах 1806–1812 и 1828–1829 гг. В 1838–1842 гг. был командующим Отдельным Кавказским корпусом и главой Гражданского Управления на Кавказе.

кавказском крае крепостного права не существует — положило: все вышеозначенные семейства в упомянутой деревне оставить в казенном ведомстве, обложив их податями наравне с казенными крестьянами живущими на казенных землях, что и было приведено в исполнение. В следствие чего палата с прописанием вышеозначенных обстоятельств предписала указом от 31 января 1852 года за № 152 Шушинскому Уездному Начальнику: «Зураба Саакова ввести во владение тем только, что в деревне Кичик-Карабек принадлежит собственно умершему прапорщику Макару Иванову и показано в духовном его завещании всего на сумму девятьсот рублей сереб. не касаясь поселенных там крестьян, и по исполнении того вводный лист представить в палату».

Челябуртский Участковый Заседатель Скибинский приступив в 1854 году к исполнению указа палаты о приведении в известность имущества умершего Иванова и о вводе за тем во владение оным Зураба Саакова учинил дознание с явным пристрастием, имея в виду одну лишь пользу находившагося тогда при нем в служении Зураба Саакова, что и доказывается тем: во 1-ых, что он заседатель Скибинский в совершенную противность указы палаты вело Кичик-Карабекую землю и таковую смежную с него под названием Мардакирд, принадлежащую отцу моему и входящую в состав нашего селения Касапет, под видом пахотной земли Макара Иванова, показал собственностию его Иванова, так что все поселяне деревни Кичик-Карабек облаженные по смерти Иванова, по распоряжению самого Губернского Начальства, податями наравне с казенными крестьянами, живущими на казенной земле, остались совершенно без клочка казенной земли, что доказывают назначенные в дознании его Скибинского следующие границы; с востока канава Казарх, с запада Извердин Ахпюр и Сарин-Калер, с юга земля Джиркиз и с севера дорога Саманъелы и Миндиркана-яйелы, оценив ее в 870 руб. сереб., тогда как земля по этим границам, куда захвачена и часть с другого участка земли селения Касапет, называвшего Касапет-мюлки, стоит если не более, то по крайней мере пятьдесят тысяч руб. серебром и имеет пространство удобной хлебопахотной земли на три тысячи и более четвертей семен,

во 2-ых, что подвластные наши касапеты в том числе и бывшие при дознании, зная о пристрастном действии Скибинского, не медля ни мало приносили на пристрастие его жалобу местному Уездному Начальнику прошением от 10 февраля 1854 года, о том, что показанная в дознании его земля Мардакирд никогда не принадлежала Макару Иванову и к сел. Кичик-Карабек, а она всегда

находилось и ныне находится в их пользовании и входит в состав селения Касапет, чему может служить доказательством то, что целое общество Касапетцев в числе 144 дымов имеют на этой земле зимовники, мельницы, пастбище, скотоводство, и огромный ежегодный посев разных произрастаний и другие хозяйственные обзаведения, а мы-ятагные места и также мельницу и все хозяйство, — причем жаловался Уездному Начальнику на бумаге же и Бекляр юзбаши-Шахджанов, один из подписавших оценочную опись составленную на русском языке, о сделанном Скибинским обмане,

во 3-ых, что Г. Скибинский, имевший резиденцию в самом нашем селении Касапет, зная, что мы владельцы этого селения, не вызывал к дознанию ни отца моего, ни меня и ни других смежных владельцев земель с Кичик-Карабеком и Мардакирдом, тогда как заседатель Скибинский имел пред глазами объявление отца моего, поданное предместнику его Г. Князю Орбелианову 10 декабря 1851 года, которым он поставив в известность все границы общей земли сел. Касапет, состоящего из четырех смежных участков, именно: Касапет-мюлки, Мардакирд, Бюкадаш и Юхари-Гюльятаг, просил Его Сиятельство во время приведения в известность границы смежной с нашим селением Касапет деревни Кичик-Карабек, будто бы долженствующей так говорили, быть введенным по духовному завещанию Иванова во владение Зураба Саакова, иметь границы те ввиду и поступать по правилам, законами при подобных случаях установленным.

Видя столь явно пристрастные действия Участкового Заседателя Скибинского, обязанного было (за предъявлением отцом моим и подвластными его жителями селения Касапет спора за участок земли сел. Касапет под названием Мардакирд поданными, как сказано выше, первым Князю Орбелианову 10го декабря 1851 года объявлением, о последними Уездному Начальнику 10 февраля 1854 года прошением) по силе 755 ст. 10 т. зак. гражд. изд. 1842 года, приостановиться исполнением Указа Палаты на счет ввода во владение этого землею Зураба Саакова, — я в день состояния вводного листа, и именно 25 мая 1854 года, подал прошение Шушинскому Уездному Начальнику о выдаче мне копии с предписания его от 23 мая 1854 г. за № 5163. Из выданной мне с этого предписания копии усмотрев, что подвластным моим Кусапатским жителям в жалобе их Уездным Начальником отказано потому только, что в 1830 году жители коч. Нашарлу Али и Зейнал сыновья Атама поданным в бывший Карабагский Провинциальный Суд прошением оспаривали у прапорщика

Макара Иванова будто бы землю Мардакирд, но суд этот землю ту признал принадлежащею будто бы к деревне Кичик-Карабек, а Кичик-Карабек — Иванову, поданным Уездному Начальнику 8 июня того 1854 года прошением жалуюсь на пристрастное действие заседателя Скибинского с представлением законных фактов о правах наших на населенную землю Мардакирд, просил я распоряжения Его Высокоблагородия об уничтожении дознания произведенного Скибинским пристрастно и в совершенную противность подписи Судебною Палатою на духовном завещании Иванова сделанной, которою отказано Саакову в деревне Кичик-Карабеке, т. е. в населенной земле, а между тем просил я Уездное Управление выдать мне следующие копии: 1. с вышеупомянутого Указа Судебной Палаты за № 152,

2. с описи составленной 31 августа 1848 года Челябинским Участковым Заседателем Левковичем по распоряжению местного Начальства, о приведении в известность имения оставшегося после смерти умершего прапорщика Макара Иванова,

3. с прошения мусульман Алиа и Зейнала нашарлинских, поданного ими в бывший Карабагский Провинциальный Суд 24 июля 1830 года, насчет мельничных и садового мест,

4. с объяснения противу этого прошения Нашарлинцев прапорщика Иванова, поданного в том суде 12 ноября 1830 же года, и 5. с предписания того провинциального суда, от 29 мая 1831 года за № 383, и усмотрев из этих копий: а) что палата при засвидетельствовании духовного завещания Макара Иванова, отказала Зурабу Саакову, как выше сказано, в предоставленной ему по оному деревне Кичик-Карабек,

б) что заседателем Левковичем при приведении в известность имения умершего Иванова показано за подвластными его земли в пространстве, по показанию Кичик-Карабекцев, примеры на пятьдесят четвертой посева,

в) что татаре Али и Зейнал сыновья Атама преарендовали от прапорщика Макара Иванова не землю нашу Мардакирд, а частицу земли, лежащую пред самыми скотными дворами огромного (зимовника) одного общества нашего селения Касапет зимовника, состоящего на земле Мардакирд, на которой будто бы предки Алиа и Зейнала в незапамятных временах имели мельницы и сад, и на которой Иванов предположил было завести сад и построить мельницу, к чему Иванова имевшего права владения только на семь семейств Кичик-Карабекцев, предоставленных ему временно для получения с них некоторых доходов Г. Главнаууправлявшим в Грузии в 1826 году, не допустили отец мой,

как прямой владелец земли Мардакирд, и его подвластные Касапетцы пользующие тою землею и сказанною частицею земли, уничтожив предположение Иванова со всеми последствиями, каковая частица земли и ныне состоит в том самом положении, в котором она находилась до предположения Иванова, что доказывает та самая частица земли,

г) Макар же Иванов противу этого поданным объяснением, зная, что правительством кроме семи семейств Кичик-Карабекцев, никакой земли ему не предоставлено, о принадлежности ему населенной земли Мардакирд, ни слова не говорил, объяснив только, что на земле Мардакирд он и посторонние люди производили посевы, а в 1830 году развел он на оной садик и предположил было построить мельницу, на что издержано им сто рублей серебром с присокуплением, что если благоугодно будет суду отобрать от него эту землю, то не оставить взыскать издержанные им сто рублей серебром с отца моего Мелика-Вани, уничтожившего начатые было им Ивановым к постройке на нашей земле Мардакирд мельницу и сад,

д) провинциальный же суд, основываясь, на каком то дознании, отказал сказанным татарам в претенции их к Иванову за мельничные и садовые места, потому, что места эти состоят на земле Мардакирд, принадлежащей будто бы к деревне Кичик-Карабек.

Но как отец мой с подвластными своими Касапетцами как до последования этого предписания провинциального суда за № 383, так и после того по настоящее время беспрепятственно пользовался землею Мардакирд, что положительно доказывается, как выше объяснено дознанием произведенным комиссиею о поземельных правах беков, имея на оной все хозяйства и обзаведения. Следовательно это предписание провинциального суда в отношении к отцу моему и его подвластным решительно не может иметь никакой силы.

Получив копии эти, я с изложением прав моих на землю Мардакирд и с представлением этих копий, подал прошение и в Шемахинское Губернское Правление, жалуюсь на неправильное распоряжение Уездного Управления, основанное на пристрастно произведенном дознании заседателя Скибинского. Наконец Шущинский Уездный Начальник из учиненного в следствие жалобы моей исследования усмотрев, что действительно земля Мардакирд есть населенная и находилась и находится в пользовании целого общества сел. Касапет, и что дознание заседателем Скибинским учинено в совершенную противность, как надписи Судебную

Палатою на духовном завещании сделанной, так и выводов, сделанных Шемахинским Губернским Правлением, сообщенных предместнику заседателя Скибинского предписанием Шушинского Уездного Начальника от 15 февраля 1852 года за № 1078, которыми отказано Саакову в населенной земле и определено ввести Саакова во владение между прочим теми хлебопахотными землями, которые в деревне Кичик-Карабек собственно принадлежат прапорщику Макару Иванову и показаны в духовном его завещании, — последним предписанием от 17 августа 1854 года за № 8643 уничтожив со всеми последствиями дознание Скибинского и вводный его лист, — предписал Участковому Заседателю Варнэку, дознать положительным образом чрез верных и сведущих людей под присягою какая земля принадлежит собственно Иванову, имея при том в виду, что те Кичик-Карабекские земли, с которыми крестьяне этой деревни были пожалованы Иванову и потом по случаю смерти его опять обращены в казну, не должны почитаться собственностию Иванова. До того же землю Мардакирд, предоставлено было Саакову бывшим Участковым Заседателем Скибинским по вводному листу, он Уездный Начальник убедившийся в неправильности первоначального своего распоряжения, предписал оставить в том положении, в каком она находилась до ввода Саакова во владение его. Это предписание Уездного Начальника и по ныне остается заседателем без исполнения.

А между тем Шемахинское Губернское Правление заключением своим изложенным в предписании его к Шушинскому Уездному Начальнику от 26 прошлого апреля за № 6038, в отмену подписи засвидетельствования на духовном завещании Макара Иванова Шемахинского Судебной Палатою сделанной уведомления Губернского Правления последовавшего в оную Палату 3го августа 1851 года за № 10 872 и последнего предписания Уездного Начальника к Участковому Заседателю Варнэку от 17го августа 1854 года за № 8643, — полагало: по 917 ст. 10 т. св. закон. гражд. оставить во владении Саакова землю по границам значащимся в неправильно составленном заседателем Скибинским вводном листе, так что Сааков будет пользоваться двумя селениями Касапет и Кичик-Карабек, и даже всем достоянием нашей фамилии, а мне предоставить отыскивать права свои на эту землю порядком указанным в той же статье законов, о каковом заключении оно и донесено Вашему Высокопревосходительству.

Факты, на которых основано это заключение Губернского Правления выражены следующим образом: а) что принадлеж-

ность земли Мардакирд умершему Иванову, а по нем Саакову будто бы подтверждена полицейским дознанием Скибинского, произведенным еще до ввода Саакова во владение этою землею по духовному завещанию Иванова,

б) что самый ввод произведен Скибинским будто бы в порядке установленном законами еще до получения предписания Г. Управлявшего Гражданскою частию на Кавказе и Закавказьем от 31 августа 1854 года за № 380, которым разрешено селение Касапет, в составе коего находится и земля Мардакирд, оставить во владении отца моего, и в) что при вводе до владение по утвержденному Палатою духовному завещанию Иванова со стороны моей будто бы не было предъявлено никакого спора.

Будучи крайне обиженным прописанным заключением Губернского Правления, основанным на пристрастно произведенном дознании заседателя Скибинского, безвинно лишаящим меня своей собственности, я противу онаго излагаю следующее:

1° Умершему Макару Иванову не имевшему, как упомянуто выше, в принадлежность себе населенной земли, с разрешения Главноуправлявшего в Грузии предоставлено только семь семейств армян дер. Кичик-Карабек, следовательно полицейское дознание, доказывающее будто бы принадлежность Иванову в собственность населенных земель Кичик-Карабек и Мардакирд, произведено Участковым Заседателем Скибинским с явным пристрастием и в совершенную противность вышеобъясненных надписи Судебной Палаты и выводов Губернского Правления.

2° Из дела заведенного в канцелярии Вашего Высокопревосходительства, по просьбе отца моего прапорщика Мелика-Вани Атабекова от 15 августа 1853 года, о распространении положения Кавказского Комитета о поземельных правах беков и на 95 дымов жителей селения Касапет, как занимающих землю отца моего, — Ваше Высокопревосходительство соизволите усмотреть, что собранные в следствие этой просьбы отца моего сведения между прочим достаточно доказаны, что все жители селения Касапет, как 49 семейств, так и 95 всего 144 семейства занимают землю отца моего, и при дознании произведенном Комиссиею о разборе поземельных прав беков оказалось, что населенная земля Касапет-мюлки с участками Мардакирд, Бюкадаш и Юхари-Гюльятаг со времен ханских находится во владении отца моего и все 144 дыма до введения новой податной системы платили отцу моему доходы за пользование его землею, и что на этом основании Г. Управлявший Гражданскою частию на Кавказе и Закавказьем, имея ясные доказательства о правах отца моего на все селение

Касапет, уже изволил предписать селение Касапет во всем его составе оставить по прежнему в пользовании отца моего распространив на остальные 95 дымов означенное положение Кавказского Комитета, о взаимных отношениях беков и поселян по их землях живущих и распорядиться о обложении их тою податью, какая определена для поселян живущих на владельческой земле, о чем уже и воспоследовало окончательное распоряжение Казенной Палаты. Следовательно выражение Губернского Правления, что ввод произведен еще до получения сказанного предписания Г. Управлявшего Гражданскою частию на Кавказе и Закавказом при таких обстоятельствах дела не может иметь места, тем более, что земля Мардакирд признана принадлежащею отцу моему и находящегося в его владении еще с ханских времен, и дознанием произведенным в 1848 году Комиссиею о земельных правах беков, которое следует предпочесть таковому учиненному заседателем Скибинским, и что земля эта Мардакирд и до ввода его Саакова заседателем Скибинским вводного листа находилась в ползовании по прежнему 49 семейств наших подвластных Касапетцев, на которых было распространено означенное положение Кавказского Комитета еще при объявлении в Шушинском Уезде новой податной системы. При том же должно принять в соображение и то, что вводный лист хотя и был составлен 25 мая 1854 года заседателем Скибинским, но предписанием Уездного Начальника земля Мардакирд оставлена по ныне в том виде, в каком она находилась до состояния того вводного листа, так что Сааков по ныне и не был введен еще во владение имением по духовному завещанию.

3^е Еще до составления Скибинским вводного листа отец мой и подвластные его Касапетцы, как выше объяснено, предъявляли спор землею Мардакирд, но что это было скрыто заседателем Скибинским, и Шемахинское Губернское Правление изъясняющее, что при вводе Саакова в владение имением покойного Иванова по духовному его завещанию со стороны моей будто бы не было предъявлено никакого спора, то сие не должно отнести к моей вине.

4^е Упомянутое заключение Шемахинского Губернского Правления, не ожидавшего нового дознания о приведении положительным образом в известность собственности Иванова, последовало в совершенную противность как надписи засвидетельствования на завещании Макара Иванова Шемахинскою Судебною Палатою сделанной, которою определено не касаться поселенных в деревне Кичик-Карабек крестьян и ввести Саакова

тем только, что принадлежит собственно умершему Иванову, так и самому отношению Губернского Правления, последовавшему в оную Палату 3 августа 1851 года за № 10 872, в коем между прочим оказано: только семь семейств армян деревни Кичик-Карабек предоставлены с разрешения Главноуправлявшего в Грузии умершему прапорщику Макару Иванову для получения с них только некоторых доходов, а не в вечное владение.

И наконец 5^е Шемахинская Палата Уголовного и Гражданского Суда, подчинив своему рассмотрению предмет о вводе Зураба Саакова во владение имением по изъясненному духовному завещанию, поступила в совершенную противность 916, 1067 и 752 ст. 10 т. свод. зак. гражд., ибо по смыслу последней означенное духовное завещание по засвидетельствовании должен был Сааков представить в Шушинский Уездный Суд для ввода его во владение имением по тому завещанию, так как имение это состоит только в одном Шушинском Уезде.

По всем вышеизложенным доводам приемлю смелость всенижайше просить Ваше Высокопревосходительство, в отмену выше прописанного заключения Шемахинского Губернского Правления, предписать ему: землю Мардакирд, на основании 2044 ст. 10 т. св. зак. гражд. оставить в моем владении, а Зураба Саакова, если составленное им фальшивое завещание по вышеизложенному мною неоспоримому доказательству не будет сочтено уничтоженным, ввести во владение, на основании надписи засвидетельствования на том завещании Шемахинскою Судебною Палатою сделанной и распоряжения самого Губернского Правления, тем только имением, что в деревне Кичик-Карабек принадлежит собственно умершему прапорщику Иванову, о проведении коего положительным образом в известность, согласно последняго распоряжения Уездного Начальника со стороны местного Участкового Заседателя ныне еще исполнительного донесения, или же Ваше Высокопревосходительство благоволите по силе приведенных выше 916, 1067 и 752 ст. 10 т. свод. зак. гражд. все распоряжения Шемахинских Палаты Гражданского Суда и самого Губернского Правления, о вводе Саакова во владение имением по духовному завещанию Иванова, уничтожив со всеми последствиями предписать кому следует объявить Саакову на основании тех статей обратиться с представлением утвержденного в Судебной Палате завещания в Шушинский Уездный Суд.

А как ныне приблизилось время к описанию поземельных доходов, следующих в пользу владельцев с поселян, на их землях живущих, то в избежание неизбежных убытков причиняемых мне

распоряжением Губернского Правления об отдаче земли моей Мардакирд во владение Зурабу Саакову, всепокорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство велеть теперь же предписать прямо Шушинскому Уездному Начальнику приостановиться приведением в исполнение на то распоряжения Губернского Правления впредь до окончательного разрешения настоящего моего прошения.

При чем не излишним считаю доложить Вашему Высокопревосходительству и то что всем жителям Шушинского Уезда известно, что со дня определения Скибинского в должность Челябинтского Участкового Заседателя и после увольнения его от оной по настоящее время, Зураб Сааков постоянно находится в служении у него Скибинского служащего ныне с братом в Шемахинском Губернском Правлении; следовательно Сааков легко мог склонить Скибинского в свою сторону по производству им дознания, имея при том, и по служении его у Скибинского, на жителей большое влияние; доказательством к сему служит и то, что хотя за сделанные Зурабом Сааковым по Челябинтскому участку явные злоупотребления, о чем приносила жалобы на него почти половина участка, Г. Шушинский Уездный Начальник предписал Скибинскому удалить его Саакова из участка, но заседатель Скибинский по особой к нему любви не мог быть с ним в разлуке и по настоящее время.

[Матенадаран, Католикосский архив. Папка 166. Док. 344. Л. 21а-34а. Копия. Рукопись]

Р. С. АВИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ:
«ШИТЭУЛИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» 1879 ГОДА

История русско-китайских отношений и русско-китайской границы во второй половине XIX в. к настоящему времени считается изученной достаточно хорошо, однако в реальности, более всего известна ее дипломатическая составляющая, представленная, прежде всего, блестящими работами В. С. Мясникова и В. Г. Дацышена¹.

Написанные на материалах центральных отечественных архивов, они дают прекрасную картину общей ситуации с историей русско-китайского территориального разграничения, но не затрагивают при этом значительного числа «частных эпизодов», мелких военных стычек, конфликтов и противоречий, которые в силу ряда особенностей региона происходили в Южно-Уссурийском крае с завидной регулярностью. А ведь именно на материалах истории этих событий и того, как местные власти собственными силами пытались решать проблемы, могущие иметь серьезные международные последствия, как раз лучше всего видно то, что обычно теряется при написании обобщающих работ.

Это и особенности функционирования органов местного военного (и не только) управления на Дальнем Востоке Российской

¹ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, 1997; Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX века. Кызыл, 2001; Границы Китая: история формирования / Под ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М., 2001, и др.

империи, и состояние военно-транспортной инфраструктуры, и боевое применение войск в мирное время, и, умышленное или неумышленное, проведение военных операций на территории сопредельного государства без разрешения на то его властей.

Некоторые такие эпизоды имели далеко идущие последствия, и отсутствие даже упоминания о них в соответствующей литературе делает необходимой серьезную корректировку ряда выводов как советских, так и современных исследователей, причем не только относительно самих исторических событий, но и участвовавших в них действующих лиц. Например, И. В. Лукоянов дал крайне нелицеприятную характеристику «неважным служебным качествам» Н. Г. Матюнина, долгое время служившего Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, опираясь практически исключительно на воспоминания В. А. Тихонова — лесничего (!), участвовавшего вместе с ним в экспедиции «безобразовцев» в Корею в 1898 г. Совместными усилиями лесничего и современного историка Н. Г. Матюнин, по данным на 1898 г. предстает перед нами как «новоявленный дипломат [...] тщеславный, надутый, “при совершенном умственном ничтожестве, полном невежестве и очень потрепанной этике”»². При этом остается загадкой, как такой человек умудрился более десятка лет быть Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, участвовать в комиссиях по демаркации русско-китайской границы в 1877 г. и 1886 г., результатом деятельности которых до сих пор является участок границы от р. Туманган (Туманная) до оз. Ханка, и быть уважаемым китайцами настолько, что его неоднократно приглашал к себе для переговоров Нингутский футудун³, который, по своему статусу, мог вообще отказаться разговаривать с российским чиновником рангом ниже Военного губернатора.

Без знания таких событий невозможно понять и правильно оценить события, следовавшие за ними, многие из которых уже хорошо известны отечественным ученым. Например, почему Китай, долгое время почти не охранявший свою границу с российским Южно-Уссурийским краем, в 1881 г. вдруг неожиданно начинает ставить вдоль нее посты, причем практически исключительно напротив российских караулов? Проще всего объяснить это крайним ухудшением отношений двух стран из-за резкого обострения Кульджинского кризиса в 1879–1881 гг. и взаимной

² Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 506.

³ Мэйрэн-дзанчэн, Мэйрэн-чжан-гин.

подготовкой к войне, однако так ли это было на самом деле? Может быть, именно российские власти настаивали на постановке китайцами как можно большего числа военных постов, и, прежде всего, напротив российских караулов? Именно от таких деталей, в конечном итоге, зависит, ставит исследователь плюс или минус, давая характеристику дипломатическим отношениям двух стран.

Один из таких эпизодов имел место в 1879 г. До настоящего времени он мимоходом упоминался лишь в двух монографиях: первой, посвященной хунхузам как особой разновидности этнического бандитизма на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX — начале XX в.⁴ и второй — истории создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России в тот же период⁵. В обоих случаях анализ этого эпизода укладывался в один — два абзаца и сводился к следующему: 24 июня 1879 г.⁶ погоня за одной из хунхузских шаек привела к столкновению Уссурийской казачьей конной сотни под командованием майора Ножина с отрядом китайских войск, которых командир сотни принял за хунхузов. Итогом столкновения были убитые и раненые со стороны китайцев и 4 раненых строевых лошади в сотне. Разразился международный скандал. В разборе инцидента с русской стороны принял участие Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнин, а с китайской — особая комиссия. На переговорах 9 августа 1879 г. Матюнину удалось убедить китайцев, что злого умысла в действиях командира сотни не было, а произошло трагическое стечение обстоятельств. Однако российский МИД еще до получения официального отчета Матюнина выразил китайскому руководству сожаление о случившемся. После этого МИДом по соглашению с военным министром Д. А. Милютиным было «в принципе постановлено: заботиться исключительно об охране нашей территории от вторжения шаек хунхузов, отнюдь не допуская, чтобы наши военные отряды переходили на китайскую территорию».

Другим последствием этой операции было то, что уже 24 сентября 1879 г. командир Уссурийской конной казачьей сотни майор

⁴ Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. С. 78.

⁵ Авилов Р. С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...»: История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток, 2011. С. 29.

⁶ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

Ножин вследствие поданного им на Высочайшее имя прошения был уволен в отпуск по болезни «в г. г. С.-Петербург и Кельцы, впредь до зачисления его по роду оружия согласно сделанному о сем представлению». При этом отпуск предписано было считать со 2 августа, т. е. с момента сдачи командования сотней. Последнее было «возложено на находившегося по делам службы в Приморской области, Адъютанта Командующего войсками округа, Войскового старшину Винникова». Смена командира сотни объяснялась, во-первых, международным скандалом, виновника которого было решено убрать подальше, чтобы не нервировать китайские власти, а во-вторых, окончанием десятилетнего периода его службы на Дальнем Востоке, дававшего офицеру право на соответствующую пенсию⁷.

Исчерпывающее описание, особенно если учесть, что за основу авторами было взято короткое сообщение из «Всеподданнейшего отчета по управлению Восточным Сибирским военным округом за 1879 год» и несколько приказов по войскам этого же округа. Об этом инциденте не любили вспоминать ни в России, ни в Китае, поскольку обе страны дорожили официальной многолетней дружбой. Именно поэтому он практически не известен не только широкому кругу интересующихся военной историей, но и узким специалистам. В литературе не удалось обнаружить даже упоминания его официального названия, применявшегося обеими странами при дипломатической переписке.

Что же в реальности произошло между русскими и китайскими войсками в 1879 г. и почему, какие последствия это происшествие имело, а главное — как из этой неординарной ситуации выходили русские военные и дипломаты, долгое время оставалось загадкой.

Осенью 2011 г. пятилетние усилия по поиску каких-либо документов, относящихся к этому делу, наконец-то завершились успехом. В фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока были обнаружены исчерпывающие материалы по этому вопросу, которые наконец-то позволяют рассмотреть его полно и всесторонне.

Особой удачей стало то, что весь массив документов (рапорты, доклады, телеграммы, дипломатическая переписка) оказался собранным в одном деле, хотя копии этих документов, практически наверняка, рассредоточены между тремя крупнейшими центральными российскими архивами в Москве и Петербурге (РГИА,

⁷ Авилов Р. С. Указ. соч. С. 29; Ершов Д. В. Указ. соч. С. 78.

РГВИА и АВПРИ). Последнее могло бы существенно усложнить работу по дальнейшему исследованию данного инцидента. Именно поэтому в статье был сделан упор на максимально возможное цитирование всех ключевых документов по этому делу, с целью введения в научный оборот как можно большего количества фактического материала. Это, во-первых, в перспективе может существенно облегчить работу специалистам по истории российско-китайских отношений, а во-вторых, отчасти предотвратит околосторонние спекуляции публицистов на данную тему.

* * *

Теперь несколько слов о терминологии. В подлинных документах того времени это событие фигурирует под несколькими названиями: «Шитэулинский инцидент», «сеча при местности Шитэулинь», «инцидент у Шитэулинского хребта», «столкновения в местности близ Шитэулинского хребта», «ошибочный случай, при Шитэулинской местности» и т. д. и т. п. Положение осложняется тем, что в рукописных документах этот термин встречается в двух написаниях: «Шитэулинь» и «Шитоулинь», причем практически с одинаковой частотой. В данной работе будет применяться именно термин «Шитэулинский инцидент» и именно в такой транслитерации, хотя уверенности в том, что она наиболее точно передает китайское название, нет. Похожая ситуация наблюдается и с написанием имен китайских чиновников и наименованием их должностей, которые иногда были неодинаково написаны даже в пределах одного документа.

* * *

3 июля 1879 г. во Владивостоке была получена крайне тревожная телеграмма командира Уссурийской конной казачьей сотни майора Ножина № 27 из с. Никольское, которая предназначалась Командующему войсками Приморской области (он же Военный губернатор этой области) и сообщала нечто совершенно небывалое. Из достаточно сумбурной, видимо, продиктованной уставшим, взволнованным, несколько дней добравшимся по уссурийской тайге до ближайшей телеграфной станции майором депеши следовало, что отряд от сотни, на которой лежала обязанность по охране русско-китайской границы на всем ее протяжении от оз. Ханка и до устья р. Тумень-ула и борьбе с хунхузами в близлежащих российских владениях, преследуя одну из таких банд, вторгся

на территорию Китая и по ошибке вступил в бой с отрядом маньчжурских войск, нанеся последним серьезные потери.

С момента присоединения по Пекинскому договору территории Южно-Уссурийского края к Российской империи в 1860 г. здесь было многое: в 1868 г. прокатилась Манзовская война⁸, в результате которой было сожжено несколько населенных пунктов и серьезно пострадало местное русское население, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во Владивостоке и районе зал. Посылали ожидали высадки английского десанта, но чтобы воинская часть российской императорской армии вторглась на территорию Китая и изрубила там стоящие лагерем маньчжурские войска — такого еще не бывало.

«Преследуя хунхузов по указанию манз я прибыл сотней 29 июня местность Шитэулинзу, около 65 верст от Суифунского караула. — Телеграфировал командир Уссурийской конной казачьей сотни. — Дорогою поймано три хунхуза, которыми указано место их стоянки. Пойдя с ними скрытно на две с половиной версты мною была сделана тщательная разведка местности, [атаку] оказалось удобным произвести на рассвете, поэтому отступив на 7 верст [и] найдя [место] для ночлега я 30 числа в час ночи с отрядами выступил вновь для нападения. По заранее составленному плану действия в 200 саженьях от стана 1 и 2 взводы под командой сотника Павленко и хорунжего Токмакова пущены в атаку рассыпным строем, в право и лево; в середине третий взвод уступом под моей личной командой произвел атаку сомкнутым строем. Первая линия была встречена залпом из ружей. Лично я подскакивая со взводом [к] лагерю услышал голоса манджур, и затем различив несколько человек Манджурского войска, [в] том числе офицера, я сообразил ошибку [что произошло] нападение на манджуров вместо хунхузов, потому остановил взвод, начал подавать сигналы «стой» и «отбой» и послал несколько человек с приказанием остановить атаку. Действительно бой был немедленно прекращен. Сотня собралась и я хотел начать переговоры, но сильно возбужденное состояние Манджуров, быстрое их сборище с оружием заставило меня повернуть сотню [и] выйти из лагеря с тем, чтобы остановиться за лагерем. Требование же погнавшего меня их начальника во что бы

⁸ Такое название получило в историографии военное столкновение в Южно-Уссурийском крае между китайцами-золотоискателями, полностью игнорировавшими российское законодательство, и российскими сухопутными и морскими силами. Подробнее см.: Кондратенко Р. В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб., 2004; Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165–167.

то ни было драться и продолжение сбора войска побудило меня не останавливаясь отступать. При схватке потери в людях с нашей стороны не было; ранены только четыре лошади. Потеря Манджур неизвестна, должна быть довольно значительна. Действовали исключительно холодным оружием. В предупреждении могущего явиться Манджурам желания отомстить на нашем населении понесенные ими потери побудили меня прибыть Суйфунский караул сделав [в] этот день переход [в] 70 верст. О чем доношу Вашему Превосходительству. Подробности будут изложены особом рапорте. Майор Ножин»⁹.

Поскольку произошедшее событие действительно являлось выходящим за все возможные рамки, то копию этой телеграммы немедленно отослали в г. Иркутск Командующему войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-адъютанту барону Платону Александровичу Фредериксу, а затем поставили в известность о случившемся всех, кто мог иметь к разрешению последствий этого происшествия хоть какое-то отношение, и, прежде всего, Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Николая Гавриловича Матюнина.

Любопытно в связи с этим отметить две детали. Во-первых, должность Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае появилась в результате Манзовской войны 1868 г., показавшей, что для ведения переговоров с местными китайскими властями с целью разрешения постоянно возникающих мелких вопросов (борьба с хунхузами, вопросы взаимной передачи преступников, миграции китайского населения и т. д. и т. п.) нужно особое должностное лицо, как наделенное особыми правами и полномочиями, так и обладающее определенными знаниями и подготовкой. В итоге 12 ноября 1869 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета об учреждении, «впредь до общего преобразования управления Приморскою областью Восточной Сибири», управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Сам комиссар и управление должны были находиться недалеко от зал. Посьета, подчиняться Военному губернатору Приморской области, а по дипломатическим вопросам обращаться напрямую к Приамурскому генерал-губернатору. Обязанности его определялись особой инструкцией генерал-губернатора, согласованной с МИДом¹⁰.

⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 25–29.

¹⁰ ПСЗ РИ II. Т. 44, № 47 653.

Во-вторых, создание в 1869 г. Уссурийской конной казачьей сотни «для охранения границ Южно-Уссурийского края» и борьбы с хунхузскими шайками тоже было прямым следствием Манчжурской войны 1868 г., показавшей жизненную необходимость иметь в крае мобильную и хорошо подготовленную в боевом отношении конную часть¹¹.

Вскоре после отправки телеграммы майор Ножин составил подробнейший рапорт с описанием всех произошедших событий. Из него становилось ясно, что 24 июня 1879 г. в посту Камень-Рыболов на юго-западном берегу оз. Ханка — месте постоянной дислокации Уссурийской конной казачьей сотни — ее командир получил известие об очередном нападении хунхузов. На этот раз пострадала корейская дер. Пуциновка (современный пос. Пуциловка, западнее г. Уссурийска Приморского края), где были ограблены местные жители и несколько человек убито и ранено.

Уже час спустя сотня выступила на перехват разбойников, причем план операции майор Ножин составлял буквально на ходу. Взвод в 25 человек под командой хорунжего Токмакова был отправлен границей через станицу Нестерову, место определенное для станции Фаддеевской и к Суйфунскому караулу (район современного пограничного перехода Полтавка Приморского края). Оттуда он должен был подняться вверх по р. Ушагоу (сейчас р. Гранитная) и если никаких данных о передвижении хунхузов получить не удастся, то, дойдя до поворота тропы от р. Ушагоу в дер. Пуциновку, повернуть на юго-восток и следовать горами к паровой лесопильне француза Фабра, находящейся между Пуциновкой и русско-китайской границей. В случае, если хунхузы еще не покинули российскую территорию, это позволило бы отрезать им путь отступления за границу и продолжить преследовать их в южном направлении, т. е. в сторону р. Суйфун (современная р. Раздольная, Приморский край).

Другие два взвода, под непосредственным командованием майора Ножина, выступили из Камень-Рыболова по почтовой дороге в с. Никольское (современный г. Уссурийск Приморского края), а оттуда в Пуциновку, предполагая встретиться по пути с отрядом Токмакова. В Никольское они прибыли 26 числа, переночевали и на рассвете, переправившись через р. Суйфун, добрались до Пуциновки. Там отряд узнал, что хунхузы ушли через границу в Китай, переправившись через р. Ушагоу недале-

¹¹ Историю ее создания и дальнейшей службы подробнее см.: Авилов Р. С. Указ. соч. С. 7–77.

ко фанзы Кун — в 25 верстах выше Суйфунского караула. Было принято решение продолжить преследование. Продвинувшись на расстояние около трех верст от станицы Алексей-Никольской, отряд встретил нарочного, отправленного хорунжим Токмаковым из Суйфунского караула с донесением, что хунхузы действительно перешли границу около фанзы Кун и теперь находятся в со-рока восьми верстах к северо-западу от караула.

Получение более точных данных о местонахождении разбойников изменило первоначальные планы майора Ножина, и его отряд отправился к Суйфунскому караулу, куда и прибыл 27 июня около двух часов пополудни. Для проверки имеющихся сведений командир сотни собрал хозяев всех окрестных фанз на р. Ушагоу, которые и указали, что «хунхузы в настоящее время могут быть только в местности Шитэулинца в 80 верстах от караула к Северо-Западу». Те же сведения привез и специально посланный в фанзу Кун разъезд. Однако, поскольку сотня уже совершила несколько значительных переходов, а дальнейшая погоня за разбойниками требовала еще большего напряжения сил, было решено дать людям и лошадям отдохнуть, оставшись на карауле на ночлег. Кроме того, продолжение погони требовало подготовки вьючного обоза, которая была завершена к утру.

На рассвете погоня продолжилась. Отряд двинулся вверх по р. Суйфун, затем перешел ее и через 20 верст повернул на северо-запад. В одной из попутных фанз имеющиеся о хунхузах сведения подтвердились. Более того, хозяин фанзы заявил, что у него находится манза Чен-син — владелец фанзы в той местности, куда ушли хунхузы, знающий точное место их расположения. Указанный китаец был немедленно взят в качестве проводника.

Пройдя еще около 20 верст, отряд в глухом лесном месте встретил китайца, назвавшегося «До-у-ху-ан и объявившего себя работником купца». Он сообщил, что был у хунхузов для того, чтобы узнать, где они находятся, «на предмет безопасного прогона скота». Поскольку как сам китаец, так и его заявление не вызвали у майора Ножина доверия, он был тоже оставлен при отряде, «как человек весьма подозрительный».

Еще через 8 верст в долине обнаружилась фанза, обитатели которой при приближении отряда бросились бежать в лес. На их поимку был тут же выслан разъезд около 10 казаков. Поимать удалось только одного, назвавшегося Сунн-и-чи, по показаниям которого всего спасались бегством 4 человека. Остальные успели спрятаться в лесу, и из-за наступления сумерек их так и не нашли. Пойманный китаец также был оставлен при отряде,

а проведенный осмотр фанзы показал, что она «без хлебопашества и без хозяйства, как видно служила притоном хунхузам». Теперь здесь остановился на привал преследовавший их русский военный отряд.

С рассветом погоня продолжилась. Отряд шел в том же направлении и через 6 верст обнаружил еще одну пустую фанзу, тоже «без хлебопашества», принадлежавшую, как оказалось, тому самому китайцу, который был взят в отряд у первой фанзы, в 20 верстах от Суйфунского поста. Ее тоже внимательно осмотрели, и оказалось, «что люди из нее только что ушли, также замечены были свежие следы угнанной одной лошади и двух или трех голов рогатого скота». Поскольку, по сообщениям лояльных русским властям местных китайцев, фанза эта всегда служила притоном хунхузов, майор Ножин приказал ее сжечь.

Все говорило о том, что отряд движется в правильном направлении. Пройдя еще около пяти верст, военные подошли к третьей фанзе, стоявшей перед горой. Эта фанза тоже оказалась пустой, «но после обыска окрестностей обнаружен у самой фанзы на горе бивак, видимо брошенный поспешно, так как на том месте разъездом найдена разная утварь и принадлежности верховой сбруи». Однако куда идти дальше, было не совсем понятно.

Во время допроса взятый в проводники хозяин второй фанзы и китаец, арестованный по дороге, «направили отряд под видом указания места нахождения хунхуз уже без дороги по следам прогнанного скота, повели видимо в противоположную сторону направлению по которому шел отряд и завели в чащу леса, затем отозвались незнанием дороги». После 9 верст такого преследования майор Ножин заподозрил неладное, вернулся с отрядом к последней фанзе и «потребовал настоятельно» от пленных китайцев указать реальное местонахождение хунхузов. На это раз манзы указали в сторону ранее принятого направления.

Сделав привал, отряд двинулся вперед по дороге, перевалил через гору, вышел в долину р. Шитэулинцза и, перейдя реку вброд, обнаружил на противоположном берегу две тропы: одну торную, составлявшую продолжение той, по которой шел отряд, и другую «как видно было образовавшуюся по высокой траве недавно от конского следа». Пленные китайцы указали на нее. Пройдя по ней около пяти верст к выдававшемуся мысу, Ножин послал хорунжего Токмакова с разъездом для осмотра местности. Вернувшись, тот доложил, что «за мысом верстах в 2 ½ он усмотрел значительный по его мнению лагерь хунхузов, расположенный бивуаком по противоположному берегу протекающей впереди речки».

Поскольку атака подобного лагеря требовала серьезной разведки местности и предварительной подготовки, командир сотни отправил двух пеших охотников — чтобы те, пробравшись как можно ближе к лагерю, определили точную численность хунзузов и изучили местность. Кроме того, им были выставлены «ночные наблюдательные посты на ближайших горах поросших деревьями».

Вскоре с передового поста прискакал казак с донесением, что в лагере седлают лошадей. Ножин с отрядом немедленно снялся с места и подошел к посту, намереваясь напасть на лагерь. Однако находившийся там урядник доложил, что «только около двадцати всадников отправились из лагеря в противоположную сторону», а лагерь остается в прежнем состоянии. Отряд вернулся назад дожидаться пеших разведчиков. Последние, вернувшись, доложили, что в лагере находится значительно число людей и до 200 лошадей, а прежде чем подойти к нему, необходимо переправиться вброд через речку и пройти по открытому пространству около двух с половиной верст на виду у неприятеля. Поскольку условия для атаки были явно невыгодные, да и численного преимущества русский отряд не имел, Ножин, стараясь избежать лишних потерь, решил атаковать на следующий день на рассвете. Ночь отряд провел в последней фанзе, «не расседывая лошадей и расставив наблюдательные посты на прежних местах».

В 1 час ночи 30 июня отряд выдвинулся на позицию и к 3 часам утра прибыл к месту переправы через речку. «...Здесь в ожидании рассвета, — докладывая начальству командир сотни, — а вместе с тем, чтобы дать роздых лошадям для более успешной атаки, я остановил отряд на полчаса, затем переправился вброд, подошел незамеченный на расстояние до 250 сажень от лагеря, рассыпал два взвода под начальством Сотника Павленко и Хорунжего Токмакова каждый отдельно с промежутком в 50 сажень, с таким расчетом, чтобы цепи могли охватить лагерь с двух сторон, а сам в интервале с третьим взводом (который служил вместе с тем общим резервом) в сомкнутом строю следуя уступом, пустил сотню карьером без выстрела, действуя только холодным оружием. Когда передние два взвода на карьере в сказанном порядке приблизились к лагерю, то были встречены залпом, и за тем перестрелкою, но оба быстро врубались и прошли весь лагерь, а взвод под моею командою подскакав к лагерю был встречен криками Маньчжур, Маньчжур, и между подбежавшими к взводу вооруженными людьми я различил Маньчжурского офицера, который показывая свой белый шарик на шапке (знак офицерского достоинства)

также кричал, Маньчжур, Маньчжур. Быстро остановив свой взвод я приказал трубить отбой и послал нескольких всадников остановить действие цепи и вернуть ее обратно. Затем тотчас же бой был прекращен»¹². После этого сотня была собрана, и Ножин, сделав с ней семидесятиверстный переход, к вечеру того же дня вернулся на Суйфунский караул¹³.

По китайским инстанциям новость о произошедшем столкновении тоже «путешествовала» с просто невероятной для этого государства быстротой. Вообще, территория Северо-Восточного Китая была разделена в этот период на три провинции (которые с известной долей условности можно рассматривать как эквивалент российских генерал-губернаторств в Восточной Сибири) во главе с Цзянь-цзюнями (Дзянь-дзюнь). В свою очередь каждая провинция делилась на несколько военных областей — футудунств (близких, по сути, к российским военным губернаторствам в Восточной Сибири), во главе которых стоял особый подчиненный Цзянь-цзюню начальник — Футудун. Напротив Приморской области располагалась провинция Цзилинь, местом пребывания начальника которой был Гирич, а территория, на которой произошел исследуемый инцидент, находилась под юрисдикцией одного из трех входящих в ее состав футудунств, с центром в Нингуге¹⁴. Начальник кавалерии Нингутского футудунства, Генерал Юнхай, немедленно доложил о случившемся своему прямому начальнику — Нингутскому футудуну, а тот — Гинринскому Цзянь-цзюню. Последний, тормозивший обычно большую часть поступавших к нему с мест бумаг, в том числе и о необходимости принятия серьезных мер по борьбе с хунхузами, на этот раз немедленно отправил донесение в Пекин¹⁵.

Кроме того, Нингутский футудун, в соответствии с существовавшими между двумя странами договоренностями, V года VI луны 2 числа (8 июля 1879 г.) направил письмо и российскому Пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае. В нем он писал, что «русский отряд напал на лагерь китайских правительственных войск в местности Ши-тэу-лин и порубил и поранил многих»¹⁶.

¹² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 36–39 об.

¹³ Там же. Л. 28–29.

¹⁴ Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888. С. 20, 260–263.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 34 об.

¹⁶ Там же. Л. 35. Автор считает необходимым отметить особую роль переводчика Мосина, служившего при Пограничном комиссаре в Южно-Уссурийском крае

Центральные власти в Пекине тоже выразили свою глубокую озабоченность произошедшим инцидентом, направив особое «письменное сообщение» от 21 июля 1879 г. (15 числа VI луны) российскому поверенному в делах в Пекине А. И. Кояндеру. Этот документ, по сути являлся пересказом доклада Гирина Цзянь-цзюня Богдыхану, в заключение которого китайское министерство просило российского поверенного «отнестись к кому следует о расследовании и решении этого Шитэулинского дела»¹⁷.

К этому времени в Императорскую Российскую миссию в Пекине уже поступили первые данные о произошедшем инциденте, поэтому А. И. Кояндер незамедлительно ответил китайским властям, что «Шитэулинское дело представляется ошибочным столкновением, что Майор Ножин уже отстранен от командования отрядом»¹⁸.

Тем временем местные российские власти готовились к предстоящим переговорам, которые обещали быть очень непростыми. Первоначально, в соответствии с приказанием Военного губернатора Приморской области контр-адмирала Густава Федоровича Эрдмана, Матюнин собирался отправиться для переговоров по данному инциденту в непосредственно Нингуту на встречу с Нингутайским Мэйрэн-дзанчином.

Перед отъездом, 8 июля, им были сделаны соответствующие закупки подарков во Владивостоке, в крупнейшем в Южно-Уссурийском крае магазине «Кунста и Альберса». Дарообмен был обычной практикой при ведении российскими представителями переговоров с большей частью государств Востока и чем-то выходящим за рамки не считался. Скорее, наоборот, отсутствие подобных подарков было бы воспринято китайскими представителями как символ открытого недовольствия российского пограничного чиновника, что в данном случае было совершенно неуместно. Российские дипломаты и чиновники прекрасно знали, что для успеха проведения переговоров местные традиции нужно не только знать и уважать, но и непременно соблюдать.

в период описываемых событий. Именно его переводы официальных документов китайской делегации по рассматриваемому вопросу сделали возможным изучение данных событий исследователями, не владеющими навыками чтения материалов 2-й половины XIX в., написанных на маньчжурском и монгольском языках. К сожалению, каких-либо данных о его биографии и даже его инициалов автору установить не удалось.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 9.

Однако вскоре Матюнин получил известие, «что со стороны Китая выезжает для совещания целая Комиссия, в состав которой, кроме Нинггутаевского Мэйрэн-Дзанчина войдут еще три сановника из Гирина». Поскольку обычно решение мелких вопросов приграничных взаимоотношений не выходило за рамки компетенции Нингутского футудуна, то это означало, что, во-первых, ранг переговоров будет несколько выше, чем изначально предполагалось российскими властями, во-вторых, китайские власти сильно обеспокоены произошедшим инцидентом и не желают проведения переговоров по этому вопросу в глубине своей территории, и, в-третьих, поскольку придают ему огромную важность, готовы прибыть на границу сами.

Тем не менее Н. Г. Матюнин успел отправить Нингутскому футудуну официальное письмо от 12 июля 1879 г. (VI луны 6 числа), в которой он вполне справедливо отмечал, что «прежде чем заниматься разбирательством крайне печальной сечи в Шитэулине, я считаю необходимым прежде всего выяснить причину, почему русский вооруженный отряд перешел границу высоких государств и не предупредив о том, через мое посредство Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина проник вглубь высокого Дайцинского Государства до местности Шитэулин». Далее следовал подробный разбор обстановки на русско-китайской границе как в плане ситуации с действиями банд хунхузов, так и общих вопросов взаимодействия двух стран¹⁹. Как оказалось впоследствии, письмо это футудун не только получил, но и прихватил с собой.

Из-за изменившейся обстановки Н. Г. Матюнин, перед отъездом из своей постоянной резиденции в урочище Новокиевском [современный пос. Краскино, Приморский край. — *Р. А.*] на Суйфунский пограничный караул на переговоры, вынужден был «прикупить еще разных вещей для подарков и запастись угощением».

Наличие подарков, тем более купленных в два этапа, должно было существенно осложнить движение Пограничного комиссара на Суйфунский караул — к месту проведения переговоров. Однако сам он поехал налегке «на Суйфунский караул границу» вместе со специально вызванным для этой цели командиром Уссурийской конной казачьей сотни майором Ножиным, «имея с собой собственных двух коней под себя и прислугу и двух наемных под вьюки». (Собственно, на этих конях Матюнин вместе с переводчиком и вернулся потом обратно с переговоров). Ви-

¹⁹ Там же. Л. 35.

димо, в ходе этой поездки Пограничному комиссару хотелось лично выяснить из первых уст все подробности инцидента, а заодно и осмотреть саму границу. Впрочем, нельзя исключить и то, что обсуждались варианты мер, в том числе и военных, на случай возможного срыва переговоров.

А вот состоящего при нем переводчика с маньчжурского языка Мосина «с канцелярией и запасами», сделанными Матюниным еще 8 июля во Владивостоке, Пограничный комиссар отправил через с. Никольское в пост Раздольный, куда по просьбе Пограничного комиссара была выслана из того же владивостокского магазина оставшая часть подарков. Оттуда Мосин уже «на проходных двух телегах» добрался до Суйфунского караула²⁰.

Российский Пограничный комиссар прибыл на Суйфунский караул еще до подхода китайской комиссии. 24 августа 1879 г. он получил, очевидно, с нарочным составленное по всем правилам международного этикета письмо «Великого Дайцынского Государства Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина — Великого Российского государства Управляющему Уссурийскую границую Комиссару», в котором сообщалось, что комиссия в полном составе выехала в установленное время 19 числа V года VII луны, т. е. 24 августа 1879 г., «в 12 часов дня (час лошади) дошли до местности Ченцза-ин, где и остановились лагерем, почему на основании дружбы двух государств посылаю прежде уведомление о том, что я непременно завтра прибуду в Сан-ча-коу, где увидевшись, по соглашению решим дело»²¹.

Судя по всему, выдвигаясь на переговоры, Матюнин не имел точного представления о том, с кем из китайских чиновников ему придется их вести и как они будут происходить. Первые данные о составе китайской делегации он получил из указанного письма, однако оно дало ответы далеко не на все вопросы. С остальным пришлось разбираться уже при личной встрече.

Репортуя о собственных впечатлениях после первой встречи с китайской комиссией, Пограничный комиссар писал: «Со стороны Китая для переговоров по делу майора Ножина были командированы на границу в местность Санчакоу, кроме Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина Шувана еще три чиновника из Гирина, из которых двое старших: гражданский губернатор Иой и имеющий пожалованное очковое павлинье перо Нируй-Дзанчен Ань, принимали активное участие в прениях,

²⁰ Там же. Л. 19–19 об., 24.

²¹ Там же. Л. 34.

третий вроде советника [ревизор У. — Р. А.], решающего голоса не имеет. Кроме того, на первом заседании участвовал и начальник нинггутаийской кавалерии, и вместе с тем отряда, разбитого в местности Шитэулин Майором Ножиным Генерал Юнк-хай. Этот последний крайне недружелюбно относился к нам и старался поселить раздор между членами Китайской Комиссии и мною, но мне удалось отстранить его и следующие заседания проходили без него»²².

Если с Нингутским футудуном Шуваном Н. Г. Матюнин был давно знаком и находился в очень хороших отношениях, то с этими тремя гириными чиновниками он имел дело впервые, что, впрочем, его не смутило. Обида и недовольство русскими со стороны генерала Юнхая были понятны и вполне закономерны: его войска были не только повержены в бою русскими, причем исключительно холодным оружием, но он еще и был лишен возможности реванша, что не могло не восприниматься как оскорбление. Однако его недружелюбие было весьма слабым оружием против матюнинского опыта. Дело в том, что хотя майор Ножин и проехал вместе с Матюниным вдоль границы, однако на Суйфунский караул он не прибыл (во всяком случае, в документах он неоднократно упоминается как «отсутствующий») и в переговорах, естественно, не участвовал. Соответственно настоять на том, что переговоры должны вести незаинтересованные, т. е. не участвовавшие непосредственно в обсуждаемом инциденте лица, Пограничному комиссару особого труда не составило. В результате так и не остывший после боя китайский генерал был отстранен от переговоров.

Естественно, переговоры начались с взаимного приветствия и традиционного вручения подарков. Последнее производилось Матюниным в четком соответствии с иерархией сановников, а «оставшиеся лакомства были [...] розданы высшим чинам Китайской Комиссии в день [...] отъезда». «Подарками они, по всей видимости, остались весьма довольны, — писал Пограничный комиссар Военному губернатору Приморской области, — в особенности Нинггутаийский Мэйрэн-Дзанчин, еще в бытность мою в прошлом году в Нингуте, просивший выслать ему стеклянной посуды и ковров. Извиняясь, что они прибыли налегке, члены Китайской Комиссии прислали мне, каждый в ответ на сделанные им мною подарки, Китайских сладостей и чаю, за что, как принято, пришлось наградить носильщиков».

²² Там же. Л. 23.

О том, кому, что и на какую сумму было подарено, Пограничный комиссар, в соответствии с заведенными правилами, составил особый список, который был отослан затем в канцелярию Военного губернатора Приморской области²³.

Однако уже здесь, на стадии знакомства, выявились серьезные трудности, связанные с языковым барьером. Матюнин не без ехидства констатировал: «Отсутствие хорошего переводчика китайского языка поставило в этот раз не столько меня, сколько Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина в неловкое положение. Гиринские чиновники говорили только по китайски, Мэйрэн-Дзянчин плохо владеет Маньчжурским языком, но говорит по монгольски. В свите их также не оказалось никого, знающего два языка, маньчжурский и китайский. Состоящий при мне переводчик Мосин знает хорошо по монгольски и по маньчжурски и здесь несколько научился по китайски, но все еще не столько, чтобы вести сложный разговор. Пришлось просить Мэйрэн-Дзянчина принять на себя труд передавать сущность разговора гиринским чиновникам. Он этим очень стеснялся, опасаясь, чтобы его не заподозрили в пристрастии, так как он и раньше был всегда в хороших отношениях со мною. При этом он видимо не доверял этим чиновникам, особенно Нируй-Дзянчину Ань»²⁴.

Переговоры происходили поочередно то в помещении Суйфунского караула, то в фанзе, где остановился Нинггутаевский Мэйрэн-дзянчин. Несмотря на продолжительные заседания и видимые подвижки в переговорном процессе, китайцы еще и присылали Матюнину «для соображения черновые копии своих отношений» (которые тоже сохранились, как и ответы на них российского представителя)²⁵. Очевидно, из-за трудностей перевода при устном разговоре они желали не только убедиться в том, что правильно поняли и зафиксировали мысли Пограничного комиссара, но и старались точно донести до него свои мнения по тем или иным деталям обсуждаемых вопросов. Это европейское новшество существенно облегчило российскому представителю ведение переговоров, так как позволяло четко фиксировать противоречивость и изменчивость позиции гиринских чиновников по ряду пунктов, а затем использовать эти противоречия для аргументированного отстаивания собственной позиции. Здесь же, пожалуй, нужно отметить, что переговоры происходили во вполне «цивилизованной»

²³ Там же. Л. 19–19 об., 24.

²⁴ Там же. Л. 23.

²⁵ Там же. Л. 23.

форме, никакого военного давления ни на одну из сторон не оказывалось (весьма существенное отличие от большей части переговоров Китая с европейскими державами во 2-й половине XIX в.). Представители России и Китая мирно и методично разбирали сначала само происшествие, а потом и то, какие последствия оно должно повлечь для каждой из сторон.

Ход переговоров, с известной долей условности, можно разделить на несколько этапов. Первый этап, по итогам которого Матюнину была передана на просмотр и утверждение соответствующая бумага, происходил с 25 по 29 августа. Обсуждение началось с того, что российский Пограничный комиссар передал китайской делегации документ, в котором в общих чертах описывалось само происшествие. С него и началось обсуждение. Было выяснено, что действительно российский конный отряд с офицером, преследуя разбойников-хунхуз, ограбивших корейцев в дер. Пуциновка («на Люй-шу-хэцза»), в погоне за ними дошел до местности «Ши-тэу-лин», где в тот момент находился военный отряд Китая под командой генерала Юнхая.

До начала этого заседания и для Н. Г. Матюнина, и для Майора Ножина, да и, очевидно, для всех представителей российских властей в Восточной Сибири, оставалось загадкой, как при Шитэулине оказался военный отряд Китая и откуда о нем знали взятые в плен Ножиным хунхузы, так удачно подставившие майора. Выяснилось это только теперь — отряд был послан именно для борьбы с хунхузами, причем по многочисленным требованиям с российской стороны²⁶. Требования этих было так много, и направлялись они в 70-х гг. XIX в. так часто, что игнорирование их китайскими властями считалось нормой, а вероятность появления у российских границ войск сопредельного государства, отправленных для преследования хунхузов, никем всерьез не рассматривалась.

Однако мало того, что на этот раз войска были посланы (причину этого установить пока не удалось), так они еще и выполнили поставленную перед ними задачу, действительно уничтожив банду хунхузов! Ту самую, которая уходила от преследования отряда майора Ножина. Судя по тому, что, по словам китайских представителей, банда, за исключением нескольких человек, была целиком физически истреблена, сами хунхузы совершенно не ожидали наткнуться в этой глухомани на каких-либо представителей собственной власти, тем более охотящихся за ними.

²⁶ Там же. Л. 34 об.

После окончания сражения с хунхузами генерал Юнхай сделал роковую для своего отряда ошибку. У многих народов не только Запада, но и Востока победителем традиционно считалась та сторона, за которой оставалось поле брани (достаточно вспомнить многолетние дискуссии о том, кто победил в Бородинской битве в 1812 г.), и поставить на нем свой лагерь для военачальника было делом личного престижа. Именно это и сыграло злую шутку с Юнхаем. Члены китайской комиссии объяснили Матюнину, что находящиеся под его командованием маньчжуры, «по случаю позднего времени остановившиеся лагерем, стянувши свои войска назад, не выставили строгих аванпостов для наблюдения за хунхузами [с логической точки зрения смысла в этом действительно не было: их же уже разбили! — *Р. А.*], безавшими на север». Таким образом, пленные хунхузы показали майору Ножину действительно реальное место «стойбища» своих соратников, ведь даже они не знали, что там находятся уже китайские войска. Неудивительно в этой связи, что, как сетовали китайские представители, «на рассвете русские казаки вошли в лагерь и приняв наших офицеров и солдат за хунхуз зарубили и поранили более 100 человек», тем более, что все награбленное хунхузами в Пуциновке было захвачено в качестве трофея и находилось там же, в лагере, создавая иллюзию хунхузского обоза²⁷.

Следующим обсуждаемым в ходе первого заседания, проходившего на Суйфунском карауле, вопросом стала политическая суть инцидента. Если, с точки зрения российской стороны, это была лишь трагическая случайность и не более, то в китайской комиссии далеко не все члены демонстрировали уверенность в том, что российский отряд действительно преследовал шайку хунхузов, а не какие-то политические цели. С учетом того, что позволяли себе в отношении Китая другие Европейские (и не только) державы, основания для сомнения китайских чиновников не кажутся чем-то несоответственным. Желая доказать китайцам свою правоту, а главное — честность, Матюнин, как он писал несколько дней спустя: «предложил всей комиссии пройти совместно со мной от Суйфунского караула до самого места сечи в М.[естности] Шитэулин тою самою дорогою, которою шел Майор Ножин с отрядом для последнего доказательства, что Майор Ножин шел по следам хунхуз, которых, если бы он выступил только одним днем раньше, он наверное бы настиг на том самом месте,

²⁷ Там же. Л. 34 об.

где они 29 числа июня (V луны 22 числа) были разбиты отрядами Генерала Юн»²⁸.

Предложение это было категорически отвергнуто как Нингутским футудуном, так и остальными членами делегации, а обоснование этого решения своей искренностью потрясло даже Матюнина. Причин было несколько: «...во-первых, потому, что за отсутствием Майора Ножина такой поход признан не достигающим вполне цели, во-вторых, потому, что путь пройденный Майором Ножиным достаточно подробно изложен в его рапорте и, в-третьих, потому что взятие в плен хунхузы в М.[естности] Шитэулинь 29 июня на допросе показали, что они действительно шли из Российского Государства, ограбив корейскую деревню Пуциновку и, в-четвертых, потому что не может возникнуть даже малейшего сомнения, что Майор Ножин преследовал хунхуз и напал на лагерь правительственных войск единственно по ошибке, не узнав их»²⁹. Остается лишь сожалеть, что, допросив пленных хунхузов сразу после разгрома банды, т. е. еще вечером 29 июня, и узнав, что они уходили от преследовавшей их по пятам русской кавалерии, в отряде китайских правительственных войск не догадались даже выставить охранение или какие-либо аванпосты по периметру лагеря, что, несомненно, позволило бы предотвратить последовавшее на следующий день столкновение.

Таким образом, в результате упорных прений, китайцы в целом согласились, что «Русского государства офицеры и казаки переходя границу имели в виду только уничтожение хунхуз», но при этом напомнили, что об этом «от Комиссара не было дано предварительной бумаги», а это по существовавшим договоренностям должно было быть сделано³⁰.

Что касается потерь, то первоначально указанная китайскими представителями цифра в 100 человек пострадавших Матюнину не очень понравилась, уж больно она была красивой и круглой, хотя порядок цифр вполне мог отражать реальное положение дел. Поэтому он попросил предоставить ему точный список убитых и раненых. Китайские представители сообщили ему, что «ныне по исследовании оказалось, что убито: офицеров 3, конных солдат 3, пеших 1, погонщиков 2, сопровождавших отряд хороших китайцев 16; ранено: офицеров 6, конных солдат 4, пеших 4, погонщиков 4, сопровождавших отряд хороших китайцев 56, а всего убитых и раненых, исключая

²⁸ Там же. Л. 39 об.

²⁹ Там же. Л. 34 об.

³⁰ Там же. Л. 34 об.

уже поправившихся, 123 человека»³¹. При этом китайская делегация просила Пограничного комиссара письменно подтвердить указанные потери, что было уже совершенно невозможным. Матюнину пришлось напомнить иностранным коллегам, что майор Ножин покинул место боя сразу после обнаружения своей ошибки и не имел возможности пересчитать убитых и раненых. Поэтому проверить предоставленный список Матюнин просто не может, тем более что, по словам самих же китайцев, «тела умерших тотчас после сечи [...] увезены на родину, где и преданы земле»³². Российский чиновник говорил чистую правду, ибо, не располагая какими-либо собственными данными о потерях, он не имел ни малейшего права завизировать китайские данные, тем более колебавшиеся от 100 до 123 человек.

На этом первый этап переговоров завершился. По просьбе Матюнина приведенные выше цифры были предоставлены ему китайской комиссией в письменном виде — их привели в особом письме с описанием хода переговоров, завершавшегося стандартной формулой «все это истинно верно». Со своей стороны они просили «почтенного Комиссара сообщить [...], как намерены решать это дело», а заодно и фамилию офицера, командовавшего русским отрядом³³.

В ответ Матюнин написал выдающееся как с дипломатической, так и с литературной точки зрения «отношение от 1го сентября 1879 года за № 206», со временем дошедшее до самых высоких сфер как в России, так и в Китае и определившее не только весь дальнейший ход рассматриваемых переговоров, но и в значительной степени историю русско-китайской границы в Южно-Уссурийском крае в последующие 5–10 лет.

Пограничный комиссар еще раз подтвердил, что получил от Шувана письмо от 8 июля 1879 г. (V года VI луны 2 числа), основное содержание которого у него вопросов и претензий не вызывает. Далее он напомнил о своем ответе на него, а именно том самом официальном письме от 12 июля 1879 г., отправленном им незадолго до отъезда на Суйфунский караул. Не зная доподлинно, получил ли футудун это письмо, Матюнин привел его почти целиком еще раз, тем более, что его содержание — рассмотрение вопроса о причинах вторжения российского отряда на территорию Китая без предварительного уведомления со стороны Пограничного комиссара — имело принципиальный характер.

³¹ Там же. Л. 34 об. — 35.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Л. 35.

Он напомнил, что со стороны России на границе «в местности Сан-ча-коу находится конный караул в 20 всадников с 1877 года», поставленный из-за частого появления там хунхузов. Нингутский футудун Шуван лично видел его при посещении этой территории летом 1877 года. Со стороны Китая же никакого караула не было, а упомянутый Шуваном какой-то «добровольный отряд» никто здесь не видел. При этом вся долина р. Суйфун, особенно в 1879 г., сильно страдала от хунхузов. «Все корейские деревни пострадали; не только грабежи, увод скота, кражи, но и частью зверские убийства вынудили Командующего войсками Приморской области поставить в корейские деревни временные караулы от пехотных частей. Вследствие незнания языка, несообразительности китайского населения, русская местная администрация недоумевала, откуда приходили и где скрывались шайки, которые грабили и убивали корейцев, и потому ограничивалась мерами предупредительными. Находясь по специальному поручению Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири в Ханкайском округе я имел случай писать о таком положении населения. Это побудило Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири переселить на южную границу часть казаков с р. Уссури с целью образовать со временем в крае центр для защиты мирных поселян от хищничества бродяг и хунхуз».

Апофеозом деятельности китайских разбойников стало падение 19 июня на корейскую дер. Пуциновка, где было вырезано «8 человек, многие же ранены, угнано одних лошадей 103, не считая украденных денег и другого имущества. Шайка совершившая такие безобразные злодейства скрылась за границу». 23 июня об этом происшествии стало известно Матюнину, а уже 25 числа «в бумаге за № 107» он подробно написал об этом Нунгутекуму футудуну. «Этот пакет был передан Хунчунскому полковому командиру с просьбою отправить его в Нингуту с возможной скоростью. Но разумеется пакет пришел в Нингуту слишком поздно; так как отряд конных казаков 24 июня уже вышел из поста Камень-Рыболов, а 30 числа произошла сеча в местности Шитэулине». Пограничный комиссар в своем отношении не только выполнил просьбу китайцев — предоставил им официальные письменные данные об имени и чине командира российского отряда, но и процитировал рапорт майора Ножина, старательно переведенный переводчиком Мосиным³⁴.

³⁴ Там же. Л. 35–36.

Далее он еще раз пересказал в основных чертах ход прений и сделал выводы, которые и можно считать официальной российской версией произошедших событий. «Всесторонне рассмотрев предшествующие обстоятельства этого печального случая я вывожу:

1) На границе обоих государств в м. Сань-ча-коу находился караул официально признанный только со стороны Великого Российского Государства.

2) Прямого сообщения почтового или посредством нарочных гонцов из м.[естность] Сань-ча-коу в г. Нинкгуту не существовало и до сих пор не имеется, почему все пакеты в Нинкгуту из России доставлялись и доставляются исключительно через Хунчунь.

3) О приближении отряда под начальством Генерала Юн к границе Великого Российского Государства и цели его приближения не было возможности уведомить Начальника Суй-фунского караула, потому что заведомо этот офицер не имеет переводчика могущего прочесть официальное письмо, а также потому что от Нинкгуты до местности Сань-ча-коу отправлять одиночных нарочных небезопасно; я также не был поставлен в известность о приближении к границам Великого Российского Государства отряда Генерала Юн.

4) Правительственные войска Нинкгутайской области как иррегулярные не имеют никаких особенных отличий, по которым на некотором расстоянии возможно было бы отличить их от людей других сословий [читай — от хунхузов. — *Р. А.*].

5) Отряд Майора Ножина шел бесспорно дорогою, по которой бежали хунхузы, ограбившие корейскую деревню Пуциновку и хотя подошел на близкое весьма расстояние к лагерю, видневшемуся впереди за речкою, но не встретил ни каких разъездов, ни пикетов, выставляемых обыкновенно регулярным войском во время похода.

6) Основываясь на том, что он шел по следам хунхузов, по указанию Китайских подданных из м.[естности] Сань-ча-коу и из фанзы Доу-гунян-чувань (Кун) и проводников бывших при отряде, Майор Ножин с вечера составил план атаки, а утром 30 июня разделил отряд, на три части и приказал двум офицерам развернуть фронт вверенных им взводов и карьером врубиться в лагерь, сам он с главным резервом находился в центре, шел позади боковых взводов. Атаку конницы, производимую на карьере не встреченную частым и разрушительным огнем, трудно остановить, почему офицеры и солдаты, получившие категорическое приказание рубить, исполнили только приказание старшего Начальника.

7) Как только Майор Ножин подъехал к лагерю и заметил ошибку, он тотчас подал трубою сигнал остановить сечу, и для этой же цели послал в более отдаленные пункты боя отдельных всадников.

8) Хотя Генерал Юн заявил Комиссии, что заметив русских он отдал приказание не стрелять, но его приказание не могло быть услышано всем лагерем, и по его же мнению даже слышавшие приказание, под влиянием чувства самозащиты очень вероятно вопреки приказанию стреляли по казакам, что еще более укрепило в атакующих 2^х взводах мнение, то они имеют дело с хунхузами.

9) Отряд Китайских Правительственных войск под начальством Генерала Юн 29 числа разбил шайку, преследуемую Майором Ножиным и расположился на отдых лагерем на том же месте.

Признавая окончательно, что по всем вышеизложенным причинам и обстоятельствам произошла ошибка виновником в которой признать отдельного человека или даже управление невозможно; виною всему невероятное стечение обстоятельств: встреча отряда Китайских Правительственных войск на пути следования его к границе Великого Российского Государства с шайкой хунхуз, за которой по пятам следует русский отряд, стычка с этою шайкою, окончившаяся почти совершенным истреблением хунхуз; отряд располагается лагерем для отдыха тут же, не принимает мер осторожности, может быть предполагая, что горсть избежавших смерти или плена хунхуз не посмеет атаковать лагерь. Русский отряд шедший все время по следам шайки хунхуз наконец увидел перед собой какой-то лагерь и не зная ровно ничего о приближении какого бы то ни было отряда Китайских Правительственных войск, естественно пришел к заключению, что цель погони достигнута и что медлить не следует. На рассвете происходит атака. Оба Высочайших Государства пребывают неизменно в дружбе, почему как не прискорбен такой случай, но в виду всего вышеизложенного нельзя не признать что все произошло от ошибки и что никакого злого умысла или намерения быть не могло»³⁵.

Завершая свое письмо, Н. Г. Матюнин напомнил, что «необходимо тщательно и всесторонне совместно обсудить какие должны быть приняты с обеих сторон меры для того, чтобы впредь не только никогда не было возможно повторение подобной ошибки, но чтобы и прекратить насколько возможно существование близ границы шаек хунхузов»³⁶.

³⁵ Там же. Л. 40–41 об.

³⁶ Там же. Л. 41 об.

На втором этапе переговоров дискуссия о понесенных китайцами потерях и компенсациях за них продолжилась. Нируй-Дзянчин Ань, напомнив, что китайское правительство «уплатило нам деньги за убийство в Тянь-цзине русских» (о каком инциденте в данном случае шла речь, обнаружить пока не удалось), поставил вопрос о том, «какое удовлетворение мы можем дать им за убитых и раненых». Матюнин парировал, что раз доказано, что «сеча в местности Шитэулинь произошла по ошибке, невозможно приурочивать этот случай к тяньцзинскому, где фанатики заведомо шли на преступление». Далее, желая прозондировать настроение китайцев, Пограничный комиссар, объяснив, что «формальное заявление» через его посредство «глубокого сожаления нашего по поводу этой грустной ошибки, может служить достаточным удовлетворением» попросил комиссию высказать свое мнение по данному вопросу.

Отталкиваясь от заявления Нируй-Дзянчин Аня, комиссия постаралась заверить Матюнина, что «не только она не имеет поручения заявлять требование уплаты за убитых и раненых, но что она уверена, что само правительство на это никогда не решится, убедившись из их доклада в происшедшей ошибке». Тем не менее китайцы крайне настойчиво продолжали просить засвидетельствовать число убитых и раненых.

Для российского представителя это было неприемлемо по ряду причин. Во-первых, это сразу переводило все переговоры из обсуждения цепи случайностей, приведших к несчастному случаю, в плоскость признания Российской империей убийства китайских подданных (не важно, случайного или умышленного). Во-вторых, поскольку майор Ножин не смог дать ему со своей стороны даже приблизительного указания на численность пострадавших в китайском отряде («должна быть довольно значительна»), а оснований на 100 % доверять китайским данным у Матюнина не было, тем более, что полных окончательных цифр они так и не смогли ему предоставить. Естественно, подписать подобный документ он просто не имел права.

Поэтому, как впоследствии доносил начальству сам российский чиновник: «Имея ввиду, что таковое свидетельство может дать не совсем удобный для нас оборот делу, я не отказываясь окончательно просил Комиссию объяснить мне точный повод такой просьбы, доказывая им, что весь вопрос сводится к тому, была ли сеча в Местности Шитэулин произведена с намерением нанести урон Китайским войскам или же она произошла вследствие ошибки и фатального стечения обстоятельств»³⁷.

³⁷ Там же. Л. 20.

Итоги этого этапа переговоров Матюнин подвел в «Бумаге Пограничного Комиссара Нинкгутайскому Мэйрэн-Дзанчину и прочим от 3го сентября за № 210». В ней он еще раз констатировал, что совместный разбор несчастного случая при Шитэулине привел к согласию Китайской стороны с российской версией произошедших событий: «произошла весьма грустная ошибка и никакой предвзятой мысли или намерения нанести ущерб войскам Великого Дайцинского Государства у Командира русского отряда Майора Ножина не было и быть не могло», явно намекая этим на то, что инцидент уже можно считать исчерпанным.

После этого Пограничный комиссар передал точку зрения китайских представителей, настаивавших на неких компенсациях за понесенные потери и заявивших, что по китайским законам он, «как представитель стороны сделавшей ошибку, обязан первый заявить», какое его намерение «дать удовлетворение»³⁸. Матюнин был с этим категорически не согласен, поскольку уже неоднократно говорил и писал, что Шитэулинский инцидент есть следствие ошибки не одного майора Ножина, а не злодействуй китайские разбойники на российской территории, так и вовсе никакие военные отряды никогда бы границу не перешли.

Поэтому далее он прямо написал: «Я же со своей стороны спрашивал Вас какие Вы имеете предъявить требования. Так как я считаю дело выясненным посредством и личных переговоров и письменных сношений на столько, что никто не в состоянии сомневаться, что злого намерения у нас не было и сеча в м.[естности] Шитэулин произошла единственно по причинам, мною изложенными письменно, т. е. что Майор Ножин принял отряд Правительственных Китайских войск под Начальством Генерала Юнхая за шайку хунхузов, которую он преследовал по следам из наших пределов, что Господин Генерал-Губернатор Восточной Сибири специально командировал меня в Нинкгуту, а вместо того по желанию Гирина Дзянь-Дзюня я прибыл сюда для выражения глубокого сожаления по поводу несчастного случая в м.[естности] Шитэулин и разъяснения ошибки. Немедля по получении Вашего окончательного ответа, я донесу подробно о результатах нашего свидания Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири»³⁹.

На следующем этапе переговоров китайские чиновники, «опасавшиеся больше всего, чтобы Гирина Дзянь-Дзюнь не поду-

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ Там же. Л. 42–42 об.

мал, что они, получив подарки, отнеслись к делу пристрастно», радикально сменили тактику и усиленно старались вынудить Матюнина написать хотя бы, что он «не уполномочен решить это дело окончательно»⁴⁰. Для Пограничного комиссара это было еще более неприемлемо, так как именно он-то как раз и был уполномочен решить это дело окончательно, чтобы оно не вызвало международных переговоров на уровне внешнеполитических ведомств двух государств.

Однако Матюнину опять удалось поймать китайцев на слове и обернуть всё в свою пользу. «Не соглашаясь с ними, — докладывал Пограничный комиссар, — я сумел доказать, что если кому из них и пришлось бы писать бумагу такого содержания, то никак не мне, ибо они, сами отказались заявить какого рода требования им поручено предъявить, следовательно согласны признав свою ошибку не давать делу дальнейшего хода ли не уполномочены установить окончательное решение»⁴¹.

Китайским представителям это очень не понравилось. После нескольких дней переговоров Матюнину было категорически заявлено, что представители китайской комиссии «не уполномочены окончательно вырешить это дело». Из разговоров с самим Шуваном и остальными членами комиссии Пограничный комиссар вынес мнение, что они не были уверены в ошибке со стороны Майора Ножина и опасались, что «тут скрывалась политическая цель. Они высказали мне по крайней мере непритворное удовольствие, когда я передал им мое отношение № 206 и уверил их, что нет разумных оснований не верить в искренность моих объяснений»⁴². Далее переговоры всецело перешли в плоскость эпистолярных баталий.

На следующий день после этого разговора (т. е. 3-го числа VIII луны по китайскому календарю) Матюнин получил от китайских представителей письмо, «в котором они прямо заявляют, что решить это дело они не могут»⁴³. Этот документ представляет собой весьма любопытный образец китайской дипломатической переписки, поэтому его целесообразно привести почти полностью: «В полученной от Вас, Пограничный Комиссар, бумаге Вы пишете, что мы на свиданиях и бумагами объяснили причину перехода границы Вашим от-

⁴⁰ Там же. Л. 20–20 об.

⁴¹ Там же. Л. 20 об.

⁴² Там же. Л. 23–23 об.

⁴³ Там же. Л. 20 об.

рядом сделавшим ошибку и признали, что это была ошибка, в чем сомневаться нельзя и что об этом Вы тотчас же доложите Вашему Генерал-Губернатору и вообще обо всем как мы здесь решили. Хотя это действительно и ошибка, но убито и ранено много офицеров и солдат и китайцев. На нескольких заседаниях от Вас не было сделано окончательного предложения, а по внимательном исследовании и в трактатах не сказано о подобных случаях. Отряд с офицерами и солдатами, перешедший границу был Высокого Государства, то и предложение к примирению делать должно не наше Государство. Государства наши находятся по соседству и с давних пор в дружбе, то Высокое Государство и должно установить. Если же Вы не можете сказать окончательно решения, то и мы не можем взять на себя ответственность, а потому лучше всего предоставить это дело на утверждение высшего Начальства обеих сторон, мы же возвратимся и как они решат или как укажут, объяснимся бумагами.

В бумаге от VII луны 27 числа Вы пишете, что Начальник отряда Ножин сейчас же после сечи, не сосчитав убитых и раненых ушел обратно и что Вы не можете проверить список убитых и раненых, так как многие из них уже похоронены. Пришедший со мной Начальник отряда Генерал Юнхай, потерпевший несчастье в Шитоулине, заявил освидетельствовать, но так как дело было уже давно ... многих убитых взяли родственники, многие раненые уже поправились. К тому же здесь нет Начальника отряда Ножина. Если же ехать освидетельствовать, то необходимо вызвать сюда офицера Ножина и вместе с ним и Генералом Юнхаем ехать. Мы же как неучаствовавшие что можем сделать? Сообщая это Вам, Почтенный Комиссар, просим уведомить нас, согласны Вы с нами или нет? Мы же получивши Вашу бумагу, и так как не сможем решить дело в окончательном виде, доложим нашему Дзянь-Дзюню. Сего ради послано»⁴⁴.

В ответ на него Н. Г. Матюнин написал «Бумагу Пограничного Комиссара, Китайской Комиссии, от 6 сентября за № 220», следующего содержания: «На последнее письмо Ваше, Почтенные Сановники, от V года VIII луны 3 числа, имею честь ответить, что я донесу подробно о наших заседаниях Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири и весьма доволен, что Вы убедились, что несчастная сеча в м. [естности] Шитэулин результат ошибки, а не злого умысла.

⁴⁴ Там же. Л. 42 об. — 43 об.

Вы уезжаете окончив возложенное на Вас поручение, я также возвращаюсь к месту своего служения»⁴⁵.

Таким образом, переговоры закончились весьма своеобразно, фактически зайдя в тупик: нормативно правовой базы для выхода из сложившейся ситуации между двумя государствами не было — ни в Айгунском (1858 г.), ни в Пекинском (1860 г.) договорах не было сказано, что делать в таких случаях. Российский представитель считал, что раз положение о случайности инцидента китайцами принято, то и дело закрыто, а китайская делегация, в свою очередь, продолжала настаивать на компенсациях.

Выход из сложившейся ситуации Матюниным был найден весьма оригинальный: он мало того, что признал со своей стороны вопрос полностью решенным, просто проигнорировал китайские требования, ведь никакой юридической опоры в договорах между двумя странами они не имели, а трагическую случайность инцидента китайские представители и так признали, но еще и написал им, что они полностью выполнили возложенное на них поручение, т. е. тоже решили этот вопрос. Китайская комиссия с этим, разумеется, не согласилась, оставшись при своем мнении и пообещав предоставить дело на разрешение «высшего начальства», и, разумеется, предоставила.

Возможно, это было сделано Матюниным в нарушение данных ему инструкций (которые из-за отсутствия нормальной военно-транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке он получил уже после окончания переговоров) специально, ведь он прекрасно помнил слова Нингутского футу-дуна Шувана о том, что Гиринский Цзянь-цзюнь не пропускает в Пекин ни одной его бумаги о создании новых военных постов на русско-китайской границе и о необходимости активизации борьбы с хунхузами. А это значит, что для положительного решения этих вопросов, которое было так необходимо российским властям, да и всему местному населению по обе стороны границы, переписка между двумя государствами должна была происходить минуя Гирина, т. е. на уровне МИДов. Ответ на вопрос, так это или нет, Пограничный комиссар унес с собой в могилу, однако последовавшие за переговорами события полностью подтвердили правоту его действий.

Практически сразу после окончания переговоров Матюниным был подготовлен своего рода итоговый отчет, включавший весь комплекс документов по этому делу. Вернувшись в урочище

⁴⁵ Там же. Л. 43 об.

Новокиевское, Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае немедленно отправил донесение о результатах переговоров в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири и, соответственно Командующему войсками Восточного Сибирского военного округа, а точнее, временно исполнявшему обе должности генерал-лейтенанту Константину Николаевичу Шелашникову, поскольку назначенный незадолго до этого на указанные посты генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин еще не успел прибыть к новому месту службы.

Причем отправлено оно было через Пекин, т. е. наиболее быстрым путем в это время года, «так как по Амуру оно вряд ли скоро дойдет до Иркутска»⁴⁶. В нем Н. Г. Матюнин вкратце описал ход переговоров и их основные результаты. Там же он писал, что «если воспользоваться обнаруженным положением дел на китайской границе, возможно требовать в будущем с их стороны более правильной обстановки надзора. До тех пор пока у Китайцев не будет выставлено достаточное число конных караулов, неизбежно следует разрешить нашим отрядам переход границы при преследовании хунхуз, ибо иначе погоня будет обыкновенно безуспешною. Пользуясь случаем имею честь обратиться благосклонное внимание Вашего Высокопревосходительства на следующие обстоятельства: я предлагал Комиссии проехать совместно со мной до места сечи собственно для того, чтобы доказать, что Майор Ножин шел по следам хунхуз; это было бы для меня довольно затруднительно, но я имел намерение, ориентируясь на месте, узнать насколько это место удалено от границы. Читая подробную карту, имеющуюся у меня, мне кажется, что сеча произошла не более 10–15 верст от границы, которую в этом месте служит водораздельный хребет. Я не имел никогда случая и возможности пройти границу от Суйфунского до Турьего Рога, и никто здесь не знает настоящей граничной линии, тогда как это совершенно необходимо. Не признаете ли Ваше Высокопревосходительство возможным, командировать для этой цели специального топографа, возложить на начальника кордонной линии проторить тропу по самой границе, поставить на ровных местах какие-нибудь видимые знаки, а в лесистых местностях прорубить просеку. Такая мера, ознакомив нас с действительной границею, предотвратила бы возможность в будущем перехода границы по неведению ея. Нинггутаиский Мэйрэн-Дзянчин не уполномочен вступать в переговоры

⁴⁶ Там же. Л. 21 об.

о правильной обстановке границы; при этом он несколько раз говорил мне и теперь и ранее, что Гиринский Дзянь-Дзюнь тормозит это дело и не пропускает его представлений о необходимости иметь на границе более густую цепь военных караулов. Так как и я с своей стороны не имел достаточно веских данных, то ограничился только требованием, чтобы Нинггута́йский Мэйрэ́н-Дзя́нчин вышел опять с представлением об учреждении караулов хотя бы в тех местностях, где таковые имеются у нас. На Суйфуне при мне поставлен Китайский Караул при офицере V степени из пятидесяти солдат. Я имел честь подробнее говорить относительно наших караулов в Высочайше командированным в Восточную Сибирь Генерал-Майором Тихменевым, и выслал ему по его желанию Краткую записку, дополняющую доклад Войскового Старшины Винникова [следующий командир Уссурийской конной казачьей сотни и, соответственно, начальник кордонной линии. — *Р. А.*]. Если мое предположение осуществится и будет здесь устроена настоящая цепь караулов, то для успеха службы на границе необходимо сверх того чтобы и Китайское Правительство поставило соответствующие нашим караулы — хлопотать об этом через Нинггута́йского Мэйрэ́н-Дзя́нчина бесполезно и он сам говорил мне, что только высшее Правительство может заставить Гиринского Дзянь-Дзюня назначить необходимые для сего войска и отпустить фонды на постройку помещений»⁴⁷.

Заканчивался этот документ констатацией того, что «Нинггута́йский Мэйрэ́н-Дзя́нчин решительно заявил» Н. Г. Матюнину, что «он не может изменить существующего по договору порядка ведения дел через Хунчун и что необходимо предложение высшего правительства, чтобы обезопасить тракты и установить почтовое сообщение из Нинггута́й в Никольское. О переговорах моих с Нинггута́йским Мэйрэ́н-Дзя́нчином по поводу текущих дел, я буду иметь честь подробно донести Вашему Высокопревосходительству почтою 14го сентября 1879 г. № 225»⁴⁸. С этими же документами ушел в столицу Китая и полный комплект их копий, который должен был как предоставить подробнейшую информацию об этом инциденте, так и сообщить об окончательном разрешении данного вопроса Российской императорской Миссии в Пекине, которую также следовало держать в курсе подобных происшествий.

⁴⁷ Там же. Л. 20 об. — 22.

⁴⁸ Там же. Л. 21 об.

Копия же с отчета от 2 ноября 1879 г. была направлена Военному губернатору Приморской области контр-адмиралу К. Ф. Эрдману, однако ее движение «было замедлено отправлением из урочища Новокиевского почты вследствие распутицы»⁴⁹. Примечательно, что, как написал ему Матюнин, «предписание Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири относительно этой моей командировки, получено мною только 10го Октября с. г. так что руководствоваться им не пришлось»⁵⁰. Самому генерал-губернатору он это написать, видимо, не решился.

Кроме того, после того, как исполняющий обязанности Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-лейтенант К. Н. Шелашников сообщил во внешнеполитическое ведомство, что переход границы российским отрядом, по заверению Военного губернатора Приморской области контр-адмирала Г. Ф. Эрдмана, вызывался «необходимостью», его поставили в известность, «что несмотря на это, оно, по соглашению с Военным Министром, не находит возможным предоставить нашим пограничным начальникам право перехода границы по их личному усмотрению». Уведомление об этом из Главного управления Восточной Сибири было отправлено Эрдману 2 февраля 1880 г.⁵¹

Собственно на этом вся история «сечи при Шитэулине» могла благополучно закончиться, однако китайцы решили продолжить настаивать на компенсациях. 18 октября 1879 г. китайский МИД вручил очередную ноту «по предмету столкновения казачьего отряда Майора Ножина с Китайскими регулярными войсками в местности близ Шитэулинского хребта» российскому поверенному в делах в Пекине А. И. Кояндеру, попавшему из-за этого в весьма затруднительное положение.

Дело в том, что, по предоставленной Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюниным Императорской Российской миссией в Пекине информации, его переговоры с китайцами имели успех и завершились окончательным решением данного вопроса. О недовольстве китайской комиссией итогами переговоров и о каких-то новых инцидентах на границе, о которых сообщали китайские министры, в миссии не имели ни малейшего представления.

Таким образом, российскому поверенному пришлось импровизировать, что вообще-то в то время случалось достаточно часто.

⁴⁹ Там же. Л. 19.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 94–94 об.

С одной стороны, он «ответил китайцам в бумаге», что не имеет «пока никаких сведений по этим делам», но что представит «переводы их сообщений нашему пограничному начальству с просьбою произвести расследование и о последующем меня уведомить». С другой — немедленно подготовил переводы всех документов на русский язык и направил на имя Военного губернатора Приморской области отношение № 117, от 16 ноября 1879 г., к которому и были приложены копии этих документов.

Весьма показателен для характеристики общей ситуации в регионе способ, которым пакет с этим отношением и комплектом копий указанных документов переправлялся Военному губернатору Приморской области, резиденция которого до лета 1880 г. находилась в Николаевске-на-Амуре. Телеграфного сообщения этого города с Пекином тогда не было, регулярного пароходного сообщения тоже, а между тем вопрос требовал безотлагательного решения. Поэтому А. И. Коляндер поступил, как ранее Матюнин: отправил бумаги через китайских начальников в Маньчжурии Пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае для последующей передачи Военному губернатору, еще раз констатировав, что «это наиболее скорый способ сообщения с Приморской областью в настоящее время года». Причем он еще и попросил доставить ему все необходимые сведения «этим же путем»⁵².

Нужно отдать должное китайским властям: пакет прибыл в Южно-Уссурийский край достаточно быстро, и притом в целости и сохранности.

Что касается Шитэулинского инцидента, то копия «Сообщения Китайских Министров Российско-ИМПЕРАТОРСКОМУ Поверенному в Делах в Пекине от 18го октября 1879 года», как, собственно, и само «Сообщение...», представляло собой пересказ содержания второго доклада по этому делу, «представленного Гиринским Цзянь-Цзюнем Богдыхану» с интерпретационными комментариями высших китайских сановников.

Начиналось «Сообщение...» с напоминания российскому представителю о первом обмене бумагами с ним по этому делу, после чего начиналось цитирование. Гиринский Цзянь-цзюнь сообщал, что, в соответствии с последовавшими после предыдущего доклада распоряжениями из Пекина, он командировал Нингутского футудуна и еще нескольких чиновников «для подробнейшего и тщательнейшего исследования Шитэулинского дела». Поспеш-

⁵² Там же. Л. 7–8.

но прибыв в район происшествия, они «приступили к расследования дела, опросам кого следует и удостоверениям на месте»⁵³.

После окончания расследования футудун вместе с чиновниками представили в Гирич «в сообщениях и донесениях результаты расследования». Которые на этот раз представлялись им следующим образом: «Участвовавшие в Шитэулинском деле офицеры и солдаты заявили все единогласно так: 22 числа 5-й луны (30 июня 1879 г.) Китайский отряд преследуя разбойников, одержал над ними победу. В сумерки, отряд наш, продолжая преследовать разбойников, дошел до холмистой местности, где, за невозможности двигаться в такую пору вперед, остановился лагерным порядком. На другой день, рано утром, все горы были покрыты облаками и туманом. [Важнейшая деталь, которая почему-то ни разу не всплывала во время переговоров. Дело в том, что летом в этом регионе плотность туманов может быть чрезвычайно высокой. Настолько, что видимость не будет превышать нескольких метров, в силу чего даже идущий в 2–3 метрах впереди человек может смотреться как едва различимый силуэт, а на расстоянии в 5 метров уже полностью исчезать в белом мареве! — *Р. А.*] Вокруг оказался русский отряд численностью в несколько десятков людей из-за своего восточного ущелья и стремительно напал на наш лагерь, предался избиению людей и захватыванию в плен. Офицеры и солдаты нашего отряда, совершенно соблюдая трактаты не осмелились оказать Русскому отряду вооруженного сопротивления. После этого нападения у нас в отряде оказалось много убитых и раненых. Командир нашего отряда, Дя-шунь, пал во время нападения. Были зарублены латники: Гуй-лян, Дя-лин, А-чан-цай, вольноопределяющиеся канониры: Ни-ван-фу, Ван-жун; из следовавших за отрядом маркитантов и погонщиков — 16 человек, как то: Ван-юн и другие. Оказались ранеными: караульной службы субалтерный офицер Юн-шен, латник Си-чжу, вольноопределяющихся 41 человек, канониров, погонщиков и маркитантов 56 человек, как то: Чжао-го-пин, Чжан-фу, Син-цзи-ю и другие. Сверх исчисленных есть еще много убитых между купцами и простолюдинами, но обо всех этих личностях собрать тоже справки в такое короткое время оказалось невозможным»⁵⁴.

Далее следовало описание переговоров с Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае и анализ их результатов, тоже

⁵³ Там же. Л. 9–9 об.

⁵⁴ Там же. Л. 9 об. — 10 об.

в весьма своеобразной интерпретации. «Когда футудун города Нингуты и прочие прибыли в Сан-ча-коу, там уже был русский чиновник. На многих свиданиях Футудуна и прочих с Комиссаром было преступлено к обсуждению всех обстоятельств происшествия. После многократных рассуждений Русский чиновник выразил перед Футудуном, что в настоящем случае дело представляется так: из Русских пределов был выслан отряд для преследования разбойников. Русский отряд перейдя границу прибыл в Ши-тоу-лин, где, ошибочно приняв Китайский отряд за разбойничий стан и пользуясь суматохою в Китайском лагере, по недоразумению стал истреблять Китайский отряд. Комиссар передал Футудуну, что все офицеры отряда Русского отрешены уже от командования и вызваны в пределы государства. Кроме таких словесных заявлений Комиссар передал Футудуну письменное заявление, в котором выражается, что Шитэулинское дело, где оказались убитыми и ранеными чины Китайского отряда, поистине произошло от ошибки и недоразумения, что он, Комиссар, не может принять на себя почин в постановке решения, какое следует делать по этому делу, а должен вернуться в Русские пределы и с подробным и ясным изложением обстоятельств происшествия доложить обо всем Командующему войсками и Губернатору Приморской области и что о резолюции Губернатора будет особо сообщено Футудуну. Комиссар, ограничившись переговорами и перепискою, изложенными здесь отправился в обратный путь в Россию. Тогда Футудун с прочими возвратились к вверенным им постам и представили только что изложены сведения, а также препроводили ко мне полученное им от Русского чиновника сообщение.

Из представленных мне Футудуном и прочими сведений видно, что убитых при Шитэулине офицеров, солдат, торговцев и простолюдинов, следовавших за отрядом, всего 24 человека, тяжело раненых больше 90 человек. Обстоятельства происшествия возбуждают глубокое сожаление к жертвам жестокости. Видно также, что Русский чиновник, хотя и признал ошибку и недоразумение Русской стороны, но исход дела все еще остается невыясненным, а между тем Русский чиновник уже возвратился в пределы своего государства. Я нахожу, что если не определить с полной точностью статьи о переходе границы и не предложить к исполнению прежде существовавшие порядки касательно перехода границы, то трудно будет вести дела, которые будут встречаться. Вместе с этим мною составлен с должным вниманием отчетливый список убитым при Шитэулине офицерам и солдатам,

с обозначением чина, фамилии, имени, знамени и роты каждого лица. [Достаточно сомнительно, поскольку Н. Г. Матюнину, несмотря на все его просьбы, подобный список так и не был представлен. — Р. А.] Представив вышеизложенное вместе с списком на воззрение его Богдыханского Величества, считаю нужным обо всем сообщить и в Министерство Иностранных Дел для надлежащего сведения»⁵⁵. Как видно, это описание немного расходится с тем, что было выяснено в ходе русско-китайских переговоров.

Прочитывая доклад, китайский министр напомнил, что Кояндер уже отвечал ему письменно, после чего, при его посещении министерства 4 августа 1879 г. (29 числа VI луны) сановники уже лично заявляли ему об обстоятельствах данного инцидента и передавали ему просьбу «о тщательном исследовании этого происшествия»⁵⁶.

Однако теперь, после получения в министерстве второго доклада Нингутского футудуна «видно, что при Шитэулине погибло очень много людей, что русский чиновник входил в неоднократное обсуждение этого дела с Китайскими властями и даже в письменном сообщении признал ошибку Русских, но тем не менее это дело все еще состоит неприведенным к соглашению обеих сторон, к окончанию». Поэтому «Министерство ныне придавая должное значение этому важному пограничному делу имеет честь выразить свое искреннее опасение, как бы в случае не наложения на виновных Шитэулинского происшествия наказания, как то требуется трактатами, взаимные истребления пограничными людьми обеих сторон друг друга не обратились в постоянное явление, что, конечно, отразилось бы на духе дружбы и согласия обеих Государств»⁵⁷.

Китайцы настоятельно просили А. И. Кояндера проинформировать свое правительство «о справедливом и согласном с трактатами решении настоящего дела» и добавляли: «Известие же о том, каким образом это дело привести к соглашению, основанному на взаимном соглашении, Министерство надеется получить в скором времени через Вас, Господин Поверенный в делах. Министерство вполне льстит себя надеждой, что, при постановлении окончательного приговора, будет принято во внимание, что это происшествие окончилось потерей стольких жизней, а равно надеется, что решение будет такого рода, что только укрепит дру-

⁵⁵ Там же. Л. 10 об. — 11 об.

⁵⁶ Там же. Л. 11 об.

⁵⁷ Там же. Л. 12.

жественные отношения»⁵⁸. Таким образом, китайцы, во-первых, продолжали упорно настаивать на материальных компенсациях, а во-вторых, по-прежнему перекладывали всю ответственность за инцидент на российскую сторону, совершенно не обращая внимания на проблему китайского этнического бандитизма на российской территории, которую надо было как-то решать. Все предложения Матюнина по обустройству границы со стороны Китая, постановке там военных караулов и активизации борьбы с хунхузами Цинские чиновники просто проигнорировали. В общем, китайцы в очередной раз настаивали на лечении симптомов болезни, вместо самой болезни. Немаловажно и то, что никаких компенсаций от китайских властей жертвы хунхузов, пострадавшие от их деятельности на территории Южно-Уссурийского края, никогда не получали.

Умения ориентироваться в ситуации, при отсутствии достаточных для принятия решения данных, российскому императорскому поверенному в делах в Пекине было не занимать. В своем ответе (сообщение Российско-Императорского Поверенного в делах в Пекине Китайским министрам от 3 ноября 1879 г., за № 39) он использовал тот же дипломатический прием, что и сами китайцы, — начал излагать свою точку зрения вместо ответа на четко поставленный вопрос, тем более что делать какие-либо предложения относительно компенсаций за Шитэулинский инцидент он уполномочен не был.

Он еще раз констатировал, что 1 августа 1879 г. уже сообщал Цзунлямяню, что, по полученным им из Восточной Сибири сведениям, «означенное столкновение произошло вследствие недоразумения, так как отряд перед нами, преследовавший разбойников, частые вторжения которых на нашу территорию не могли наконец не побудить нас принять энергические меры для охраны наших подданных от насилия и грабежей, принял ошибочно лагерь войск Почт. [енного] Государства за стойбище разбойников и врасплох напал на этот лагерь. Как только ошибка была открыта, так отряд наш немедленно же отступил. Кроме этих сведений вполне согласных с тем, что сообщил наш Комиссар, при съезде на Шитоулине с Футудуном округа Нингуты, мною до сих пор не получено никаких известий»⁵⁹.

После этого А. И. Кояндер снова письменно напомнил китайским министрам обо всем том, о чем они, очевидно, запомнили

⁵⁸ Там же. Л. 12 об. — 12 об.

⁵⁹ Там же. Л. 17–17 об.

ли, а именно, что «Гиринский Цзян-цзюнь не нашел возможным разделить мнение Г. [осподин] Генерал-Губернатора Восточной Сибири, сообщенное мною Почт. Князю и Сановникам в письме от 24 Ноября прошлого года [т. е. 1878 г. — *Р. А.*] о пользе учреждения Китайских постов против каждого нашего пограничного караула. В бумаге Почт. Министерства от 9 Августа сего года приводится донесение Цзян-цзюня Мин, в котором он считает существующее количество караулов вполне достаточным. Не говоря уже о том, что многочисленный опыт доказал, что или число караулов недостаточно, или места их расположения не довольно удачно выбраны для того, чтобы обеспечить наши пределы от вторжения разбойников, прискорбное недоразумение, случившееся на Шитоулине доказывает как нельзя более ясно, полнейшую справедливость мнения нашего Генерал-Губернатора. В самом деле, если бы Китайские государственные пикеты существовали на самой границе, то преследование на Китайской территории шаек инсургентов, нарушающих наши пределы совершалось бы Китайскими пограничниками, а не нашими отрядами, пределы движения которых были бы в том случае строго определены и столкновение между войсками обеих государств, вследствие ошибочности одной из сторон было бы невозможно. При настоящих же условиях между Русскими и Китайскими караулами существует незанятое пространство по которому могут свободно расхаживать разбойники, нападением которых наконец стало необходимо положить конец. Что же удивительного в том, что Русский отряд преследовал грабителей в этом незанятом пространстве и нечаянно наткнувшись на Китайское войско, о движении которого он ничего не знал и присутствии которого, вследствие прежней бездеятельности Китайских пограничных Начальников, он не мог ожидать в этих местностях? При этом трудно упустить из виду, что перебежчики от разбойников конечно воспользовались этим случаем, чтобы ввести в заблуждение Начальника отряда и вызвать это столкновение. [Это утверждение документального подтверждения не находит, хотя полностью исключить подобный вариант, очевидно, тоже нельзя. Скорее всего, задержанные майором Ножиным по пути хунхузы ничего не знали о разгроме основной шайки, поскольку, как свидетельствует рапорт командира сотни, всячески старались увести его отряд в другом направлении, а нужное показали лишь после того, как на них надавили. — *Р. А.*]

Какова бы, впрочем, ни была причина, вызвавшая это недоразумение, ИМПЕРАТОРСКОЕ Правительство не может не выра-

зять Почт. [енному] Правительству своего сожаления по поводу этого случая. Им, по получении донесения о случившемся, посланы были немедленно же предписания о том, чтобы отряды наши, при преследовании разбойников, не переходили на территорию Почт. Государства, о чем я считаю долгом уведомить Почт. [енное] Министерство, выразив при этом надежду, что последнее, с своей стороны предпишет Гириным властям принять действительные меры к тому, чтобы грабительские шайки не нападали на Русские пределы».

Далее российский посланник пообещал сообщить в Петербург все обстоятельства этого дела, где Правительство, приняв во внимание данные, полученные от «наших пограничных властей, конечно постановит по этому вопросу справедливое решение». Причем Кояндер констатировал, что прибывающая в российскую столицу на переговоры по проблеме Илийского края китайская делегация узнает это решение и сообщит о нем Цзунлиямыню раньше него⁶⁰.

Когда все эти документы к 20 февраля 1880 г. добрались наконец до путевой канцелярии Военного губернатора, начальство Приморской области было, очевидно, несколько удивлено их получением, поскольку считало Шитэулинский инцидент давно исчерпанным и не заслуживающим дальнейшей внешнеполитической переписки⁶¹. В то же время проблема хунхузничества в Южно-Уссурийском крае продолжала оставаться актуальной, поскольку никаких серьезных мер для ее окончательного решения китайские власти так и не предприняли, поэтому Военный губернатор Приморской области контр-адмирал Г. Ф. Эрдман решил воспользоваться случаем и еще раз напомнить китайскому руководству о российских предложениях по активизации борьбы с хунхузами, через посредство российского поверенного в делах в Пекине, написав ему буквально все, что он об этом думает. А поскольку А. И. Кояндер в своем ответе китайцам, в очередной раз, при минимуме информации, сделал упор именно на те аспекты, на которые следовало, то появились реальные шансы все-таки дожать китайских чиновников и начать решение наиболее проблемных вопросов приграничных взаимоотношений.

Таким образом, в отношении № 1185 от 24 февраля 1880 г., направленном Российскому императорскому Посланнику

⁶⁰ Там же. Л. 17 об. — 18 об.

⁶¹ Там же. Л. 6.

при Пекинском Дворе, Военный губернатор писал: «...по поводу случайного столкновения нашего отряда в местности близ Шитоулинского хребта с Китайским Правительственным отрядом считаю должным объяснить Вашему Превосходительству, что обстоятельство в приложенной копии с сообщения Китайских Министров, от 18 Октября того же года под литерой А всецело изложено в своих интересах»⁶².

Далее Г. Ф. Эрдман еще раз приводил подробное изложение причин и хода Шитэулинского инцидента, в значительной мере просто пересказывавшее телеграмму Ножина № 27 от 3 июля 1879 г., копия которой также была приложена к отправляемым в Пекин документам.

«...Дело это, — продолжал Военный губернатор, — по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири расследовалось нашим Пограничным Комиссаром в Южно-Уссурийском крае совместно с Комиссиею Китайских чиновников, под председательством Нинггутаевского Футудуна Шувана; результаты этого обстоятельства настолько выяснились ясно, что не требует более никакого дальнейшего расследования, и всякие юридические доводы в данном случае не могут служить безусловно верными подтверждениями, так как всякая сторона постарается возможными способами выгораживать себя перед своими Правительствами, что и подтверждается уже полученными бумагами от Китайских властей; но я с своей стороны нахожу следующее: Если бы Китайские пограничные власти имели на своей стороне границы надлежащий надзор и удовлетворительную военную силу, вооруженную в военном смысле, тогда их разбойничьи шайки не переходили бы в таком количестве в наши пределы и не производили бы грабежей и разбоев, и не тяготели бы над нашим Уссурийским краем более 10 лет. Китайские министры в своем отзыве по Шитоулинскому делу придают особое значение числу случайно убитых, при нападении на их отряд, ни чем не выражавшийся в значении войска, от несчастной ошибки, вызванной бездеятельностью Китайских властей по отношению охранения границы. Между тем в течении этих 10 лет сколько невинных жертв пало от рук хунхузов и даже в настоящее время 8 человек пострадавших от разбоев хунхузов находятся на излечении в Владивостокском военном госпитале; не говоря уже о прежних жертвах, которых считаются сотни. Кроме того, что хунхузы наносят частный материальный ущерб населению Уссурийского края, вместе с тем составляют постоянное

⁶² Там же. Л. 75.

затруднение для нашей администрации, вопрос о постоянной посылке наших военных отрядов для преследования этих хунхузов, чем наносится прямой ущерб Русскому Правительству. [...]

Шитоулинское дело я отношу не к умышленному столкновению, а к прискорбной ошибке, омрачившей старую службу Майора Ножина на Кавказе, который за это дело получил весьма жестокое наказание, был устранен от командования военною частию. И чтобы не повторилось более таких ошибок, буду просить Вас, Милостивый Государь, объяснить перед Китайским правительством, что переходящие через нашу границу их разбойничьи шайки далеко более принося нам вреда и убытка чем приведенный ошибочный случай, при Шитэулинской местности...»

Кроме того, в Пекин была отправлена копия с донесения Пограничного Комиссара Н. Г. Матюнина № 225 и копии всей его переписки с китайскими чиновниками, посланными расследовать этот инцидент.

«Из этих бумаг, — писал Военный губернатор Приморской области, — Ваше Превосходительство усмотрит разницу между донесениями Китайских чиновников, сделанными Пекинским Министром и в переводах препровожденных ко мне при Вашей бумаге за № 117 и донесением нашего чиновника Матюнина; при этом я желал бы, если Ваше Превосходительство найдете удобным, чтобы перевод донесения Матюнина был бы сообщен Китайским Министрам, для обнаружения истины и неправильности выводов Китайских чиновников, бывших на разборе Шитоулинского дела, и изложивших его вполне в своих интересах...»⁶³.

После окончания переговоров по Шитэулинскому инциденту, деятельность местных российских властей, направленная на предотвращение повторения подобных случаев, происходила по нескольким направлениям.

Во-первых, к 8 июня 1880 г. совместными усилиями Военного губернатора Приморской области Г. Ф. Эрדмана, Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнина и нового командующего Уссурийской конной казачьей сотней войскового старшины Г. В. Винникова была разработана специальная «Инструкция для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае», которая четко и очень подробно регламентировала порядок охраны сотней русско-китайской границы⁶⁴. Относительно случаев ухода хунхузов

⁶³ Там же. Л. 75–78 об.

⁶⁴ Там же. Л. 150–153.

с российской территории в Китай, в инструкции указывалось, что «если бы шайка скрылась за границу, то караулы, ранее получившие известие о ее появлении, не останавливаются в совершении усиленных разъездов по границе, не переходя ее, пока не будет дознано, что шайка окончательно ушла внутрь соседней страны»⁶⁵. Таким образом, любой несанкционированный переход границы сопредельных государств чинам Уссурийской конной казачьей сотни, как, впрочем, и других частей войск, был категорически запрещен.

Во-вторых, маленькая авантюра Матюнина увенчалась полным успехом. Написанные Военным губернатором Приморской области на основе его рапорта и отправленные в Пекин документы определенно были переданы Российским посланником в Пекине высшим китайским сановникам, поскольку обсуждение вопросов о постановке китайских пограничных караулов и необходимости активизации антихунхузнической борьбы двух стран неожиданно возымело успех. В китайской столице состоялись переговоры правительства Дайцинской империи с А. И. Кояндером, в результате которых вдоль границы Южно-Уссурийского края напротив российских пограничных военных постов появились, наконец, китайские караулы.

Более того, как сообщал Военному губернатору Приморской области в отношении № 247 от 29 мая 1880 г. Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае, «высшее китайское правительство» предложило на основании результатов этих переговоров «Полковому Командиру Хунчунской области войти в соглашение» с Н. Г. Матюниным, чтобы «наши пограничные караулы «каждые 10 дней обменивались сведениями о движении хунхуз с соответствующими Китайскими караулами, а в случае появления шаек, совокупными действиями уничтожить эти шайки»⁶⁶.

Матюнин узнал об этом от Нингутского футудуна и, естественно первым делом сообщил эту радостную новость «в копии с перевода Начальнику Кордонной линии, т. е. Командиру Уссурийской Конной Казачьей сотни». Однако здесь возникла загвоздка уже с российской стороны. После столь резонансного скандала с Шитэулинским инцидентом и снятием с должности майора Ножина, новый командир Уссурийской конной казачьей сотни — Г. В. Винников наотрез отказался дать согласие на переход даже отдельных чинов своей части через границу для лю-

⁶⁵ Там же. Л. 152.

⁶⁶ Там же. Л. 133.

бых целей, будь то сообщение китайским караулам информации о передвижении хунхузских банд или борьба с этими самыми бандами. Тем более, что подобный переход был категорически запрещен предписанием Военного министра.

Причем Винников ответил Матюнину в достаточно категоричной форме: «Взаимные действия наших отрядов с отрядами манджурскими по преследованию хунхуз, в виду полученных распоряжений, могут выразиться лишь в сообщении ближайшему караулу о появлении в известной местности хунхуз, но отнюдь не в совместном их преследовании; а за неимением на Караулах переводчиков, поездки в места расположения манджурских караулов не могут принести никакой пользы; притом еще условия, что переход границы нам безусловно запрещен, а следовательно мы не можем допустить такового для манджурских отрядов. Полагаю возможным допустить свидание и обмен сведений только в известных местах на самой границе. В противном случае вопрос этот требует разрешения высшего начальства»⁶⁷.

Матюнина это сильно задело, ведь он обо всем договорился с Нингутским футудуном и был уверен, что никаких проблем возникнуть не должно. 29 мая 1880 г. разъяренный Пограничный комиссар написал по этому поводу напрямую новому Военному губернатору Приморской области генерал-майору Михаилу Павловичу Тихменеву: «Имею честь обратить внимание Вашего Превосходительства, на то обстоятельство, что давать знать китайскому правительству о безусловном восприятии нашим отрядами перехода границы, когда оно само дает нам возможность бывать на их караулах, а следовательно и следить за возможными изменениями численного состава караулов, по меньшей мере бесполезный педантизм. Хотя я не ожидаю от периодического обмена сведениями на караулах большой пользы делу, считая также невозможным совместное преследование шаек, а только совокупные действия по обе стороны границы, но полагаю, что нам не следует вовсе запирается границей и если Г^н Военный Министр запретил отрядам переход границы, то понимаю это распоряжение так, что он только имел пресечь возможность повторения Шитэулинского дела. Так как Г^н Начальник Кордонной линии считает невозможным принять, своим почином, меру, предлагаемую Китайскими властями, а я считаю неловким отказать Мэйрэн-Дзанчину, то обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою решить этот вопрос [и] не оставить

⁶⁷ Там же. Л. 133–133 об.

меня предположением»⁶⁸. Впрочем, вскоре, из-за дальнейшего обострения Кульджинского кризиса и активизации подготовки обеих государств к войне, все действующие лица этого спора, от Военного министра до командира сотни, переключились на обсуждение численности и вооружения китайских отрядов, перебрасываемых к границам Южно-Уссурийского края, а также мер по возможному противодействию внезапному нападению.

В-третьих, российские власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке начали разрабатывать вопрос о приведении в порядок самой границы, местоположение которой на местности к концу 70-х гг. XIX в. точно не знал никто. Вообще, до Шитэулинского инцидента пересечение российскими войсками (как, впрочем, и китайскими разбойниками — хунхузами) русско-китайской границы не было чем-то необычным и происходило, выражаясь современным языком, в рабочем порядке, по мере необходимости. Теперь же международный скандал положил этой практике конец, и вопрос о границе нужно было разрешать, причем срочно.

После рассмотрения цитированного выше рапорта Матюнина, дальнейшее «первичное» изучение этого вопроса было возложено на местного младшего межевого ревизора коллежского советника Махова, который, ознакомившись с ситуацией, пришел в дикий ужас. Разобраться в ней самостоятельно, не имея под рукой подлинников всех необходимых документов, он так и не смог. В своем рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Анучину № 411 от 11 сентября 1880 г. он рисует картину, близкую к катастрофической: «Проложение в натуре государственной границы от поста Турьего рога до устья р. Тумынь-дзянь, по мнению моему может начаться не прежде решения вопроса по каким именно местам должна она быть проведена: т. е. по тем ли, кои описаны 1^ю статьею договора, изложенного в **ВЫСОЧАЙШЕМ** указе, данном Правительствующему Сенату 26го Декабря 1860 г. [т. е. Пекинского договора 1860 г. — *Р. А.*], или по тем, которые черною краскою обозначены на карте подписанной уполномоченными обеих государств (копии с карты мною не отыскано) или же наконец, по тем шести пограничным знакам, урочищам и одной меже, которые значутся на карте составленной в 1861 г. чинами местного Военно-Топографического отдела.

С разрешением этого вопроса, необходимо будет разрешить и другой вопрос, не меньшей важности, а именно: как следует поступить, при положении границы в том случае, когда погра-

⁶⁸ Там же. Л. 133 об.

нические знаки (двадцать лет назад поставленные) не будут согласоваться с текстом или документом [т. е. картой, приложенной к договору. — *Р. А.*] самого договора»⁶⁹.

Впрочем, последний вопрос носил скорее академический интерес, поскольку большая часть поставленных во время первого размежевания 1860 г. деревянных пограничных знаков была к этому времени утрачена, а по вопросам их местоположения велись вялотекущие дискуссии⁷⁰.

Дальнейшая история этой проблемы и ход ее решения в этой работе рассматриваться не будут, поскольку прекрасно изучены отечественными учеными⁷¹. Отмечу лишь, что подобное положение дел продолжалось вплоть до завершения демаркации этого участка границы и установления новых пограничных знаков специальными уполномоченными обеих стран осенью 1886 г.

В-четвертых, на территории Южно-Уссурийского края резко активизировалась деятельность местных властей по контролю за китайским населением, которое решили, наконец, заставить признавать законы Российской империи и подчиняться распоряжениям местного российского, а не китайского начальства. Изучение их численности и выдача им паспортов сопровождалась радикальными мерами российских дальневосточных властей по борьбе с хунхузничеством во всех его проявлениях.

* * *

Характерно, что в дальнейшем Шитэулинский инцидент практически никогда не упоминался. Сведения о нем не попали в российскую периодику того времени, его не использовали как аргумент и не вспоминали при дипломатических переговорах даже по самым острым темам. Упоминаний о нем не удалось найти ни в одной отечественной работе по истории Кульджинского кризиса и русско-китайских переговоров в Ливадии и Санкт-Петербурге, в течение которых он, видимо, не всплыл ни разу⁷². Вообще, создается впечатление, что обе страны сделали все

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–3 об.

⁷⁰ Матусовский З. Указ. соч. Прил. 1. С. 1–3; Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 58.

⁷¹ Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 58–62; Границы Китая: история формирования... С. 119–125.

⁷² См., напр.: Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995; Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

возможное, чтобы не напоминать друг другу об этом досадном недоразумении.

Три месяца спустя, после отказа Китая ратифицировать Ливадийский договор 1879 г., резко обострившийся Кульджинский кризис, последовавшая за этим подготовка обоих государств к войне на всем протяжении взаимных границ, а затем и успешное разрешение этого кризиса подписанием Санкт-Петербургского договора 1881 г. практически полностью затмили маленький инцидент «в местности Сан-ча-коу». Инцидент, который в действительности стал катализатором многих важнейших процессов, протекавших в Северо-Восточном Китае и российском Южно-Уссурийском крае в 80–90-х гг. XIX в., и способствовал началу постепенного решения значительной части застарелых проблем двусторонних отношений Российской империи и Китая.

Относительно последствий Шитэулинского инцидента можно сделать и еще одно предположение. В переведенных китайских документах проскальзывает не только недовольство китайских чиновников российскими военными, но и обида на них. Обида за то, что им так легко удалось нанести поражение маньчжурским войскам, превосходившим их по численности, применяя одно только холодное оружие. Уж не поэтому ли одной из первых мер, принятых китайским правительством после отказа ратифицировать Ливадийский договор при подготовке войны с Российской империей, в том числе и на дальневосточном театре, стало начало авральной замены маньчжурских войск и чиновников в Северо-Восточном Китае непосредственно китайскими⁷³? Ведь после «сечи при Шитэулине» было очевидно, что против русских войск маньчжурские бессильны, да и авторитет последних в результате этого столкновения был серьезно поколеблен в глазах как местного населения, так и властей.

Еще важнее другое — даже подобное досадное недоразумение, приведшее к значительным жертвам со стороны Китая, оказалось неспособно поколебать сложившихся за почти два столетия дружественных отношений между двумя государствами. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на всю горечь и досаду от произошедшего, а также обиду на русских, генералу Юнхаю даже в голову не пришло наносить ответный

⁷³ Подробнее об этом см.: Дацышен В. Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй половине XIX — начале XX в. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток, 2010. С. 113–130.

удар по российским населенным пунктам, чего так боялся майор Ножин. Практически все острые вопросы русско-китайских отношений во второй половине XIX в. (Шитэулинский инцидент, Кульджинский кризис, Савеловский вопрос и т. д.) неизменно удавалось решить за столом переговоров, несмотря на все военные приготовления и разработку планов боевых действий с обеих сторон. Китайские власти и войска действительно уважали Российскую империю и российскую армию, соблюдая заключенные между двумя государствами договоры, хотя и пытались трактовать их периодически в свою пользу. Впрочем, этим грешили почти все государства во все времена и эпохи.

Последний вывод из истории этого инцидента еще более современен. Предпосылки, причины, условия и характер столкновения при Шитэулине наглядно показывают, как этнический бандитизм, развившийся на территории одного государства и вышедший за его границы на территорию другого, способен привести к серьезным дипломатическим осложнениям и даже случайным военным столкновениям между войсками обоих государств, даже если их отношения традиционно носили дружественный характер, и как сложно из подобной ситуации выходить.

Л. В. БИБИКОВА

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГЛАЗАМИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (1880–1905)

Взаимоотношения власти и общества издавна являлись одной из актуальных проблем при выработке государственной политики. Наиболее противоречивыми, многоплановыми и неоднозначными в истории предреволюционной России были отношения представителей власти и либеральной части общества. Выработка более или менее единой и согласованной стратегии поведения по отношению к либералам представляла для властей существенную проблему. Трудности, с одной стороны, были в том, что те люди, которые выступали сторонниками либерализма, являлись значимой частью интеллектуальной элиты общества. С другой стороны, либералы активно презентировали свою оппозиционность существовавшему государству. Периодические попытки верховной власти в течение XIX в. провести реформы либерального толка создавали дополнительные трудности у работников государственного аппарата для выработки целостной поведенческой стратегии. В итоге образ «либерального» в представлениях чиновничества балансировал на грани признаваемо-одобряемого и порицаемого, время от времени переходя от одной оценки к другой.

В этом контексте немаловажно разобраться в том, каким образом описывали либеральное движение в политической полиции — структуре, призванной наблюдать за политическими настроениями общества. Настоящая статья представляет собой попытку обрисовать в общих чертах концепцию, сформулированную в политическом сыске угроз либерализма для российской власти

и причин распространения этой идеологии в России. В центре этой концепции стояло представление о том, что либеральное движение давало своим участникам достаточно широкий спектр возможностей для реализации карьерных, материальных, статусных запросов и личных амбиций, часто не имевших непосредственного (а иногда и опосредованного) отношения к политике.

Эта тема не становилась объектом отдельного изучения как в отечественной, так и в зарубежной историографии, хотя работы Н. Шлейфмана, Дж. Дэйли, Я. Лохлана, Ф. Цукермана затрагивают отдельные аспекты деятельности политического сыска в отношении либерального движения¹.

Хронологические рамки анализа определяются двумя значимыми событиями для политической истории в целом и истории политической полиции в частности. В 1880 г. в качестве главной структуры, руководящей политическим розыском, взамен упраздненного Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии был создан Департамент полиции, введенный в состав Министерства внутренних дел. В отличие от Третьего отделения, подчиненного императору и зависевшего от верховной власти, Департамент полиции, руководивший политическим сыском, был включен в министерскую систему. 1905 год — это и год начала Первой русской революции, и время институционализации общественного движения в рамках политических партий (существенно сказавшейся на работе политической полиции), и старт крупных реформ самого политического розыска. Пограничным рубежом в восприятии служащими политической полиции не только либерального, но и в целом противоправительственного движения стал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Он был воспринят в политической полиции как кардинально изменяющий общие политические условия и, соответственно, цели и задачи политического сыска².

¹ Schleifman N. *Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902–1914*. L., 1988; Zuckerman Fr. S. *The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880–1917*. N. Y., 1996; Zuckerman Fr. S. *The Tsarist Secret Police Abroad: Policing Europe in a Modernising World*. N. Y., 2003; Daly J. W. *Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905*. De Kalb, 1998; Daly J. W. *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917*. De Kalb, 2004; Lauchlan Iain. *Russian Hide-and-Seek: The Tsarist Secret Police in St. Petersburg, 1906–1914*. Helsinki, 2002.

² См., например: Кафафов В. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // *Вопросы истории*. М., 2005. № 3. С. 104.

Термин «либеральный» с конца 1905 г. исчезает практически полностью из переписки чинов политической полиции³. Те люди, которые ранее характеризовались через понятие «либерализм», с момента создания Конституционно-демократической партии стали обозначаться как «кадеты». Именно с конца 1905 г. у служащих политической полиции входит в обиход понятие «левый», которое распространяется, видимо, и на тех, кого раньше называли «либералами», так как в группу «левых» попадали и кадеты⁴. Кроме того, именно с 1905 г. из-за резкого подъёма революционной активности и, соответственно, объёма переписки — сама переписка становится «сухой», сводясь не столько к описанию, сколько к фиксации событий, а на терминологическом уровне — к оперированию во всех случаях словом «противоправительственный». Все эти обстоятельства позволяют выбрать в качестве верхней хронологической границы анализа 1905 год.

Первоначально необходимо очертить, хотя бы приблизительно, представления служащих политической полиции о самом либерализме. Эта задача осложнена тем, что эти представления у деятелей политического сыска были достаточно полными. У них не было нужды во внутренней переписке объяснять друг другу, какой смысл они вкладывают в слова с корнем «либерал». Более того, сами слова появлялись в делопроизводственной документации только в силу негласного консенсуса по поводу идейных и организационных параметров либерализма.

Стоит сделать и ряд предварительных замечаний о самом политическом сыске. Политическая полиция Российской империи в конце XIX — начале XX в. представляла собой сложную многоуровневую структуру. С 1880 г. руководство структурами политического розыска осуществлял Департамент полиции. Местными органами политической полиции были губернские жандармские управления (далее — ГЖУ) и охранные отделения. ГЖУ занимались проведением расследований (дознаний) по государственным

³ С 1907 г. он появляется вновь, но используется редко и преимущественно по отношению к земству.

⁴ Активное распространение термина «левый», видимо, можно объяснить принципиально новой политической ситуацией, а именно легализацией партийно-политического спектра, описание которого до сих пор сводится к право-левой дихотомии.

преступлениям, а охранные отделения — разработкой и осуществлением политического розыска (через службу наружного наблюдения и секретную агентуру)⁵ (в тех губерниях, где не было охранных отделений, эти функции выполняли ГЖУ, правда, заметно менее успешно). Эти структуры отличались друг от друга не только функциями, но и принципом комплектования. В ДП работали преимущественно люди с юридическим образованием и опытом службы по судебному ведомству. ГЖУ и охранные отделения наполнялись жандармами — бывшими военными. Кроме этого, ряд важных охранных отделений (в первую очередь, Московское охранное отделение и Заграничную агентуру) возглавляли бывшие секретные агенты, успешно проявившие себя на поприще секретного сотрудничества с политической полицией⁶.

Идеология либерализма

Либерализм ассоциировался у служащих политической полиции с целым набором признаков, наиболее внятным из которых было тотальное неприятие власти. Антигосударственный настрой либеральной идеологии проецировался в различные плоскости, начиная от государственной системы в целом, заканчивая отдельными государственными деятелями и их конкретными решениями.

Чины политического сыска обращали пристальное внимание на обличение либералами государственной системы, в первую очередь, образа правления (по умолчанию самодержавного). Так, в 1885 г. в Уфимском ГЖУ либеральные идеи связывались с темой изменения «основных положений государственного порядка»⁷.

⁵ Подробнее о структуре и функциях политической полиции см.: Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993; Головкин Г. З., Бурин С. Н. Канцелярия непроницаемой тьмы. Политический сыск и революционеры. М., 1994; Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997; Перегудова З. И. Политический сыск России. М., 2000; Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001; и др.

⁶ Подробнее об этом см.: Ульянова Л. В. Групповой портрет деятелей политической полиции (1880–1905) // Вестник молодых учёных исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Труды международной научной конференции «Ломоносов-2007». Лучшие доклады по историческим наукам. М., 2007. С. 165–177.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 28. Л. 1.

В 1889 г. начальник Тверского ГЖУ писал о тверском земстве как о «кружке лиц», который «смело выступает с суждениями об иных началах государственного строя»⁸. В Чернигове в 1904 г. руководитель местного отделения под либеральным направлением «Киевской газеты» имел в виду «систематическое воспитание» в читателе «чувства недовольства существующим государственным и общественным строем»⁹. Начальник Тульского ГЖУ в 1904 г. выстраивал консервативную антитезу подобному либеральному настрою: «Население Тульской губернии является твердо консервативным, проникнутым желанием сохранить существующий порядок», в то время как малозначительная либеральная партия стремится к его коренному преобразованию¹⁰. Неприятие либералами государственного устройства России нередко концентрировалось персонально на фигуре императора¹¹.

В отличие от чинов ГЖУ, которые в своих документах не размышляли над проблемой, чем либеральные деятели предполагают заменить осуждаемое ими государственное устройство, охранные отделения уделяли внимание и этому вопросу. В 1883 г. из Московского охранного отделения в Департамент полиции поступила информация о встрече В. А. Гольцева и редакции «Русского курьера» с некой «румынско-болгарской депутацией». Автор донесения делал акцент на тех участниках встречи, которые говорили о том, «что Россия... составляет разлагающийся организм, находится она на ступени революции и ничего общего не имеет со свободною страной, управляемую народным представительством»¹².

Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения не без доли возмущения анализировал публикации в одном из номеров «Вестника Европы» 1902 г.: «Вся последняя книжка «Вестника Европы» проникнута конституционными вождедениями, которые довольно систематично и очень осторожно выражены в статье Л. З. Слонимского «Современные задачи». «Первостепенная практическая задача нашего времени установить способы, которыми обеспечивалось бы целесообразное и последовательное

⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 6.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 32; 1894. Д. 1. Л. 289; 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1901. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 10 об.; 1905. Д. 1. Ч. 30. Лит. А. Л. 4.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 423; 1895. Д. 640. Л. 4; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 94–95.

¹² ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 121.

обсуждение текущих законодательных потребностей». Отсюда логически вытекает, что в теперешнем порядке обсуждения законопроектов нет ни целесообразности, ни последовательности... Даже автор статьи «Моя поездка в Шотландию» при описании международной выставки в Глазго... находит возможность сделать вылазку против русского государственного строя, указывая на недостатки русского отдела на выставке, он видит причину этих недостатков в том, что у нас нет конституции»¹³. Заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский писал о стремлениях либералов еще более категорично — они борются за полное уничтожение самодержавия¹⁴.

Обличение либералами государственного строя России распространялось, по мнению чинов политической полиции, на деятельность отдельных властных инстанций. «Осмеянием и опозланием всех правительственных мер» начальник Московского ГЖУ назвал рефераты, читавшиеся в Московском юридическом обществе в октябре 1889 г.¹⁵ «Постоянным порицателем распоряжений и действий администрации» был, с точки зрения начальника Ярославского ГЖУ, либерал, мировой судья Чистяков¹⁶. Либерал из Новгородской губернии А. М. Гютрюмов не только критиковал распоряжения местных властей, но и стремился «всегда идти против мероприятий правительства»¹⁷.

Среди прочего либералы демонстрировали стойкое неприятие губернской администрации. В начале XX в. подобные отношения в политической полиции стали трактоваться как война либералов с губернаторами. Например, во время ужина «в память 40-летия судебных уставов» в ноябре 1904 г. в Чернигове один из видных местных либералов В. В. Хижняков говорил, что «всегда... наталкивался на губернаторов, так сказать, лиц, долженствующих стоять на страже закона, совершенно не признававших такого, а он пережил 7 губернаторов и хорошо их знает». Подводя итог, начальник ГЖУ писал: «Вся речь Хижнякова дышала желчью, раздражением, при этом ясно было выражено желание поглотиться и высмеять деятельность губернаторов, с которыми, по его словам, он, Хижняков, всегда находился в самых враж-

¹³ Там же. Л. 50–51.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Оп. 87. Д. 503. Л. 1. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 8. Л. 4.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 26. Л. 1 об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 14. Л. 10 об.

дебных отношениях, «зуб за зуб», увлекшись в речи, Хижняков, как говорят некоторые из гостей, забылся до того, что будто бы произнес уже «эти губернаторы хер...». Но тут толкнул его сосед и Хижняков остановился, но далее также горячо продолжал говорить и клеймить всю бюрократию»¹⁸.

Значительно реже в делопроизводственных документах политической полиции можно зафиксировать те компоненты либеральной идеологии, которые не были связаны с его антигосударственным зарядом. Среди них — такие черты, как гуманизм¹⁹, свобода, расширение компетенции самоуправления, парламентаризм, равенство сословий. При этом описание самих компонентов часто было весьма расплывчатым, не требовавшим дополнительной расшифровки. Так, мимоходом упоминал о гуманизме начальник Екатеринбургского ГЖУ в 1885 г.: «Состоящие под наблюдением учителя... продолжают по-прежнему особенно гуманно (либерально) относиться к воспитанникам и воспитанницам»²⁰.

Наиболее часто в переписке служащих политической полиции термин «либерализм» соседствует с понятием «свобода». При этом свобода могла быть увязана как с образом мысли либералов («свободомыслие»²¹), так и с различными сферами и формами жизнедеятельности: образованием²², торговлей²³, печатью²⁴, жизнью крестьян²⁵.

В целом описание деятелями политического сыска тех составляющих либеральной идеологии, которые не были напрямую связаны с антигосударственным посылом, соответствовали тому образу либерализма, который присутствовал у современников, который был позднее описан в мемуаристике, в том числе либеральной, а затем и в литературе²⁶. Однако гораздо более значимым для политичес-

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 126–127.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 1100. Л. 68–70 об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 27. Л. 11; 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 11.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 49. Л. 2; 1893. Д. 152. Ч. 11. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 32. Лит. А. Л. 1.

²² ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1.

²³ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 30. Л. 12.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об.; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 19 об. — 20, 35; Лит. Д. Л. 37; 1902. Д. 500. Л. 98–101.

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2.

²⁶ Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. 1855–1881. Исторические очерки. СПб., 1909; Веселовский Б. История земства за 40 лет. Т. 2. СПб., 1909; Он же. Исторический очерк деятельности земских учреждений

кой полиции был тот факт (представлявшийся им достоверным), что либеральная идеология несла деструктивный заряд. Эту особенность восприятия можно объяснить несколькими причинами. Служащие политического сыска не имели необходимости во внутренней переписке концентрироваться на прояснении образа либерализма. Помимо прочего, это не входило в число приоритетных задач политической полиции. Она была призвана охранять основы существующего государственного строя, соответственно, фиксировала те явления, которые пытались эти основы нарушать. В результате либерализм предстал перед чинами политического сыска прежде всего как оппозиция власти.

Преобладание в образе либерализма деструктивных начал отражало еще одну особенность мировоззрения служащих политической полиции. Либерализм воспринимался ими как течение, имевшее непосредственную связь с такими идеологиями, как анархизм и социализм.

Анархизм с его идеей разрушения государства, по мнению чинов политического сыска, оказал сильное воздействие на все спектры противоправительственного движения Российской империи. По мнению заведующего Заграничной агентурой П. И. Рачковского, влияние анархизма сказалось в том, что «все русские революционеры» (к ним Рачковский относил и либералов) «фанатически руководствуются одной общей программой, которая требует повсеместного разрушения государственного и общественного строя разрывными снарядами и другими способами, какими бы преступными с точки зрения существующей морали они не были»²⁷. С точки зрения Рачковского, либералы были озабочены анархическими в своей основе целями. Так, в конце 1894 г. они «обратились за содействием к подпольным революционерам, чтобы совместно с ними приступить к действительному разрушению государственного строя России»²⁸.

Аналогичные идеи в 1890-е гг. формулировал в своих статьях Л. А. Тихомиров. Не секрет, что Тихомиров был не только хорошо лично знаком с заведующим Заграничной агентурой, но имен-

Тверской губернии. 1864–1913. Тверь, 1914; Белокогонский И. П. Земское движение. М., 1914; Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; Петрункевич И. И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22; Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997; и др.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 11–12.

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об.

но влиянию Рачковского приписывается превращение бывшего народовольца в монархиста. Приведу пространную цитату из работы Тихомирова «Начала и концы» (1890):

«Всякий сколько-нибудь наблюдавший европейские страны знает очень хорошо, что наши либеральные ходячие понятия о свободе по своей преувеличенности подходят к понятиям европейских анархистов, а не либералов... Я пережил мальчиком и юношей эпоху реформ, которые теперь превозносятся либералами. Но... в те времена либералы только жаловались и давали делу такой вид, будто правительство «делает уступки», да «недостаточные». Либералы действительно только «либеральные», не имеющие в глубине души анархической подкладки, никогда бы не позволили себе такого глупого поведения, совершенно несообразного с их партийными интересами. Вместо того, чтобы поддерживать выгодное для них правительство, вместо того чтобы и нам внушать, что только одно либеральное правительство может хорошо вести дело, либеральная воркотня только... внушала мысль, что правительство какое бы то ни было, хотя бы и самое либеральное, все-таки ничего не умеет сделать»²⁹.

Кроме П. И. Рачковского, неоднократно упоминали о взаимопроникновении либерализма и анархизма служащие Тверского ГЖУ. В политическом обзоре за 1884 г. руководитель ГЖУ так характеризовал Ф. И. Родичева: «Крайне вредный и опасный пропагандист, ибо в деле преступной деятельности Русской анархической партии принимает активное участие»³⁰. Вторил начальнику его помощник в Новоторжском уезде: «Линд, обаянный всем Бакуниным, не только усвоил себе их взгляды, но и опередил своих руководителей в слепом озлоблении своем к единодержавной власти... если бы не природная трусость Линда и не влияние Бакуниных, благодаря которым Линд в данное время не принимает активного участия в злодеяниях Русской анархически-террористической партии, то Линд явился бы в рядах террористов исполнителей»³¹.

П. И. Рачковский и чины политической полиции в Твери обращали внимание на связь либерализма с анархизмом в силу особенностей своего положения. Рачковский в непосредственной близости наблюдал за развитием анархизма, в том числе и русского, в Европе. Тверь же, как известно, была родиной одного

²⁹ Тихомиров Л. А. Начала и концы. М., 1890. С. 7–8.

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 32.

из столпов и теоретиков анархизма М. А. Бакунина. Его родные братья Александр, Алексей, Николай и Павел Александровичи во второй половине XIX в. стали основоположниками тверского либерализма — одной из самых ранних и наиболее радикальной версии российского либерализма. К тому же Александр и Павел Бакунины фактически «воспитали» таких видных деятелей либерального движения, как М. И. и И. И. Петрункевичи, Ф. И. Родичев, В. Н. Линд и др.³² Эти родственные и дружеские связи, по всей видимости, и привели служащих политического сыска к убеждению в определенном идейном пересечении либерализма и анархизма.

Это убеждение можно было бы считать исключением, но такая позиция была свойственна и другим сотрудникам политической полиции. Например, в первой половине 1880-х гг. начальник Таврического ГЖУ сообщал в Департамент полиции о либеральных деятелях, укрывавших анархистов-террористов³³. В политическом обзоре Нижегородской губернии за 1897 г. говорилось о симпатиях к анархии газеты «Нижегородский листок»: «Местная пресса немало способствует развращению юношества, в особенности этим отличается орган либеральной партии «Нижегородский листок», в котором с конца прошлого года начал печататься частями роман Эмиля Золя «Париж» ... Читающий отрывками роман «Париж» может заражаться безверием, симпатиями к анархии, вызываемой будто бы только нищетой рабочего класса и справедливой расплатой последнего за свои страдания»³⁴. Начальник Владимирского ГЖУ в 1902 г. упоминал о либералах как «принципиальных противниках всякой подчиненности» и их негативном отношении к власти имущему только потому, что он является представителем власти³⁵.

Таким образом, представление чинов политического сыска об анархических корнях либерализма, возможно, сыграло определенную роль в их акцентированном внимании к либеральной критике российского государства.

Гораздо более распространенным в среде служащих политической полиции было убеждение в воздействии на либерализм социально-революционной идеологии³⁶. Эта тема наиболее ак-

³² ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.

³³ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6–8.

³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 18.

³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 64.

³⁶ В историографии политической полиции интересен сюжет о связи либерализма с утопическим социализмом Ф. Фурье: Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 55.

тивно обсуждалась в переписке деятелей политического сыска в 1880-е гг. (видимо, результат активной террористической деятельности народовольцев) и в начале XX в., по нарастающей к 1905 г. (итог не менее энергичной деятельности эсеров). При этом наибольшую обеспокоенность вызывала ситуация в Тверской губернии. Во второй половине 1880-х гг. начальник Тверского ГЖУ неоднократно подчеркивал роль социализма в развитии либеральных идей в губернии. Социализм по отношению к либерализму выступал как общее к частному — либеральная партия была одной из партий социалистов. Так, в политическом обзоре за 1888 г. руководитель ГЖУ писал о сплоченном круге единомышленников вокруг М. И. Петрункевича, который был одним «из наиболее вредных деятелей в смысле распространения социально-революционного движения по Тверской губернии». Далее эта группа лиц упоминается в аналогичном контексте: «Все эти проповедники социально-революционного движения, к каким бы фракциям они не принадлежали, поддерживают живые сношения с целой империей»³⁷. В июне 1889 г. начальник Тверского ГЖУ в число «социалистов» записал активных деятелей либерального движения Тверской губернии: П. А. и А. А. Бакуниных, М. П. Литвинова, Д. Н. Квашнина-Самарина, М. И. и И. И. Петрункевичей, В. И. Покровского, Ф. И. Родичева³⁸.

Одним из устойчивых стереотипов в политической полиции было представление о положительном отношении, покровительстве и даже финансировании либералами террористической деятельности, которую вели социал-революционеры. Так, заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский в 1880–1890-е гг. пристально следил за эмигрантами-народовольцами и их контактами с либеральными деятелями. В начале 1890-х гг. он отмечал: «Либералы..., которые раньше относились пренебрежительно или с боязнью к террористическому образу действия народовольческой партии, ... сознавая будто бы важность минуты, обратились за содействием к подпольным революционерам»³⁹. В начале 1905 г. начальник Черниговского ГЖУ напрямую связывал де-

³⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 11, 12.

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 235. Л. 87–89.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 2 об. См. также: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Оп. 84. Д. 1. Л. 58–58 об., 61а, 111; 1889. Д. 403. Л. 34–36; 1894. Д. 1. Л. 146–148, 268–273, 283–287, 289–293; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 4.

тельность либералов с угрозой терактов в губернии. В политическом обзоре за 1904 г. он отмечал: «Ненависть к губернатору постоянно подогревается со стороны вожаков либеральной партии всех оттенков... По имеющимся агентурным сведениям, против губернатора и вице-губернатора можно ожидать каких-либо террористических актов»⁴⁰.

Таким образом, деятели политического сыска вписывали либерализм в достаточно широкое идейное пространство, в котором либеральная идеология, по крайней мере изначально, занимала подчиненное положение по отношению к таким течениям, как анархизм и социализм. Это позволяло чинам политической полиции считать сторонников либеральной идеологии частью общего противоправительственного движения Российской империи.

При этом противоправительственная ориентация либералов воспринималась в политической полиции как не соответствующая их формальному положению в общественно-политической системе Российской империи. Ведь институты, социальные и профессиональные группы, их наиболее видные представители и руководители, оцениваемые в политической полиции как либеральные, находились в этой системе в достаточно привилегированном положении.

По мнению чинов политического сыска, институциональной основой либерализма являлись такие институты, как самоуправление (преимущественно его земский вариант), периодическая печать и общественные организации. Что касается социальных параметров, то чаще всего служащие политического сыска связывали либеральное движение с двумя социальными группами — дворянством и интеллигенцией. При этом если либерализм интеллигенции описывался в эмоционально нейтральных категориях, то либеральные настроения дворянства воспринимались сотрудниками политической полиции, прежде всего ГЖУ, резко отрицательно. Если говорить о профессиональной принадлежности, то наиболее явно либеральные настроения демонстрировали литераторы⁴¹, а также

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 11. Л. 15.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство. 1888. Д. 131. Л. 29; 1893. Д. 1200. Л. 1 об. — 6; 1894. Д. 1. Л. 177–180, 268–273; 1895. Д. 640. Л. 2–3; Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Л. 35–36 об.; Д. 5. Ч. 6. Лит. П. Т. 2. Л. 22; Д. 14. Ч. 6. Л. 6; 1900. Д. 108. Л. 9; Д. 1100. Л. 68–70 об.; 1901. Д. 869. Л. 4; Николай II и самодержавие в 1903 г.: из итогов перлюстрации // Былое. Пг., 1918. Вып. 2 (30). С. 190.

профессура⁴². Изредка чины политического сыска упоминали о либеральных настроениях чиновничества⁴³, в первую очередь служащих судебного ведомства, прокуроров⁴⁴, мировых судей⁴⁵.

При этом чиновничество в целом рассматривалось в политической полиции как группа, могущая попасть под влияние либералов. Сотрудники ГЖУ писали об этом применительно к местной губернской администрации, а чины охранных отделений — относительно государственного аппарата в целом, а также приближенных к императору родственников и высших сановников. В январе 1895 г. начальник Санкт-Петербургского охранного отделения писал о контактах либералов с великими князьями Александром Михайловичем и Константином Константиновичем⁴⁶. Связи редакции журнала «Вестник Европы» с «некоторыми представителями высшей администрации», по мнению руководителя того же отделения в 1902 г., давали основания конституционалистам «на что-то надеяться»⁴⁷.

Общим для ГЖУ и охранных отделений было представление о слабости власти как основной причине возможного успеха либералов в их влиянии на служащих государственного аппарата⁴⁸.

Материальные блага как фактор присоединения к либеральному движению

Описанные представления чинов политической полиции о либеральном движении, его социальном, профессиональном, институциональном портретах не являлись предметом их переписки, их собственного анализа. Ключевая проблема, которая волновала политический сыск применительно к либеральному движению,

⁴² ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1883. Д. 128. Л. 3–3 об.; 1902. Д. 1. Ч. 74. Лит. А. Л. 5; Д. 2087. Л. 18; Особый отдел. 1900. Д. 1100. Л. 68–70 об.

⁴³ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 5. Л. 10; 1893. Д. 152. Ч. 44. Л. 7; Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 17.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 2; 1888. Оп. 84. Д. 89. Ч. 12. Л. 1–2; 1891. Д. 44. Ч. 7. Л. 1–6; 1895. Д. 516. Л. 2; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 40. Л. 47–65; 1901. Д. 987. Л. 65; 1904. Д. 2385. Л. 3–5.

⁴⁵ См., например: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1881. Д. 1567. Л. 3; 1905. Д. 1. Ч. 66. Лит. А. Л. 8.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1895. Д. 450. Л. 6.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 2. Ч. 3. Лит. Г. Л. 50.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об., 1895. Д. 640. Л. 2.

касалась его возможностей, если не манипулировать обществом, то, по крайней мере, управлять его политическими предпочтениями и отношением к власти.

Категория «общество» занимала особое место в социальном пространстве, которое подвергалось анализу в политической полиции. Понятие «общество» в XIX в., по всей видимости, обладало одним четким критерием — к нему можно было отнести людей с образованием, в то время как не имеющие его попадали в такую социокультурную общность, как «народ»⁴⁹.

С точки зрения чинов политической полиции, большая часть общества отличалась аполитичностью, неорганизованностью, отсутствием собственных убеждений в политических вопросах, в силу чего легко подчинялась влиянию организованного меньшинства — либералам. Так, начальник Тамбовского ГЖУ в 1888 г. писал об «обществе»: в нем «всегда и чуть ли не большинство не имеет своих убеждений, а идет по направлению, указываемому представительными людьми»⁵⁰.

Либеральное движение воспринималось в политической полиции как коллектив таких «представительных людей». Один — два человека с задатками руководителей определяли ситуацию в самоуправлении, направление конкретных органов периодической печати, настроение профессиональных сообществ.

При этом все служащие политической полиции исходили из представления о том, что в либеральном движении на верхнем «этаже» находились «идейные» руководители, на среднем «этаже» — «примкнувшие» к либеральному движению или благодетельствованные либералами более радикальные деятели, на нижнем «этаже» — широкие слои, не имевшие прямого отношения к либеральному движению и являвшиеся потенциальной площадкой для распространения либерального влияния.

Наиболее четко разделение на «идейных» и «примкнувших» было проведено в Тверском и Екатеринославском ГЖУ. В политическом обзоре Тверской губернии 1889 г. говорилось: «В Калужском уезде за исключением Ладыженского, человека либерального образа мыслей по принципу, и Дубасова, примкнувшего

⁴⁹ Подробнее о разделении на «общество» и «народ» см.: Я. Коцонис. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Д. 89. Ч. 3. Л. 4. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 384; Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 1; 1904. Д. 1195. Л. 44 об., 45.

к либеральной партии ради моды и личных интересов, немало лиц, останавливающих на себе внимание, но и они не представляют из себя каких-либо особых политических деятелей»⁵¹. Другими словами, либеральных идей придерживались по разным причинам: по принципу, моде и личному интересу.

Начальник Екатеринбургского ГЖУ выделял «действительных либералов» и «лжелибералов». Разница между этими двумя группами состояла в том, что одни и те же идеи первые проводили искренне, а вторые — «ради подражания»: «действительных либералов, умных, беспристрастных в этом классе интеллигенции немного, если найдется одна треть, одна вторая часть, большая же часть из них, ради подражания, только на словах либеральны»⁵². Любопытно, что термин «лжелибералы» активно использовался в консервативной печати в начале XX в., в частности, такими известными публицистами, как В. А. Грингмут, В. А. Мещерский и др.⁵³

Таким образом, по мнению чинов политической полиции, большая часть сторонников либерального движения являлась «примкнувшими» к нему, в то время как «идейная» часть составляла лишь малую долю от их общего числа.

Кем же были «идейные» либералы? По мнению служащих политического сыска, во главе либерального движения стояли люди, которые обладали определенными кадровыми и финансовыми ресурсами, во многом независимыми от государственной системы и сконцентрированными в системе самоуправления, а также в периодической печати, издательском деле, в меньшей степени — в обществах и библиотеках. «Идейные» либералы были либо руководителями этих институтов, либо проводили свою линию посредством влияния на руководящий состав, непосредственно не принадлежа к таковому. Они вовлекали в либеральное движение людей, которые желали получить определенную должность или материальную поддержку.

Наиболее развернуто такая схема присоединения к либеральному движению была обрисована чинами Тверского ГЖУ. В 1880-х гг. из этого ГЖУ в Департамент полиции поступали

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 6. О неискренности либералов писал и С. В. Зубатов в 1903 г. См.: Новое о зубатовщине // Красный архив. М., 1922. Т. 1. С. 308.

⁵² ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 21. Л. 2.

⁵³ См., например: Гражданин. СПб., 1905. № 80. 9 октября. Дневник. С. 19; Грингмут В. А. Истинный либерализм. 1903 год // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 2. М., 1908. 1903. С. 105–108.

донесения о «бакунинской партии»: «Врасский... состоит в тесной дружбе с Бакуниными, Линдом, Стоговым, Апостоловым, Покровским, Дьяковым, Родичевым, Де-Роберти и др. лицами Бакунинской партии»⁵⁴. Братья Бакунины и их ближайшее окружение участвовали в работе местного самоуправления и обладали кадровыми ресурсами для привлечения сторонников. Так, о Врасском было сказано следующее: «Будучи по своим убеждениям крайне враждебно настроен к существующему порядку в России, Врасский по своим возможностям протезирует и помогает лицам, скомпрометированным в политическом отношении и неблагонадежным, каковыми он и наполнил тверскую губернскую земскую управу»⁵⁵. Спустя четыре года начальник ГЖУ отмечал, что, «отличаясь редким единодушием и сплоченностью..., тверское земство всегда охотно оказывает поддержку каждому отдельному лицу, где-либо и когда-либо замеченному в политической неблагонадежности, с полной готовностью принимая его на службу, подыскивая ему работу»⁵⁶. Директор Департамента полиции С. Э. Зволянский в записке 1896 г. писал, что либеральные тверские земцы, имея возможность распределять должности в училищных советах, выбирать попечителей начальных училищ, отдавали их тем людям, которые демонстрировали либеральные взгляды⁵⁷. О подобной системе влияния на кадры как причине присоединения к либеральному движению писали сотрудники Тамбовского (1890), Новгородского (1896), Нижегородского (1898) ГЖУ⁵⁸.

Одним из факторов «включения» в либеральное движение по карьерным соображениям являлись родственные связи. Имевшие в родственниках влиятельных лиц в местном самоуправлении присоединялись к либеральному движению и достаточно быстро двигались по карьерным ступенькам в самоуправлении. Типичным в этом плане является пример с гласным Новгородского губернского земского собрания Арнольди: «Прибыл в Новгородскую губернию... в 1877 г., ... благодаря родственным связям в том же году был выбран гласным Кирилловского земства и затем мировым судьей 3-го участка, каковую должность занимал до упразднения в 1880 г. этого участка... такому успеху Арнольди

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 2.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Д. 89. Ч. 32. Л. 2.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1895. Д. 1719. Л. 8.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 4. Л. 2 об.; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 15; Ч. 14. Л. 8–13; Д. 552. Л. 11.

обязан своему родственнику Павлову, который... сумел составить большую оппозицию против уездного предводителя дворянства в Кириллове Богдановича»⁵⁹.

В политическом обзоре Тверской губернии за 1884 г. карьера губернского предводителя дворянства Н. П. Оленина ставилась в прямую зависимость от его родства с семейством Бакуниных: «Благодаря родственным связям с Бакуниными он сперва был выбран новоторжским почетным мировым судьей, затем участковым..., а потом был избран сперва в Новоторжские уездные предводители дворянства, потом председателем Тверской губернской земской управы, а по смерти в минувшем году князя Мещерского бакунинская партия провела Оленина в тверские предводители дворянства». Особенность характеристики Оленина заключается в том, что начальник ГЖУ давал специфическое объяснение его карьере. Не сам Оленин присоединился к либеральной «бакунинской партии», в благодарность за что ему был обеспечен карьерный рост, а «либеральная партия» выбрала Оленина как подходящего кандидата на должность формального руководителя. Причина этого выбора — слабость характера Оленина: «Сам по себе Оленин не может представлять собою ничего серьезного, но будучи человеком по натуре хотя и образованным, воспитанным, честным, но в силу крайней своей беспечности, легкомыслию и будучи от природы человеком далеко не серьезным, напыщенным, довольно пустым, любящим веселую кампанию, ни имея сам прочных убеждений, при полной бесхарактерности, Оленин вполне подчинился влиянию Бакуниных»⁶⁰.

В этом проявилась еще одна специфическая черта восприятия служащими политической полиции либерального движения. Чины политического сыска каждого нового руководителя местного самоуправления (особенно предводителей дворянства) изначально оценивали как благонадежного (или вариант — консервативного) деятеля, а распространение либеральных веяний в самоуправлении объясняли его слабостью, бесхарактерностью, наивностью, доверием к окружающим его людям и т. п. Через несколько лет в политической полиции приходили к выводу, что председатель управы или предводитель дворянства является не в меньшей степени либеральным деятелем, чем его окружение. Видимо, поэтому спустя пять лет, в 1889 г., начальник Тверского ГЖУ охарактеризовал Н. П. Оленина

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1881. Д. 1567. Л. 3.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 2.

принципиально иначе: «Деятельность тверского земства под его предводительством успела уже достаточно зарекомендовать себя... Лица, политически неблагонадежные, с крайне либеральным направлением, составляют тесный кружок его интимных друзей»⁶¹. Аналогичной была ситуация с председателем Весьегонской уездной земской управы Тверской губернии Трусовым в 1889 г., черниговским губернским предводителем дворянства А. А. Мухановым в 1900–1902 гг., в Ярославле в 1891–1893 гг., в Чернигове и Нижнем Новгороде в 1897 г., в Москве в 1898–1901 гг., в Самаре в 1902 г.⁶² Причина такого отношения чинов политического сыска к руководителям местного самоуправления, прежде всего к предводителям дворянства, скорее всего, в том, что их воспринимали как «своих», так как они легко встраивались в государственную систему, переходя на службу в губернские учреждения, а затем в министерства. Типичные примеры — кишиневский губернатор С. Д. Урусов и министр внутренних дел Д. С. Сипягин⁶³.

Появление на руководящих постах в самоуправлении сторонников «либеральной партии» приводило к распространению либеральных настроений на весь институт. Так, начальник Нижегородского ГЖУ писал в 1898 г.: «За последнее время эта (*либеральная*. — Л. Б.) партия усилилась, вследствие того, что на посты предводителя дворянства и городского головы проведены тою же партией лица того же направления». Поэтому, если «раньше доклады земства по народному образованию, когда таковые... не согласовывались с правительственными воззрениями, не утверждались», то «при теперешнем предводителе дворянства, стороннике либеральной партии, вряд ли можно ожидать отклонения собранием подобных проектов»⁶⁴.

Кроме кадровых ресурсов, существенным фактором присоединения к либеральному движению, по мнению политической полиции, являлись финансовые возможности либералов. Наиболее ярко эта проблема была обозначена опять же в Тверском ГЖУ. Его начальник писал в июне 1889 г.: «Существование, по слухам, секретного вспомогательного фонда, образуемого будто бы

⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Д. 89. Ч. 32. Л. 7 об.

⁶² Там же. Л. 7 об., 8; 1891. Д. 44. Ч. 26. Л. 1 об.; 1897. Д. 910. Л. 5; Д. 1775. Л. 8 об.; 1900. Д. 1886. Л. 26, 28 об., 44; 1901. Д. 933. Л. 2–6; 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 2 об. — 5; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 22. Лит. В. Л. 19.

⁶³ Урусов С. Д. Не переоцените моих сил и способностей. Из воспоминаний князя С. Д. Урусова о 1905 г. // Исторический архив. М., 2004. № 1.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 15.

из остатков и сбережений тверского общества взаимного кредита и общества Ладо, находящихся в бесконтрольном заведывании политически неблагонадежных лиц — Апостолова, Петрункевичей, Шуянинова, Кашенко и др., привлекают сюда массу поднадзорных из разных мест империи и заставляют их стремиться не в какую-либо другую, а именно в Тверскую губернию с полной и основательной надеждою найти здесь всякого рода сочувствие, нравственную поддержку и материальную помощь»⁶⁵. В 1900 г. руководитель Тверского ГЖУ, пожалуй, впервые из всех деятелей политической полиции в своем донесении в Департамент полиции заявил о наличии самостоятельных кадровых и финансовых ресурсов у самоуправления — ресурсов, аналогичных государственным, но независимых от него. «Консервативное меньшинство дворян старается противодействовать деятельности своих противников либералов, вследствие чего здесь образовалось две партии, враждебных друг другу... Почти каждый из общества старается даже в частной жизни выказать свою принадлежность к какой-либо из этих партий, причем большинство при этом преследует личные материальные выгоды: так, ищущие поддержку администрации объявляют себя консерваторами, а ожидающие выгод от земства — либералами, но случается нередко, что выгоды вызывают переход из одной партии в другую»⁶⁶.

Схожую картину, но не в самоуправлении, а в области литературы и издательской деятельности рисовали чины охранных отделений. Так, в 1887 г. в Московском охранном отделении отмечали наличие у «кружка либералов» собственных средств для напечатания различного рода брошюр антиправительственного толка⁶⁷. В Санкт-Петербургском охранном отделении в 1895 г. стало известно, что либералами «предположено издание в Лондоне органа Земской Лиги под наименованием «Свободное слово», на который предмет в настоящее время собираются пожертвования»⁶⁸. Аналогичные явления отмечал и заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский⁶⁹.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1888. Д. 235. Л. 87 об.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1883. Д. 1563. Л. 1 об. Об этом же см.: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1893. Д. 635. Л. 120.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1893. Д. 1200. Л. 5 об.; 1895. Д. 640. Л. 2–3.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 268–273. Об этом же см.: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 289–293; 1893. Д. 1200. Л. 5 об.; 1895. Д. 640. Л. 2–3.

С точки зрения служащих политической полиции, кадровые и финансовые ресурсы, находившиеся в распоряжении либералов, не только позволяли им вербовать сторонников, но и покровительствовать революционерам⁷⁰. Типична в этом плане характеристика начальника Екатеринбургского ГЖУ в 1900 г.: «В составе служащих лиц в земских учреждениях губернии обращают на себя внимание председатели управ губернской — коллежский советник Карпов и славяносербской Родаков по либеральному образу мыслей... благодаря чему в составе служащих по земству лиц держится значительный процент лиц явно скомпрометированных в политическом отношении»⁷¹.

Таким образом, чины политической полиции полагали, что у либералов имеются в распоряжении независимые от государства, поддающиеся установлению, но недоступные для контроля кадровые и финансовые возможности. Будучи либералом (или презентуя себя таковым) возможно было построить успешную карьеру, только не в рамках государственной системы, а на поприще общественной деятельности. Такие случаи, по мнению чинов политического сыска, были не единичными, а отражали существование достаточно стройной, внутренне согласованной системы либерального движения, отработанной как в вопросе рекрутирования новых участни-

⁷⁰ О финансовой поддержке либералами революционеров см.: Островский А. В. Элита российского общества XIX — нач. XX в.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 16; Иванова И. И. Князь В. В. Бярятинский и общественное движение в России конца XIX — нач. XX в. // Из глубины времен. Вып. 8., СПб., 1997. С. 170.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1900. Д. 1. Ч. 38. Лит. А. Л. 5. Об этом же см.: ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6–8; 1885. Д. 59. Ч. 40. Л. 3; 1886. Д. 93. Л. 280–281; 1887. Д. 9. Ч. 39. Л. 5; Ч. 49. Л. 1–2 об.; 1888. Д. 89. Ч. 32. Л. 5, 7 об., 8; 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 2 об., 11, 12; Ч. 43. Л. 1, 5; 1891. Д. 1. Л. 69–69 об.; Д. 44. Ч. 25. Л. 4–4 об.; Ч. 26. Л. 1 об.; Д. 527. Т. 1. Л. 20; Т. 2. Л. 12; 1893. Д. 152. Ч. 44. Л. 7; Ч. 55. Л. 11–12; Д. 820. Л. 6970; 1894. Д. 1. Л. 3–3 об., 177–180, 289–293, 419; 1895. Д. 1719. Л. 3–16; 1897. Д. 910. Л. 5; Д. 1544. Л. 12–14; Д. 1775. Л. 4–8 об.; 1899. Д. 3957. Л. 1; 1900. Д. 1. Ч. 14. Лит. А. Л. 1 об. — 3; Ч. 21. Лит. А. Л. 2 об. — 4; Ч. 38. Лит. А. Л. 5; 1901. Д. 951. Л. 15–17 об.; 1902. Д. 1. Ч. 62. Лит. А. Л. 2 об. — 5; 1903. Д. 1. Ч. 48. Лит. А. Л. 2; 1904. Д. 1. Ч. 6. Лит. А. Л. 2 об.; 1905. Д. 1. Ч. 61. Лит. А. Л. 1 об.; Ч. 66. Лит. А. Л. 7; Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 14. Л. 8–13; Д. 14. Ч. 6. Л. 8; Д. 552. Л. 11; 1901. Д. 987. Л. 65; 1902. Д. 1555. Л. 7–8; 1903. Д. 1372. Л. 3–4; 1905. 1 отделение. Д. 106. Ч. 20. Л. 2; 2 отделение. Д. 13. Л. 11; Д. 999. Ч. 43. Л. 165; Т. 2. Л. 17; Д. 1255. Ч. 10. Л. 2; 1906. 1 отделение. Оп. 235. Д. 373. Л. 5 об.; и др.

ков и удержания старых, так и в вопросе материальной компенсации за статус «политически неблагонадежного». Это создавало реальные условия для присоединения к либеральному движению, и, следовательно, к распространению такового.

Популярность как символический ресурс либерализма

Однако либералы могли обеспечить своим сторонникам не только успешную карьеру и материальное благополучие, но и приобретение популярности в обществе — в глазах «общественного мнения». Это представление было одним из наиболее общих у служащих политической полиции, хотя в их переписке нет размышлений о причинах популярности либерализма в обществе. Терминологически данное представление выражалось словами «популярность», «признание», «авторитет», «известность», «успех», «аплодисменты», «восторги», «окации» и т. п.

В данном случае кажется уместным воспользоваться понятием «символического капитала», предложенного социологом и философом П. Бурдьё. Согласно концепции Бурдьё, символический капитал — это «особый вид капитала (о котором известно, что он основан на актах узнавания и признавания), состоящий в признании (или доверии), которое даруется группой коллег-конкурентов внутри коммуникативного поля»⁷². От символического капитала зависит специфическая власть «игроков» своей и противоположной стороны, их влияние на ситуацию и пр. Оправданно говорить о том, что для чинов политической полиции подобным «символическим капиталом» было общественное мнение, которое своими оценками давало легитимность как деятельности власти в целом и отдельным ее структурам, так и деятельности ее противников, в данном случае — либералов⁷³.

⁷² Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ П. Бурдьё. СПб., 2001. С. 55.

⁷³ Общественное мнение было одной из главных забот III отделения, экспедиции которого наблюдали за общественным мнением и печатью как его проводником. См., например: Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. С. 52; Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869 / Сост. Сидорова М. В., Щербакова Е. И. М., 2006. О роли общественного мнения для деятельности государственного аппарата см.: Дорохов В. Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 — февраль 1917 гг. Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Кемерово, 2005. С. 132; Кафафов В. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 80.

Деятели либерального движения обладали навыками работы с обществом. В их распоряжении находилось печатное слово — главное средство, по мнению служащих политической полиции, посредством которого политика становилась публичной. Ничуть не хуже либералы владели и устным словом, оттачивая ораторские навыки на ежегодных земских собраниях и при чтении лекций в университетах. Кроме этого, с точки зрения служащих политического сыска, либералы умели манипулировать неформальными инструментами коммуникации в обществе (слухи, толки, разговоры). При этом ни власть в целом, ни консервативно настроенная часть общества не только не умели «работать» с публичностью, но и не стремились к этому. Типичным в этом смысле является утверждение начальника Тульского ГЖУ 1904 г.: «В интеллигентной среде Тульской губернии замечается две резких партии: либеральная и консервативная... либеральная партия... хорошо организована, дружно сплочена и действует активно... Консервативная же партия крайне разрозненна, совершенно бездействует и старается быть незаметной — лишь бы ее не трогали, свое же неодобрение идеям либералов высказывают шепотом и то с оглядкой»⁷⁴.

Таким образом, складывалась ситуация, когда в легальном публичном пространстве действовали «игроки», настроенные против власти и ориентированные на достижение признания со стороны общественного мнения.

Зачастую как раз либерализм конкретного человека, группы людей, организации являлся, согласно мнению служащих политической полиции, основанием для их популярности в обществе. Это подтверждается не только архивными документами, но и воспоминаниями деятелей политического сыска. Так, вице-директор Департамента полиции в 1912–1917 гг. К. Д. Кафафов писал о товарище министра внутренних дел, командире Отдельного корпуса жандармов в 1913–1915 гг. В. Ф. Джунковском: «В поисках популярности он любил заигрывать с либеральными кругами, прикидывался, что охотно исполняет просьбы их представителей, и поэтому пользовался в их кругах некоторой симпатией»⁷⁵. Видимо, по этой же причине либерализм демонстрировали и некоторые высшие государственные сановники⁷⁶.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1905. Д. 1. Ч. 30. Лит. А. Л. 4.

⁷⁵ Кафафов В. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи. С. 80.

⁷⁶ См., например: Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х гг.: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 97.

Начальник Московского ГЖУ отмечал в политическом обзоре 1887 г.: ««Русские ведомости» в большом ходу между учащейся молодежью, благодаря своему либеральному направлению»⁷⁷. Руководитель Тверского ГЖУ писал о местном земстве в 1894 г.: «Характер земских собраний, не отличаясь особенною плодотворностью, сводится к пустому парламентаризму, дающему возможность каждому порисоваться своими либерально-гуманными идеями, исключительно бьющими на дешевую популярность»⁷⁸. В Пермском ГЖУ местное экономическое общество характеризовали в марте 1895 г. следующим образом: «Зал общих собраний... превратился в арену для изыскания аплодисментов по дару красноречия, причем речь наиболее подкрашенная тенденциозным, либеральным направлением, вызывала и наиболее аплодисментов, неподдельных восторгов. Доклад, сделанный В. В. Грибелем (поднадзорный) в общем собрании 24 января текущего года, крайне возмутительный по своему содержанию и мысли, на тему «Задачи экономического общества» привел слушателей в наиболее восторженное состояние, вызвал многочисленные аплодисменты и дал тему для разговоров и восторгов в известном круге общества на продолжительное время»⁷⁹. По мнению заведующего Заграничной агентурой П. И. Рачковского, главной целью деятельности либералов было достижение «успеха», что определяло их отношение к террору как непригодному методу: «В числе нескольких предприятий заграничные народовольцы решили предпринять либеральное издание, которое при возможно большей крайности своего направления не касалось бы вопросов террора и лишь дискредитировало бы существующие в России порядки применительно к точке зрения русских либералов. Такое решение состоялось на основании личных переговоров народовольцев с Елпатьевским, Кащенко и Переплетниковым (Эртелем), которые, требуя от эмигрантов помощи для организуемой ими общественной оппозиции, заявили, что задачи террористов будто бы должны выполняться вполне конспиративно и независимо от либерального движения... для русского общества требуется, прежде всего, бесцензурный заграничный орган, открыто критикующий действия правительства и раздувающий общественное недовольство им, без каких-либо указаний на насильственные меры против него. Только подобный орган будто бы выйдет из пределов

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1887. Д. 9. Ч. 46. Л. 11 об.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 152. Ч. 37. Л. 3 об.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1895. Д. 516. Л. 5.

незначительных легальных кружков, прямо сочувствующих народовольцам, имеет шансы на широкий общественный успех»⁸⁰.

О возможности добиться популярности в обществе с помощью присоединения к «либеральной партии» писал начальник Нижегородского ГЖУ в 1898 г.: «Предводителем дворянства вместо гофмейстера Приклонского, вынужденного происками либералов отказаться от своего поста, избран бывший земский начальник Нейгардт, человек молодой, стремящийся каким бы то ни было путем составить себе известность и в этих видах заискивающий расположение»⁸¹. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения в 1903 г. подчеркивал стремление либералов к успеху: лекции «известного Департаменту полиции магистра [Е. В.] Тарле... пользуются особым вниманием и громадным успехом среди либеральной части общества и радикальной молодежи»⁸².

Ориентация либерального движения на поиск признания в общественном мнении в целом и отдельных групп населения в частности создавала определенный замкнутый круг: общество предлагало свои критерии популярности, демонстрируя которые можно было получить известность. Поэтому желающие приобрести популярность были вынуждены (с удовольствием или нет) репрезентировать себя в качестве либералов. Именно по этой причине служащие политической полиции писали об «игре» в либерала, о старании «прослыть» либералом и т. п.

Типичным в этом плане является характеристика начальника Казанского ГЖУ в политическом обзоре 1883 г.: «Многие из профессоров страдают известной болезнью — заискиванием популярности в среде студентов не научными сведениями, не мастерским чтением лекций, а, как говорится, побряжками и пустым либеральничаньем»⁸³. Похожие тенденции в поведении профессуры отмечал руководитель Ярославского ГЖУ, характеризуя ситуацию в Ярославском лицее в 1902 г.: «Большинство студентов желало продолжения лекций, но меньшинство взяло власть в свои руки, а произошло это потому, что большинство было разрознено и не нашлось никого, кто бы стал во главе его, сплотил бы его и дал бы ему силу подчинить меньшинство... Такая роль ближе всего соответствовала бы директору Лицея или кому-либо из профессоров. Но директор крайне преклонного

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1894. Д. 1. Л. 289.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. 17.

⁸² ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 150. Л. 1.

⁸³ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1883. Д. 128. Л. 3.

возраста, дослуживает последний год, не пользуется среди студентов никаким авторитетом и давно уже не вмешивается в дела лица, что же касается профессоров, то они первые перестают показываться в Лицее при появлении слухов о готовящихся беспорядках. И вместо того, чтобы взять в свои руки движение и направить студентов на путь порядка, они дрожат за свою популярность и более всего боятся, чтобы студенты не заподозрили бы их в солидарности с правительством. По установившемуся понятию, популярный профессор должен быть непременно либерал, а еще лучше революционер»⁸⁴.

«Заигрывание с молодежью» либерального деятеля Черношвитова во Владимире «сделало его популярным в этой среде и послужило причиной выбора его председателем общества вспомоществования учителям и учительницам»⁸⁵. Об «игре в либерала» городского головы А. Нечаева писал начальник Тверского ГЖУ в 1889 г.: он «человек весьма недалекий, но разыгрывающий из себя либерала и человека передового, следствием чего и был в прошлом году весьма прискорбный случай, что в общем собрании думы голова Нечаев сознательно допустил присяжного поверенного Рождественского произнести речь возмутительного содержания... она... придала всему этому инциденту характер самой наглой антиправительственной манифестации»⁸⁶. Однофамилец городского головы Твери, председатель Новгородской губернской земской управы в 1891 г. старался «прослыть за либерала», покровительствуя «людям, пострадавшим, как выражаются земцы, за идею»⁸⁷.

Таким образом, чины политической полиции часто оценивали участников либерального движения как людей, часто неискренних в высказываемых ими суждениях (так называемых «лжелибералов»), желающих таким образом приобрести какую-либо должность, материальную поддержку, покровительство или известность в обществе. При этом высказываемые либералами идеи и предлагаемые ими модели поведения воспринимались в политической полиции как направленные на борьбу с государством. Целью этой борьбы было свободное функционирование в легальном пространстве общественно-политических позиций и структур, не только независимых от власти, но и действующих в пике ей.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1902. Д. 1. Ч. 74. Лит. А. Л. 4–5.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. 1901. Д. 987. Л. 65.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1889. Д. 43. Ч. 29. Л. 2–2 об.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. З делопроизводство. 1891. Д. 44. Ч. 25. Л. 4–4 об.

При этом деятели либерального движения обладали своего рода символической властью — властью над общественным мнением. И этот барометр настроений общества находился вне пределов влияния государства. Иначе говоря, возникло легальное и публичное политическое поле, не поддающееся контролю не только со стороны политического сыска, но и власти в целом.

Такое описание ситуации в обществе во многом сформировало представления служащих политической полиции об общественно-политической ситуации в Российской империи в конце XIX — начале XX в., повлияв не только на практику борьбы политического сыска с противоправительственным движением в целом, но и сказавшись определенным образом на взаимоотношениях власти и общества этого времени.

Ф. А. ГАЙДА

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Н. А. МАКЛАКОВ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА
РУССКОГО ПОЛИНЬЯКА

Николаю Алексеевичу Маклакову с историографией не повезло: он стал одной из самых одиозных правительственных фигур последних лет Империи. Для советского историка А. Я. Авреха Маклаков был крайним выражением особого типа министра третьееюньского периода: его отличал «крайний авантюризм, безответственность, некомпетентность, примитивность политического мышления, полное слияние с камарильей». Приход в правительство Маклакова якобы означал «подчинение правительства камарилье, официального правительства — неофициальному, ответственного — безответственному, организованной системы — бесформенной клике»¹. Странно, что Аврех при этом не приписывал Маклакову связей с Распутиным (которых в действительности и не было). Самым известным анекдотом о Маклакове стала история о том, как он изображал перед Царской семьей «прыжок влюбленной пантеры», чем якобы и добился расположения Николая II².

Артистический талант у Маклакова, безусловно, был. Его хороший знакомый губернатор Н. П. Муратов вспоминал, как Маклаков в бытность управляющим казенной палатой мог инког-

¹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 256.

² Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. М., 2005. № 5. С. 82; Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 84.

нито прийти к своему подчиненному с проверкой, предварительно до неузнаваемости загримировавшись и записавшись к нему на прием³. Подобная склонность к игре вообще была семейной особенностью Маклаковых. Но исчерпывался ли этим потенциал Николая Алексеевича? Был ли он ставленником пресловутой «камарильи» и проводником ее интересов?

Н. А. Маклаков был сыном известного московского врача-окулиста и старшим братом видного адвоката и думского оратора кадета В. А. Маклакова. Николай Алексеевич окончил историко-филологический факультет Московского университета⁴, придерживался правых взглядов и состоял членом Союза русского народа. Маклаков был вхож в салоны Е. В. Богдановича и кн. В. П. Мещерского⁵, а сам князь всячески намекал на то, что последующее назначение Маклакова министром произошло не без его участия (скорее всего, это было сильным преувеличением)⁶. Маклаков и его жена (урожденная кн. Оболенская) были друзьями фрейлины императрицы Марии Федоровны А. Н. Нарышкиной, которая курировала карьеру Маклакова и посоветовала его Столыпину в губернаторы; премьер и сам был знаком с ним со времен полтавских торжеств 1909 г., когда Маклаков, в тот период — управляющий полтавской казенной палатой, сыграл ключевую роль в их организации и обеспечил образцовый порядок⁷. По словам Мещерского, П. А. Столыпин якобы назначил Маклакова губернатором после «блестящего отзыва» о нем Коковцова⁸. Полтав-

³ [Муратов Н. П.] Воспоминания Н. П. Муратова // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 16–17.

⁴ Маклаков отдал дань исторической науке. В 1898 г., будучи податным инспектором во Владимире, он стал действительным членом Владимирской ученой археографической комиссии и автором двух статей по допетровской русской истории, не лишенных романтического изящества (Из истории владимирского дворянства // Труды Владимирской ученой археографической комиссии. 1899. Кн. 1; Из истории Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Там же. 1900. Кн. 2).

⁵ Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 54–55, 293–294.

⁶ Голос Москвы, 19 декабря 1912. Император рассматривал Маклакова в качестве кандидата на пост министра уже в сентябре 1911 г. Вместе с тем за период 1904–1911 гг. состоялась только 1 встреча Императора с Мещерским (3 января 1910 г.), а регулярное общение возобновилось лишь с июня 1912 г. (Стогов Д. И. Ук. соч. С. 79).

⁷ [Муратов Н. П.] Воспоминания Н. П. Муратова // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 329–330.

⁸ Дневник // Гражданин. СПб., 1912. № 51. С. 11–12.

ский губернатор гр. Н. Л. Муравьев во время торжеств также якобы рекомендовал Маклакова Столыпину. Маклаков был представлен Императору. За организацию торжеств Николай Алексеевич был произведен в камергеры, и тогда же Столыпин назначил его черниговским губернатором. Во второй раз Николай II встречался с Маклаковым, посещая Чернигов сразу после покушения на Столыпина, в день смерти премьера⁹. Вероятно, именно в это время Император принял решение назначить Маклакова министром. В губернии он проявил большую активность в борьбе с казнокрадством и мордобоем, «и не без успеха». Подчиненный Маклакова В. Ф. Джунковский отмечал, что единственной неудачей его были конфликтные отношения с губернским земством¹⁰.

В разговоре с Коковцовым при его назначении премьером Николай II поставил вопрос о назначении министром внутренних дел нижегородского губернатора А. Н. Хвостова или черниговского Н. А. Маклакова. Коковцов, исходя из своих взглядов, отверг эти кандидатуры, и Царь не настаивал¹¹. Министром стал кандидат Коковцова — А. А. Макаров. Однако слухи о его скорой отставке Макарова начались уже в начале 1912 года¹². «Гражданин» демонстративно хвалил Маклакова как одного из претендентов на пост министра¹³. Николай Алексеевич делился с супругой последними известиями из Петербурга: «Безак открыто говорил, что Балашов и целая уйма националистов выставляют меня как кандидата в министры внутренних дел и, что если уйдет Макаров — Балашов предпримет все, чтобы выбор Государя остановился на мне. Еще приятнее то, что князь Кочубей (который теперь за министра двора) на днях за обедом в одном доме сказал, что при дворе сейчас любимый губернатор — Маклаков, и что Государь об этом постоянно говорит во всеуслышание». Макаров, как сообщал Маклаков, просился в отставку — не получил, но такая готовность уйти «обрадовали Его». Правые составили список министров, где Маклаков якобы числился «одним из изблюбленных министров»¹⁴.

⁹ Новое время, 15 декабря 1912.

¹⁰ Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 93–94.

¹¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Т. 1. С. 417–426.

¹² Голос Москвы, 18 февраля 1912.

¹³ Дневник // Гражданин. СПб., 1912. № 13. С. 12–13.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 671. Н. А. Маклаков — жене М. Л. Маклаковой, 27 февраля 1912 г.

Неудачная для правительства выборная кампания стала главной причиной отставки Макарова. Новым управляющим МВД был назначен 41-летний черниговский губернатор камергер Н. А. Маклаков. 27 декабря 1912 года Николай II написал в дневнике: «Утром принял Маклакова на полчаса. Превосходное впечатление производит он своим правильным взглядом на вещи, своею честностью и откровенностью»¹⁵. Для личного дневника Императора это была исключительная по своей развернутости характеристика. Личному благоволению со стороны Николая II не мешало даже негативное отношение Маклакова к Распутину¹⁶. Необычный характер назначения Маклакова был очевиден. Разница политического темперамента между Макаровым и Маклаковым была слишком сильна. Как утверждала пресса, отношения с министром у черниговского губернатора не сложились. Незадолго до назначения Маклаков якобы был переведен в Нижний Новгород, но отказался и даже ответил телеграммой: «Не согласен. Губернатор Маклаков». Он был вызван в Петербург для внушения, но в это время получил назначение на министерский пост¹⁷.

Уже с 13 декабря в газетах проявились усиленные ожидания замены Макарова на Маклакова. Сообщалось, что в Черниговской губернии этот правый губернатор добился создания предвыборного блока правых, духовенства и националистов, что было большим успехом¹⁸. И все-таки полной веры разговорам не было. Джунковский даже посчитал, что сам Коковцов настоял на Маклакове, поскольку хотел видеть на ключевом посту лицо маловлиятельное¹⁹. «Утро России» также считало, что Маклаков был «выдвинут несомненно Коковцовым»²⁰.

Кн. Мещерский писал о Маклакове: «В его наружности нет атома чиновника», поскольку он, «в отличие от чиновника, жил для жизни больше, чем для бумаги»²¹. Князь отмечал отсутствие

¹⁵ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 99.

¹⁶ В частном письме Маклаков сообщал, что его покровитель Богданович желает написать письмо Царю с правдой о Распутине: «Он прямо вырос на три аршина в моих глазах» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 671. Н. А. Маклаков — жене М. Л. Маклаковой, 27 февраля 1912). Письмо было перлюстрировано и должно было получить известность в высших сферах. См. также: Переписка Сухомлинова и Янушкевича // Красный архив. М., 1923. № 3. С. 46.

¹⁷ Голос Москвы. 19 декабря 1912; Дневник // Гражданин. 1912. № 51. С. 11.

¹⁸ Голос Москвы. 13 декабря 1912.

¹⁹ Джунковский В. Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 93.

²⁰ Утро России, 14 декабря 1912.

²¹ Дневник // Гражданин. СПб., 1912. № 51. С. 11–12.

бюрократической рутины в новом руководителе МВД, которому еще «не дали ни остыть, ни засохнуть». «Гражданин» удивлялся благожелательному отношению «петербургского человечества» к Маклакову, притом что все знали, что он — «реакционер». Все газеты якобы отмечали «скромность, спокойствие, приветливость и порядочность»²². «Россия, провинциальная Россия, ждет твердой, сильной и правдивой власти, карающей произвол и желающей познать ее действительные нужды», — утверждал «Гражданин». По мнению его корреспондента, в назначении Маклакова страна увидела «избранника Монарха, увидела человека независимого, призванного внести в жизнь страны порядок. Со времени Столыпина общество смешало понятия народных нужд и интересов Монарха с идеалами «национальной» партии, которой чужды эти интересы и которая старалась лишь узурпировать на местах власть»²³. Член правой группы Государственного совета П. П. Кобылинский полагал Маклакова «энергичным и талантливым человеком», лишь Дурново отзывался о нем уклончиво²⁴. По-видимому, причина этого заключалась в том, что потом Джунковский обозначил так: «Человек безусловно чистый и порядочный, но по молодости своей несколько опрометчивый»²⁵. Бывший одесский градоначальник И. Н. Толмачев сомневался в способности Маклакова организовать свой курс в обстановке развала правых²⁶.

«Новое время» передавало мнение некоего многолетнего знакомого Маклакова: «простой в обращении и умеющий очаровать вас своей любезностью». Как податной инспектор, он был тактичен и выдержан²⁷. Говорить о Маклакове Меньшиков отказывался, указывая лишь на личную безукоризненность и правые взгляды, и обещал судить по делам²⁸. Официозное «Черниговское слово» писало, что «Маклакова зовут закончить дело, начатое Столыпиным». В губернии, по утверждению националистической газеты «Свет», он победил бандитизм, боролся со взятками, мордобитием, незаконным выдворением евреев: «Новый министр внутр. дел горячо мечтает работать вместе с народным представительством,

²² Речи консерватора // Гражданин. 1913. № 1. С. 3.

²³ Кон А. Партийность и запросы России // Гражданин. СПб., 1913. № 1. С. 5.

²⁴ Голос Москвы, 19 декабря 1912.

²⁵ Джунковский В. Ф. Ук. соч. Т. 1. С. 633.

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 197. И. Н. Толмачев — супруге одесского градоначальника Л. С. Сосновской, 26 января 1913.

²⁷ Новое время. 15 декабря 1912.

²⁸ Меньшиков М. Смена властей // Новое время. 18 декабря 1912.

но работать, а не объясняться и заниматься пререканиями и разговорами. Он понимает и сознает, что возврата к недавнему прошлому — Цусиме, интендантским грабежам и произволу не может быть: на смену должен явиться правовой порядок и законность, достижение и осуществление которых должно совершаться без потрясений и катастроф»²⁹. Впрочем, как утверждалось, Маклаков — «пока загадка». Утверждалось о сходстве со Столыпиным, с поправкой на то, что в новых условиях и сам Столыпин действовал бы несколько иначе³⁰. Само собой разумеется, предполагалось, что правее. «Речь» не видела разницы между министрами отставленным и назначенным³¹. Однако Д. Н. Шипов резонно считал: «В этом назначении можно видеть стремление повторить опыт, сделанный со Столыпиным»³². В думской среде считалось, что Маклаков метил в премьеры и вполне мог ориентироваться на националистов и даже правых октябристов³³.

Представляясь личному составу МВД, Маклаков сказал: «Цель у всех нас должна быть одна — укрепление государственной власти, сильной, благожелательной и спокойной власти, верующей в себя и в свое святое дело, власти, работающей на благо многомиллионного населения великой России. Путь же, ведущий к этой цели, — один единственный, иного нет и не может быть — это закон, утвержденный и утверждаемый Его Императорским Величеством»³⁴. Присутствовавший на церемонии Богданович ответил новому управляющему от имени подчиненных: «В печальные, лукавые дни всеобщего раздора и разлада отрадно слышать голос, зовущий к единению, к дружной работе на славу Царя, на славу Отечества». В интервью «Московским ведомостям» он затем отметил: «Таких слов мы давненько не слышали»³⁵.

Новый управляющий министерством начал демонстративно ужесточать контроль над своим ведомством. Маклаков потребовал от своих непосредственных подчиненных все важные доклады делать непосредственно ему («Голос Москвы» отметил, что Макаров, наоборот, пытался от этого уклоняться)³⁶. Редактору

²⁹ Свет. 21 декабря 1912.

³⁰ Там же. 24 декабря 1912.

³¹ Речь. 18 декабря 1912.

³² ГАРФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 495. Л. 20. Д. Н. Шипов — М. В. Челнокову, 22 декабря 1912.

³³ Там же. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 307А. Л. 28–30. 13 февраля 1913.

³⁴ Голос Москвы. 31 декабря 1912.

³⁵ Московские ведомости. 5 января 1913.

³⁶ Голос Москвы. 15 февраля 1913.

«Правительственного вестника» А. А. Башмакову было запрещено высказывать мнение по балканскому вопросу или уйти, после чего он подал в отставку³⁷. «Гражданин» даже запустил слух о желании Маклакова упразднить Осведомительное бюро как ненужное и дорогостоящее³⁸. Земствам и городам был направлен циркуляр МВД с запретом ставить вопрос о политической амнистии, приуроченной к 300-летию царствования Романовых, поскольку это не входило в их компетенцию³⁹. Маклаков предупредил и. о. петербургского головы Д. И. Демкина о начале государственного строительства канализации (вопрос для города был крайне болезненным), если городская дума в ближайшее время сама его не начнет⁴⁰. Министр посетил петербургский полицейский участок и заметил городу о невероятной тесноте арестантских камер⁴¹. Газетами было отмечено, что министр внутренних дел сделал это впервые за 40 лет⁴².

Вместе с тем Маклаков сразу стал демонстрировать «анти-полицейский» настрой. Он занял покровительственную позицию в отношении рабочих по Ленскому делу. 17 и 31 января Совет министров при его участии обсудил вопрос и решил дело против рабочих прекратить⁴³. 15 января был отозван законопроект о реформе полиции: Маклаков якобы хотел изъять оттуда важное новшество — пункт о согласовании действий губернаторов с начальниками губернских жандармских управлений⁴⁴. Также якобы планировалось не вводить пост губернского начальника полиции и подчинить начальников губернских жандармских управлений по полицейской части губернаторам⁴⁵. Таким образом, новый глава МВД, хотя и мало разбирался в полицейском деле, вставал на точку зрения противников законопроекта⁴⁶. С некоторой надеждой сообщалось также, что в подготовленном Департаментом полиции проекте паспортного устава отменялись паспорта⁴⁷.

³⁷ Неудобства официального положения // Голос Москвы. 1 февраля 1913; Там же. 2 февраля 1913.

³⁸ Гражданин. СПб., 1913. № 4. С. 7.

³⁹ Голос Москвы. 1 февраля 1913.

⁴⁰ Новое время. 20 января 1913.

⁴¹ Там же. 30 января 1913.

⁴² Голос Москвы. 29 января 1913

⁴³ Новое время. 22 января 1913.

⁴⁴ Там же. 16 января 1913.

⁴⁵ Там же. 21 января 1913.

⁴⁶ Джунковский В. Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 97.

⁴⁷ Новое время. 23 января 1913.

Вероисповедный законопроект, пролежавший в Думе 7 лет, изымался как устаревший, для обновления⁴⁸.

25 января товарищем министра внутренних дел был назначен московский губернатор В. Ф. Джунковский, пользовавшийся популярностью как в правых⁴⁹, так и в либеральных кругах. «Гражданин» отметил, что между ним и Харузиным — «бездна»⁵⁰. Но и «Голос Москвы» отмечал, что «это был один из таких немногих администраторов, которые сами доходят до всего и к которым всякий может прийти со своими нуждами»⁵¹. Назначение состоялось из-за образцового порядка на Бородинских торжествах⁵². «Утро России» ликовало: «Как мало требуется для представителя власти для того, чтобы обеспечить за ним известную долю общественных симпатий! Личной корректности, отсутствия «импульсов» и уважительного отношения к закону». Владимира Федоровича провожали как некоего общественного избранника⁵³. По занятии новой должности Джунковский демонстративно издал приказ по Отдельному корпусу жандармов с указанием проявлять «сердечность к населению»⁵⁴.

28 февраля Совет министров приступил к обсуждению вопроса о порядке законодательных дел по корпусу жандармов. Полицейская реформа, доработанная Маклаковым и Белецким, предполагала централизацию полиции, сохранение за губернатором власти над ней (в отличие от проекта Макарова), а также введение обязательных образовательных и специально-технических требований для полицейских чинов, создание с этой целью специальных курсов, увеличение штатов и окладов, принятие расходов на полицию исключительно казной, снятие с полиции податных обязанностей⁵⁵. 8–13 февраля прошло совещание губернаторов по полицейской и паспортной реформам и борьбе с хулиганством⁵⁶. Совещание

⁴⁸ Там же. 27 января 1913.

⁴⁹ Генерал Е. В. Богданович рекомендовал его в помощники наставника Наследника Цесаревича (Стогов Д. И. Ук. соч. С. 165).

⁵⁰ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 6. С. 15.

⁵¹ Голос Москвы. 29 января 1913.

⁵² Новое время. 6 января 1913.

⁵³ Губернатор и общество // Утро России. 1 февраля 1913.

⁵⁴ Утро России. 7 февраля 1913.

⁵⁵ О преобразовании полиции в Империи. СПб., 1913. 30 мая Совет министров обсудил вопрос о полицейской реформе, причем Коковцов добился постепенности в ее проведении (Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 266).

⁵⁶ Новое время. 8 февраля 1913.

поддержало Маклакова в его желании скорректировать полицейский законопроект, заменить судебные решения административными приказами (с обжалованием в суде, на европейский манер, что избавляло бы суд от мелочей) и, наоборот, отменить административный арест по делам хулиганства, нищенства и туенядства как вторжение в судебную сферу. В дальнейшем председательствование в совещании было возложено на Джунковского⁵⁷. При обсуждении проекта реформы полиции Маклаков со ссылкой на европейский (преимущественно германский) опыт выступил за свободное обжалование в суде действий губернатора. Консервативный публицист И. Гофштеттер горячо поддержал этот принцип: «Далее пожеланий, высказанных главою полиции, не идет мечта самых крайних оппозиционных партий, за исключением тех, либерализм которых непосредственно граничит с анархией. (...) Реформаторские попытки нового министра осуждены либо бесплодно увянуть в узких рамках изолированной специально-полицейской реформы или же получить осуществление на всем поле русской общественной жизни», т. е. воплотиться в реформу суда⁵⁸.

Совещание также выступило за пересмотр земского и городского положений с целью создать возможности для административных постановлений и усиление наказаний за неисполнение постановлений административных и общественных учреждений⁵⁹. Бывший земский начальник публицист Л. В. Дашкевич писал полтавскому губернатору А. К. Багговуту: «В нашем министерстве много перемен, свидетельствующих о давно известной истине — глубоком падении Петербурга. Как можно было назначить министром внутренних дел мальчишку-карьериста, полнейшего невежду в земских и крестьянских делах? (...) Все это очень грустно. Правительство таким образом само лезет в пасть будущей революции»⁶⁰. Однако Маклаков выступал не с собственными инициативами, а по советам Джунковского. Товарищ министра добился ликвидации полицейской агентуры в армии и учебных заведениях, а также отставки директора Департамента полиции С. П. Белецкого, таким образом окончательно покончив со сложившимися после подавления революции порядками в МВД⁶¹. Не случайно в Департаменте полиции нового министра невзлю-

⁵⁷ Там же. 9 февраля 1913.

⁵⁸ Голос Москвы. 15 февраля 1913.

⁵⁹ Новое время. 13 февраля 1913.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 132. 21 января 1913.

⁶¹ Джунковский В. Ф. Ук. соч. Т. 2. С. 283.

били. Последний начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев считал, что «Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча»⁶². Директор Департамента полиции в 1915–1916 гг. К. Д. Кафафов вспоминал: «Н. А. Маклаков был человек несомненно даровитый и, в частности, обладал, по-видимому, фамильным свойством, прекрасным даром речи, хотя сам не любил ораторов, в особенности думских. Кроме того, новый министр был человек по существу добрый и отзывчивый, таковы были его положительные качества. Но были и отрицательные, и при том весьма крупные. Прежде всего, несмотря на свою молодость и внешнюю подвижность, это был неврастеник чистой воды, и благодаря этой неврастении он ненавидел всякую работу. Когда он видел толстые папки с докладами, он прямо впадал в уныние. Затем, это был человек абсолютно не сведущий, по крайней мере в той области, которая подлежала его ведению»⁶³.

Маклаков продемонстрировал некоторое благоволение по отношению к правым. МВД вошло в Совет министров с предложением о назначении пенсии в 3 тыс. руб. бывшему губернатору депутату А. Н. Хвостову, поскольку он «расстроил свое здоровье усердной службой»⁶⁴. Он посетил Кобылинского и крайне интересовался особым мнением правых по делу П. Г. Курлова⁶⁵. Первые шаги Маклакова вызвали поддержку Мещерского, который призвал его к чистке МВД, которое Столыпин и Макаров, по его мнению, запустили, и восстановлению его в прежней силе и справедливости, которой не было со времен Дурново⁶⁶. Еще одной задачей, как считал публицист, была борьба с коррупцией губернаторов⁶⁷. «Гражданин» даже предлагал Маклакову реформу законодательного процесса: любой законопроект, даже если он не получал большинства в Думе, мог быть передан в Государственный совет, Император решает вопрос о законопроекте на основе мнения большинства одной из палат, если они не смогли договориться. Мещерский спрашивал: если Столыпин изменил из-

⁶² Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. М., 2002. № 8. С. 74.

⁶³ Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. М., 2005. № 5. С. 79.

⁶⁴ Новое время. 12 февраля 1913.

⁶⁵ Голос Москвы. 30 декабря 1912.

⁶⁶ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 1. С. 14–18.

⁶⁷ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 3. С. 11.

бирательный закон ради октябристов, то почему нельзя сделать это с целью «удовлетворить народные нужды во всей их полноте»? Мещерский вопрошал: неужели же разгонять Думу лучше?⁶⁸

Однако, в целом, правые вовсе не были в восхищении. Назначение Джунковского, как утверждал Пасхалов, «побуждает не только руку устремиться к затылку, но и душу направиться в пятки». Император, по его словам, согласился с этим выбором и отговорить его не удалось. Политика Маклакова вовсе не представлялась Пасхалову правой или адекватной моменту. Нужен «здоровеннейший *coup d'etat* <...> Нужен был бы тип Мих. Ник. Муравьева — никак не меньше», а речь Маклакова «способна скорее предвестить мягкость и уступчивость, чем решительность и силу»⁶⁹. Правые были недовольны и другими шагами Маклакова (в том числе расследованием дела А. Н. Хвостова — нижегородского губернатора, избранного в Думу и ставшего одним из лидеров правых, но обвиняемого в нецелевом расходовании казенных средств во время предвыборной кампании) и считали, что он заигрывает с думским центром⁷⁰.

21 февраля (в день обнародования Манифеста по случаю 300-летия Дома Романовых) Маклаков был утвержден министром. Настало время раскрыть карты. 3 марта он дал интервью «*Le Temps*», где впервые обрисовал свою программу. Министр объявлял себя сторонником «децентрализации управления»⁷¹, введения земства на окраинах, полицейской и паспортной реформ, внутреннего контроля в ведомстве МВД, борьбы с хулиганством и пьянством (хотя и отрицал вероятность полного введения сухого закона по причине сурового климата). Маклаков также выступил за реформу печати, предполагая введение предварительной цензуры (номер предполагалось предоставлять в цензуру за 3 часа до печати, после первого штрафа вносилась залоговая сумма), хотя отметил, что Дума уже восприняла ее отрицательно. По ев-

⁶⁸ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 1. С. 14–18.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 916. Л. 94. К. Н. Пасхалов — Д. Хомякову, 15 января 1913.

⁷⁰ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 2. С. 24–25.

⁷¹ Лозунг «децентрализации» губернского управления был из числа наиболее распространенных в бюрократической среде; данная задача рассматривалась в качестве одной из наиболее насущных (О характере государственного строя России (из записок С. Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. М., 2008. № 4. С. 21).

рейскому и польскому вопросам Маклаков не планировал никаких изменений. В то же время министр рассчитывал наладить сотрудничество между «законодательной» и «административной» властями. Министр желал, чтобы страна нашла в действиях МВД «должную силу, помощь и покровительство», и заключал: «Нужно, чтобы никто не чувствовал в проявлениях этой власти что-либо для себя унижительное и неприятное. Она должна представлять опасность только для нарушителей спокойствия и она отнюдь не должна пугать честных людей. Я хочу, чтобы этими мыслями прониклись губернаторы»⁷².

«Гражданин» отзывался о взглядах Маклакова: «Большинство из них отличается глубокой практичностью»⁷³. Однако план воссоздания предварительной цензуры из всей прессы одобрила только «Земщина»⁷⁴. Остальные мнения были смешанными. Меньшиков похвалил общее направление мысли Маклакова, но выступил за полномасштабный сухой закон и полную отмену паспортов. В вопросе цензуры, по мнению публициста, Маклаков был «глубоко прав», но сам механизм не позволял искоренить зло, а свободу мысли ограничивал. В целом, Меньшиков испытывал смешанные чувства: «В декларации Н. А. Маклакова слышится и новое, совершенно правильное понимание власти, и старая закваска, приведшая страну к упадку»⁷⁵. «Свет» не верил, что текст интервью — подлинный: «слишком отзывается духом престарелого князя Мещерского <...> слишком «с кондачка» решает самые существенные вопросы русской жизни», а Маклакова знают как человека, «который выдвинулся в министры не из чернильной канцелярской тины, но из живой русской жизни, с репутацией человека дела — вдумчивого, энергичного». Газета считала, что в интервью совсем нет речи о реформах, меры по печати взяты из арсенала Наполеона III⁷⁶. Парламентарии-центристы гр. Д. А. Олсуфьев и Н. А. Хомяков сомневались в том, что Маклаков действительно выступил за введение предварительной цензуры⁷⁷. «Русские ведомости» разъясняли, что под децентрализацией Маклаков понимает всего лишь усиление губернаторской власти; таким образом, никаких принципиальных изменений в политике МВД за 40 лет

⁷² Новое время. 3 марта 1913.

⁷³ Thomas. Мысли Н. А. Маклакова и шакальная печать // Гражданин. СПб., 1913. № 10. С. 6.

⁷⁴ Голос Москвы. 7 марта 1913.

⁷⁵ Там же. 5 марта 1913.

⁷⁶ Свет. 6 марта 1913.

⁷⁷ Голос Москвы. 5 марта 1913.

не произошло⁷⁸. В личной беседе с депутатом Неклюдовым Маклаков якобы заявил: «Я всегда и во всем буду на стороне провинциальных властей»⁷⁹. Такое, как предполагалось печатью, не могло понравиться даже думским правым. «Утро России» считало это признаком усиления произвола. Оно также отметило, что Маклаков выступил против программы Коковцова⁸⁰. «Утро России» предвещало усиление реакции и намекало на возможную замену Коковцова на Маклакова⁸¹.

Теперь Маклаков активно оправдывал опасения либералов. Министр составил чиновничьи штаты для Холмской губернии, избыточные даже для крупной губернии⁸². На заседание Совета по делам местного хозяйства Маклаков вынес законопроекты о введении в Северо-Западном крае земского положения 1903 г. (а не 1890 г.), а также изменениях в законе 1911 г. о западном земстве, предполагавших повышение ценза и создание курии для крупных землевладельцев (в связи с доминированием неземельных собственников)⁸³. Маклаков отклонил программу земского съезда по сбыту кустарной продукции, после чего бюро съезда намеревалось отменить сам съезд⁸⁴. 10 июня неперменным членом Главного управления по делам местного хозяйства стал П. В. Скаржинский, бывший в Черниговской губернии неперменным членом по земским и городским делам и отличавшийся враждебностью по отношению к местному самоуправлению⁸⁵. Уже 16 июня он был назначен начальником канцелярии министра внутренних дел.

В статье, специально посвященной вопросу взаимоотношений правительства и земства после окончания Первой русской революции, В. С. Дякин отмечал их заметное ухудшение с назначением министром внутренних дел Маклакова⁸⁶. Между тем в подтверж-

⁷⁸ Русские ведомости. 6 марта 1913.

⁷⁹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 4–5. С. 11.

⁸⁰ «Декларация» Н. А. Маклакова // Утро России. 5 марта 1913.

⁸¹ Грядущие возможности // Утро России. 9 марта 1913.

⁸² Новое время. 12 марта 1913.

⁸³ Там же. 27 марта 1913.

⁸⁴ Там же. 28 марта 1913.

⁸⁵ Там же. 11 июня 1913.

⁸⁶ Дякин В. С. Земство и самодержавие в третьейюньской монархии // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 127–141.

дение приводится только запрет Маклаковым II съезда по земскому и городскому строительству, а также Всероссийского съезда по улучшению земских финансов, решение о котором 23 января 1914 г. вынес весь Совет министров, опасавшийся излишней политизации собрания. Ухудшились значительно отношения МВД и городских самоуправлений в связи с возросшим количеством неутверждения городских голов по политическим мотивам. В Петербурге не был утвержден прогрессист Н. Д. Шубин-Поздеев и 6 членов управы. После избрания на вакантное место бывшего министра народного просвещения и камергера гр. И. И. Толстого министр намеревался не утвердить и его, но на заседании Совета министров встретил сопротивление со стороны Коковцова, указавшего на придворный чин Толстого, и вынужден был уступить⁸⁷. Наиболее значимым, как будет показано ниже, стало дело о неутверждении московского городского головы.

МВД намерено было внести в Думу законопроекты об обществах и союзах, изменениях в закон о западном земстве, о северо-западном и архангельском земстве, петербургском водопроводе и канализации⁸⁸. В министерстве шла подготовка новой земской реформы (она предполагала отмену сословных курий и понижение ценза в 2 раза, весной проект был внесен в Совет по делам местного хозяйства), западно-сибирского, прибалтийского и польского земства (сообщалось о том, что материалы по большей части собраны и разработка законопроектов должна была начаться), городской реформы (с начала 1914 г. после сбора сведений планировалось начать разработку законопроекта и завершить ее не ранее чем к 1915 г.; предполагалось создать систему городских разрядов на прусский манер), проекта улучшения городских финансов. Законопроект о холмском земстве планировали внести уже весной 1914 г. Также планировалось созвать земско-городской съезд для подготовки законопроекта о призрении подкидышей. Заканчивалась подготовка законопроекта о сельском общественном управлении и паспортного устава⁸⁹. Еще 29 апреля Думе был представлен правительственный законопроект о крестьянском равноправии⁹⁰. МВД намеревалось подготовить «в ближайшем будущем» реформу уездного правления

⁸⁷ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 122.

⁸⁸ Новое время. 15 октября 1913.

⁸⁹ Там же. 16 октября 1913.

⁹⁰ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. IV созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 255.

(с учетом изменений низших учреждений), после чего ведомство собиралось приступить к губернской реформе⁹¹.

Министерство внесло в Думу свой законопроект о печати. На заседании Совета министров Маклаков отметил огромную, наравне со школой, роль печати в государственной и общественной жизни, но полагал, что вследствие извращенного толкования Манифеста 17 октября в сфере печати «водворилось полнейшее безначалие», а сама она «становится источником потемнения народного самосознания и одичания нравов». Проект предусматривал частичное восстановление предварительной цензуры (газеты должны были предоставляться в цензурное ведомство не позднее чем за 1 час до выхода). Предусматривалась также предварительная духовная, придворная, драматическая, иностранная цензура, а также цензура в отношении объявлений (об иностранных лотереях, медицинских препаратах и т. д.) и отчетов о заседаниях правительственных учреждений. Вводилась кара за восхваление преступников и их деяний, а также за призыв к бойкоту. Ответственность переключалась с редактора на издателя, для которого предусматривался ценз в размере среднего образования (во избежание практики зиц-издателей) и постоянное пребывание на месте не менее 6 месяцев в год. Министр получал право штрафовать издания на сумму до 3 тысяч рублей с правом приостановки издания до выплаты. На периодическое издание также возлагалась обязанность публиковать опровержения.

Большинство Совета министров выступило против основных инициатив Маклакова. Министр юстиции И. Г. Щегловитов отметил, что введение предварительной цензуры противоречит указам 12 декабря 1904 г. и 24 ноября 1905 г. и, кроме того, не будет принято Думой. Министры считали технически невозможным осуществление предварительной цензуры газет, что, кроме того, могло повлечь судебные разбирательства в отношении цензоров; предлагалось совместить срок представления номера в цензуру со сроком его выхода. Маклакову также указывали, что введение института ответственного издателя было осуществлено во Франции в 1828 г. (прозрачный намек на революцию 1830 г.), но не принесло положительного результата. Министр юстиции считал, что такая мера приведет лишь к оттоку капитала из сферы печати. Совет министров также настаивал на том, что штрафы могут взиматься лишь в судебном порядке. Обер-прокурор В. К. Саблер выступил против общей духовной цензуры (не касающейся церковной литературы), которая «за-

⁹¹ Новое время. 16 октября 1913.

труднила бы, несомненно, появление в свет философских сочинений на религиозные темы»⁹².

Оппозиционная пресса сообщала, что правительство отнеслось к законопроекту отрицательно, и во главе этого настроения стоял Щегловитов⁹³. Это косвенно подтвердил и сам Маклаков, который в думских кулуарах отверг возможность проведения проекта по 87-ой статье⁹⁴. По поводу объяснительной записки по законопроекту о печати, в которой излагался общий подход Маклакова, «Голос Москвы» писал, что она «с редкой откровенностью раскрывает перед страной свою антиобщественную тенденцию всей правительственной политики»⁹⁵. С резкой критикой выступило «Новое время», осудившее нежелание ведомства привлечь экспертов к разработке законопроекта⁹⁶. «Свет» считал законопроект оторванным от жизни и не учитывавшим уровень развития современной печати. Критике подвергалась скрытая цензура и принцип ответственности издателя, от чего пострадала бы легальная печать, а подпольная — нет⁹⁷.

Тихомиров отмечал «полицейский» характер проекта, близкого по характеру проекту правых⁹⁸. Устав «думает не об устройстве печати, а о борьбе с ней. <...> Неужели в печати ничего нет, кроме преступлений? Неужели общество и государство не заинтересованы ее процветанием?»⁹⁹ В письме Савенко публицист признавал: «Проект о печати угрожает серьезным бедствием не только по своему непосредственному содержанию, но и потому, что подвигает наше законодательство в такую историческую тьму, которая ставит нашу «обновленную Россию», разукрашенную народным представительством, бесконечно ниже России «дореформенной». Старая Россия разрабатывала правовую идею. Нынешняя не только ее забрасывает, но обнаруживает полное ее незнание. Это не закон в цивилизованном смысле, а мероприятие диктатора, умиряющего бунтующих. <...> Невыразимо тошно жить при таком понижении государ-

⁹² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 332–346.

⁹³ Речь. 18 июня 1913.

⁹⁴ Новое время. 13 июня 1913.

⁹⁵ «Объяснения» // Голос Москвы. 16 мая 1913.

⁹⁶ Проект закона о печати // Новое время. 5 мая 1913.

⁹⁷ Свет. 7 мая 1913.

⁹⁸ По поводу законопроекта о печати Министерства внутренних дел // Московские ведомости. 9 мая 1913.

⁹⁹ Проект устава о печати (Общая идея устава) // Там же. 17 мая 1913.

ственной мысли как в обществе, так и во власти»¹⁰⁰. Тихомиров записал в дневник: «Как я замечаю, Маклаков довольно глуп для государственного человека»¹⁰¹. Лев Александрович как обычно сокрушался: «Нет людей! После Столыпина — ни единой крупной силы. Коковцов — конечно, не «премьер», но все же умен и осторожен, не сделал хоть крупной глупости. Но что, если его свергнет какая-нибудь пустышка — Маклаков?»¹⁰²

Лишь «Гражданин» считал законопроект вполне реалистичным¹⁰³, но с учетом обстоятельств Мещерский публично предлагал Маклакову забрать законопроект и подготовить новый при участии членов палат, партий, ведомств¹⁰⁴. В результате проект был взят Маклаковым на доработку, а 28 августа правительством был рассмотрен исправленный вариант (из него были устранены все новшества, вызвавшие противодействие министров), который оно и одобрило¹⁰⁵.

Между тем отношения Маклакова и Думы осложнялись. 17 марта в Петербурге последовал решительный разгон прославянской демонстрации. «Свет» призвал Думу к запросу о действиях полиции и обращении к Императору¹⁰⁶. Меньшиков сожалел о разгоне «патриотической манифестации»¹⁰⁷. «Голос Москвы» предвещал отставку Маклакова за разгон демонстрации, поскольку он «своим поведением и взглядами доказал и узость, и ограниченность понимания своих задач»¹⁰⁸. «Гражданин» был доволен проявлением правительственной силы, проявившейся в разгоне демонстрации и заявлении о невмешательстве в балканские дела¹⁰⁹, и отмечал, что полицию нельзя упрекать в исполнении долга¹¹⁰. 20 марта обсуждалась спешность внесенного националистами запроса об избииении полицией участников патриотической манифестации. Дума голосами большинства от правых до прогрессистов поддер-

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 927. Л. А. Тихомиров — А. И. Савенко, 28 мая 1913.

¹⁰¹ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 154. 27 мая 1913.

¹⁰² Там же. Л. 160 об. Июль 1913.

¹⁰³ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 18. С. 15.

¹⁰⁴ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 19. С. 13–14.

¹⁰⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 346–347.

¹⁰⁶ Расправа над славянофилами // Свет. 19 марта 1913.

¹⁰⁷ Меньшиков М. Политика и полиция // Новое время. 21 марта 1913.

¹⁰⁸ Голос Москвы. 20 марта 1913.

¹⁰⁹ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 13. С. 16–17.

¹¹⁰ Московские ведомости. 28 марта 1913.

жала запрос¹¹¹. Маклаков впервые выступил в палате, пообещав устроить разбирательство, чем вызвал одобрение правых и правой части центра. В. М. Пуришкевич обвинил правительство и лично Коковцова в подхалимстве в отношении Австрии и еврейских банкиров. По мнению оратора, Сазонов оказался «в кулаке у графа Бертольда» (министра иностранных дел Австро-Венгрии), а Маклаков стал «жертвой» этих сил. Была принята спешность. После этого с грозной, но несколько сбивчивой речью выступил кадет Ф. И. Родичев. Он заявил, что Австрия решилась на аннексию Боснии не после 17 октября, а «только после 3 июня». В отношении Маклакова Родичев отметил, что его действия в Петербурге соответствуют его поведению в Чернигове, за что был исключен на 5 заседаний. Предложение центриста П. Н. Крупенского исключить Родичева на 15 заседаний не прошло («за» проголосовали 119 человек, «против» — 173)¹¹². Депутаты свидетельствовали, что Родичев был нетрезв и даже обвинил Маклакова в стремлении стать Николаем III¹¹³, но это не попало в стенограмму. Эффект достигнут не был. «Прямой путь» Пуришкевича высмеивал «вокальные упражнения весьегонской этуали»¹¹⁴. «Его горячий темперамент часто выводил его за пределы, требовавшиеся фракционной дисциплиной и политическими условиями момента», — вспоминал о Родичеве Милоков¹¹⁵. Товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев получил приказ разобраться в деле разгона демонстрации. В результате его разбирательства оказалось, что полиция имела инструкцию, кроме того, демонстранты мешали трамваям на Литейном проспекте¹¹⁶. Правые и националисты в целом были довольны выступлением Маклакова, но на остальных оно произвело плохое впечатление: октябристы отмечали, что для речи была характерна «полная неискренность» и стремление произвести внешний эффект за счет собственных подчиненных¹¹⁷. 22 марта

¹¹¹ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 4–5. С. 20.

¹¹² Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. I. СПб., 1913. Стлб. 2409–2432.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 580. Г. А. Алексеев — К. С. Алексееву, 21 марта 1913 г.

¹¹⁴ Л. Ч. Из Таврического дворца // Прямой путь. 1913. № 4. С. 173.

¹¹⁵ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 293.

¹¹⁶ Свет. 22 марта 1913.

¹¹⁷ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 6. С. 3–4.

правый депутат Г. А. Шечков под рукоплескания справа выразил надежду, что «после того, как у дела внутренней стоят такие лица, как теперь, это бывшее 17 марта первое столкновение русского патриотизма с космополитизмом бюрократии будет вместе с тем и последним»¹¹⁸. Через два месяца Дума приняла бюджетную смету МВД лишь с незначительными урезками, а 27 мая министр Маклаков был произведен в чин гофмейстера.

В тот же день в отношениях правительства и Думы произошел открытый разрыв. В ответ на обвинения правого депутата Н. Е. Маркова в коррупции премьер-министр заявил, что более в палату не явится; парламентарии также проявили упорство и приносить извинения не собирались. «Министерская забастовка» могла разрешиться либо роспуском Думы, либо отставкой Коковцова. Маклаков и Саблер якобы настаивали на роспуске Думы и придании ей законосовещательного статуса¹¹⁹. В Думе также ходили упорные слухи о подготовке Маклаковым и Мещерским нового переворота и восстановления «абсолютизма». Единственным препятствием якобы было неблагоприятное впечатление, которое было бы произведено на иностранные государства¹²⁰.

В октябре 1913 года Маклаков действительно попытался реализовать самостоятельный план в отношении Думы. Как полагал В. С. Дякин, для этого Маклаков специально выждал момент, когда Коковцов пребывал за границей¹²¹. Между тем активность министра была лишь связана с начавшейся в условиях «министерской забастовки» парламентской сессии, а дальнейший ход событий показал, что инициативы Маклакова были плохо обеспечены. Еще накануне открытия Думы Маклаков написал письмо Императору. Положение характеризовалось им как неспокойное по причине рабочего движения, активности интеллигенции и начала сессии. Маклаков предлагал выступить в Думе от имени всего правительства с предупреждением и ввести ее в «законное русло крепкой рукой». В случае неповиновения «это лишь приблизит развязку, которая, по-видимому, едва ли отвяжтима». Под «развязкой» понимались роспуск Думы, введение

¹¹⁸ Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. II. СПб., 1913. Стлб. 9.

¹¹⁹ Голос Москвы. 30 мая 1913.

¹²⁰ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 7. С. 7–8.

¹²¹ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 159–161.

повышенной чрезвычайной охраны в Петербурге, подавление беспорядков. Планировалось подготовить два варианта указа, время обнародования которого должен был определить Совет министров по докладу Маклакова¹²². Царь ответил Маклакову, что «приятно поражен» его предложением, поскольку сам хотел выступить с такой же инициативой. «Лично думаю, что такая речь мин. внутр. дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г-на Родзянко и его присных закусить языки», — писал Николай II. Он также соглашался с возможным проявлением жестких мер и предлагал Маклакову переговорить с государственным контролером П. А. Харитоновым (заменявшим в Совете министров отсутствовавшего Коковцова) о подготовке соответствующих проектов указов. Император добавлял: «Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Госуд. совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица! Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»¹²³.

Однако накануне написания царского письма правительство приняло несколько иное решение. 17 октября Совет министров обсудил вопрос о чрезвычайном положении и роспуске Думы. В. Н. Коковцов, влиятельнейший член правительства главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин, а также Саблер отсутствовали. Остальные министры поддержали предложение, но указали, что в указе о роспуске должен быть указан срок созыва новой Думы¹²⁴. Проекты указов были высланы в Ливадию. При отсутствии ключевых членов правительства Маклаков решил не поднимать вопрос об изменении законодательного порядка. Кроме того, 21 октября министры, не осведомленные о позиции Императора, отвергли предложение Маклакова выступить в Думе. На следующий день министр внут-

¹²² Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 185–187; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 1–2. 14 октября 1913.

¹²³ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 183–184.

¹²⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411–412.

ренных дел написал Монарху объяснительное письмо, фактически предложив ему самому инициировать реформу законодательного порядка. Маклаков писал, «что передача такого повеления Вашего председательствующему в Совете через меня, младшего из состава Совета, вызвала бы очень неосновательные правда, но очень, к сожалению, большие отзвуки личного самолюбия, которые повредят лишь самому делу, столь большому и важному для всей последующей жизни России»¹²⁵. 23 октября Император начертал на журнале Совета министров от 17 октября: «Согласен. Срок созыва новой Г. Думы должен быть значительно отдален»¹²⁶. Было ясно, что дальше грозной резолюции это дело уже не пойдет. Фактически весь план был, таким образом, дезавуирован. После этого Мещерский опроверг планы роспуска Думы в правительстве и объяснял возникновение слухов агрессивностью самой Думы в самом начале сессии¹²⁷. Чтобы проверить слухи о роспуске Думы, депутат-националист В. Я. Демченко посетил Маклакова, который косвенно признал наличие планов в прошлом, но после восстановления деловых отношений палаты с правительством они потеряли актуальность¹²⁸. Щегловитов и Кривошеин категорически отвергали даже официальное обсуждение таких планов¹²⁹. Уже в ноябре Маклаков пошел на попятную. Он дважды посетил думскую комиссию по печати и был подчеркнуто любезен с депутатами — националистами и правыми октябристами, чем произвел на них очень хорошее впечатление¹³⁰. Октябристы добились внесения принципиальных поправок в правительственный проект: отмены предварительной цензуры и смены ответственного издателя на ответственного редактора¹³¹.

Достигнув перемирия с Думой, Н. А. Маклаков сосредоточился на борьбе с местным самоуправлением. Он не утвердил избранного на выборах московского городского головы кн. Г. Е. Львова.

¹²⁵ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 187–188; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3–4. 22 октября 1913.

¹²⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411.

¹²⁷ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 46. С. 15–16.

¹²⁸ Новое время. 20 ноября 1913.

¹²⁹ Там же. 23 ноября 1913.

¹³⁰ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 1999. № 9. С. 31.

¹³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 581. Л. 9, 15, 46 об.

На новых выборах был избран ученый-механик и директор московских Высших женских курсов С. А. Чаплыгин, но и он не был утвержден. 8 октября московским городским головой был избран торгово-промышленник и известный городской деятель Л. Л. Катуар. «Речь» считала его кандидатуру «чисто деловой», однако конфессиональная принадлежность (католик) делала возможным неутверждение¹³². Подозрения подтвердились. А 8 ноября Маклаков, не поставив в известность Совет министров, с подачи Мещерского в письме Императору предложил назначить городским головой бывшего директора Департамента общих дел МВД при В. К. Плеве члена Государственного совета Б. В. Штюрмера, известного своими правыми взглядами. Маклаков сообщал, что тот «уже приводил однажды в порядок тверское земство» и готов «взять на себя этот тяжелый пост». Назначение было возможно по положению 1892 г., Маклаков указывал, что в Петербурге в 1893 г. так был назначен В. А. Ратьков-Рожнов. Известие попало в печать. «Утро России» резко протестовало, но не против Штюрмера, а против самого факта назначения¹³³. В общественных кругах было известно, что при своем консерватизме Штюрмер был «незловивый и корректный» и на посту директора Департамента общих дел «насколько мог, старался проводить если не умниц, то людей порядочных»¹³⁴.

24 ноября Николай II передал письмо Маклакова Коковцову, который был раздражен и внес вопрос в Совет министров¹³⁵. 27 ноября он был рассмотрен. Коковцов протестовал как в силу подобного поведения министра, так и по существу его предложения, не считая правильным ссориться с московской общественностью. Прочие министры, кроме хранивших молчание Л. А. Кассо и В. А. Сухомлинова, также высказались, причем никто Маклакова не поддержал. В особом журнале Совета министров указывалось, что назначение Штюрмера привнесет во взаимоотношения правительства и московского городского самоуправления «вредные начала недоверия, розни и раздражения»¹³⁶. С помощью председателя Государственного совета Акимова вопрос в течение нескольких дней был разрешен в пользу мнения Коковцова¹³⁷.

¹³² Речь, 9 октября 1913.

¹³³ Безголовье // Утро России. 16 ноября 1913.

¹³⁴ Кольшко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 99.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 69. Л. 1–10.

¹³⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 466.

¹³⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 195–199.

На 1 год был назначен товарищ Катуара В. Д. Брянский с целью подготовки «правильных и желательных для Правительства выборов»¹³⁸. «Гражданин» опроверг назначение Штюрмера московским городским головой («это пока мы не подтверждаем»)¹³⁹.

Положение Маклакова в правительстве сильно пошатнулось. Сам он впоследствии признавался, что «ежечасно» встречал у своих коллег неприятие его курса, так что ему «в десять раз легче было в Думе»¹⁴⁰. 13 декабря близкий Императору генерал Е. В. Богданович переслал Николаю II письмо Маклакова, адресованное самому Богдановичу, со своим покровительственным комментарием о «трагедии министра-монархиста». В письме Маклакова говорилось о московском деле, в котором «так легко было подчеркнуть нашим жирондистам, что песня их спета». Маклаков писал о своей главной цели: «Моя мечта поскорее и покрепче починить, что можно в нашей внутренней жизни, для того, чтобы для Наследника подготовить другую обстановку, чем та, в которой мы, благодаря предателям России, живем теперь — эта мечта разбита на Московском деле». О Коковцове было сказано так: «Я даже думаю, что он не понимает души Государя и во всяком случае любит ее меньше, чем интересы жидовских банкиров и свою личную популярность». Однако Маклаков выражал желание бороться дальше¹⁴¹.

Смена премьеры, состоявшаяся по инициативе Кривошеина, не привела к улучшению положения министра внутренних дел. Ходили слухи о его отставке¹⁴². В Думе говорили, что новоназначенный И. Л. Горемыкин сказал Императору о своем негативном впечатлении от Маклакова, и Николай II якобы признал: «*vraiment il est encore trop jeune*»¹⁴³. Тем не менее министр продолжал проявлять активность. Маклаков смог провести через правительство свой проект казенного финансирования крестьянского самоуправления. 4 и 5 марта в Думу были внесены 2 предположения (от кадетов и прогрессистов — о государственном казенном обеспечении волостных писарей, и от земцев-октябристов — о госу-

¹³⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 69. Л. 33.

¹³⁹ Дневник // Гражданин. СПб., 1913. № 45. С. 16.

¹⁴⁰ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1925–1927. Т. 5. С. 202–203.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4 об.

¹⁴² Голос Москвы. 1 марта 1914, 2 марта 1914.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 983. Л. 298. Г. А. Алексеев — К. С. Алексееву, 2 марта 1914.

дарственном содержании волостных крестьянских правлений). Однако Маклаков еще 25 февраля на Всеподданнейшем докладе принципиально решил вопрос по-своему¹⁴⁴, планируя взять волостных старшин и писарей на дотацию, чтобы, по мнению либералов, подчинить себе и тем самым подорвать волостную реформу¹⁴⁵. Закон планировалось принять в отношении центральной России, Сибири, Прибалтики и Польши. 6 марта его рассмотрело правительство, 11 марта одобрил Император. 26 марта Маклаков внес поправку, удалив из законопроекта Польшу, поскольку там гмины были всеословными, 17 апреля с этим согласилось правительство¹⁴⁶.

5 февраля Маклаков направил в Совет министров проект сельского управления (стольпинский проект 1908 г. был направлен в Думу, обсуждался в комиссии, но с марта 1911 г. лежал без движения и в феврале 1913 г. был затребован в МВД на доработку). Проект вводил еще более жесткую административную опеку, чем в отношении земств и городов (принцип самоуправления был введен земский, но при подчинении земскому начальнику)¹⁴⁷. Проект городской реформы МВД предполагал создание имущественных курий (до 4 в общей сложности, последняя курия не могла иметь более трети мест; на национальных окраинах — с добавлением национальных курий), городская дума могла заседать не более 3–4 раз в год, избирала управу и давала ей директивы, правительство могло распустить думу по докладу министра, в перерыве перед выборами управление переходило к назначенным чиновникам¹⁴⁸. МВД, по сведениям «Голоса Москвы», закончило сбор сведений о земской избирательной системе и должно было в ближайшее время подготовить ее реформу на принципах, сформулированных еще Столыпиным¹⁴⁹. Маклаков отказывался брать на себя разработку земской реформы на октябристских началах во избежание двоевластия на местах¹⁵⁰. Планируемое частичное переложение земско-городских тягот на плечи правительства «Речь» считала правительственной уловкой: это можно было

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 28. Л. 1–36.

¹⁴⁵ Сперанский С. Бюрократизация волости // Русские ведомости. 27 марта 1914.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 28. Л. 1–36.

¹⁴⁷ Русские ведомости. 4 марта 1914; РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 24.

¹⁴⁸ Речь. 8 марта 1914.

¹⁴⁹ Голос Москвы. 5 февраля 1914.

¹⁵⁰ Новое время. 27 февраля 1914.

восполнить повышением налогов, а также подготовить провал волостного земства¹⁵¹.

29 апреля на обсуждении сметы МВД в Думе Маклаков сообщил о внесении осенью в Совет министров законопроекта о земском и городском самоуправлении. Министр отвергал обвинение в неутверждении ряда кандидатов на земской и городской службе со ссылкой на указ Сената от 30 апреля 1908 г. о недопущении лиц с антигосударственными взглядами и в неутверждении земских смет, поскольку они предполагали непомерный рост земских сборов (в 1913 г. было отклонено 12 смет из 484, в 1914 г. — 13). Законопроекты о полиции и печати, по мнению Маклакова, были призваны охранить государственные устои¹⁵². Фракции были недовольны, даже правые считали неуместным тон защиты, к которому прибег Маклаков. А. Н. Хвостов в кулуарах отметил: «Министр напоминал гимназиста, боящегося провалиться на экзамене»¹⁵³. 3 мая кадет М. В. Челноков огласил с трибуны подробности дела о выборах московского городского головы и подверг МВД резкой критике. Часть речи даже была опущена цензурой¹⁵⁴. 186 голосами против 95 была принята совместная формула 3 октябристских фракций о стеснении министерством земства, провоцировании антигосударственных настроений, препятствовании к осуществлению верховной воли Монарха в виде манифестов и законов: «Такое положение, ослабляя мощь России, угрожает ей неисчислимыми бедствиями». Тем не менее параграф сметы, посвященный центральным учреждениям МВД, прошел 201 голосом против 84. Ассигнования на местные полицейские учреждения и на полицейские надобности опять прошли лишь с минимальной урезкой¹⁵⁵.

В марте 1914 г. Маклаков инициировал и уездную реформу¹⁵⁶. Потребность в ней не вызывала сомнений. Крыжановский отмечал насущную потребность в реформе местного управления, особен-

¹⁵¹ Речь. 15 марта 1914.

¹⁵² Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914. Стлб. 1433–1444.

¹⁵³ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. М., 2000. № 2. С. 17.

¹⁵⁴ Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Ч. III. СПб., 1914. Стлб. 1741–1777.

¹⁵⁵ Там же. Стлб. 1803, 1826, 1881–1882.

¹⁵⁶ По свидетельству С. Е. Крыжановского, «уездное управление было одной из самых несовершенных частей нашей административной системы» (О ха-

но на уездном уровне¹⁵⁷. 19 июня был определен состав совещания под председательством Плеве, однако в связи с войной работа его началась только осенью. 11 октября состоялось первое заседание, на котором с речью выступил Плеве. Он отметил как децентрализованность существовавшего местного управления, так и излишнюю бюрократизацию нереализованного столыпинского проекта 1908 г. Отличительными особенностями нового проекта, разработанного Скаржинским и распространявшегося на 54 губернии и 8 областей европейской России, Сибири и Дальнего Востока, были сближение местного управления и самоуправления и передача значительной части дел с губернского на уездный уровень. Должности уездного начальника и предводителя дворянства разделялись. Новый уездный начальник (в проекте он именовался вице-губернатором) должен был председательствовать в уездном совете, землеустроительной комиссии и училищном совете (члены совещания отмечали, что председательствование в последних двух органах будет формальным). Его помощниками становились неприменный член уездного совета и уездный исправник. Новый уездный совет должен был совместить 6 существовавших коллегий уездного управления и, вместо порядковой системы, был устроен по предметной системе на манер губернского. Вице-губернатор, вопреки мнению ряда членов совещания, по поручению губернатора получал право ревизии дворянских учреждений. Наиболее спорным вопросом был вопрос подчинения вице-губернатору жандармерии. Вопреки мнению Плеве и Скаржинского, совещание 8 голосами против 6 проголосовало против подчинения. 10 ноября, уже в военное время, проект был завершен¹⁵⁸.

16 мая Маклаков внес в Совет министров проект об обществах и союзах. Общества делились на экономические и неэкономические, которым и был посвящен проект. Вводился разрешительный порядок для обществ религиозных или руководимых из-за границы, надзор за студенческими организациями, запрет на участие иностранных подданных в политических организациях и управление политическими организациями из-за границы. Обществам с отделениями, союзам и политическим обществам запрещалось объеди-

рактуре государственного строя России (из записок С. Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. М., 2008. № 5. С. 10).

¹⁵⁷ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б/г. С. 137–141.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 29. Лл. 4–6, 9, 45–53, 57–72, 80–102.

няться. Предполагалось создать Главное по делам об обществах присутствие при МВД (с участием представителей Министерства торговли и промышленности и Главного управления земледелия и землеустройства) и губернские присутствия, где должны были регистрироваться все общества и союзы, а также их отделения (политические общества — только в Главном присутствии). При регистрации определялось точное название, цели, район и способы деятельности, состав правления, способы его пополнения, другие органы, время и порядок созыва общих собраний, порядок выбытия членов, средства, взносы, порядок открытия отделений. Регистрация происходила в течение 4 месяцев. Новые организации должны были представить устав через месяц после регистрации. Старые обязаны были подать документы на регистрацию в течение 6 месяцев. Русский язык в документации был обязателен. Общее собрание проводилось только по месту нахождения правления. По ходатайству в присутствии члены общества (не менее десятой их части) могли созвать собрание и без решения правления. Губернатор имел право приостановить деятельность общества и сообщить министру. Губернатор и градоначальник получали право ревизии делопроизводства (у профсоюзов — также МВД и МТП). Было расширено определение профсоюзов: они могли создаваться не только с профессиональными, но и с культурно-просветительскими целями. Профсоюзы не могли объединяться в союзы (для самих профсоюзов предполагался только губернский и городской уровень) и управляться из-за границы. Как и в Германии, в профсоюз можно было вступить только с 17 лет, участвовать в собраниях — с 21 года, в управлении — с 25 лет. Пришлые не могли вступить, исключение происходило только на основании устава, выход был свободным. На железных дорогах и казенных заводах создание профсоюзов имело разрешительный характер. Определялись критерии потери стачкой мирного характера и вступления в силу ответственности. Проект был отложен только с началом войны¹⁵⁹.

10 июля скончался покровительствовавший Маклакову кн. В. П. Мещерский. Однако в те же дни в связи с рабочими беспорядками в столице Маклаков вторично инициировал план роспуска Думы. С ведома Императора он посетил правого публициста К. Н. Пасхалова¹⁶⁰, после чего тот отправил в «Московские ведомости» статью о необходимости перемены статуса палат и просил

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1. Л. 7–53.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 936. К. Н. Пасхалов — кн. Софье Александровне Голицыной, 16 июля 1914.

не смягчать ее резкий тон, поскольку эта идея находит понимание как у Маклакова, так и у Царя¹⁶¹. Состоялось заседание Совета министров под председательством Царя, посвященное общему политическому положению. Обсуждались внешнеполитический кризис (11 июля был объявлен австро-венгерский ультиматум Сербии), рост забастовок и трудности проведения бюджета через палаты¹⁶². В конце заседания Николай II поставил вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законосовещательный орган. Все министры, кроме Маклакова, резко возражали. Щегловитов, по собственному свидетельству, сказал императору, что считал бы себя изменником в случае поддержки этой меры. После таких слов Император произнес: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить»¹⁶³. Уже через несколько дней правительство по представлению Маклакова разрешило земский съезд по финансам, намеченный на осень¹⁶⁴.

С началом войны правительство пошло на значительное расширение сферы общественной инициативы для помощи фронту. Были созданы Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов (Земгор), получившие щедрое казенное финансирование. 25 ноября 1914 г. в Совете министров обсуждалась записка Маклакова о необходимости установления государственного контроля за деятельностью Земгора. Министр объяснял такую меру отсутствием финансовой отчетности и политизацией деятельности Земгора. Однако сторонников у Маклакова не нашлось, и Совет, посчитав предложения Маклакова излишними, отверг их¹⁶⁵. Вопрос об отставке министра, как казалось, стал делом времени. Накануне нового 1915 года Горемыкин имел доклад, после чего «вопрос о Маклакове» был «решен», однако по неясным причинам отложен до 15 января. Маклаков все-таки не получил отставку, а 21 января даже был назначен в Государственный совет. «Я всю работаю на этом направлении, но Маклаков сидит и уже очень втер очки бедному Царю», — писал начальник император-

¹⁶¹ Там же. Л. 927. К. Н. Пасхалов — Б. В. Назаревскому, 14 июля 1914.

¹⁶² Барк П. Л. Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 19–24.

¹⁶³ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927. Т. 2. С. 438; Т. 3. С. 133–134.

¹⁶⁴ Новое время, 17 июля 1914.

¹⁶⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 545–554.

ской военно-походной канцелярии кн. В. Н. Орлов начальнику штаба Ставки Н. Н. Янушкевичу¹⁶⁶.

6 марта 1915 г. Совет министров по инициативе Маклакова обсуждал вопрос об упорядочении продовольственного дела. Маклаков считал, что перебои со снабжением могут быть использованы «враждебными государству элементами для своих целей». Министр указывал: «Не следует забывать, что в настоящем случае дело сводится к вопросу, который затрагивает широкие слои населения, доступные пропаганде и вообще склонные объяснять тяжелые условия экономической жизни несовершенством государственного устройства. И если революционные течения, основанные на проповеди социализма, легко отразимы, как все, что носит узкотеоретический характер, то голод не может не относиться к числу явлений, представляющих действительно серьезную угрозу государственному порядку и общественному спокойствию». Министр предложил создать при МВД особое совещание с привлечением различных подразделений МВД (включая Департамент полиции), а также военного ведомства, МПС, МТП, ГУЗиЗ, петроградского градоначальника, председателя столичной губернской управы и городского головы. Между тем Горемыкин, поддержанный всеми министрами, считал необходимым придать ему междуведомственный характер. Попытки Маклакова апеллировать к необходимости сохранения за ведомствами свойственных им полномочий с целью не допустить падения их авторитета успеха не имели¹⁶⁷. После понесенного поражения Маклаков подал в отставку, но она не была принята. В ответ Император, обращаясь к нему «друг мой, Николай Алексеевич», просил его оставаться на своем посту¹⁶⁸.

Начавшееся отступление спровоцировало обострение внутриправительственной борьбы. В конце мая большинство министров во главе с А. В. Кривошеиным решило настаивать перед Горемыкиным на созыве Думы и отставке всех четырех министров («в первую очередь — Маклакова, ввиду полного несоответствия

¹⁶⁶ Кн. Орлов В. Н. — В. кн. Николаю Николаевичу, 30 декабря 1914 г.; кн. В. Н. Орлов — Н. Н. Янушкевичу, 2 июня 1915 (Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы / Вводная статья, подготовка текста и комментарии С. В. Куликова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 6. СПб., 1996. С. 158, 162–163).

¹⁶⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М., 2008. С. 120–123, 234.

¹⁶⁸ Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 184–185.

его деятельности современным условиям») или на собственной отставке¹⁶⁹. Горемыкин поддержал идею, сразу запросил об аудиенции и был принят на следующий день. Царь, по словам премьера, «был возмущен» такой инициативой, предложение «чрезвычайно ему не понравилось». Однако со всеми предложениями он почти сразу согласился¹⁷⁰. Таким образом, ультиматум был принят. Вскоре после отставки в письме Пасхалову Маклаков обвинил Кривошеина во втягивании армии в политику, избрании Гучкова председателем Центрального военно-промышленного комитета и газетной травле губернаторов, что считал прямыми следствиями политики Кривошеина: «И все это делает бесчестный проходимец Кривошеин, который совсем собьет с толку благородного и очень глубоко честного князя Щербатова. Помесь жида и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим, и я не сомневаюсь, что он спихнет допотопного плута сейчас же, как только кончится сессия, причем будет ломаться как Борис Годунов и будет доказывать, что можно обойтись без него. Но, конечно, пойдет, чтобы добить исконную, русскую Россию. Таким господам она не дорога»¹⁷¹. По словам Маклакова, написанным в письме Щегловитову, самодержавие было «придавлено, обворовано проходимцами в роде жидовского кантониста Кривошеина и старого циника-плута в роде Грымзы». Делался печальный вывод: «Вместо самодержавия воцаряется — олигархия»¹⁷².

В Государственном совете Маклаков занял активную позицию. Он был единственным его членом, проголосовавшим против создания Особых совещаний. В начале ноября 1916 г. в консервативном салоне члена Государственного совета шталмейстера А. А. Римского-Корсакова, куда входили Н. А. Маклаков, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский, С. П. Белецкий и др.¹⁷³, была составлена написанная ярким экспрессивным языком записка о внутреннем положении России; в ней предлагалась программа преодоления сложившегося политического кризиса. Основным автором, по всей

¹⁶⁹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 176–177; Барк П. Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–80.

¹⁷⁰ Барк П. Л. [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 76–81.

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 500. Н. А. Маклаков — К. Н. Пасхалову, 30 июля 1915.

¹⁷² Из архива Щегловитова / Публ. И. И. Тоболина // Красный архив. М., 1926. Т. 4 (15). С. 112–113.

¹⁷³ Стогов Д. И. Ук. соч. С. 297.

вероятности, был М. Я. Говорухо-Отрок¹⁷⁴, однако оригинал текста записки имел личную правку Маклакова. Государственная дума обвинялась в открытых революционных поползновениях и организации «государственного, а весьма вероятно, и династического переворота». Предлагалось назначить на посты министров, начальников округов и военных генерал-губернаторов верных династии лиц, наделить представителей местной администрации полномочиями по удалению от должности всех неблагонадежных или проявивших «слабость или растерянность» чиновников; немедленно закрыть левые газеты с одновременным усилением поддержки правых, привлечь на сторону власти хотя бы одну из крупных умеренных газет; милитаризовать военные заводы, поставить под военный контроль учреждения Земгора и военно-промышленных комитетов с целью пресечения революционной пропаганды и финансовых злоупотреблений; ввести в столицах и крупных городах военное или осадное положение и военно-полевые суды, вооружить запасные батальоны гвардейских полков пулеметами и артиллерией на случай «подавления мятежа».

Также предлагалось распустить Думу без указания срока возобновления ее деятельности, изменить полномочия Думы и порядок ее выборов, удалить из Государственного совета всех членов Прогрессивного блока. Указывалось, что предусмотренный ст. 87, 112 и 113 ОГЗ порядок принятия законопроектов несправедлив: закон, даже проведенный в чрезвычайно-указном порядке, вносился на рассмотрение палат или терял силу, палаты имели право его не рассматривать или отклонить, любые вносимые правительством проекты палаты имели право не рассматривать, в то время как Монарх обязан был рассмотреть любые принятые палатами законопроекты. Предлагалось сохранить неограниченную свободу царских решений, до установления нового порядка Государственный совет должен был представлять Императору проект закона с указанием мнения большинства и меньшинства. Подводился итог: «Формула «Народу мнение, а Царю решение» является единственно приемлемой для России». Порядок выборов, предусмотренный положением 3 июня 1907 г., признавался неудачным; выдвигался проект одноступенчатых выборов кандидатов «от городских и уездных бытовых и сословных групп», незначительная часть которых «по жребию, а всего лучше, по Высочайшему соизволе-

¹⁷⁴ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927. Т. 5. С. 289.

нию» получала бы статус депутатов. Необходимо было выстроить в отношении Думы активную политику, для чего при премьере должны были появиться «особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству». Признавалось, что правительство, «за исключением лишь слабых попыток времен Столыпина, не вело в Думе, или, вернее сказать, с Думой никакой политики».

В документе в полном соответствии с запиской Дурново 1914 г. утверждалось, что либеральная оппозиция по своему поведению и нереалистичности программы не может представлять реальной угрозы для правительства: «сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». В случае прихода к власти и объявления «действительной конституции» либералы быстро уступили бы место социалистам, которые овладели бы сознанием рабочих и крестьян: «Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше, и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но, понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована судьба Галиции или Хорватской Руси». Записка была вручена Штюмеру для передачи Императору, но премьер не сделал этого, поскольку придерживался более умеренных взглядов. После этого записку Николаю II передал участник кружка Римского-Корсакова председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н. Д. Голицын¹⁷⁵.

26 ноября в разгар начавшегося парламентского «штурма власти» Маклаков выступил с речью в Государственном совете. «С самого начала войны началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа (...) Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести нас к разложению и распаду. (...) Это была ложь, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство поли-

¹⁷⁵ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Под ред. И. В. Гессена. Кн. 3. Т. 5. М., 1991. С. 337–343.

тической жизнью страны, ложь сознательная и едва ли не преступная», — говорил бывший министр. Делалось это, по мнению оратора, «для войны, но для войны с порядком, <...> для победы — но для победы над властью». Маклаков давал свой диагноз сложившемуся положению: «Отечество в опасности. Это правда, но опасность испарится, как дым, исчезнет, как наваждение, если власть, законная власть, будет пользоваться своими правами убежденно и последовательно, и если мы все, каждый на своем месте, вспомним наш долг перед Царем и Родиной». По поводу речи Н. А. Маклакова «Московские ведомости» написали: «Картина, им нарисованная, верна до последних деталей»¹⁷⁶.

21 декабря (вскоре после убийства Распутина) Н. А. Маклаков написал Царю письмо, в котором призывал, во избежание новой революции, призвать Думу к порядку. Он напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония. 1 января Маклаков был удостоен ордена Владимира II степени. Вечером 8 февраля 1917 г. министр внутренних дел А. Д. Протопопов передал Маклакову желание Императора о составлении текста манифеста о роспуске Думы. Маклаков и Протопопов вместе составили текст. Кроме того, Маклаков считал необходимым разработку мер противодействия той части населения, которая «сбита с толку» Думой и союзами и попытается оказать сопротивление. Маклаков считал, что этот вопрос должен был быть вынесен на рассмотрение Совета министров. Маклаков писал Царю: «Власть более чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее и ожесточеннее и наглее врага внешнего. «Смелым Бог владеет», Государь». Из текста проекта во фразе «вступила в... борьбу» были вычеркнуты слова «ожесточенную и недостойную»¹⁷⁷. Дальнейшего развития инициатива не получила.

Поздним вечером 26 февраля, когда в Петрограде уже начался военный мятеж, Маклаков вместе с членами Государственного совета А. Ф. Треповым и А. А. Ширинским-Шихматовым приехал на заседание Совета министров с призывом принять решительные меры против думской агитации¹⁷⁸. Через день Маклаков был арестован. В августе 1918 г. в преддверии неизбежного ареста

¹⁷⁶ Правые и левые // Московские ведомости. 29 ноября 1916.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. Л. 10–11об., 19–20; Д. 1003. Л. 1–2.

¹⁷⁸ Шаховской В. Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 186–187.

лечащий врач устроил экс-министру побег из больницы, где он пребывал, но, не желая подвести больничный персонал, Маклаков вернулся и был расстрелян чекистами¹⁷⁹.

Николай Алексеевич явно выбивался из череды министров третьеиюньского периода: своим характером, положением в Совете министров, поведением в отношении парламента, отношениями с Императором. Он так и не смог найти прочных союзников в правительстве или Думе, его положение определялось лишь личным доверием Николая II, которое, вероятнее всего, было неизменным в силу совпадения политического мировоззрения министра и его Монарха. Возможно, императорского любимца и можно было бы назвать «пламенным реакционером», но, в конечном счете, все предлагавшиеся им меры были лишь взяты из западноевропейского бюрократического арсенала XIX в. Также сложно сказать, могли ли они быть реализованы: с одной стороны, маклаковские проекты были достаточно решительны для своего времени, с другой — явно не более, чем столыпинские военно-полевые суды или третьеиюньский переворот. Говорить же о тех методах государственного управления, которые вошли в моду всего через три года после отставки Маклакова и жертвой которых он сам стал, вообще не приходится. В любом случае, хоть история и не подарила России своего Полиньяка, но в сравнении с ним Николай Алексеевич Маклаков смотрится несколько более внушительно.

¹⁷⁹ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 392.

М. А. КОЛЕРОВ

ПЁТР СТРУВЕ КАК МЫСЛИТЕЛЬ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Итоги двадцати пяти лет изучения в СССР и России политической биографии и творческого наследия одного из крупнейших русских политиков, экономиста, историка, философа и социолога, лидера «идейных сборников» «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) Петра Бернгардовича Струве (1870–1944)¹ противоречивы: с одной стороны, Струве стал признанным в России классиком русской общественной мысли, «Иоанном Крестителем всех наших возрождений», «родоначальником русского идеализма» в политической философии, основные труды которого собраны и переизданы²,

¹ Это изучение в СССР фактически было начато исследованием К. Ф. Шацилло, центральной фигурой в котором был П. Б. Струве: Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985. На Западе и в кругу русской эмиграции (особенно в кругу друзей и учеников Струве) интерес к его личности сопровождал его всю жизнь и не прекратился и после его смерти. В последние годы в России вышли в свет издания, связанные с рядом учеников Струве: Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001 (переиздание книги 1911 года); Цуриков Н. А. Прошлое. М., 2003; Зайцев К. И. (архимандрит Константин). Вернуться в Россию: Избранные статьи. 1923–1968. М., 2010.

² Самому Струве удалось лишь дважды составить и издать собрания своих избранных сочинений (Струве Петр. На разные темы. Сборник статей (1893–1901 гг.). СПб., 1902; Струве Петр. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911). Он

а его творческая биография стала известна больше и шире, чем её описал авторитетнейший исследователь Ричард Пайпс³ (воспроизводя ключевые ходы мысли самого Струве в своих трудах о России, Р. Пайпс, тем не менее, остаётся русофобом⁴, что при-

также издал три объемные монографии (Струве Петр. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. СПб., 1894; Струве Петр. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Т. 1. Хозяйство и общество. Цена — ценность. СПб., М., 1913; Т. 2. Часть 1. Критика некоторых проблем и положений политической экономии. М., 1916; Струве Петр. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913), по-прежнему ждущие своего современного профессионального издателя-историка и издателя-экономиста. Его наследники собрали еще три книги (П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Посмертно публикуемый незаконченный труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П. Б. Струве / [Сост. Г. П. Струве]. Париж, 1952; Струве П. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Paris, 1981; Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / Сост. А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004). В СССР первым собранием работ Струве (мемуарных и литературно-политических статей) стала брошюра, вышедшая тиражом в 84 000 экземпляров в приложении к массовому журналу «Огонёк» (подписана в печать 16 августа 1991): Струве Пётр. Скорее за дело! Статьи / Сост. А. Д. Романенко. М., 1991. Наиболее обширные современные переиздания избранных сочинений: Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова. М., 1997 (с приложением Предисловия П. Б. Струве к книге Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) и более поздних и наиболее известных статей); П. Б. Струве. *Избранные сочинения* / Сост. М. А. Колерова. М., 1999; Струве П. Б. *Patriotica*: Россия, Родина. Чужбина / Сост. А. В. Храшковского. СПб., 2000. Особенного внимания заслуживают качественные собрания специальных работ Струве, словно к тому и подготовленные, чтобы подтвердить мнение именно о профессиональном уровне энциклопедических знаний мыслителя: Струве П. Б. *Торговая политика России* / Сост. М. М. Савченко. Челябинск, 2007; Дмитриев А. *Эмигрантский диспут П. Б. Струве и А. Д. Билимовича // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М., 2007.

³ Pipes Richard. *Struve: Liberal on the Left, 1870–1905*. Camb. (Mass.), 1970; Pipes Richard. *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Camb. (Mass.), L., 1980 (Русский перевод: Ричард Пайпс. Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001; Ричард Пайпс. Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001). О русском переиздании этого труда Пайпса в контексте современных российских исследований см.: Б. М. Витенберг. По направлению к Струве // *Новое литературное обозрение*. № 67. М., 2004.

⁴ «Русские лишены исторической памяти... Русские вообще не очень любят углубляться в свою историю. Мои книги переведены на русский язык,

даёт его фундаментальному исследованию в целом более идеологический, нежели исторический характер).

Но с другой стороны — контекстуализация и собственно критическое исследование текстов Струве, на фоне их преобладающе догматического изложения⁵, лишь начались (более в источниковедческом плане⁶ и в связи с упомянутыми «идейными сборника-

но продаются там слабо» (Русским нужен правитель: с Ричардом Пайпсом беседовал Петр Зыхович (Rzeczpospolita, Польша, 7 ноября 2007) // www.inosmi.ru/translation/237696.html).

- ⁵ Жуков В. Н. Идеи либерального консерватизма П. Б. Струве // Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм; Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; О. К. Иванцова. *Философия либерального консерватизма: Опыт историко-философского анализа наследия П. Б. Струве*. М., 2004; Белов С. В. *История одной «дружбы»* (В. И. Ленин и П. Б. Струве). СПб., 2005; Ананьев О. В. *Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество*. СПб., 2009; Гамбург Г. М. Л. Толстой, «Вехи» и П. Б. Струве в 1909 г. // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. М., 2011 и другие. К счастью, определение «догматический» в применении к анализу взглядов Струве менее всего относится к исследователям истории экономических учений и места в ней Струве. См.: Афанасьев М. П. *Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики*. 1994. № 12. Дмитриев А. Л. *Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии*. Кн. II. Из истории экономики. СПб., 2001; Савченко М. М. П. Б. Струве // П. Б. Струве. *Торговая политика России*.
- ⁶ Публикации и републикации текстов: *Материалы к творческой биографии П. Б. Струве // Вопросы философии*. 1992. № 12; Петр Струве. [Набросок рецензии на сборник «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (1922)] // *Исследования по истории русской мысли*. [1] Ежегодник за 1996 год. СПб., 1997; Локтева О. К. *Политический семинар П. Б. Струве (Прага, 1924) // Исследования по истории русской мысли* [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998; *Русский социал-демократ Немо [П. Б. Струве]. Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892)*. Приложения: Петр Струве: 1. *Письма о нашем времени (1894)*, 2. *Усложнение жизни (1899)*, 3. *О нашем времени*. I. *Высшая ценность жизни (1900) // Исследования по истории русской мысли*. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; Проект «Библиотеки Общественных Знаний» (1918) // Там же; Струве Петр. *Палач народа (1905) // Там же; Струве Петр. Карл Маркс и судьба марксизма (1933) // Там же; Плотников Н. С. Петр Струве. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm (1898) // Там же; А. Чусов, Н. Плотников. П. Б. Струве. *Марксизм и теория социального развития (1898) // Там же; Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли*. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009. Переписка: Брюсов В. Я. *Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив*. Выпуск V. М; Л., 1960; Франк С. Л. *Письма к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) // Путь*. № 1. М., 1992; Розанов В. В.*

ми» и издательскими проектами или дружеским кругом⁷), а жизнь

Письма к Н. К. Михайловскому [1892] и П. Б. Струве [1917] // Вопросы философии. 1992. № 9; Потресов А. Н. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; Испытание революцией и контрреволюцией: Переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925 // Вопросы философии. 1993. № 2; Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) [1899–1905] // Лица. З. М.; СПб., 1993; Булгаков Сергей. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) // Новый Круг. №3. Киев, 1993; Струве П. Б. Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) // Вестник Московского университета. Сер. 8, история. 1994. № 4; А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве [А. В. Кривошеину, 1915] / Публикация С. В. Куликова // Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994; К истории национал-большевизма: письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995; Письма И. А. Ильина к П. Б. Струве [1922–1927] / Публ. В. В. Бойкова и Н. А. Струве // Вестник РХД. № 171. I–II. 1995; Пять писем Н. А. Бердяева к П. Б. Струве (1922–1923) // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; Антощенко А. В. «Каждый обязан бороться на своем месте»: Письма П. Г. Виноградова к П. Б. Струве. 1902–1904 гг. // Исторический архив. М., 2000. № 5; Франк С. Л. Три письма к П. Б. Струве (1921, 1925) // Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002; С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; Новгородцев П. И. Письма к П. Б. Струве (1921) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; Письма Ю. Н. Рейтлингер (сестры Иоанны) к П. Б. Струве // Вестник РХД. № 197. II. 2010. Публикации (кроме последней), осуществлённые М. А. Колеровым, в этом примечании даются без указания авторства.

⁷ Максимова В. А. «Новое Слово» и «Начало» // Литературный процесс и журналистика (1); Колеров М. А. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1991. № 5; Колеров М. А., Плотников Н. С. Примечания // Вехи; Из глубины. М., 1991; Колеров М. А. Еще одно мнение русского о Гуссерле [П. Б. Струве] // Логос. № 3. М., 1992; Колеров М. А. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De Visu. 1993. № 9; Плотников Н. С., Колеров М. А. Макс Вебер и его русские корреспонденты // Вопросы философии. 1994. № 2; Колеров М. А. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10; Колеров М. А. Почему П. Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // De Visu. 1994. № 5/6; Колеров М. А. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) // Вопросы философии. 1995. № 8; Колеров М. А. Новые материалы к истории полемики С. Л. Франка и П. Б. Струве (1921–1922) // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995. М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; Колеров М. А. Русские писатели и «Русская Мысль» (1921–1923) // Минувшее. 19. М.; СПб., 1996; Колеров М. А. «Русская Мысль» (1921–1927). Роспись

описана⁸ — в целом, в соответствии с её мифологизацией самим Струве⁹, в историсофском «пересоздании» своей жизни бывшим

содержания // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 1996. СПб., 1997; Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Новый Путь (1904) / Вопросы Жизни (1905); Народ (1906); Полярная Звезда (1905–1906) / Свобода и Культура (1906); Живая Жизнь (1907–1908). Росписи содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999; Плотников Н. С. Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма [1902]. М., 2002; Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; А. Н. Потресов. Избранное / Сост. Д. Б. Павлова. М., 2002; Гапоненков А. А., Клейменова С. В., Попкова Н. А. Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание, Указатель содержания за 1907–1918 гг. М., 2003; Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; Франк С. Л. Саратовский текст / Сост. А. А. Гапоненкова, Е. П. Никитиной. Саратов, 2006; Казнина О. Газета П. Б. Струве «Возрождение»: к вопросу о независимости печатного слова в эмиграции // Периодическая печать российской эмиграции. 1927–2000 / Под ред. Ю. А. Полякова и О. В. Будницкого. М., 2009; Колеров М. А. О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А. А. Кизеветтера к П. Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009; Н. С. Плотников. Кант и Ницше, или Автономная личность и сверхчеловек. Антиномии персональности в русском философском критицизме рубежа XIX–XX веков // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010.

⁸ Ижболдин Б. С. П. Б. Струве как экономист // Новый журнал. № 9. Нью-Йорк, 1944; Николаевский Б. И. П. Б. Струве // Новый журнал. № 10. Нью-Йорк, 1945; Гайденко П. П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // Вопросы философии. 1992. № 12; Колеров М. А., Плотников Н. С. Творческий путь П. Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12; Зотова З. М. Петр Бернгардович Струве // Вопросы истории. М., 1993. № 8. Базовые взаимодополняющие биографические справки см.: Колеров М. А. П. Б. Струве // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995; Колеров М. А. П. Б. Струве // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997 и др., восходящие к ним. Главные библиографии см.: Richard Pipes. Struve: Liberal on the Right. P. 467–510 (отдельно: Bibliography of the Published Writings of P. B. Struve / Ed. By Richard Pipes. Harvard University, 1980); Кондакова И. А. «Он не был бунтарем...» // Советская библиография. 1991. № 6. С. 85–107 (с многочисленными опечатками); Гнатюк О. Л. П. Б. Струве. Библиография печатных работ и исследований о его творчестве // Вече. Альманах русской философии и культуры. 11. СПб., 1998; Нарбут А. Н. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20).

⁹ Мемуарные свидетельства даны в десятках газетных и журнальных статьях Струве. Самый крупный их корпус см.: Struve P. My Contacts and Conflicts with Lenin // Slavonic Review. XII, XIII (№№ 36, 37). L., 1934 (Русский

едва ли не пионером целой русской традиции, в XX веке ярко представленной очерками и мемуарами Н. А. Бердяева, С. Л. Франка¹⁰, Г. В. Флоровского, В. В. Зеньковского, Н. М. Зёрнова, Н. О. Лосского и других, которым на деле принадлежит авторство общепринятого рукотворного образа русской философии.

Всякий исследователь истории русской мысли рубежа XIX–XX вв. так или иначе оказывается в ситуации методического самоопределения. И предмет исследования, и история русской науки последних десятилетий ставят его в весьма затруднительное положение. Предмет исследования неизбежно влечет его к междисциплинарной историко-философской, историко-филологической, философско-филологической работе. Но сохраняющиеся в России междисциплинарные перегородки делают чрезвычайно затруднительным такое синтетическое исследование. Понимание единства и неделимости Текста, жизни и творчества, быта и сознания, риторики, ритуала и личной свободы, утвержденное философской и филологической наукой в сознании специалистов, оказывается не очевидным для историков мысли. Преподаваемая исторической и филологической практикой архивно-текстологическая дисциплина — неведомой для историков философии. Достоянием почти только философов остаются осознание первенствующей роли языка, терминологическая ясность и понятийная систематичность. Лишь у немногих, помимо историков, не вызывает сомнений преобладающее влияние исторического контекста на слова и поступки исторических деятелей. И, пожалуй, лишь филологам доступно практическое умение видеть в целостном тексте взаимопересечение аллюзий и цитат, всю неожиданную силу диктата внешней формы слова и подтекста.

Мучительная несоединённость перечисленных дисциплинарных достижений в едином гуманитарном исследовании, кажется, ярче всего в истории русского XX века демонстрируется на опыте исследования наследия Струве. В современной России нет «конгениального» ему исследователя, который мог бы соединить профессиональные, на грани энциклопедических, знания русской и европейской истории Нового и Новейшего времени (в части

перевод: Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Париж, 1949. № 9, 10, 12).

¹⁰ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. (В переиздании восстановлено аутентичное название «Воспоминания о П. Б. Струве», см. в сб.: Франк С. Непрочитанное... / Сост. А. А. Гапоненкова и Ю. С. Сенокосова. М., 2001.)

внутренней и внешней политики, экономики, политических институтов и публицистики, русской эмиграции, социалистического и либерального движений), истории экономической и естественнонаучной мысли, истории философии и социологии. Всего этого требует интегральное исследование наследия Струве, ибо всё это было предметом его Текста и его научной и политической практики. При этом, более чем в случае с «чистым» политиком или «чистым» философом, целостный Текст Струве, известного своим редкостным активизмом, многочисленными институциональными проектами, оставившего весьма значительное архивное наследие, уже явлен во всем разнообразии исторических источников — от частной жизни до терминологических и образных заимствований, а его каждый практический или мыслительный поступок в преобладающей степени продиктован его идейно-историческим контекстом, констелляцией факторов, и главное — явлен в живой эволюции, весьма напряжённом историческом развитии, почти исключаящем (столь принятое в струвиане) догматическое соединение фрагментов текста в искусственный пазл.

В этой ситуации подлинный, исторический Струве — чрезвычайно удачный «партнёр» для исследовательского преодоления (как минимум, существенного уточнения и дополнения) наших знаний об эпохе и её идейной борьбе, общекультурных мифологем и собственного автобиографического творчества Струве. По словам близкого знакомого Струве — гегельянца и социал-демократа А. М. Водена, такое исследование полноценно лишь тогда, когда проводится совершенно «безотносительно к дальнейшему»¹¹, когда «живёт» жизнь своего героя вместе с ним: впервые, с непредсказуемым результатом, рискуя, через фокус личной воли, исполняющей воспитавший её контекст и посылно преодолевающий его.

Известно, что Петру Струве, начиная с его ранних, марксистских сочинений, было присуще особое внимание к своему «месту в истории», общественному и историческому значению своих трудов в области развития идей не только в России, но даже и в интернациональном (марксистском) контексте. Нельзя сказать, что у Струве не было оснований для таких амбиций, тем более что в интернациональной марксистской практике конца XIX — первой трети XX в. наделение отдельных, чуть ли не единичных, персоналий признаками «классовых», партийных, идейных течений, вменение им функций выразителей внеличных условий

¹¹ А. М. Воден. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. М., 1927. Т. 3. С. 17.

и закономерностей, — было обычным делом. Но фактом является и то, что такой «вождизм», претензия Струве на интеллектуальное лидерство, которые делали событием общественной идейной истории даже его личную идейную эволюцию, обрекла его на вечное, внепартийное политическое одиночество. По сравнению с этим непреодолимым одиночеством особое значение приобретают акты идейной солидарности со Струве огромного круга выдающихся русских мыслителей, писателей, учёных — в «идейных сборниках» и повременной печати, позволяющие исследователям говорить, как минимум, о традиции «веховства», в которой с разной степенью приближения вращались творческие судьбы столь различных мыслителей, как Струве, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, Е. Н. Трубецкой, Г. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский, А. С. Изгоев, ранний Н. В. Устрялов, ранний Ю. В. Ключников, ранний П. Н. Савицкий и др. Какова же была, если говорить марксистским языком начала XX века, «платформа» этого единства? Представляется, что ею стало само динамическое идейное развитие Струве и группы близких ему мыслителей, которые — в рамках политического лево-либерального «освободительного» консенсуса проделали путь не просто «от — к» («От марксизма к идеализму» Булгакова (1903), от атеизма к церковности, от материализма к метафизике, от революционности к консерватизма)¹², а путь расширения инструментария исследования и принципов преобразования общества, определения его личностных и государственных приоритетов: от прикладного экономического анализа — к универсализму, от схематического социально-экономического и политического конфликта — к поиску высших ценностей, создающих саму социально-экономическую и политическую плоть общества: личности, собственности — и права, культуры, религии. Историзм и единство экономического, правового, культурного, социального и философского исследования общества и принципов его преобразования — вот что представляется наиболее существенным вкладом Струве в современную ему русскую культуру. Институционализация этого подхода в практике энциклопедических по замыслу «идейных сборников», проектах «непартийных и общенародных» партий, повременной (периоди-

¹² См. зависимость такой линейной схемы от публицистического языка эпохи: «От обороны к нападению» Г. В. Плеханова (1910), «На пути к государству будущего: От либерализма к солидаризму» Г. К. Гинса (1930). Потому и не стоит автоматически следовать навязанной схеме «эволюции от А к Б».

ческой) печати позволяла преодолеть отмеченный струвеанский «вождизм» с пользой для создания целостной инфраструктуры русской мысли.

Особая связь общественных проектов Струве с современным им пафосом социализма, политического, экономического и культурного прогресса, науки, даже в значительной степени усложнённого попытками Струве сориентировать этот пафос в направлении национализма и империализма, неожиданным, но естественным образом делали Струве фигурой компромисса и консенсуса, легко примирали с его амбициями десятки других, не менее амбициозных деятелей.

В конце 1906 года, год спустя после громкого и конфликтного политического и полгода спустя после парламентского дебюта крупнейшей русской либеральной партии (кадетской), один из её основателей Струве, не рискуя встретить массовое непонимание однопартийцев (собственно, принципиально мало заботясь об этом), говорил в докладе «Идеи и политика в современной России»: «Смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, — и всего человечества), в интересах всестороннего развития личности... в нашей партии могут быть и работать убежденные социалисты, хотя доктринального лозунга социализма она и не написала на своем знамени...

Социализм в настоящее время должен бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основании которой определяется доброкачественность человека, его приверженность к известным идеалам реально осуществляемым политикой. А, с другой стороны, социализм должен бы перестать быть тем пугалом, каким он был прежде. Ибо в настоящее время, в начале XX столетия, после всего того огромного опыта, социального и политического, который имеет теперь человечество, после той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятие «социализм» может смущать и пугать только, как бы выразиться деликатнее, только... старых и слабонервных дам обоего пола... Происходит крушение доктринального социализма: всякий внимательный наблюдатель развития германского социализма должен констатировать неудержимую тенденцию в этом направлении. В связи с этим крушением должна измениться тактика германского социал-демократизма и должны открыться перспективы для создания именно того «блока» [т. е. к.-д.]: общественных сил, который в России считается непрочным... — внеклассового объединения

демократических элементов на широкой либеральной и демократической программе». Апеллируя к личному социалистическому опыту большинства из коллег, Струве уверял их, что вполне возможно «быть настоящим социал-демократом, т. е. стоять за идею классовой борьбы, как руководящую идею политики, и в то же самое время начисто отрицать революционизм»: «Наша партия либеральная: она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для всякой личности и потому она демократична. И, в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а наоборот, утверждает в своей программе действительную, практическую идею социализма. В то же время она есть партия не классовая, а национальная».

Таким образом, Струве, в категорическое отличие от большинства идейных вождей его времени, апеллировал не к очередной партийной догме, клановому или классовому «писанию», сектантской дисциплине, тем менее — к авторитету, а к жажде не только внешних, но и внутренних перемен, к внутреннему развитию, как движителю политической и культурной борьбы. В этом видится центр того динамического консенсуса, который делал Струве, как это сказали в России начала XXI века, не только инициатором, организатором, идеологом, но и «оператором» и «модератором», запрограммированным на большую идеологическую терпимость (гибкость) ради утверждения неполитических ценностей.

Общие корни этого динамического консенсуса, принятого большинством тех, кто в России сотрудничал в многочисленных проектах Струве, лежат в социальной критике конца XIX века, получившей наивысшее выражение в учениях и практиках социализма, который стал развитием, естественным спутником и врагом индустриализации, национализма, милитаризации, позитивизма и пафоса естественных наук XIX века в Европе и Северной Америке. Уникальное место Струве в сердцевине этого консенсуса в России было обеспечено не столько его энциклопедизмом, сколько его сознательной, последовательной работой по инструментализации и институционализации практической философии. В этом было то новое, что Струве, не всегда обоснованно считавший себя искушённым в практической политике и общественной борьбе, вносил в философскую повестку дня, ради чего он, вдохновляясь, в том числе, примером «Национального вопроса» Владимира Соловьёва, навязывал брак философии и политике. Этому служила и его «наука перемен», легитимность идейной эволюции, которая, благодаря укоренению политической идеологии в философски продуманных принципах, получала

новую свободу для *real-politik*, самим Струве не вполне ловко сформулированной в апологии «компромисса» и находчиво возведённой к аристотелевской «*месотес*» (середине)¹³. Струве же дал и важное разъяснение применимости его политической философии к прикладному политическому анализу, когда в после-революционной полемике с Бердяевым упрекнул его в «коротком замыкании», производимом произвольным сближением философских принципов с политической практикой, в результате которого обесмысливается и одно, и другое.

Важно, что принципиальная «неотмирность» идейного пути Струве чаще всего избегала такого «короткого замыкания» с практикой и на деле хорошо описывается формулой, данной самим Струве своим целям: «свобода и Россия», политическое и экономическое освобождение страны во имя её политической, экономической и культурной мощи, «свобода лица и хозяйствования», укрепляемая сильной властью внутри страны и экономическим империализмом вовне. Похоже, что Струве (и зависимая от его самооценок историография и апологетика) избрал итогом своей жизни утверждение принципов либерального консерватизма (национал-либерализма) и шаг за шагом, от книги к книге, от статьи к статье подчинил этой политической идее свои социологические, экономические и религиозные взгляды. И обаяние этой авторской «системы», проникающей все зрелое творчество Струве от публицистических до литературоведческих штудий, преодолеть очень трудно.

Но Струве не создал «системы». И вся железная логика и последовательность принципов Струве в его творчестве выявлена очень слабо и на деле всегда останется результатом систематизирующих усилий исследователей и интерпретаторов, буквально по фрагментам, «археологически» восстанавливающих его мировоззрение. Стоит ли говорить, что в этой своей идейной археологии исследователи невольно следуют яркой и весьма жесткой схеме авторского мифа, сжато обрисованного в ряде полемических самооправдательных статей и поздних мемуарных лакировочных заметок. Именно благодаря авторскому мифу сложная идейная эволюция оказывается задним числом подчинена некоей исходной интуиции, с юных лет и до старости руководившей Струве. Себя и свой труд, наряду с трудами И. А. Ильина, он отнес к «традиции русской, свободолобивой и охранительной в одно и то же время, государственной мысли

¹³ Удивительно, но и поныне некоторые политические силы в современной Греции, кстати, своим локальным географическим центром считающие Салоники, возводят свои политические принципы к упомянутой «*месотес*».

от Карамзина и Пушкина до «Вех», «Московского Еженедельника» братьев Трубецких и моих «Patriotica»...»¹⁴. Точно так же Струве сформулировал, а Ричард Пайпс всем доступным материалом проиллюстрировал ту простую мысль, что Петр Струве, прошедший сложный путь от марксиста, ревизиониста, социалиста, социал-либерала до националиста, либерал-консерватора и почти монархиста, всего лишь последовательно (то слева, то справа) выявлял обе грани своего изначального кредо: либерализма и национализма. Автору этих строк довелось первым опубликовать юношеский дневник Струве, в котором он, четырнадцатилетний, называет себя «национал-либералом, либералом почвы»¹⁵ — и тем оказать решительную поддержку всем, кто хотел бы утвердить непротиворечивость пути, тем, кто готов успокоиться на построении статической и апологической «системы» Струве. Но возвращение зрелого человека к формуле, еще в юности позаимствованной из наследия Ивана Аксакова, не исключает жизненных зигзагов, непредсказуемости идейного развития, глубокой неудачи общественного пути.

Струве признавался жене уже в эмиграции, в 1920-е гг.: «Во мне есть какое-то эпикурейство, мешающее объективировать процесс думания. А с другой стороны, какая-то аристократическая требовательность, требующая непременно чего-то в роде «перла создания». (...) Я всего больше наслаждаюсь, в одиночестве думая свои думы и когда их надумал, то они мне уже надоели. Это один человек во мне, а другой, активный, общественный, требует «объективирования», какого-то воплощения, выявления вовне субъективного процесса созерцания, переживания и думания»¹⁶.

Струве так и не создал системы, а политический труд его и идейная проповедь не принесли ему никакого внешнего успеха, год за годом сокращая число и без того немногочисленных сторонников. И для апологии нет оснований. Триумфально дебютировав в качестве одного из интеллектуальных вождей русского марксизма (с числом сторонников в две — три тысячи рассеянных по стране социал-демократов) — в двадцать четыре года, в двадцать девять Струве возглавил ревизионистское «критическое направление» в марксизме, быстро ставшее уделом избранной сотни интелли-

¹⁴ Струве Петр. Дневник политика. 211 (10). «Русский Колокол» И. А. Ильина // Россия. № 6. Париж, 1 октября 1927.

¹⁵ Колеров М. А., Плотников Н. С. Творческий путь П. Б. Струве. С. 91. Публикация: Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Ед. хр. 101. Лл. 118 об. — 119.

гентов. В тридцать два, в числе среди своих единомышленников, которых было не больше десятка, Струве порвал с партийным марксизмом и отдался строительству недолговечного социалистического «идеалистического направления» в освободительном движении, так и не вышедшего за пределы кружка. В тридцать пять, в 1905-м, Струве выступил как либерал, тщетно пытавшийся оторвать кадетов от генетической близости к революционным социалистам, и с тех пор, даже в своей, кадетской, партии оставался в глухой оппозиции на правом фланге. В сорок семь, в 1917-м, он безуспешно призывал к правому реваншу; в пятьдесят — среди немногих интеллигентов проповедовал диктатуру Врангеля. В пятьдесят пять — положил свою репутацию на весы заведомо маргинального право-монархического объединения. Неудачно. Вся жизнь Струве в эмиграции была полна общественно-политических неудач: возобновленный журнал «Русская Мысль» и юбилейный сборник в честь Струве не нашли спроса; идейная полемика привела к разрыву с некогда ближайшими учениками Бердяевым, Франком, Изгоевым, Савицким попытки подчинить свой либерализм монархической риторике и выстроить единый фронт с правыми националистами увенчались политическим одиночеством; заигрывания с идеологией фашизма подвергли серьезному испытанию его репутацию... Казалось бы, о каком творческом успехе может свидетельствовать такая биографическая канва? С этой точки зрения нового прояснения требуют и догматически воспринятые в мемуарной и исследовательской литературе авторские квалификации, даже те, что находят абсолютные текстологические подтверждения в интимной творческой биографии Струве. Но анализ основных характеристик Струве заставляет отделить авторское творчество, вернее — «пересоздание жизни», от его судьбы, именованное — от исторической роли.

Струве — марксист и социалист. В качестве марксиста Струве очень рано и очень быстро достиг мирового (в то время — преимущественно немецкого) веса и качества, но из-за внутрипартийного конфликта с Лениным расставшись с политической формой тогдашнего марксизма — социал-демократией, не устоял перед искушением и принял недобросовестное и исторически бессмысленное именование «легального марксиста» — для того периода своего марксистского творчества, когда он стоял едва ли не вровень с такими признанными его авторитетами, как Э. Бернштейн и К. Каутский, и пользовался интеллектуальным доверием самого Энгельса. При этом сам же после этого сообщал, что, перестав быть (в партийном смысле) марксистом, социалистом быть не перестал. Но каким социалистом? В области политической экономики, социологии и социальной критики тогдаш-

ний европейский интеллектуальный консенсус был невыносим без большей или ещё большей индоктринации социализмом как учением о социальной справедливости, обобществлении производства, классовой политической борьбе. Но, в отличие, например, от Булгакова (и целой идейной традиции неонародничества — социалистов-революционеров), во внутримарксистской полемике отвергнувшего экономическую перспективу обобществления и концентрации земледелия, Струве так и не дал внятный ответ, насколько реалистичным он представляет себе социалистический экономический идеал. Струве до конца жизни чувствовал свою первичную психологическую связь с социалистическим движением, но, по-видимому, тем движением, как оно создавалось и росло в Англии, Франции и Германии, — то есть уже легитимной частью политической системы или легитимного её социалистического перерождения. Ясно и то, что претензии ленинского, коммунистического и советского «диалектического материализма» и «исторического материализма» (во времена Струве называвшегося «экономическим материализмом») на вменение их марксизму в качестве неотъемлемых признаков его полноценности не могут служить мерилем для оценки марксистской «полноценности» Струве, хотя именно деятели диамата и истмата и создали миф о «легальном марксизме» и тем самым придали прикладной сфере бытования идей историко-философский смысл.

Струве — либерал. И в этой квалификации нет сомнения, ибо Струве не только вырос из среды русских либеральных кружков, никогда не порывал с ними связи, но и стал одним из отцов-основателей крупнейшей русской социал-либеральной (лево-либеральной) Конституционно-демократической партии. Более того — в отличие от абсолютного большинства своих либеральных коллег, пожалуй, только Струве, исторически поздно, но идейно точно, увязал либеральные принципы «свободы лица» и политической свободы с требованием собственности, поставив эту собственность не только в центр требуемой политической системы, но и в центр государственности и патриотизма. Однако же ни Струве, ни тем более его либеральные коллеги так и не приблизились к идейной инструментализации собственности как именно массовой, выстроенной на равенстве прав и экономической свободы: к пониманию массовой собственности подходили лишь неонародники с их «трудовой собственностью» крестьянского большинства, но лишь подходили. В либеральном учении Струве практического понимания собственности нет.

Струве — экономист. Историки экономической мысли, главные в России специалисты по экономическим воззрениям Струве (упомя-

нутые М. П. Афанасьев, А. Л. Дмитриев, отчасти О. В. Ананьев), так и не решились оценить вклад Струве в фундамент экономической теории и её либерального извода как выдающийся. При том, что генетическая связь Струве с австрийской (психологической) школой политической экономии, и более того — его собственное учение о цене как результате сведения к общему бесконечного множества индивидуальных оценок ценности товара, то есть радикальная индивидуализация такой универсалии, как «невидимая (слепая) рука рынка», заставляет видеть в мировоззрении Струве глубокие основы для утверждения им свободы личности и вообще свободы.

Струве — стратег. Если не считать поражающего исторической точностью предсказания Струве, сделанного им после русско-японской войны 1904–1905 и революции 1905 года, о том, что если власть империи будет по-прежнему бороться с революцией с помощью реакции, то следующей войны и революции империя не переживёт, то главным стратегическим убеждением Струве стала его либерал-империалистическая теория «Великой России», совмещающая внешний империализм с самым широким внутривнутриполитическим либерализмом. На изложении этой формулы исследователи чаще всего и останавливаются свой анализ. Но для настоящей оценки наследия Струве важнее напомнить, что главным направлением имперской экспансии России Струве выбрал территорию клонящейся к закату Османской империи: Проливы, Ближний Восток. При этом исследователь обязан знать, что в 1908 году, когда формулировалась эта идея, уже год как Россия имела с таким трудом достигнутое соглашение с Британской империей, а показывая вектор экспансии на Ближний Восток, Струве явно наносил идейный удар и по союзным России Англии и Франции, и по всё более враждебной Германии. И всё это в то время, как Струве не проявил адекватной заботы о стратегической безопасности России ни на Западе, где ей противостояла солидарная немецкая мощь и вечно слабое звено русской Польши, ни на Востоке, ни — что оказалось важнее всего и к чему тщетно взывал в 1907 году Д. И. Менделеев — в центре, внутри России, в её перспективном и спасительном урало-сибирском промышленно-ресурсном тылу. Так, игнорируя имперские реальности, на деле и превращался миметический (по английскому и немецкому образцу) либерал-империализм Струве в абстрактное схемотворчество.

Струве — политик. Слабый лектор и часто путающийся оратор, публично политически часто действующий невпопад, выступающий с абстракциями, адресованными живой толпе. Одиночка

во всех партиях, где бы он ни строил свою политическую карьеру. Можно было бы сказать, что он и не строил карьеру, но столь бесперспективно и нерационально и отчаянно сделанный им в эмиграции переход к экстремальному монархизму и холодной, «головой», не вполне искренней церковности — доказывали, что он делал это из политических соображений необходимости широкого национального объединения русской эмиграции от правых социалистов и левых либералов — до монархистов и крайних националистов. Проект этот, как известно, не удался. Дефицит политического чувства, заставивший Струве «сыграть» в церковность и монархизм, стал началом его политического конца, от которого он так и не смог оправиться и в 1920–1940-х отступил в университетский свой энциклопедизм, выступая со всё более неуместными политическими лозунгами. Что главного сделал Струве как политик? Видимо, главным его политическим делом стал гуманитарный, а не политический, подвиг, когда он, за несколько месяцев до крымской катастрофы 1920 года, будучи начальником Управления внешних сношений (МИД) правительства Врангеля и используя свои старые социалистические связи во Франции, добился от Франции официального признания Врангеля и так обеспечил помощь Парижа по эвакуации 140 тысяч русских граждан из Крыма и тем самым спас десятки тысяч из них от вернейшей гибели в «красном терроре».

Струве — националист. Главным практическим итогом его политического национализма, порождённого в творческом соединении Владимира Соловьёва с Фихте, стал разрыв с главной либеральной, кадетской партией в 1915 году. Вступив в острый публичный идейный конфликт с украинцами в русском либеральном движении, которые в нём составляли львиную долю активных сил и к которым принадлежали, например, такие старые коллеги Струве, как Кистяковский, Вернадский, и которым сочувствовали такие старые друзья Струве, как В. Г. Короленко и М. И. Туган-Барановский, Струве остался в своей среде практически в одиночестве. Но и это не самое страшное, трагическим было острейшее непонимание того, что украинский вопрос, традиционно обременённый подрывными усилиями именно на западной границе империи из Германии и Австро-Венгрии, обременённый польской проблемой, не может быть решён книжной формулой, как это показалось Струве и как это следовало из его слишком книжного национализма. Национальный вопрос, в тесной связи с проблемой Империи («Великой России») решительно легитимированный Струве в позитивной повестке

дня России 1910-х годов¹⁷, где он прежде ретранслировался в изложении марксистского взгляда на многонациональность Австро-Венгрии, приобрёл собственную, независимую от теоретизирований логику. И разорвал империю на куски. И именно русский, так и не ставший вполне политическим, национализм белых правительств значительно помешал им в 1918–1919 годах достичь соглашения с локальными националистами — и тем самым победить в Гражданской войне.

Успехи ли всё это для мыслителя? Думаю, главным успехом для мыслителя следует считать не процент полученных им голосов и число завоёванных столиц, а влияние. И по влиянию на современников и на то поколение русской общественной мысли, что сформировалось в 1900–1920-е годы, Струве может сравниться с Владимиром Соловьёвым. Разница только в том, что для многих Соловьёв был знаменем, а Струве — старшим союзником и учителем. Пережитая им эволюция от марксизма к (чаще правому, чем левому) либерализму стала столбовой дорогой для значительной части русской интеллигенции, динамика его мысли (а отнюдь не статическая «система»!) стала одним из важнейших источников таких известных идейных движений, как «идеализм», «веховство», национал-большевизм, евразийство. В каждом своем увлечении Струве становился первым, идейным вождем, организатором. Но организатором отнюдь не «партийной ячейки» с уставом и партийной дисциплиной. И в каждый период своей жизни, сбрасывая кожу предыдущих увлечений, создавал идейный прецедент, на котором уже независимо от воли Струве воспитывались следующие поколения. Пожалуй, не было в 1890-е годы в России книги, вызывающей столь содержательные и бурные споры, послужившей столь универсальным руководством к самообразованию в области новейшей западной социально-экономической и философской науки, чем дебютные «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Струве-марксиста. Гимназист 1890-х, впоследствии заметный общественный деятель, вспоминал: «Для моего поколения... имя Струве ближе и дороже имен Белинского и Герцена. Струве связал русскую мысль с европейской мыслью, часто опережая последнюю (вспомним хотя бы русский

¹⁷ См. материалы к этому: «Проблемы Великой России» (1916). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999; «Национальные проблемы» (1915). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / Сост. М. А. Колерова. М., 2000.

и немецкий “ревизионизм”»¹⁸. В 1902–1905 — таким же соединением манифеста и учебника, имевшим не столько общественное, сколько интеллектуальное влияние, служил инициированный Струве сборник «Проблемы идеализма». В 1908–1916 — столь же «провоцирующей» философские, экономические, военно-политические построения стала статья Струве «Великая Россия». Влияние составленного, в основном, союзниками Струве сборника «Вехи» (1909) на мысль 1920-х годов, «сменовеховство» и «евразийство» известно, но исследовано еще недостаточно. Русский современник писал в это время: «После 1917 г. Струве стал “политическим мозгом” антибольшевизма, и сейчас он крупнейший политический писатель эмиграции. Струве, несомненно, один из самых блестящих политических философов нашего времени... Влияние Струве на политическую и историческую мысль было огромным»¹⁹.

Неожиданным и законным свидетельством не-политического (но не менее глубокого), интеллектуального признания Струве стало избрание его в 1917 году академиком Российской академии наук — человека, фактически не окончившего курса университета, занимающегося наукой от случая к случаю, почти «любительски», избрание, произошедшее считанные годы после защиты им магистерской диссертации, месяцы спустя после формальной и спешной защиты докторской в провинциальном университете. Крупнейший русский экономист и статистик А. А. Чупров так обрисовал научные заслуги нового академика: «П. Б. Струве является одним из выдающихся представителей современной экономической науки. Перечень его ученых трудов свидетельствует о том широко захвате, который обнаруживает его научная деятельность. Внимание П. Б. Струве привлекают и отвлеченные проблемы экономической теории и конкретные вопросы истории хозяйственного быта: ряд его работ посвящен выдвигавшимся жизнью задачам хозяйственной политики. Кроме того, не ограничиваясь областью специально экономического значения, П. Б. Струве уделял также силы выяснению общих начал социальной науки. (...) Труды П. Б. Характеризуются не только глубиной философской культуры и самостоятельностью творческой мысли, но также исчерпывающе обширной и разносторонней эрудицией и неуклонным стремлением к технической «чистоте» работы:

¹⁸ Лутохин Д. Публицист-академик (К юбилею Струве) // Руль. № 725. Берлин, 1923.

¹⁹ Святополк-Мирский Д. Современная русская литература [1925] // Д. Святополк-Мирский. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / Пер. Р. А. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 723.

П. Б. с равным увлечением отдается и напряженным размышлениям на самые общие темы в области своей специальности и тем, кропотливо-«мелочным» изысканиям, пренебрежительное отношение к которым так еще распространено, к сожалению, в кругах наших ученых-обществоведов, свидетельствуя о недостаточно строгой научной школе. (...) Как исследователь исторического развития хозяйственных отношений П. Б. ценен тем, что, приступая к материалу во всеоружии экономических знаний, он умеет объединить наблюдаемые факты представляющие интерес для экономиста категории и осветить экономической теорией взаимную связь явлений и их историческое преемство. (...) Но особенно крупный интерес это свойство П. Б., как историка хозяйственного быта, сообщает его исследованиям по истории крепостного хозяйства в России. Как ни странно, но мы доселе не имеем стоящий на высоте современной науки экономической истории освобождения крестьян в России. (...) Удачно начатые исследования П. Б. подавали надежду, что пробел будет, наконец, достойно заполнен: к сожалению, переезд за границу [1901] прервал работу П. Б. в этой области. Заслуженной известностью не только у нас, сколько за границей, пользуются труды П. Б. по истории социалистических идей: в литературе, посвященной изучению марксизма и его исторических корней, они занимают видное место... По обнаруживаемому в них знакомству с материалом П. Б. мало имеет себе равных даже в Германии²⁰. (...) Я лично держусь во многом иных взглядов, но объективное научное значение теоретических исследований П. Б. Струве не может подлежать сомнению: в ту работу, которая нынче ведется над смыком экономической теории с хозяйственной действительностью, они навсегда войдут интегральной частью, независимо

²⁰ Это суждение подтверждается независимым авторитетом: «В биографии Маркса и Энгельса, насколько она касается их научной деятельности, есть пробел. Одна рукопись их, отправленная в типографию, случайно не была напечатана; насколько мне известно, никто, кроме самих авторов, не читал её («К критике политической экономии», 1859. — *М. К.*). Это была попытка сознательного пересмотра всего своего мировоззрения; в этой рукописи Маркс и Энгельс точно выразили свою точку зрения на философию, сравнив её с новейшими течениями в науке. Нет сомнения, что этот пересмотр был сделан в связи с анализом теорий, ведущим своё начало от философии Гегеля и его изменения Фейербахом в материалистическом направлении. Подобное предположение оправдывается всем характером философского движения эпохи; оно же подтверждается некоторыми журнальными и газетными статьями Маркса, напечатанными недавно Струве в *Neue Zeit...*» (А. Лабриола. *Исторический материализм и философия: Письма к Жору Сорелю [1899]*. Изд. 2. М., 2011. С. 48–49 (28 мая 1897)).

от того, в какой мере удержатся в науке те или иные положения, установленные автором. Оригинальность подхода к проблеме. Широта философского обоснования, внутренняя насыщенность фактическим материалом, своеобразно переработанным, и, наконец, богатство историко-догматическими — порой весьма неожиданными — сближениями будят мысль и сообщают теоретическим трудам П. Б. Струве непререкаемую ценность»²¹. Этот отклик может служить настоящей апологией гигантской работы самообразования и научной «самодетельности», оставшейся в тени еще более гигантской общественной и политической деятельности Струве. Вовсе не случайно старый сотрудник и единомышленник А. С. Изгоев писал жене Струве 10 марта 1923 года: «У меня старая «предвзятость»: научную деятельность П. Б. я ценю во сто раз выше общественной, из-за которой у него гибнет так много времени»²².

А. А. Чупров невольно обратил внимание на одно принципиальнейшее — и также оставшееся в тени — обстоятельство, которое требует разъяснения. Дело в том, что все без исключения основные свои научные идеи Струве высказал и наметил в короткий промежуток времени до 1901 года, когда он отправился в политическую эмиграцию и надолго полностью отдался чистой политической практике.

Сжатую форму истории и сущности крепостного хозяйства, формулу системы и единства в применении к политической экономии, формулу «либерального консерватизма» в применении к истории русской политической мысли, развернутую программу философского идеализма в предисловии к книге Бердяева о Михайловском — все это, послужившее ядром для детализации, цитирования, развития для целого поколения и него самого, Струве выработал и опубликовал почти одновременно, в течение 1899–1900 годов, вполне молодым еще человеком. Лишь много позже, в 1930-е годы, когда Струве оказался на глубокой периферии по-

²¹ Чупров А. А. Рекомендация П. Б. Струве в кандидаты на замещение кафедры политической экономии А. Н. (Черновик, 1917) // ОРиРК НБ МГУ. Ф. 14К. 30.Ед. хр. 8 Л. 1–8. Почти без изменений этот текст повторили, скрепив своими именами, академики М. Дьяконов, А. Лаппо-Данилевский, Ф. Успенский: Дьяконов М., Лаппо-Данилевский А., Успенский Ф. Записка об ученых трудах П. Б. Струве (1917) // V-е приложение к протоколу VI заседания Общего Собрания Академии Наук 15 апреля 1917 года (к пр. 147) [Санкт-Петербург]. По архивному оригиналу их текст впервые опубликован в: Дмитриев А. Л. Экономические воззрения П. Б. Струве. С. 99–101.

²² ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 2 об.

литической жизни, настало время настоящего и феноменального расцвета его разнообразнейшей научной работы. В белградском Русском научном институте не проходило месяца, чтобы Струве не выступал с несколькими исследовательскими докладами по ряду совершенно различных дисциплин, от истории античной философии до истории русского языка, от экономической теории до философии права. Тогда, без политики, Струве смог наконец сосредоточиться на формальном достраивании системы своих исторических, экономических и философских взглядов в книгах: «Социально-экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» (не окончена, опубликована в 1952), «Система критической философии» (рукопись погибла в 1941), «Хозяйство и цена» (не окончена). Именно это обстоятельство более всего позволяет нам предполагать, что некоторая научно-философская «система» была имманентна миросозерцанию Струве — и исследовать, и по результатам «археологического» исследования воссоздать эту систему²³. И стараться определить, какие тексты в большей степени отвечают исследовательскому критическому образу этой (а не риторическо-апологетической) системы. Если же отвлечься от «археологической критики» и очертить основные интуиции Струве, то мы невольно возвратимся к его широко известной риторике. Всю жизнь его более всего занимали лишь несколько идейных тем: культура, свобода личности и личная ответственность, социализм и марксизм, автономные основы хозяйства и «космическое» единство общества, государственная мощь, нация, внецерковная (позже — церковная) религиозность. Из имен — Герцен, Толстой, Пушкин (меньше — Достоевский), Михайловский, Б. Н. Чичерин, И. С. Аксаков, среди исторических фигур — Петр Великий и Столыпин. Но верность избранным темам вовсе не привела Струве к интеллектуальной монотонности. Представляется, происходило это потому, что среди ключевых имён его идейного воспитания, которых он, конечно, не скрывал, но которые вовсе не выдвигались им в первые риторические шеренги, находились такие, кстати, участники близкого ему круга общения и на деле крупные символические фигуры,

²³ Составительски реконструированные автором этих строк из отдельных текстов, анонсированные Струве, но не реализованные им авторские замыслы тематических сборников статей «Культура и свобода» (1905), «Государство, интеллигенция и революция» (1908), «Основы политической экономии» (1923) см. в собрании: Струве П. Б. Избранные сочинения.

как М. Е. Салтыков-Щедрин, К. К. Арсеньев, А. Д. Градовский, В. М. Гаршин, С. Я. Надсон, участники «Приютинского братства» И. М. Гревс, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург. Их трагическая судьба, правовой пафос, мощный романтический символизм или подлинное идеалистическое личное и «соборное делание», несомненно, находились в «подкорке» мировоззрения Струве

Каждый раз, обращаясь к одной из названных тем, Струве подчеркнуто (и без самолюбования) рассказывал о себе и своем переживании проблемы, своем участии в процессе. Словно торопясь (и действительно торопясь и отвлекаясь на политическую злобу дня) рассказать все, что он хотел бы отметить в проблеме. Струве часто своё исследование превращал в конспект, план исследования, даря окружающим роскошные возможности для его реализации. Свободно выставляя оценки («великим» и без стеснения помещая современников, себя самого и своих оппонентов в иерархический контекст и традицию, Струве всегда мыслил в историческом масштабе. И тем историческим масштабом, который структурирует сегодня наши знания о русской идейной истории и который в главном не может быть подвергнут ревизии, мы обязаны во многом Струве. Струве смело и критично включал русскую мысль в контекст западной, в сеть заимствований и переплетений, начиная со славянофильства. Это, конечно, было возможно не в последнюю очередь из-за его глубокой и обширной эрудиции во многих областях знания, от зоологии и математики до всеобщей истории и языкознания, и диктуемой этим широким знанием научной добросовестности. Как свидетельствовал современник, «печатные труды Струве никогда не дадут верного представления об его огромной эрудиции и творческом горении, которые ценились его собеседниками и делали личное общение с ним столь поучительным даже для ученых, не разделявших его научные или политические взгляды»²⁴. Также важным представляется и признание Струве, которое, возможно, содержало в себе и элемент самооправдания за не доведённые до конца «системы» и неизложенные «теории»: Струве писал, что в верном научном определении *in pace* (в ядре) дана полноценная научная теория. Для современного человека, стоящего перед гигантски растущим информационным массивом данных и текстов в поисковых машинах, которые всё требуют от него и точного запроса, и верного «поискового слова», и — главное — верного взгляда на мир, где обретаются разыскиваемые им смыслы, на априорное обладание

²⁴ Ижболдин Б. С. П. Б. Струве как экономист. С. 357.

представлением об иерархии этих смыслов, то есть вновь ожидающим даже в хаосе — ценностным строем, — такое внимание Струве к точности формул, такое усиленное усердие Струве в производстве формул, призванных менять мир, приобретает особое значение.

В конце жизни в Белграде, отойдя от политической и общественной злободневности, в студийной статье «Дух и быт: Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья» (1938) Струве почти впервые дал себе труд разобраться в предельных философских принципах своего мировоззрения. Он писал:

«Проблема «сингуляризма» и «универсализма» на пространстве целых десятилетий занимает меня как экономиста, социолога, историка, политика, ибо от полной критической и конструктивной ясности в постановке и разрешении этой проблемы зависит, по моему глубокому убеждению, нахождение как теоретической истины в социологии, так и практической правды в политике... Я определяю быт как совокупность «фактических» и «конкретных» содержаний общественной жизни в их противоположении идейным (идеальным) и отвлеченным построениям об этой жизни. Иначе эту мысль можно формулировать так: быт есть конкретный, живой образ бытия, или существования. Быт складывается из живых, не прошедших через иссушающее пекло отвлечения и обобщения, человеческих влечений, оценок, действий, из того, чему следует не столько наш ум с его остужающей логикой, сколько наши чувства и чувствования, наш позыв, или инстинкт, свободный от умыслов и замыслов. И в то же время в основе быта лежит не своевольный, не одинокий или одиночный позыв — быт корнями своими уходит в какую-то богатую, тучную почву не особых, личных, а совместных, соборных устремлений и навыков. Быт, повторяю, соткан из живых конкретных влечений и оценок, в основе которых лежит не разумно отвлекающее и потому отвлеченно-одинокое индивидуальное усмотрение и не личное своеволие, а, наоборот, вековая соборная дума и собранная воля».

Очевидно, что этот авторский взгляд на своё мировоззрение значительно отличается от риторически звучных формул о либеральном консерватизме. Он внимательней и непредсказуемей, глубже — и идёт на спасительную помощь исследователю Струве.

Начав с констатации того, что наследие Струве подверглось (не без его участия) апологетической схематизации, мне хочется закончить противопоставлением этой апологетике мнения одного из преданней-

ших учеников Струве: «П. Б. Струве нельзя сокращенно излагать. Основное свойство его гениальности заключается в сочетании логической мощи со способностью живого видения действительности, или другими словами, в сочетании силы отвлеченной мысли с даром конкретно-исторической интуиции. Этим определяется и манера письма П. Б. Струве: нагромождение логически между собой связанных и эстетически одно другое заменяющих и развивающих лапидарных определений, из которых каждое есть законченная «теория», даваемая мыслителем, и, вместе с тем сжатое описание жизненных явлений, схваченных художественным оком наблюдателя-историка. Определение-образ — вот адекватное строю мыслей и чувств П. Б. Струве их выражение. Поэтому Струве и нельзя излагать, а можно лишь (сочувственно или несочувственно) воспроизводить, комментировать и развивать его формулы-образы»²⁵.

Если понимать под адекватным «воспроизведением» критическое исследование аутентического наследия Струве, то именно такой подход в наибольшей степени соответствует и преобладающему творческому и политическому пафосу героя, который прежде всего и всегда был пафосом критики и противостояния судьбе и слепой инерции той истории, с которой каждый из со знающих себя обречён вести пожизненную борьбу.

²⁵ Зайцев К. И. О Витте, Столыпине и Николае II (по поводу очерка П. Б. Струве «Витте и Столыпин») // Россия и Славянство. № 128. Прага, 1931.

ПОЛ СИММОНС

АНАТОМИЯ БУНТА: ВОЛНЕНИЯ
В 223-М ПЕХОТНОМ ОДОЕВСКОМ ПОЛКУ НАКАНУНЕ
ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Осень 1916 года ознаменовалась крупнейшими по своим масштабам актами неповиновения в Российской армии. К случаям недовольства нижних чинов, групповой сдачи в плен и дезертирства добавились массовые выступления солдат, находившихся на передовой¹. В атаку отказывались идти целые полки, мотивируя свое поведение усталостью, нехваткой продовольствия, плохим снаряжением или нежеланием воевать.

Согласно архивным данным, беспорядки, зарождавшиеся в роте, мгновенно распространялись на весь полк или даже дивизию. Один из первых случаев массового неповиновения солдат произошел 3 октября 1916 года, когда 47-й и 48-й Сибирские стрелковые полки отказались участвовать в атаке и даже попытались остановить соседние части². В ноябре солдаты 7-го стрелкового полка

¹ Документально подтверждено 11 случаев коллективного неповиновения солдат. Согласно архивным данным и материалам, опубликованным в сборнике «Революционное движение в армии и на флоте в годы мировой войны 1914— февраль 1917», волнения проходили с октября 1916-го по январь 1917-го гг. на всех фронтах европейского театра военных действий, в 8 из 14 армий. По сведениям американского историка А. К. Вайлдмэна, упоминание еще о 10 подобных случаях можно найти в документах немецкой разведки, однако данное утверждение доказательствами не подкреплено. А. К. Wildman, *The end of the Russian Imperial Army. The old army and the soldiers revolt March-April 1917* (Princeton, 1980), С. 115.

² РГВИА. Ф. 2524. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

категорически отказались выходить из окопов³. Похожие случаи были зафиксированы в 409-м Новохоперском, в 406-м Щигровском, в 326-м Белгорайском, в 500-м Ингульском, в 17-м и 55-м Сибирских стрелковых, в 223-м Одоевском, в 408-м Кузнецком, и в 414-м Торопецком пехотных полках⁴.

Чем были вызваны «восстания» на передовой? Советская историография объясняла эти выступления самоотверженной работой большевиков, которым удалось показать солдатским массам империалистической характер войны и тем самым призвать их бороться за революцию.⁵ Западные же историки рассматривали отказ солдат исполнять приказания как показатель морального истощения, нечеловеческой усталости после долгих лет, проведенных в тяжелейших условиях войны, и нежелания воевать в целом, а отнюдь не революционной агитацией.⁶ В данной статье автор подробно рассмотрит волнения, произошедшие в начале января 1917 года в 223-м Одоевском полку на Юго-Западном фронте, посредством детального анализа архивных документов попытается установить истинные причины неповиновения солдат-одоевцев и тем самым пополнить имеющийся запас знаний о коллективных выступлениях в армии, вспыхнувших осенью 1916 года. Наличие обширного архивного материала позволяет рассмотреть не только обстоятельства самого волнения, но и определить материальное, физическое и моральное состояние Одоевского полка.

Одоевский полк был сформирован в июле 1914 года и являлся (наряду с 221-м Рославльским, 222-м Красненским и 224-м Юхновским полками) частью 56-й пехотной дивизии, которая

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 810. Л. 106.

⁴ РГВИА. Ф. 2279. Оп. 1. Д. 754, 755; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 256; Ф. 2148. Оп. 2. Д. 571, 572, 573, 577; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 151об; Ф. 2526. Оп. 1. Д. 199, Л. 2, 5, 6–9, Ф. 2286. Оп. 1. Д. 269; Ф. 2067, Оп. 1. Д. 3863. Л. 252; Ф. 801. Оп. 28. Д. 22–60.

⁵ Хромов П. Антивоенные выступления в войсках 12 армии Северного фронта в конце 1916 года, Военно-Исторический журнал. М., 1962, № 4 С. 119–122; Семешин И. И. К вопросу об антивоенном выступлении солдат 17-го Сибирского стрелкового полка в декабре 1916 года и его последствиях, вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего востока № 2. Новосибирск, 1968, С. 111–130; Ахун М. И., Петров В. И. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929; О. Н. Чаадаева, Армия накануне февральской революции. М., 1935; Френкин М. С. Революционное движение на румынском фронте 1917 — март 1918. М., 1965; Шурыгин Ф. А. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958.

⁶ Wildman A. K. The end of the Russian Imperial Army. P. 119.

входила в XXXIV Армейский корпус. С самого начала войны полк был активно задействован в боевых действиях. Так, в сентябре 1914 года полк вел бой за город Владиславов (современный Кудиркос-Наумэстис в Литве), а потом сражался в рядах 1-й армии генерала П. К. Ранненкампа в Восточной Пруссии в районе городов Друскен, Каттенау, Альт-Каттенау, Бильдервейтчен, Ворупенен, Цу-Ворупинен, и Вецупелен⁷. В 1915 году, с мая по ноябрь, одоевцы участвовали в наступлении близ городов Риги, Двинска, Бреста, Белостока⁸, а годом позже сражались в районе Минска⁹. В августе 1916 года 223-й Одоевский полк в составе XXXIV Армейского корпуса входит в Особую армию под командованием генерала В. И. Гурко и принимает участие в сентябрьской наступательной операции на Юго-Западном фронте с целью произвести прорыв на Владимир-Вольнском направлении. Несмотря на тщательно разработанный план, включавший трехдневную артподготовку, атаки русских войск были отбиты. В тяжелых боях 19–22 сентября у Воли-Садовской корпус теряет $\frac{3}{4}$ своего состава. После столь масштабной неудачи командование ставит перед бойцами новую цель — отвлекать на себя силы противника от французского фронта путем постепенного «долбления», постоянно атакуя неприятеля свежими войсками, сменяя части, понесшие потери. «Долбление» на фронте Особой армии продолжалось до 4 октября. За это время все корпуса, как вспоминал генерал-квартирмейстер войск Гвардии Б. В. Геруа, «получили прописанную более или менее гомеопатическую дозу кровопускания»¹⁰. С начала октября 1916 и до середины мая 1917 года корпус в составе Особой и 7-й армии осел в окопах и приступил к удерживанию позиции на западном берегу реки Стоход в районе Кухарского леса, между Ковелем и Сарнами. Именно здесь и произошло исследуемое нами восстание.

Вечером 18 января 1917 года 223-й пехотный Одоевский полк, находившийся в резерве в непосредственной близости от линии фронта, должен был сменить 224-й пехотный Юхновский полк, расположенный на передовой. В 18 часов 1-й и 2-й батальоны Одоевского полка вместе с 9-й и 10-й ротами 3-го батальона построились для выступления на свои участки. Солдаты же 4-го батальона отказались следовать их примеру, заявив, что на пози-

⁷ РГВИА. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 123.

⁸ РГВИА. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25.

⁹ РГВИА. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 59–63.

¹⁰ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж 1970. Стр. 157.

цию не пойдут, так как всему корпусу нужен отдых, к тому же от солдат других батальонов недавно поступили угрозы: в случае выступления на позиции по товарищам будут стрелять. В ответ на эти заявления командующий батальоном поручик Петраков приказал построиться людям, «верным долгу и присяге», но когда во исполнение этого приказа построились взводные и отдельные командиры, из 14-й роты раздались выстрелы и крики: «Взводные, разойдись!» Похожая ситуация сложилась в этот момент и в 1-м батальоне: при построении батальона в резервную колонну с задних рядов 4-й роты раздались возгласы: «Назад! Не пойдём! Смену! Будем стрелять!», слышались щелчки затворов. Произошло замешательство, солдаты 4-й роты влились в ряды 1-й и 2-ой рот и толпой двинулись к месту расположения 2-го батальона, где смешались с солдатами 5-й, 7-й и 8-й рот. Когда командир 5-й роты поручик Григорьев попытался двинуться со своими солдатами на позицию, раздались крики: «Куда идет пятая рота? Стой, не ходи! Стрелять будем!», раздались выстрелы. Рота была вынуждена остановиться. Солдаты соседних рот вышли из строя и, смешавшись в беспорядочную толпу, присоединились к товарищам из 1-го и 4-го батальонов. 9-я и 10-я роты во исполнение приказов офицеров пытались продолжить движение, однако разбушевавшиеся к этому времени «соседи», стреляя и бросая ручные гранаты, вынудили и эти роты замереть на месте. Часть солдат, вооруженных винтовками, углубилась в лес, образовав вокруг полка живую цепь, пробиться через которую никому было не под силу. Понимая, что уговоры и увещания бессмысленны, офицеры отправились докладывать обстановку временно командующему полком, а солдаты, побродив немного, вернулись в свои землянки¹¹.

Временно командующий полком полковник Ивашиненко считал что ни слова, ни репрессии не окажут должного воздействия и нужен «исключительный прием, который бы зажег сердца и заставил всех откликнуться на призыв к исполнению своего долга». Таким приемом, по мнению полковника, мог послужить маршевый гимн и вынос полкового знамени. Несмотря на двадцатиградусный мороз, Ивашиненко вызвал к штабу полка оркестр и знаменный взвод. Взбунтовавшиеся роты во время следования музыкантов пытались их задержать, но попытка эта не увенчалась успехом. Оркестр прибыл к штабу, и знаменный взвод

¹¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 23. Л. 248; Д. 32. Л. 11–12, 16–17, 25–26; Д. 33, Л. 8–10; Ф. 2836. Оп. 1. Д. 116, Д. Л. 6–9 об.

построился. Знамя было торжественно вынесено, после чего под звуки марша во главе с командующим полком было пронесено под защитой знаменного взвода по дороге, ведущей через батальоны к позициям. К ротным командирам были посланы ординарцы, чтобы сообщить ротам, что командир полка со знаменем и знаменным взводом идет на смену и приказывает двигаться вслед за ним, а кто отстанет, тот будет объявлен изменником. Во время движения со стороны леса были слышны крики «ура» чередовавшиеся с ружейными выстрелами. Ивашиненко приказал играть народный гимн. Так дошли до перевязочного отряда, где встретили команду пеших разведчиков, которым было приказано идти следом. Пройдя чуть дальше, 46-летний полковник обнаружил, что за музыкантами никого нет. Убедившись, что все предпринятые попытки не вызвали «подъема духа», Ивашиненко приказал остановиться и вернуться к перевязочному отряду, откуда по телефону сообщил о случившемся начальнику дивизии генерал-майору Е. А. Российскому, достаточно быстро среагировавшему на ситуацию и уже в 10 часов вечера прибывшему в расположение полка. На собрании командиров, состоявшемся немедленно, было решено перенести выступление на следующий день. Выстрелы и взрыв ручных гранат слышны были до 2-х часов ночи, после чего наступила тишина¹².

На следующий день, 19 января, в 9 часов утра из штаба дивизии снова приехал Е. А. Российский. Батальоны выстроились в резервные колонны против своих землянок, люди стояли спокойно и на приветствие генерал-майора ответили дружно. Солдатам каждого батальона начальник дивизии объяснил масштабы преступления, которое они совершают, отказываясь повиноваться. Он говорил об усилиях, которые предпринимает вся Россия, чтобы изгнать врага; о том, что все невзгоды и тяготы, которые несут солдаты на позиции, испытывают еще в большей мере враги; о том, что о преступлении будет доложено Государю Императору, а также о том, что ожидает полк, если солдаты не будут повиноваться. Речь была выслушана в полной тишине. На вопрос: «Как Вас считать бунтовщиками или Вы исполните приказание Ваших начальников?» — в 1-м или 4-м батальонах из задних рядов доносились довольно многочисленные возгласы: «Нам надо смену. Другие корпуса сменяют, а нас с прошлого года ни разу не сменяли. У нас тяжелая позиция!» На его команду «Молчать!» — немедленно восстановилась гробовая тишина.

¹² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 7–8; Ф. 2836. Оп. 1 Д. 116. Л. 6–9 об.

Второй батальон довольно дружно ответил, что готов сменяться, если и другие пойдут.

После отъезда Е. А. Российского временно командующий полком прошелся вдоль солдатских рядов с целью убедить нижних чинов выступить на позицию, но на все его слова солдаты говорили одно: «Смену, дайте смену!» Выстрелы раздавались с участков всех батальонов. Ивашиненко вместе с командирами батальонов решил построить полк на плацу, отслужить молебен и затем отдать приказ к выступлению, однако ни одна рота, за исключением 5-й, его не исполнила: 19 января полк снова не выступил на позицию. Солдаты «шныряли по всему лесу» вплоть до 24 часов, после чего успокоились и разошлись по землянкам.

20 января, в первом часу ночи, для оценки обстановки на проблемном участке прибыл специальный посланник командующего Особой армией генерал-лейтенант Ф. Е. Огородников. Ему доложили, что «до сего времени выступили лишь 5-я, 11-я и 12-я роты». К тому моменту в полку было тихо, однако при обходе рот 2-го батальона со стороны 1-го раздалась стрельба. Офицеры находились в расположении своих подразделений, однако ввиду позднего времени выходили с некоторым замедлением (некоторые спали). Все они выражали преданность долгу, были уверены в необходимости немедленного прекращения огня, но говорили, что относительно выступления на позиции ничего не могут с солдатами сделать. При приближении Ф. Е. Огородникова к местоположению 1-го батальона стрельба прекратилась, наступила полная тишина. Повторный визит генерала с целью инспекторской проверки состоялся в 4 часа утра. По его впечатлению, вид у людей был «утомленный, выправка очень плохая, отвечали на приветствие не дружно, но одеты были сравнительно не дурно». Жалобы поступали те же, что при ночном обходе: утомление от длительного пребывания на позиции, нехватка отдыха, плохие условия проживания, отвратительная пища и обмундирование: в бане не всегда получают чистое белье, теплой одежды не хватает, начальство на все это закрывает глаза, а высшие офицеры не бывают в ротах, некоторых же из них даже видели пьяными. Солдаты, не имевшие возможности уйти в отпуск, беспокоились и о своих семьях. Так, рядовой Шоломов заявил, что у него два брата без вести пропали на войне, он в семье последний, а мать не получает пособия; рядовой Чумаков пожаловался, что его отцу 60 лет, а семья не видит пайка¹³.

¹³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 23. Л. 28–31 об.

Наибольшее количество жалоб поступило от солдат 3-й и 4-й рот. Здесь, по мнению Огородникова, и находились зачинщики бунта. На вопрос о готовности выступить туда, куда прикажут, только от рядовых 13-й и 14-й рот последовал дружный, утвердительный ответ. В других же ротах отвечали недружно или вовсе не отвечали, а в ротах 1-го и 2-го батальона передние ряды молчали, а с задних раздавались голоса: «Смену, смену, устали!»¹⁴

В 11 часов в сопровождении начальника штаба корпуса генерал-майора Р. И. Дубинина прибыл новый командир корпуса генерал-лейтенант П. П. Скоропадский. Полк вновь был построен у землянок. Командующий корпусом обошел батальоны и приказал ответить на вопрос, пойдут ли они на позицию. Через час после обхода у каждой роты отдельно спрашивали, каков же будет ответ. Солдаты 4-го батальона все как один согласились исполнять приказания. Утвердительный ответ был получен и от 3-го батальона. В 1-м батальоне только 3-я рота сразу согласилась идти туда, куда прикажут. Представители 2-го батальона дали согласие идти на позицию только после долгой беседы с начальником дивизии. 6-я и 7-я роты 2-го батальона на вопросы не отвечали. Когда же начальник дивизии обратился к 8-й роте, те ответили единогласно согласием исполнять все приказания, 6-я и 7-я роты заявили, что они также пойдут на позицию. После того как был получен ответ от всех батальонов, генерал-лейтенант Скоропадский, генерал-лейтенант Огородников, генерал-майор С. З. Потапов и генерал-майор Р. И. Дубинин провели совещание. Скоропадский решил не посылать полк на позицию, пока не будут найдены зачинщики, и приказал отправить 4-й батальон в Корсын (тыл), две роты 3-го батальона — в местечко Сокул (две роты выступили на позицию еще 18 января), а остальные батальоны и команды вместе со штабом полка — в деревню Чечебень¹⁵.

Батальоны полка развели, и по прибытии на новое место был произведен арест 53 солдат. Главнокомандующий армиями фронта приказал, «не теряя времени, быстро расследовать и решительно, безотлагательно расправиться полевым судом с главными виновниками». Отказ Одоевского полка сменить на позиции Юхновский полк был квалифицирован военным начальством по 245-й статье 22-й книги Свода Военных Постановлений как уклонение от исполнения приказания принять участие в боевых

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28, Д. 23. Л. 28–31 об, 109–112.

действиях. Зачинщики были преданы военно-полевому суду двумя группами (всего 30 солдат). В результате рассмотрения дел военно-полевыми судами и пересмотра их корпусными судами, из числа осужденных 8 человек было расстреляно, 19 приговорено к каторжным работам, один — к заключению в военной тюрьме, двоих оправдали¹⁶. Первая казнь состоялась 23 января, в 23 часа: 5 солдат были казнены их же товарищами — солдатами рот, принимавших наибольшее участие в происшествии. Здесь стоит привести описание казни, найденное в одном из полковых журналов:

«Священник приехал в 9 часов и тотчас был сведен к приговоренным для напутствия их в иной мир. В 22.30 часа донесли, что ямы готовы, столбы поставлены. Роты 4 и 6, в которых служили несчастные, пришли и построились у места казненных¹⁷ своих товарищей. В 23 часа командующий полком, доктор и гг. офицеры прибыли к месту казни. Привели и осужденных. Жуткая тишина царила в этом участке. Под покровом ночи, вот-вот должно совершиться правосудие над людьми, которые запятнали своим преступлением славное, чистое имя Одоевцев. И присутствовавшие роты поняли, что настал час, когда они понесут должное наказание, этому часу они были свидетелями. Ни одного голоса в защиту осужденных, ни одного вздоха. Все молчали. Вот все кончено. Привязаны. Все отошли от столбов. Делопроизводитель полкового суда прочитал приговор. Назначенные отделения подошли на должную дистанцию. Команда сигнал. Дали залп, другой. Доктор пришел, проверил: оказались живые, дали еще два залпа, и в 23 часа 30 минут правосудие совершилось».¹⁸

В дальнейшем были привлечены по тому же делу, но в порядке производства предварительного следствия, еще две группы солдат в количестве 39 человек, из которых было предано корпусному суду 13 солдат, причем сам суд был отложен до окончания войны на основании 10-го пункта 1-го раздела постановления Временного Правительства об амнистии от 17 марта 1917 года. Затем по тому же делу 52 человека из фельдфебелей, унтер-офицеров и ефрейторов в дисциплинарном порядке были разжалованы, лишены своих званий и смещены на низшие должности, а 160 человек — исключены из полка и направлены в другие части. Из числа начальствующих лиц были привлечены

¹⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28, Д. 23. Л. 1.

¹⁷ Имеется в виду у назначенного места казни.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 5, Л. 14 об — 15.

к следствию в качестве обвиняемых: начальник 56-й пехотной дивизии генерал-майор Российский, командующий полком полковник Ивашиненко и 7 офицеров полка. Впоследствии дела об офицерах и генерале Российском были прекращены. На одиннадцать офицеров полка командиром корпуса был наложен арест на гауптвахте в течение одного месяца, однако отбытие наказания было отложено до окончания войны. Кроме того, все офицеры полка, за исключением 11 человек, были лишены права на производство в следующие чины и получение наград, причем первой боевой наградой в бою для них должно было считаться прощение. Наконец, два прапорщика — Вазингер и Косяков — были разжалованы в рядовые.¹⁹

Забегая вперед, стоит отметить, что попустительство высших чинов являлось далеко не последним фактором людских потерь и, как следствие, одной из важнейших причин восстания в полку. Так, вопиющим примером непрофессионализма и попустительства высшего руководства можно считать события 3-го декабря, когда в результате непродолжительной атаки противник без особого труда занял часть выдвинутых окопов 223-го Одоевского полка и, захватив две роты в плен, ушел обратно. В ходе расследования данного происшествия выяснилась масса нарушений правил полевого устава и ведения службы в бою.

Во-первых, у командира батальона погибших рот не только не было наблюдательного пункта, с которого он бы мог следить за развитием боя, но и никаких помощников, кроме телефонистов. Во-вторых, вскоре после артиллерийской атаки противника была нарушена телефонная связь с ротами боевой линии: батальонный командир был отрезан от полка и в течение трех с половиной часов не получил от своих рот ни одного донесения. В-третьих, высланная на поддержку рота 224-го полка не была знакома с участком и ни один офицер не знал ходов сообщения, а потому рота, двинувшаяся вперед, запуталась и не оказала должной поддержки атакованным частям. В-четвертых, передовые наблюдательные пункты в самом начале артиллерийской подготовки противника были уничтожены, а наблюдатели (нижние чины) были контужены и отправлены в лазарет. Мер к тому, чтобы восстановить утраченное передовое наблюдение, принято не было, хотя времени было достаточно — не менее двух часов. Наблюдению с фланга никто из начальников не придавал значения. В-пятых, на уровне дивизий не было выработано никаких сигналов для открытия

¹⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 119–123.

заградительного огня, за исключением телефонного сообщения, которое в первые же минуты атаки дало сбой.

Вследствие этих причин заградительный огонь артиллерии несомненно опоздал, и немцы, пользуясь тем, что гарнизон окопов был оглушен и едва ли вел даже слабый огонь, свободно прошли открытое пространство и заняли русские окопы. Наконец, оказалось, что штаб дивизии не руководил боем, а «равнодушно ждал, что сделают младшие». А начальника штаба 56-й пехотной дивизии командир 34-го корпуса будил два раза, так как тот был не у телефона в оперативной, а у себя на квартире, т. е. за боем не следил. В итоге, как констатировал временно командующий Особой армией Генерал П. С. Балувев, «если штаб дивизии так инертно отнесся к своим обязанностям в момент боя, то от него трудно ожидать, чтобы он был надежным руководителем войск в деле занятия и оборудования позиции»²⁰. Все это, несомненно, не могло остаться незамеченным и солдатами, что впоследствии стало одной из причин недовольства нижних чинов и привело к описываемым нами событиям.

Однако на причинах, приведших к беспорядкам в Одоевском полку, стоит остановиться подробнее. Предварительное следствие показало, что еще до событий 18 января в полку были зафиксированы многократные случаи неповиновения. Как выяснилось, первый инцидент произошел 27 декабря 1916 года. В этот день нижние чины 3-й роты, назначенные под командой унтер-офицера Соловьева для построения наблюдательного пункта на участке 2-го батальона, пришли на место в 20 часов, но уже в 24 часа ушли, самовольно бросив работу. Младший унтер-офицер саперной команды Кузнецов хотел задержать солдат, но Соловьев выругал его и пригрозил: «Если будешь жаловаться, то убьем». Полковник Ивашиненко никаких распоряжений по этому случаю не сделал. Унтер-офицер Соловьев впоследствии был привлечен к ответственности как один из организаторов беспорядка.

6 января 1917 года нижние чины 6-й роты, стоявшие на позиции, бросили свои места в окопах, собрались вместе и потребовали от командира роты прапорщика Вишневого сейчас же дать им смену. В противном случае, заявили рядовые, они уйдут с позиции. Лишь благодаря действиям Вишневого роту удалось уговорить остаться на месте и продолжить работу. Об этом случае было подробно доложено полковнику Ивашиненко, который ограничился лишь тем, что полевой запиской за № 7 от того же

²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8–10.

6 января предписал командиру 2-го батальона внушить своим подчиненным, что долгая стоянка на позиции — не его каприз, а результат сложившейся обстановки. Расследования по этому делу назначено не было, и никаких мер для обнаружения виновных не предприняли.

Другой, не менее громкий случай произошел спустя всего три дня, 9 января 1917 года. 1-й батальон Одоевского полка, стоявший на позиции в полковом резерве, должен был сменить 3-й батальон, расположенный на передовой. Когда 4-я рота была построена для следования на сборное место, солдаты команде не подчинились, закричав: «Не пойдем! Смену!» Проходя мимо землянок 1-й и 2-й рот, 4-я рота была остановлена криками товарищей: «Стой! Не ходи!» После уговоров командира роты солдаты заявили: «К командиру батальона пойдем, а дальше — нет!» Когда роты были приведены на сборное место, на приветствие командира батальона ответили вяло и далеко не все, а затем заявили, что весь батальон не двинется с места. При этом одни кричали: «Давай смену!», другие: «За чечевицу не пойдем!», третьи: «3-й батальон не хочет сменяться!» и т. д. После безуспешных уговоров и увещаний временно командующий батальоном поручик Осьминников отправился к телефону переговорить с командиром 3-го батальона и командиром полка. Командир 3-го батальона объяснил, что сможет простоять на позиции еще два дня до смены всего полка, но при условии, что 1-й батальон в следующий раз отстоит за него лишних два дня. Командир полка на это предложение согласился, и Осьминников отдал распоряжение распустить роты по землянкам. Свидетелем того, как первая рота кричала 9 января: «Не пойдем на позиции, ведите нас к командиру батальона!», был подпоручик 2-й батареи 1-го сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона Панкратов. Именно он донес о происшествии своему командиру, а последний — командиру дивизиона. Причем в своем донесении командир 2-й батареи писал, что Одоевский полк представляет собою часть ненадежную и опасную для всей армии и что от нижних чинов этого полка он слышал крамольные фразы: «Офицеры наши настолько плохи, что мало-мальски огонь сильнее, их не сыщешь, а за ними начинают подаваться фельдфебеля». Командир 1-го сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона донес об этом начальнику 56-й пехотной дивизии, а тот, в свою очередь, сделал запрос о происшедшем полковнику Ивашиненко. Временно командующий Одоевским полком объяснил, что ничего особенного не произошло и что он оставил 1-й батальон в резерве по боевым соображениям. Генерал-майор Российский на следствии показал, что был настолько этим ответом

успокоен, что не нашел нужным назначать какого-либо расследования для выяснения этого случая.

10 января 4-я рота, отправляясь на работы под командой прапорщика Парацевича, не приняла команды для движения, осталась на месте и заявила, что на работы не пойдет, так как днем было учение. Схожая ситуация произошла 11 января во 2-й роте. Солдаты отказались строиться на работы, рядовой Игнатий Иванов кричал: «Какие там работы, не пойдем!» По этому случаю дознания не проводилось, и рядовой Иванов своевременно не был привлечен к ответственности.

Наконец, 15 января в 4-ю роту своевременно не доставили хлеб. Нижние чины заявили, что, пока не дадут им хлеба, они на занятие не пойдут. Однако после уговоров согласились выполнить команду²¹.

Вышеописанные события красноречиво свидетельствуют о том, что к середине января 1917 года в полку царила нездоровая атмосфера, способная в любой момент ухудшиться, превратившись в настоящую военную драму. Попустительство полковника Ивашиненко окончательно подорвало авторитет офицеров, уверило солдат в полной безнаказанности поступков, свободном волеизъявлении желаний. Учитывая ход событий, более резкие выступления не заставили себя долго ждать: они произошли уже 18 и 19 января.

Главным требованием солдат был отдых. Насколько оправданна была их просьба? 56-я пехотная дивизия отвечала за продолжительную линию фронта (протяженность некоторых участков достигала 1200 шагов при наличии в ротах в октябре и ноябре 1916 года 90–120 человек) и для занятия участка дивизии требовалось не менее 3-х полков. В результате полк находился на позиции целых три недели, а в резерве, где он отдыхал и восстанавливался, — лишь одну. Помимо этого, условия, в которых солдаты несли службу, были далеки от идеальных.

Почва на территории всей позиции большей частью была болотистая, окопы — неудобные и мелкие, а крутости окопов лишены обшивки (последний осмотр показал, что недавние заморозки и наступившая оттепель произвели сильное разрушение окопов — крутости, которые не были обшиты плетнем, обвалились, и на их очистку потребовались две ночи напряженной работы)²². В бойницах отсутствовали обстрелы, а сами бойницы

²¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 42. Л. 7–8.

²² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 42. Л. 6–10.

в большинстве своем находились на уровне шеи и живота, что было смертельно опасно для проходящих постовых. Ходы сообщения, ведущие во 2-ю линию, достигали в глубину только до пояса и людей не укрывали не только от шрапнельного, но даже от ружейного огня, а потому подвод резервов был зачастую сопряжен с большим риском. Часть окопов находилась на выдвинутом расстоянии и была отделена от остальной позиции «мокрой ложиной, простреливаемой с севера и северо-запада пулеметами противника». Второй линии укреплений не существовало вообще, а гарнизон «систематически обстреливался противником» и ежедневно нес большие потери²³.

Условия проживания были не лучше. Землянки походили больше на небольшие норы. Так, землянка командира 4-ой роты представляла собой нечто, «похожее на конуру», куда приходилось влезать на коленях²⁴. В основном все землянки были низкими и тесными, в них практически отсутствовал солнечный свет, пол находился на одном уровне с окопами — вследствие чего внутрь набивался песок. Убежищ не было, проволочные заграждения имели пробоины. К тому же роты находились под постоянным бомбометным и минометным огнем противника. Тылы защищены не были, вследствие чего кухни останавливались в трех верстах от солдат. Оборудовать позиции полковыми средствами было невозможно, а содействие свыше касательно снабжения необходимыми материалами было недостаточно. На оборудование местности требовались огромные физические и моральные ресурсы, для того чтобы хоть как-то устроить свой быт, солдаты были вынуждены работать по ночам²⁵.

Климатические условия местности, на которой расположился Одоевский полк, были, как свидетельствуют источники, крайне неблагоприятными. Окопы и резерв частей располагались в болотистой долине реки Стоход. Окопы были вырыты на песчаных или открытых возвышенностях, а резервы размещены в сырых лесах по краям обширных болот. Ситуация усугублялась весной и осенью. Так, осенью после продолжительных дождей и без того болотистая земля утопала в воде, подсохшие летом болота становились практически непроходимыми, по дорогам невозможно было передвигаться. Весной же окопы представляли собой грязевую массу, по которой приходилось переправляться на лодках.

²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 703. Л. 8.

²⁴ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 227.

²⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 120.

Повышенная влажность воздуха, частая смена ветров и температурные колебания становились причиной простудных заболеваний солдат. Каждый второй страдал от гриппа или болезней органов дыхания²⁶.

Когда полки, наконец, уходили в резерв, ситуация практически не улучшалась. Командиры батальонов утверждали, что пребывание полков в резерве в течение недельного срока не могло служить для них полноценным отдыхом, так как половина состава ежедневно назначалась на позиционные ночные работы для восстановления и укрепления окопов, которые, как отмечалось выше, часто обстреливались. Из оставшихся солдат четверть выполняла полковые работы, такие как рубка леса, подвоз материалов по постройке офицерского собрания и офицерских домиков, остальные же 25 % усиленно занимались строевыми занятиями по утвержденной начальником дивизии программе. Недели пребывания в резерве после трехнедельного расположения на позиции, по докладам командиров полков, было слишком мало. Исключая целый день, требуемый для выступления на позицию, день, выделяемый для бани и медицинского осмотра, двух дней работы, проводимой на тех же позициях, для отдыха, знакомства солдат друг с другом и сплочения прибывающего пополнения оставалось всего 2 дня в месяц²⁷.

Как обстояло дело с продовольствием? Полк выступил в поход в 1914 году, не имея не только достаточного для пропитания обоза, но и ротных походных кухонь. К весне 1915 года, частично при помощи интендантства, частично — благодаря собственным усилиям, полку удалось сформировать хозяйственную часть. Сильный продовольственный кризис ощущался наиболее остро в феврале, марте и апреле 1916 года, однако особенно плохо дела пошли в январе 1917. Из-за отсутствия мяса солдат порой неделями кормили сушеной рыбой. Каша варилась редко, так как достаточного количества крупы интендантством не отпускалось. Иногда же, наоборот, солдаты не видели ничего, кроме каши. С октября 1916 года 16 % рациона питания составляла чечевица, в ноябре количество ее увеличивалось до 20 %, в декабре — до 30 %, в январе — до 40 %. Овощи были на вес золота. Дабы хоть как-то разнообразить рацион, полку приходилось покупать продукты, переплачивая в разы²⁸.

²⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 99.

²⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 68–69; Д. 23, Л. 241.

²⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 99–100.

Начиная с ноября 1916 года ситуация с продовольствием в дивизии еще больше ухудшилась. В течение ноября в корпус поступило лишь 1000 пудов овощей и 400 пудов жиров. Такие поставки совершенно не удовлетворяли нужды целого полка. И без того скудный рацион питания сделался еще хуже. Замена крупы чечевицей, как пищей мало привычной, давалась с трудом. Отчасти недопоставки продовольствия объяснялись отсутствием достаточного количества продуктов в тылу. Недостающие продукты интендантство рекомендовало покупать на собственные средства. Ситуация, однако, ухудшалась еще и тем, что даже втридорога купленные на собранные деньги продукты доставить до места назначения не представлялось возможным. В ноябре 1916 солдаты-одоевцы получили не более трети положенных им жиров, в декабре — около четверти, а в январе их количество практически свелось к нулю. Не любимая солдатами чечевица все чаще заменяла крупу, рыба выдавалась 3–4 раза в неделю вместо положенных двух²⁹.

Весьма показательные сведения о состоянии здоровья солдат содержатся в медицинских отчетах. По свидетельству врачей, солдаты были измучены утомительной работой. У некоторых из них появлялись признаки морального и физического истощения, в результате чего к осени 1916 года количество поступлений в лазарет резко увеличилось. В октябре в лечебные заведения было отправлено 682 больных. Наиболее часто встречались случаи заболевания гриппом (143), болезнями органов дыхания страдал 41 человек, с диагнозом «острый суставный ревматизм» на больничных койках оказалось 36 солдат. По полкам ситуация была следующей: в 221-м полку грипп был зафиксирован в 46 случаях, в 222-м — в 12, в 223-м — в 55, в 224-м — в 24; от заболевания органов дыхания в 221-м полку страдало 8 человек, в 222-м — 6, в 223-м — 15, в 224-м — 8; острому суставному ревматизму в 221-м полку подвергся один человек, в 222-м — 20, в 223-м — 11. Общее число заболевших и отправленных в лечебные заведения достигало в 221-м полку 136 человек; в 222-м — 357; в 223-м — 311; в 224-м — 91. С наступлением зимы количество больных резко увеличилось (смотри таблицу 1). В ноябре в дивизии насчитывалось 215 раненых, тогда как простудные заболевания «подхватили» 774 солдата. Из всего количества заболевших на 221-й полк приходилось 155 больных, на 222-й — 132, на 223-й — 277, на 224-й — 166. Как видно из приведенных данных, одоевцы пострадали сильнее других — в полку

²⁹ РГВИА. Ф. 2247. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

количество заболевших было на 40 % больше. В декабре, помимо очередной вспышки гриппа и других респираторных заболеваний (на больничных койках находился 951 человек), в отчетах врачей касательно 221-го и 223-го полков упоминается цинга³⁰.

Впервые зафиксированная в 56-й дивизии, цинга быстро распространилась на весь 34-й армейский корпус. Ко 2 февраля 1917 число заболеваний в корпусе достигло 125 человек. В результате врачи 56-й, 104-й и 153-й дивизий санитарно-гигиенического отряда 34-го армейского корпуса встретились для обсуждения вопроса о причинах возникновения цинги в частях и о мероприятиях, направленных на ее лечение и профилактику. Еще с XVIII века было хорошо известно, что развитие заболевания вызывается отсутствием в организме витамина С. Наибольшее количество случаев заболевания приходится именно на солдат и матросов, рацион питания которых никак нельзя назвать разнообразным.

Таблица 1.

Количество заболевших в 223-м Одосвском полку зимой 1916–1917 гг.³¹

Дата	Больных солдат
01–08 декабря 1916	51
08–16 декабря 1916	43
16–23 декабря 1916	75
23 декабря 1916 — 01 января 1917	90
01–08 января 1917	70
08–16 января 1917	104
16–23 января 1917	250
23 января 1917 — 01 февраля 1917	112

По мнению врачей Особой армии, главным фактором, способствовавшим развитию цинги в войсках, являлась замена свежего мяса консервами, в особенности — солониной и соленой рыбой. По сравнению со свежим мясом эти продукты содержат значительно меньшее количество питательных веществ и, кроме того, усваиваются организмом значительно хуже, так как содержат в себе примесь соли, вызывающей раздражение кишечного трак-

³⁰ РГВИА, Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 99–104.

³¹ РГВИА, Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 93.

та. Более того, недостаток в пище овощей, в особенности картофеля, капусты и лука, приправ (перца, лаврового листа, уксуса, томатов) и хроническое однообразие рациона питания худшим образом отразились на состоянии здоровья нижних чинов. Отнюдь не способствовали выздоровлению солдат отвратительные условия проживания в тесных, непрветриваемых, темных и сырых помещениях, тяжелые физические работы, отсутствие надлежащего отдыха и моральное переутомление. Совокупность этих факторов и вызывала вспышки цинги. Там, где условия для жизни были хуже, число заболевших было гораздо большим.

В январе 1917 года ситуация ухудшилась из-за газовых атак, а с увеличением больных объем работы для остальных солдат резко увеличивался. В итоге в этом месяце было зафиксировано 1903 случая болезней, в то время как раненых было лишь 227 человек. Из общего числа на 223-й полк приходилось 17 раненых, а заболевших же — 536 человек.³² В феврале случаи заболевания цингой встречались довольно редко, причем наибольшее число заболеваний наблюдалось в 223-м и 224-м полках, в марте же количество заболевших значительно увеличилось, а в апреле их число было уже угрожающим.

Как видим, Одоевский полк пострадал от заболеваний больше, чем другие. В то же время солдаты-одоевцы находились в тех же тяжелейших условиях, что и соседи. Неужели именно болезни стали причиной, подтолкнувшей людей к столь бурному выражению недовольства? Почему восстали именно они? Объяснение можно найти, проанализировав потери полка.

Одоевский полк находился на передовой с сентября 1916 года. Особенно крупные потери были зафиксированы 19 и 20 сентября, когда полк потерял в бою 2028 солдат и 31 офицера³³. Вдобавок к этому офицеры и солдаты, представленные к боевым наградам за храбрость в боях, без указания причин не получили их, так как не были утверждены высшим начальством. Руководство не могло (не хотело?) отблагодарить подчиненных за геройские подвиги. Несправедливость тяжелым камнем лежала на сердцах офицеров и солдат³⁴. 3-го декабря 1916 года полк потерял 587 солдат и 7 офицеров, а десять дней спустя — еще 160 нижних чинов и одного офицера: был уничтожен почти весь 1-й батальон и две роты 4-го³⁵.

³² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 77–77 об, 82–83.

³³ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 42. Л. 6–10.

³⁴ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 1.

³⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4 об, 82–83 об.

Вследствие понесенных потерь в Одоевский полк с 10 октября 1916 по 15 января 1917 года было направлено пополнение в количестве 3 041 человека (как видно из таблицы 2, 2 736 из них начали прибывать прямо накануне волнения — с 21 декабря 1916 года). В большинстве своем это были сибиряки, частью из приисковых рабочих³⁶. Солдаты пополнения, много видевшие при проезде через всю Россию и еще не обезличенные суровым духом старой дисциплины, привезли с собой пугающие вести о голоде в одном месте, о беспорядках в другом, о полиции, расставляющей пулеметы в волостях, о предательстве, измене и т. п. Поступившие известия стали последней каплей, переполнившей чашу терпения солдат-одоевцев, и они громко заговорили о своих нуждах, а увидевшие солдатский быт «новобранцы» не только поддержали товарищей, но едва ли не первые подняли голос. Эти заявления по времени совпали с моментом выступления полка на три недели на передовую, что представляется вполне естественным, так как каждый раз, выступая на позицию, солдат надолго утрачивает надежду на улучшение своего существования³⁷. Более того, новые пополнения вливались в роты без подготовки и инструктажа. Обычно вновь прибывшие разбивались поротно и выдерживались недели две отдельно, обучались ротными инструкторами и потом распределялись равномерно между взводами. Но в конце 1916 года ввиду сильного «некомплекта» в полку, растянутых позиций и массы работ выдерживать маршевые роты, долго не подпуская их к уже имеющимся, было невозможно³⁸.

Временно командующий полком полковник Ивашиненко, находившийся под следствием за беспорядки в полку уже после Февральской революции, утверждал, что с декабря 1916 года с тыла, изнутри России стали поступать печальные, тревожные вести, что там не все благополучно. Прибывшие в полки из отпуска солдаты уверяли, что полиция вооружается пулеметами. Такие вести, безусловно, тревожили солдат, укрепляя беспокойство за участь своих близких. Возвращавшиеся из тыла солдаты покупали на ближайших станциях газеты, статьи, в которых красноречиво повествовали о господствовавших в Петрограде «темных силах», во главе которых стояла царица Александра Федоровна.

³⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 30.

³⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 120.

³⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 23. Л. 156–157, 242–244; Ф. 2247. Оп. 1. Д. 3. Л. 36 об.

Таблица 2

Прибытие маршевых рот для укомплектования Одесского полка³⁹

Месяц и число	Число поступивших солдат
10 октября 1916 г.	234
20 октября 1916 г.	107
25 октября 1916 г.	12
5 ноября 1916 г.	189
17 ноября 1916 г.	241
21 ноября 1916 г.	24
22 ноября 1916 г.	43
30 ноября 1916 г.	107
21 декабря 1916 г.	397
22 декабря 1916 г.	473
24 декабря 1916 г.	249
28 декабря 1916 г.	236
30 декабря 1916 г.	241
5 января 1917 г.	231
6 января 1917 г.	204
16 января 1917 г.	57
6 февраля 1917 г.	182
14 апреля 1917 г.	152
6 мая 1917 г.	81
7 мая 1917 г.	233
Всего	3 689

Ходили слухи о каких-то неведомых никому, происходящих где-то репрессиях. В это же самое время в газетах стала появляться информация о том, что Германия предлагает начать мирные переговоры. По словам Ивашиненко, «создавалось невыносимое, кошмарно-тягостное состояние: правительство предает Родину, правительство играет на руку немцам, продает наши успехи, продает истинных борцов, бойцов за благо Родины. Ис-

³⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 30.

ходя из этого, понятна необходимость проведения идеологической работы среди солдат, приобщения новобранцев к духу полка, но в январе 1917 года на это не было времени». Полковник был уверен, что волнение в полку вызвало пополнение, и не столько путем убеждений, сколько методом угроз, сильно повлиявшим даже на офицеров, привыкших за три года войны не раз лицом к лицу сталкиваться со смертью. Роты рвались на позиции, но были остановлены угрозами со стороны вновь прибывших.⁴⁰

Огромные потери и вливание новых людей в полк, безусловно, оказали негативное влияние на взаимоотношения между офицерами и унтер-офицерами, с одной стороны, и солдатами — с другой. У «новобранцев» не было опыта, они были не подготовлены к войне и не имели времени, чтобы как следует друг друга узнать⁴¹. Молодым, не пользующимся авторитетом среди нижних чинов и не знающим службы офицерам и унтер-офицерам было трудно справиться с 32–35-летними солдатами, обладавшими житейским опытом, не знакомыми с воинской дисциплиной и требовавшими для управления собою твердых и опытных начальников⁴².

Неопытность юных офицеров, безусловно, сыграла важную роль в событиях 18–19 января 1917 года. Более того, следственные материалы показывают, что солдаты из последнего пополнения действительно принимали активное участие в отказе полка идти на позицию. Старший унтер-офицер 4-й роты Иван Дудкин утверждал, что одним из первых, кто выскочил и закричал «стой, не ходи», был солдат Мартынов. Когда рота вернулась обратно к блиндажам, тот же Мартынов требовал, чтобы солдаты забрали с собой в блиндажи винтовки. Мартынов оказался в полку только 15 января 1917 года⁴³. Как и он, большинство тех, кто впоследствии был отдан под суд и казнены, прибыли в полк незадолго до этого. Унтер-офицеры были бессильны остановить мятежников ввиду того, что попросту не успели их узнать. Унтер-офицер из 15-й роты сообщил, что он «людей своей роты по лицам и фамилиям не знал, ибо за последнее время было несколько (два) пополнений, и люди в роте часто сменялись»⁴⁴. Фельдфебель 4-й роты Воробьев на допросе говорил, что, как только начались крики, он

⁴⁰ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 28. Л. 4–4 об, 10 об.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2246. Оп. 1. Д. 576. Л. 86–87 об.

⁴² РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 23. Л. 244.

⁴³ РГВИА. Ф. 16 142. Оп 1. Д. 4037а. Л. 55–56 об.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 16 142. Оп 1. Д. 4037а. Л. 121.

предпринял все меры к тому, чтобы привести роту в порядок. Но рота не слушалась, а хороших помощников у него не было, так как почти все «унтер-офицеры, которых и так было мало, а также ефрейторы и рядовые только что пришли маршевым порядком из Сибири. Эти люди были плохо обучены, вечно всем недовольны, и распущены». Воробьев показал, что он служит в 4-ой роте с 5 декабря 1915 года и с того времени из-за колоссальных потерь рота изменилась до неузнаваемости. Например, после 3-го декабря 1916 года оставалось только 7 человек, но две с половиной недели спустя она полностью восстановилась благодаря новым пополнениям.

Вечером 14 января 1917 года 4-я рота была расформирована — в ней оставили только унтер-офицеров и около 25 солдат, остальные же распределены по другим частям полка. Их место заняли 243 новобранца. Здесь были разные люди: фабричные и заводские рабочие, шахтеры и рабочие с приисков, все — из Сибири. По мнению Воробьева, «все люди маршевой роты были крайне недисциплинированны, дикие и грубые с духом противоречия. Это чувствовалось при общении с ними и при отдаче различных распоряжений». Так, 16 января 1917 года хлеб был доставлен с опозданием, вследствие чего было выражено неудовольствие. Позднее вновь прибывшие отказались выходить на работы⁴⁵.

Командующий 4-й ротой поручик Гурьянов на допросе показал, что 18 января 1917 года в роте было 14 унтер-офицеров, из которых 9 человек прибыли только в этот день утром на пополнение унтер-офицерского состава из 1-й роты. Вообще же в роте насчитывалось 30 старых солдат вместе с унтер-офицерами, а остальные, около 240 сибиряков, пришли 15 января из маршевой роты. Еще до беспорядков Гурьянову было доложено, что пополнение плохое, необученное⁴⁶.

О будущих зачинщиках волнения можно судить по показаниям, данным Василием Нелюбиным, фельдфебелем 59-й маршевой роты, которая впоследствии составила 4-ю роту 223-го пехотного Одоевского полка. Большая часть маршевой роты, как свидетельствовал Нелюбин, состояла из рабочих с приисков, были в ней также и крестьяне-хлебопашцы. Рота находилась в городе Ачинске Енисейской губернии. Обучение проходило два с половиной месяца, вплоть до отъезда в действующую армию. По словам Нелюбина, рота обучалась охотно, не было случаев отказа нижних

⁴⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 32. Л. 11–12, 15–16.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 32. Л. 25–26 об.

чинов от занятий. Все приказанья ими исполнялись аккуратно. На позицию рота выехала 27 ноября 1916 года. В продолжение всего пути никаких происшествий и инцидентов не было, нижние чины вели себя хорошо и никогда никаких неудовольствий не высказывали. Среди них еще на месте формирования роты в городе Ачинске более всего выделялся рядовой Винокуров. Он первый обо всем говорил и кричал. На одной из станций он в разговоре с дежурным по эшелону сказал, что воевать вовсе не нужно и он не желает ехать на фронт. Винокуров всегда старался высказывать различные суждения в присутствии нижних чинов, которые, конечно, не оставались свободными от его влияния, так как всегда его слушали и, безусловно, заражались его настроением. Но открыто никто, кроме него, не выступал⁴⁷.

К началу ноября 1916 года в Одоевском полку было около 2500 нижних чинов. В ноябре в составе шести маршевых рот прибыло еще 900, а в декабре полк получил 12 маршевых рот, насчитывающих 1600 человек⁴⁸. В то же время полк потерял около 600 человек в боях 3-го и 13 декабря. Главные потери относились к первому батальону и в особенности к 3-й и 4-й ротам, однако уже к январю 1917 года роты пополнилась 600 новобранцами⁴⁹.

Резюмируя все вышесказанное и переходя к причинам, вызвавшим беспорядки в Одоевском полку, стоит выделить три группы: свойственные Одоевскому полку, общие для полков 56-й пехотной дивизии и общие, характерные для всей армии. К причинам первой группы относятся: 1) неудачный выбор начальства, павший на полковника Ивашиненко как временно командующим полком — человека мягкого и нерешительного; 2) неудачи в боях и огромные потери Одоевского полка; 3) отсутствие должного поощрения отличившихся в боях солдат; 4) утомление солдат тяжелой службой на позициях в октябре и ноябре; 5) пополнение рядов солдат новобранцами, не прошедшими предварительной подготовки в учебном батальоне; 6) отчужденность офицерского состава от нижних чинов; 6) слабый командный состав полка: один штаб-офицер — временно командующий полком и командиры батальонов: 1 молодой капитан, 1 штабс-капитан, 1 поручик, и 1 подпоручик, 18–20-летние прапорщики — командиры рот.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 33. Л. 13–14.

⁴⁸ В декабре 1916-го в Одоевском полку ежедневно в среднем состояло на довольствии 4535 человек, а в январе 1917-го — 5427. РГВИА. Ф. 801. Оп. 28. Д. 27. Л. 203 об.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2247. Оп. 1. Д. 3. Л. 36 об.

К причинам второй группы можно отнести: 1) тяжелые климатические условия, трудная с географической и тактической точек зрения позиция 56-й пехотной дивизии; 2) нехватка отдыха: всего 2–3 дня в месяц при непрерывном нахождении на позиции в течение 3-х недель; 3) безразличное отношение к нуждам солдат начальства — от командира корпуса до начальника штаба дивизии, зачастую избегавшего посещения и осмотра позиций и частей войск; 4) попустительское отношение начальства к организации обороны окоп; 5) отсутствие со стороны начальствующих лиц требовательности в отношении поддержания должной дисциплины в дивизии; 6) постоянные замалчивания о крупных нарушениях воинской дисциплины в частях дивизии, в результате которых штаб армии не получал оперативные и столь необходимые сведения о качестве жизни в дивизии и ее нуждах; 7) непринятие генерал-майором Российским своевременных мер для расследования и наказания виновных в тяжких нарушениях воинской дисциплины, произошедших в период с 14 декабря 1916 года по 18 января 1917, укрепивших в сознании нижних чинов уверенность в своей полной безнаказанности.

К причинам третьей группы относятся: 1) физическое и нравственное утомление людей, вызванные продолжительными военными действиями; 2) тяжелая, напряженная позиционная война; 3) постоянно ухудшающееся ввиду общих экономических условий питание людей; 4) антисанитарные условия, невозможность в зимнее время поддерживать надлежащую чистоту тела и, как следствие этого, чрезвычайное развитие паразитов и резкое увеличение количества заболеваний; 5) слабость командного состава — в основном молодых, не пользующихся авторитетом среди нижних чинов, неопытных и не знающих службы офицеров и унтер-офицеров, неспособных управлять возрастными группами солдат; 6) пополнения личного состава не готовыми, не желающими воевать и, попросту, разлагающе действующие на «старую гвардию» новобранцами.

Концентрация такого множества негативных явлений оказалась достаточной для того, чтобы назревавшее с декабря недовольство, не пресеченное вовремя командующим составом, вылилось в форму беспорядков, принявших особо крупные размеры 18 января 1917 года. Почва для их возникновения стала настолько благодатной, что никакая агитация большевиков⁵⁰ солдатам уже не понадобилась.

⁵⁰ Ни в одном из документов пока не удалось обнаружить следы влияния большевиков.

А. В. ГАНИН

БОЛГАРИН, ЗАЩИТИВШИЙ РОССИЮ: СУДЬБА
ИОРДАНА ПЕХЛИВАНОВА¹

*«Нет другого слова в болгарской речи,
которое звучало бы с большей гармонией
с духом болгарина-воина,
как слово «напред!» (вперед)»
И. Пехливанов²*

В событиях Гражданской войны особую роль сыграли офицеры Генерального штаба, составившие основу командного состава каждой из воюющих сторон. Пути этих людей в годы «русской Смуты» порой удивительны и неожиданны.³ Как известно, в XIX в. Россия выступила защитницей болгар от османского ига, однако мало кто знает, что один из сынов Болгарии фактически возглавил оборону России от германского нашествия в критический для страны период. В этом очерке речь пойдет о судьбе болгарина

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а² «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Выражаю сердечную признательность внукам И. Г. Пехливанова М. В. Арсеневой (София) и Л. В. Нечаеву (Москва), а также правнуку М. Л. Нечаеву (Москва), любезно поделившимся рассказами об Иордане Георгиевиче и его семье.

² Пехливанов Ю. Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1368. Сохранен стиль автора.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

по происхождению, поступившего на русскую военную службу и внесшего заметный вклад в события Первой мировой и Гражданской войн, полковника Генерального штаба Йордана (Юрдана, Йордана) Юрьевича (Георгиевича) Пехливанова.⁴

Жизнь и деятельность этого необычного офицера почти не привлекала внимания исследователей ни в России,⁵ ни в Болгарии,⁶ что вполне объяснимо. Основные заслуги Пехливанова связаны именно с русской военной службой, поэтому болгарских исследователей эта сторона его деятельности мало интересовала. Отечественные авторы, в свою очередь, не интересовались Пехливановым в советское время по той причине, что он был царским офицером, а также изменником советской власти. Сведения о том, что он успел послужить не только у красных, но и у белых, либо оставались неизвестными, либо тщательно скрывались. Современных российских исследователей Пехливанов не привлекает, поскольку он был одним из создателей Красной армии, ее первых военных специалистов, тогда как изучение этой темы не пользуется большой популярностью в новой России. В итоге его имя (нередко с ошибками в русских текстах, одной из самых распространенных среди которых стала перемена местами имени и отчества офицера) фигурирует (часто с одним и тем же набором фактов), в основном, лишь в советских (и в отдельных постсоветских⁷) обобщающих работах, посвященных обороне Петрограда или зарождению Красной армии, а также болгаро-советской дружбе.⁸

⁴ Далее в статье используется написание имени Пехливанова, принятое в русских служебных документах. — Йордан.

⁵ Можно назвать лишь единственную небольшую заметку, к сожалению, не лишенную неточностей (так, ее автор указал неверный год рождения своего героя): Николаев П. А. И. Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95–96. Также см. энциклопедическую статью: Пехлеванов И. Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535.

⁶ См. краткую справку о Пехливанове: Танчев И. Българи в чуждестранни военноучебни заведения (1878–1912). София, 2008. С. 175. В этой справке неверно указана дата рождения Пехливанова. Выражаю благодарность к. и. н. В. Б. Каширину за возможность ознакомиться с этим изданием.

⁷ См., напр.: Стрекалов И. И. Создание войск завесы (февраль — май 1918 года): Исторический очерк. М., 2001. С. 7–8.

⁸ Барбасов А. П., Золотарев В. А. О прошлом во имя грядущего: традиции российско-болгарского боевого содружества. М., 1990. С. 212–213; Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т. 1. М., 1987. С. 392, 398; В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 220; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 33, 46; Кавтарадзе А. Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М.,

В советской литературе Пехливанов упоминался как интернационалист, которым он в действительности не являлся, так как поступил на русскую службу еще до Первой мировой войны, присягнув на верность России. По мнению известного отечественного военного историка А. Г. Кавтарадзе, Пехливанов сотрудничал с советской властью вплоть до конца 1920 г.,⁹ что не соответствует действительности. Упомянув о том, что Пехливанов не значился в списках «лиц Генштаба», составившихся в 1919–1920 гг., Кавтарадзе, однако, не дал объяснения этому факту, тогда как причина заключалась в том, что Пехливанов в это время уже не служил в Красной армии и находился за пределами Советской России.

Практика исключения важнейших сюжетов из нашего прошлого, исходя из соображений текущей конъюнктуры, продолжает демонстрировать свою порочность. Вследствие игнорирования вклада Пехливанова в создание Красной армии до сих пор остаются малоизученными и подвергаются искажению некоторые ключевые моменты начального периода советского военного строительства. Настоящий сквал антибольшевистской публицистики последних двух десятилетий связан со стремлением целого ряда авторов принизить значимость празднования Дня защитника Отечества 23 февраля (в прошлом — дня Советской армии и Военно-морского флота), показать неосновательность исторической канвы событий вокруг 23 февраля 1918 г. и даже то,

1989. С. 186; Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной армии. М., 1970. С. 212; Крах первого нашествия империалистов на страну Советов. М., 1973. С. 78; Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–1922 гг. (научно-популярный очерк). М., 1977. С. 59–60; Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982. С. 90; Муратов Х. И. Первый советский главковерх. М., 1979. С. 98; Панайотов П. Болгары в борьбе за Советскую власть 1917–1920. София, 1967. С. 82, 90; Он же. Болгарські інтернаціоналісти в боротьбі за перемогу і захист Радянської влади //Український історичний журнал. 1986. № 11. С. 101; Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 44; Он же. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 89, 108, 110, 112; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М. — София, 1981. С. 403; Томан Б. А. За свободную Россию, за свободную Латвию: Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти. М., 1975. С. 90; Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М. — Л., 1964. С. 150–151, 188–189, 194–195; Человек с ружьем. Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19 и др.

⁹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 196.

что такой праздничной дате не место в современном календаре.¹⁰ Авторы такого рода «разоблачительных» публикаций не особенно беспокоит точность приводимых ими данных, вследствие чего они допускают многочисленные ошибки в именах исторических деятелей, датах и фактах.

События обороны Петрограда в феврале — марте 1918 г. самым тесным образом связаны с деятельностью Пехливанова. Обращение к архивным документам, отражающим его деятельность в этот период, показывает несостоятельность попыток переписывания истории и подчеркивает огромное фактическое и моральное значение февральско-мартовских событий для судеб Советской России и зарождавшейся Красной армии. Пожалуй, единственным автором, который серьезно изучал события февраля — марта 1918 г. под Псковом, был советский историк П. А. Николаев. Он же наиболее подробно в советский период изучал биографию Пехливанова, хотя допустил в этом вопросе ряд ошибок и неточностей. Обращение к документам по этой теме сегодня позволяет не только дать современную неидеологизированную интерпретацию событий обороны Петрограда, но и открывает ряд прежде неизвестных фактических данных.

Пехливанов был одним из тех офицеров старой армии, которые стояли у самых истоков создания новой Красной армии. Через призму его биографии можно проследить основные сложности начального этапа существования Советских Вооруженных сил, процесс развала старой армии, зарождения и развития Красной гвардии и Красной армии, процесс перехода от хаоса партизанского периода к регулярным формированиям. Перу Пехливанова принадлежат интересные проекты организации Вооруженных сил Советской России. Наконец, представляет немалый интерес история его бегства из Советской России и ее подоплека. До сих пор все эти сюжеты не привлекали внимания исследователей.

Документы о служебном и жизненном пути героя этого очерка сохранились фрагментарно. Дореволюционную его службу освещают документы РГВИА. В РГВА сохранился даже личный фонд Пехливанова (Ф. 37 562). Отдельные документы, касающи-

¹⁰ См., напр.: Акунов В. «А был ли мальчик?», или 23 февраля как «День порабитителей Отечества» — <http://www.proza.ru/2008/07/20/227>; Лискин И. 23 февраля — День порабитителей Отечества // Наши вести (Санта Роза, Калифорния). Издание Союза чинов Русского корпуса. № 450/2751. 1998. Март. С. 20–21; Миронов В. 23 февраля. История фальсификации // Новый Часовой (Санкт-Петербург). 1994. № 1. С. 39–42.

еся жизни Пехливанова в Болгарии, были выявлены в фондах ГА РФ. В то же время не удалось обнаружить некоторые работы Пехливанова, в том числе опубликованные. Документов, отражающих его деятельность на белом Юге, почти нет. За редким исключением остаются недоступными документы, освещающие жизнь и деятельность Пехливанова после Гражданской войны, когда он вернулся в Болгарию. Тем не менее имеющаяся в нашем распоряжении документальная база все же позволяет детально реконструировать жизненный путь этого офицера в тесной взаимосвязи с теми важнейшими общегосударственными событиями и процессами, участником которых он был.

Иордан Георгиевич Пехливанов родился 7 октября 1876 г. в городе Сливен (в русском написании Сливна) в Болгарии.¹¹ По вероисповеданию был православным. Окончил трехлетний курс единственного в Болгарии Софийского военного училища (1898 г.). Во время учебы был награжден первым призом (серебряными часами) за отличную стрельбу (20 декабря 1896 г.), дослужился до фельдфебеля, однако затем был понижен до старшего портупей-юнкера. 1 января 1898 г. был произведен в подпоручики с зачислением в 1-й артиллерийский полк. Служил в 5-й батарее. Пехливанов с февраля 1901 г. носил очки. Во время службы помимо основных обязанностей был также делопроизводителем полкового суда. Вскоре после производства в поручики, после двавшего 2 мая 1902 г., молодой офицер был командирован в Русук для держания поверочного экзамена перед комиссией при штабе 5-й пехотной Дунайской дивизии для испытания офицеров, изъявивших желание обучаться в высших военно-учебных заведениях. От результатов зависела перспектива зачисления Пехливанова в высшее военно-учебное заведение. Командировка продолжалась с конца мая по 21 июня. Судя по всему, экзамен был успешно сдан, после чего примерно через месяц Пехливанова командировали в Софию на конкурсный экзамен для по-

¹¹ Дата из послужных списков Пехливанова. В письме дочери Пехливанова Кире Иордановны историку П. А. Николаеву от 16 марта 1980 г. указана другая дата — 12 апреля 1877 г. Кира Иордановна специально отметила, что ее отец родился «в день объявления Освободительной русско-турецкой войны, в которой его старший брат Добри участвовал в рядах болгарского ополчения и погиб на Шипке», дядя Иордана Георгиевича, художник Димитр Добревич Пехливанов, состоял в армии Джузеппе Гарибальди. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1. Выражаю благодарность сотрудникам архива М. А. Киселевой и Е. Л. Лысых, любезно предоставившим мне копию этого документа.

ступления в Михайловскую артиллерийскую академию в России. Благополучно преодолев и этот барьер, Пехливанов 1 сентября отправился в Россию.¹² Едва ли он тогда мог предположить, что с незнакомой для офицера страной окажутся связаны почти два десятилетия последующей жизни и службы и что именно в России он найдет себе жену.

В 1906 г. Пехливанов окончил полный курс академии по 1-му разряду, причем превзошел в учебных успехах даже русских слушателей, так как окончил академию «первым по успехам всего выпуска с правом занесения имени его на почетную мраморную доску и награжден большой серебряной медалью на основании чего в том же году переведен в Николаевскую Академию Генерального Штаба».¹³ Таким образом, болгарский офицер продемонстрировал свои выдающиеся способности. Окончание же Николаевской академии должно было еще более расширить его кругозор, сделать уникальным военным специалистом своего времени.

Впрочем, по свидетельству будущего Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, учившегося на курсе младше, проходившие академический курс болгарские офицеры «учились... усердно, но, правда, оценки им ставились с большим снисхождением. Иногда в академию приезжал болгарский военный агент при русской армии, следивший за занятиями офицеров своей армии. В общем развитии болгары отставали, и некоторые жаловались на трудность прохождения курса в русской академии, сравнивая его с курсом итальянской академии генерального штаба, где предъявлялись менее жесткие требования и ставились более высокие баллы (эти оценки впоследствии имели значение при прохождении службы в армии). Отношение русских офицеров к болгарам было чисто товарищеским».¹⁴

Всего к осени 1912 г. через обучение в российской академии Генштаба прошли 123 болгарских офицера, причем 9 офицеров (капитаны И. П. Сирманов и Г. Н. Хесапчиев, ротмистр П. И. Златев, поручики Г. Люцканов, Т. Д. Радев, К. Г. Панов, Г. Н. Попов, Й. Т. Пеев и Е. Т. Тодоров) осенью 1912 г., окончив

¹² Данные о службе Пехливанова приводятся по его послужным спискам на 22 августа 1917 г. — Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37562. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10; на 24 октября 1917 г. — Там же. Л. 21–26; на 14 января 1914 г. — Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. П/с. П/с 36–475.

¹³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁴ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 130–131.

два класса академии, возвратились на родину в связи с началом Первой Балканской войны.¹⁵

20 августа 1907 г. Пехливанов был произведен в капитаны, а 2 августа 1908 г. награжден болгарским орденом за 10-летнюю отличную службу. В 1909 г. он окончил курс академии и 24 июля вернулся в Болгарию, правда, уже с 21 августа снова уехал в Россию, вернувшись в Болгарию только к 26 ноября.

По данным Пехливанова, болгарский Генеральный штаб насчитывал к 1912 г. около 75 выпускников Николаевской академии, 44 выпускника итальянской военной академии в Турине, 10 выпускников французской военной академии, 4 выпускника бельгийской академии и одного выпускника австро-венгерской академии. Всего же офицеров с высшим специальным образованием было порядка 250, или примерно 10 % болгарского офицерского корпуса.¹⁶

Эти данные свидетельствуют о том, что в болгарской военной элите сосуществовали, в основном, выпускники российской и итальянской военных академий. Подобное разделение влияло и на мировоззрение офицеров и на противоречия между ними. Так, «итальянцы» были, как правило, настроены против «русских» и против России, традиционно популярной в болгарском обществе. Этими противоречиями успешно пользовался в интересах укрепления собственной власти болгарский царь Фердинанд Кобург, манипулировавший группировками офицеров.¹⁷ Осенью 1911 г. открылась и собственная болгарская военная академия в Софии с трехгодичным курсом обучения, рассчитанная на 75 слушателей.

На родине капитан Пехливанов с 30 ноября был прикомандирован к штабу армии для отбытия ценза на причисление к Генеральному штабу. Однако уже 30 марта 1910 г. уволился со службы по собственному желанию с зачислением в запас армии.

Нельзя не сказать об одной из причин, по которой Иордан Георгиевич, вероятно, перебрался в Россию. Причиной этой, видимо, стала любовь к необычной женщине — Вере Васильевне Пушкаревой.

¹⁵ Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–145; Танчев И. Указ. соч.

¹⁶ Пехливанов Ю. Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.

¹⁷ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи 1801–1914. М., 2006. С. 550.

Вера Пушкарева (в первом браке — Котляревская; 1871–1942)¹⁸ происходила из дворянской семьи, в прошлом была актрисой и светской дамой. Она окончила Смольный институт, Женские педагогические курсы, филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, Драматические курсы при императорском Александринском театре. Ее первый муж (с 1894 г.) академик Нестор Александрович Котляревский был не только известным литературоведом, но и заведующим репертуаром драмы императорских театров. В 1898–1916 гг. Вера Васильевна состояла в труппе Александринского театра в Петербурге, была у истоков созданного в 1911 г. Общества любителей выразительного чтения при народных университетах, в котором вела занятия по художественному чтению и технике речи.

Вера Пушкарева была известна тем, что содержала в Петербурге собственный литературный салон на улице Кирочной, дом 32, кв. 42, который посещал состоявший с Пушкаревой в близких отношениях президент Российской Академии Наук великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт К. Р.), петербургский бомонд.

Современники отмечали привлекательную внешность Пушкаревой — ее высокий рост, представительность и элегантность, прекрасные манеры, глубокий голос и красивые голубые глаза.¹⁹ Не одно свое стихотворение посвятил ей поэт К. Д. Бальмонт. Ее портрет написал И. Е. Репин. При склонности Веры Васильевны к светскому времяпрепровождению и немалом количестве поклонников, ее первый брак распался.

Среди поклонников актрисы был и Иордан Георгиевич Пехливанов, с которым Пушкарева познакомилась в 1906 г. в Сестрорецке. Затем они встречались на минеральных водах за границей в 1909 г., а также на юге России — в Ялте и на Кавказе в 1910 г. Первый муж Пушкаревой, академик Котляревский, даже оказал содействие переходу Пехливанова на русскую службу.²⁰

¹⁸ Подробнее о В. В. Пушкаревой см.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993. С. 43; Косик В. И. Русские краски на балканской палитре: художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М., 2007. С. 104; Он же. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008. С. 137–141; Каназирска М. В. В. Пушкарева — Н. А. Котляревский // «Погасло дневное светило...» Руската литературна емиграция в България 1919–1944. София, 2010. С. 370–392.

¹⁹ Каназирска М. Указ. соч. С. 372, 378.

²⁰ Там же. С. 378.

Пехливанов и Пушкарева состояли в переписке с 1906 г.²¹ К сожалению, не датированы письма Пехливанова к любимой женщине, рисующие его романтичным и склонным к рефлексии:

«12 ч. ночи
Пале Рояль
8/V

Невольно беру ручку. Хочется писать тебе, Поскорее записать²² настроение, мысли. Только что вернулся с Кабинетской.²³ Хотел поговорить с Нестором Ал[ександрови]чем²⁴ об утренней поездке и справиться нет ли ответа. Были уже посланы 2 телеграммы, и я успел побывать 2 раза на 6ой роте, а к доктору не заходил.

Мое здоровье мне стоит слишком много внимания.

С сегодняшнего дня я и это отдаю тебе с радостью. Жизнь проще, счастье полнее.

Но что ты сейчас там делаешь. Б[ыть] может ты не получила еще эти телеграммы — сообщения ужасные!

Ты слушаешь соловья? Он вместо меня пробудет около тебя всю ночь.

2. Отсутствие ответа оставляет маленький вопрос. И здесь ничего не нашел.

Сильный дождь, на улице прохладно, а в номере душно, тоскливо, скучно. Что-то не вяжется: одна — Ты там одна, как бы заброшена, а я здесь. Ужасно царапает в душе. Я никак не могу сделаться культурным — остаться спокойно так далеко от тебя для виду?!

Дела почти все сделал.

А если получила.. как! Жутко становится²⁵

8 ½ ч. утра
9/V
“Екатерина”.²⁶

Утром вскочил без голоса и без головы. Куда? — На пристань.

²¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома; РО ИРЛИ). Ф. 135. Д. 1020. Л. 5.

²² Зачеркнуто — фиксировать.

²³ Кабинетская ул., 12 — петербургский адрес Пушкаревой.

²⁴ Котляревским.

²⁵ Написано чернилами. Следующая запись — карандашом.

²⁶ Очевидно, название парохода.

Справки были сделаны с вечера. В первом пароходе тебя нет. Сомнение возросло. Неужели, о Боже, еще доказательство безумной стихийной любви.

Хочется упасть на колени. Нет слов, это чудо.

II. В эту минуту я чувствую себя ниже тебя, моя ангел, Божество ты мое.

Один в каюте, я хожу²⁷ сажусь и опять встаю как безумный.

Пишу по кусочкам.

Приносят мне закуску утреннюю. Не хочется никого видеть, а мысль летает по тебе на даче, на пароходе и в 6^и роте. Негодуешь против пространства, вспоминаешь о беспроводном телеграфе, кабы

Это она приехала!

Утренний холодный ветер как бы пронизал меня насквозь. Я остался неподвижен...

«Колония». Письмо. Боже мой, какой ужас!

Ночь контраста, ночь борьбы неравной,

Ночь испытания!

Как²⁸ хотелось услышать торжество чувства над стихией природной, как обидно и больно слушать признания несуществующего греха, преступления... Но за эту борьбу и за эти чувства я твоей всей душой.

Буря в душе, нескончаемая буря.

Не могу разобраться во всем сразу. Величественная борьба двух стихий рисуется в всевозможных картинах.

Иногда они становятся другими; за что ужасно больно обидно. Только еще письмо, новые подвиги, победы.

Поеду за ним, осмотреть поле битвы, разогнать всякие следы врага, очистить атмосферу.

Ты рисуешься в моих глазах героиней и в этом виде ты будешь передо мною».²⁹

В 1914 г. у Пушкаревой и Пехливанова родилась дочь Кира. Судя по служебным документам Иордана Георгиевича, он не был женат, по меньшей мере, до 1917 г. Браки офицеров с играющими на сцене актрисами в то время не поощрялись. Поэтому Кира родилась, когда Вера Пушкарева еще была замужем за Котляревским, который, однако, согласился стать крестным отцом ребенка.

²⁷ Далее зачеркнуто — как.

²⁸ Далее зачеркнуто — бы.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 1–4.

Иордан Георгиевич стал вторым мужем Веры Васильевны уже после Гражданской войны.

Однако вернемся в предвоенное время. Тогда Пехливанова явно тянуло в Россию, где остались друзья по учебе и любимая женщина. В итоге 11 февраля 1910 г. (еще до увольнения с болгарской службы) на основании Высочайшего соизволения, последовавшего по Всеподданнейшему докладу главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений, Пехливанов был принят в русское подданство. 4 мая 1910 г. он был приведен к присяге на подданство России. Существует версия о том, что Пехливанов остался в России, якобы, из-за несогласия с прогерманской ориентацией болгарских властей,³⁰ однако применительно к событиям 1909–1910 гг., когда офицер принял решение перебраться в Россию, такая версия несостоятельна, поскольку говорить о какой-то германской ориентации болгарской элиты в это время еще не приходится. В то время в военных кругах Болгарии шло негласное соперничество группировок русофильски и русофобски настроенных офицеров. Немалая часть болгарского генералитета и сам царь Фердинанд Кобург были настроены антироссийски, а положение русофилов было непростым. Возможно, эти причины и повлияли на выбор Пехливанова.

Первым местом службы офицера в русской армии стала 4-я батарея 23-й артиллерийской бригады, в которую он был зачислен 24 июня 1910 г. Пехливанову был оставлен его капитанский чин, но старшинство считалось с 17 июня 1910 г., когда был издан Высочайший приказ о зачислении Иордана Георгиевича на русскую службу. Время пребывания в офицерских чинах болгарской армии с 1 января 1898 г. по 30 марта 1910 г. Высочайшим соизволением от 21 мая 1910 г. определено было зачесть в действительную службу офицера. 30 июня 1910 г. Пехливанов был причислен к Генеральному штабу и прикомандирован к штабу войск гвардии и Петербургского военного округа для ознакомления со службой Генерального штаба в поле в течение лагерного сбора 1910 г., после которого подлежал прикомандированию к 89-му пехотно-

³⁰ Николаев П. А. И. Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1. С. 95; Он же. На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 244; Пехливанов И. Г. // Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 535; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М. — София, 1981. С. 403.

му Беломорскому полку для двухлетнего командования ротой. В итоге, однако, с 4 октября он был прикомандирован к 94-му пехотному Енисейскому полку, в котором благополучно откомандовал 11-й ротой.

Болгарин по национальности, Пехливанов не мог стоять в стороне от событий на Балканах, происходивших в начале второго десятилетия XX века. Эти события его живо интересовали, не случайно он посвятил им целый ряд своих работ, в том числе книгу. Однако помимо публикаций офицер стремился на родину, чтобы лично увидеть все происходившее, принести своими знаниями и опытом пользу Болгарии.

25 сентября (8 октября) 1912 г. началась Первая Балканская война, в которой государства Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) выступили против Османской империи. Война продлилась до мая 1913 г. В результате боевых действий турки лишились практически всех своих владений в Европе, кроме части Фракии. Война фактически завершила освобождение балканских народов от османского ига.

В сентябре 1912 г., перед самым началом Балканской войны, Пехливанов опубликовал в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» статью «Вооруженные силы Болгарии», в которой дал восторженный отзыв о командном составе болгарской армии. Среди прочего в статье утверждалось: «Про болгарскую армию можно сказать, что, начиная с рядового и кончая генералом, чем лицо выше рангом, тем больше оно отвечает необходимым для него требованиям и тем ближе стоит к идеалу». ³¹ Подобные наивные заявления, конечно же, трудно принимать всерьез применительно к любой армии. Тем не менее такие оценки весьма сочувственно встречались русским общественным мнением, в том числе военными кругами, но были далеки от реального положения вещей. ³²

Подобные суждения не помешали Пехливанову детально проанализировать состояние болгарской армии, пусть и с преобладанием восторженных тонов. В заключение автор статьи отмечал, что «болгарская армия по своему составу является чисто национальной; армия находится в тесной живой связи со всеми слоями

³¹ Пехливанов Ю. Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 33. Сентябрь. С. 1379.

³² Каширин В. Б. Высший и старший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 221.

народа, причем более образованные классы населения не менее причастны к военной службе, чем необразованные... Сознание необходимости ведения войны с Турцией за освобождение зарубежных братьев создало всеобщий интерес к армии и военное дело становится любимым делом народа...».³³

К сожалению, данные об участии Пехливанова в Первой Балканской войне крайне отрывочны. В его послужном списке вообще не упоминается о том, что офицер покидал русскую военную службу. О том, что он все-таки уезжал в Болгарию в период войны свидетельствует лишь скупая строка о пребывании в 28-дневном отпуску с сохранением содержания в период со 2 октября 1912 г., причем срок отпуска был продлен на два месяца, но офицер вернулся за десять дней до окончания срока — 20 декабря 1912 г.³⁴ Разумеется, в русских документах того времени даты приводились по старому стилю.

Итак, наш герой мог с большой долей вероятности находиться на театре военных действий в первый период войны в октябре — ноябре 1912 г. Что же это был за период? В эти месяцы происходило крупномасштабное и стремительное наступление армий государств Балканского союза, турки были вынуждены обороняться и отступать, в связи с переходом к позиционной войне начались мирные переговоры, увенчавшиеся подписанием 20 ноября (3 декабря) перемирия между Болгарией и Сербией с одной стороны и Турцией с другой. Поскольку боевые действия в основном прекратились, Пехливанов вернулся в Россию, причем раньше срока. Разумеется, он не мог предполагать, что мирные переговоры будут сорваны, и 21 января (3 февраля) 1913 г. война возобновится.

По итогам поездки на страницах научно-библиографического журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» увидела свет целая серия публикаций Пехливанова о Первой Балканской войне, напоминающая заготовки для отдельной книги.

Летом 1913 г. выходит его статья «Действия на Восточном театре».³⁵ В ней он подробно разобрал вопрос о подготовке

³³ Капитан Пехливанов. Вооруженные силы Болгарии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 38. Февраль. С. 231.

³⁴ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

³⁵ Капитан Пехливанов. Война на Балканах. Действия на Восточном театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 43. Июль. С. 999–1023.

сторон, прежде всего Болгарии и Турции, к войне и действия на Восточном или Фракийском театре военных действий. По всей видимости, именно там и находился (хотя нигде не упомянул об этом) Пехливанов в период своей командировки. Пехливанов справедливо отмечал, что подготовка к войне — это не только приведение в готовность Вооруженных сил, но и создание «благоприятного для *проявления моральных сил настроения народа* (курсив автора. — А. Г.)». ³⁶ Далее он отмечал важность построения хорошей экономической и политической системы, тщательной разработки стратегических решений.

По данным Пехливанова, до 1910 г. военное руководство Болгарии готовилось к наступательной войне с Турцией один на один, что было возможно, благодаря дезорганизованности турецкой армии и слабости Адрианопольского укрепленного лагеря. Усиление крепости Адрианополь, находившейся на главном операционном направлении, привело к переменам в болгарских планах. ³⁷ Было решено блокировать Адрианополь и пытаться разбить противника на Фракийской равнине. Стало ясно, что для победы нужно искать союзников. К сожалению, источники осведомленности автора о военных планах болгарского руководства нам неизвестны.

В отношении турок Пехливанов отмечал их легкомысленно-пренебрежительное восприятие болгарской армии, ³⁸ что не могло не сказаться на исходе боевых действий в начальный период войны. По мнению Пехливанова, вместо заблаговременно подготовленного плана турки решили воспользоваться импровизированным, направленным на упреждение активных действий болгар. Офицер отмечал, что подобный план «должен был привести к самым печальным результатам. Это не план, а случайное решение, которое указывает на отсутствие настоящего плана кампании». ³⁹

В октябре 1913 г. выходит еще один очерк Пехливанова «Мобилизация болгарской армии», ⁴⁰ в котором он рассмотрел вопрос вступления Болгарии в Первую Балканскую войну. По мнению автора, к началу второго периода войны болгары выставили про-

³⁶ Там же. С. 999.

³⁷ Там же. С. 1015–1016.

³⁸ Там же. С. 1022.

³⁹ Там же. С. 1023.

⁴⁰ Пехливанов И. Война на Балканах. Мобилизация болгарской армии // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 46. Октябрь. С. 1493–1503.

тив турок свыше 600 000 человек,⁴¹ что, однако, является значительным преувеличением.

В другой своей работе Пехливанов рассмотрел мобилизацию турецкой армии и развертывание болгарских войск.⁴² По оценке Пехливанова, в Турции не было подъема народного духа, наоборот, преобладали отрицательные настроения.⁴³

В нескольких номерах журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии» за 1914 г. частями вышла статья Пехливанова «Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция», посвященная боям октября 1912 г.⁴⁴ Статья была достаточно детальной, сопровождалась документами и схемами. По сути это был специализированный военно-исторический труд, в котором досконально, по дням исследовались действия сторон в короткий промежуток времени. Непосредственно перед мировой войной публикуется продолжение предыдущей статьи Пехливанова «Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине»,⁴⁵ которые сам автор охарактеризовал как решительные.

Фактически Пехливанов был одним из первых в России обозревателей и исследователей Первой Балканской войны. К сожалению, сегодня в этом качестве он совершенно забыт. Позднее в Санкт-Петербурге в 1914 г. увидела свет его книга о Балканской войне («Балканская война 1912–13»), но обнаружить хотя бы один экземпляр этого издания не удалось. По всей видимости, основу работы составил как раз цикл статей, публиковавшихся на страницах «Известий Императорской Николаевской военной академии».

8 декабря 1912 г. Пехливанов был переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Некоторое время он временно исполнял долж-

⁴¹ Там же. С. 1503.

⁴² Пехливанов И. Война на Балканах. Действия на Фракийском театре // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1913. № 47. Ноябрь. С. 1671–1688.

⁴³ Там же. С. 1678.

⁴⁴ Пехливанов И. Война на Балканах. Военные действия на Фракийском театре. Лозенградская операция // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 49. Январь. С. 53–77; № 50. Февраль. С. 281–317; № 51. Март. С. 503–523; № 53. Май. С. 811–836.

⁴⁵ Пехливанов И. Действия полевых болгарских армий во Фракийской равнине // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1914. № 54. Июнь. С. 1003–1022.

ность начальника штаба дивизии. В 1912–1913 гг. Пехливанов украсил грудь медалями в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте и в память 300-летия Царствования дома Романовых, а 6 декабря 1913 г. — орденом Св. Станислава 3-й ст. Кроме того, 13 сентября 1913 г. ему было Высочайше разрешено носить болгарские ордена — Крест «За десять лет отличной службы» и «Крест независимости», которым он был награжден как участник Первой Балканской войны. К сожалению, вопрос о том, в какой форме Пехливанов участвовал в той войне (только как наблюдатель или с оружием в руках), остается открытым. 13 июня 1914 г. император разрешил Пехливанову принять и носить пожалованный болгарский орден св. Александра 5-й ст. с мечами.

Иордан Георгиевич не только добросовестно нес службу, но и активно участвовал в военно-научной жизни. Как уже отмечалось, он постоянно сотрудничал с журналом «Известия Императорской Николаевской военной академии». Помимо этого в 1912 г. в Петербурге в военном книгоиздательстве В. Жукова под редакцией Генштаба генерал-майора А. Н. Апухтина вышел подготовленный Пехливановым совместно с его однокашником по академии В. И. Базаревичем перевод труда французского генерала А. Персена «Боевая связь сверху и снизу».⁴⁶ В редакторском предисловии Апухтин отметил, что выполнил эту работу по просьбе переводчиков — его сослуживцев. Работа посвящена слабо разработанному тогда вопросу взаимодействия родов войск, в особенности пехоты и артиллерии. Вспомним, что Пехливанов по первоначальному образованию был артиллеристом. По всей видимости, накануне Первой мировой войны проблемы, затронутые французским генералом, его живо интересовали.

В 1913 г. Пехливанов совместно с А. Семеновым перевел на русский язык работу болгарского офицера К. Киркова «Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание)», представлявшую собой учебный курс для специальных классов военного его царского величества училища в Софии. В этом курсе активно использовалось военно-теоретическое наследие А. В. Суворова и М. И. Драгомирова, исследовались военная этика и методика преподавания военных дисциплин, затрагивались тогда еще малоизученные вопросы, как, например, психологические и физиологические основы душевной жизни человека,

⁴⁶ Général Percin. Боевая связь сверху и снизу. СПб., 1912.

память, воображение, мышление, внимание. Книга была издана в Петербурге в находившейся в здании Главного штаба военной типографии императрицы Екатерины Великой при содействии Общества ревнителей военных знаний.⁴⁷

Летом 1913 г. Пехливанов участвовал в полевой поездке в окрестностях Санкт-Петербурга, а с 6 декабря 1913 г. был назначен помощником старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. На этом посту его и застала мировая война. 1 августа 1914 г. Пехливанов назначен и. д. помощника старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба 9-й армии. С 4 сентября он уже помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, сражавшейся против австрийцев. В сентябре 1914 г., феврале — августе 1915 г. эта армия действовала на австрийской территории.

Пехливанов отличился в октябре 1914 г. в период тяжелейших боев Варшавско-Ивангородской операции, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием. Согласно формулировке приказа по 9-й армии № 422 от 24 августа 1915 г. награждение было произведено «за то, что в Октябрьских боях армии, при форсировании р. Вислы: 1) с целью выполнения предложенной им мысли о подготовке переправы двумя корпусами, руководя лично работами с 7 по 11 октября под сильным огнем противника, установил прочную связь, благодаря которой достигалась не только полная ориентировка в ходе боя всех войсковых начальников, но и сосредоточение огня более 200 орудий нашей артиллерии с правого берега Вислы, чем действительно содействовал нашему крупному окончательному успеху 11 Октября под Ивангородом и Ново-Александрией;⁴⁸ 2) Находясь на своем наблюдательном пункте у Ново-Александрии и следя непосредственно за ходом боя одного из корпусов армии, своевременно и точно ориентировал в обстановке Командира этого корпуса, а личным словесным докладом в Штабе армии способствовал безотлагательному принятию целого ряда экстренных мер, приводимых к достижению поставленной армии цели, т. е. успешному форсированию реки Вислы у Ново-Александрии и к решительному поражению противника на левом берегу Вислы»⁴⁹. Таким образом, пригодились как специальные знания Пехливанова-артиллериста, так и под-

⁴⁷ Кирков К. Записки по военной педагогике (Психология, обучение и воспитание). СПб., 1913.

⁴⁸ Ново-Александрия находилась в 23 верстах от Ивангорода.

⁴⁹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4 об.

готовка, полученная им в академии Генштаба. Пожалование было утверждено 7 февраля 1916 г.

За период боев с 22 августа по 8 сентября 1914 г. Пехливанов был представлен к ордену Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Представление было направлено начальником штаба 9-й армии в Главный штаб. Кроме того, за бои с 7 по 24 октября Пехливанова представили к ордену Св. Станислава 2-й ст. с мечами.⁵⁰ 31 января 1915 г. Высочайшим приказом наш герой был награжден сразу двумя наградами.

Вскоре последовало еще одно представление за то, что «4–5 ноября при начале боев под Краковом командирован из Штаба армии в район боев корпусов Гвардейского и 25-го для ориентирования, поручение выполнил отлично, принимал непосредственное участие в бою. Представляется к ордену Св. Анны 4 степени с надписью за храбрость».⁵¹

24 февраля 1915 г. Пехливанов получил аннинское оружие — орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (Высочайше утверждено 15 сентября 1915 г.), а 27 марта был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами за отличия в делах против неприятеля. Наконец, 15 апреля офицеру была пожалована светло-бронзовая медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. на ленте ордена Белого Орла.

24 марта Пехливанов был допущен к исполнению обязанностей штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 16 октября 1915 г. занимал пост и. д. старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. 6 декабря 1915 г. произведен в подполковники с утверждением в занимаемой должности.

В годы войны Пехливанов продолжал переписку со своей любимой женщиной — Верой Пушкаревой-Котляревской, которая ярко проявила себя тогда на ниве благотворительности. Еще во время Первой Балканской войны Пушкарева организовала сбор пожертвований для болгарских солдат, в годы Первой мировой открыла на станции Бологое приют для детей-сирот, а позднее — частный питательно-перевязочный отряд, причем за свою благотворительную патриотическую работу была награждена тремя Георгиевскими медалями.⁵²

⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27 209. Л. 215 об.

⁵¹ Там же.

⁵² Сохранилось телеграфное поздравление Пехливанова от 7 января 1917 г., адресованное Пушкаревой, в связи с ее награждением Георгиевской медалью 3-й ст. — РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 20.

Теперь, чтобы преодолеть строгости военного времени, переписка Пехливанова и Пушкаревой велась по телеграфу и была замаскирована под деловую. Пушкарева как председатель комитета «Петроград — Польша» занималась благотворительностью в 9-й армии, где служил Пехливанов, что позволяло им не только переписываться, но и встречаться.

О характере взаимоотношений свидетельствует одно из «официальных» недатированных писем Пехливанова:

«Многоуважаемая Вера Васильевна

Его превосходительство, гг. офицеры штаба и я приносим сердечную благодарность за пирог, которым Вы были так ласковы нас побаловать. Пирог, который был, но скоро его уже не стало. Существовал он не более пяти минут.

Целую ручку

И. Пехливанов

21/IX»⁵³

Обычно телеграммы Пехливанова Пушкаревой носили благодарственный характер. Например, осенью 1914 г. он телеграфировал: «Войсковые части, облагодетельствованные комитетом, просят передать Вам [и] комитету их благодарность... Капитан Пехливанов».⁵⁴

10 ноября 1914 г. Пехливанов сообщал: «Груз Петроградского Комитета будет сейчас же перевезен по железной дороге в Кельцы и далее на грузовиках как только явится первая [к] тому возможность. Командующий армией еще раз приказал благодарить Ваш комитет за дар воинам армии... Капитан Пехливанов».⁵⁵

Пушкараева-Котляревская и сама приезжала в действующую армию к своему возлюбленному, о чем свидетельствует телеграмма Пехливанова председателю комитета «Петроград — Польша» от 12 ноября 1914 г.: «Штаб 9 армии. Получен первый транспорт груза комитета при сопровождении госпожи Котляревской. Шлем привет всем чинам комитета. Мехов. Капитан Пехливанов».⁵⁶ Визит Пушкаревой пришелся на период сильных боев в районе Кракова. По итогам поездки при содействии Пушкаревой был со-

⁵³ Там же. Л. 7.

⁵⁴ Там же. Л. 8.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 10.

здан частный летучий Петроградский питательно-перевязочный пункт.⁵⁷

Фактически Пехливанов был уполномочен штабом армии курировать вопросы получения помощи от благотворительной организации Пушкаревой. В частности, он информировал петроградский комитет о ходе продвижения их грузов, давал советы организационного характера.⁵⁸ Деятельность комитета Пушкаревой была активной и разнообразной. При ее участии на фронт отправлялись новогодние подарки, солдат угощали горячим чаем, обеспечивали бельем, обувью и припасами.⁵⁹ В марте 1915 г. Пушкарева вновь приехала на фронт, а позднее приезжала неоднократно.

С 6 декабря 1915 по 8 января 1916 г. Пехливанов находился во временной командировке в XI и XII армейских корпусах в период подготовки атаки названных корпусов с целью организации связи для управления огнем тяжелой артиллерии и в период боев тех же корпусов с целью ориентировки командующего армией в происходящем. После утверждения награждения офицера Георгиевским оружием, он с 15 февраля 1916 г. был включен в число членов Думы Георгиевского оружия при штабе 9-й армии.

Наконец, в апреле 1916 г. Пехливанов покинул штаб 9-й армии, в котором служил с самого начала войны. В телеграмме Пушкаревой от 27 марта 1916 г. он сообщил, что в начале апреля рассчитывает приехать в Петроград на две недели.⁶⁰ 15 апреля он был назначен и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. На новом месте офицер также блестяще проявил себя.

С 22 по 28 мая он участвовал в боях у местечка Самушино (Самушин), 15 июня — в бою у деревни Малый-Гвоздец, 15 июля — у деревни Хощимеж, 25 июля — у деревни Грушка, 30 июля — у города Станиславов и 18 июня 1917 г. — у Лысонского леса, а также в период отступления с 8 по 13 июля 1917 г.

В качестве награды 15 августа 1916 г. ему было даровано старшинство в чине с 6 декабря 1914 г. Кроме того, 7 декабря 1916 г. объявлено Высочайшее благоволение за отличие в делах против неприятеля. Наконец, 30 января 1917 г. приказом по 9-й армии

⁵⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

⁵⁸ РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 11–13.

⁵⁹ Там же. Л. 12, 16, 24, 26; РГИА. Ф. 718. Оп. 1. Д. 23. Л. 13 об.

⁶⁰ РО ИРЛИ. Ф. 135. Д. 1020. Л. 19.

№ 66 Пехливанов был награжден самой желанной для любого офицера русской армии боевой наградой — орденом Св. Георгия 4-й ст. за подготовку и участие в событиях Брусилковского прорыва, «за то, что личной разведкой, сопряженной с явной для его жизни опасностью, в период времени с 6-го по 22-е мая 1916 г. детально изучил позицию противника и все подступы к ней в районе д. Самушин и на основании этих данных разработал план прорыва этой сильно укрепленной, казавшейся неприступной, позиции. 22-го мая принял деятельное участие в бою за овладение позицией в районе вышеуказанной деревни, приведшем к крупной победе над противником. Затем, перед решительным боем 28-го мая у д. Окна, он во главе партии разведчиков при условиях исключительной опасности тщательно изучил подступы к левому флангу позиции, куда намечался главный удар. Во время боя, находясь при начальнике правой колонны, личным указанием направил правофланговые роты, которыми была обойдена и захвачена неприятельская передовая укрепленная позиция, что и послужило началом успеха частей 41-го армейского корпуса, имевшего важное значение на ход дальнейших операций в Буковине».⁶¹

В революционном 1917 г. в качестве признания заслуг офицеров солдатской массой практиковалось награждение их солдатскими Георгиевскими крестами с серебряной лавровой ветвью. Именно такой крест 4-й ст. за № 1130648 получил приказом по дивизии № 266 от 16 августа 1917 г. Пехливанов по решению всех частей дивизии «за то, что 1) Исполняя должность Начальника Штаба дивизии в критический период отступления нашей армии 11-го Июля 1917 года, подвергая свою жизнь явной опасности, лично произвел разведку прорыва нашего фронта в районе Д. Дорохув, быстро расположил в этом прорыве наши полки и тем способствовал успеху нашей дивизии задержать наступление германцев с севера на юг между р. Стрыпой и р. Серет, чем была дана возможность трем армейским корпусам своевременно перейти на восточный берег реки Серет и 2) В период нашего отступления, проявляя необыкновенное хладнокровие и распорядительность, прекратил панику в обозах и на биваке 8-го Июля в д. Козувке, 11-го Июля в д. Хмельювка и др., развитие которых грозило оставление [м] войсками своих мест и бедствиями в тылу в обозах и парках».⁶²

⁶¹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

⁶² Там же. Л. 4 об.—5 об.

15 августа 1917 г. Пехливанов был произведен в чин полковника со старшинством с 4 октября 1916 г. Во время корниловского выступления офицер был выдвинут армейскими организациями на должность начальника штаба фронта,⁶³ однако это назначение не состоялось.

С 22 августа он отправился в двухмесячный отпуск по болезни. Речь шла о нервном переутомлении,⁶⁴ но период, на который пришелся отпуск, дает возможность предполагать и другие причины, связанные с внутренней обстановкой в стране. Впрочем, это только догадки. Еще находясь в отпуску, Пехливанов получил распоряжение отправиться в Петроград в распоряжение военного министра, куда и убыл. В распоряжении военного министра он пребывал с 10 октября.

Как впоследствии вспоминал он сам, «я был вызван в Петроград, как офицер Генер[ального] Штаба, выдвинутый войной,... здесь мне делались разные предложения, от которых я решительно отказался».⁶⁵ Вскоре полковник получил предписание начальника личной канцелярии военного министра и 19 октября отбыл в действующую армию через Ставку и штаб Юго-Западного фронта. Уже 23 октября он прибыл к месту назначения.

На август 1917 г. Пехливанов получал годовое жалование в размере 1344 руб. и 1560 руб. столовых. К концу октября жалование возросло до 1536 руб., сумма столовых осталась прежней.⁶⁶ Как и прежде, Иордан Георгиевич продолжал интересоваться военной наукой. 1917-м годом датирована рукопись составленного им «Пособия по воспитанию и обучению бойца и войска».

Пока Пехливанов ехал на фронт, был издан приказ по армии и флоту, согласно которому 20 октября он был назначен командующим войсками Приамурского военного округа вместо Генштаба генерал-майора К. Н. Хагондокова. 25 октября, сдав должность и. д. начальника штаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, Пехливанов отправился на Дальний Восток.

На восточной окраине России Пехливанову прежде бывать не приходилось. К тому же принимать должность он был вынужден в обстановке революционной анархии и после утраты власти Временного правительства, назначившего офицера на новый пост, что ставило под вопрос легитимность назначения.

⁶³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1316. Л. 77.

⁶⁵ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁶⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об.

Приамурский военный округ охватывал обширную территорию. Штаб округа находился в Хабаровске. И. д. начальника штаба по ходатайству Пехливанова был назначен Генштаба подполковник К. К. Акинтьевский. 9 ноября Пехливанов обратился к управляющему военным министерством с просьбой учредить при себе должность генерала для поручений, поскольку округ был крайне обширным и нужен был человек, готовый ездить в командировки. К тому же на командующем войсками округа лежали еще и обязанности главноначальствующего Владивостокским районом.⁶⁷

Подробности службы Пехливанова на Дальнем Востоке были детально изложены им самим 11 января 1918 г. по пути из Хабаровска в Петроград в рапорте помощнику управляющего военным министерством, главноуправляющему канцелярией народного комиссара по военным делам и в хабаровский совет солдатских депутатов. Черновик рапорта сохранился в личном архиве Пехливанова.⁶⁸ Аналогичный секретный доклад был составлен 4 января 1918 г. дальневосточным краевым ЦИК для военной коллегии Совета народных комиссаров (СНК).⁶⁹ Сопоставление этих двух документов позволяет представить истинную картину событий.

О скором прибытии Пехливанова дальневосточные большевики узнали в начале декабря 1917 г. Полномочия нового назначенца были подтверждены в ноябре 1917 г. СНК, в связи с чем 3-й съезд Советов Дальнего Востока (14 декабря съезд провозгласил установление в крае советской власти), проходивший 11–20 декабря 1917 г., воздержался от выборов нового командующего войсками.⁷⁰

Иордан Георгиевич прибыл в Хабаровск 20 декабря 1917 г. после продолжительной остановки в Харбине, которую он кратко объяснил председателю крайкома: «Для ознакомления с делами». «Это было как раз то время предательского ввода китайских войск, разоружения наших дружин и отправки их в Читу», — отмечалось в докладе краевого ЦИК.⁷¹ Речь шла о ликвидации 26 декабря 1917 г. харбинского совета, а также о разоружении и высылке в Россию 28 декабря с санкции управляющего Китайско-Вос-

⁶⁷ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Л. 7–11 об. Публикуется в приложении.

⁶⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 2–6.

⁷⁰ Там же. Л. 2.

⁷¹ Там же.

точной железной дорогой генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата⁷² китайцами и сторонниками будущего лидера Белого движения на Дальнем Востоке есаула Г. М. Семенова большевизированных солдат 559-й и 618-й дружин Охранной стражи КВЖД, находившихся в Маньчжурии.

В это время власть в крае была сосредоточена в руках временного коллектива из 4–5 представителей Дальневосточного краевого комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений, в который входили большевики и левые эсеры.⁷³ Большинство депутатов съезда разъехались на праздники, чтобы собраться на очередное заседание в начале января. Местные власти были представлены областными земствами Приморской и Амурской областей.

Пехливанову сразу пришлось столкнуться со сложностями административного характера и с непризнанием собственных полномочий. В частности, «казачество, как Амурское, так и уссурийское, замкнулось в своих границах и, по-видимому, не признавало никакой власти, в том числе и власти командующего войсками».⁷⁴ Войсками округа временно командовал Генштаба генерал-лейтенант И. А. Мандрька.

22 декабря Пехливанов встретился с временным председателем коллегии краевого комитета, которому изложил свое видение политической ситуации и собственных задач на новом посту, а также заверил его в том, что признает советскую власть, хотя и назначен до Октябрьской революции. Новый командующий войсками также изложил разработанный им план реорганизации находившегося в округе ополченческого корпуса (краевой комитет как раз собирался упразднить должность командира корпуса и его штаб) в корпус народных (местных) войск, рассказал о планируемом им сокращении военных расходов казны, сокращении владивостокского гарнизона и уменьшении содержания казачьих сотен. Корпус народных войск, по мнению Пехливанова, был нужен для обеспечения «демократического порядка».⁷⁵ Этот корпус, по замыслу Пехливанова, должен был стать образцом для реорганизации и спасения всей русской армии.

⁷² Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 86.

⁷³ Подробнее см.: Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне Гражданской войны. М., 1968. С. 30.

⁷⁴ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁷⁵ Там же. Л. 11.

В тот же день Пехливанов издал приказ о вступлении в должность, а на следующий день встретился с начальствующими лицами и работниками окружного штаба. Тогда к нему явились комиссар окружного штаба и член краевого комитета, предложившие проследовать в краевой комитет для обсуждения вопроса о вступлении Пехливанова в должность. Пехливанов сообщил делегатам, что прием им штаба был лишь формальностью. После этого временный председатель коллегии краевого комитета и комиссар штаба пришли к офицеру и заявили, что Пехливанова в должности не утверждают, так как постановления краевого комитета о его вступлении в должность издано не было. Чтобы оградить себя от ответственности, представители крайкома решили остановить рассылку приказа Пехливанова.

Постановлением 3-го съезда Советов Дальнего Востока руководство военным округом взял на себя комиссариат по военным делам. Неутвержденному командующему войсками округа впредь до съезда членов комитета и формирования нового крайкома было позволено вести только техническую работу — разрабатывать при штабе план реорганизации ополченческого корпуса в корпус народных войск и знакомиться с округом на местах, оставив временно командующим генерала Мандрыку.

Осторожность местных властей была связана с недоверием по отношению к Пехливанову как к бывшему офицеру. Как отмечалось в докладе краевого ЦИК, «с первых же шагов своей деятельности видно было, что полковник Пехливанов настойчиво стремится проводить свою самостоятельную линию действий, идущую вразрез с тактикой выработанной Советским Правительством работы в полном контакте со всеми Советами в Крае».⁷⁶

Деньги из Петрограда в округ не поступали уже с 13 ноября, имевшихся средств должно было хватить лишь до начала января 1918 г. Между тем только на содержание войск и военных учреждений требовалось до 5 млн рублей в месяц. Нужно было как можно скорее осуществить роспуск ополченцев по домам. Кроме того, требовалось срочно отправить куда-либо 15 000 военнопленных, вызывавших большой расход.

Пехливанов обязался к началу съезда крайкома подготовить план роспуска ополченческого корпуса и формирования корпуса народных войск. После этого он уехал во Владивосток, а разработкой плана занялся подполковник Акинтиевский.

⁷⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 3.

В ходе поездки по округу Пехливанов представлялся как командующий и заявлял о том, что программа готовившихся им преобразований утверждена в Петрограде. Иордан Георгиевич встречался с начальниками гарнизонов, представителями дружин и советов, заявлял о немедленной демобилизации войск и замене военных караулов гражданскими. Подобные действия не могли не вызвать беспокойства местных властей.

27 декабря во Владивостоке Пехливанов провел большое совещание, на котором присутствовали начальствующие лица, комиссары крепости, управляющий отделением Государственного Банка, главный контролер, председатель и члены солдатской секции совета рабочих и солдатских депутатов. Обсуждалось положение крепости и гарнизона и перспектива его сокращения. В период пребывания во Владивостоке Пехливанов якобы заявил, что ему в Петрограде дали самые неограниченные полномочия «делать так, как он найдет необходимым».⁷⁷

На протяжении следующих двух дней Пехливанов встречался с представителями местных властей, обсуждал с ними финансовую ситуацию и план действий. Определенную сложность представляло присутствие во Владивостоке консулов союзных держав, которым новый командующий войсками округа должен был нанести визиты. Однако в новой политической ситуации подобные визиты могли быть неоднозначно восприняты местными властями. С консулами необходимо было обсудить морскую перевозку пленных итальянцев и чехословаков с Дальнего Востока. Поскольку Пехливанов решил воздержаться от визитов, от его имени с консулами вел переговоры отставной подполковник Боткин. Во Владивостоке Пехливанов посетил бюро приморского земства, состоявшего в коалиции с большевиками, и сообщил о своей программе действий.

В то время в крае шла борьба владивостокского совета, опиравшегося на революционизированных солдат, рабочих, матросов, частью крестьян против бюро земства, опиравшегося на казачество. Члены совета посчитали, что Пехливанов действует на стороне земства.

Утром 30 декабря Пехливанов отбыл в Хабаровск. Комиссия подполковника Акинтьевского тем временем установила нецелесообразность наличия в округе двадцатитысячного ополченного корпуса, при том, что для нужд округа было достаточно лишь полторы тысячи человек.⁷⁸

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.

Немало проблем вызвал ответ на ноту командира прибывшего во Владивосток 30 декабря 1917 г. японского крейсера «Ивами». 1 января 1918 г. Пехливанов распорядился сообщить японцам, что за их безопасность он не ручается и что в случае высадки японские войска должны поступить в подчинение местных военных властей. Командующий войсками округа лишь пытался придерживаться дореволюционных принципов, которые не собирались признавать местные власти. Крайком приказал остановить передачу телеграммы, посчитав ее предательской.⁷⁹ К тому же Пехливанов предложил союзникам вести переговоры с бюро городских и земских самоуправлений как с преемником отстраненного в декабре 1917 г. краевого комиссара Временного правительства эсера А. Н. Русанова, а не с представителями крайкома. Эти действия уже вызывали серьезные опасения, хотя в целом Пехливанова трудно было считать контрреволюционером и саботажником. Кроме того, Пехливанов телеграфно предложил российскому послу в Пекине князю Н. А. Кудашеву передать военнопленных в ведение союзников, «так как при слагающейся обстановке установление надлежащей охраны невозможно».⁸⁰ При этом он издал приказ о снятии охраны с военнопленных, что также выглядело подозрительно.

Разумеется, краевой комитет, в котором присутствовали делегаты ополченческого корпуса, отнесся к Пехливанову с подозрением, считая, что тот стремится заручиться поддержкой японцев. Перед отъездом Пехливанова в Амурскую область, откуда он рассчитывал вернуться непосредственно к началу съезда крайкома, его вагон был отцеплен от поезда, а сам офицер доставлен в крайком. Большевики посчитали, что Пехливанов решил перебраться в Благовещенск под защиту казачества и земства. По этой причине крайком принял экстренные меры к его задержанию и аресту, что было выполнено 2 января 1918 г. в 22 часа.⁸¹ Вариант ответа Пехливанова на японскую ноту оказался, по его словам, искажен, в чем он усмотрел провокацию против себя.

В итоге со 2 (по другим данным, с 1-го) января 1918 г. Пехливанова изолировали у него на квартире, а затем, 4 января, под надзором делегатов Амурской речной флотилии, ехавших в Петроград, отправили обратно в столицу, в распоряжение СНК. Таким образом, на свободе как командующий войсками округа

⁷⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Л. 5.

⁸¹ Там же.

он провел около десяти суток, в том числе четыре дня в пути. Пехливанов предполагал, что его сочли неугодным и поторопились изолировать от депутатов съезда.

По мнению Пехливанова, если бы ему не помешали, «к концу января мы имели бы первый корпус народных войск, готовый отстоять завоевания революции».⁸² В конце своего рапорта Иордан Георгиевич отмечал: «Моя деятельность в 10-ти дневный период подготовки к вступлению в должность и по разработке плана реорганизации войск не содержит никаких преступных действий. Никаких секретных распоряжений я не отдавал; шифрованных депеш не посылал. Все мои телеграммы проходили через штаб, где находятся комиссары комитета, имеющие право задерживать или приостанавливать любые распоряжения и даже приказы. Кроме того, все депеши цензурировались комитетскими комиссарами на телеграфе. Таким образом, ни одно из моих распоряжений не могло бы быть проведено в жизнь помимо согласия комитета».⁸³

Дальневосточные перипетии поглотили внимание Иордана Георгиевича настолько, что он продолжал заниматься этими вопросами, уже будучи не у дел. Вплоть до двадцатых чисел февраля, когда на него были возложены еще более серьезные задачи, Пехливанов составлял записки по дальневосточной проблематике.

Пришедшие к власти в конце 1917 г. в стране силы с недоверием и подозрительностью относились к офицерам, считая их врагами и контрреволюционерами. Процесс привлечения офицества к созданию новой армии оказался крайне болезненным для каждой из сторон. Офицеры подвергались незаслуженным гонениям и репрессиям, тогда как революционерам приходилось внутренне эволюционировать, подавляя устойчивую неприязнь к офицерской корпорации, мириться с их службой в Красной армии ради достижения победы. Если бы изначальное отношение было иным, возможно, количество измен военспецов было бы гораздо меньшим, а вооруженное противоборство большевиков и их противников не приобрело бы затяжного характера и общегосударственных масштабов.

История кратковременного пребывания полковника Пехливанова в должности командующего войсками Приамурского военного округа показательна. Дальневосточные большевики, проявив недоверие и подозрительность в его отношении, лишь способствовали разочарованию офицера в новом режиме, созда-

⁸² РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

⁸³ Там же. Л. 11 об.

вали почву для конфликта работников окружного штаба и местных властей, для последовавших вскоре антибольшевистских вооруженных выступлений. Дальнейшие события, связанные с обороной Петрограда, продемонстрировали, что Пехливанов был вполне надежным военным специалистом, готовым сотрудничать с новой властью.

Неизвестно, что делал Пехливанов с середины января по середине февраля 1918 г., однако от этого периода сохранились некоторые его любопытные проекты. Пехливанова занимали проблемы формирования новой армии в общегосударственном масштабе. 4 февраля 1918 г. датирована его записка «Рабоче-Крестьянская Красная армия. Принципы формирования». В этом документе генштабист рассуждал о строительстве полевой армии и местных управлений.⁸⁴ Пехливанов писал, что власть в РСФСР отныне принадлежит народу — рабочим и крестьянам, она нуждается в организованной вооруженной силе, и цель создания Красной армии — защита социалистического строя от врагов. Отдавая дань революционной риторике, генштабист отметил, что Красная армия действует «в противоположность империалистическим армиям, действующим по указке царей и тайной дипломатии ради порабощения других народов, ради захвата их территории в интересах высших господствующих классов».⁸⁵

Основным принципом строительства Красной армии, по мнению Пехливанова, должна была стать добровольность службы и сознательность бойцов. Иордан Георгиевич был убежден в том, что новой власти необходима постоянная армия, поскольку предстоит трудная классовая борьба за мировую революцию. Однако после победы он допускал возможность упразднения армии и сохранения лишь вооруженного пролетариата.⁸⁶ К сожалению, сегодня сложно сказать, были ли это идеи самого Пехливанова или же он попал под влияние большевистских идеологов.

Пехливанов активно разрабатывал теорию борьбы вдоль железных дорог, которая была характерна для начального, «эшелонного», периода Гражданской войны. Очень скоро эти разработки Иордану Георгиевичу пришлось применить на практике, обороняя Петроград от немцев. Генштабист отмечал, что завязывать бой должен был головной эшелон. Размер боевой единицы определялся вместимостью эшелона. По его оценке, на эшелон

⁸⁴ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.

⁸⁵ Там же. Л. 2.

⁸⁶ Там же. Л. 2 об.

требовалось 50 вагонов. В таком случае можно было перевозить до 600 штыков при 12 пулеметах, а также специальные команды конных и пеших разведчиков, телефонистов, саперов и перевязочный пункт. Фактически речь шла о перевозке батальона. При этом помимо боевого эшелона был необходим и хозяйственный, для обеспечения войск всем необходимым.⁸⁷

Три батальона должны были составить бригаду, которой придавалась артиллерия. Бригада, по Пехливанову, должна была стать основной тактической единицей Красной армии. В дивизию, высшую тактическую единицу, должны были входить от двух до четырех бригад, а также тяжелая артиллерия, бронев автомобили, аэропланы — все виды технических средств и все рода войск. Действиями дивизий и бригад должен был руководить полевой штаб. Интересно, что многие идеи Пехливанова в дальнейшем были реализованы в Красной армии на практике. Приказом № 137 наркомата по военным делам от 16 февраля 1918 г. Пехливанов был назначен в распоряжение Всероссийской коллегии по организации РККА.⁸⁸

Даже в самые беспокойные времена, как, например, в конце 1917 г., Пехливанов поддерживал связь со своими друзьями по академии Генштаба. Например, он получил письмо от полковника В. Н. Полякова, учившегося в академии на год старше.⁸⁹ Поляков, как и Пехливанов, начинал службу в годы Гражданской войны в Красной армии, но затем бежал к белым. Неформальные связи, видимо, сыграли определенную роль в последующей судьбе Пехливанова.

В феврале 1918 г. Советская Россия могла быть уничтожена. Мирный договор с противниками России по Первой мировой войне заключен еще не был, а старая армия уже фактически не существовала. После срыва советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске 18 февраля началось немецкое наступление на Восточном фронте (операция «Фаустшлаг» — «Удар кулаком»), в основном завершившееся с подписанием 3 марта Брестского мира. За период наступления, по данным ко 2 апреля 1918 г., немцы взяли в плен штаб фронта, штабы четырех армий,

⁸⁷ Там же. Л. 3 об.

⁸⁸ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. Участие болгарских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и защите ее завоеваний. М.—София, 1981. С. 403; Барбасов А. П., Золотарев В. А. Указ. соч. С. 212.

⁸⁹ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 3. Л. 20 об.

пяти корпусов, семнадцати дивизий, более 82 000 солдат и офицеров старой русской армии, захватили колоссальную добычу — около 800 000 винтовок, порядка 10 000 пулеметов, 4 381 орудие, 1 203 бомбомета, 152 аэроплана, 1 278 автомобилей, 100 млн патронов и около 3 млн. снарядов, 2 100 паровозов и около 30 000 вагонов, 63 000 повозок, 1 705 походных кухонь, 13 000 лошадей.⁹⁰ Две недели в конце февраля — начале марта 1918 г. были самыми напряженными как для большевистского руководства, так и для судьбы Советской России. В. И. Ленин назвал этот период одиннадцатидневной войной между русской революцией и германским империализмом.⁹¹

18 февраля немцы заняли Луцк и Двинск, захватив в последнем штаб 5-й армии, 20 взяли Ровно, 21 февраля вошли в Минск, где был взят в плен штаб Западного фронта, и в Новгород Волынский, в ночь 24–25 февраля заняли Псков (находившийся в городе штаб Северного фронта успел эвакуироваться в Тверь), 25 февраля — Ревель, 1 марта — Киев, 4 марта — Житомир. Германские войска наступали, практически не встречая на своем пути сопротивления.

19 февраля состоялось объединенное заседание ЦК партий большевиков и их союзников левых эсеров, на котором присутствовали бывшие генералы В. А. Черемисов и В. Ф. Новицкий. В. И. Ленин тогда высказался за необходимость отпора противнику.⁹²

20 февраля Пехливанов принял участие в совещании, проходившем в здании военного министерства (Мойка, 67) в Петрограде в присутствии большевистского руководства (П. Е. Дыбенко, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, Ф. Ф. Раскольников, Э. М. Склянский) и военных специалистов (В. М. Альтфатер, А. И. Андогский, В. Е. Борисов, Г. Г. Гиссер, Э. А. Верцинский, М. П. Каменский, В. Ф. Новицкий, И. Г. Пехливанов, Н. М. Потапов, В. А. Черемисов). Совещание было создано в связи с наступлением германских войск и должно было решить вопрос об организации обороны.⁹³

⁹⁰ По германским данным. Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988. С. 38; Он же. Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 80–81.

⁹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 33. Д. 496. Л. 4.

⁹² Николаев П. А. На защиту Петрограда! Л., 1986. С. 20.

⁹³ Верцинский Э. А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 50–56. В работе А. Г. Кавтарадзе при-

21 февраля был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Я. М. Свердловым. В этот же день был подписан, а на следующий день опубликован декрет-воззвание СНК «Социалистическое отечество в опасности!». Вечером 22 февраля в Петроград по вызову В. И. Ленина прибыл из Могилева начальник штаба Верховного главнокомандующего бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, фактически возглавивший оборону Советской России от внешнего врага. После совещания с Лениным и другими представителями власти Бонч-Бруевич приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина.

23 февраля прошла массовая мобилизация петроградского пролетариата на борьбу с врагом. Именно этот день считался днем рождения новой армии, а сегодня справедливо отмечается в России как День защитника Отечества. Этот день и тогда и сегодня ясно обозначает тот непреложный факт, что в каком бы тяжелом положении ни находилась Россия и ее армия, у нее всегда найдутся свои надежные защитники, способные дать отпор врагу. По данным к 27 февраля, в Красную армию в Петрограде вступили около 13 000 человек.⁹⁴ Немаловажно, что в ночь на 24 февраля СНК принял германские условия для заключения мира, что привело к приостановке немецкого наступления.⁹⁵

Тем не менее в ночь 24–25 февраля немцы с боем заняли Псков. Этой ночью в Смольном не спали. Ленин провел экстренное заседание СНК. В 4 часа утра было принято решение о выделении из Комитета революционной обороны Петрограда оперативного центра для руководства защитой столицы — Бюро, в состав которого вошли представители большевиков и левых эсеров, а в качестве военного специалиста — М. Д. Бонч-Бруевич, который должен был разработать план обороны Петрограда. Было решено дать гудки на всех фабриках и заводах столицы, чтобы как можно быстрее собрать рабочих, готовых пойти на борьбу с врагом.

Понедельник, 25 февраля, стал долгим днем для Пехливанова. В этот день, еще на рассвете, он получил из Смольного телеграфный приказ: «Немцы по сведениям 24 фев[аля] заняли

ведены ошибочные данные о дате, причинах и составе участников совещания, в котором участвовал Пехливанов — Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 67.

⁹⁴ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 31.

⁹⁵ Базанов С. Н. Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. — марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 50.

Псков незначительными силами. Вы назначаетесь н[ачальни]ком Псковского отряда в составе: 5 батал[ьонов] при 12 пул[еметах] на каждый б[атальон], 3 батарей при необходимых технических средствах связи; на усиление отряда будут направлены части дополнительно. На Псковский отряд возлагается задача: выбить немцев из Пскова и преследовать до Изборска — Острова, который должен быть занят; скорейшее достижение поставленной цели является основой Ваших действий. Дополнительные силы предполагается направить по жел[езной] дор[оге] Петроград — Дно — Псков, о времени их выступления будет сообщено. Штаб обороны. Петроград, Мойка, 67. До[м] в[оенного] мин[истра]. Наштаверх Бонч-Бруевич». ⁹⁶ Состав отряда в дальнейшем оказался совсем иным.

Бонч-Бруевич ставил боевую задачу без учета реального соотношения сил и средств сторон, а также морального состояния красновардейских отрядов, которое было невысоким. Однако Пехливанов немедленно приступил к выполнению поставленной задачи, возможно даже осознавая невозможность отбить Псков. Он возглавил оборону Советской России от германских войск на наиболее опасном псковском направлении, непосредственно угрожавшем Петрограду. То, что именно псковское направление считалось немцами главным, отмечено в некоторых исследовательских работах. ⁹⁷

Отряд составили добровольцы из солдат старой армии, красноармейцев и красновардейцев. Бойцы Красной армии и Красной гвардии шли защищать Петроград бок о бок с еще сохраняющимися подразделениями старой армии. Удивительно, что эти разнородные революционизированные силы были готовы подчиняться приказам бывшего офицера Генерального штаба. В будущем именно сочетание опыта и знаний старых офицеров с революционным порывом комиссаров и большой численностью красноармейского состава стало одной из сильных сторон Красной армии.

На основании полевой записки № 2 начальника штаба Верховного главнокомандующего от 23 февраля 1918 г. в отряд Пехливанова были командированы слушатели старшего курса академии Генерального штаба С. И. Васильев, М. Б. Дмитриев и Ивановский. Ко 2 апреля все они вернулись в Петроград. ⁹⁸ В марте

⁹⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 102–102 об.

⁹⁷ Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М. — Л., 1964. С. 188.

⁹⁸ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 3. Л. 201.

в штаб Пехливанова были направлены выпускники ускоренных курсов 2-й очереди академии: Ф. Н. Гришин, Н. Н. Долинский, С. И. Петров, Х. В. Гуртовенко, А. Д. Загребин, В. Ф. Ржевицкий, В. А. Срывагин, Б. М. Черниговский-Сокол, П. И. Ляшко и М. Н. Третьяков.⁹⁹ Таким образом, Пехливанову помогали в работе 13 молодых выпускников и слушателей ускоренных курсов академии Генерального штаба.

Бонч-Бруевич предполагал провести разведку в направлении Нарвы, Талса, Дно, Новосокольников, Невеля и Идрицы. Он также требовал охраны технических сооружений стратегически важной в сложившихся условиях железной дороги Петроград — Москва, соединявшей театр военных действий и столицу Советской России с центром страны.¹⁰⁰

Уже в 7 утра из Смольного Пехливанов со штабом только что рожденного отряда наметил переезд на Варшавский вокзал. Тогда же был назначен начальник головного эшелона Псковского отряда Серебряков, получивший боевую задачу — организовать подручными средствами оборону города Луга, находившегося от Пскова в 140 километрах (перекопать шоссе, подготовить мосты к сожжению, выставить батарею для обстрела мест перекопа).¹⁰¹ Этот приказ был отдан в условиях, когда реальная обстановка и скорость продвижения немцев к Петрограду были неизвестны.

Первыми на вокзал прибыли бойцы 1-го красноармейского полка из добровольцев, размещенных в новочеркасских казармах. Затем подошел 6-й Туккумский латышский стрелковый полк (впрочем, латыши в тот день на фронт не поехали), батарея Михайловского артиллерийского училища, отряды рабочих-красногвардейцев заводов «Розенкранц» и «Вулкан» и 2-й пулеметный запасный полк.

В 9.30 утра Пехливанов уже находился на Варшавском вокзале. К этому времени он знал, что накануне около 18 часов вечера немецкая конница и броневые автомобили незначительными силами заняли Псков и двигались далее на станцию Торошино, находящуюся на железнодорожной линии Псков — Петроград в 21 км северо-восточнее Пскова. Продолжение немецкого наступления создавало непосредственную угрозу столице Советской России. Намеченные силы отряда Пехливанова насчитывали, как отмечалось в телеграмме Бонч-Бруевича, 5 батальонов при 60 пу-

⁹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109, 116 об.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 103–103 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 105.

леметах и 3 батареи. Однако эти силы были лишь расчетными, а не фактическими.

25 февраля в 12 часов 30 минут с Варшавского вокзала на станцию Луга отбыл головной эшелон отряда (первоначально его отправка была намечена на 10 часов утра). В первом эшелоне отправились 700 красноармейцев из казарм Новочеркасского полка и красногвардейцы при трех пулеметах. Бойцы, выехавшие в поезде, фактически отправились в неизвестность. Никто точно не знал, какими силами оперируют немцы и как будут развиваться их дальнейшие действия.¹⁰² Навстречу им тянулись многотысячные массы стихийно демобилизовавшихся солдат старой армии. Пехливанов приказал бойцам высадиться на станции Луга и принять меры к тому, чтобы задержать бронемшины противника южнее города, а также выяснить обстановку на железной и шоссейной дорогах Луга — Псков. Штаб отряда оставался на Варшавском вокзале Петрограда.

Спешно формировался второй эшелон. В нем отправлялись на передовую 50 самокатчиков и 2-й пулеметный полк, имевший 60 пулеметов. В 13.30 Пехливанов отдал приказ авангарду второго эшелона при 24 пулеметах и 50 самокатчиках под командованием В. Я. Беркуля оборонять лужский железнодорожный узел со стороны Пскова до сосредоточения всего отряда. В распоряжение начальника авангарда он приказал передать все боевые средства Лужского совета.¹⁰³

В 14 часов Пехливанов телеграфировал Бонч-Бруевичу: «Ко времени получения мною задачи отбросить противника от Пскова и выдвинуться к Острову [в] 6 ч. утра 25 с[его] февраля — были получены сведения о появлении противника у ст. Торошино. К 8 ч. утра эти сведения получили подтверждение по железнодорожному телеграфу. В соответствии с[о] сложившейся обстановкой я решил пунктом сосредоточения отряда избрать г. Лугу. Для прикрытия сосредоточения назначен авангард в составе 2 эшелонов при 24 пулеметах и 50 самокатчиках с задачей прикрывать Лужский железнодорожный узел до окончания сосредоточения всего отряда. Начальнику авангарда предложено использовать в целях обороны все боевые средства Лужского совета».¹⁰⁴ В 14.14 Пехливанов отправил еще одно до-

¹⁰² Фрайман А. Л. Указ. соч. С. 189.

¹⁰³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 108.

¹⁰⁴ Там же. Л. 109–109 об.

несение Бонч-Бруевичу и в штаб обороны в Смольный с отчетом о своих действиях.¹⁰⁵

Видимо, только во второй половине дня Пехливанов смог, наконец, издать приказ об организации штаба отряда. Своим непосредственным помощником и заместителем Пехливанов назначил бывшего Генштаба полковника Б. В. Малютина, которого, вероятно, знал с академических времен, т. к. Малютин окончил академию на год раньше. Пост начальника штаба псковских отрядов занял член Главного штаба Красной гвардии бывший офицер Ф. П. Никонов. Интендантом был назначен Янышевский. Никонов и Янышевский должны были отправиться в Лугу с последним эшелонот отряда.¹⁰⁶ Комиссарами отрядов Пехливанова стали В. Волков, П. А. Залуцкий, И. И. Ионов, П. Л. Панах и И. С. Уншлихт.

На начальника штаба отряда Ф. П. Никонова Пехливанов сразу произвел самое серьезное впечатление. Никонов впоследствии вспоминал: «Получил я назначение быть начальником штаба Псковских отрядов. Это было 25 февраля 1918 года. Мне сказали: «Спешите на Варшавский вокзал, там формируются эшелоны. Ищи полковника Пехливанова, командира отряда».

Прихожу на вокзал. Там сутолока неопишная, толкотня, крики, хаос. Проталкиваюсь через толпу. Вижу рослого военного в длинной серой шинели, в папахе, очень внушительного вида. Он совершенно спокоен среди этого хаоса. Отдает короткие деловые распоряжения. Подхожу, представляюсь. «Будем воевать вместе», — кратко отвечает он на мое представление. И продолжает распоряжения ровным голосом, но очень внушительно. Чувствуется большой авторитет командира. Думаю: «С таким хорошо воевать».

Хаос постепенно организуется. Погрузились в эшелоны. Едем. Стоим у окна. Видим группы деморализованных солдат, бредущих с фронта. «Надо их остановить, — говорю, — вернуть». А он: «Оставьте их, они нам не нужны. Воевать они не будут. Только лишний балласт. Нам нужны преданные, боевые, сознательные, надежные. Пусть меньше, но лучше».

Запомнились его спокойствие, деловитость, умение влиять на бойцов и всех подчиненных, организовать их, влиять на них без лишних слов, а просто своим присутствием и поведением, уверенность в победе, отсутствие показухи. Запомнились также его отеческая забота о быте солдат, понимание психологии бойцов,

¹⁰⁵ Там же. Л. 110.

¹⁰⁶ Там же. Л. 111.

демократичность, не свойственная царским офицерам, и в то же время требовательность. Его очень любили и уважали за глубокое знание военного дела и правильный подход к людям».¹⁰⁷

Нельзя не признать, что это слишком благожелательная характеристика, так как отношение революционной массы к «царскому офицеру» в то время не могло быть всецело доверительным. К примеру, один из ответственных советских работников, участвовавших в формировании псковских отрядов, отмечал, что назначение командиром отряда Пехливанова — это «громкая ошибка, которая впоследствии дала возможность генералам поднять голову».¹⁰⁸ В этом смысле положение Пехливанова было непростым.

В 18.30 с Варшавского вокзала отправился второй эшелон отряда в составе 50 самокатчиков, 2 телефонных команд и при 60 пулеметах. Задержка отправки эшелона на семь часов, по некоторым данным, была вызвана саботажем железнодорожников. Отправки удалось добиться только под угрозой расстрела дежурного по станции, если эшелон не будет отправлен.¹⁰⁹ Велась погрузка третьего эшелона в составе 4-орудийной батареи Михайловского артиллерийского училища с двумя зарядными ящиками, 400 солдат Измайловского полка, штаба отряда и 50 красногвардейцев завода Розенкранц.¹¹⁰

С третьим эшелоном произошла накладка. Батальон Измайловского полка ввиду недостатка патронов и плохого обмундирования ехать отказался и постепенно разошелся по казармам. Артиллерийская батарея была готова к отправке, но в запасе имелись лишь шрапнели, тогда как для борьбы с наступающими броневиками противника нужны были гранаты. Намеченные к отправке латышский батальон, два эскадрона 9-го кавалерийского полка и батальон 12-го Финляндского стрелкового полка (должен был погрузиться в Новом Петергофе) вообще на посадку не прибыли.¹¹¹

Формирование, которое возглавил Пехливанов, получило наименование псковских отрядов. Именно эти отряды стали одними из первых частей создававшейся Красной армии. В 22 часа

¹⁰⁷ Воспоминания были записаны дочерью Пехливанова Кирой Иордановной в 1969 г. в Москве и хранились в собрании П. А. Николаева. Цит. по: Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 245–246.

¹⁰⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. Сб. док. в 4-х т. М., 1971. С. 110.

¹⁰⁹ Там же; Петров В. И. Отражение страной Советов. С. 109.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 113.

¹¹¹ Там же. Л. 114–114об.

в Лугу прибыл первый эшелон. Второй эшелон прибыл в 2 часа ночи 26 февраля.¹¹²

Сам Пехливанов со штабом отряда в составе третьего эшелона добрался до Луги к 14 часам 26 февраля.¹¹³ Сразу после доклада начальника авангарда он провел совещание с комиссарами Б. П. Позерном (член коллегии управления войсками Северного фронта) и П. А. Залуцким (комиссар Комитета революционной обороны Петрограда).¹¹⁴ По итогам совещания был отдан приказ — немедленно выдвинуть в сторону Пскова разведывательный эшелон под начальством В. Я. Беркуля. Вслед за этим приказано было перебросить все эшелоны и штаб отряда на станцию Струги Белые, расположенную между Псковом и Лугой.

Разведчики отбыли в 17 часов, еще три эшелона — в двадцать два часа, ноль часов и в два часа ночи следующего дня. В Петрограде оставался интендант отряда Янышевский, его заместителем от Лужского совета был Любович, находившийся в Луге, а при штабе отряда вопросами снабжения ведал Иванцов. Комиссаром по снабжению значился Мурыгин. Однако в период боев снабжение отряда должным образом налажено не было.¹¹⁵

Поздно вечером 26 февраля, в 23 часа, Пехливанов провел новое совещание с Позерном и Залуцким. К этому времени Иордану Георгиевичу уже было известно, что Псков занят силами немецкой дивизии, причем утром немцы организовали наступление от города. Командир отряда обоснованно осторожничал, считая, что силы неравны и вверенных ему войск достаточно только для разведки. Чтобы действовать более активно, Пехливанову были нужны еще четыре эшелона отряда, бронепоезд, бронедивизион и конница. Итогом совещания стало общее решение о невозможности противостоять немцам до сосредоточения всего отряда.¹¹⁶ Было также решено подготовить к взрыву железную дорогу к югу и северо-востоку от Луги.

После совещания Позерн должен был ехать в Новгород, командантом Лужского района был назначен А. И. Тарасов-Родионов. Случилась и серьезная неприятность — у Луги произошло крушение поезда, что в условиях эшелонной войны было чревато

¹¹² Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 109.

¹¹³ Таким образом, не соответствуют действительности данные П. А. Николаева о том, что он прибыл в Лугу лишь 27 февраля — Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 108.

¹¹⁴ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 115 об.

¹¹⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

¹¹⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 118 об.

самыми серьезными последствиями и из-за чего эшелоны некоторое время не могли отправляться на Струги Белые.

27 февраля Пехливанов запрашивал начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича, какие дополнительные отряды направлены для совместных с ним действий в район Нарвы, Гдова, Пскова, Дно. Постепенно стали прибывать пополнения. Так, 27 февраля в Лугу прибыл 3-й пехотный запасный полк в составе 175 человек при 2 пулеметах «Максим».¹¹⁷ К 27 февраля в отряде насчитывалось 1300 штыков, 63 конных разведчика, 87 пулеметов и 4 трехдюймовых орудия.¹¹⁸ В отряде было 5 % инструкторов и 1 % специалистов. Вскоре Пехливанов получил из Петрограда ожидаемый им бронепоезд. Подкрепления дали возможность перейти к решительным действиям.

Сохранилась ведомость состава эшелонов отряда, позволяющая, несмотря на вероятные неточности, составить более детальное представление о силах Пехливанова по данным на начало марта:

Таблица 1.

Ведомость состава эшелонов отряда Пехливанова¹¹⁹

Эшелон	Состав
Броневой поезд	Путиловцы, разведчики, артиллеристы. Всего 170 чел., 8 орудий, 7 пулеметов. 6 классных вагонов, 3 крытых, 2 платформы, 4 бронеплатформы
1 эшелон	1-й отряд РККА, команда самокатчиков, пулеметчики. 578 чел., 14 пулеметов. 9 классных вагонов, 2 крытых, 8 пульмановских (?), платформа. 13 лошадей, 15 повозок
2 эшелон	2-й пулеметный полк, 3 запасный полк, при них пулеметы и эскадрон. 770 человек, 40 пулеметов Кольта. 4 классных вагона, 12 крытых, 7 пульмановских (?), 5 платформ. 45 лошадей, 30 повозок
3 эшелон	6-й Латышский полк, штаб отрядов, батарея Михайловского артиллерийского училища, подрывники, красногвардейцы, разведчики. Более 600 человек (?)
4 эшелон	Кронштадтцы, врачи

¹¹⁷ Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 95.

¹¹⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 38.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–9 об.

Наступление на Псков вели соединения 8-й германской армии генерала Г. Кирбаха, в частности 53-й корпус. Разведка сообщила, что в районе Ревеля сконцентрировано до 9 000 немецких солдат.¹²⁰ В Пскове расположилась дивизия с номерами полков 345, 346, 347, 348. Всего около 4 000 человек. Штаб дивизии находился с 26 февраля в здании реального училища. Позднее был сообщен и номер дивизии — 78-я пехотная.¹²¹ Вечером 27 февраля немцы подтянули к городу еще два пехотных полка. Помимо этих сил были замечены подразделения еще четырех полков. Также в городе сосредоточились три артиллерийских полка и пять кавалерийских. Нумерация полков менялась. Так, к 14 марта сообщалось, что в Пскове сосредоточены 317-й, 2-й, 3-й, 5-й, 73-й и 74-й пехотные полки, а также замечены отдельные пехотинцы из 240-го, 37-го, 131-го полков, 6-го егерского полка, 102-го, 107-го (Верденского), 108-го артиллерийских полков, предположительно из 109-го артполка, в городе находились также 34-й, 39-й и 43-й драгунские, 1-й и 2-й гусарские полки.¹²² В марте Псков оборонял 8-й немецкий корпус со штабом в деревне Череха (с 12 марта), которая была сильно укреплена.

В 5–6 верстах от города немцы выставляли полевые караулы силой 10–15 человек при пулемете, вокруг города рыли окопы, укрепляли позиции колючей проволокой. 27 февраля было замечено движение отряда вдоль железной дороги Псков — Гдов. Кроме того, сразу после занятия города немцами была начата отправка из Пскова в Германию всех военнослужащих и военнообязанных русских.¹²³

28 февраля Бонч-Бруевич направил телеграмму в Тверь в штаб Северного фронта и в Смоленск главнокомандующему Западным фронтом, в которой изложил свое видение обстановки: «В дополнение общей директивы по задаче фронту с указанием разграничительных линий между фронтами сообщаю: Верховным командованием сосредотачиваются добровольческие отряды в районах Нарвы и Пскова и Порхова и Ст[арой] Руссы и Великие Луки во главе [с] ответственными начальниками, пока назначены Начальниками Нарвского — Парский и Псковского — Пехлеванов, остальные будут назначены вслед за сим. В подчинение

¹²⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

¹²¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

¹²² Там же. Л. 65.

¹²³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 126об., 130, 137об.; РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.

этих Начальников должны поступать наши войска, отходящие с фронта, сумевшие сохранить свою боеспособность. Задача всем этим отрядам — удержать вторжение немцев и прочно оборонить от отдельных немецких отрядов узловые станции и вообще железные дороги. По мере накопления сил внутри страны число отрядов и самые отряды будут увеличиваться... [В] дополнение распоряжения о расформировании Штабов армий Главковерх приказал расформировать все штабы до дивизионных включительно тех частей, которые действуют на фронте за исключением штабов тех войсковых соединений, кои сохранили в полной мере боеспособность, внутренний порядок и готовность к борьбе с внешним врагом. Все чины расформировываемых штабов, кои пожелают продолжать борьбу с внешним врагом, должны приписываться и находиться [в] штабе фронта и снабжения фронта, о числе собранных при штабе таких лиц периодически доносить [с] указанием, какую должность занимал, отсюда штаверх будет черпать нужных людей, до нового назначения все сохраняют свои оклады...». ¹²⁴

Бонч-Бруевич из Петрограда требовал от Пехливанова решительных действий, ¹²⁵ и они не заставили себя ждать. Несмотря на множество недостатков, бойцы Пехливанова действовали против немцев крайне успешно. Тем более, что подошли подкрепления. 28 февраля на передовую прибыл отряд рабочих-путловцев (244 человека, в т. ч. 9 пулеметчиков с двумя пулеметами), партизанский отряд «Волчья стая» (235 бойцов) и отряд из Шлиссельбурга (124 бойца). Сосредоточение отряда завершилось к 16 часам 28 февраля. Авангард сил Пехливанова выдвинулся со станции Новоселье (50 километров от Пскова) на станцию Торошино, заняв последнюю при поддержке бронепоезда после короткого боя.

Одно из первых боевых столкновений произошло 1 марта в 23 часа у станции Черняковицы в десяти верстах от Пскова, где поддержку красноармейцам оказывал бронепоезд. Разведчики бронепоезда под командой врача атаковали немецкую заставу. Были убиты четыре солдата противника, взяты в плен офицер и два солдата. Красноармейцы потеряли одного бойца убитым и одного раненым. Пехливанов тогда лаконично телеграфировал в Петроград: «Первое столкновение! П.». ¹²⁶ В этих двух словах заключались противоречивые чувства: и обеспокоенность даль-

¹²⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 64.

¹²⁵ Там же. Л. 57.

¹²⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 132.

нейшим развитием ситуации, и стремление показать, что бойцы отряда способны на активные действия.

Произошел бой и у деревни Яхново, где также была уничтожена немецкая застава. Сохранилось описание этого боя. В 21 час разведывательный отряд из 12 человек атаковал там немецкий разъезд, состоявший, как сообщалось в донесении, из немцев и русских черносотенцев с пулеметом. Были убиты 4 немца. Офицер и два русских предателя, как они названы в донесении, взяты в плен. По приговору военно-полевого суда предателей расстреляли. Потери советских войск составили: один убитый, один тяжело раненный (затем умер от ран).¹²⁷ Черносотенцами и предателями, по всей видимости, были названы белогвардейцы. У станции Струги Белые бойцы Пехливанова отразили налет немецкой авиации.

1 марта пришла новая строгая телеграмма от Бонч-Бруевича: «Несколько раз указывалось Вам [на] развитие самых энергичных быстрых действий. Строгий расчет и разумную осторожность учитывать надо, но в излишнем промедлении гибель дела. Прошу Вас сообщить Ваш план [и] время, когда окончательно приступите [к] его исполнению...».¹²⁸

В 23 часа 5 минут 1 марта Бонч-Бруевич телеграфировал Пехливанову уже в более спокойном тоне: «Ваш способ действий признаю соответствующим обстановке. Мои телеграммы вызваны вашим молчанием в то время, когда желательно было получать более частые донесения с псковского направления, дабы удовлетворить запросам правительства и мне самому быть вполне ориентированным».¹²⁹

К 1 марта штаб отряда находился в Стругах Белых. В течение дня прибыли еще 110 человек при двух пулеметах Кронштадтского матросского отряда и 168 человек при четырех пулеметах огнеметного химического батальона. Шлиссельбуржцы-пулеметчики решили объединиться с Кронштадтским отрядом, образовав Кронштадтско-Шлиссельбуржский партизанский отряд в 234 человека под управлением коллегии из пяти человек.¹³⁰ Химический батальон отправился на передовую по решению батальонного

¹²⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.

¹²⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 62.

¹²⁹ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 420. В работе П. А. Николаева эта телеграмма почему-то отнесена к 3 марта, что существенно меняет всю логику происходящего — Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 126.

¹³⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

комитета, а не по личному решению каждого бойца, как практиковалось в тот период, поэтому в батальоне всерьез обсуждалась возможность возвращения нежелающих сражаться.¹³¹

На железной дороге произошла новая авария, что в условиях эшелонной войны могло иметь катастрофические последствия. При переезде через мост у станции Торошино паровоз бронепоезда сошел с рельсов. Принимались меры к поднятию паровоза и исправлению моста. Разведка велась на Торошино — устье реки Великой — Псков — реку Череха до устья реки Кебь и в направлении река Кебь — Торошино.

2 марта Пехливанов телеграфировал в штаб отряда Глебова, располагавшегося на станции Дно: «Псковский отряд вошел [в] непосредственное соприкосновение [с] противником, уничтожив его заставы у ст. Черняковицы и д. Яхнова, сегодня ожидаются столкновения наших партизанов на всем фронте охранения противника под Псковом, где немцы сосредоточили до шести полков пехоты с артиллерией и конницей. Авангард моего отряда находится у ст. Торошино, главные силы у ст. Новоселье, конница направляется в район д. Жуковицы, штаб отряда на ст. Струги Белые. Ожидается возобновление действий противника. Ближайшая задача отряда — овладеть г. Псковом. При создавшейся обстановке безотлагательное выступление отрядов из Дна и Гдова в направлении на Псков является крайне необходимым...».¹³²

Несмотря на все трудности, Пехливанов все же надеялся выполнить поставленную задачу и занять Псков. Для этого он требовал поддержки силами отрядов из Дно, Гдова и Нарвы. 1 марта в Пскове началась паника — прошел слух, что к городу подходят латышские стрелковые полки.¹³³ Возможно, опасения немцев были связаны с тем, что личный состав их войск был уже далеко не блестящим. По данным разведки, немецкие части были крайне разношерстными по своему составу. В них было много жандармов, молодежи, имелись русские офицеры, польские легионеры.¹³⁴ Боевой дух этих частей был невысок, сильно ощущалась усталость от войны, стремление к миру.

В течение дня 2 марта отряд усилился эскадром 9-го кавалерийского полка (130 всадников), однако по собственному желанию убыло 40 солдат. Силы отряда теперь составили 1538 штыков, 130 пашек,

¹³¹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 129.

¹³² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–50 об.

¹³³ Там же. Л. 19.

¹³⁴ Там же. Л. 27.

93 пулемета и 4 легких полевых орудия.¹³⁵ Авангард был усилен Кронштадтско-Шлиссельбургским отрядом и командой путиловцев.

Германская оккупация вызывала волну недовольства псковских крестьян и городского населения. По данным разведки, в Пскове шел грабёж местного населения.¹³⁶ Особое возмущение вызвали хлебные реквизиции и требования отправки военнообязанных в Германию. Пользуясь близостью линии фронта, крестьяне посылали делегатов в отряд Пехливанова с просьбами их вооружить для партизанских действий, помогали бойцам Пехливанова продовольствием.¹³⁷ Пехливанов распорядился снабжать оружием всех желающих,¹³⁸ началась массовая запись крестьян в партизанские отряды. Только за 4 марта, например, было вооружено около 800 крестьян.¹³⁹ В общей сложности, если верить свидетельству одного из участников формирования партизанских отрядов, было вооружено до 7 000 крестьян.¹⁴⁰ Партизаны совершали дерзкие нападения на оккупантов.

Как опытный генштабист, Пехливанов изначально понимал необходимость укрепления своего отряда высококвалифицированными штабными кадрами. После первых стычек с немцами, 2 марта в 13.20 он телеграфно просил Бонч-Бруевича срочно прислать двух генштабистов для работы по оперативной и разведывательной части в штабе отряда.¹⁴¹ 4 марта помощник Пехливанова Малютин просил прислать в штаб отряда сразу восемь инструкторов-генштабистов.¹⁴² Уже 5 марта в отряд прибыли слушатели академии С. И. Васильев и М. Б. Дмитриев, назначенные заведующим разведкой и начальником службы связи соответственно.¹⁴³ Однако с генштабистами, особенно молодыми, Пехливанову пришлось непросто.

2 марта председатель СНК В. И. Ленин телеграфировал всем, всем, всем быть в полной готовности в связи с возможным пе-

¹³⁵ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 137. П. А. Николаев приводит преувеличенные данные — 3 000 человек — Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 102.

¹³⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

¹³⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

¹³⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138.

¹³⁹ Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 422.

¹⁴⁰ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 1. С. 111.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 134.

¹⁴² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 53.

¹⁴³ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; Д. 6. Л. 66–67.

рывом мирных переговоров в Брест-Литовске. В телеграмме предписывалось: «Обязательно поднять всех на ноги, принять меры охраны и обороны».¹⁴⁴

Старое офицерство в основном по патриотическим соображениям приняло деятельное участие в защите Петрограда. Достаточно сказать, что на всех основных направлениях оборону подступов к столице возглавляли исключительно бывшие офицеры Генерального штаба. Они же осуществляли верховное руководство и координацию действий советских отрядов из Петрограда. Руководил обороной Петрограда как военный специалист бывший Генштаба генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич, его ближайшим помощником был генерал-квартирмейстер Ставки, бывший Генштаба генерал-майор Н. А. Сулейман, участвовали в работе генералы-генштабисты С. Г. Лукирский, Н. И. Ратэль, А. С. Гришинский, М. М. Загю (всего с Бонч-Бруевичем из Ставки в Могилеве в Петроград приехали 12 бывших офицеров Генштаба¹⁴⁵), на псковском направлении держались отряды Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д. Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Д. П. Парского, в районе Дно — бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Ф. А. Подгурского. Под руководством известного военного инженера, бывшего инженер-генерала К. И. Величко спешно подготавливались к обороне ближние подступы к столице. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города.¹⁴⁶ В общей сложности более 8000 бывших офицеров в период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию.¹⁴⁷ Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий. Наполнение дивизий рядовым составом тоже не заставило себя долго ждать.

2 марта в 14.30 над Стругами Белыми на небольшой высоте появился германский аэроплан, описал круг над станцией и полетел обратно на Псков вдоль линии железной дороги. Однако в 15 часов у станции Торошино открыл пулеметный огонь по крас-

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

¹⁴⁵ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 244–245; Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 68.

¹⁴⁶ Фрайман А. Л. Указ. соч. С. 151.

¹⁴⁷ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 70.

ноармейцам, но ответным ружейным огнем бойцов Пехливанова машина была сбита. По одной версии, она сгорела при падении, а летчики разбились, но более заслуживающей доверия является версия о том, что летчики успели сжечь аэроплан, но были застрелены красноармейцами.¹⁴⁸ Затем появился еще один немецкий аэроплан, но из-за русского пулеметного огня был вынужден вернуться в Псков.

До сих пор считалось, что Бонч-Бруевич все время требовал от Пехливанова более решительных действий и даже едва не снял того с поста начальника отряда за медлительность.¹⁴⁹ Однако очевидно, что позиция петроградского руководства не была все время одинаковой. После активизации действий псковских отрядов, их первых успехов и признания Бонч-Бруевичем правильности действий Пехливанова поздно вечером 1 марта ситуация переменилась. Из-за того, что пока не найдена ключевая телеграмма Бонч-Бруевича по этому вопросу, точку в этой истории ставить еще рано. Однако в полной мере нельзя исключать, что именно активизация действий Пехливанова в начале марта и его тактические успехи вызвали неудовольствие или опасения в Петрограде, где не желали возобновления полномасштабных боевых действий с немцами. Впрочем, 3 марта Бонч-Бруевич по-прежнему занимался организацией наступления на Псков.¹⁵⁰

Так или иначе, но в 16 часов 2 марта Пехливанов телеграфировал Бонч-Бруевичу, что не держится за свой пост, если петроградское начальство что-то в его действиях не устраивает: «При данных средствах и обстановке другого способа действий, кроме принятого мною, я не нахожу, а потому прошу Вас подыскать отвечающего Вашим требованиям Начальника отряда. 2 Марта 1918 года. 16 часов. Ст. Струги Белые. № 31. Пехливанов. Дополнение. План действий н[ачальни]ка отряда Пехливанова всецело разделяем. Пом[ощник] н[ачальни]ка отряда Малютин. Начальник штаба Член Коллегии формирования Красн[ой] арм[ии] Ф. Никонов».¹⁵¹ Однако свой пост Пехливанов тогда сохранил.

Не все восторженно оценивали то, как были организованы псковские отряды. Так, выпускник ускоренных курсов акаде-

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 138; Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 19; Д. 10. Л. 112.

¹⁴⁹ Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 114–115.

¹⁵⁰ Рождение Красной армии. Публ. В. В. Душенькина и Н. М. Вьюновой //Советские архивы. 1968. № 1. С. 19.

¹⁵¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 52; Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 136.

мии Генштаба бывший капитан А. Д. Загребин 27 марта 1918 г. вспоминал о последнем месяце своей службы: «Скажу Вам откровенно, что я прямо не мог вынести того, в какой обстановке пришлось работать (подчеркнуто синим карандашом, текст — черные чернила. — А. Г.). Прежде всего, принял нас Пехливанов не важно, во-вторых, за все время мы не были устроены как следует, в-третьих, посылая на рекогносцировку, не давали почти никаких средств (была дана пристяжная лошадь, оседланная задней лукой к шее лошади — приходилось самому переседлывать и ехать без вестового).

В-четвертых, Пехливанов хотел (здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом. — А. Г.) меня и Черниговского-Сокол назначить начальниками сторожевых застав, от чего мы (на полях карандашом знак вопроса. — А. Г.) категорически отказались, так как, не говоря уже о том, что это не наше дело — все равно люди тех банд, которые там несли охранение (последнего, кстати сказать, совершенно почти не было) наши бы приказания не исполняли, ибо начальство там выборное, да кроме того они совершенно не обучены и ни одного приказания все равно бы не поняли.

Сами судите, что это за охранение, если на участке в 7 вер[ст] стоит 210 чел. разного сброду, вроде “Волчьей стаи” (это название отряда, к начальнику которого я был послан для дачи указаний оперативного характера).

Когда я туда приехал, то передо мной предстал форменный бандит, который не говорил, а рычал как волк. Он с большой неохотой исполнил мою просьбу, видимо, желая показать, что ни в каких указаниях он не нуждается. Еще в один из вечеров, около 12 час. ночи, мальчишка комиссар (конечно, жид) хотел привлечь кого-либо из нас в революционный трибунал в качестве судей судить за мнимое шпионство какого-то крестьянина я считаю (подчеркнуто синими чернилами. — А. Г.), что шпионства никакого быть там не могло, так как доступ во Псков и из него был совершенно свободен всем и тогда надо бы судить всех того района).

Я резко отказался, указав, что я кончил академию генерального штаба, а не юридическую.

Вся эта атмосфера так угнетающе на меня подействовала, что я решил уехать».¹⁵²

Конечно, для людей, привыкших к порядкам старой армии, в новых условиях было трудно сориентироваться. Однако и Пех-

¹⁵² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 34–35 об.

ливанов был недоволен Загребиним. По его мнению, курсовики М. Н. Третьяков и Ф. Н. Гришин работали отлично, тогда как Загребин — «очень плохо. Рекогносцировка. У Загребина — “змейки в лесу!”». ¹⁵³ В итоге после разговора с Загребиним Пехливанов освободил того от службы.

Председатель комитета выпуска 1917 г. А. Л. Симонов писал Загребину: «Причина Вашего ухода, полагаю, неосновательна: Вы искали тихой, спокойной работы “по Генштабу” — в давно забытых рамках. С Вас потребовалось жизнью несколько иное. Экзамена Вы не выдержали.

Поэтому очень странным кажется Ваше желание — пора бы и начать служить на военной службе, конечно, по Генштабу...» ¹⁵⁴

3 марта на усиление войск Пехливанова прибыл отряд в 700 красноармейцев из Новочеркасских казарм Петрограда. Однако продолжалось и дезертирство. Так, не пожелали служить далее 30 бойцов огнеметного химического батальона и 350 пулеметчиков 2-го пулеметного полка. В отряде осталось 2200 штыков, 130 шашек, 93 пулемета и 4 орудия. Пехливанов продолжал работу по вооружению крестьян и по формированию партизанских отрядов. Штаб отряда перешел на станцию Новоселье — ближе к Пскову. ¹⁵⁵ Бонч-Бруевич был обеспокоен и недоволен тем, что Пехливанов редко отправлял ему донесения. ¹⁵⁶

В этот же день произошли новые столкновения с немцами, причём красноармейцы даже потеснили противника. Правый фланг отряда смог продвинуться с боем от деревни Подлипые до деревни Лухново всего в 4 верстах к востоку от Пскова. Бойцы Псковских отрядов заняли господствующую высоту в этом районе, захватили 10 винтовок и телефонное имущество. В районе железной дороги красноармейцы заняли деревню Черняковицы, но под натиском вдвое превосходящего противника были вынуждены отойти к селению Язвицы, потеряв двух красноармейцев убитыми и пятерых ранеными. Попытки немцев продвинуться дальше были отражены подоспевшим подкреплением. ¹⁵⁷

Наиболее успешными оказались действия на левом фланге. Здесь у деревни Яхново отряд «Волчья стая» (80 человек) под

¹⁵³ Там же. Л. 37.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 139.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140.

командованием И. П. Гаврилова был атакован 150 немецкими велосипедистами. Партизаны устроили засаду и искусно ударили во фланг немцам. Дело завершилось сравнительно серьезным поражением немцев. Красноармейцы потеряли двух бойцов убитыми и пятерых ранеными. Потери немцев оставили 18 убитых, 2 раненых, кроме того, было захвачено 34 велосипеда, 60 винтовок и много амуниции.¹⁵⁸

Еще один успех этого дня был связан с событиями в районе Торошино. Здесь бойцы Пехливанова подбили второй германский аэроплан, производивший разведку. В районе деревни Кресты аэроплан опустился и сгорел.¹⁵⁹

3 марта был подписан Брестский мирный договор. Россия вышла из Первой мировой войны, последние бои которой на Восточном фронте навсегда связаны с именем болгарина на русской службе Йордана Пехливанова.

В этот же день Советом народных комиссаров было принято решение, а на следующий день издан декрет об образовании Высшего военного совета (ВВС), который должен был отныне руководить всеми боевыми операциями, а также заниматься вопросами формирования Красной армии. Военным руководителем ВВС стал М. Д. Бонч-Бруевич, его помощником — С. Г. Лукирский, политическими комиссарами — П. П. Прошьян от левых эсеров и К. И. Шутко от большевиков. Некоторое время продолжал существование Комитет революционной обороны Петрограда, руководивший защитой столицы.

3 марта главковерх Н. В. Крыленко направил телеграмму главнокомандующим фронтами и командующим войсками военных округов, в которой сообщал о новой схеме организации армии и о создании войск завесы: «Согласно решения Комитета Революционной обороны [Петрограда] штабы фронтов как оперативные органы упраздняются. В виду этого штабы фронтов должны закончить демобилизацию остатков армий и имущества. Вследствие продвижения германцев вглубь страны необходимо создать завесу, которая положила бы предел распространения германцев внутрь страны. Завеса должна состоять из отдельных отрядов, действующих во взаимной связи. Управление этими отрядами объединяется следующим образом: отряды, выдвинутые в сторону Финляндии, на Нарву, Псков, Дно, Старую Руссу и все части ближней обороны Петрограда подчиняются Начальнику обороны Петрограда, штаб которого

¹⁵⁸ Там же. Л. 140 об.; Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 140 об.

Мойка, 67 Довмин.¹⁶⁰ Отряды, действующие между линией Остров — Старая Русса и линией Полоцк — Велиж — Белой подчиняются начальнику Северной группы отрядов, штаб которого должен быть выделен из штаба Северного фронта в самом ограниченном числе лиц, строго необходимом для управления отрядами в оперативном отношении и в отношении распределения между ними предметов снабжения всем необходимым. Отряды, действующие между линией Полоцк — Велиж — Белой и рекой Припятью, подчиняются начальнику Западной группы отрядов, штаб которого должен быть выделен из штаба Западного фронта в самом ограниченном числе лиц, как это выше было указано. Начальник обороны Петрограда, Начальник Северной группы отрядов и Начальник Западной группы отрядов подчиняются Верховному Совету Обороны. Командующие войсками Петроградского и Московского военных округов со своими штабами обязуются энергично формировать части всех родов войск и технические средства, предоставляя их в распоряжение начальников обороны Петрограда, Западной и Северной групп отрядов по нарядам Верховного командования. Кроме того, назначается начальник обороны города Москвы, коему в связи с начальником Западной группы отрядов надлежит организовать оборону подступов к Москве. Командующему Казанским военным округом надлежит немедленно приступить к формированию частей всех родов войск и технических средств. Части и технические средства, формируемые командующими войсками Петроградского, Московского и Казанского военных округов, предназначаются для усиления отрядов, образующих завесу против вторжения немцев, формируемых местными средствами (так в документе. — А. Г.) ... Отряды, находившиеся в ведении Революционного штаба при бывшей Ставке в зависимости от места их нахождения подчиняются или начальнику Северной группы отрядов или начальнику Западной группы отрядов. Революционный Полевой штаб при бывшей Ставке расформируется...»¹⁶¹

Первые отряды Красной армии, защищавшие подступы к Петрограду от германцев, стали основой создания войск завесы — системы обороны страны малыми силами на широком фронте. Отряды завесы сыграли огромную роль в зарождении и становлении Красной армии. Понятно, что добровольческие отряды из красногвардейцев и красноармейцев были ненадеж-

¹⁶⁰ Дом военного министра. — А. Г.

¹⁶¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 83–84; также опубл. в: Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 26–27.

ной, недисциплинированной и неподготовленной силой, производившей на некоторых бывших офицеров впечатление настоящих банд. В составе отрядов были и молодые необученные семнадцатилетние рабочие и люди в возрасте,¹⁶² существовала выборность командиров, при первых неудачах бойцы стремились убежать с передовой в тыл. Между отрядами отсутствовала должная координация и связь. В то же время рабочие, в отличие от солдат старой армии, не чувствовали себя уставшими от войны и, наоборот, проявляли стойкость в боях, хотели воевать.¹⁶³

Было бы наивно полагать, что горстка неподготовленных людей могла остановить самого серьезного противника России по Первой мировой войне. Вероятно, секрет успеха бойцов Пехливанова заключался в том, что немцы просто не принимали их всерьез. В районе Пскова германские части держались пассивно, не предпринимая попыток наступать в глубь советской территории. В результате красноармейцы могли почти беспрепятственно снимать немецкие заставы, сбивать аэропланы и побеждать в небольших столкновениях.

Если бы германские войска перешли в крупное наступление, все красновардейские, красноармейские и прочие отряды не держались бы на занятых ими позициях и дня. Однако в этом случае ставилась под угрозу судьба Советской России, возникшей не без содействия со стороны немцев и стремившейся к заключению с ними мирного договора. Такой результат не устраивал нашего противника, Россия в этом случае лишалась центральной власти, становилась никем не контролируемой и погружалась в хаос, выход из которого было трудно прогнозировать, в том числе и для Германии.

Немцы решили не рисковать, дав Ленину шанс сохранить власть. Фактически же отряды, защищавшие Петроград, в том числе на одном из наиболее опасных, псковском направлении, свою задачу выполнили. Конечно, они не взяли и не имели шансов взять Псков, как изначально приказывал Бонч-Бруевич. Однако они показали, что на Восточном фронте еще есть кому сопротивляться германскому наступлению. Что если это наступление будет развиваться, оно встретит, пусть и недостаточное, но все же организованное сопротивление. В итоге власть Ленина, а с ней и независимость страны были спасены при активном участии бывшего полковника Пехливанова. Тем не менее про-

¹⁶² См., напр.: РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 4. Л. 44.

¹⁶³ Фрайман А. Л. Указ. соч. С. 194.

тивники политики привлечения военспецов на советскую службу были убеждены, что «Пехливанов, прежде всего, авантюрист и честолюбец».¹⁶⁴

Утром 4 марта немцы заняли деревню Черняковицы, бойцы Пехливанова отошли к деревне Язвицы.¹⁶⁵ В тот же день в войсках был распространен приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о немедленном прекращении боевых действий при нахождении на занимаемых позициях.¹⁶⁶ Соответствующий приказ отдал и Пехливанов (5 марта на всякий случай он запросил Бонч-Бруевича на предмет достоверности телеграммы Крыленко¹⁶⁷). Дислокация Псковских отрядов к моменту подписания мирного договора была следующей:

Таблица 2.

Дислокация Псковских отрядов¹⁶⁸

Подразделение (командир)	Дислокация
Авангард (К. И. Шереметев)	
1-й красноармейский батальон (Серебряков)	
Кронштадтский отряд	
Шлиссельбургский отряд	район станции Торошино
Путиловский отряд (И. Киселев)	
«Волчья стая» (И. П. Гаврилов)	
2-й пулеметный полк (К. И. Шереметев)	
Команда связи	
Бронепоезд (А. Зинкевич, Некрасов)	
Главные силы	
3-й запасный полк (Чилигилирьянц)	район деревень Подлесье — Молоди
3-й запасный огне-химический батальон (Надежин)	и Кудрино

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 6 об.

¹⁶⁵ Фрайман А. Л. Указ. соч. С. 221.

¹⁶⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 141.

¹⁶⁷ Там же. Л. 143.

¹⁶⁸ Составлено по: РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 141 об. — 142; Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 103.

1-й красноармейский эскадрон (А. П. Маркевич)	деревня Жуковичи
6-й Туккумский латышский полк (К. К. Герцберг)	район станции Новоселье
Батарея Михайловского артиллерийского училища (Быков)	
Команда связи	
2-й красноармейский батальон (Рудзит)	станция Струги Белые
Штаб отряда	станция Новоселье

По итогам операции Пехливанов писал в приказе № 13 от 19 марта 1918 г.: «18-го февраля, без предупреждения нарушив перемирие, немцы перешли в наступление по всему Северному фронту. Не встречая никакого сопротивления со стороны демобилизуемой и окончательно разложившейся армии, они двигались вперед вглубь нашей территории с быстротой, не имевшей примера военной истории... Крупные города, богатейшие склады и важные узлы захватывались ничтожными кучками немецких кавалеристов и самокатчиков. 22-го (24-го. — А. Г.) февраля ими был занят Псков и создавалась непосредственная угроза Петрограду. Наша армия к этому времени окончательно перестала существовать и, казалось, ничто не может остановить триумфального шествия немецкого империализма на его путях к столице.... Но плотина, остановившая дальнейшее продвижение немцев, создавалась. В ночь с 23-го на 24-ое февраля тревожные гудки Петроградских заводов призвали к оружию всех сознательных граждан, всех идейных борцов за Советскую Республику, всех защитников завоеваний революции. По зову Советской власти к вокзалам начали стекаться отряды бойцов, твердо решивших своей грудью прикрывать столицу. Первым на Варшавский вокзал прибыл 1-ый Красноармейский полк т. Серебрякова, за ним 6-ой Туккумский полк т. Герцберга, 2-ой пулеметный запасный полк т. Шереметьева, Батарея Михайловского Артиллерийского Училища т. Быкова, Красногвардейцы заводов «Розенкранц» и «Вулкан» т. Семенова. Все прибывающие немедленно направлялись в направлении на Псков. Эти части составили ядро Псковских Отрядов, к которому по мере готовности присоединялись все новые и новые части: Красногвардейцы Шлиссельбургско-Кронштадтского района т. Жука, Путиловцы т. Киселева, завода «Речкина» т. Гусева, «Волчья

Стая» т. Гаврилова, 3-й запасный пехотный полк т. Чилингарьянц, Запасный Огнетно-Химический полк т. Надежина, решивший в критическую минуту работать не по специальности, а в качестве рядовых бойцов. Эскадрон 9-го Запасного Кавалерийского полка т. Маркевича. К Отряду начали прибывать и технические средства: Бронированный поезд т. Зенкевича, Команды Связи т. т. Тифонтая и Тисюкова, Кронштадтские Подрывники т. Гримма, Подрывники-Железнодорожники т. Белецкого, самокатчики т. Татаринава... В исключительно короткий срок сформировался и сорганизовался Отряд, небольшой по числу штыков, но сильный духом и сознательной решимостью бойцов, и смело стал на пути германских полчищ.

Первые же удачные для нас столкновения с неприятельскими передовыми частями у сел Черняковицы и Яхнова показали немцам, что кончилось их триумфальное шествие и в дальнейшем каждый шаг им придется продвигаться с боем, каждую версту завоевывать кровью. Отпор, неожиданно встреченный немцами со стороны Псковских Отрядов, заставил их не только приостановить дальнейшее наступление, но после целого ряда стычек и боевых столкновений у с. с. Черняковицы, Углы, Яхново и других, где нашими отрядами были захвачены пленные, самокаты, оружие и амуниция, а также сбиты два неприятельских аэроплана, обнаглевшие хищники принуждены были оттянуть свои передовые части ближе к Пскову. Наши отряды заняли полосу непосредственной близости от сторожевого охранения немцев и в течение трех недель несли тяжелую сторожевую службу и вели энергичную разведку, зорко следя за всеми действиями врага, в полной готовности дать ему достойный отпор в случае его попытки наступать. За этот короткий период многие части завоевали себе прочную, славную репутацию — всем в Псковских Отрядах известна стойкость, исполнительность, железная дисциплина и точность выполнения задач Шлиссельбургско-Кронштадских и Путиловских Красногвардейцев тт. Жука и Киселева; лихость, тесная сплоченность и готовность на самые рискованные предприятия «Волчьей стаи» т. Гаврилова, самоотверженная работа броневоего поезда т. Зенкевича и его разведчиков, высокие боевые качества красноармейцев Серебрякова, образцовая исполнительность и крепость духа у Латышей-Туккумцев... В этот период все соперничали друг перед другом в стремлении принести посильную пользу в деле защиты Советской Республики и завоеваний революции.

Ныне условия мирного договора утверждены и боевые действия закончены. Оценка той роли, которую играло оказанное на-

ми сопротивление в судьбах Республики, принадлежит истории. Я же, имевший честь и счастье стоять во главе отрядов, считаю своим долгом принести глубокую благодарность товарищам всех частей Отряда и их доблестным начальникам, а в особенности стоявшим во главе Авангарда т. т. Беркуля с Ивановым, Шереметьеву, Зенкевичу и, наконец, Начальнику Штаба Отрядов т. Никонову. Глубоко убежден, что, если грозовые тучи появятся вновь на нашем горизонте, все товарищи с тем же воодушевлением, с той же готовностью и решимостью по первому зову Советской власти ринутся на нашего врага и дадут ему новый урок».¹⁶⁹ Этот документ рисует Пехливанова патриотом России, считавшим своим долгом борьбу с врагами страны.

Теперь нужно было договариваться о дальнейших действиях с немцами, расположившимися в районе Пскова. 5 марта в 17 часов Пехливанов направил к противнику парламентаря Зенкевича (Зинкевича) и переводчика Курбатова с пятью сопровождающими для решения вопроса о прекращении боевых действий и определении нейтральной полосы.¹⁷⁰ Посланцы вернулись на следующий день в час ночи. Было решено прекратить боевые действия, летчики могли летать только над расположением своих войск, принято решение об установлении нейтральной зоны и демаркационной линии. На 7 марта была намечена новая встреча для обозначения нейтральной полосы.¹⁷¹ Демаркационная линия была проведена всего в 3 верстах севернее Пскова и в 6 верстах восточнее железной дороги Псков — Двинск. Была достигнута договоренность о том, что перед Псковом должна быть очищена от войск 10-верстная зона.¹⁷² К этому времени пассажирские поезда из Советской России доходили лишь до станции Струги Белые,¹⁷³ а далее сообщения не было.

По данным Пехливанова, ко дню прекращения боевых действий численность псковских отрядов доходила до 3620 человек, в т. ч. 2100 штыков при 97 пулеметах и 4 орудиях и 113 шашек.

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–131. Приказ неоднократно публиковался в различных изданиях. См., напр.: Рождение Красной армии. С. 24–25; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 422–424; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 1. С. 105–107; Николаев П. А. На защиту Петрограда! С. 228–230.

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 69.

¹⁷¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁷² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

¹⁷³ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 9. Л. 28а.

Наиболее боеспособными из всего своего отряда Пехливанов считал латышей-туккумцев.¹⁷⁴

Любопытно, каким было материальное обеспечение первых защитников советской власти. По постановлению отрядного совета, с 24 февраля 1918 г. до ратификации мирного договора жалование было установлено в размере 10 руб. в сутки. Выборные командиры отрядов численностью до 100 человек получали по 12 руб., от 100 до 250 человек — по 15 руб., от 250 до 500 человек — по 18 руб., от 500 до 1000 человек — по 20 руб., делопроизводители, врачи, коменданты, заведующий продовольственным магазином — получали по 15 руб., командир блиндированного поезда, батареи, пулеметного полка, начальник штаба и комендант Лужского района получали по 20 руб., начальник отряда и его помощник — по 25 руб. Красногвардейцы получали содержание от заводских комитетов и штаба Красной гвардии. После ратификации мирного договора жалование составило 50 руб. в месяц на красноармейца.¹⁷⁵ Еще одним вариантом довольствия было получение 250 руб. в месяц, но при этом красноармеец должен был находиться на полном самообеспечении, в том числе и в отношении формы одежды.¹⁷⁶ 23 марта холостым бойцам был выплачен двухмесячный оклад, семейным — трехмесячный, включавший средства на приобретение походного снаряжения. Помощник начальника отряда Малютин, оклад которого составлял 600 руб., получил тогда 1800 руб., Пехливанов при окладе в 700 руб. получил 1400 руб. Кроме того, было выдано по 500 руб. на приобретение седел.¹⁷⁷

Командир отряда прекрасно понимал, что неожиданное бездействие может самым пагубным образом повлиять на и без того не слишком дисциплинированных бойцов. Поэтому сразу после прекращения боевых действий он приказал приступить к занятиям в поле для совершенствования боевой подготовки. Во избежание разложения бойцы не должны были иметь много свободного времени, к тому же в любой момент боевые действия могли возобновиться, как произошло в феврале, поэтому расслабляться было нельзя.

Иордан Георгиевич потребовал от подчиненных командиров произвести проверку техники рассыпания в цепь, движения бое-

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 10. Л. 2 об.

¹⁷⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

¹⁷⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 16.

вого порядка для сближения с противником и производства атаки. Необходимо было отработать управление боевым порядком, умение обращаться с винтовкой, пулеметом, действия номеров при орудиях. При первой возможности Пехливанов приказал произвести практическую стрельбу, приняв, разумеется, меры безопасности. «Все, может быть непродолжительное время, должно быть посвящено самой тщательной подготовке к бою», — отмечал он.¹⁷⁸ В середине марта боевая подготовка велась особенно активно. Небезынтересно, что Пехливанова в войсках изредка уважительно именовали генералом, хотя он таковым не являлся.¹⁷⁹

В период 6–8 марта Пехливанов в отряде отсутствовал, отправившись, видимо, за руководящими указаниями. Во время его отсутствия 7 марта в отрядах были категорически запрещены самовольные реквизиции.¹⁸⁰ Продолжали прибывать подкрепления. 7 марта прибыл отряд штаба Красной гвардии Охтенского района (37 человек) под командованием Степанова. С 9 марта на довольствии находился Кашинский партизанский отряд (337 человек).¹⁸¹ 15 марта прибыл отряд П. П. Пехнева от профсоюза поваров (40 человек).¹⁸² Повара были распределены по отрядам.

Состав псковских отрядов к середине марта был следующим:

Таблица 3.

Состав псковских отрядов к 8 марта 1918 г. (в квадратных скобках — изменения к 13 марта)¹⁸³

Подразделение	По списку	Налицо [Ртов]	Штыков	Лошадей
6-й Туккумский латышский стрелковый полк	210	204	145	47
Батарея Михайловского артиллерийского училища	28	28	40 [28]	63
Команда телефонистов электротехнического батальона	4	4	[4]	60 (?) [нет данных]

¹⁷⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 142 об.

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 6. Л. 85.

¹⁸⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

¹⁸¹ Там же. Л. 9.

¹⁸² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.

¹⁸³ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; данные к 13 марта — Там же. Л. 20; см. также: Рождение Красной армии. С. 22.

1-й красноармейский батальон Серебрякова	220	220	200	27
Бронированный поезд	250	250	[250]	
Радиотелеграфная станция	25	25	[25]	
2-й пулеметный полк (по другим данным, 49 пулеметов, 594 человека, 384 винтовки и 407 ящиков патронов)	350	350	350	512 [нет данных]
[3-й запасный полк (убыл 11.03.1918)]		[168]	[161]	
[Огнеметно-химический батальон (команда) (убыл 10.03.1918)]		[127]	[120]	
[2-й красноармейский батальон (убыл 12.03.1918)]		[700]	[700]	
[Кронштадтская команда подрывников (убыла 10.03.1918)]		[20]	[20]	
[Московско-Заставский отряд]		[100]	[90]	[5]
[Кашинский отряд]		[321]	[281]	[34]
[Кронштадтский отряд]		[48]	[42]	[2]
Шлиссельбургско-Кронштадтский отряд [на 13.03.1918 — Шлиссельбургский отряд]	100	100 [109]	100 [93]	[20]
Путиловский отряд	227		324 (?) [120]	
«Волчья стая»	253	253 [257]	253	[11]
1-й красноармейский эскадрон	113	113	113	
Команда «Вулкан»	60	46 [60]	[45]	
Команда «Розенкранц»				
[Итого:]		[2 089]	[2 039]	[209]
Итого:	1 911 человек			

Выбыли из состава отряда за 10–12 марта 1 015 бойцов 2-го красноармейского батальона, 3-го запасного полка, огнеметно-химического батальона и кронштадтской команды подрывников.¹⁸⁴

9 марта, находясь на станции Новоселье, Пехливанов отмечал, что «теперь заключен мир, и боевое дело кончилось. Предстоит перед всеми нами ответственная работа по формированию и организации Социалистической Армии Республики. Будучи связан с командованием отрядами, я должен остаться и работать».¹⁸⁵

«Начиная с 8-го Марта численность отрядов под влиянием наступившего затишья и демобилизации запасных полков стала падать и к 12-му марта достигла 1 600 человек, из них около 1 000 штыков; число орудий и пулеметов прежнее, но недостает прислуги. Дальнейшее уменьшение численности прибывших из Питера отрядов продолжается. На месте сформированы две роты 200 штыков каждая из крестьян занятого немцами района», — телеграфировал Пехливанов 12 марта военному руководителю (военруку) Северного участка и Петроградского района завесы и в штаб обороны (Смольный, комната 85).¹⁸⁶

Бонч-Бруевич вновь был недоволен Пехливановым. 12 марта он телеграфировал военруку Северного участка и Петроградского района завесы бывшему генерал-лейтенанту, профессору А. В. фон Шварцу: «Начальник Псковского Отряда без прямой нужды формирует много Штабов, что производит тяжелое впечатление [на] окружающую массу. Благоволите распоряжением предупредить недоразумения и трения ограничениями Пехлеванова [в] этом деле [по] мере необходимости. № 155. 12-го марта 1918 года. БОНЧ-БРУЕВИЧ. ШУТКО».¹⁸⁷

Несмотря на партизанский характер военных действий, Пехливанов рассчитывал на квалифицированные кадры специалистов Генерального штаба. Даже после окончания боев и заключения мира он продолжал требовать присылки себе генштабистов. 9 марта он потребовал прислать их из штабов 5-й или 12-й армий, находившихся в Новгороде.¹⁸⁸ Также он требовал прислать писарей и канцелярские принадлежности. 11 марта со станции Струги Белые он телеграфировал в Петроград комиссару партизанских формирований и отрядов С. Д. Масловскому-Мстиславскому

¹⁸⁴ Там же. Л. 1 об.

¹⁸⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 6а.

¹⁸⁶ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–17 об.

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

¹⁸⁸ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

на адрес академии Генштаба, где размещался главный штаб партизанских войск: «Прошу ускорить высылку просимых кадров из академии для организации партизанских войск Псковского района».¹⁸⁹ Генштабистам Пехливанов готов был предоставить должности начальника штаба дивизии или бригады. Кроме того, он просил прислать генштабиста и на должность начальника снабжения корпуса партизанских войск. При общем недостатке обеспечения, в отрядах было избыточное количество санитарных учреждений. Пехливанов был возмущен этим явлением, поскольку считал его недопустимым для социалистической армии.¹⁹⁰

По окончании боев дел не убавилось. Необходимо было спешно вывозить брошенные артиллерийские орудия, решать споры с немцами относительно демаркационной линии. Демаркационная линия была проведена в 25 км к востоку от шоссе Псков — Порхов — Режица. Между русскими и немецкими войсками была установлена 10-верстная зона. В дальнейшем по распоряжению председателя СНК В. И. Ленина для расширения нейтральной зоны к северу и востоку от Пскова была назначена специальная комиссия Генштаба П. М. Бедарева. В интересах советской стороны было вывезти из нейтральной зоны все оставленное там военное имущество. Немцам же пытались запретить проведение на этой территории реквизиций.

11 марта Пехливанов назначил бывшего командира 147-го пехотного Самарского полка Н. П. Станкевича начальником Гдовского района. В районе Гдова находилось около 1000 красноармейцев и красногвардейцев, а также 50 матросов. Пехливанов предлагал новому назначенцу организовать там бригаду народной милиции в составе трех отдельных батальонов, а при избытке людей — еще одну такую бригаду.¹⁹¹

14 марта 1918 г. начальник псковских отрядов Пехливанов телеграммой военрука Петроградского района был назначен военным руководителем Лужского округа, сохранив при этом прежний пост. Началась энергичная военно-административная работа. Помощником Пехливанова стал его недавний начальник штаба Б. В. Малютин. Этот офицер в годы Гражданской войны практически повторил перемещения Пехливанова из лагеря в лагерь. Можно даже предположить, что они действовали согласованно. Начальником штаба округа стал уже хорошо знакомый

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 6. Л. 216.

¹⁹¹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–2 об.

Пехливанову Ф. П. Никонов. Иногда эту должность замещал Б. Ибрагимов.

Отряды жили своей жизнью. 15 марта инициативная группа выступила с предложением провести выборы в ревтрибунал, первое заседание которого должно было состояться на следующий день.¹⁹² Продолжалась интенсивная боевая подготовка. Случались и отдельные столкновения с немцами. Например, 16 марта в 4.15 утра произошло огневое нападение на немецкую заставу у деревни Сорочкино. По заставе было сделано 50–55 выстрелов. Немцы, начавшие расследование инцидента, отметили, что считают такие действия самовольными выступлениями солдатских бандитских шаек и не думают, что нападавшие действовали по приказу. Однако они потребовали отвода советских войск, на что получили ответ, что для этого требуется санкция высшего командования.¹⁹³ Как следствие, реквизиции в нейтральной зоне были запрещены всем сторонам.¹⁹⁴ 18 марта советским войскам в соответствии с германским ультиматумом и распоряжением Ленина было предписано очистить 10-верстную нейтральную полосу к 18 часам.¹⁹⁵

Теперь боевая часть псковских отрядов (бывший авангард) именовалась Прикрывающими отрядами Псковского направления. Их начальником стал бывший командир блиндированного поезда А. Зенкевич (Зинкевич). Начальником штаба — причисленный к Генштабу П. И. Ляшко, прибывший 15 марта. Старшим адъютантом штаба был курсовик Ивановский, прибывший 10 марта.¹⁹⁶

16 марта штаб отрядов был перемещен в Лугу. Лужский округ военрук Пехливанов 15 марта разделил на два отдела — Новосельский и Лужский, а сам руководил из Стругов Белых.¹⁹⁷ 18 марта Пехливанов, считая свою миссию выполненной, испрашивал разрешения военрука Северного участка и Петроградского района профессора фон Шварца на расформирование отрядов.¹⁹⁸ Предполагалось, что часть отрядов будет предназначена в службу за весы, а другая часть — в распоряжение штаба Красной армии.¹⁹⁹

¹⁹² РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

¹⁹³ Там же. Л. 99, 133.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 70, 72 об.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 100; Д. 7. Л. 46, 60.

¹⁹⁶ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 101.

¹⁹⁷ Там же. Л. 104.

¹⁹⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 43.

¹⁹⁹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 424–425.

В завесе от отрядной системы планировалось перейти к территориальной.²⁰⁰ В тот же день комиссар Позерн из Смольного приказал начать отправку красногвардейцев в Петроград. Псковский отряд теперь считался расформированным. С передовой убили бронепоезд и отряд «Волчья стая»,²⁰¹ а 20 марта в Петроград уехали красногвардейские заводские отряды. Тогда же был расформирован и штаб отряда.²⁰² На 20 марта Иордан Георгиевич временно исполнял обязанности командующего Петроградской группой войск.

Иордан Георгиевич продолжал укреплять вверенный ему штаб высококвалифицированными специалистами. В частности, 19 марта он запросил начальника штаба Северного участка и Петроградского района профессора Б. В. Геруа о возможности командировать на должность начальника снабжения корпусного округа специалиста Генштаба, желательного из бывших начальников этапно-хозяйственных отделов.²⁰³

Продолжались переговоры с немцами, в которых участвовали слушатели ускоренных курсов военной академии. 20 марта в Псков, в смешанную русско-германскую комиссию, был командирован курсовик Черниговский-Сокол, получивший 1 000 руб. на представительские расходы. Другим делегатом вместо заболевшего курсовика Е. В. Сысоева стал А. К. Малышев, отправившийся в Псков в качестве представителя штаба обороны Порховского района для разработки деталей устройства демаркационной линии.²⁰⁴

В конце марта 1918 г. Пехливанов был назначен военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы, организационно входившего в состав Северного участка отрядов завесы. Начальником штаба Пехливанова в начале апреля 1918 г. был генштабист В. И. Шишкин. Иногда его подменял причисленный к Генштабу курсовик Ф. Н. Гришин.

7 апреля во вверенных Пехливанову войсках произошло чрезвычайное событие: командир 1-го Псковского красноармейского батальона Василий Ереминский покончил с собой на станции Струги Белые, оставив следующую записку: «Товарищу Пехливанову. Пришлите немедленно в Струги Белые в 1-ый Псковский

²⁰⁰ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 285.

²⁰¹ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 137.

²⁰² Там же. Л. 142.

²⁰³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.

баталион Красной Армии комиссара, инструктора, организатора или кого хотите для того, чтобы заменить меня как командира баталиона и позаботиться о тех товарищах-красноармейцах, которые переписались на новых условиях в ряды Красной Армии. Я же ухожу — пускаю себе пулю в лоб. Причины — если требуется объяснение — крушение веры в себя и в людей. Благословляю сильных, — быть может они еще есть, даже наверное (т. е. наверняка. — *А. Г.*) есть и будут строить. Командир 1-го Псковского баталиона Красной Армии Василий Ереминский».²⁰⁵ По всей видимости, красный командир не выдержал обстановки разложения первых красноармейских отрядов. Пехливанов же в приказе отметил, что войска потеряли идейного партработника и талантливое сотрудиника.

Руководство Северного участка отрядов завесы в середине апреля разослало подчиненным военным руководителям приказ о формировании двухдивизионных корпусов. Такие корпуса должны были сформировать военспецы Пехливанов, П. Н. Буров и А. П. Буковской. Именоваться корпуса должны были по фамилиям их командиров — старых генштабистов.²⁰⁶ Корпус Пехливанова (бывший Новгородский участок) вошел в 3-ю инспекцию формирования. Впрочем, эти военспецы не оправдали доверия большевиков, поскольку все позднее бежали к белым.

Произошли кадровые перестановки и на участке (в корпусе) Пехливанова. Начальника штаба Пехливанова бывшего Генштаба полковника Шишкина назначили на должность начальника штаба в корпус Буковского, формировавшийся в районе Петрограда. И. д. начальника штаба Новгородского участка с 23 апреля стал однокашник Пехливанова по академии бывший Генштаба полковник З. Ф. Церетели. И. д. начальника связи с 27 апреля стал курсовик А. И. Побыванец. Пехливанов планировал свести в корпус Псковскую и Новгородскую дивизии. Штаб участка (корпуса) по-прежнему располагался в Луге. Руководство соблюдало дореволюционные традиции и православные праздники. В частности, на Пасху красноармейцам была улучшена пища.²⁰⁷

11 мая военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич обратился к наркому по военным и морским делам Л. Д. Троцкому с просьбой принять Пехливанова,

²⁰⁵ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

²⁰⁶ Там же. Л. 23.

²⁰⁷ Там же. Л. 53.

вызванного по поводу дурных на него наветов.²⁰⁸ К сожалению, деталей этого эпизода мы пока не знаем.

В этот период силы Пехливанова на станции Торошино состояли из четырех рот пограничной стражи (800 человек), батальона латышей (400 человек) и эскадрона гусар. Пехливанов печально констатировал, что пограничные роты ничем от других не отличаются — «так же грабят как и другие».²⁰⁹ С окончанием боевых действий переменялось и отношение местных жителей к Красной армии. Теперь крестьяне заявляли о желании помогать лишь настоящей армии, но не Красной.

В период 21–23 мая Пехливанов вместе с Малютиным отправился в Петроград в штаб военного совета Северного участка завесы. Вр. и. д. военрука вместо него остался К. И. Шереметьев, вр. и. д. начальника штаба — Побыванец. Позднее вр. и. д. военрука был Малютин, а вр. и. д. начальника штаба — курсовик М. А. Поликарпов.²¹⁰ В конце июня 1918 г. управление Новгородского участка было расформировано.

Новый военрук Северного участка и Петроградского района Д. П. Парский, предположительно, в конце июня — начале июля 1918 г. разработал весьма секретные «Соображения на случай немецкого наступления». В этом документе военспец обоснованно отмечал, что из-за крайней слабости войск столкновения с противником они не выдержат. Стратегическое положение красных частей, по мнению Парского, было крайне невыгодным. Балтийский флот был дезорганизован, хотя и представлял некоторую боевую силу, но был разбросан в районе Кронштадта, на Неве и Ладожском озере. Парский считал, что Красная армия не в состоянии даже упорно обороняться. Военспец рекомендовал боя не принимать, но всемерно замедлять движение противника, например, партизанскими действиями. Предлагалось занять линию обороны по рекам Волхов и Свирь.²¹¹ В то же время войска завесы лишь вели наблюдение за противником, но не участвовали в боевых действиях.

К задачам службы Пехливанов подходил неформально. Как и в Приамурье, под Петроградом он составлял проекты и записки по различным вопросам военного строительства. В мае 1918 г. его волновали вопросы организации отрядов завесы.

²⁰⁸ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 67.

²⁰⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 102 об.

²¹⁰ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 11. Л. 81.

²¹¹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 14, 17.

Пехливанов считал, что его система формирования расходилась с системой Парского. Завеса первоначально формировала территориальные войска (дивизии). По мере формирования дивизий отдельные отряды должны были входить в их состав.²¹² Участками завесы руководили военные советы. Начальник штаба участка ведал оперативными и организационными вопросами. Военрук и начальник оперативного отдела занимались оперативными вопросами.

В 1918 г. Пехливанов составил заметку «Социалистическая Красная армия». В этом документе он продемонстрировал понимание задач борьбы с контрреволюцией. По проекту Пехливанова основной тактической единицей Красной армии для защиты интересов советской власти должна была стать бригада. Генштабист предлагал организовать трехэскадронные кавалерийские полки, а в стрелковых батальонах ввести четырехротную организацию.²¹³ Помимо этого, в 1918 г., по свидетельству дочери, Пехливанов готовил к печати книгу о воспитании бойца.²¹⁴

Пехливанов по-прежнему значился военным руководителем псковского отряда в списке зарегистрированных специалистов Генерального штаба № 9 от 16 июня 1918 г.²¹⁵ В июне 1918 г. Пехливанов обвинил в бездействии военный комиссар Гдовского района. По его мнению, генштабист лишь бесцельно сидел в Луге и ничего не предпринимал в связи с угрозой германского наступления.²¹⁶

9 августа 1918 г. во исполнение директивы военного совета Северного участка и Петроградского района Пехливанов вступил в командование Петроградской группой войск в составе 1-й (начдив — Свешников), 2-й (Шереметьев) и 3-й (Иванов) Петроградских дивизий, караульных районных отрядов Петрограда под командованием Главацкого, Чудской и Ильменской флотилий. Группа в случае давления противника должна была отходить за реку Волхов, замедляя наступление противника разрушением железнодорожных и технических сооружений, а также организацией партизанской войны.²¹⁷ Пехливанову было предписано про-

²¹² РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.

²¹³ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об., 4, 6.

²¹⁴ ГАНИПО. Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1; Панайотов П. Болгары в борьбе за Советскую власть 1917–1920. София, 1967. С. 90.

²¹⁵ РГВА. Ф. 25 863. Оп. 1. Д. 36. Л. 27 об.

²¹⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 64. Л. 294 об.

²¹⁷ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 7. Л. 22; Под знаменем Октября. Сб. док. и мат. Т. 1. С. 433–434.

известии перегруппировку войск с отводом главных сил в район Красного Села, Гатчины и станции Струги Белые.²¹⁸

Одновременно в июле — сентябре 1918 г. Пехливанов занимал пост инспектора формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы. Права и обязанности инспекторов формирования были определены еще 3 мая 1918 г. приказом Высшего военного совета № 37. Такие инспектора назначались на несколько дивизий и обладали правами корпусных командиров. Инспектора осуществляли общее руководство и контроль за формированием дивизий. Не менее двух раз в месяц, а возможно, чаще, они должны были проверять лично на местах ход формирования и давать необходимые разъяснения и указания, регулировать вопросы формирования, быть в курсе оперативных задач. Начальники дивизий предоставляли им донесения по формированию, а также оперативные и разведывательные сводки. К 1 и 15 числам каждого месяца инспектора представляли свои письменные доклады и отчеты Военному совету района.²¹⁹

Казалось бы, служба Пехливанова в Красной армии складывалась вполне благополучно, он пользовался авторитетом как у других военных специалистов, так и среди комиссаров. Однако 28 сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы Пехливанов неожиданно для всех сбежал к белым.²²⁰

По своей должности он получал один из самых высоких окладов в 1 000 руб.²²¹ Оклад такого же размера получали управляющий делами наркомата по военным делам Н. М. Потапов и начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан. Выше был оклад только у военного руководителя района (1 500 руб.). Оклад начальника дивизии составлял 900 руб., лица Генштаба, прикомандированные к Л. Д. Троцкому, получали 800 руб. Вопреки не подкрепленным фактическими данными заявлениям отдельных авторов о том, что переходы на сторону противника, якобы, обусловлены поисками более высокого жалования,²²² солидный оклад отнюдь не предотвратил бегство Пехливанова из Красной армии, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

²¹⁸ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

²¹⁹ РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

²²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

²²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

²²² Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 196.

Единственный советский биограф Пехливанова писал о его бегстве от красных следующее: «После расформирования Псковских отрядов И. Г. Пехлеванов был военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы, Петроградской группы войск Северного фронта. В конце августа 1918 года он поехал за семьей в Крым, но усиленное развертывание белогвардейских частей на юге России вынудило его перебраться в Болгарию».²²³ Подобные заявления следует признать прямым искажением подлинных событий биографии Пехливанова, о которых впервые будет рассказано ниже. Во-первых, Пехливанов покинул Красную армию не летом, а осенью 1918 г. Во-вторых, уехал он в Болгарию никак не вынужденно по причине развертывания антибольшевистских сил, а с точностью до наоборот, по распоряжению командования этими силами.

28 (15) сентября 1918 г. Пехливанов, находясь в Луге, набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспреещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально (подчеркнуто в документе читателями. — А. Г.) отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военсовету».²²⁴

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы об аресте Пехливанова и предании его суду, такой документ был составлен к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать свою семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился нашему герою этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л. М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного Участка Генштаба Иордан Георгиевич ПЕХЛЕВАНОВ рапортом от 28/15 Сентября, за номером 404, сообщил Военному Совету, что в виду воспреещения отпусков и длительности хлопот по выезду, он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении

²²³ На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П. А. Николаевым // Человек с ружьем. Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19.

²²⁴ РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки ПЕХЛЕВАНОВ бежал в направлении Крыма. Приметы его высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. ПЕХЛЕВАНОВ родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию (в документе ошибочно — предания. — А. Г.) его военно-революционному суду».²²⁵

Спустя много лет после Гражданской войны, в феврале 1932 г., о бегстве Пехливанова кратко упомянул в своем донесении органам госбезопасности о бывших офицерах Генштаба секретный сотрудник ОГПУ, военспец Г. И. Теодори: «Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, Чинтулов и Верховской — Балабин и Шишкин.

С ним связано еще два болгарина Людсканов-Цанков и Тодоров, оба окончившие царскую академию. Все трое по сведен[иям] 1918–1919 гг. в Болгарии (сведения давал Чинтулов, работавший с Тракманом в Военно-Контрольном, т. е. в контрразведывательном отделении т. Аралова)».²²⁶ Это донесение содержит сведения о тех слухах, которые циркулировали в кругах военспецов в период Гражданской войны и перемежались с официальной информацией. Но вполне возможно, что упомянутые Теодори военспецы действительно помогли Пехливанову бежать.

Пехливанов оказался единственным высокопоставленным перебежчиком из Красной армии, чью семью было предписано арестовать в соответствии с распоряжениями об ответственности членов семей перебежчиков.²²⁷ Однако семья Иордана Георгиевича находилась вне досягаемости советских органов госбезопасности, и приказ этот был невыполним.

Сохранилось фото Пехливанова с маленькой дочерью, сделанное осенью 1918 г. уже в Гурзуфе. Иордан Георгиевич сфотографирован во френче без знаков различия. Видимо, в этой одежде

²²⁵ Там же. Л. 158.

²²⁶ Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 237.

²²⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24. Подробнее о практике взятия в заложники членов семей военспецов см.: Ганин А. В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.

он и бежал из Красной армии. В руке Пехливанова фуражка без кокарды, на коленях газета. Дочь фотографировалась в платье и с огромным бантом, на руках маленькой Киры черная собачка, которую тоже украшает бант.

Казалось бы, Иордан Георгиевич предпочел счастливую и спокойную семейную жизнь водовороту русской Гражданской войны. Однако Гражданская война для него еще не закончилась. Подчас сам того не зная, он помогал каждой из воюющих сторон. Например, весной 1919 г. труды Пехливанова продавались в академии Генерального штаба в белой Сибири.²²⁸ Вполне возможно, что колчаковские офицеры использовали наработки Иордана Георгиевича для укрепления белого Восточного фронта.

Оказавшись на белом Юге, Пехливанов поступил на службу в войска генерала А. И. Деникина. По данным потомков Иордана Георгиевича, он служил на Украине, в городе Сумы.²²⁹ К сожалению, подробностей его службы, кроме финального аккорда, установить не удалось. Единственное обнаруженное в архивах упоминание о службе Пехливанова после бегства от красных относится уже к его отъезду из России. Приказом главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России Генштаба полковники Пехливанов и Шайтанов были командированы в Болгарию. На 13 декабря 1919 г. для них было заказано двухместное купе от Ростова-на-Дону до Новороссийска.²³⁰

Среди генштабистов, участвовавших в Гражданской войне, мне известен только один офицер по фамилии Шайтанов. Речь идет о выпускнике младшего класса ускоренных курсов 4-й очереди, окончившем академию в Томске, Владимире Евгеньевиче Шайтанове. В обнаруженных мною документах он значится как войсковой старшина, служивший с 9 июня 1918 г. по сентябрь 1919 г. на Восточном антибольшевистском фронте, в том числе на должности начальника культурно-просветительского отделения информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего.²³¹ В 1920 г. он попал в плен к красным, а в 1921 г. оказался в Красной армии, где упоминался в прежнем чине войскового старшины. Вполне возможно, что с Пехливановым за рубеж отправился какой-то другой офицер. К сожалению, в этом вопросе пока нет полной ясности, как нет ясности

²²⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 139 об.

²²⁹ Сообщение внучки И. Г. Пехливанова М. В. Арсеньевой автору. 05.07.2011.

²³⁰ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 44. Л. 286.

²³¹ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 377, 582.

и в том, с какой целью Пехливанов был командирован в Болгарию белым командованием.

В феврале 1920 г. Пехливанов с женой и шестилетней дочерью вернулся в Болгарию. Ставшая женой Пехливанова Вера Пушкарева с дочерью в годы Гражданской войны жили в Гурзуфе у брата Пехливанова. Именно к ним Иордан Георгиевич бежал из Красной армии в направлении Крыма. Первый муж Пушкаревой, Котляревский, позднее приехал к своей бывшей жене в Болгарию и жил там практически все время вместе с ней и с ее новым мужем с декабря 1922 по май 1924 г.

В эмиграции Вера Васильевна стала преподавать в Русском народном университете в Софии, на филологическом факультете Софийского университета, в Софийском педагогическом институте и в Музыкальной академии, занималась театральной критикой, опубликовав более пятисот статей и отзывов, руководила кружком «Живое слово», выступила инициатором создания первого в Болгарии театрального музея.²³²

Иордан Георгиевич не порывал связей с прежними сослуживцами. В частности, в начале 1930-х гг. он числился в Обществе русских офицеров Генерального штаба в Болгарии.²³³ После смерти Веры Васильевны Иордан Георгиевич женился на зажиточной болгарской крестьянке, вдове Дине Чулаковой.²³⁴

Кира Иордановна впоследствии вспоминала о жизни семьи в Болгарии: «Сведения о его (отца. — А. Г.) деятельности в рядах Красной армии проникли в Болгарию. В то время царем был Борис [III], сын Фердинанда, противником которого был мой отец. «Красного полковника» не только на военную службу не приняли, но отказали даже в месте преподавателя в Военном училище. Он должен был навсегда отказаться от военного дела, которое очень любил и которому посвятил всю свою жизнь.

Первые годы мы очень бедствовали. Отец ходил без пальто, а мама (артистка Александринского театра) работала продавщицей сувениров, чтобы прокормить семью.

Постепенно дела наши наладились. Мама организовала курсы художественного чтения и сценического искусства (которые закончили многие известные в будущем деятели болгарской сцены), стала театральным рецензентом и преподавателем ху-

²³² Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 57–58.

²³³ ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 12. Л. 123 об.

²³⁴ Сообщения внуков И. Г. Пехливанова Л. В. Нечаева и М. В. Арсеньевой автору. 05.07.2011.

дожественного чтения в Статантском институте для учителей и в Музыкальной академии.

Отцу удалось получить на основании его образования звание машинного инженера и право на свободную практику. Он работал, главным образом, по монтажу машин и холодильных установок. В течение нескольких лет занимался поисками нефти в северо-восточной части страны.

В 1941 году в возрасте 64 лет он был граждански мобилизован и назначен техническим руководителем большой мельницы в городе Червен Бряг. Там в 1942 году умерла моя мать. Я в это время работала учительницей средней школы в Софии.

Несмотря на пенсионный возраст и ослабленное здоровье (сердце), отец не мог выйти на пенсию, т. к. годы, проведенные в учении и на русской службе, ему в качестве трудового стажа не признавали.

Великую Отечественную войну отец горячо переживал. Несмотря на то, что радиоприемник у него, как и у всех тогда, был опечатан, он умудрялся слушать радиопередачи из Москвы и, обложившись картами, подробно, как кадровый военный, разбирал военные действия, составлял сводки и прогнозы и растолковывал друзьям и знакомым, в чем состоит сила Красной армии и гениальность ее командования. В ее непобедимости он был убежден с первого же дня войны.

В феврале 1944 г., после того, как София была разбомблена, отец приютил на чердаке своего маленького домика, находящегося во дворе мельницы, меня с моим будущим мужем — нелегальным. Это было довольно рискованное дело, т. к. мельница и двор ее охранялись сторожами, солдатами и собаками, а за укрытие коммунистов расстреливали.

Мы прожили у отца 5 месяцев. Когда через станцию Червен Бряг стали проходить и останавливаться немецкие эшелоны с советскими пленными, мы трое, слушая советские сводки, стали изготавливать листовки с подробными сведениями о положении на фронте и с указаниями, где удобнее всего бежать с поездов.

Листовки эти, спрятанные в кусках хлеба и яблоках, я раздавала советскими пленным, болтая по-немецки с конвоирами. 35 из бежавших были пойманы болгарской полицией. Но мне удалось убедить коменданта не сдавать их немцам, а устроить рабочими на мельницу и на уборку урожая. Так они дождались прихода Красной армии.

Когда я сказала отцу, что мы с мужем намерены идти в партизаны, он справил ему одежду, подарил свой пистолет, благосло-

вил нас на это дело и посетовал, что по старости лет и слабости здоровья не может сам пойти с нами.

Вооруженное восстание в Болгарии 9 IX 1944 года застало отца заведующим машинным парком гидростроительства на реке Росица (Директор мельницы уволил его за то, что он вопреки воле директора требовал остановки мельницы на аварийный ремонт котла. Отец вызвал экспертов, которые приказали немедленно остановить работу во избежание взрыва котла и, конечно, директору досталось). В открытке, посланной нам в казарму, отец поздравлял нас с боевым крещением, желал успеха в ратном деле и наказывал: «Бейте безжалостно проклятых чистокровных немцев».

Сам же он вскрывал злоупотребления немецкой фирмы «Арге Росица» и болгарских фашистов по строительству плотины и писал об этом советской контрольной комиссии в 1944 и 1945 гг.

В 1946 году отец вышел на пенсию и поселился в небольшом городке Сухиндол (возле строящейся плотины), где в течение нескольких лет преподавал математику в средней школе.

Он был активным членом и постоянным лектором Общества болгаро-советской дружбы; выступал с докладами, посвященными, главным образом, Октябрьской революции, Великой Отечественной войне и строительству социализма.

Умер 26 III 1955 г. в г. Сухиндоле в возрасте 77 лет». ²³⁵ Принимая во внимание это свидетельство, не будем забывать о том, что написано оно было в советское время и, вероятно, несет на себе печать цензуры.

Как уже отмечалось, в Болгарии Пехливанов работал инженером и школьным учителем. В годы Второй мировой войны помогал партизанам в борьбе с гитлеровцами, затем восторженно встретил приход Красной армии, однако конкретных данных об оказываемой Пехливановым партизанам помощи, кроме краткого свидетельства его дочери, в моем распоряжении нет. В 1946 г. вышел на пенсию, поселившись на севере страны, в городе Сухиндол, но работал лектором в обществе советско-болгарской дружбы. Умер 26 марта 1955 г.

Дочь Пехливанова Кира Иордановна (1914–1982) окончила биологический (1940) и филологический (1954, русское отделение)

²³⁵ ГАНИПО. Ф. 9837. Оп. 1. Д. 117. Л. 1 об. — 2 об. Частично опубликовано со значительными редакторскими искажениями и сокращениями в: На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П. А. Николаевым // Человек с ружьем. Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19–20.

факультеты Софийского университета. В 1938 г., еще будучи студенткой, выпустила «Самоучитель русского языка». В 1963 г. защитила первую в Болгарии кандидатскую диссертацию в области методики преподавания русского языка, стала заслуженным учителем, автором 30 учебников и учебных пособий, множества статей в журналах «Русский язык», «Русский язык в национальной школе», «Русский язык за рубежом», «Болгарская русистика». Преподавала русский язык в Медицинской академии (1949–1955), в Болгарской Академии Наук на кафедре, обучавшей аспирантов и научных работников (1955–1961), заведовала лекторатом иностранных языков (1961–1980), была членом исполнительного совета Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).²³⁶

Кира Йордановна стала известным специалистом в области грамматики русского языка, ее перу принадлежит многократно переиздававшаяся книга «Грамматика русского языка в иллюстрациях» (1-е изд. М.: Русский язык, 1984), написанная в соавторстве с М. Н. Лебедевой специально для иностранцев, изучающих русский язык. К. И. Пехливанова была замужем за поэтом В. П. Нечаевым, в семье было трое детей. Кира Йордановна активно интересовалась историей семьи, жизнью родителей, собирала материалы по этому вопросу, интервьюировала участников Гражданской войны, работала с архивными документами Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА, ныне — РГВА), Института русской литературы (Пушкинского Дома) и даже приезжала в Псков, чтобы узнать подробности участия отца в событиях февраля — марта 1918 г.

В 1970-е гг. в Болгарии был снят документальный фильм, посвященный Пехливанову, для этого фильма даже шел сбор документов в советских архивах. К сожалению, во время подготовки очерка мне не довелось его увидеть.

Внучка Пехливанова, Мария Валентиновна Арсеньева, живущая в Софии, является хранительницей семейного архива Пехливановых. Потомки полковника Пехливанова живут сегодня в обеих странах, служению которым он посвятил свою жизнь — в Болгарии и в России.

Жизненный путь полковника Пехливанова во многом характерен для судеб немалой части офицеров-генштабистов русской армии, но в то же время сопряжен с целым рядом уникальных событий, которые выделяют биографию Пехливанова из многих

²³⁶ Каназирска М. Указ. соч. С. 388.

других. Пехливанов отличался незаурядными способностями к учебе, тягой к знаниям, оставил обширное письменное наследие, ряд статей и книг (как переводов других авторов, так и собственных трудов).

За исправным несением Пехливановым службы до мировой войны последовало его героическое участие в этой войне, подкреплявшееся русофильскими и антигерманскими настроениями (которые, кстати, в полной мере проявились у Пехливанова и в годы Второй мировой войны). Затем наступил 1917 г. Пехливанову тогда оказала доверие и поддержку, выдвигала на руководящие посты солдатская масса. Многие офицеры, прошедшие через схожее признание революционных солдатских масс, позднее оказались в Красной армии. Не стал исключением и Пехливанов.

Однако виденное им в период службы на Дальнем Востоке в конце 1917 — начале 1918 г. должно было заставить офицера, по меньшей мере, усомниться в том, что новая власть в состоянии навести порядок в стране и доверительно относиться к бывшим офицерам. Вполне возможно, что эти сомнения в дальнейшем лишь укрепились в период службы Пехливанова на Северо-Западе России, в том числе в формированиях завесы, поскольку в 1918 г. внутреннее положение Советской России еще не было стабильным и были возможны различные эксцессы.

Впрочем, Пехливанов добросовестно пытался понять суть нового режима, установившегося в стране. Более того, он оказал полную поддержку новой власти в деле защиты страны от германского наступления. Фактически речь шла о защите России, безотносительно ее политической системы. Именно патристическими, антигерманскими мотивами руководствовался сам Пехливанов. Ведь если бы немцы заняли Петроград и установили там собственное марионеточное правительство, как было на гетманской Украине, кардинально изменилось бы положение всей страны, причем не только тех территорий, которые контролировались большевиками. Например, неизвестно, что ждало бы еще не вполне оформившиеся тогда альтернативные антибольшевистские государственные образования на юге и востоке России, лидеры которых, как известно, придерживались проантантовской и антигерманской ориентации. По этим причинам неверно считать, что Пехливанов защищал только лишь Советскую Россию. Как бы то ни было, вклад Пехливанова в события конца Первой мировой войны на Восточном фронте трудно переоценить.

После ликвидации угрозы германского нашествия весна — лето 1918 г. для Пехливанова стали периодом рутинной службы

в формированиях завесы, тяжелой, напряженной работы по созданию Красной армии. Тяжелое положение семьи вынудило его осенью 1918 г. поставить личные интересы выше служебных, дезертировать из Красной армии и бежать на белый юг. Но между его героической защитой красного Петрограда от немцев в начале 1918 г. и последующей изменой советской власти нет противоречия, если учесть, что Пехливанов служил стране, а не режиму.

В моем распоряжении нет данных о том, что Пехливанов активно служил у белых, сохранились лишь отрывочные упоминания. Следует отметить, что он был далеко не единственным перебежчиком от красных к белым. Даже в сравнительно узкой корпорации генштабистов таких людей были сотни, не говоря уже об офицерстве в целом. Неопределенность идейного выбора и метания были отличительной чертой поведения офицерства в Гражданской войне. В красном лагере бывшие офицеры находились под постоянным подозрением, расценивались новыми хозяевами России как нелояльный, если не враждебный, элемент. В белом лагере обстановка для офицерства была более благоприятной, поэтому туда (в основном на юг и восток) хлынул поток перебежчиков. Однако к перебежчикам, бывшим военспецам, белые тоже относились с недоверием. Положение людей, которых не принимали ни в том, ни в другом лагере, было сложным, нередко трагическим. У Пехливанова был удачный выход из этой неприятной ситуации — возвращение на родину в Болгарию, позволявшее забыть об ужасах Гражданской войны в России и избежать репрессий за измену советской власти со стороны победивших большевиков.

Жизнь Пехливанова в Болгарии оказалась сродни пребыванию в странах рассеяния русских офицеров-эмигрантов и облегчалась только тем, что он был у себя на родине и не ощущал языковой и культурной изоляции. Тем не менее на военную службу он принят не был и был вынужден подыскивать другие источники средств к существованию. Материальное положение семьи Пехливанова в первые годы после Гражданской войны было крайне неблагоприятным, но со временем жизнь нормализовалась.

В Болгарии прошла большая часть жизни Пехливанова, однако наиболее яркие и значительные страницы этой жизни пришлось на период пребывания в России. С полным основанием можно сказать, что сын Болгарии Иордан Пехливанов сыграл видную, хотя и неоднозначную, роль в истории русского фронта Первой мировой войны и в истории Гражданской войны в России.

Приложение

*Рапорт командующего войсками Приамурского военного округа Генерального штаба И. Г. Пехливанова помощнику управляющего военным министерством, главноуправляющему канцелярией комиссара по военным делам и хабаровскому совету солдатских депутатов. 11.01.1918.*²³⁷

Командующий войсками
Приамурского военного округа
Генерального Штаба
Пехливанов
№ 1
11 Января 1918 г.
Хабаровск — Петроград

Пом[ощнику] Управляющего военным министерством
К^о Главноуправ[ляющему] Канцелярией Комиссара
по Воен[ным] делам
К^о Хабаровск Совет Солдат[ских] депутатов

Рапорт

Ко дню моего приезда в округ²³⁸ 20^м декабря — краевая власть была представлена в лице Вр[еменного] коллектива из 4–5 лиц краевого комитета Р. и С. Д.,²³⁹ председатель и остальные члены краевого комитета и совет разъехались на праздники с тем, чтобы собраться после нового года — числа 3–5 января.

Областные власти были представлены: а) Приморской области (Владивосток) — в лице областного земства, склонного идти на коалицию с советом Р. и С. Д., и б) Амурской области (Благовещенск) — в лице областного земства, не признающего советской власти.

Казачество, как Амурское, так и Уссурийское, замкнулось в своих границах и, по-видимому, не признавало никакой власти, в том числе и власти командующего войсками.

²³⁷ Черновик рапорта обнаружен в личном фонде Пехливанова в РГВА. В сносах приводятся вычеркнутые Пехливановым фрагменты. В квадратных скобках раскрыты сокращения и добавлены инициалы упоминаемых лиц. РГВА. Ф. 37 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–11 об. Черновик. Подлинник. Чернила с карандашной правкой.

²³⁸ Далее зачеркнуто: (г. Хабаровск).

²³⁹ Рабочих и солдатских депутатов.

22 декабря п[рошлого] г[ода] я переговорил с вр[еменным] председателем коллегии краевого комитета, которому заявил о признании мною советской власти, несмотря на то, что мое назначение на должность командующего войсками состоялось до октябрьской революции (20 окт. 1917 г.),²⁴⁰ а также о том, что программа моей предстоящей работы будет изложена перед краевым комитетом, которому я предоставлю утвердить программу или отвести мое назначение. В тот же день я подписал приказ о вступлении в командование, о чем донес комиссару по военным делам и сообщил ГУГШ, а 23 декабря принял начальствующих лиц, управления и штаб округа.

Во вр[емя] пр[иема] штаба ко мне явились комиссар штаба округа и член краев[ого] комит[ета], которые предложили мне явиться в краевой комитет для обсуждения вопроса о моем вступлении в должность. Мне пришлось уверить, что прием штаба никакого значения не имеет.

После этого ко мне явились вр[еменный] председатель коллектива с комиссаром штаба и заявили, что коллектив не берет на себя право утвердить меня в должности и не может допустить, будто бы на основании постановления краевого комитета, моего вступления в должность.

Надо полагать, что подобного постановления краевого комитета Р. и С. Д.,²⁴¹ не было, так как выдать мне выписку из протокола об этом коллектив отказался; тем не менее, коллектив решил остановить рассылку приказа, якобы с целью оградить себя от ответственности перед краевым комитетом за неисполнение его постановления. Впредь до съезда членов комитета мне было предоставлено право: а) организовать при штабе разработку моего плана реорганизации ополченского корпуса в корпус народных войск и б) знакомиться с округом на местах, оставив во вр[еменное] командование Генер[ала] Мандрыка.

Временный коллектив краевого комитета состоял из лиц бывшего комиссариата, перекрасившегося в полубольшевиком, солдат ополчен[ческого] корпуса: [И. П.] Кальмановича,²⁴² [Д.] Носок[-Турского], Линнос и др[угие]²⁴³ молодые люди, ни чем не свя-

²⁴⁰ Далее зачеркнуто: и поставил его в известность относительно моей программы: реорганизация ополченского корпуса в корпус народных (местных) войск и сокращение до мин расходов казны на военное ведомство, в том числе и на содержание казачьих сотен, сокращение гарнизона Владивостока и т. п.

²⁴¹ Далее зачеркнуто: по-видимому.

²⁴² Правильно — Калмановича.

²⁴³ Далее зачеркнуто: случайные.

занные с краем, относящиеся критически к декретам Народного Правительства — постольку-поскольку и, конечно, совершенно, не сведущие в военных вопросах.²⁴⁴

24 декабря из бесед с управляющим государственным казначейством в Хабаровске выяснилось, что с 13 ноября прекратилось поступление денежных знаков из Петрограда и что наличность в 2 миллиона рублей будет израсходована в течение первых же дней января месяца. Между тем, на содержание войск и военных учреждений округа требуется до 5 мил. руб. в месяц. Ясно, что с роспуском абсолютно не нужных ополченцев надо было спешить; тоже самое нужно было куда-нибудь отправить и в [оенно] пленных — около 10 тыс. солдат и 5 тыс. офицеров, на которых требуется громадная сумма денег.

В тот же день²⁴⁵ я отбыл во Владивосток, а Подполковник [К. К.] Акинтьевский приступил²⁴⁶ спешно готовить²⁴⁷ план реорганизации ополченского корпуса.

По пути во Владивосток я вызвал на ж[елезно] д[орожную] ст[анцию] Никольск-Уссурийский начальника гарнизона, членов солдатской секции совета и председателя совета ([А. М.] Краснощек — эмигрант из Америки, недавно прибывший в край) и в общих чертах познакомил их с моим планом.

27го декабря во Владивостоке, собрав начальствующих лиц, комиссаров крепости,²⁴⁸ управляющего отделением Государственного банка и главного контролера для выяснения положения дел в крепости и в порту, а также наличие средств казны.²⁴⁹ Коменданту крепости мною была поставлена задача представить мне к 3-му Января план сокращения гарнизона крепости.²⁵⁰ Лишних

²⁴⁴ Далее зачеркнуто: например, под их руководством краевой комитет решил упразднить должность командира ополченского корпуса и штаб ополченского корпуса, на несуразность такого постановления при условиях реорганизации корпуса им и было мною указано.

²⁴⁵ Далее зачеркнуто: заявив коллегии краевого комитета, что ко времени съезда членов комитета будет готов план роспуска ополченского корпуса и формирование корпуса народных (местных) войск.

²⁴⁶ Далее зачеркнуто: вместе со штабом.

²⁴⁷ Далее зачеркнуто: мой доклад согласно данных мною основных положений.

²⁴⁸ Далее зачеркнуто: и пригласил на совещание председателя и членов солдатской секции совета.

²⁴⁹ Далее зачеркнуто: На совещании и здесь выяснилось наличие финансового кризиса.

²⁵⁰ Далее зачеркнуто: до min, оставив необходимое (? — А. Г.) число солдат для охраны грузов и крепостных сооружений.

солдат разместить по городам для поддержания власти советов вместо ополченцев.²⁵¹

В следующие два дня я посетил Владивостокский совет Р. и С. Д., где беседовал с г. г. [Н. М.] Любарским, уезжавшим в тот же день в Петроград, [К. А.] Сухановым и др[ругими] членами комитета; ознакомил их с финансовым положением казны и со своим планом работ в округе; г. Любарского просил хлопотать в Петрограде относительно высылки из пределов округа в[оенно]пленных.²⁵² Во Владивостоке я посетил бюро Приморского земства, вошедшего в коалицию с фракцией большевиков, и познакомил бюро с моей программой, которая была встречена с полным сочувствием.

Утром 30^м декабря я отбыл обратно в Хабаровск.²⁵³ По пути²⁵⁴ я предполагал ознакомиться с лагерем в[оенно]пленных и с положением Уссурийского казачества, на что понадобилось бы двое суток времени. Вместо этого я решил ехать прямо в Хабаровск проверить там работу Акинтьевского, дать ему дополнительные указания, послать Вам отчет о моей работе и ехать в тот же²⁵⁵ день в Амурскую область с расчетом прибыть обратно в Хабаровск числа 5^м января, т. е. ко времени съезда членов краевого комитета.

К 1-му января в комиссии Акинтьевского уже выяснилось полная ненадобность для нужд округа и полная непригодность для других военных целей²⁵⁶ 8^м ополченского корпуса; что для охраны в[оенно]пленных, важнейших сооружений ж. д. и др. достаточно иметь несколько команд из эвакуированных с фронта,

²⁵¹ Далее зачеркнуто: Этот план тоже подлежал рассмотрению в краевой комитет.

²⁵² Далее зачеркнуто: Советовался также с ними по вопросу о том, делать ли мне визиты консулам или нет, но ни к какому определенному решению так и не пришли. Между тем, с консулами необходимо было войти в сношение по поводу морской перевозки прибывающих в[оенно]пленных итальянцев и чехословаков (5—7 000). Вызванный мною для этой цели по телеграфу из Хабаровска дипломатический чиновник при бывшем комиссаре, отказался приехать под предлогом болезни, поэтому мне пришлось обратиться к отставному подполковнику Боткину, который от моего имени вел переговоры с консулами, т. к. я решил визитов им не делать.

²⁵³ Далее зачеркнуто: перед отправлением поезда из Владивостока в Хабаровск ко мне в вагон явился комендант крепости с докладом о том, что прибыл на рейд японский крейсер и что ожидается прибытие второго крейсера. Цель их прибытия — охрана интересов японских подданных.

²⁵⁴ Далее зачеркнуто: в Хабаровск.

²⁵⁵ Далее зачеркнуто: на следующий.

²⁵⁶ Далее зачеркнуто: посылки на фронт.

общей численностью около 1500 чел.²⁵⁷ Об этом мною была составлена Вам депеша, но, думаю, что она задержана комиссаром при штабе.²⁵⁸ По мере сведения дружин ополченского корпуса полагалось²⁵⁹ их штабы²⁶⁰ расквартировать по местечкам, селам и станицам в виде ячеек корпуса народных (местных) войск. Первая задача этих штабов — вести точный учет военнообязанных и добровольцев на своей территории, а также снаряжение, вооружение и довольствие добровольцев на случай их призыва. Таким образом, параллельно с роспуском ополченцев был бы создан корпус народных войск. Я ни сколько не сомневался, что мой план реорганизации корпуса встретит полное²⁶¹ сочувствие со стороны краевого комитета.

Однако вышеуказанная группа лже-большевиков усмотрела в моей программе опасные лично для себя замыслы как делегаты от ополченского корпуса и взяла меня под подозрение как назначенного вр[еменным] правительством.

¹ Января надо было составить ответ на ноту командира японского крейсера (эскадры). Мною были даны для этой цели Генерал-Майору [В. Н.] Доманевскому и дипломатическому чиновнику нижеследующие основные мысли: а) что за безопасность японских подданных я не ручаюсь,²⁶² и б) что в случае высадки десанта для охраны японских подданных — японские части или команды должны поступать в подчинение местных военных властей (коменданта крепости Владивосток, Нач[альни]ка гарнизона Никольск-Уссурийский), чтобы эти высаженные части могли бы отсылаться обратно на суда по минованию в них надобности.²⁶³

Коллегия краевого комитета резко разошлась с моим мнением относительно содержания ответа на ноту и, вместо того, чтобы лишь задержать отправку депеши (что и было ими сделано), задержали мою поездку в Амурскую область; в момент отхода поезда мой вагон был по их распоряжению отцеплен, я был доставлен

²⁵⁷ Далее зачеркнуто: вместо 20 000 ополченцев.

²⁵⁸ Далее зачеркнуто: При этом мною было установлено.

²⁵⁹ Далее зачеркнуто: использовать.

²⁶⁰ Далее зачеркнуто: для перехода к новому их расквартированию.

²⁶¹ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

²⁶² Далее зачеркнуто: с 30 декабря началось прибытие Уссурийской казачьей дивизии, частью в пути разоруженной красногвардейцами; на почве озлобления казаков могли бы начаться столкновения казаков с ополченцами в Никольск-Уссурийском, где много японцев.

²⁶³ Далее зачеркнуто: Депеша ответа должна была быть подписана дипломатическим чиновником.

в помещение краевого комитета, где совместно обсуждался текст ответа; мой ответ не удовлетворил коллегия, которая находила, что этим я хотел завлечь к нам японцев. Ознак[омившись] с редакц[ией] телеграммы, я действительно убедился, что мои мысли искажены и что эта редакция не сходится с прочитанным мне по телефону нач[альником] штаба проектом ответа.²⁶⁴

С 1-го января я был изолирован у себя на квартире. 3-го января съехались члены краевого комитета; к этому же времени был готов мой план реорганизации ополченского корпуса. Я был готов выступить перед комитетом в полном его составе с изложением моей программы. Но выступление мое в комитете этим лицам не было угодно. Они постарались скрыть меня от комитета и 4го января отправили меня из Хабаровска.²⁶⁵ Надо думать, что мне выдан соответствующий паспорт.

Итак, я провел на свободе всего 10 суток на территории округа; из них 4 дня в пути;²⁶⁶ за эти дни я установил связь исключительно с представителями советской власти и Приморским земством, признающим эту власть; не признающих власти Народных Комиссаров — Амурское земство и оба казачества не успел даже видеть.²⁶⁷ Вся моя энергия была направлена к выяснению дел в округе и к подготовке плана реорганизации ополчен. корпуса для выступления с этим планом перед краев. комитетом.

Вы знаете меня как офицера Генер[ального] Штаба, мое происхождение и воспитание в демократической²⁶⁸ стране Болгарии, мое исключительное военное образование,²⁶⁹ мое деятельное участие в Болгаро-Турецкой войне,²⁷⁰ что во время корниловского выступления я был выдвинут армейскими организациями

²⁶⁴ Далее зачеркнуто: в чем я усматриваю подлог со стороны последнего или дипломатического чиновника Куренкова.

²⁶⁵ Далее зачеркнуто: под наблюдением едущих в Петроград на морскую конференцию делегатов Амурской речной флотилии.

²⁶⁶ Далее зачеркнуто: не успел даже вступить в командование и выступить со своей программой перед краевым комитетом или советом.

²⁶⁷ Далее зачеркнуто: Кажется совершенно ясным, что этим людям не угодно было иметь командующего с волей и программой.

²⁶⁸ Далее зачеркнуто: архидемократической.

²⁶⁹ Далее зачеркнуто: окончил первым по выпуску Михайловскую артиллерийскую академию и академию Генерального Штаба с правом занесения имени на почетную мраморную доску.

²⁷⁰ Далее зачеркнуто: мой печатный труд по поводу этой войны, мой печатный труд по «Военной педагогике» о воспитании и образовании современных народных войск (350 стр.) и мое выдающееся участие в настоящей войне, где я на должностях офицера Генер[ального] Штаба получил кроме всех боевых

на должность Начальника Штаба фронта (имею документ), что во второй половине октября я был вызван в Петроград, как офицер Генер[ального] Штаба, выдвинутый войной, что здесь мне делались разные предложения, от которых я решительно отказался и что я принял последнее предложение, имея в виду создать корпус народных (местных) войск, который мог бы служить оплотом демократического порядка в крае и прототипом при создании таких же войск по всей России.²⁷¹

К концу января мы имели бы первый корпус народных войск, готовый отстоять завоевания революции.²⁷²

Прошу доложить о вышеизложенном в коллегии комиссаров по военным делам или вызвать меня для доклада лично²⁷³ о положении Дальнего Востока, настоятельно требующего принятия со стороны Народного правительства исключительных мер; этим, быть может, придется закончить мое горячее желание послужить России на ее далекой окраине.²⁷⁴

Что касается моей виновности, то здесь может быть речь только о подозрении, но лишь со стороны лично заинтересованных членов краевого комитета делегатов ополчен[ческого] корпуса.

Моя деятельность в 10-ти дневный период подготовки к вступлению в должность и по разработке плана реорганизации войск не содержит никаких преступных действий. Никаких секретных распоряжений я не отдавал; шифрованных депеш не посылал. Все мои телеграммы проходили через штаб, где находятся комиссары комитета, имеющие право задерживать или приостанавливать любые распоряжения и даже приказы. Кроме того, все депеши цензурировались комитетскими комиссарами на телеграфе. Таким образом, ни одно из моих распоряжений не могло бы быть проведено в жизнь помимо согласия комитета.

и Георгиевские награды: оружие, офицерский крест и почетный солдатский Георгиевский крест по присуждению всех частей дивизии.

²⁷¹ Далее зачеркнуто: В необходимости формирования этих войск вследствие разрушения фронта и тыла я был глубоко убежден и, наконец, Вы знаете, с каким усердием и упорством я готовился к выполнению этой миссии в Петрограде.

²⁷² Далее зачеркнуто: и сражаться за них. Признавая исключительную важность и спешность создания таких войск,

²⁷³ Далее зачеркнуто: с тем, чтобы я мог получить подтверждение моих полномочий и, не теряя времени, вернуться к своему посту, т. к. в округе совершенно нет людей, сколько-нибудь пригодных к созидательной работе в духе времени или же получить другое назначение в действующей армии.

²⁷⁴ Далее зачеркнуто: где совершенно нет людей для созидательной работы в духе времени (далее зачеркнутое неразборчиво. — А. Г.).

С. М. НАЗАРИЯ

АНТИЕВРЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА В РУМЫНИИ (1866–1940)

Изучая вопрос о массовом истреблении еврейского населения в оккупированной союзными Гитлеру румынскими войсками Молдавии в 1941–1944 годах, следует отметить, что это чудовищное преступление косвенно было подготовлено всем ходом развития румынского общества, начиная со второй половины XIX века и до вступления Румынии во Вторую мировую войну. Подчёркивая эту мысль, американский исследователь К. Хитчинс отмечает, что антисемитизм ни в коем случае не являлся феноменом, возникшим после Первой мировой войны. Он «в своей современной форме тянет свои корни как минимум из первых десятилетий XIX века, когда еврейская эмиграция в Княжества стала массовым явлением. Первоначально многие румыны рассматривали еврейскую экономическую конкуренцию как основную опасность их национальному развитию, но со второй половины столетия антисемитизм получил культурный и расовый оттенок»¹.

«Настоящий взрыв антисемитизма произошёл по мере продвижения страны к независимости, — говорится в выводе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии. — Во время дискуссий по новой Конституции 1866 г. румынские лидеры стали представлять евреев как главное препятствие на пути к независи-

¹ Hitchins K. România. 1866–1947. București, 1998. P. 397.

мости, процветанию и культуре в Румынии»². Последующий геноцид евреев логически вытекал из насаждавшегося в 1920-е, и особенно в 1930-е гг. в румынском обществе массового и облечённого в законодательные рамки государственного антисемитизма. Эта мысль была высказана и государственным обвинителем на процессе над румынскими военными преступниками во главе с И. Антонеску: «В Румынии на протяжении многих лет влиятельными заинтересованными кругами проводилась подстрекательская политика, шовинистическая политика, расистская политика»³.

Следует отметить, что к моменту вступления Румынии в войну в антиеврейской политике властей, — по примеру того, что творилось в гитлеровской Германии, — чётко обозначились четыре направления: пропагандистское, рассчитанное на подготовку общественного мнения к самым бесчеловечным действиям против евреев; законодательное, имевшее целью вывести евреев за рамки системы традиционного права, со всеми вытекающими из этого политическими, экономическими и социальными последствиями; экономическое, рассчитанное на полное вытеснение евреев из хозяйственной жизни Румынии, ликвидацию еврейского предпринимательства, ограбление и полное разорение евреев; административно-полицейское, выражавшееся в принятии ряда унижительных и дискриминационных для евреев ограничений культурного, политического и социального характера, в проведении демонстративных репрессивных акций (аресты, избиения, погромы при полном «невмешательстве» властей) против евреев, с целью принудить их к эмиграции любой ценой.

Уже в Конституции 1866 г., в статье 7-й, было утверждено лишение евреев гражданских прав⁴. Первоначально, во время подготовки Конституции, одна из статей предусматривала: «Конституция не является в Румынии препятствием для натурализации. Специальный закон решит вопрос о последовательной натурализации и предоставлении гражданства израелитам, которые осядут в Румынии»⁵. Однако начались бурные антисемитские протесты, направленные против предоставления румынского гражданства евреям Дунайских Княжеств, что остерегло авторов Конституции от включения в неё либеральной статьи, предусматривающей натурализацию евреев.

² Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. București, 2005. P. 23.

³ Procesul lui Ion Antonescu. București, 1995. P. 306.

⁴ Monitorul oficial. P. I. Nr. 69 din 31 martie / 12 aprilie 1866.

⁵ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. București, 1996. P. 386.

В 1867 г. министр внутренних дел Брэтиану выпустил ряд циркулярных писем, адресованных всем префектурам страны, в которых приказывалось принять меры для вытеснения евреев из различных сфер деятельности, ограничения возможности их проживания в сельской местности и даже выдворения за пределы Румынии⁶. Он считал евреев «орудием в руках врагов нации» и выразил свою точку зрения следующей формулой: «Евреи поставили перед собой цель не менее, чем разрушение нашего национального существования»⁷. Он называл евреев «социальной нечистью Румынии», утверждая, что «их огромное число» «угрожает, как все утверждают, нашей нации... Только бескомпромиссные административные меры могут спасти нас от этой заразы»⁸. Поступавшие из-за рубежа от великих держав и еврейских организаций протесты лишь усилили антисемитскую риторику Брэтиану, так как вызвали недовольство великих держав Румынией⁹. В 1869 г. Михаил Когэлничану¹⁰ возобновил процесс вытеснения евреев из села, лишая их средств существования. Когда иностранные правительства выразили протест против этой политики, Когэлничану раздражённо ответил, что отношение государства к румынским евреям — это его внутреннее дело¹¹.

А депутат парламента из Бырлада И. К. Кодреску, например, полностью опубликовал одно из своих парламентских выступлений, — «Жидовская оккупация Румынии», — представив евреев в нём как врагов румын, подрывающих их самобытность: «Термин румын-израелит является оскорблением для нашей нации... Как бы что ни было, жид всё жидом остаётся... Следует ли нам примириться с увековечиванием в нашей среде этого враждебного населения, желающего парализовать наши национальные устремления? Господа, умножение этого элемента во все века представляло опасность для всех стран, поэтому каждый народ не преминул предпринять самые энергичные меры, в том числе

⁶ Din scrierile și cuvântările lui Ion C. Brătianu. Vol. I. București, 1903. P. 441, 445–446.

⁷ Monitorul Oficial, 4 ianuarie 1870.

⁸ Monitorul Oficial. 19 și 20 iunie 1866.

⁹ Raport final. P. 24.

¹⁰ Видный румынский политический деятель, историк, писатель и публицист молдавского происхождения, ставший одним из проводников идеи объединения Молдавии с Валахией в единое Румынское государство. В разные годы занимал должности премьер-министра и министра иностранных дел Румынии.

¹¹ См.: Iancu C. Evreii din România, 1866–1918: de la excludere la emancipare. București, 1996. P. 105–109.

и самые жестокие, для избавления от него»¹². Другой видный румынский политик того времени, Цезарь Болляк, называя евреев «настоящими паразитами», отмечал, что они являются одинаковыми повсеместно, однако нигде еврейский вопрос не является столь острым, как в Румынии: «Господа, ужасает тот факт, что с каждым днём расширяется экспансия этой приносящей несчастья конгрегации, но ещё ужасней думать, что нигде она так не укоренилась, как у нас»¹³.

Писатель Иоан Славич в своей работе «Soll și Haben [Дебит и Кредит] — Еврейский вопрос в Румынии» характеризовал евреев как неизлечимую болезнь, иудаизм — как «отрицание всех остальных религий», а еврейского Бога — как «ставящего под сомнение всех остальных Богов». Проклиная евреев за существующие в Румынии проблемы, Славич предлагал их изгнание, но был уверен, что никто их не примет. И в этом случае он пришёл к выводу о необходимости закрытия границ, их тотального убийства посредством утопления в Дунае, «чтобы не осталось и следов их!»¹⁴. Тридцать лет спустя, в 1908 г., в эссе «Семитизм», уже более зрелый Славич не сбавил своего антисемитизма. Он призвал использовать все виды оружия, считая приемлемым в отношении евреев лишь насилие: «Ненависть к ним естественна и она должна излиться на всех, кто накопил богатства, а это приведёт к ужасающему кровопролитию»¹⁵. «Таким образом, — констатировала Международная комиссия по изучению Холокоста в Румынии, — с первых десятилетий развития современной Румынии в самом сердце её политической и духовной жизни присутствовало сильнейшее антисемитское течение. Более того, используемый в дискуссиях о евреях словарь был экстремистским уже в те начальные годы. На румынской сцене очень рано появились антиеврейские запреты на местожительство, гражданство, средства жизнеобеспечения, изгнание из страны, обвинения в использовании христианской крови в ритуальных целях, дискуссии о необходимости их утопления в Дунае, атаки на еврейские верования и традиции, описание евреев как иностранных агентов врагов государства — язык их отделения от остальных граждан, язык дегуманизации и преступления»¹⁶.

¹² Цит. по: Raport final. P. 25.

¹³ Monitorul Oficial, 20 decembrie 1870.

¹⁴ Slavici I. Soll și Haben — Debit și Credit: Chestiunea Ovreilor din România. București, 1878; Raport final. P. 26.

¹⁵ Цит. по: Raport final. P. 26.

¹⁶ Ibid.

Попытка прорвать этот запрет была предпринята в 1878 г. на Берлинском конгрессе, когда великие державы, в обмен на признание независимости Румынии, потребовали изменить статью 7 Конституции. Статья 44 мирного договора предусматривала: «В Румынии вера или конфессиональные отличия не могут послужить причиной для отказа кому-либо в предоставлении гражданских и политических прав, в допуске к политической деятельности, к получению должностей и наград или к осуществлению профессиональной деятельности»¹⁷.

Первоначально правительство Иона Брэтиану (министр иностранных дел М. Когэлничану) и король Карл I согласились с этим требованием. Но внутри страны в ответ на это поднялась волна протеста в политических и интеллигентских кругах, получившая исключительное отражение в прессе. И либеральное руководство страны спасовало перед ней: как следствие были натурализованы единым списком лишь 883 еврея-участника Войны за независимость¹⁸. Введённая в 1879 г. поправка допускала индивидуальную натурализацию посредством сложной и длительной процедуры. Таким образом до 1912 г. получили гражданство только 4 668 евреев из 241 000 19¹⁸

До «Великого воссоединения» (событиях 1918 года, когда «все румынские земли» объединились в «Великую Румынию»), и это признают многие аналитики, ни одна политическая партия в Румынии не ставила вопрос о пересмотре 7 статьи Конституции²⁰. Напротив, существовали политические формирования, открыто проповедующие антисемитизм, к примеру Националистическая Демократическая Партия во главе с А. К. Кузой (членом этой партии был знаменитый историк Н. Йорга²¹). Антисемитские публикации в периодической печати и публичные акции, манифестации, вырождавшиеся в погромы еврейских магазинов, лозунги «Долой жидов!», «Жиды — в Палестину!» были постоянным явлением румынской внутривосточной жизни того

¹⁷ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 386–387.

¹⁸ Ibid. P. 387.

¹⁹ ¹⁸ Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. I. Legislația antievreiască. București, 1993. P. XXIV.

²⁰ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 392.

²¹ Йорга доказывал, что самая серьёзная проблема, с которой столкнулась румынская нация, — это еврейская. Йорга обвинял сионизм в стремлении не к созданию еврейского очага в Палестине, а в тенденции изгнать румын с их земли, с целью превращения Румынии в еврейскую родину (Raport final. P. 27). Позже Йорга призвал к оружию против евреев: Iorga N. Iudaica. București, 1937.

периода²². Предлагались жёсткие меры против занятия евреев определёнными профессиями. Их обвиняли в том, что они вытесняют румын из среднего сословия, а тех, кто жил в сёлах, — что эксплуатируют и спаивают крестьянство.

Все проекты и программы исходили из идеи о необходимости «мирного» или откровенно насильственного, полного или частичного вытеснения евреев из всех сфер деятельности. Евреям было запрещено приобретать недвижимость в сельской местности, занимать государственные должности и лишь в очень ограниченной степени им позволялось работать преподавателями в государственных лицах и в университетах.

В результате Первой мировой войны территория и население Румынии увеличились более чем в два раза²³. Более чем втрое увеличилось и еврейское население: с 241 тыс. в 1912 г. до 757 тыс. в 1930²⁴. Однако это не означало, что сразу изменилось и положение с правами румынских евреев. После «Великого объединения», когда под давлением творцов Версальского мирного договора евреям предоставили гражданство, антисемитизм не только сохранился, но и усилился. В этом смысле знаменательными являются слова И. Антонеску о положении национальных меньшинств в Румынии в межвоенное время: «Мирный договор 1918 г. [договоры, о которых упоминает Антонеску, были заключены в 1919–1920 гг.], взял под своё покровительство [евреев], и навязал Румынии исключительно благоприятный им и другим этническим меньшинствам режим»²⁵. Диктатор был твёрдо убеждён, что следствием изменения статьи 7 Конституции «стало ожидание страны, деградация румынской экономики и чистоты нашей расы»²⁶. В этом контексте Международная комиссия по изучению Холокоста в Румынии констатировала, что «антисемитизм Антонеску имел параноидальный характер»²⁷. Например, 3 февраля 1942 г. на заседании Совета министров он объяснял членам правительства, что большие потери при сборе орехов определяются тем фактом, что «до настоящего времени эту работу выполняли

²² Goma P. Săptămâna Roşie (28 iunie — 3 iulie 1940) sau Basarabia și evreii. Chişinău, 2003. P. 7.

²³ Enciu N. Istoria românilor. Epoca contemporană. Chişinău, 2002. P. 6.

²⁴ Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. II. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştri. Bucureşti, 1996. P. 88.

²⁵ Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. I. P. LVI.

²⁶ 23 August 1944. Documente. Vol. 1, Bucureşti, 1984. P. 437.

²⁷ Raport final. P. 251.

жиды. Крестьяне отдавали им ореховые плантации на 5–6 лет и не знали, что там творят жиды с ними. Вот в каком состоянии оказался наш румынский род, вот до чего довело его жидовское отродье»²⁸. Или: «Я веду борьбу до победы, но может случиться, что войну выиграют демократии. И мы знаем, что означает демократия — это иудеократия»²⁹.

Однако же формально евреи стали румынскими гражданами. Статья 2 подписанного Румынией договора обязывала румынское правительство предоставить «всем своим жителям полное и абсолютное покровительство их жизни и свободе, без различий в происхождении, по национальному, языковому, расовому или религиозному признаку», а также «право на свободу вероисповедания, как в общественной, так и в частной жизни». Статья 7 предусматривала, что «Румыния обязуется признать в качестве полноправных румынских подданных, без каких-либо формальных ограничений, евреев, проживающих в стране на территориях Румынии и которые не могут быть лишены гражданства». Статья 12 подчёркивала, что условия, предусмотренные в предыдущих статьях, «представляют собой обязательства международного характера и будут включены в систему гарантий Лиги Наций»³⁰. Прошло немногим более 15 лет, и все эти обязательства были грубо попораны.

В то время как евреи из присоединённых провинций, в соответствии с условиями мирных договоров 1919–1920 гг., получили политические права, евреи Старого Королевства добились таких лишь с принятием Конституции 1923 г.³¹ Однако уже тогда Лигой Национал-Христианской Обороны (ЛНХО), ультранационалистической партией фашистского типа, созданной в том же году и руководимой А. К. Кузой, была развёрнута бешеная пропаганда против изменений в Конституции и предоставления гражданских прав евреям³². Лидером молодёжной организации этой партии стал ультраэкстремист Корнелий Зея Кодрану, который стремился ограничить число евреев, допущенных

²⁸ Ciucă M.-D., Teodorescu A. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri. Arhivele Naționale ale României. Guvernarea Ion Antonescu. Vol. 6. București, 1998. P. 19.

²⁹ Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. II. P. 511.

³⁰ Minoritățile naționale din România. 1918–1925. Documente. București, 1995. P. 174, 181.

³¹ Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor din România. București, 1997. P. 42; Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 388.

³² Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia (1923–1940). Chișinău, 1999. P. 28; Hitchins K. România. 1866–1947. P. 398.

к поступлению в университеты. Лига поставила перед собой первоочередную задачу исключить евреев из всех сфер экономической и культурной жизни. В основу воспитания молодёжи эти люди стремились поставить христианство и национализм. Но между сторонниками Кузы и Кодряну были и отличия. Первый представлял себе Лигу не как политическую партию, а в качестве широкого национального движения, расположенного над партиями, и выступал за использование легальных методов борьбы и изменение народного сознания посредством воспитания. Второй видел себя лидером партии с железной дисциплиной, способной проводить силовые антисемитские акции и достигать своих целей любыми способами.

Эти противоречия привели в 1927 г. к расколу организации и созданию К. З. Кодряну собственного формирования — Легиона Архангела Михаила³³. Основой идеологии этой партии стал антисемитизм. Но она развивалась в специфических румынских условиях, независимо от гитлеровского национал-социализма³⁴. Кодряну ещё и не подозревал о существовании Гитлера, но уже был уверен, что евреи представляют собой основную «угрозу румынскому духу» и являются главной причиной кризиса во всех сферах жизни. В 1930 г. он создал военизированную организацию Легиона, которую назвал «Железной гвардией» и которая имела много общего с аналогичными организациями в Италии и Германии, в первую очередь в униформе, методах достижения целей и культе вождя. Однако это было формирование автохтонного происхождения, суть которого составляли утрированный румынский национализм, антисемитизм, православие (естественно, в искажённом виде)³⁵.

«Неприязнь, враждебность и предубеждённость румын к евреям Бессарабии, — вспоминает бывший главный раввин Румынии Александр Шафран, — проявлялись ещё в годы, наступившие непосредственно после Первой мировой войны, и подогревались правительством, прессой и общественным мнением, которые считали бессарабских евреев, в особенности интеллигенцию и студентов, коммунистами и сторонниками русских»³⁶. Этот вы-

³³ Hitchins K. *România. 1866–1947*. P. 398.

³⁴ Gheorghe I. *Un dictator nefericit*. Bucureşti, 1996. P. 111; Constantiniu Fl. *O istorie sinceră a poporului român*. Bucureşti, 1997. P. 342.

³⁵ Ioanid Radu. *Sabia arhanghelului Mihail. Ideologia fascistă în România*. Bucureşti, 1994; Zamfirescu D. *Legiunea Arhanghelului Mihail de la mit la realitate*. Bucureşti, 1997.

³⁶ Шафран А. *Сопrotивление нацистскому урагану. 1940–1944*. Мемуары. Одесса, 2003. С. 24.

вод подтверждается многими фактами. Так, к примеру, в 1937 г. в с. Скуляны кузицы устроили еврейский погром против «иудеокommунистов»³⁷. Фактически, весь межвоенный период был отмечен в Румынии многочисленными антисемитскими действиями, поддержанными в той или иной форме официальными властями.

Уже через год после промульгации Конституции 1923 г., 133-я статья которой предусматривала предоставление гражданства всем евреям Великой Румынии, был принят *Закон о получении и утрате румынской национальности*. В результате этого около 100 000 евреев утратили румынское гражданство³⁸.

Фактически же, политика румынского государства имела не только антисемитский характер, но была направлена и против нееврейского населения. Это раскрыл сам Юлиу Маниу в своём письме от 18 июля 1941 г. на имя генерала Антонеску. Он писал, что «эти две провинции»³⁹ были наводнены чиновниками из Королевства, которые не знали местных людей и превратились в настоящих сатрапов по отношению к населению, вызвав огромное недовольство... Они были теми, кто сделал название «регэчень»⁴⁰ одиозным, и в течение десятилетий провинции, большей частью, отдалились вместо того, чтобы окончательно сблизиться духовно со страной»⁴¹. Хотя в действительности Ю. Маниу даже близко не раскрывает всей полноты картины политики румынской администрации, направленной на унижение и ограбление населения нашего края в межвоенный период.

Намного полнее и трагичнее это делает Константин Стере. Он писал, что в Бессарабии имели место многочисленные «проявления вооружённых грабежей, убийств и других преступлений, совершённых различными представителями властей... Самым ужасным в полном смысле этого слова является сам существующий в Бессарабии режим. Три миллиона душ живут вне закона и отданы, что считается нормой, на откуп всем административным агентам, от высших до самых низших. Любые гарантии гражданской жизни, защищённой законом, отсутствуют. Современное государство немислимо хотя бы без минимума таких гарантий. Бессарабии не знакомо ни одно из них.

³⁷ Архив Службы информации и безопасности Республики Молдова (далее: СИБ РМ). Д. 6224. Л. 98–99.

³⁸ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. București, 2002. P. 293–294.

³⁹ Речь идёт о Бессарабии и Буковине.

⁴⁰ Выходцы из «королевства», т. е. из Румынии.

⁴¹ Pelin M. Legendă și adevăr. București, 1994. P. 39–40.

Любой бессарабец может быть в любой момент арестован любым властным агентом и заключён в тюрьму по его усмотрению... Свобода прессы? Нигде более цензура не служит откровеннее тому, чтобы прикрыть «беззакония» властей, чем в Бессарабии. Независимая и непредвзятая юстиция? Утрачено даже понятие о юстиции. Человека могут осудить и привести приговор в исполнение посредством самой упрощённой процедуры наскоро составленными «трибуналами», не предусмотренными никакими законами, в условиях, которые цивилизованные народы не допустили бы даже во время войны.

И когда отсутствуют законные гарантии личной свободы, свобода прессы, независимая и непредвзятая юстиция... разве следует удивляться, что в Бессарабии жизнь, честь и имущество граждан отданы во власть первому зарвавшемуся субпрефекту, сельскому жандарму или даже любому капралу — командиру отделения? Отельные попавшие в прессу ужасы являются неизбежным следствием этого режима. Любые «следственные разбирательства» и «санкции» не имеют никакого значения и не могут привести к положительному результату, до тех пор, пока сохраняется кошмар самой системы, которой даже негры африканских колоний не позавидуют... Но куда бежать бессарабским неграм от кошмара администрации, заявляющей, что спасла их от русского ига?

Многие ответят нам, что чрезвычайное положение в Бессарабии необходимо для истребления «бандитизма». Это наивно... Никогда не истребить бандитизм, если власть не пользуется симпатией и поддержкой населения. Но население Бессарабии из всех социальных слоёв видит в любом представителе власти *врага*. И кто смог бы чисто по-человечески обвинить бы его в этом? Более того. Случаи бандитизма и «большевизма», даже если и не выдуманы для оправдания чрезвычайного положения, чаще всего являются порождением этого режима. Подвергшемуся пыткам и ограбленному человеку, чьё достоинство и достоинство его семьи были поруганы, неспособного нигде найти правды, в качестве последнего отчаянного шага ничего не остаётся, как ступить на традиционный путь лесного гайдучества. Но так как Бессарабия не находится в Африке, ради выживания он выходит за рамки нормальной жизни, — и перед нами «бандит» или «большевик» во всей красе... Какое ослепление завело нас в сегодняшний бессарабский ад? Кто был заинтересован в том, чтобы посеять в души отчаяние и ненависть к румынскому режиму? И куда заведёт нас данная система управления?»⁴²

⁴² Stere C. Singur împotriva tuturor. Chişinău, 1997. P. 302–304.

1922 год резко выделился рядом антисемитских акций и хулиганских антиеврейских действий, в которых широко участвовали студенты и университетские преподаватели во многих румынских городах (Клуж, Ясы, Ботошань, Хушь, Бырлад). Они требовали, чтобы в медицинских клиниках студенты-евреи практиковались на еврейских трупах, хотя прекрасно знали, что иудейская религия запрещает это⁴³. Эти дискриминационные действия изобличили с парламентской трибуны депутаты Лернер Н., Стерн А., Страухер Б., а также сенатор Саниелевич И. К концу 1922 г. антисемитские студенческие волнения переросли в бурные беспорядки и эксцессы, и правительство было вынуждено приостановить по всей стране учебный процесс в высших учебных заведениях до осени 1923 г.⁴⁴

Во время парламентской сессии 1924–1925 гг. были выявлены многие дискриминационные действия, в особенности на Буковине, направленные против евреев. Не предоставлялись субвенции для еврейских учебных и религиозных заведений, не признавались гражданские права еврейского меньшинства Буковины, в экономическом плане ставились в неравные условия еврейские коммерсанты, ремесленники, мелкие промышленники и рабочие⁴⁵. Имели место многочисленные факты оскорбления евреев, осквернения синагог, издевательств над Ветхим Заветом в связи с судом над К. З. Кодряну, убийцей ясского префекта Манчу⁴⁶. В 1925 г. министр Анжелеску расформировал еврейские школы в Бессарабии и отказался принять к рассмотрению учебники и дидактические материалы на еврейском языке. На заседании Сената от 25 ноября 1926 г. сенатор Карл Крюгер привёл множество случаев издевательств над евреями и их выбрасывания из поездов. Он подчеркнул, что «на медицинском факультете Бухарестского университета студентов-евреев подвергают ежедневным избиениям до крови и препятствуют осуществлению их священного и естественного права на учёбу... Запись на медицинский факультет стала для студентов евреев опасной для их жизни и здоровья»⁴⁷.

В 1930-е годы антисемитские настроения усилились. Неофициальный «бытовой» антисемитизм, выражавшийся в спо-

⁴³ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 394.

⁴⁴ Ibid.; Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor din România. P. 44.

⁴⁵ Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor din România. P. 44.

⁴⁶ Ibid. P. 45.

⁴⁷ Ibid. P. 48; см. также: Удлер Р. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. Pittsburg — Chișinău, 2003. С. 101.

радикальных атаках поддерживаемых государством «хулиганов» на еврейские магазины и еврейских студентов, с вступлением в 1934 г. Карла II на престол сразу же получил официальное одобрение посредством принятия в том же году первого явного антисемитского закона «Об использовании румынского персонала на предприятиях»⁴⁸. Следует отметить, что он был принят за год до пресловутых Нюрнбергских законов. Ему последовал регламент от 23 января 1935 г., представляющий собой первый законодательный акт расистского характера в Румынии. Не менее 80 % персонала всех промышленных, гражданских и торговых предприятий и 50 % членов их управленческих советов должны были быть «этническими румынами». Это являлось откровенной дискриминацией по отношению к гражданам другого этнического происхождения, в первую очередь евреев.

Уже в 1936 г. прокуроры получили приказ пересмотреть румынское гражданство евреев⁴⁹, что фактически положило начало его действительной утрате несколькими годами позже. В декабре того же года одна из парламентских комиссий предприняла обсуждение проекта закона о пересмотре списков, посредством которых национальные меньшинства, включая евреев, получили гражданство. «Этот убийственный проект не стал законом, но правительство Тэтэреску промульгировало целый ряд других менее амбициозных декретов-законов, целью которых было исключение евреев из свободных профессий, финансов и других отраслей экономики»⁵⁰. Власти воспринимали евреев как основных противников румынского государства.

Так, в докладе регионального инспектора полиции Бессарабии В. Густава от 22 мая 1937 г. говорилось: «Эти граждане иудейского вероисповедания, несмотря на все усилия, предпринятые для их сближения и превращения в лояльных граждан румынского государства, по причине своего воспитания, религии и по другим мотивам, остаются далеки от стремлений и духа румынского рода». Далее в докладе подчёркивается, что евреи «посредством различных публичных манифестаций... стремятся любой ценой выделиться в качестве отличного от остальных населения, как

⁴⁸ Exterminarea evreilor români și ucraineni în perioada antonesciană. P. 294; Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 30.

⁴⁹ Manuilă S., Filderman W. Populația evreiască din România în timpul celui de-al doilea război mondial. Iași, 1994. P. 18–19.

⁵⁰ Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 30–31.

высшая по сравнению с местным населением раса, как народ хорошо организованный в среде другого народа, имеющий другую идеологию, другие устремления и другие цели, среди которых некоторые совершенно враждебны нашему государству». Евреи, по мнению регионального инспектора полиции, требуют «равных прав, но хотят иметь как можно меньше обязанностей... То, что объединяет их устремления, это сионистская идея, которая, однако, является лишь предлогом для их тесного единства, т. к. почти никто из распространителей этой идеи не уезжает в Палестину... Основным опасным элементом государственного устройства в Бессарабии являются евреи и их сообщества. Стихи, распространяемые в их кругах, стремительно расходятся, положение дел за Днестром представляется как завидное, и коммунизм поддерживается и пропагандируется молодыми евреями. Для реализации своих интересов в Бессарабии они имеют в своём распоряжении русскоязычную прессу, которую содержат и которой руководят»⁵¹.

В другом документе, докладе председателя межведомственной коммуны трудовой палаты Кишинёва префекту уезда Лэпушна, также отмечается, что трудовая палата перегружена «чуждыми нашему роду элементами». Это произошло по причине «покровительствующей» деятельности в отношении «этих элементов» со стороны «еврея Зильбермана»⁵².

В нескольких документах, разработанных Генеральным комиссаром по нацменьшинствам, вопреки статистическим данным была преувеличена доля евреев в общем количестве населения страны⁵³. Они обвиняются в захвате руководящих высот в национальной экономике: «Евреи, составляющие 4,2 % всего населения страны, владеют 31,1 % от общего количества коммерческих и промышленных фирм Румынии, а румыны, составляющие 80 % населения страны, владеют лишь 45,5 % их общего количества, остальные 20,4 % принадлежат оставшимся меньшинствам, которые вместе с евреями владеют 51,5 %, т. е. абсолютным большинством по сравнению с 20 % от общей численности населения Румынии, которые составляют национальные меньшинства. Ещё более удручающее положение — по отдельным провинциям. Так, в Буковине из 10 600 частных фирм 8 163 принадлежат евреям, т. е. 77 %. В Бессарабии из 29 576 фирм 18 683 принад-

⁵¹ Национальный архив Республики Молдова (далее: НАРМ). Ф. 680. Оп. 1. Д. 3817. Л. 602.

⁵² НАРМ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2322, Л. 60.

⁵³ *Evreii din România între anii 1940–1944*. Vol. II. P. 35–36, 37–42.

лежат евреям, т. е. 56,1 %»⁵⁴. Отсюда вывод: «Если к этим данным, доказывающим что треть всей торговли и промышленности страны в руках евреев, добавим подавляющее большинство коллективных фирм..., при невозможности установления их реальных владельцев, хотя ясно, что и они в руках евреев, то тогда необходимость принятия мер для национализации румынской торговли и промышленности становится острой необходимостью. Посредством этого мы защитим автохтонов от захватчиков чужаков»⁵⁵.

Уже в ходе войны в телеграмме на имя короля Михая диктатор Антонеску, «руководитель государства», осудил освобождение евреев из трудовых лагерей, т. к. не «экономика первична, а борьба с евреями»⁵⁶.

Как отмечается в итоговом докладе Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии, «сама Румынская православная церковь несла в себе сильнейшие антисемитские тенденции, как среди высших иерархов, так и в среде местного клира. Патриарх Мирон Крестя никогда не выступал против антисемитизма»⁵⁷. Наоборот, он демонизировал евреев и высказался за их изгнание из Румынии: «Хочется плакать от жалости над несчастным румынским народом, которому еврей высасывает и костяной мозг. Не реагировать против евреев, означает вести нас к гибели... Защита есть наш национальный и патриотический долг, а не «анти-Семитизм»... У вас много способностей и возможностей искать и найти для себя новое место, территорию, страну, родину пока ещё не заселённую никем... Живите, помогайте друг другу, защищайтесь, эксплуатируйте сами себя, но не нас и другие народы, которым с этническим и талмудическим рафинированием отбираете всё богатство»⁵⁸.

Возрос в 1930-е годы в политической жизни Румынии и вес ультранационалистических экстремистских группировок. Так, на последних демократических выборах межвоенного периода (декабрь 1937 г.) они получили почти четверть голосов⁵⁹. Во время судебного процесса над кликой И. Антонеску обвиняемый

⁵⁴ Ibid. P. 42.

⁵⁵ Ibid. P. 43.

⁵⁶ Ibid. P. 290.

⁵⁷ Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 36.

⁵⁸ Смотри: Curentul. 1937, 19 august; Apărarea Națională. 1937, 24 august.

⁵⁹ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 393–394; Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. P. 32, 40; Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. P. 347.

Е. Кристеску подчеркнул, что одной из основных причин такого успеха явилась финансовая помощь румынским экстремистам со стороны гитлеровцев: «Арманд Кэлинеску, с которым я был в очень доверительных отношениях... говорил мне: «В моём распоряжении имеется документ, подтверждающий, что легионерское движение, в особенности на выборах 1937 г., было профинансировано Нацистской партией Германии»... Мы точно знали, что легионеры обладают не более чем 300 000 лей, так что остальные расходы понесла Нацистская партия Германии»⁶⁰.

Национал-Христианская Партия Кузы и Гоги, возникшая в 1935 г. в результате объединения группировок обоих лидеров, фактически сводила свою программу к лозунгам «Жиды — в Палестину!» и «Румыния — для румын!»⁶¹. Она и стала самой серьёзной антисемитской организацией Румынии⁶². Этнократическая программа Никифора Крайника, воспринимаемая как программа НХП, предлагала изгнание евреев из экономической и политической жизни страны. Национал-христианская доктрина объявляла Румынию страной, более других подвергшейся засилью евреев, которых следовало любыми легальными способами вынудить покинуть страну, и «пусть они выполняют свои сумасшедшие заветы где угодно, обрабатывая свою землю, как и все остальные народы». Кузисты утверждали, что нельзя допустить, чтобы «класс пришельцев, являющихся носителями чужой крови, чужой веры,.. сумел изолировать правящий класс от класса сельских работников и сам стал когда-нибудь правящим классом румынской нации»⁶³.

В одной из своих парламентских речей Октавиан Гога выступил против румынской прессы, «так как она не делается румынами. Люди, не имеющие участков на румынских кладбищах, считают, что имеют право формировать души, направлять наши мысли и представляют себе, что наша мораль это их собственность. Они ощупывают всё это своими грязными лапами, стремясь морально осквернить румынское общество»⁶⁴.

⁶⁰ Procesul lui Ion Antonescu. P. 225.

⁶¹ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească. P. 394; Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. P. 30, 31; Lebedev N. I. «Garda de fier», Carol al II-lea și Hitler. Chișinău, 1970. P. 53–88; Hitchins K. România. 1866–1947. P. 398.

⁶² Scurtu I. Istoria României în anii 1918–1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. București. 1996. P. 144.

⁶³ Călăuza bunilor români. Iași, 1927. P. 6–9; НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3683 (1). Л. 90, 124, 256–256 об., 759; НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3683 (3). Л. 703.

⁶⁴ Цитировано по: Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 21.

И эти «защитники рода» были очень активными, стремясь дойти до каждого избирателя. Так, в докладе квестуры полиции г. Измаил от 27 апреля 1934 г. региональному инспектору в Кишинёв отмечалось, что в ночь с 18 на 19 апреля в Новой Килии «на стене дома одного жителя города был найден кузистский манифест». Содержание этого, с позволения сказать, «документа» очень многозначительно, поэтому мы воспроизведём целиком его содержание: «Долой жидов. Жид ездит верхом на христианине. Только последний начал пахать, а жид уже сел ему на спину. Пашите, сейте и жиду курей кормите. Он один ест — кукурузу берёт по 12 лей за пуд, даром. Долой жидов в Палестину! Да здравствует Куза и знак свастики. Эта партия защитница креста (христианства). Голосуйте за освобождение от жидов»⁶⁵. При всём их примитивизме, материалы такого типа, будучи предназначены для самых отсталых категорий избирателей, были очень доступными, а значит эффективными. Они встречаются очень часто и стали правилом на всей территории Румынии⁶⁶.

10 июня 1934 г. во время одного из собраний кузистов в городке Арциз узда Четатя Албэ (Белгород Днестровский) председатель местной организации Протопопеску подчеркнул, что ЛНХО является «единственной партией, способной... избавить страну от евреев», этих «эксплуататоров христианского населения». Многими участниками этого собрания делались декларации, что евреи являются «общими врагами всех христиан», что «румынский народ больше не может терпеть евреев паразитов», которые «захватили всё в этой стране: торговлю, промышленность и даже сельское хозяйство». А «для того, чтобы евреи не смогли большевизировать Румынию... все христиане, вне зависимости от их этнического происхождения, должны стать членами ЛНХО и работать в её составе плечом к плечу с титульным румынским народом»⁶⁷.

Легионерское движение, отпочковавшееся от НХП и ставшее под руководством Корнелия Зеля Кодряну вполне самостоятельным⁶⁸, не скрывало своей антисемитской сущности, ставшей основой его доктрины⁶⁹. Ион Илиеску назвал Легионерское движение «экстремистской, антисемитской, ксенофобской, антидемократической

⁶⁵ НАРМ Ф. 680. Оп. 1. Д. 3683 (1). Л. 141–142.

⁶⁶ Ibid. Л. 90.

⁶⁷ Ibid. Л. 256–256 об.

⁶⁸ Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. P. 34; Treptow K. W., Buzatu Gh. «Procesul» lui Corneliu Zelea Codreanu (mai 1938). Iași, 1994.

⁶⁹ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3639. Л. 31–31 об.; Lebedev N. I. Garda de fier. P. 53–88.

и пронацистской партией»⁷⁰. Следует, однако, подчеркнуть, что обе группировки были очень близки идеологически, что предопределило заключение между ними 9 февраля 1938 г. «соглашения о примирении»⁷¹. Легионеры смотрели на всё отрицательное в жизни Румынии через антисемитскую призму: евреи представляли «великую опасность» для самого существования «румынского рода». Они объясняли это слишком большим количеством «наводнивших страну жидов», их компактным проживанием в городах, где они составляли среднее сословие и «твёрдо стремились к захвату всех руководящих должностей в Румынском государстве», невозможностью ассимиляции евреев, «духом коррупции, заразившим этическую жизнь страны», усиливающейся тенденцией к иммиграции, стремлением к «созданию произведений румынского искусства и культуры во имя румынского народа, но в иудейском духе, что является не просто чудовищным, но и противоестественным»⁷². Эти примитивные и антигуманные идеи не только не встретили ни малейшего отпора со стороны властей, но были даже поддержаны и стимулировались ими.

Бессарабия считалась легионерами источником пополнения сил, но одновременно и тем местом, откуда исходила «огромная опасность еврейского потока и коммунистического движения»⁷³. Антиеврейская кампания напоминала средневековую «охоту на ведьм». Так, 3 февраля 1930 г. К. З. Кодряну организовал на окраине Кагула собрание с участием примерно 5000 человек. Он заявил, что совершил «второе пришествие на землю Бессарабии» и выразил своё твёрдое намерение спасти страну от «коммунистической опасности и всеразрушающей жидовской опасности»⁷⁴. Первым основным объектом антиеврейской пропаганды стали магазины и лавки, принадлежащие евреям. Акции, направленные против них, обычно носили форму бойкота, т. к. нацисты считали, что «карман — самое чувствительное место еврея». Обычно легионеры блокировали входы в магазины, принадлежавшие евреям, а также метили их особыми знаками.

В этом контексте газета бессарабской организации «Железная Гвардия» (*Garda de Fier*) от 9 апреля 1933 г., в связи с бойкотом

⁷⁰ Alocuțiunea Președintelui României, domnul Ion Iliescu, la reuniunea consacrată comemorării Zilei Holocaustului în România — 12 octombrie 2004. // Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. București, 2005.

⁷¹ Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. P. 33.

⁷² Banea I. Rânduri pentru generația noastră. P. 16–17.

⁷³ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3433. Л. 668–671.

⁷⁴ Ibid. Л. 121.

германских товаров, начатым еврейским населением всего мира, опубликовала протест «Румынскому Правительству» против бессарабских евреев, в котором легионерское руководство края заявило, что бойкот гитлеровской Германии, якобы, сказывается отрицательно на отношениях Румынии с фашистским рейхом, «освободившимся от иудео-коммунистической опасности»⁷⁵. В качестве ответной меры евреям был объявлен контрбойкот, запрещающий легионерам покупать любые товары у евреев, обращаться за консультациями к адвокатам и врачам евреям⁷⁶. В приказе легионерам говорилось: «Ничего не покупайте у жидов. Не читайте жидовские и продавшиеся жидам газеты. Не разговаривайте с жидами и не протягивайте им руки. Не обращайтесь за консультациями к адвокатам и врачам жидам, и не покупайте лекарства в жидовских аптеках». На этой же странице перечислялись «кишинёвские газеты, руководимые жидами», и подчёркивалось, что «все эти газеты чужды интересам румынского рода»⁷⁷. На следующей странице под рубрикой «Ответ на провокацию» легионерская публика была проинформирована о том, что черновицкие жида вели себя чрезмерно нагло... Местные христиане (читай: легионерско-фашистское хулиганье, молчаливо поддерживаемое властями), уставшие от такой наглости, заслуженно проучили жидов, избив их от всей души»⁷⁸ (читай: устроили погром). Даже после убийства премьер-министра И. Г. Дука 29 декабря 1933 г. тремя легионерами⁷⁹ власти не предприняли реальных шагов для пресечения фашистского движения в Румынии. После истечения 10 декабря легального срока для роспуска Железной Гвардии, легионеры основали партию «Всё для народа» и продолжили свою легальную деятельность, используя в качестве пропагандистских органов газеты «Ось» (Аха) и «Добрая весть» (Buna vestire)⁸⁰.

В вопросах внешней политики позиция Легионерского движения сводилась к отрицанию традиционных альянсов Румынии с Западом, а её деятельность в Лиге Наций считалась «политической ошибкой». Легионеры выступали за внешнеполитическую ориентацию страны в сторону Германии и Италии⁸¹.

⁷⁵ Garda de fier, 1933, 9 aprilie.

⁷⁶ Garda de fier, 1933, 23 aprilie.

⁷⁷ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3639. Л. 31.

⁷⁸ Ibid. Л. 31 (об.).

⁷⁹ Nicolenco V. Extrema dreaptă în Basarabia. P. 81.

⁸⁰ Ibid., P. 82; Scurtu I. Istoria României în anii 1918–1940. P. 145.

⁸¹ Zamfirescu D. Legiunea Arhanghelului Mihail de la mit la realitate. P. 125.

В межвоенный период «десятки газет и журналов... при попустительстве и поощрении властей настойчиво и каждодневно насаждали юдофобство. Во время пребывания у власти в конце 1937 — начале 1938 г. профашистского правительства Гоги-Кузы, в составе которого министром обороны являлся Ион Антонеску, по улицам городов и местечек шастали банды молодчиков со свастиками, дубинками и антиеврейскими призывами»⁸². Многочисленные ультранационалистические организации, при попустительстве и даже поощрении властей, требовали тотального увольнения евреев из армии, отмены договоров об аренде государственных лесов, экспроприации еврейской городской и сельской собственности, лишения их гражданских прав и даже изгнания всех евреев из Румынии⁸³. Суды же, если дело доходило до них, как правило, оправдывали погромщиков.

Так, к примеру, в 1923 г. был раскрыт заговор Лиги Национал-Христианской Обороны с целью убийства премьера И. Брэтиану за предоставление евреям гражданских прав. Заговорщиков арестовали, и был инициирован судебный процесс, однако суд вынес им оправдательный приговор. Во время судебного процесса обвиняемый И. Моца застрелил из пистолета другого подсудимого, подозреваемого в предательстве. Однако и это преступление было оправдано, т. к. было объявлено «действием по оздоровлению общества». В мае 1924 г. Кодряну, совместно с другими членами своей организации, был арестован по приказу префекта Ясской полиции. После освобождения он застрелил префекта из пистолета в его рабочем кабинете. Но и на этот раз фашистский убийца был оправдан судом и получил ореол «национального героя»⁸⁴. Положение евреев стало всё более и более осложняться после прихода Гитлера к власти в Германии. Именно после этого в Румынии усилились профашистские партии и организации, стал бурно расти государственный антисемитизм, издавались законы, ограничивающие любую деятельность евреев. Именно тогда самый широкий размах, как уже отмечалось, приняло легионерское движение, руководимое «капитаном» Корнелиу Зеля Кодряну.

⁸² Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренку. Кишинёв, 1999. С. 10; см. также Pelin M. Legendă și adevăr. P. 9; Шафран А. Сопротивление нацистскому урагану. С. 24.

⁸³ Buletinul Centrului, Muzeului și Arhivei istorice a evreilor. P. 51; Удлер П. Годы бедствий, С. 35–36; Enciu N. Istoria românilor. Epoca contemporană. P. 21; Manuilă S., Filderman W. Populația evreiască din România în timpul celui de-al doilea război mondial. Iași, 1994. P. 18–19.

⁸⁴ Lebedev N. I. Garda de fier. P. 54.

Глубинные антисемитские настроения существовали и среди румынских военных. В первую очередь проникают и усиливаются фашистские идеи в рядах офицерского корпуса румынской армии. Так, в одном из секретных донесений румынской полиции отмечается, что «среди членов «Железной Гвардии», в особенности в Бессарабии, находятся многие офицеры и унтер-офицеры всех родов войск, чьи имена держатся в секрете и которые способствуют также и в финансовом плане делу поддержки организации»⁸⁵. В другом документе того же плана отмечается: «Истинным является тот факт, что офицеры и унтер-офицеры симпатизируют антисемитским движениям»⁸⁶. Показателен ещё один документ, отправленный военными одному высокопоставленному полицейскому чиновнику. Речь идёт о письме начальника штаба 3-го армейского корпуса полковника И. Штефэнеску префекту уезда Лэпушна, в котором последнего обвиняют в невыполнении желания короля изгнать евреев со всех административных постов⁸⁷. Внимание Легиона было «в первую очередь направлено в сторону молодых офицеров и курсантов военных училищ. Присутствие легионеров в армейской среде, среди офицеров запаса, облегчило переход на позиции легионерского движения многочисленных молодых офицеров и унтер-офицеров. Были заблудшие и в среде старших офицеров»⁸⁸. В этом смысле не является безосновательным вывод о том, что в годы войны безжалостное истребление евреев румынской армией не явилось чем-то случайным.

Для того, чтобы оправдать истребление евреев, ещё до вступления Румынии в войну Генеральный штаб этой страны разработал документ, в котором говорилось: «Следует отметить, что большинство подстрекателей и бунтовщиков состоит из еврейского элемента, являющегося генератором распада организованных государств»⁸⁹. А дорохойский погром от 1 июля 1940 г., унесший 50 еврейских жизней⁹⁰, полностью подтверждает наш вывод о господстве антисемитского духа в румынской армии. В этом смысле А. Шафран вспоминает, что в детстве, в г. Бакэу, он «приходил к отцу в Бейт Мидраш и часто видел там еврейских бессарабских солдат. Они приходили... в слезах, т. к. командир

⁸⁵ НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3640 (1). Л. 93.

⁸⁶ Ibid. Л. 191.

⁸⁷ НАРМ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 2321. Л. 7–8 (об.).

⁸⁸ Ion Antonescu și «Garda de Fier». Vol. I. P. 18.

⁸⁹ Pelin M. Legendă și adevăr. P. 6.

⁹⁰ Ibid. P. 114.

и сослуживцы избивали их, обвиняя в том, что «бессарабские жида» недостаточно патриотичны»⁹¹.

По мнению академика Удлера, «ответственность за ограбление и уничтожение евреев Бессарабии, Буковины, Транснистрии и Старого Королевства несут не только военные, но и идеологи румынского фашизма и расизма. Своими писаниями и выступлениями они отравили сознание рядовых, зачастую малообразованных кузистов и легионеров и подвели их к совершению, с невиданной жестокостью, массовых убийств. Среди апологетов румынского нацизма, пропагандистов ксенофобии и ярого, звериного антисемитизма были университетские профессора, учёные, даже академики, писатели, журналисты, вожди политических партий, министры, священники, врачи и др.»⁹². Эту же мысль высказывает и Хитчинс К., подчёркивающий, что «в межвоенный период типичные формы... агрессивного антисемитизма были присущи Николае К. Пэулеску, профессору философии Бухарестского университета, и Александру К. Куза, профессору политэкономии Ясского университета. Первый был убеждён, что румынские евреи, — уже господствующие в торговле и промышленности, — не успокоятся, пока не обратят в рабов всё автохтонное население и не превратят страну в новую Палестину. Как и Пэулеску, Куза считал, что евреев никогда не удастся ассимилировать, поэтому по причине «паразитического» образа жизни, религии и «дегенерировавшей расовой примеси», их следует изгнать из страны»⁹³. Нае Ионеску считался идеологом легионерского движения, хотя никогда формально не был активным членом Железной Гвардии⁹⁴. Как отмечает генерал Платон Кирноагэ, «90 % всех румынских священников были легионерами или симпатизировали им»⁹⁵.

Даже великий румынский философ Мирча Элиаде, после своего перерождения в легионаризм в 1936–1937 гг.⁹⁶, отмечал, что евреи представляют основную этническую опасность для румынского народа. «Со времён войны и по настоящее время евреи захватили сёла Марамуреша и Буковины и стали абсолютным

⁹¹ Шафран А. Сопrotивление нацистскому урагану. С. 25.

⁹² Удлер Р. Годы бедствий. С. 200; см. также Volovici L. Ideologia naționalistă și «problema evreiască». Eseu despre formele antisemitismului intelectual în România anilor '30. București, 1995.

⁹³ Hitchins K. România. 1866–1947. P. 397.

⁹⁴ Scurtu I. Istoria României în anii 1918–1940. P. 146.

⁹⁵ Chirnoagă P. Istoria politică și militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. 22 iunie 1941 — 23 august 1944. Iași, 1998.

⁹⁶ Ornea Z. Anii treizeci. Extrema dreaptă românească, P. 408–409.

большинством во всех городах Бессарабии... На Бугече более не услышишь румынской речи, в Марамуреше, Буковине и Бессарабии говорят на идише, погибают румынские сёла... Прекрасно осознаю, что евреи начнут вопить, что я антисемит, а демократы, что хулиган и фашист... Было бы абсурдным ожидать от евреев, чтобы они согласились стать меньшинством с определёнными правами и многочисленными обязанностями — после того как испили из сладкой чаши власти и завоевали столько командных постов. Евреи борются из-за всех сил за удержание имеющихся позиций и находятся в ожидании будущего наступления»⁹⁷.

Изучая и анализируя ситуацию в Румынии в межвоенный период, можно смело констатировать, что страну захлестнул поток антисемитизма, охвативший широкую гамму политического спектра. Как пишет румынский историк Флорин Константиу, «проявления коллективного психоза сигнализировали о больном обществе, в котором не только политические лидеры, но и весь румынский мир был охвачен в 1930-е годы самой настоящей коллективной истерией»⁹⁸. Т. о., исходя из изложенных и проанализированных выше фактов, можно смело утверждать, что этот психоз был спровоцирован и культивирован в обществе не только экстремистскими, ультранационалистическими группировками, но и официальными структурами румынского государства.

В этом смысле очень показательным является вывод Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии периода Второй мировой войны: «Было ли это действительным наследием Великой Румынии? Есть множество примеров политического, культурного и религиозного характера, которые можно привести в пользу тезиса, что антисемитизм следует рассматривать в качестве составной части всей истории Румынии»⁹⁹.

⁹⁷ Eliade M. Piloții orbi // *Vremea*, 19 decembrie 1936.

⁹⁸ Constantiniu Fl. *O istorie sinceră a poporului român*, P. 343.

⁹⁹ Raport final. Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România. P. 22.

АНХЕЛЬ ГУТЬЕРРЕС

ИЗ ДНЕВНИКА:
СССР В 1949–1972 ГОДАХ

Анхель Гутьеррес родился в Астурии (север Испании) в 1932 году. В Россию — тогда Советский Союз — он попал в 1937 году, в группе так называемых «испанских детей», которых вывозили из охваченной гражданской войной Испании, чтобы спасти от бомбежек. Воспитывался в одном из детских домов, специально созданных для испанских детей. Окончив ГИТИС в 1953 году, где его учителями были Андрей Лобанов, Мария Кнебель, поехал работать режиссером в Таганрогский драмтеатр. Позже окончил Высшие курсы кинорежиссеров, где его учителями были Михаил Ромм, Юлий Райзман, Сергей Герасимов, а сокурсниками — Глеб Панфилов, Василий Ливанов, Александр Аскольдов. Работал в театре «Ромэн», в Театре на Таганке, куда привел Владимира Высоцкого, Валерия Золотухина. Среди друзей Анхеля — Юрий Любимов, Анатолий Эфрос, Владимир Максимов, Булат Окуджава, Валерий Золотухин, Леонид Филатов, Евгений Урбанский, Алексей Глазырин, Артур Макаров, Андрей Тарковский. В фильме «Зеркало» Тарковского Анхель поставил «испанский» эпизод, снимался в картине Иосифа Хейфица «Салют, Мария!». Вернулся в Испанию в 1974 году, где в 1980 году создал в Мадриде свой театр — Камерный театр имени Чехова, в котором ставит много спектаклей русских драматургов.

Дневники Анхеля Гутьерреса охватывают период с 1949 (второй курс ГИТИСа) по 1974 годы (возвращение в Испанию).

Читая дневники, видишь, как из романтика и идеалиста автор постепенно превращается в реалиста, прозревает и меняется.

В дневниках много упоминаний таких имен, как:

Юрий Завадский, Ирина Поплавская, Семен Гушанский, Андрей Лобанов, Норейка Лаймонас, Генрикас Ванцявичюс, Григорий Бояджиев, Мария Кнебель, Надежда Румянцева, Юрий Дмитриев, Артур Макаров, Юрий Любимов, Андрей Тарковский, Глеб Панфилов, Инна Чурикова, Николай Эрдман, Владимир Максимов, Василий Орлов, Иосиф Хейфиц, Олег Иконников, Виталий Мельников, Юрий Рогов, Владимир Высоцкий, Юрий Петров, Виктор Симонян, Олег Ефремов, Сергей Герасимов и др.

25 апреля 1949 года

Сегодня в ВТО состоялся Интернациональный вечер. Мы, испанская группа, закрывали концерт и выходили из зала под гул аплодисментов. Весь зал встал, когда мы вышли с поднятыми кулаками и с песней «Las compañías de acero». Поднялись на сцену, и зал продолжал рукоплескать и кричать восторженно «Viva España!», «No pasarán!»

Вечером собрались в Большом зале на Трифоновке вместе с литовцами и эстонской студией и весело кутили, пели, водили хороводы. Было очень весело, чувствовали себя совершенно счастливыми, как братья... Обнимались, пели хором литовские, эстонские и испанские песни, настоящий интернационал... Потом: «...Москва моя, Москва моя, ты самая любимая!» Красивая блондинка из эстонской студии запрыгнула ловко на стол и, весело улыбаясь, предложила тост за нашу вечную дружбу и за братство между всеми народами. Все дружно поддержали и обнимались, снова запели хором и пошли танцевать. Красавица эстонка продолжала петь и дирижировать задорно и весело всем нашим праздником. Кажется, все в эти минуты влюбилось в неё...

Вдруг, среди веселья, вошли несколько человек в серых костюмах и остановились в дверях. Я их увидел, но большинство людей не заметили приход этих мужчин и продолжали петь и танцевать радостно. Потом двое подошли к красавице блондинке... Она продолжала радостно петь и плясать на столе... Что-то ей сказали, она спрыгнула на пол, и на наших глазах увели её куда-то. Всё замолкло сразу. Мы остолбенели. Эти люди увели ещё двух высоких, красивых парней из эстонской студии. Мы были ошеломлены, стояли как вкопанные, и долго никто не мог произнести

ни слова. Я увидел поражённое лицо Регины¹. Потом чей-то заглушённый всхлип... Мы тихо разошлись... Я всю ночь не спал. Ничего понять не мог.

5 сентября 1949 года

Лето 1949-го провел в Литве вместе с Лаймонасом². Сразу на вокзальной площади меня ошеломила тишина и топот копыт конных красноармейцев. Пустая площадь. На заборах расклеенные посмертные портреты Димитрова, перечёркнутые чёрной свастикой. Чувство тревоги охватило меня, ничего не понимал... Я смотрел на Лаймонаса поражённый, и он, бледный и растерянный, старался отвлечь моё внимание.

Был у него дома. Познакомился с его милой, тихой и доброй мамой. Она угощала меня литовским обедом. Гуляли по Вильнюсу, зашли в Кафедральный собор. По главной улице вели под конвоем большую группу мужчин. Они шли молча посередине улицы, а на тротуарах стояли люди и молча, с суровым печальным взглядом провожали арестованных. Я спросил у Лаймонаса, что это такое... «Ничего... Не обращай внимания... Это так... ничего... бандиты». «Какие бандиты? «Так их называют... Они не любят русских и хотят, чтобы Литва была свободной... независимой... Неважно, ты не обращай внимания, потом объясню»... Я был поражён, ничего не понимал и всё приставал к Лаймонасу с вопросами, а он отвлекал меня и уводил от моих вопросов, показывая мне с гордостью свой родной Вильнюс...

Устроил меня работать в пионерлагере под Вильнюсом. Между сменами повезли меня в Каунас. Был у Регины дома, познакомила меня со своей мамой. Обедали в чудесном ухоженном садике её уютного игрушечного домика. Какая-то печальная и таинственная атмосфера царит у них дома. Они признались мне, что отец Регины арестован и сослан в лагерь; он архитектор и построил много домов в Каунасе, в том числе и дом Регины. Я снова потрясён. «За что, за что сослали в Сибирь?» — спрашивал я... Регина и её мама переглядывались грустно, пожимали плечами и с усилием удерживали слёзы. «Ни за что!.. Он честный, добрый человек, талантливый архитектор... Его все любили, а в политику он не вмешивался никогда!..» Но как же они решились открыть мне такую тайну? Я же комсомолец, свято верю в Сталина и идеалы Коммунизма?!

¹ Регина Сегуте, однокурсница Анхеля Гутьерреса.

² Лаймонас Норейка, литовский актёр театра и кино, народный артист Литовской ССР.

Я же могу выдать её в Москве!.. Я же рекомендовал и поддержал её кандидатуру для поступления в комсомол. Лаймонас почему-то считал, что Регина не подготовлена для поступления в комсомол, «не достойна!». Но почему они доверили мне такую тайну? Я, конечно, никогда, никогда не предаю её. Я ей верю, верю в её чистоту и преданность Коммунизму и Сталину.

Регина показала мне свой чудесный, чистый, тихий, игрушечный город. Зашли в маленький готический костёл. Там Регина молилась. Тихо заиграл орган. Что-то зашевелилось в моей душе. Почему Регина не боится быть такой откровенной и чистосердечной со мной? Потом зашли на выставку литовского великого художника начала века Чюрлёниса. Я в другом мире, не в России, не в Советском Союзе. Растерян и ошеломлён. Все люди грустные, молчаливые и задумчивые... У всех какая-то своя тайна и скрытая боль. Лаймонас рассказывал мне, что во время фашистской оккупации евреи не имели право ходить по тротуарам, они должны были идти по мостовой. «Когда русские заняли Литву, (освободили от фашистов!), стали увозить отсюда всё, начались аресты литовцев, и вся Литва оказалась оккупирована советскими солдатами, и офицеры со своими толстыми и наглыми жёнами... Нагрянула сюда масса русских с жёнами... Русские всё заняли, как оккупанты, а мы, литовцы, у себя дома стали граждане второго сорта. Многие протестовали и начали организовывать группы сопротивления... Из трёх миллионов литовского населения осталось здесь жить полтора миллиона... Конечно, будет тоска и недовольство. Мы у себя на родине не чувствуем себя дома. В каждой семье арестован один или два человека... В Сибирь сосланы»...

В пионерлагере почти все дети русские. Очень хорошая, семейная атмосфера. Но тоскую по России, думаю о моих друзьях и каждый вечер после отбоя остаюсь на террасе один и слушаю русские пластинки. Особенно люблю «Одинокую гармонию» и «Концертный вальс для аккордеона» Тихонова. Слушаю, и охватывает меня невыразимая тоска, и вдруг чувствую себя совсем одиноким, и мне кажется, что я далеко-далеко, не в России, а где-то в чужой стране, и что уже никогда не вернусь в Москву... Скучаю по моим друзьям, по родному ГИТИСу и по урокам А. М. Лобанова, по моим однокурсникам Володе Кудрявцеву, Плавинскому³ и почему-то вспоминаю Сашу Фридмана... Странно, почему не вернулся в ГИТИС после зимних каникул?..

³ Плавинский Евгений, режиссер, главный режиссер Тюменского драматического театра (1961–1984).

Совсем пропал, ни слуху, ни духу! Он весь первый триместр проводил с курсом очень интересные занятия по технике актёра, освобождения мышц др. Он ведь кончил актёрский курс в Студии им. Вахтангова. Кто-то говорил, что его арестовали, но я не могу поверить. Почему-то я часто думаю о нём... Правда, здесь, в пионерлагере у меня много новых хороших друзей, прекрасные ребята и девочки. У нас завязалась очень хорошая дружба. Прокатались на лодках с пионерами по красивой реке Неман, и девочки чудесно пели «Севастопольский вальс» и «Прощайте, скалистые горы». Стало грустно, и вдруг снова показалось, что я на чужбине, и ужасная ностальгия по России охватила меня... Я почувствовал себя русским. Может быть, это уже моя родина? Сколько у меня там дорогих друзей... Я тоскую по родной Москве, по её улицам... Пока я ездил в Каунас, кто-то вошёл в лагерь, разрушили трибуну, уничтожили портрет Сталина и красный флаг, растоптали цветочные клумбы. Говорят, что это сделали «бандиты». Меня это ужасно угнетает.

24 апреля 1951 года

Не знаю с чего начать... Столько мыслей, так много хочется написать, что, кажется, не хватит целой тетрадки. А самое главное то, что трудно, слишком трудно, почти невозможно выразить на бумаге всё то, о чём ты думаешь, мечтаешь, грезишь... Разве только одна музыка способна передать самые сложные чувства человеческой души! И то, думаю, что даже это высшее искусство не в силах выразить всего, что чувствует человеческое сердце. Почему нет такого искусства, с помощью которого я мог бы раскрыть всю свою душу? Почему люди не могут понимать друг друга молча? Ведь это так, мы никогда не сможем понять друг друга, да и самих себя никогда не поймём.

Ну, хватит философствовать.

Я вчера забыл написать очень важную вещь, а может быть, самое важное. Вчера, 23 апреля, в Каталонии опять забастовало 200 тысяч рабочих текстильных фабрик. Это чудо, восхитительно! Какой всё-таки у меня замечательный народ!

Где это видано, чтобы в стране с фашистской диктатурой народ смел выйти на улицы с протестом против режима. И это происходит в Барселоне в последние дни. Ведь бастуют не сотни, а тысячи и тысячи рабочих и служащих, студентов! Это героический народ! Народ, любящий по-настоящему свою свободу и независимость. И он, конечно, победит! Уже близка победа. Родина тоже всё ближе и ближе. Может быть, очень скоро скажут нам:

готовьтесь, товарищи, на днях мы уезжаем в Испанию, чтобы помочь нашему народу освободиться от фашистского ига. А всё-таки, как трудно будет расставаться с родной Москвой, Россией, со своими дорогими товарищами по институту, с любимыми воспитателями по детскому дому, с моими педагогами и гениальными мастерами ГИТИСа, с русским воздухом, небом, со всей природой русской... Как трудно будет покинуть свою вторую родину. Когда сейчас думаю об этом, на душе становится невыносимо грустно... Кажется, вот заплачу. Расцелую всех и всё... Что же будет тогда, когда в самом деле придётся проститься с этой землёй?..

Сегодня, с 9 часов утра я делал факультетскую газету. Почти три года был художником газеты, но недавно просил освободить меня от этой обязанности в связи с большой загруженностью. Но всё-таки приходится им помогать. Сегодня почти всю газету оформил я. Даже освободили от двух лекций. Приехал домой после занятий часов в семь вечера. Немного отдохнул, почитал Шекспира, «Гамлет», и вернулся в Институт, на репетицию «Фунте Овехуна». Пели вместе с Региной и Генрихом (Ванцявичюсом⁴. — *Е. В.*) испанские песни. Плодотворная репетиция. Очень хорошо репетировать с моими литовскими партнёрами. Они очень профессиональны, дисциплинированы и всегда с инициативой. Я многому научаюсь у них и очень их люблю. После репетиции вместе с Плавинским погуляли немного по Арбату. Генрих мне сказал, что Плавинский как будто репетирует тот же отрывок тайком, с другими актёрами. Если это правда, если Генрих нас не разыгрывает, то это очень плохо, просто нечестно. Как же так можно! Я так ему и сказал. И откажусь играть в его отрывке. Это очень серьёзный вопрос. И почему, в таком случае, он нам ничего не сказал? Ужасно нечестно, нехорошо!

Пятый курс режиссёров просил меня присутствовать у них на репетиции «Саламанской пещеры» Сервантеса. (Это курс Юрия Александровича Завадского.) Они думают, что как испанец я могу в чём-то помочь, но вряд ли я смогу быть им полезен. Какие наивные, ведь от испанца у меня одно только имя, ну, кровь... Но ведь Испанию я совсем не знаю. Единственное, что помню, это мою астурийскую деревню в горах. И то, детские воспоминания... Но Испанию, её жизнь, быт, обычаи, её историю совсем не знаю. Тем более времена Сервантеса. Я сразу пошёл в библиотеку и про-

⁴ Ванцявичюс Генрикас, советский литовский режиссёр, народный артист СССР (1978). С 1953 года — главный режиссёр Каунасского театра, с 1966 года — Литовского академического театра драмы.

читал интермедии Сервантеса, особенно внимательно прочитал «Саламанскую пещеру». В детском доме мы ставили «La guarda cuidadosa» («Бдительный страж». — *Е. В.*), и я играл роль влюблённого... Я, конечно, пойду, но вряд ли смогу им чем-нибудь помочь. Как раз сегодня вечером надо пойти к ним.

Встретили меня очень приветливо. Завадский обнял меня и попросил спеть какие-нибудь испанские песни. Гора с плеч, я с удовольствием им спел. Потом оделись, загримировались (сам Ю. А. Завадский гримировал Панкрасио, болгарина. Очень мне понравилось, как он его гримировал, мастерски!) и показали прогон «Саламанской пещеры».

Когда я спустился по лестнице, ко мне подошёл болгарин, который великолепно играл старика Панкрасио, и стал со мной говорить на старом испанском языке. Меня это потрясло. Оказалось, что он испанский еврей, ашкенази, из тех, которых во времена инквизиции изгнали из Испании. Он рассказывал со слезами на глазах, что его семья все эти годы сохраняла память об Испании, обычаи, язык и что всегда мечтали вернуться туда. Это растрогало меня. Он обнял меня как своего брата... Это самое интересное из этой встречи.

Что ещё? Сегодня прекрасная весенняя погода. На улице солнышко, тепло. Хорошо и на душе хорошо! Как хочется жить, как радостно!

Хочется ещё много писать, но устал. Уже поздно, около 2 часов ночи. А завтра вставать в 9 утра и в ГИТИСе до 11 ночи. И так будет всё время, до мая. Потом праздники. А там пойдут зачёты и экзамены. Эта сессия, пожалуй, самая трудная, много экзаменов, кажется, восемь. Да, впереди предстоят трудные дни. А потом лето, пионерлагерь. И четвёртый курс... И прошли мои молодые годы, прошла самая счастливая пора... Ведь мне скоро будет 21 год... Нет, я ещё всё-таки молодой. Я чувствую себя совсем молодым... Ещё много счастья впереди. Оно придёт, я верю. И сколько встреч и работа в театре!.. В каком театре, где?.. Что меня ждёт впереди?..

Ну, всё, пора, мой друг, в постель. До завтра.

25 апреля 1951 года

Что это, не писал и вдруг стал писать каждый день. Так много за это время накопилось, что нужно с кем-то поделиться. А с кем, кроме моей тетрадки? Она вечная хранительница моих мыслей...

Сегодня, 25 апреля, в «Правде» большая статья об Испании. Испания восстаёт. Да, вся Испания, а не только Каталония. Вся

Испания охвачена волной забастовок. Особенно в Каталонии, в Бильбао и в Астуриас. Вчера восставало 200 тысяч рабочих. А сегодня свыше 300 тысяч человек. Франкистское правительство в панике. Погодите, ещё не то будет, проклятые палачи! И это будет скоро, очень скоро. Я чувствую близость своей родины. Друзья в Институте меня поздравляют, радуются вместе со мной. Володя Кудрявцев, Храмов, Ирина Поплавская⁵, О Пен Чо, мой корейский друг, сказали: «Ну, Анхель, мы рады за тебя, скоро тебе можно будет ехать в Испанию! Возьмёшь нас с собой»? Конечно, возьму вас, дорогие мои друзья, возьму, если только можно будет. А почему бы и нет? Ах, только бы поскорей! И вместе со мной поедет столько друзей!

Утром репетировали отрывок Генриха из «Врагов» Горького. Вначале репетиция не шла. Женя Плавинский был не собран. Что-то не клеилось. Генрих, бедный, нервничал, старался нас увлечь. Потом пошло, разыгрались, и всё стало получаться. Я рад за Генриха и за всех, сумели настроиться.

Потом семинар по политэкономии. Мне пришлось немного поговорить о хозрасчёте. Это вопрос трудный.

Потом история костюма и мастерство актёра. Должны были репетировать с С. Х. Гушанским «Разлом», но репетиция превратилась в беседу, вернее сказать, в собрание о творческой этике, о творческой дисциплине и конкретно о поступке Жени Плавинского. Мы решили поднять этот вопрос и обсудить на уроке мастерства. Гушанский замечательный педагог, психолог и тонкий и умный человек. Собрание прошло очень бурно. Все ребята были возмущены его (Плавинского. — *Е. В.*) поступком и выступали очень взволнованно. Говорили все горячо. Вопрос очень серьёзный и принципиальный. Дело не столько в том, что Женя обманул своих товарищей, он как режиссёр оскорбил своих актёров, предал нас. Но самое для нас важное, это чтобы он понял и осознал свою ошибку... Есть же элементарные этические нормы в жизни и в театре, нарушить которые нельзя. Недаром К. С. Станиславский написал свою театральную «Этику». Нам всем полезен этот разговор и, надеюсь, что Женя поймёт свою ошибку. Это ему поможет в его творческой жизни. Это важнейший вопрос для будущего художника и вообще для человека.

Очень хорошо выступили О Пен Чо, Кудрявцев, Храмов... Ирина даже сказала, что в сознании Плавинского есть некоторые

⁵ Поплавская Ирина, кинорежиссер-постановщик «Мосфильма», народная артистка России.

остатки капиталистических предрассудков. Ну, мне кажется, она преувеличивает... Но всех поразило выступление Флоры Халиковой. Она попыталась оправдать поступок Жени, обвинив весь курс в том, что мы пытаемся выделиться и с этой целью «топим» своих товарищей. Она, конечно, имела в виду себя. Это глупо и низко! Как она может обвинить весь курс, хороший и дружный коллектив в этом! Только дурной и не очень умный человек может так говорить. Кому-кому, а Флора должна молчать. Никому курс не помогал столько, сколько ей при сдаче экзаменов и в её личной жизни. Если бы не товарищи по курсу, она давно была бы исключена из Института. И вместо благодарности вот что выкинула. Все возмущены её выступлением, и это будет обсуждаться на особом открытом партийно-комсомольском собрании. Не только сегодняшнее выступление, но всё её поведение за последнее время, её опоздания, пропуск уроков и постоянные неявки на репетиции отрывков товарищей по курсу и пр.

Очень хорошо говорил Семён Ханаанович Гушанский, наш педагог по мастерству. Говорил он больше двух часов. Высказал очень верные и умные мысли, которые хотел бы записать. Сейчас напишу лишь вкратце, т. к. очень устал. Уже около двух часов ночи. Завтра продолжу...

26 апреля 1951

Продолжаю. Вот, коротко, но довольно точное выступление С. Х. Гушанского.

Вообразите, что я работаю с вами сцену, но на случай, если вы меня подведёте, я репетирую, в секрете от вас, эту же сцену в другом месте. Уверяю вас, что за это вы не очень хорошо отнеслись бы ко мне. И правильно... Тема затраты себя при работе в искусстве, без расчёта на собственную выгоду, это очень важная тема.

Причиной многих неудач в искусстве сейчас, например, «От всего сердца» в Большом театре и др., это именно относится к этой проблеме. Это значит, что люди не отдают всего себя искусству, своему любимому делу. Вы говорите, что вы ничего не теряете. Вы ошибаетесь, вы много теряете. Вы уже много потеряли сейчас перед глазами ваших товарищей, перед вашими актёрами, которые доверились вам и отдавали своё время вам. Вы слышите, как говорят ваши актёры, они очень взволнованно и серьёзно говорят, да ещё каких актёров вы заняли в вашей работе... У вас играет Регина Сенкуте, талантливая и честная актриса, Генрих, замечательный актёр и серьёзный... И хорошо

работают. Их нарасхват, а вы им не доверяете и втайне от них репетируете с другими актёрами, на всякий случай. Это некрасиво. Вы уже много теряете перед глазами ваших товарищей...

Режиссёр является идейным вожаком спектакля. Недаром именно режиссёр определяет сверхзадачу спектакля, её тему, на его плечах вся ответственность в организации творческого процесса, он идейный руководитель целого творческого коллектива. Роль режиссёра в современном театре огромна, но это не значит, что актёр является пешкой в его руках. Нет. Он также отвечает за свою роль, как и режиссёр. Они вместе, сообща выстраивают роль. Вся Система Станиславского зиждется на коллективном нашем искусстве. И от того, как режиссёр сумеет организовать театральное дело и творческую атмосферу коллективного процесса, зависит результат театра, успех или провал спектакля. Режиссёр должен уважать актёра, даже любить его. Да, актёры великолепно чувствуют чистоту ваших намерений. Ничего нет выше коллективного успеха спектакля. Это надо понимать. И если вы хотите это испытать, то надо уже сейчас думать об этом и много работать, отдавать себя целиком театру, не себе, а театру! Целиком! Как делали наши великие учителя. Это важнейшая проблема: взаимоотношения актёра и режиссёра.

Теперь об их практической работе. У режиссёра не может быть абстрактное видение ролей и спектакля. У актёра тоже, конечно. Но все решения зависят исключительно от режиссёра. Выбирая актёра на роль, вы уже приводите его постепенно к вашему видению, к своей идее спектакля. И т. д. Это трудный процесс. Это процесс обогащения актёра, помощи актёру.

Метод нашей работы непрерывно переплетается с идеей в искусстве. Это надо очень хорошо и глубоко понять. Жизнь — основа нашего искусства.

Нет ничего опаснее для искусства, чем работать с расчётом на Сталинскую премию. Может, вы и получите, но как художник вы кончились. Искусство — это призвание, любовь, самоотдача, а это не требует никакого вознаграждения... Любим не по расчёту.

Всегда рискуйте для искусства, чтобы могли с гордостью сказать: я сделал всё, что смог, отдал все мои силы, мой талант этому театру, этим актёрам... И я верю в свою удачу, в нашу победу, общую победу... Когда вам будет трудно, беда случится, не дай бог, думайте всегда о перспективе, об идее вашей жизни, о вашем призвании. Мы всё-таки для чего-то родились в этой жизни... Только тогда ваше искусство будет интересным... А если я ме-

лок, если я негодяй, то и моё дело мелкое и ничтожное, а значит, никому не нужное...

Вчера попросили на режиссёрском курсе Ю. А. Завадского. Встретили очень приветливо. Завадский пожал мне руку и спросил меня, хочу ли им помочь.

— С удовольствием, чем смогу, помогу...

Потом попросили меня спеть какие-нибудь весёлые испанские песни. Я очень нервничал. Но всё-таки спел две-три испанских песен: «*Mozuca en la romería*», «*Soñé, que el fuego ardía... ay, ay, ay...*», «*A la entrada del pueblo y a la salida hay una panadera, panaderita, panaderita*». Им очень понравились, хотя я ужасно нервничал. Попросили ещё спеть, и я им спел весёлую мексиканскую песню «*Te compré unos zapatitos*». Я знаю, что для спектакля не годится, им очень понравилась и, хотя я убеждал их, что это не народная испанская песня и не годится для спектакля, но им очень понравилась... Что я могу поделаться... Показали мне эскиз декораций и костюмы. Они почему-то принимают меня за специалиста по Испании, или что-то вроде консультанта... Я всё одобрил и дал несколько скромных советов. Они в восторге, как дети. Попросили побыть на репетиции. Очень меня благодарил Ю. А. Завадский и обнял меня. Домой приехал поздно и усталый. Скоро 1 мая...

26 апреля 1951

Забастовки в Испании продолжаются.

Вечером выступал с Региной на концерте в Колонном зале, хорошо принимали, прекрасная публика, много молодёжи. Но почему-то настроение грустное. Чувствую какое-то одиночество... Много хороших друзей, но чувствую себя очень одиноким... Отчего это?.. Погода замечательная, тепло, тихо...

27 апреля 1951

Утром занимался уборкой письменного стола и библиотеки, на улице прекрасная, весенняя погода. Солнце, во дворе бегают и кричат дети. Как хорошо!.. Май приближается! Это уже настоящая весна, самая лучшая пора! Деревья зеленеют, небо голубое, безоблачное. Воздух чистый, прозрачный и благоухающий... Тепло...

Замечательно!.. Хочется петь и ужасно жить хочется, хорошо, красиво жить!

Принялся рисовать свой автопортрет карандашом...

Вечером.

Десять минут первого ночи. Только что вернулся из Института. Долго шёл пешком, приятно ходить по улице. Тепло, прелесть. Вот эту пору я люблю. Люблю весну!

Но от чего весной так печально на душе? Отчего?..

Сегодня у меня было свободное время между лекциями, и решил сходить к ребятам из Кинематографического Института. Застал одного Карлоса Льяноса. Он работал над дипломом. Тема его уже утверждена. Жизнь испанской молодёжи в СССР. Интересная и богатая тема. Есть о чём говорить. Посидел у него около часа, поговорили о наших делах. Скоро в ВТО ГИТИС будет снова проводить Интернациональный вечер, и я попросил его и остальных ребят помочь мне организовать испанскую группу. Поделились впечатлениями о событиях в Испании, о народном сопротивлении. Антифранкистские забастовки не прекращаются. Сегодня опять газеты пишут о продолжении забастовочного движения в Испании. Вскоре пришли Роберто Маркано и Арнальдо, но мне надо было уходить в Институт.

Сегодня занятия по режиссуре с А. М. Лобановым. Репетировала Флора свой отрывок из «Невольниц» Островского. Когда Андрей Михайлович начал задавать ей элементарные вопросы, связанные с задачами, действием, взаимоотношениями между персонажами и вообще «что в этой сцене происходит?», Флора не смогла ответить ни на один вопрос, что-то невнятно лепетала. Но было видно, что она совершенно не подготовилась к репетиции и даже не вчиталась в пьесу, не имела понятия о сцене. Нам всем было неудобно сидеть и слушать её лепет. Лобанов рассердился (с ним это ещё никогда не случалось). Как можно на третьем курсе режиссёрского факультета не знать самых простых вещей! И как можно себе позволить придти на урок такого выдающегося режиссёра неподготовленной, да еще и возмущаться?! «Что это, экзамен, что ли?» — возмущалась она! А мы ещё больше возмущались. И на перерыве так ей и сказали.

Потом репетировали сцену Генриха «Враги» Горького, в которой я играю Рябцова. Генрих, конечно, волновался, но очень хорошо репетировал. Он умный и очень серьёзный парень. Он будет настоящим режиссёром, я не сомневаюсь. Я чувствовал себя хорошо на репетиции, и Генрих умеет создавать хорошую творческую атмосферу и помогать актёрам. Он любит актёра и процесс работы. Я очень его люблю и Регину, его невесту. Мы с ними часто поём мои испанские песни в три голоса. Садимся на подоконнике около Большого Зала или рядом с кабинетом Марксизма-ленинизма и начинаем петь под гитару «Cuando salí

de la Habana, válgame Dios» или «Amapola, lindísima amapola, no seas tan ingrata y ámame, amapola, amapola, como puedes tu vivir tan sola...».

Как они хорошо поют и как чудесно умеют слушать, вслушиваться в меня и друг в друга, так, что кажется, мы поём одним голосом. Удивительная музыкальность. Я обожаю петь с ними и чувствую, что меня уносит куда-то высоко-высоко в небеса... Собираются вокруг нас студенты разных курсов. Куча ребят и девчат и с упоением слушают наши песни.

Всё, устал, надо спать. Завтра трудный день. Утром занятия по танцу, сценическая речь с Кириой Петровной. Я очень люблю её уроки, и очень смеемся, когда мой корейский друг О Пен Чо говорит русские скороговорки: «Наша река широка, как Ока. Как, как Ока? Так, как Ока широка наша река». Все падаем со стульев со смеху. Он это говорит с такой корейской страстностью и так быстро, что все сливается в сплошное «нашарека широкакакока Каккакока? Таккакока»... О Пен Чо не обижается, напротив, мне кажется, что ему нравится нас смешить. В прошлом году мы работали целые большие отрывки из доклада Жданова против космополитизма и формализма в музыке Шостаковича, Прокофьева и др. В этом триместре работаю над текстами из «Тамани» М. Ю. Лермонтова и Лескова... Мои скороговорки для исправления буквы «Л». У меня испанское, мягкое произношение. Мои скороговорки «Маланья болтунья, молоко болтала, болтала, болтала, выбалтывала да не выболтала».

И «На горе Арарат растёт крупный виноград». Я стараюсь много читать вслух, очень медленно... Трудно даётся русская «О» и «А», например, Часы. Пожалуйста. Хорошо, когда «А» произносится как «А» или, почти как «Ъ», напр. Чысы... Моя задача говорить на прекрасном русском языке, на языке Пушкина и Чехова. Добьюсь!

Всё, ложусь спать. Завтра трудный день. После уроков надо оформлять «Режиссёр», вечером концерт и приглашали в две школы на пионерский комсомольский сбор, рассказать об Испании. В одной школе я уже был с шестыми классами, а завтра встреча с 7 и 9 классами...

4 марта 1953 года

Сегодня, в 11 часов утра, голос Левитана известил по радио о тяжёлой болезни, постигшей дорогого Сталина. Это трагическое известие потрясло всех нас. От того, что нет слов, способных выразить всю глубину нашей боли и неожиданность этого

события. Мы ещё долго молчали в остолбенении, поражённые. Не могли сказать ни слова. Это непостижимое несчастье, постигшее всех нас, весь советский народ, весь мир! О, если бы кто-нибудь смог помочь этому Человеку! Надо спасти его во что бы то ни стало!

6 марта в 13.50 я должен уехать в Таганрог на постановку спектакля «Стрекоза», ужасно волнуясь. Сегодня утром уже привезли билет. Но как уезжать в такие дни?

5 марта 1953 года

Состояние здоровья И. В. Сталина не улучшилось. До сих пор не пришёл в сознание. Не хватает кислорода. Пульс плохой. В ночь на 2 марта с тов. Сталиным случилось кровоизлияние в мозг, в результате чего нарушились важные центры левого полушария головного мозга (следствие гипертонии и атеросклероз). Вследствие этого парализовалась правая часть тела и глубокая потеря сознания.

Неужели Сталин не придёт в сознание! Неужели его не вылечат! Не может быть. Сталин должен жить. Надо спасти его любой ценой. Кто не отдал бы сейчас всё своё здоровье, свою жизнь ради спасения этого Человека. Сколько миллионов людей на земле с радостью отдали бы свою жизнь, только бы жил Сталин.

Лечение проходит под непосредственным наблюдением ЦК Партии. Надо верить, верить в то, что Сталин будет жить.

5 марта 1953 года. Вечером. Состояние здоровья И. В. Сталина резко ухудшилось.

Дыхание стало поверхностным. Пульс 140–150. Обнаружились новые очаги болезни и разрушения.

О, как страшно. Нет, этого не может быть. Как бы помочь ему. Только о нём и думаю, Не в силах сосредоточиться на своей дипломной работе, ничем заниматься не могу.

Ходим все, как сумасшедшие, никто ни с кем не разговаривает, все сосредоточенные, суровые, серьезные. Думаем все только о Сталине и хоть и понимаем, что это очень серьёзное положение, всё-таки верим в то, что он придёт в себя и вылечится. Завтра утром мне надо уезжать в Таганрог, но я не могу уезжать в такие дни. Страшно, очень страшно сейчас покидать Москву. Мне не по себе. Чувствую, что теряю самообладание. Беседуя с моим русским товарищем, вдруг, ни с того ни с сего, начинаю говорить по-испански. Только через некоторое время осознаю, что он не понимает меня. Смотрит удивлёнными глазами. Я покраснел от неловкости и извинился.

Эту ночь мы, конечно, не будем спать. Будем ждать утренних известий. Должен произойти перелом, Сталин должен придти в сознание. Я верю, что он поправится. Будем ждать утра.

6 марта 1953 года

Никто не спал, всю ночь думали в постели и ждали утренние известия.

В 6 часов утра прозвучали знакомые позывные из песни «Широка страна моя родная». Я встрепенулся, но продолжать лежать, вслушиваясь внимательно в то, что сейчас сообщит радио. Кончились позывные: «Говорит Москва, говорит Москва!» Суровый голос Левитана насторожил меня. Какое горе. Нет, нет, неправда, не может быть. Боже мой, как страшно. Это какой-то страшный, кошмарный сон. «ГОВОРИТ МОСКВА, ГОВОРЯТ ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». Господи, сделай чудо! Пусть всё будет хорошо! Что мне сделать, чтобы спасти его. Только не дай родному Сталину умереть. «ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ОТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА СССР, ОТ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА СССР». По тону голоса Левитана я чувствую, что случилось самое непоправимое, но продолжаю лежать накрытым простынёй и слушать. Все товарищи тоже слушали молча, под одеялом. Тишина гробовая, лишь торжественно трагический голос Левитана: «КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ, КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА». «Юра, ты не спишь?» — спросил я. «Нет», — тихо ответил он. «Витя, ты слышишь?» «Слышу», — ответил Белявский. Я услышал всхлип О Пен Чо и...

После небольшой паузы, сурово, с большой горечью в голосе произнёс диктор:

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА СССР, ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР». Мы вскочили, приподнялись в постели и с каким-то нечеловеческим вниманием устремили свои взоры на репродуктор. Я не дышал. «ИЗВЕЩАЮТ С БОЛЬШИМ ПРИСКОРБИЕМ ПАРТИЮ И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЧТО 5 МАРТА В 9 ЧАСОВ 50 МИНУТ НОЧИ ПОСЛЕ ТЯЖЁЛОЙ БОЛЕЗНИ СКОНЧАЛСЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР И ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН».

Дикими глазами все переглянулись молча. Все поняли, что случилось самое страшное.

Молчание длилось бесконечно. Писать о том, что сделалось с каждым из нас в это мгновение, невозможно. Я себя не помню. Сердце замерло, кажется, кровь застыла в венах, всё остановилось в мире, всё в ужасе застыло. Никто не вымолвил слово. Тишина.

Никто не двигался, все замерли.

Кто-то горько застонал и тяжело бросил голову в подушку. Вся кровь у меня хлынула в голову, остановилось дыханье. Нельзя, нельзя это передать!!! Такое можно пережить лишь один раз в жизни...

Случилось непоправимое! Перестало биться сердце родного Сталина! Неужели это правда?! Неужели Сталин умер?! О, какое горе! Всё бессильно! Всё мертво, всё онемело в мире! Ничто не в силах передать то огромное, величайшее несчастье, постигшее человечество. Всё в мире ничтожно в сравнении с этим горем, нет в природе средств, могущих передать случившееся. Ни Гомер, ни Еврипид, ни даже величайший гений Шекспира не способны выразить наше страдание.

Нет, не верю!!! Не верю! Неправда! Это не могло случиться! Это сон, кошмарный сон!

Проснись, Анхель, проснись!

Не могут вписаться в голове рядом два слова: Сталин и умер. Сталин, и вдруг, умер, его больше нет. Нет с нами Сталина! Нет, это невозможно, это несовместимо! Какой-то страшный сон! Никакие слова, никакие слёзы, ничто не может передать это горе. Такое может случиться только один раз за всё время существования человечества. Может быть, только те, кто узнал 21 января 1924 году скорбную весть о смерти В. И. Ленина, могут понять наше горе. И сегодня второй такой страшный день за всю историю. Больше такого трагического события не будет никогда.

Когда я пришёл в себя, первая мысль была, что сейчас надо в 10 раз больше и лучше работать, что надо в 20 раз беспощаднее бороться с врагами человечества. Огромная злоба закипела в крови против врагов свободы и справедливости на земле! Надо с удесятерённой силой бороться за те высокие идеалы, которым великий Сталин посвятил свою жизнь. Надо задушить беспощадно всех врагов человечества во имя Сталина! Тогда только будет искуплена частица той огромной потери, которую мы сегодня потерпели, когда уничтожим с корнем, безжалостно всех врагов прогресса, справедливости и демократии. А для того, чтобы лучше бороться и участвовать в первых рядах борцов за Коммунизм, я сегодня решил подать заявление в Партию. До сих пор мне

казалось, что я ещё молод, что ещё рано и я и недостоин. Но сегодня, когда услышал по радио это горькое сообщение, первый порыв был вступить в Партию. Мне страшно захотелось бороться за сталинское дело. Кажется, что за несколько минут я повзрослел на 20 лет. Я стал злее к врагам свободы и справедливости.

Как никогда, сегодня всё вскипело во мне, проснулась во мне невероятная титаническая сила. Нет, я не буду проливать слёзы! Нет, мои слёзы, это слёзы мщения фашизму и врагам наших идеалов. Сегодня я клянусь отдать все свои силы, всю свою жизнь борьбе за освобождение человечества и уничтожение врагов счастья и жизни на земле. Мы построим на всей Земле мир и братство между всеми народами. Буду бороться до последней капли крови за то дело, которому отдал всю свою замечательную жизнь родной мой отец, учитель и вождь, великий Сталин!

Я не умею писать, и потому всё это может звучать выпендренно, газетно, но я пишу от всей души, со всей твёрдостью. И я это сделаю! Клянусь!

Мы с Юрой Петровым быстро оделись и поехали в Институт. Там, в вестибюле, около скульптуры Ленина собрались все студенты. Молчание, слёзы и всхлипывания. Взглядом здоровались или обнимались молча. Я зашёл в библиотеку.

6 марта 1953 года. Вечер.

Вместе с Юрой Петровым и товарищами целый день ходил по Москве в поисках очереди, ведущей к Колонному залу Дома Союзов, где лежит гроб с телом товарища Сталина, В Москве царит беспорядок. Все люди вышли на улицу и ищут как угорелые эту очередь.

Весь народ хочет проститься с великим Сталиным. Холодно. Милиция и солдаты Московского гарнизона загородили все улицы, переулки и проходы, ведущие на улицу Пушкина. Никто не знает маршрут, по которому следует очередь. Все бегают с вытаращенными глазами в разные направления, сталкиваются друг с другом, потом останавливаются перед военными машинами, преграждающими путь в желаемое направление. Мы с Петровым тоже бегаем ошалелые по Москве и ищем пути, чтобы пройти на улицу Пушкина. За нами уже пошла большая толпа людей, они думают, что мы знаем этот таинственный путь и приведём их тоже в Дом Союзов. Но куда ни приходим, всюду нам преграждают дорогу грузовики Московского гарнизона. Непонятно, как удалось так быстро поставить эти машины так близко, совсем вплотную друг к другу к другу. Между ними никак нельзя пройти.

Солдаты и милиция стоят перед грузовиками и никого не подпускают к ним. По репродукторам постоянно меняют маршрут и совершенно запутали людей. Мы замёрзли, проголодались и уже устали ходить, решили пойти домой, на Воронцово поле, погреться и на ночь выйти снова в поисках пути, по которому можем выбраться на улицу Пушкина. Транспорт не работает, конечно, и домой приходится идти пешком, с огромным трудом пробираясь через огромную, слепую, тёмную толпу: с площади Пушкина, через Садовое кольцо к Курскому вокзалу и Воронцово поле. А на улице ужасно сыро и холодно, какой-то туман и гул толпы. Буквально все улицы, площади и переулки заполнены народом. Всё идут и идут откуда-то. Кажется, сюда стекаются с окраин Москвы и идут пешком из пригородов и других городов. Вся страна идёт в Колонный зал. Проститься с вождём, родным товарищем Сталиным.

В час ночи мы с Юрой опять вышли на улицу, но уже знали маршрут следования к Дому Союзов. Направились к Трубной площади. Там оказалась такая огромная масса народу, что в воздухе стояли облака пара и гул многотысячной толпы. Мы попали в водоворот этой очумелой толпы, и, как щепки в бушующем океане, нас понесло и закрутило так, что, мы не на шутку перепугались. Кругом слышали стоны, и где-то далеко впереди и рядом с нами слышались безумные девичьи крики, которые звали на помощь. Но ни о какой помощи не могла быть и речь, народ давил, напирал со всей силой. Сзади, со всех улиц и переулков, ведущих к Трубной площади, шли новые толпы и напирали на передних. Со всех концов Москвы шли сюда с надеждой пройти в Колонный зал Дома Союзов. На глазах падали девушки, задавленные и полураздавленные этой страшной, безрассудной массой. Никто не мог помочь. Скорая помощь не успевала выносить пострадавших, да и не могли пробраться через толпу к умирающим. Только и слышны были гудки и крики девушек и женщин, и бесконечный гул, страшный гул.

Нас тоже сильно задавило и несло к стенам ближайших домов, где раздавались дикие крики женщин. Я думал, что не выберусь никогда из этого ада, что это последняя ночь моей жизни. Мысленно уже прощался с жизнью. Мы уже были в трёх — четырёх метрах от домов. Мы понимали, что надо во что бы то ни стало убежать, чтобы нас занесло к домам, мы видели своими глазами, как падали в обморок раздавленные люди. Хорошо, что с товарищами держались всё время вместе и крепко держались за руки. Это нам немного помогло, но всё-таки нам было ужасно трудно, потому,

что огромная сила толпы всё дальше и больше толкала нас к стенам домов. А попасть к стенам значило прощаться с жизнью. Мы это понимали, и это удесятерило наши совместные усилия, чтобы этого избежать. Наконец, благодаря нечеловеческим усилиям нам удалось миновать проклятые стены и спастись от смерти, но мы ещё долго крутились в этом человеческом океане. Когда удалось вырваться на свободу, такое было чувство, будто снова родились на свет. Мы были недалеко от грузовиков и попытались подползти под ними, чтобы прийти на Трубную площадь, но военные не допустили. И, слава Богу. Но об этом мы узнали потом.

Дело в том, что наша колонна не двигалась вперёд, так как путь на самую Трубную площадь был преграждён военными машинами, чтобы прикрыть дорогу, ввиду огромного скопления народу в котле площади. А сзади всё напирало и напирало, двигались сюда из всей Москвы. По радио объявили, что маршрут к улице Пушкина идёт через Трубную площадь. Поэтому вся Москва бросилась сюда, и сзади народ всё прибавляется и прибавляется и напирал с такой мощью...

К 6 часам утра нам с большим трудом удалось вытащить отсюда свои полуживые, помятые тела. Замученные, продрогшие и голодные, с опущенными головами вернулись домой. Ничего не вышло.

7 марта 1953 года

Наконец я добился своего. В 9 часов 30 минут вечера я пришёл к Колонному залу.

Как я туда добрался, трудно объяснить, Одним словом, я выполнил своё слово, я отдал последний долг родному Сталину.

Утром мы рано встали и поехали в ГИТИС. Там собрались все студенты. Вместе легче перенести горе. Со всех факультетов были там, здоровались тихо со скорбным выражением и печалью, бледные и потерянные все, почти никто не разговаривал, говорили глазами. Я увидел Володю Кудрявцева, Женю Плавинского, Иру Поплавскую и других товарищей из театроведческого. Лену Фалькович, Иннеситу, Бориса Зингермана. Мы обнялись и смотрели растерянные друг другу в глаза и ни слова вымолвить не могли. Только иногда: «Такое горе, такое несчастье!» Но я хотел ещё раз, в последний, попытаться пройти в Колонный зал, и вышли с Юрием Петровым попытать счастье. У Никитских ворот зашли в булочную, купили свежую булку и дошли до Пушкинской площади. Моросил мелкий, противный дождь, и было

холодно, аж до костей пробирало. Снова тот же гул серо-чёрной толпы. Справа, напротив ВТО, вся улица Горького была перекрыта грузовиками и военными. Прохода нет. Что делать. Вдруг видим, как молодые люди проходили контроль. Они показывали документ, и их пропускали на улицу Горького. Мы услышали, как парень с девушкой говорили военным, что они из Студии МХАТа, показывали студенческий билет, и их пропускали. Мы с Юрой переглянулись и сразу поняли друг друга. Не говоря ни слова, мы достали наши студенческие билеты и попробовали рискнуть. Подошли к тому же военному, показали студенческий билет ГИГИСа и сказали, что мы на занятия в Студию МХАТа.

О, чудо, нас пропустили. Не в себя от радости прошли по пустой улице, минуя Моссовет и Юрия Долгорукого, зашли в большую арку, ведущую в дома актёров Художественного Театра, и там мы присоединились к молодым людям, которые, как и мы, хотели во что бы то ни стало увидеть Сталина. Кто-то из них знал тайные проходные дворы и повёл нас по чёрным ходам и противопожарным лестницам. Мы попали на 6 или 7 этаж, вышли на крышу дома. Там, внизу, внутренний двор, который выходил на улицу Пушкина, метров в двести от Колонного зала. Мы стали спускаться по водосточной трубе один за другим. Внизу уже было человек двенадцать. Большие железные ворота были закрыты, а за ними шла очередь к Колонному залу, совсем рядом.

Военный генерал увидел нас. А мы умоляющим взглядом смотрели на него. Генерал оказался чутким, он пожалел нас и решил выпустить по одному через калитку. Мы быстро организовали очередь и нетерпенье за решёткой. Мы с Петровым были одни из первых, жались друг к другу от холода и топали ногами. Очередь проходила в полутора метрах от нас и двигалась довольно быстро. Генерал открыл калитку и выпустил высокого парня, который привёл нас сюда. Следующие были мы с Петровым. Случится ли чудо, думал я, неужели он нас пропустит, и мы увидим товарища Сталина. Не верилось, что это чудо может случиться, и мы всё смотрели с напряжённой радостью в глаза друг другу. Чувствовали мы в эти минуты какое-то братское единение. И генерал тихо открыл калитку. Первый вышел Юра и встал в очередь. Никто не протестовал. Царило гробовое молчание, и только слышались по репродукторам траурные мелодии Шопена, Бетховена, Чайковского, Шумана. Я ждал своего момента и весь дрожал не то от холода, не то от страшного волнения. А вдруг меня не пропустит, думал я. Не верилось, что мне выпадет такое счастье. Юра украдкой поглядывал на меня блестящими от радости глазами. Эти пять — шесть минут казались

вечностью. На меня напирала ребятя сзади с таким же нетерпением. И вот генерал тихо подошёл к калитке и выпустил меня. Я прошептал «Спасибо» и подошёл осторожно к Петрову. Мы схватились крепко за руки, но не смотрели в глаза друг другу, возможно, чтобы не выплеснуть огромную нашу радость и не выдать, что мы встали без очереди. Не могу объяснить это чувство невероятного счастья, которое охватило меня. Мы в 150 шагах от входной двери Колонного зала. Не верилось. Это невероятно, чудо.

Но вот мы подошли к дверям, мы входим в Колонный зал. Большие зеркала накрыты чёрной вуалью, слышна тихая музыка Чайковского. Очередь двигается довольно быстро, мужчины в штатском с траурной повязкой на рукаве тихо подгоняют, кругом военные стоят. И вот мы входим в Колонный зал. Первое, что вижу, это гроб с телом Сталина, а вокруг почётный караул. Берия, Молотов, Хрущёв, Каганович, Маленков, Микоян, Булганин, Суслов. И наша родная Долорес Ибаррури. Все с траурными повязками, Долорес вся в чёрном, с заплаканными глазами. Подходим ближе, и вдруг меня поражает, что Сталин такой маленький, совсем маленький, и толстые и короткие пальцы рук на груди. Лицо жёлто-зелёного цвета со следами оспы.

На сцене камерный оркестр играл *pianissimo* «Грёзы» Шумана и траурную музыку Чайковского. Вышли на улицу Пушкина с каким-то облегчением. Мы добились своей цели, мы увидели нашего вождя. Отдал последний долг родному Сталину. Я простился с любимым отцом, с великим Сталиным. Теперь я могу спокойно отдышаться и сказать: «Я сделал всё возможное, чтобы увидеть Тебя, любимый учитель и друг, и проститься с Тобой, дорогой товарищ Сталин. Я это сделал!»

Вышли мы с Юрой Петровым из Колонного зала в приподнятом настроении, какая-то внутренняя радость наполняла меня от чувства выполненного долга, от того, что удалось преодолеть все преграды и достичь своей цели. Мы увидели нашего родного Сталина. Мы простились с нашим вождём. И вдруг я почувствовал ужасный голод. Прошли через Манеж, поднялись по улице Герцена до Никитских ворот и по бульвару спустились до Арбата. Мы искали место, где бы поесть что-то горяченького. Голод был ужасный, всё-таки все эти дни мы почти ничего не ели. На Арбатской улице зашли в какую-то закусочную в полуподвальном помещении, съели по большой тарелке горячих пельменей. С каким аппетитом мы кушали и с каким удовольствием. Почему-то, вдруг вспомнил жёлтое лицо Сталина со следами оспы и его короткие, некрасивые пальцы рук.

Но тут же отогнал от себя этот образ и продолжал кушать вкуснейшие, горячие пельмени. С таким аппетитом, кажется, не ел со времён войны. Мы с Юрой улыбались друг другу от какой-то непонятной нам радости и от того, что, наконец, можем съесть что-то горячее.

Май 1962

Смерть Б. ПАСТЕРНАКА, потрясение. Весь прошлый год и этот жил именем Пастернака. Читали взахлёб его перепечатанную биографию у меня дома с Дионисио⁶, Тарковским, Артуром Макаровым⁷. Тайные ночные разговоры, учили наизусть по целым отрывкам, главам, о самоубийстве, о Маяковском. Много соседей, около 26-ти, и не сомневаюсь, что за мной подслушивают. Я часто вижу у своих дверей одну соседку или двух. Вся история с печатаньем в Италии «Доктора Живаго» и с присуждением Нобелевской премии держала всех нас в ужасном напряжении. Возмущены. Читали каждый день в газетах эти пасквилы и подделанные выступления рабочих, ткачих и фальшивых и подкупленных экскаваторщиков, организованные Хрущёвым, Сусловым и всей ЦКовской сворой и мощным репрессивным аппаратом. «Таких червяков я ковшом своего экскаватора выбрасываю кучами в грязь». Какой-то экскаваторщик Иванов оскорблял отвратительными словами гениального поэта России, во всех газетах напечатаны выступления остервенелых и возмущённых рабочих заводов «Серпа и Молота», «ЗИЛа» и т. д. Хрущёв, как всегда, ругался чуть ли не матом на «гнилую интеллигенцию», грозился «свернуть всех врагов социализма в бараний рог» и «мобилизовать революционный пролетариат «колыбели революции», поднять рабочих Питерских заводов, чтобы «стереть с лица земли клеветников большевистской революции и врагов Ленинизма и Коммунизма». По всей стране были организованы мерзкие митинги на фабриках и заводах, чтобы «клеить» великого писателя, с целью напугать его, чтобы он не посмел поехать в Швецию для получения Нобелевской премии. Власти грозятся не пускать его обратно на Родину. А у него здесь семья, сын и т. д. Добились своего, вынудили Пастернака отказаться от поездки в Стокгольм. Боятся, что не разрешат вернуться назад. Хрущёв об этом совершенно ясно говорит, подлец. Вынудили поэта отказаться и травили его каждый день. Довели

⁶ Дионисио Гарсия, друг детства Анхеля Гутьерреса.

⁷ Макаров Артур, киносценарист, актёр, приёмный сын Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамары Фёдоровны Макаровой (племянник Макаровой).

гениального поэта, убили его. И невольно вспоминаешь Лермонтова «...Погиб поэт, невольник чести... А вы, надменные потомки, известной подлости прославленных отцов...» Убили поэта. Снова чёрные тучи нависли над бедной Россией. Сталинизм. Кровавые репрессии никогда не кончатся. Будь он проклят, Хрущёв и вся его фашистская, мафиозная шайка!..

Все последние недели мы взахлёб читали главы из «Доктора Живаго» у меня дома. Приходили ко мне Дионисио, Андрюша Тарковский. И ночью, когда я читал один, включал музыку Генделя «Кончерто Гроссо». И каждый раз, читая главы из книги, думал, что Пастернак слушал именно эту музыку, когда писал, особенно 3-ю часть «Кончерто Гроссо». Медленную и трагическую. Я влюблен в эту часть, и она постоянно крутится у меня в голове. Я ее напевал всё время моего пребывания в Париже. И сейчас не выходит у меня из головы. Почему я так убеждён, что Пастернак писал под эту музыку?..

Все мы решили поехать в Переделкино на похороны Пастернака. И Тарковский рвётся туда. Он бледный и ярость кипит в нём. Мы все уговариваем его не ездить на похороны. Мы прекрасно знаем, что каждый второй присутствующий на похоронах будет кагебешник, или, как мы их зовём, «искусствоведы в штатском».

Мне звонил Артур Макаров, чтобы встретиться и помочь уговорить Андрея. Встретились рядом с моим домом, у кафе «Ивушка». С ними пришёл Володя Высоцкий и ещё незнакомый парень из ВГИКа и Даша, подруга Андрея из Ленинграда. Её так зовёт Андрей. Долго говорили о нашей завтрашней поездке в Переделкино. Не просто было уговорить Андрюшу не ехать на похороны. Артур почему-то всё время напоминал ему историю с Пушкиным, о том, как его друзья запретили ему пойти на площадь. Андрей очень рвался туда. В конце концов удалось уговорить его не рисковать. Убедили. Посидели в «Ивушке» и потом поехали в ресторан «Арагат» пообедать всей компанией...

1 января 1965 года. Новый год

Переписываю с записной книжки

Спор с Эрдманом⁸. Справлял Новый год у Юры Любимова. Вместе с Рубеном Симоновым, Людмилой Целиковской, Эрдманом с женой и др.

Было весело, хорошо. Много юмора, шуток, интересных рассказов и воспоминаний.

⁸ Эрдман Николай, драматург, поэт, сценарист.

Юра очень смешно рассказывал случаи из его службы в войсках МВД вместе с Эрдманом. Пили, вкусно закусывали и смеялись. Попросили меня спеть испанские песни. Пел и Рубен Николаевич. Потом, не помню каким образом, зашёл разговор об искусстве... «Развивается оно или нет». Я, естественно, примерный когда-то комсомолец, старательно изучавший марксизм-ленинизм и исторический материализм, с пеной у рта защищал марксистскую концепцию развития всего, в том числе и искусства. Эрдман спокойно доказывал мне, что искусство не развивается. Эта его позиция приводила в ярость. «Как же так, не развивается? Всё развивается. Всё течёт, всё меняется» и т. п. Догмы марксизма-ленинизма. Я тогда, наивный, не мог понять, не мог отказаться от моих начётнических позиций и отказывался наотрез принять антиматериалистическую позицию Эрдмана. Спорил с ним я как с равным. Чудак. Спорил я страстно, горячо, Эрдман же говорил спокойно, холодно, иронично и мудро. Он говорил, улыбаясь, и как бы с некоторым добрым снисхождением. Все слушали и наблюдали за нашим спором молча, но с интересом. Юра улыбался и старался усмирить мой пыл и говорил мне, что Эрдман очень мудрый и учёный человек. Я этого не отрицал, но невежество — смелое и слепое, и я знал, что невежество не аргумент, но, к сожалению, я был убеждён в том, чему меня научили мои преподаватели по историческому материализму. Эрдман, улыбаясь, спокойным тоном говорил... «Нет, дорогой мой горячий испанец, искусство не развивается, а течёт как река, к ней присоединяются другие потоки... Разве можно утверждать, что росписи в пещерах Альтамира или африканское примитивное искусство, скульптура древнеафриканских племён или египетская скульптура, или фаюмская живопись, фаюмские портреты, не говоря уже о древнекитайской и японской живописи, разве можно утверждать, что это величайшее искусство находится на более низкой стадии развития, чем живопись Модильяни или Сезанна? А разве Тициан, Джотто, Тинторетто, Фра Анджелико или Веласкес, Гойя ниже Репина или Серова... Или, мой дорогой, Шишкин или Кустодиев выше Эль Греко... Или Рембрандт, или скажем, Кранах, или Дельфский хуже Коровина, Ренуара или даже Пикассо... Может быть, Данте, Гораций, Вергилий, Петрарка хуже Баратынского, Шиллера, Евтушенко или Блока. Вивальди, Бах, Моцарт хуже Рихарда Штрауса, Чайковского или Хачатуряна... Нет, мой друг, искусство — это вроде большой, огромной корзины, куда все художники бросают своё творение, стихи, полотна, свою музыку. И уже время побеспокоится рассортировать и поставить всё по своим местам...

Если сейчас нам скажут, выберите себе пять композиторов, пять художников, поэтов, писателей, которых вы бы взяли с собой на другую планету... Тут, мой дорогой, не сомневайтесь, мы выберем тех авторов, которые нам дороже, ну, скажем, Библию, Данте, Шекспира, Сервантеса... Ну и кого бы вы ещё взяли с собой? Не Сафронова, полагаю, или даже Шолохова. Не правда ли? Ну, назовите-ка мне ещё одного автора или книгу...» Тут все оживились и стали называть, друг друга перебивая. Гёте, сказал Рубен Николаевич, Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Диккенса, Флобера, Гомера, Томаса Манна, Марселя Пруста, Камю... «Вы видите, как трудно выбрать одного и, главное, что нам нет дела до эпохи, в которой они писали и творили... Также с живописью. Выберите 5 художников или, ещё труднее, 5 полотен... И вы увидите, что наберутся художники разных эпох... Веласкес, Пьеро де ла Франческа, Рембрандт, Рафаэль, Леонардо, Ван Гог, Сезанн, Пикассо... Ну, ещё непременно Феофан Грек, Рублёв или Дионисий... Какое тут развитие, скажите на милость, дорогой мой испанец!..»

Я скоро понял, что Эрдман прав, но трудно было признать, что человеческая культура и человек не развиваются.

Все эти великие творцы имели тотальную идею о человеке, и их всех объединяет единый корень этико-моральный. Вера в Бога и достоинство человека, вера в справедливость и свободу всех людей. У всех поиск красоты... И в то же время все они понимали, как мы мало значим на этом свете, понимали все наши слабости и противоречия. И тщету, и суету нашу.

Всё. Добрый, мудрый скептик, Эрдман окончательно убедил меня, и я почувствовал вдруг необъяснимую радость от этого открытия и улыбался от этого глупой, счастливой улыбкой. Всё вдруг стало на свои места, всё так просто, оказывается. А мне годами забивали голову какой-то чепухой, и я верил в это, как в святыню. Как же я сам не дошёл до этой простой истины! Ведь читаю столько книг, общаюсь с Дионисио и до сих пор не мог освободиться от этого мракобесия, выйти на простор. «Время всё решает». Что осталось от Древней Греции? От Рима? От пушкинской эпохи? Что останется от наших писателей и художников через сто или двести лет?

Произведения искусства бесполезны, как цветок или закат. Художник не должен иметь эстетических симпатий. Добро и зло есть для него не более чем краски на палитре...

А идеал, Бог?

Идеал, да!

12 ноября 1970 года

Звонили из «Таганки». Юра Любимов просит заехать в театр. В час я был там. Юра пригласил на репетицию. Потом говорили в его кабинете. Он предлагает мне поставить спектакль. Что-то вроде испанской хроники. Два варианта:

— по мотивам «По ком звонит колокол» Хемингуэя. И делать упор на штаб республиканской армии,

— об убийстве Гарсии Лорки.

Я поблагодарил, но отказался. «Почему?» «Знаешь, Юра, я работаю в другом стиле, что ли... Я предпочитаю сохранить с тобой дружбу и хорошие отношения... Я не тщеславный. Конечно, приятно поставить у тебя спектакль, но ничего не случится, если не поставлю, но сохраним дружеские отношения...» Юра долго уговаривал меня: «Интересно же — поэт и власть... А в «Колоколе» ...»

Потом жесты, мимика... Повёз меня к себе домой. Говорили обо всём. Любимовские жесты и мимика. Он думает, что через вентиляционные решётки подслушивают... Прочитал мне отрывки из прекрасной инсценировки о Пушкине, которую заканчивает. Основана на стихотворениях, документах, историческом материале, письмах и т. д. Пообедали и вернулись в театр. По дороге, в машине, говорили о «Гамлете». Спросил, кто, по-моему, Гамлет в его театре. Конечно, Высоцкий. Я говорил еще о Дале, у него породистость, интеллигентный, саркастический и пр. Но быстро отказались от него. У Володи всё — духовность и ум, и страстность неподдельная, и особенно и самое важное: Высоцкий порывистый, это, по мнению Юры, главная черта Гамлета.

«Как и Пушкина. Нельзя представить Пушкина без этой страстной порывистости. Это главное в его природе, в его поэзии. А Пушкин и Гамлет очень похожи». Он прав, они прекрасно видят и чувствуют действительность, своё время, прогнивший строй, несправедливость и бессмысленность своего времени, и тем не менее они отдаются безрассудно своим порывам, которые толкают на неравный бой со всем обществом, с миром. В этом суть и смысл Гамлетов и Пушкиных. Внутренняя правда вызывает порыв потрясающей силы, толкающий безумцев на неравный, заведомо проигранный бой... Но идут на борьбу, хотя разумом ясно осознают и видят бессмысленность этой неравной борьбы. И осознают а priori свою обречённость, обречённость своего дела... А может и нет? «Если бы Андрей Тарковский был актёром, он — Гамлет!», сказал я. Юра задумался.

14 ноября 1970 года

Наконец навестил Толю Гелескула⁹ в Загорянке. Он ужасно обрадовался моему приезду. Я приготовил что-то наподобие испанского плова с курицей. Весь вечер проговорили о тысяче разных и важных вещах нашего времени, о Достоевском, о религии и русском народе, о Ленине и русской революции и т. д. Чехов, конечно, которого мы оба обожаем, Лорка... Он говорит, что Лорка, наверное, хорошо знал японскую живопись... Около двух часов ночи вышли прогуляться по лесу. Больше часу ходили по заснеженным дорожкам, останавливались и подолгу наблюдали молча изумительную красоту ночного леса... Вернувшись домой, наслаждались ароматным горячим чаем и до пяти с половиной утра проговорили. Толя — один из самых тонких, умных и глубоких людей нашего времени. Пожалуй, он да Дионисио самые серьезные люди, которых я имею радость знать. Толя глубок в любой проблеме, оригинально думает и совершенно чист, как ангел. Да ещё плюс чеховское чувство юмора. Как хорошо слушать его тихий голос. И молчать с ним. И какой изумительный переводчик! Когда читаешь его Лорку, веришь, что он писал на русском языке. То же, наверное, с французскими поэтами. Просто гениальный художник — не пишется слово переводчик...

15 ноября 1970 года

В. Максимов: «Я знаю свой конец: или повешусь или с ума сойду. Я никаких иллюзий не питаю... Всё знаю. Я воочию представляю свой конец. Вижу, что меня ждёт... Начал жизнь в тюрьме и в тюрьме кончу её. Или повешусь. Я уже на пределе, и я это прекрасно чувствую... Смотрю в окно и вижу эту пустоту... и выть волком хочется!»

Голубые, чистые, детские глаза Володи полны слёз. Я не нахожу слов, чтобы утешить его. Я понимаю его и сам испытываю то же самое чувство... Такое беспредельное одиночество!.. Такая безысходность и тоска!..

Одна отдушина — репетиции «Человека из Ламанчи» с режиссёрами.

29 октября 1972 года

Еду на съёмки в Гагры. По дороге в аэропорт таксист: «Самое ценное в жизни это то, что не знаешь, когда умрёшь».

⁹ Анатолий Гелескул — поэт-переводчик, эссеист, испанист.

Борт самолёта ТУ-134. Пустой самолёт, человек 20. После октябрьских авиакатастроф все боятся летать. Два самолёта упали в море близ Сочи. В десятых числах под Шереметьево разбился самолёт из Парижа, Париж — Ленинград — Москва с прахом Глазунова, 30 чилийских журналистов и пр. самолёт, летевший из Ташкента в Ереван, в Афинах...

Благополучно прилетел в Адлер. Прекрасный самолёт ТУ-134, почти никакого шума. Встречала Рая, повезла прямо в горы, на съёмки. Приятная встреча с Хейфицем. Димка, рыжий, бросился меня обнимать, и Зоя обрадовалась. Володя Высоцкий подошёл радостный, и мы обнялись. Узнав, что я прилетаю, приехал на своём мотороллере «гномик», или как его здесь называют «Родимый».

Здесь тепло, но в горах нет солнца. Внизу, на пляже, встретился с Белышом. Увидев меня, он оторопел, уставился на меня своими чернящими пуговками, ушки наострил. Удивление, неожиданная встреча сразила бедолагу! Несколько секунд он стоял как вкопанный и ни с места. Потом бросился на меня и целый вечер не отходил от меня, спал со мной. Зоя с Димкой переехали жить в Пицунду. Она рассказывала мне все новости. После моего отъезда заладили дожди и все от тоски запили. Чечильницкий рвался к ним ночью пьяный, ругался и требовал, чтобы Зоя впустила его к себе. Старая костюмерша, «всевидящее око», обидела Димку, и Зоя сильно с ней поругалась, «как на кухне коммунальной квартиры, и стукачка, и старая сука» и прочее...

Гулял с Володиёй Высоцким по берегу моря. Говорили об Испании. Спрашивал, почему я не уезжаю... «Тут же всё беспросветно, дорогой. И тебе не дают снимать свой фильм... Да и никогда не дадут... Промурыжат тебя, а годы летят... Мне больше всего времени жалко, не вернёшь». Говорили о Любимове. Просил помочь ему, поговорить с «хозяином» или «шефом». Чтобы отпускал его на съёмки и вообще чтобы давал ему больше свободного времени для работы над стихами. «Меня это ужасно мучает... Мне надо писать, у меня много планов, а времени нет... Он же прекрасно может заменить меня в каких-то спектаклях... Не понимаю, почему так упрямится... Поговори с ним, дорогой, он тебя уважает и слушает... У меня нехорошее предчувствие. Боюсь, не будет времени всё написать, что задумал... Я прошу тебя, правда, Анхель, поговори с «шефом»!..» Он ужасно тоскует по Марине. Прочитал мне только что написанные стихи про шахматный чемпионат мира между Карповым и Фишером.

Публикация Елены Висенс

АШОТ ЕГИАЗАРЯН

ЭКОНОМИКА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНОГО КИПРА
(2000–2006)

Предыстория

После долгих переговоров в Лондоне и в Швейцарии между Турцией, Грецией, Великобританией, общинами греков-киприотов и турков-киприотов в 1960 году было подписано соглашение о создании на острове Кипр независимой Республики Кипр. Между 1963–1974 годами греки-киприоты составляли 81 % населения острова, турки-киприоты — 18 %, этнические и религиозные меньшинства — 1 %. Турки-киприоты жили в анклавах, которые занимали 3 % территории острова и обладали очень ограниченными экономическими ресурсами. В таких условиях нет смысла говорить о существовании какой-либо самостоятельной турко-киприотской экономики в этот период.

В 1974 году, в результате турецкого вторжения, Кипр был разделен на две части — греческую и турецкую. Вследствие войны Республика Кипр понесла огромные экономические потери: было утрачено около 80 % инфраструктуры туристического сектора и 70 % пахотной земли, под контролем греческого правительства Республики Кипр не осталось ни одного аэропорта, был потерян морской порт Фамагуста, обеспечивавший 80 % грузооборота острова, 180 тысяч греков-киприотов стали беженцами.

Несмотря на эти огромные потери, экономика Республики Кипр была восстановлена за сравнительно короткий промежуток времени, чему способствовал ряд благоприятных внешних обсто-

ятельств. Следует отметить также, что греки-киприоты являются одними из самых преуспевающих людей в Средиземноморье, что, несомненно, тоже сыграло свою роль в восстановлении экономики Южного Кипра.

Гражданская война в соседнем Ливане, которая вспыхнула в 1976 году и длилась пятнадцать лет, вынудила тысячи (главным образом, богатых) ливанцев искать убежища на Кипре, принося с собой необходимые инвестиции в осажденную экономику страны. Почти в то же самое время в результате повышения мировых цен на нефть, стали расширяться рынки арабских стран Персидского залива, открываясь для новых строительных проектов и импорта продовольствия. Благодаря масштабным и прибыльным бизнес-проектам, кипрские компании стали глобальными игроками на строительном рынке арабских стран, а десятки тысяч греков-киприотов (а также большое количество турков-киприотов) получили работу на арабских строительных объектах. Ведущим игроком в этих проектах была компания «J и P», обеспечивавшая работой до 40 тысяч рабочих, а ее вклад в валовой внутренний продукт Республики Кипр составил 27 %. Денежные переводы рабочих из заграницы стали важным источником развития греко-кипрской экономики до тех пор, пока страны Персидского залива не начали реструктуризацию своих планов развития, принудив работников-киприотов возвращаться домой.

В свою очередь, повышающийся спрос на сельскохозяйственные продукты в странах Залива стимулировал экспорт овощей, цитрусовых и картофеля из Республики Кипр. Арабский рынок для кипрских экспортеров сельскохозяйственных продуктов стал одним из приоритетных — наряду с традиционным рынком в Лондоне, где жили более 250 тысяч киприотов.

Крах СССР и экономические трудности в России в начале 1990-х годов также принесли пользу грекам-киприотам. В эти годы приблизительно 50 тысяч богатых россиян переселились на Кипр. Финансовое воздействие этого притока благоприятно отразилось на экономическом росте греческого Кипра. Со временем многие из россиян возвратились на родину, но многие так и остались на Кипре. По некоторым оценкам, Республика Кипр в настоящее время остается основным местом экономической деятельности для приблизительно 35 тысяч россиян и российских компаний.

В целом, за прошедшие 20 лет отраслевой центр экономики Республики Кипр переместился от сельского хозяйства к секторам производства и услуг. Нынешний Южный Кипр имеет рыночную

экономику с маленьким государственным сектором. Среднегодовой рост ВВП составил 6,1 % — в 1980-х годах, 4,4 % — в 1990-х годах и 3,4 % — с 2000 года до 2005 года. Если в 1974 году валовой внутренний продукт на душу населения в Республике Кипр составил около \$ 4 000, то в 2005 году этот показатель был выше \$ 23 000 (83 % от среднего уровня стран ЕС-25).

Кипр занимает стратегическое положение на перекрестке дорог, соединяющих Европу, Ближний Восток, Северную Африку и Азию. Это существенно повышает значение Кипра как регионального, так и международного коммуникационного, транспортного и делового центра. Имея современную инфраструктуру, гибкую правовую систему, предоставляя налоговые льготы иностранным инвесторам, отличаясь низким уровнем преступности и хорошо подготовленной рабочей силой, Республика Кипр представляет собой чрезвычайно удобную региональную операционную базу для европейских компаний. Сегодня Республика Кипр — одно из главных направлений международного туризма, региональный центр финансово-банковских услуг и морских перевозок. По некоторым показателям социально-экономического развития Республика Кипр впереди даже многих стран ЕС. По итогам 2004 года структура валового внутреннего продукта республики выглядела примерно такой: сельское хозяйство — 4,1 %, промышленность — 19,9 %, услуги — 76 %. В секторах промышленности и строительства занято 38,2 % рабочей силы. В 2004 году объем вложенных прямых иностранных инвестиций в Республику Кипр составил \$ 1,22 млрд. Для экономики республики характерны низкие показатели инфляции и безработицы, в достаточно хорошем состоянии находятся социальные и финансовые индикаторы (включая государственный бюджет, государственный долг и текущий счет страны). Таким образом, экономика греческой части Кипра была успешно восстановлена и в показателях своего развития достаточно быстро превысила уровень, достигнутый за период перед турецким вторжением.

1 мая 2004 года, наряду с Чехией, Эстонией, Венгрией, Латвией, Литвой, Мальтой, Польшей, Словакией и Словенией, Республика Кипр вступила в Европейский Союз, который рассматривает остальную — северную — часть Кипра как территорию ЕС, находящуюся под иностранной военной оккупацией. Поэтому все льготы и преимущества, которые Республика Кипр получила от вступления в эту организацию, распространяются лишь на его греческую часть. 1 января 2008 года Республика Кипр присоединилась к зоне общеевропейской валюты — евро.

Тем временем экономическое развитие турко-киприотской общины проходило по иному пути. Как уже было отмечено, в период 1963–1974 гг. экономика турко-киприотской общины была развита очень слабо. Турко-киприотские анклавов фактически находились в блокаде со стороны греков-киприотов. Блокада в значительной степени изолировала турков-киприотов от внешнего мира. Географическое разделение анклавов друг от друга, в свою очередь, ухудшало их тяжелое социально-экономическое положение. Но отчасти такая отсталость была связана с тем, что в традиционной занятости турков-киприотов, в отличие от занятости греков-киприотов, коммерция и предпринимательство не были в числе приоритетов. Большинство турков-киприотов зарабатывали средства к существованию, работая в государственных учреждениях или в сельском хозяйстве. Застой, периоды спада и депрессии с фактически падающим доходом на душу населения принудили тысячи турков-киприотов эмигрировать за границу в поисках лучшего экономического будущего. В начале 1970-х турко-киприотская община обеспечивала всего 6 % ВВП Кипра.

Изменения в экономической жизни турков-киприотов начались после турецкого военного вторжения в 1974 году, когда Кипр фактически был разделен на греческую и турецкую части. В 1975 году турки-киприоты сформировали собственное государство, а в 1983 году на Севере Кипра объявили его независимость под названием Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК) со столицей в Никосии (Лефкосии)¹.

Процесс создания турко-киприотской экономики начался практически с нуля. Частный сектор был развит слабо. Острой была также нехватка профессиональных менеджеров. В условиях слабого частного сектора роль правительства в экономической жизни Северного Кипра была большой. Уместно отметить, что правительство стало создателем первого курорта в стране. С целью экономического развития турецкой части Кипра Турция стала оказывать значительную финансовую и техническую помощь туркам-киприотам, с ее помощью были созданы многочисленные полугосударственные предприятия. Одновременно Анкара организовала приток рабочих на Северный Кипр (турков из Ана-

¹ Подробно о политической истории и современности ТРСК см.: Фуад Гаджиев. Независимость де-факто: Турецкая Республика Северного Кипра. М., 2008.

толии и турков-киприоты, покинувших остров в 1963–1974 гг.), призванных пополнить человеческие ресурсы маленькой экономики — прежде всего в секторах обслуживания и строительства.

С целью планирования экономического развития была создана Государственная организация планирования (ГОП). Это агентство подчинялось премьер-министру, но его оперативная деятельность осуществлялась в сотрудничестве с Министерством экономики и финансов. ГОП разрабатывала долгосрочные социально-экономические планы и координировала деятельность министерств в вопросах планирования. ГОП подготавливала также ежегодный «Бюджет Развития» и контролировала его выполнение. Кроме того, ГОП публиковала статистические отчеты о состоянии секторов экономики.

Назвать экономику ТРСК смешанной было бы неправильно. Нельзя было назвать её и полностью государственной или частной. Хотя государственные предприятия и были главными факторами в экономической жизни страны и государство планировало экономическое развитие, в то же время государство вообще не вмешивалось в частный сектор, оно принимало лишь законодательные акты, которые устанавливали нормы заработной платы и налогообложения. Государство поддерживало и поощряло частный сектор через инвестиции в инфраструктурные проекты национального значения и другие меры. Например, для привлечения иностранных инвестиций был создан «свободный порт — свободная экономическая зона». К концу 1980-х годов порядка пятидесяти иностранных инвесторов использовали в своих интересах щедрые налоговые условия этих зон.

Во второй половине 1980-х с целью снижения финансово-экономической зависимости ТРСК от Турции правительство внесло изменения в свою экономическую политику. В конце 1986 года правительство ТРСК подписало экономическое соглашение с Турцией, а в 1987 году разработало план развития. Согласно этим документам была поставлена цель — преобразовать туркокиприотскую экономику на основе рыночных принципов (аналогичных экономической политике правительства Турции).

В контексте либерально-рыночных преобразований сектор туризма рассматривался как движущая сила. Сектор туризма в качестве локомотивной силы должен был тянуть остальную часть экономики и в конечном итоге уменьшить важность принадлежащих государству и управляемых государством предприятий. Для этих целей Турция увеличила помощь, большая часть которой пошла на улучшение инфраструктуры, и обещала гарантировать

все иностранные инвестиции в ТРСК. В свою очередь правительство предприняло ряд необходимых мер: предоставило налоговые льготы инвесторам, заключило долгосрочные и дешевые арендные договоры, начало проводить либеральную валютную политику, что должно было поощрять денежные переводы турков-киприотов, живущих за границей. Следует отметить, что эти и другие меры в целом были успешными. Доход от туризма утроился между 1986 и 1989 годами, увеличилась доля промышленности и негосударственных услуг в ВВП, а доли государственного сектора и сельского хозяйства начали падать. Отношение государственного и частного сектора по линии капиталовложений постепенно изменилось в пользу последнего. Однако экономика Северного Кипра в отличие от экономики Республики Кипра страдала от нехватки частных и правительственных инвестиций, квалифицированной рабочей силы, а из-за политической изоляции Северный Кипр не получал иную, кроме турецкой, иностранную помощь. Ключевая цель новой либеральной политики состояла в уменьшении бремени раздутого правительственного сектора. Хотя некоторое сокращение было достигнуто, серьезные проблемы в этой области по большей части так и остались нерешенными. С другой стороны, если доля государственного сектора в ВВП уменьшалась, ТРСК все еще оставалась сильно зависимой от финансовой помощи Турции (ссуды и гранты), общая сумма которой только в 1990 году составила \$ 60,5 млн. Следует отметить, что только в 1988 году, впервые, внутренние доходы правительства превысили объем турецкой помощи.

Хроническая инфляция была другой проблемой экономики Северного Кипра. По отношению к 100 % инфляции в 1979 году, в 1982–1983 годах рост инфляции был сравнительно умеренным — 33 %. Но в 1988 году норма инфляции подскочила и составила 62 %. Использование турецкой лиры в качестве официальной валюты было самой серьезной причиной высокой нормы инфляции. Время от времени были, конечно, обсуждения желательности иметь собственную валюту, но практичность такого шага не принималась всерьез. В определенной мере высокие проценты инфляции имели также причины внутреннего характера, в частности ее росту способствовали чрезмерные государственные расходы.

По официальным данным, в 1989 году в экономике Северного Кипра были заняты 70 000 человек, а безработица составила 1 %. Нехватка квалифицированных рабочих в некоторых сферах экономики требовала иммиграции иностранной рабочей силы. Согласно официальной статистике, сельское хозяйство и госу-

дарственный сектор имели наибольшую долю занятости (почти половину занятого населения ТРСК). По некоторым оценкам местных экспертов, эти сектора были относительно неэффективными и в определенной мере содержали скрытую безработицу. В дальнейшем доля этих секторов в обеспечении занятости медленно уменьшалась, а доли других секторов — повышались.

Тем не менее, уровень жизни турков-киприотов традиционно был более высоким, чем в Турции. Например, минимальная заработная плата была выше, чем в самой Турции. Кроме того, заработная плата устойчиво повышалась. Хронически высокая инфляция принудила правительство использовать механизм регулирования прожиточного минимума. Зарплаты увеличивались каждые три месяца в соответствии с инфляцией. Политика правительства была направлена на предотвращение реального сокращения заработной платы. Кроме того, ежегодно повышалась и базовая зарплата. Эти социальные меры в свою очередь создавали дополнительное бремя на расходную часть государственного бюджета.

В социальном отношении турки-киприоты считаются более активными людьми, чем анатолийские турки. Социальная активность турков-киприотов нашла свое проявление в активном профсоюзном движении. Согласно Статьям 70 и 71 Конституции и Закона о профсоюзах, учреждение профсоюзов было свободно от вмешательства правительства. Единственное юридическое требование заключалось в том, что для учреждения профсоюза должны были объединиться минимум двадцать человек. Однако, в некоторых случаях, когда общее количество активных людей в соответствующей области было меньше двадцати, но больше трех, законодательство разрешало сформировать профсоюз. Во второй половине 1980-х в ТРСК действовали две главные профсоюзные федерации и семнадцать независимых союзов, которые объединяли приблизительно одну треть всех рабочих, что является большой пропорцией для развивающейся страны с большим сельскохозяйственным сектором.

Самая старая профсоюзная федерация в ТРСК — это Турко-киприотская Федерация Профсоюзов (ТКФП), которая была учреждена в 1954 году и к середине 1980-х имела приблизительно 9 300 членов, принадлежащих пятнадцати союзам. Являясь членом Международной Конфедерации Свободных профсоюзов (МКСП) и Европейской Конфедерации Профсоюзов, эта федерация имела цель решать по большей мере практические, чем идеологические проблемы. Федерация поддерживала также близкие связи с Аме-

риканской Федерацией Труда и Конгрессом Производственных Профсоюзов. ТКФП от Конфедерации Турецких Профсоюзов получала финансовую и техническую помощь, чтобы продвинуть профсоюзное движение в ТРСК. Другая главная трудовая организация — Федерация Революционных Профсоюзов была основана в 1976 году и в 1986 году имела приблизительно 4 500 членов в двух союзах. Федерация Революционных Профсоюзов являлась членом Мировой Федерации Профсоюзов, и в отличие от Туркокиприотской Федерации Профсоюзов поддерживала подчеркнутое «идеологическое профсоюзное движение» и распространяла левополитические идеи. Федерация свободно работала в ТРСК, хотя ее сестры-организации в Турции были объявлены незаконными после военного переворота 1980 года. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на очевидную экономическую и военную зависимость Северного Кипра от Турции, во внешнеполитических вопросах в 80-х годах ТРСК была более самостоятельной.

1990-е годы для экономики ТРСК начались потенциально серьезной проблемой. В конце 1990 года потерпела крах экономическая империя Асила Надира, являющаяся главным иностранным инвестором в ТРСК. Надир использовал в своих интересах «свободные экономические зоны», вложив капитал в тяжелую промышленность, в производство цитрусовых и в сектор туризма. На его предприятиях работали свыше 8 000 человек, а его финансово-экономические возможности уступали лишь государственным. Асил Надир был коренным турецким киприотом. Он жил в Лондоне и являлся главным акционером и руководителем британского конгломерата Полли Пек (Polly Peck). Эта организация работала в сфере электроники и имела более чем 24 000 акционеров. За воровство и мошенничество британский суд предъявил обвинение Надиру. Надир сбежал из Лондона и скрылся в ТРСК (там он и проживает до сих пор), который не имеет никакого соглашения о выдаче с Великобританией. Надир остается разыскиваемым по обвинению в воровстве £ 34 миллионов.

1994 году Европейский Суд принял решение, согласно которому был запрещен импорт в Европу сельскохозяйственных продуктов из Северного Кипра, основанный на выдаваемых властями ТРСК свидетельствах о происхождении и фитосанитарии. Это решение серьезно ударило по экономике ТРСК, особенно по экспорту готовой одежды и цитрусовых.

В результате этих событий в 1990-е годы, в целом, хотя и продолжались укрепляться структурные изменения в экономике ТРСК, начавшиеся в 80-е годы, темпы экономического роста замедлились.

Если за прошедшие десять лет валовой национальный продукт (ВНП) вырос на 82,1% (от \$ 233,6 млн в 1980 году до \$ 425,4 млн в 1989 году), то в 90-х годах ВНП вырос на 63% (от \$ 591 млн в 1990 году до \$ 963,9 млн в 1999 году). Что касается объявленной в конце 80-х годов цели — иметь более сильную и саморазвивающуюся экономику, менее зависимую от турецкой помощи, то она так и не была достигнута. Экономические трудности ТРСК и продолжающаяся политическая изоляция ещё более усилили ее зависимость от Турции и активизировали интеграционные процессы с ней. Для отмены паспортного контроля и дальнейшего развития таможенного союза в июле 1990 года между Турцией и ТРСК был подписан «согласованный документ». В октябре 1990 года ТРСК и Турция подписали декларацию о сотрудничестве и поддержке в политической и экономической областях, в 1992 году между двумя странами было заключено «межправительственное» соглашение об импорте рабочей силы, был введен в действие протокол об отмене паспортов при краткосрочных поездках. В 1993 году между Турцией и ТРСК были подписаны протоколы о сотрудничестве в областях экономики, жилищного строительства и туризма, а в июле 1997 года стороны заявили о мерах по экономической и финансовой интеграции, частичной интеграции в областях обороны, внешней политики и безопасности. И наконец, в августе 1997 года на уровне министров иностранных дел Турции и ТРСК было подписано соглашение об ассоциации.

В начале текущего десятилетия Турцию, а вслед за ним ТРСК постиг экономический кризис, в результате которого ухудшились практически все социально-экономические показатели страны. В 2002 году экономика вышла из кризиса, но сближение ТРСК с Турцией еще более усилилось, свидетельством которого стали подписанные соглашения о выделении Турцией \$ 350 млн для реализации принятой правительством ТРСК в октябре 2000 года и рассчитанной на три года «программы мер по экономической стабилизации», о сотрудничестве в области береговой охраны, по вопросам морского судоходства, воздушного сообщения, совместного проведения поисково-спасательных работ, а также принятие и распространение на жителей ТРСК равных с правами граждан Турции прав на проживание, работу, приобретение собственности и образование. 8 августа 2003 года было подписано рамочное соглашение о таможенном союзе Турции и ТРСК. Комплекс проектов коммуникационного значения, соединяющих Турцию с Северным Кипром, практически завершает интеграцию северной части Кипра с Анатолией. В настоящее время Турция

поставляет электричество в Северный Кипр и обеспечивает его связью. В октябре 2005 года было принято решение о строительстве по дну Средиземного моря водопровода на север Кипра общей протяженностью 78 км. Планируется также строительство подводного газопровода из побережья Турции в ТРСК.

После 2003 года экономика ТРСК начала развиваться беспрецедентно высокими темпами, чему способствовали инициативы Евросоюза по нормализации отношений и налаживанию экономических связей между двумя частями острова, что, по их замыслу, в конечном итоге привело бы к интеграции Евросоюза Кипра в целом.

По инициативе англичан, 7 июля 2004 года Еврокомиссия предложила проекты регламентов о прямой торговле между странами-членами ЕС и ТРСК и о предоставлении финансовой помощи (на общую сумму 259 млн евро) для поддержки экономического развития Северного Кипра. Однако рассмотрение этих регламентов было заблокировано Республикой Кипр. Регламент о прямой торговле между странами-членами ЕС и ТРСК не был принят по той причине, что он не соответствует резолюциям СБ ООН о незаконности государственного образования на севере острова. Что касается предоставления финансовой помощи со стороны ЕС, то этот вопрос не получил решение по той причине, что власти ТРСК настаивали на исключении греков-киприотов из процесса распределения финансов. Они считали, что реализуемые проекты в Северном Кипре должны финансироваться через те международные банки, которые имели связи с банками ТРСК. По этому вопросу появились серьезные разногласия в коалиционном правительстве ТРСК, что в целом накалило страсти вокруг урегулирования кипрской проблемы.

Используя создавшуюся в последние годы в целом благоприятную внешнюю конъюнктуру вокруг кипрского вопроса, власти ТРСК стали расширять и углублять отношения с международным общином (сообществом). Несмотря на негативную реакцию со стороны официального Кипра и отсутствие дипломатических отношений с властями ТРСК, были улучшены отношения с Вашингтоном и Лондоном как в политическом, культурном, так и в экономическом плане. Активизировались посещения на Северный Кипр представителей американских и английских официальных и предпринимательских кругов. Дополнительным стимулом для тесных отношений с Великобританией является турко-киприотская община в этой стране, число которой уже превысило 100 тыс. чел. и продолжает расти. Германия также поддерживает контакты с властями ТРСК —

на уровне заместителей министров. В ТРСК офисы посольств имеют Великобритания, США, Германия и Австралия (действует также «Ассоциация дружбы с Францией», выдающая визы). Представительства основных политических партий турко-киприотской общины действуют в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне, Брюсселе, Женеве, Исламабаде, Абу-Даби и Баку. В Пакистане, ОАЭ и Азербайджане контакты с представителями ТРСК поддерживаются на уровне послов международно признанных государств. «Почетные представительства ТРСК» открыты в Австрии, Австралии, Германии, Канаде, Китае, Италии, ЮАР, Саудовской Аравии, Франции. В Иордании «почетным консулом ТРСК» является депутат местного парламента. Представительства «Турецко-кипрских авиалиний» работают в Великобритании, Германии и Израиле.

Сегодня ТРСК входит в группу стран со средними доходами. Доход на душу населения существенно увеличился с \$ 586 в 1974 году до \$ 10 567 в 2005 году. Однако в своем экономическом развитии турки-киприоты сильно отстают от греков-киприотов. Хотя турки-киприоты достигли фактической политической независимости и определенных экономических успехов, ТРСК все еще испытывает трудности, связанные с непризнанием её международным обществом.

Тенденции изменения основных социально-экономических показателей

Динамика Валового национального продукта (ВНП)

В течение периода 1977–2002 гг. валовой национальный продукт Северного Кипра вырос в среднем на 3,6 % в год, достигнув от \$ 209,4 млн в 1977 году до \$ 941,4 млн в 2002 году (рост в 4,4 раза). Однако по ценам 1977 года в течение того же периода рост ВНП был более скромным — всего в 2,4 раза (от 3,8 млрд ТЛ до 9,1 млрд ТЛ). Следует отметить также, что развитие экономики республики за этот период не характеризовалось равномерностью. В 1982 году экономика показала двухзначный рост — 11,2 %, но были также годы, когда регистрировались очень низкие и даже отрицательные показатели роста ВНП. Отрицательный рост ВНП наблюдался в 1981, 1991, 1994 годах, соответственно — 7,5 %, 5,3 % и 3,7 %. Последний экономический кризис произошел в 2000–2001 гг., в результате которого уровень ВНП упал соответственно на 0,6 % и 5,4 %. Примечательно, что пери-

оды экономических трудностей в ТРСК совпадают с периодами экономических и валютно-финансовых кризисов в Турции, что в первую очередь объясняется сильной экономической и финансовой зависимостью этой республики от Турции.

Интересно, что в промежутке с 2003-го по 2005 г. по сравнению с предыдущими периодами наблюдались более высокие темпы роста ВВП. Среднегодовой рост ВВП в 2003–2005 гг. составил 13,4 % (в 2003 году — 11,4 %, в 2004 году — 15,4 %, в 2005 году — 13,5 %). Примечательно, что аналогичные показатели Республики Кипра за этот же период составили соответственно — 1,9 %, 3,8 % и 3,9 %. Следовательно, значительно вырос ВВП на душу населения и сократилась существующая разница в данном показателе между северными и южными частями острова. Если в течение предыдущего 26-летнего периода (1977–2002) ВВП на душу населения в Северном Кипре вырос от \$ 1 444 в 1977 году до \$ 4 409 в 2002 году (в три раза, или в среднем на 2 % в год по постоянным ценам 1977 года), то в течение этих трех лет (2003–2005) — в 2,4 раза, достигнув \$ 10 567 по итогам 2005 года. В 2006 году ВВП на душу населения вырос до \$ 11 270. Согласно оценкам Мирового Банка, в 2004 году ВВП на душу населения (по РПП) в ТРСК составлял 76 % от уровня аналогичного показателя в Республике Кипр (\$ 16 900 против \$ 22 300).

Что привело к такому бурному экономическому росту? Ответ на этот вопрос лежит на плоскости урегулирования кипрской проблемы. Анализ изменений в динамике и в структуре ВВП в рассматриваемый период показывает, что такому высокому росту способствовали ряд факторов, связанных именно с той уникальной политической ситуацией, создавшейся вокруг урегулирования кипрской проблемы в 2003–2004 годах. В частности, можно выделить следующие факторы: заработанные средства более чем 5 000 турков-киприотов в греческой части Кипра (ограничения на въезд в Республику Кипр были смягчены после вступления Кипра в ЕС), где заработная плата значительно выше, бум в секторах строительства и образования, а также относительная стабильность турецкой лиры за последние годы (это играло особую роль после введения режима «Зеленой Линии»²).

² При пересечении «зеленой линии» не требуется заполнение таможенных деклараций, никакие ограничения на внос и вынос иностранной валюты не установлены, а обмен иностранных валют на местную и обратно доступен любому человеку, независимо от его национальности или суммы, которую он намерен обменять.

Так, чистые факторные доходы из заграницы в 2003 году выросли на 123,5 %, в 2004 году — на 88,5 %, в 2005 году — на 7,4 %. В эти же годы реальный рост добавочной стоимости в строительстве составил соответственно 30,8 %, 5,3 % и 18,9 %, в секторе бизнеса и индивидуальных услуг — соответственно 26 %, 19,1 % и 17,5 %.

Разработанный генеральным секретарем ООН Кофи Ананом план объединения острова стал причиной для строительного бума. Как писала тогда одна из газет, «зеленый остров “Турецкая Республика Северного Кипра” отдается под бетон». Западное побережье Кирении, которое по «Плану Анана»³ должно было быть передано грекам, превратилось в настоящую строительную площадку. Строительные работы осуществлялись без каких-либо планов, искореняя оливковые деревья и загрязняя подземные источники воды.

Референдум апреля 2004 года был также поворотным моментом в секторе недвижимого имущества для турецких и британских инвесторов. Британские покупатели недвижимости стали покупать виллы на Северном Кипре за 150 000–200 000 фунтов, тогда как на юге такая покупка им удалась бы за 350 000–400 000 фунтов.

Одной из основных причин почти утроенного ВВП на душу населения всего за три года был беспрецедентный рост импортных пошлин: 36,9 % — в 2003 году, 46,8 % — в 2004 году, 29,7 % — в 2005 году, что было связано с растущим импортом.

³ План кипрского урегулирования, предложенный ООН (План Анана) предусматривал создание на острове двухобщинного и двухзонального государства вместо единой Республики Кипр. Согласно «Плану Анана» 26 апреля 2004 года на острове был проведен референдум под эгидой ООН. Если большинство турков-киприотов проголосовали «за» на референдуме, то 75 % греков-киприотов проголосовали «против» объединения по данному плану, так как, по мнению греков, это означало фактическое признание турецкой оккупации северной части острова путем всех предыдущих резолюций Совета Безопасности ООН по Кипру. По этому плану Турция получала право сохранения своего военного контингента на острове. Более того — предусматривалось юридическое узаконивание договоров, заключённых ранее Турецкой Республикой Северного Кипра и Турцией, которые, в частности, давали турецким войскам право использовать все кипрские гавани, производить передвижения по всему острову и выполнять полёты турецких ВВС над всей территорией Кипра. Турецкая сторона получала бы право вето в объединённом правительстве Кипра. При этом все госструктуры объединённого Кипра на 95 % должны были финансироваться греческой стороной. Ограничивались права греков на операции с собственностью в северной части острова до тех пор, пока уровень жизни двух общин не выравняется.

Если в 2002 году сумма импортных пошлин составила \$ 75,3 млн, то в 2003 году — \$ 115 млн, в 2004 году — 183,8 млн, в 2005 году — \$ 250,5 млн (см. таблицу 1). Высокие темпы роста импорта, в свою очередь, были связаны с бурным развитием торговли (в частности, также между двумя частями острова), туризма и строительства. Потребление товаров увеличилось также благодаря доходам, полученным от продажи англичанам и туркам земельных участков, которые турки-киприоты приобрели на севере в обмен на их собственность на юге после военного вмешательства в 1974 году. Такие сделки раньше были более редкими явлениями, так как возможные сделки по приобретению недвижимости в турецкой части острова могли быть оспорены в международных судах греками, у которых эти земли были незаконно конфискованы в ходе турецкого вторжения 1974 года.

По прогнозным данным 2006 года, темп экономического развития Северного Кипра значительно снизился. Темпы роста ВВП упали за счет снижения практически всех ее составляющих, кроме строительства и добывающей промышленности, которые выросли соответственно на 35,2 % и 21,1 % (аналогичные показатели 2005 года составили 18,8 % и 11 %). В секторах сельского хозяйства, ресторанных и гостиничных услуг наблюдался отрицательный рост (соответственно 0,1 % и 13,8 %). Начиная с 23 апреля 2003 года уменьшились ограничения на продвижение через буферную зону. Греки-киприоты, покупая товары и услуги на Северном Кипре, стимулировали развитие экономики ТРСК. Однако этот начальный приток средств сузился, так как в дальнейшем поездки греков-киприотов в северную часть Кипра сократились, следовательно, уменьшились и расходы на покупку товаров и услуг. В своих поездках на Северный Кипр греки-киприоты натолкнулись на все элементы административного государства: полицию, таможню, государственных чиновников, судебную систему и др. Кроме этого появились проблемы в общении с фермерами, промышленными рабочими, государственными служащими, предпринимателями, многие из которых были поселенцы из Турции. Были проблемы также с туристами из Турции. В свою очередь, по данным некоторых наблюдателей, более 50% греков-киприотов отказывались показывать удостоверение личности или паспорт, чтобы пересечь буферную линию. Кроме того, большая доля тех, кто первоначально посетил Северный Кипр несколько раз, затем не проявили желания на повторное посещение. Поездки турков-киприотов на юг острова продолжают, что способствует росту экономики Республики Кипра. Хотя

Таблица 1. Реальный рост добавочной стоимости по секторам (%)

Секторы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Сельское хозяйство	-13,2	16,1	18,9	7,3	8,5	2,8	-0,1
1.1. Растениеводство	-22,0	31,5	30,5	4,1	9,4	-6,0	-3,5
1.2. Животноводство	-6,5	15,9	4,7	13,0	6,0	12,4	5,0
1.3. Лесное хозяйство	7,3	-70,4	23,6	-16,6	99,2	19,2	-2,3
1.4. Рыболовство	6,9	-11,6	7,3	13,3	-5,5	29,8	-3,9
2. Промышленность	4,0	-6,5	5,0	7,7	10,6	6,4	5,9
2.1. Добывающая промышленность	11,8	-13,5	7,4	24,6	8,6	11,0	21,1
2.2. Перерабатывающая промышленность	3,6	-6,9	5,7	7,3	10,2	5,1	5,1
2.3. Электричество / вода	4,5	-3,1	1,2	7,2	13,3	11,7	6,4
3. Строительство	18,7	-20,4	15,9	30,8	5,3	18,9	35,2
4. Торговля / туризм	-5,4	-15,5	13,9	12,5	25,5	20,8	2,3
4.1. Оптовая и розничная торговля	-7,4	-16,4	12,0	14,6	27,1	24,9	5,5
4.2. Рестораны и гостиницы	3,7	-11,7	21,0	5,0	18,9	3,3	-13,8
5. Транспорт-коммуникации	6,7	-0,5	3,7	4,2	8,8	14,2	4,8
6. Финансовые институты	-6,8	-18,0	-10,1	6,7	-0,3	4,2	2,9
7. Жилищная собственность	2,2	3,1	2,0	2,4	2,4	3,4	4,4
8. Бизнес и индивидуальные услуги	-10,7	14,3	0,9	5,7	26,0	19,1	17,5
9. Государственные услуги	3,1	-1,5	-0,5	4,1	5,2	6,8	6,3
10. Импортные пошлины	3,4	-19,6	6,7	36,9	46,8	29,7	0,2
11. ВВП	...	-5,4	6,2	10,6	14,2	13,8	7,8
12. Чистые факторные доходы из заграницы	-74,4	-48,2	594,1	123,5	88,5	7,4	5,1
ВВП	-0,6	-5,4	6,9	11,4	15,4	13,5	7,8

1. Прогнозируемые показатели.

Источник: Государственная организация планирования

и в этом случае появились проблемы. Число турков-киприотов, посещающих греческую часть для работы, постепенно уменьшилось из-за угроз, которые они получали от националистически настроенных греков.

Социально-экономические показатели

Инфляция. В течение периода 1977–2001 гг. макроэкономическая среда в ТРСК постоянно находилась под давлением очень высоких показателей инфляции — в среднем 66 % в год, что было естественным результатом применения турецкой лиры в качестве официальной валюты Северного Кипра. За все эти годы традиционно нестабильная турецкая лира имела отрицательное воздействие на общее макрофинансовое положение в ТРСК. Во время валютно-финансового кризиса в Турции 1994 года инфляция в ТРСК достигла 215-процентной отметки.

С 2002 года в Турции, при поддержке МВФ проводится политика финансовой стабилизации, а с 2005 года в обращение введена новая турецкая лира. В течение периода 2002–2005 гг. среднегодовая инфляция в Турции не превысила 10 %. Вследствие этого и в ТРСК наблюдаются сравнительно умеренные показатели инфляции: 24,5 % — в 2002 г., 12,6 % — в 2003 году, 11,6 % — в 2004 году и 2,7 % — в 2005 году. Но вместе с тем следует отметить также, что высокие нормы инфляции в ТРСК за прошедшие тридцать лет отчасти были обусловлены внутренними причинами — очень большими государственными расходами.

Из-за высоких норм инфляции процентные ставки кредитования в республике, в отличие от греческой части острова, всегда были очень большие (иногда они колебались между 130–160 %), что создавало дополнительные макроэкономические проблемы для экономики ТРСК.

Бюджетный дефицит. В течение периода 1977–1990 гг. дефицит бюджета ТРСК колебался в пределах \$ 15–30 млн, в 1991–1998 гг. — в пределах \$ 50–90 млн. Начиная с 1999 года дефицит бюджета превышает уровень \$ 100 млн. В 2002 году бюджетный дефицит достиг \$ 225,1 млн, что составил 23,9 % от ВВП. В 2005 году дефицит бюджета составил \$ 185,3 млн (8 % от ВВП). Следует отметить, что в отмеченных показателях не учтена иностранная помощь, которая, кстати, очень большая.

Банковские депозиты и валютные резервы. В 1977 году банковские депозиты Северного Кипра составили \$ 93,4 млн. До 1986 года депозиты не превышали уровень \$ 100 млн. Они колеба-

лись в основном в пределах \$ 50–80 млн. Далее депозиты стали расти более быстрыми темпами, особенно начиная с конца 90-х годов и по итогам 2005 года составили \$ 2 704 млн. Некоторые эксперты считают, что это связано с целью вступления Турции в ЕС, в процессе которого она стремится к определенной прозрачности экономики. А в этом контексте можно предположить, что нелегальные финансовые потоки будут переведены и сосредоточены в северной части Кипра на территории ТРСК. По итогам 2005 года банковские депозиты, вложенные в турецких лирах, составили \$ 1 349 млн, или 50 % от общего объема банковских депозитов.

Внешняя торговля. В 1977 году объем экспорта из Северного Кипра составил \$ 23,9 млн, а в 2005 году — \$ 68,1 млн (рост в 2,8 раза). В 1977 году объем импорта в Северный Кипр составил \$ 82 млн, а в 2005 году — \$ 1 256 млн (рост в 15,3 раза). В результате опережающих темпов роста импорта внешнеторговый дефицит постепенно стал расти. Если в 1977 году внешнеторговый дефицит составил \$ 58,1 млн, то в 2005 году — уже \$ 1 187 млн (рост более чем в 20 раз). Соответственно, в течение рассматриваемого периода ухудшилось и соотношение экспортно-импортных сделок. Если в 1977 году соотношение экспорт/импорт составило 29,1 %, то в 2005 году — всего 5,4 %.

Число туристов. Число туристов, посетивших Северный Кипр в 1977 году, составило 113 146 человек, тогда как в 2005 году — 652 779 человек (рост 539 663 человек, или, приблизительно, в 5,8 раза). Но при этом следует отметить, что туристы из Турции составляют большинство от общего числа туристов, посетивших Северный Кипр. Так, число туристов из Турции в 2005 году составило 488 023 человека, или 74,7 % от общего числа туристов.

По сравнению с 1977 годом чистые доходы от туризма в 2005 году выросли почти в 11 раз, от \$ 30,2 млн до \$ 328,8 млн.

Занятость. Число занятых в экономике Северного Кипра в 1977 году составило 44 795 человек, в 2005 году — 109 090 (рост в 2,4 раза). Согласно официальной статистике, на Северном Кипре никогда не было острой проблемы безработицы. Число безработных в 1977 году составило 1 337 человек, а в 2005 году — 1 090 человек, то есть по официальным данным в стране почти нет безработных. Если в 1977 году процент безработицы составил 2,9 %, то в 2005 году этот показатель сократился до 0,99 %. Однако анализ трудовых ресурсов Северного Кипра показывает, что в течение этого периода размещение свободной рабочей силы обеспечивали в основном секторы услуг, что дает основание го-

Таблица 2. Занятость согласно добавочной стоимости

Секторы	1977	%	2000	%	2001	%	2002	%	2003	%	2004	%	2005	%	2006 ³	%
1. Сельское хозяйство	18 817	42,0	15 236	17,1	14 931	16,5	14 632	15,7	14 339	14,5	17 738	23,4	13 077	12,0	12 423	11,0
2. Промышленность	4 818	10,8	8 715	9,6	8 715	9,6	8 891	9,5	9 234	9,3	8 207	10,8	9 848	9,0	10 157	9,0
2.1. Добывающая	497	1,1	1 105	1,2	1 105	1,2	1 146	1,2	1 287	1,3	976	1,3	1 417	1,3	1 567	1,4
2.2. Обрабатывающая	3 572	8,0	6 234	7,0	6 234	6,9	6 364	6,8	6 534	6,6	6 000	7,9	6 903	6,3	7 031	6,2
2.3. Электроэнергия / вода	749	1,7	1 376	1,5	1 376	1,5	1 381	1,5	1 413	1,4	1 231	1,6	1 528	1,4	1 559	1,4
3. Строительство	2 360	5,3	14 104	15,8	14 104	15,6	15 786	17,0	19 433	19,7	9 584	12,6	21 160	19,4	23 022	20,3
4. Торговля / туризм ¹	3 077	6,9	9 630	10,8	9 630	10,7	10 520	11,3	11 088	11,2	8 004	10,6	13 474	12,3	13 683	12,3
4.1. Оптовая и розничная торговля	-	-	6 000	6,7	6 000	6,7	6 325	6,8	6 742	6,8	5 182	6,9	8 420	7,7	8 629	7,6
4.2. Гостиницы и рестораны	-	-	3 630	4,1	3 630	4,0	4 195	4,5	4 346	4,4	2 822	3,7	5 054	4,6	5 054	4,5
5. Транспорт и коммуникации	1 838	4,1	8 104	9,1	8 104	9,0	8 310	8,9	8 550	8,7	6 228	8,2	9 952	9,1	10 280	9,1
6. Финансовые институты	809	1,8	2 397	2,7	2 397	2,7	2 397	2,6	2 509	2,5	2 194	2,9	2 583	2,4	2 635	2,3
7. Бизнес и индивидуальные услуги ²	-	-	13 057	14,6	14 401	15,9	14 494	15,6	15 089	15,3	7 266	9,6	18 735	17,2	20 019	17,7
8. Государственные услуги	13 076	2,9	18 084	20,2	18 084	20,0	18 084	19,4	18 618	18,8	16 589	21,9	20 261	18,6	21 180	18,7
Полная занятость	44 795	100,0	89 327	100,0	90 366	100,0	93 114	100,0	98 860	100,0	75 810	100,0	109 090	100,0	113 399	100,0

1 Торговля и туризм рассматривались в качестве отдельных секторов после 1982 года.

2 До 1983 года бизнес и индивидуальные услуги были включены в государственные услуги.

3 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная организация планирования.

ворить о существующей в стране замаскированной безработице. Следовательно, неэффективное использование трудовых ресурсов и низкая производительность труда является одной из основных проблем турко-киприотской экономики. Поэтому политика занятости в ТРСК направлена не только на достижение полной занятости, но и на систематическое поощрение схем обучения и переквалификации рабочей силы.

По предварительным данным 2006 года, в секторах услуг (кроме строительства) было занято 67 797 человек, или 60 % от общего занятого населения.

Структура занятости населения ТРСК, согласно добавочной стоимости и по обзору домашних хозяйств, приведена в таблицах 2 и 3.

Таблица 3.

Занятость (согласно обзору домашних хозяйств (октябрь 2004)

Секторы	Занятость	%
1. Сельское хозяйство, лесоводство, охотничество, рыболовство	6 933	9,3
2. Добывающая промышленность	92	0,1
3. Перерабатывающая промышленность	7 925	10,6
4. Электроэнергия, газ, вода	516	0,7
5. Строительство, общественные работы	6 775	9,1
6. Оптовая и розничная торговля	11 900	16,0
7. Рестораны, гостиницы	4 060	5,5
8. Транспорт и коммуникации	4 497	6,0
9. Финансовые институты	2 910	3,9
10. Аренда имущества	3 001	4,0
11. Государственная служба	11 624	15,6
12. Образовательные услуги	7 574	10,2
13. Медицинское обслуживание	2 229	3,0
14. Другие социальные услуги	4 476	6,0
Всего	74 511	100,0

Источник: Государственная организация планирования

Потребление энергии. В 2005 году чистое потребление электроэнергии по сравнению с 1977 годом выросло в 5,2 раза (от 154,6 млн КВН в 1977 году до 797,9 млн КВН в 2005 году), а чистое потребление электроэнергии на душу населения за этот период выросло в 3,4 раза (от 1066 КВН в 1977 году до 3622 КВН в 2005 году).

В течение периода 1977–2005 гг. потребление нефти на душу населения выросло в 1,9 раза от 406 (Lt) в 1977 году до 1,191 (Lt) в 2005 году.

Число автомобилей и телефонов. В течение периода 1977–2005 гг. число автомобилей на 1000 человек выросло от 87 до 518. Число телефонов на 1000 человек за тот же период выросло от 46 до 455. По состоянию на 1 января 2006 г. на 1000 человек приходилось 1321 сотовых телефона.

Население. Население Северного Кипра составило 265 100 человек (2006, согласно проведенной в 1978 году первой официальной переписи населения). Турки составляют 99 % населения Северного Кипра. Греки, марониты и другие этнические группы вместе составляют всего 1 % населения республики.

Существуют разные оценки числа некиприотских турков, живущих на Северном Кипре. Согласно переписи 1996 года, на Северном Кипре жили 200 000 человек, из которых 164 000 являлись гражданами республики. Приблизительно 32 000 человек (включая 11 000 студентов турецкой национальности), не являющихся гражданами ТРСК, родились в Турции. Кроме того, перепись показала, что 24 000 человек, являющихся гражданами Северного Кипра, также родились в Турции. Предполагается, что большинство из них — это поселенцы, которые прибыли в Кипр после 1974 года. Таким образом, согласно переписи населения 1996 года, 28 процентов населения Северного Кипра составляли турки, родившиеся в Турции.

Однако многие местные жители и внешние наблюдатели считают, что официальная статистика искажена. Хотя перепись включала вопросы о местах рождения ответчиков и их родителей, они считают, что половину населения Северного Кипра составляют анатолийские турки, которые обосновались в Кипре после 1974 года, или иммигранты, находящиеся в стране без юридической регистрации (данные переписи населения не включают многих незарегистрированных иммигрантов-рабочих, потому что многие из них не имеют постоянного адреса жительства).

Следует отметить, что тема поселенцев — очень чувствительная проблема в кипрском конфликте и в настоящее время

является основным предметом спора в греко-турецком конфликте. Этот вопрос был главной причиной провала Плана Анана. Греки-киприоты заявляют, что число поселенцев, постоянно живущих и работающих в северной части, свыше 100 000 человек, тогда как турки-киприоты утверждают, что их число не больше 41 000. Анатолийские поселенцы и их потомки, рожденные в Северном Кипре, в настоящее время представляют важную политическую силу в ТРСК. Они имеют собственных представителей в правительстве, в профсоюзах и в других организациях. В основном именно они являются сторонниками существования двух отдельных государств на Кипре или интеграции Северного Кипра с Турцией.

По данным переписи 30 апреля 2006 года, прирост населения ТРСК за 9 лет и четыре месяца составил 31,7 % (между двумя переписями численность населения увеличилась от 200 587 человек до 265 098 человек). Плотность населения на Северном Кипре составляет 79 человек на квадратный километр. Население всего острова Кипр составляет 1 млн. человек (107,7 человека на квадратный километр).

Согласно данным переписи 135 106 человек являются гражданами республики, около 35 тысяч человек обладают двойным гражданством (одновременно являются гражданами Турции и ТРСК), почти 5 тысяч человек имеют одновременно британское и северо-кипрское гражданство, 8 тысяч человек являются иностранными гражданами, постоянно проживающими в ТРСК, и в общей сложности 70 525 человек имеют исключительно турецкое гражданство.

Согласно последней переписи, распределение населения по административным областям выглядело следующим образом: Лефкоша (Lefkosa) — 85 577, Фамагуста (Gazimagusa) — 64 269, Кирения (Girne) — 62 158, Гюзельюрт (Guzelyurt) — 31 116, Искекле (Iskele) — 21 978.

В таблице 4 приведены основные социально-экономические показатели ТРСК 1977 года и периода 2000–2005 гг.

Отраслевая структура экономики

Структура ВВП

В течение периода 1975–1990 гг. экономика ТРСК главным образом базировалась на сельском хозяйстве, которое обеспечивало значительную часть ВВП и где были заняты 30–40 % трудоспособного населения страны. Начиная с 90-х годов в экономике

Таблица 4. Основные социально-экономические показатели ТРСК

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005
ВВП (в текущих ценах, млрд TL)	3,8	651,380,1	1,0704,24,5	1,418,703,3	1,907,070,9	2,520,806,7	3,143,699,6
ВВП (в ценах 1977 года, млрд TL)	3,8	9,0	8,5	9,1	10,2	11,7	13,3
ВВП (млн \$)	209,4	1,039,9	908,8	941,4	1,283,7	1,765,2	2,327,8
Реальный рост (%)		-0,6	-5,4	6,9	11,4	15,4	13,5
ВВП на душу населения (\$)	1,444	4,978	4,303	4,409	5,949	8,095	10,567
Инфляция (%)		53,2	76,8	24,5	12,6	11,6	2,7
Дефицит бюджета (млн \$) ¹	20,0	136,7	146,1	225,1	176,9	104,2	185,3
Банковские депозиты (млн \$) ²	93,4	802,7	805,4	1,153,5	1,785,9	2,355,8	2,707,4
Валютные резервы (млн \$)	2,4	631,9	722,6	941,6	1,222,6	1,544,6	1,597,6
Экспорт (млн \$)	23,9	50,4	34,6	45,4	50,8	62,0	68,1
Импорт (млн \$)	82,0	424,9	272,0	309,6	477,8	853,1	1,255,5
Торговый баланс (млн \$)	-58,1	-374,5	-237,4	-264,2	-427,0	-791,1	-1,187,4
Экспорт / импорт (%)	29,1	11,9	12,7	14,7	10,6	7,3	5,4
Число туристов	113,146	432,953	365,097	425,556	469,867	599,012	652,779
Из Турции	108,016	347,712	277,739	316,193	340,083	434,744	488,023
Из других стран	5,130	85,241	87,358	109,363	129,784	164,268	164,756
Чистые доходы от туризма (млн \$)	30,2	198,3	93,7	114,1	178,8	288,3	328,8

Занятые ⁶	44,795	89,327	90,366	93,114	98,860	104,873	109,090
Число безработных ⁶	1,337	1,166	1,500	1,535	1,375	1,814	1,090
Безработица (%) ⁶	2,90	1,29	1,63	1,62	1,37	1,70	0,99
Чистое потребление электроэнергии (млн KWH) ³	154,6	609,5	592,9	601,7	616,0	705,7	797,9
Потребление электроэнергии на душу населения (KWH)	1,066	2,918	2,807	2,818	2,854	3,236	3,622
Потребление нефти на душу населения (Lt) ⁴	406	780	730	746	817	971	1,191
Число автомобилей на 1000 человек ⁵	87	402	407	415	432	475	518
Число телефонов на 1000 человек	46	416	408	411	421	445	455
Сотовые телефоны на 1 000 человек		684	678	691	831	1,009	1,321
Население	145,000	208,886	211,191	213,491	215,790	218,066	220,289
Плотность населения	44,7	64,4	65,1	65,9	66,6	67,3	68,0

1 Без иностранной помощи.

2 Включая турецкую лиру и иностранные валютные депозиты.

3 За исключением потребления в пределах электростанции и потерь в электросети.

4 Бензин, дизельное топливо.

5 Число салонов.

6 Занятость согласно добавочной стоимости и зарегистрированного среднего числа безработных. Согласно обзору трудовых ресурсов, проведенного впервые в октябре 2004 года, занятое население составило 74,511, безработные — 7,709, и процент безработицы — 9,4 %.

Источник: Государственная организация планирования.

ТРСК произошли определенные структурные преобразования — расширились доли промышленности, строительства и секторов услуг. Хотя экономика ТРСК постепенно модернизировалась и стала более современной в структурном отношении, она продолжает сильно зависеть от нескольких секторов.

Доля сельского хозяйства в пределах валового внутреннего продукта понизилась от 16,4 % в 1977 году до 8,4 % в 2006 году (прогнозный показатель) по постоянным ценам 1977 года. Добавочная стоимость, созданная в сельском хозяйстве, в течение периода 1977–2006 гг. выросла в 1,9 раза по постоянным ценам 1977 года (см. таблицу 5). При этом рост в растениеводстве составил всего 131,5 %. Рост сельского хозяйства практически был обеспечен за счет животноводства, где добавочная стоимость, созданная в 2006 году, превысила показатель 1977 года в 3,5 раза. Если в 1977 году в добавочной стоимости сельского хозяйства доля растениеводства составила 73,1 %, доля животноводства — 22,6 %, доля лесного хозяйства и рыболовства вместе — 4,3 %, то в 2006 году данные показатели составили соответственно — 51 %, 41 % и 8 %. В целом доля лесного хозяйства и рыболовства в ВВП составляет 0,7 % (см. таблицу 7). В течение того же периода доля сельского хозяйства в общей численности занятого населения ТРСК уменьшилась от 42 % до 11 %, хотя число сельскохозяйственных работников сократилось всего на 51 % — от 18 817 до 12 423 человек.

За рассматриваемый период параллельно увеличилась доля секторов услуг — от 67,9 % в 1977 году до 71,6 % в 2006 году по постоянным ценам 1977 года. В частности, доля строительства выросла от 4,1 % до 12,2 %, транспорта и коммуникаций — от 6,8 % до 11,1 %, индивидуальных услуг — от 3,4 % до 10,7 %. В течение того же периода доля государственных услуг в ВВП снизилась от 19,9 % до 12,9 %, а доля торговли и туризма — от 21,2 % до 17,6 %. Несмотря на некоторое снижение доли этих секторов, они остаются стержнем турко-киприотской экономики, обеспечивая 30,5 % ВВП турко-киприотской экономики, по прогнозным данным 2006 года. В рассматриваемый период доля финансовых институтов в ВВП колебалась вокруг 3–4 %.

Что касается промышленности, то в 1977 году этот сектор обеспечивал 9,7 % валового внутреннего продукта Северного Кипра. В 80-х и 90-х годах доля промышленности в ВВП колебалась между 11–14 %. В 1989 году доля промышленности в ВВП составила 14 % и впервые превзошла долю сельского хозяйства (10,9 %). По прогнозным данным 2006 года, этот показатель со-

Таблица 5. ВВП по видам экономической деятельности (по постоянным ценам 1977 года УТЛ)

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Сельское хозяйство	619,3	713,5	828,4	985,3	1,057,5	1,147,2	1,179,5	1,177,9
1.1. Растениеводство	453,8	336,5	442,4	577,5	601,0	657,4	618,1	596,6
1.2. Животноводство	140,3	283,2	328,3	343,8	388,7	412,0	463,2	486,4
1.3. Лесное хозяйство	4,2	42,9	12,7	15,7	13,1	26,1	31,1	30,4
1.4. Рыболовство	21,0	50,9	45,0	48,3	54,7	51,7	67,1	64,5
2. Промышленность	365,1	1,096,0	1,025,0	1,075,9	1,159,0	1,282,4	1,364,7	1,444,7
2.1. Добывающая	8,9	31,2	27,0	29,0	36,1	39,2	43,5	52,7
2.2. Перерабатывающая	317,2	884,0	822,8	869,6	932,9	1,028,0	1,080,9	1,136,3
2.3. Электроэнергия / вода	39,0	180,8	175,2	177,3	190,0	215,2	240,3	255,7
3. Строительство	153,0	841,4	669,6	776,0	1,015,0	1,068,9	1,271,0	1,718,1
4. Торговля / туризм	801,0	1,474,6	1,246,4	1,420,0	1,597,9	2,004,8	2,420,9	2,476,3
4.1. Оптовая и розничная торговля	701,3	1,186,4	991,8	1,110,5	1,272,9	1,618,5	2,021,9	2,132,4
4.2. Рестораны и гостиницы	99,7	288,2	254,6	309,5	325,0	386,3	399,0	343,9
5. Транспорт / коммуникации	257,4	1,113,6	1,108,2	1,149,4	1,197,9	1,303,3	1,478,8	1,558,5
6. Финансовые институты	115,4	529,6	434,3	390,3	416,3	414,9	432,4	445,0
7. Жилищная собственность	355,3	461,7	475,8	485,1	496,8	508,9	526,0	549,4
8. Бизнес и индивидуальные услуги	128,1	700,0	800,1	807,0	853,3	1,074,9	1,280,0	1,504,1
9. Общественные услуги	752,7	1,483,3	1,461,7	1,454,3	1,514,6	1,592,8	1,700,8	1,807,8
10. Импортные пошлины	228,2	604,5	486,2	519,0	710,5	1,043,2	1,353,1	1,355,6
11. ВВП	3,775,5	9,018,2	8,535,7	9,062,3	10,018,8	11,441,3	13,016,2	14,037,5
12. Чист. факторн. дох. из заграницы	35,0	19,7	10,2	70,8	158,3	298,3	310,8	326,5
13. ВВП	3,810,5	9,037,9	8,545,9	9,133,1	10,177,1	11,739,6	13,327,0	14,364,0

¹ Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 6. ВВП по видам экономической деятельности¹

Секторы	1977		2000		2001	
	млн \$	% ВВП	млн \$	% ВВП	млн \$	% ВВП
1. Сельское хозяйство	34,0	16,4	71,4	6,9	66,7	7,3
1.1. Растениеводство	24,9	12,0	37,7	3,6	34,8	3,8
1.2. Животноводство	7,7	3,7	28,7	2,8	28,8	3,2
1.3. Лесное хозяйство	0,2	0,1	0,8	0,08	0,2	0,02
1.4. Рыболовство	1,2	0,6	4,2	0,4	2,9	0,3
2. Промышленность	20,0	9,6	109,2	10,5	103,3	11,4
2.1. Добывающая	0,5	0,2	6,2	0,6	5,0	0,6
2.2. Перерабатывающая	17,4	8,4	58,8	5,6	48,6	5,3
2.3. Электроэнергия / вода	2,1	1,0	44,2	4,3	49,7	5,5
3. Строительство	8,4	4,1	46,2	4,5	33,0	3,6
4. Торговля / туризм	44,0	21,2	167,1	16,1	140,2	15,4
4.1. Оптовая и розничная торговля	38,5	18,5	103,8	10,0	92,6	10,2
4.2. Рестораны и гостиницы	5,5	2,7	63,3	6,1	47,6	5,2
5. Транспорт / коммуникации	14,1	6,8	135,1	13,0	113,3	12,5
6. Финансовые институты	6,3	3,0	66,4	6,4	78,7	8,7
7. Жилищная собственность	19,5	9,4	25,2	2,4	24,2	2,7
8. Бизнес и индивидуальные услуги	7,0	3,4	83,2	8,0	113,8	12,5
9. Государственные услуги	41,4	20,0	249,0	24,0	169,1	18,6
10. Импортные пошлины	12,5	6,0	84,7	8,2	65,2	7,2
11. ВВП	207,4	100,0	1037,6	100,0	907,7	100
12. Чистые факторные доходы из заграницы	1,9		2,3		1,1	
13. ВВП	209,3		1039,9		908,8	

¹ Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

² Прогнозируемые данные.

2002		2003		2004		2005		2006 ²	
млн \$	% ВВП	млн. \$	% ВВП	млн \$	% ВВП	млн \$	% ВВП	млн \$	% ВВП
83,4	8,9	118,7	9,4	156,1	9,1	158,6	7,0	166,5	6,5
50,0	5,4	73,8	5,8	94,8	5,5	84,8	3,7	86,2	3,4
29,0	3,1	41,1	3,3	53,0	3,1	63,1	2,8	67,7	2,6
0,3	0,03	0,2	0,01	0,6	0,03	0,7	0,03	0,7	0,02
4,1	0,4	3,6	0,3	7,7	0,5	10,0	0,4	11,9	0,5
104,6	11,2	128,9	10,2	161,8	9,4	208,1	9,2	247,9	9,6
5,2	0,6	7,5	0,6	9,2	0,6	13,0	0,6	16,4	0,6
49,2	5,3	65,4	5,2	83,1	4,8	108,2	4,8	118,9	4,6
50,1	5,3	56,0	4,4	69,5	4,0	86,9	3,8	112,6	4,4
41,1	4,4	62,8	5,0	74,8	4,3	122,1	5,4	186,9	7,3
143,0	15,3	202,5	16,0	273,9	15,9	400,9	17,6	400,3	15,6
89,2	9,5	121,5	9,6	185,0	10,7	274,5	12,1	290,0	11,3
53,8	5,8	81,0	6,4	88,9	5,2	126,4	5,5	110,3	4,3
122,9	13,2	148,8	11,8	180,4	10,5	243,4	10,7	277,4	10,8
59,7	6,4	77,6	6,1	131,1	7,6	144,8	6,4	165,1	6,4
27,5	2,9	34,2	2,7	43,1	2,5	52,0	2,3	66,0	2,6
92,1	9,9	102,8	8,1	157,8	9,2	228,0	10,0	265,9	10,4
184,4	19,7	272,3	21,5	357,4	20,8	465,1	20,5	533,0	20,8
75,3	8,1	115,0	9,1	183,8	10,7	250,5	11,0	256,5	10,0
934,1	100,0	1263,7	100,0	1720,3	100,0	2273,5	100,0	2565,7	100,0
7,3		20,0		44,9		54,3		59,7	
941,4		1283,7		1765,2		2327,8		2625,4	

Таблица 7. Структура ВВП по секторам (по ценам 1977 года, %)

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	20 06 ¹
1. Сельское хозяйство	16,4	7,9	9,7	10,9	10,6	10,0	9,1	8,4
1.1. Растениеводство	12,0	3,7	5,2	6,4	6,0	5,7	4,7	4,3
1.2. Животноводство	3,7	3,1	3,8	3,8	3,9	3,6	3,6	3,5
1.3. Лесное хозяйство	0,1	0,5	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2
1.4. Рыболовство	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
2. Промышленность	9,7	12,2	12,0	11,9	11,6	11,2	10,5	10,3
2.1. Карьерные работы	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4
2.2. Перерабатыв. промышленность	8,4	9,8	9,6	9,6	9,3	9,0	8,3	8,1
2.3. Электричество / вода	1,0	2,0	2,1	2,0	1,9	1,9	1,8	1,8
3. Строительство	4,1	9,3	7,8	8,6	10,1	9,4	9,8	12,2
4. Торговля / туризм	21,2	16,4	14,6	15,7	15,9	17,5	18,6	17,6
4.1. Оптовая и розничная торговля	18,6	13,2	11,6	12,3	12,7	14,1	15,5	15,2
4.2. Рестораны и гостиницы	2,6	3,2	3,0	3,4	3,2	3,4	3,1	2,4
5. Транспорт / коммуникации	6,8	12,3	13,0	12,7	12,0	11,4	11,4	11,1
6. Финансовые институты	3,1	5,9	5,1	4,3	4,2	3,6	3,3	3,2
7. Жилищная собственность	9,4	5,1	5,6	5,3	5,0	4,5	4,0	3,9
8. Бизнес и индивидуальные услуги	3,4	7,8	9,4	8,9	8,5	9,4	9,8	10,7
9. Государственные услуги	19,9	16,4	17,1	16,0	15,1	13,9	13,1	12,9
10. Импортные пошлины	6,0	6,7	5,7	5,7	7,1	9,1	10,4	9,7
ВВП	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Прогнозируемые показатели.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 8. Число предприятий и занятых в промышленности (1997–2002)

	1997		1998		1999		2000		2001		2002	
	Пр.	Зан.	Пр.	Зан.	Пр.	Зан.	Пр.	Зан.	Пр.	Зан.	Пр.	Зан.
1. Пищевые продукты, напитки и табак	185	2 150	197	2 977	264	2 964	275	2 842	266	2 850	266	2 867
2. Текстиль, одежда и изделия из кожи	120	3 792	56	2 135	60	2 467	56	1 950	55	1 963	56	1 967
3. Лесоматериалы и мебель	70	530	62	445	87	483	192	893	189	858	187	849
4. Бумага и изделия из нее	30	420	39	485	68	436	69	390	61	458	63	479
5. Нефтехимия и пластмассы	43	537	40	516	46	588	60	756	56	655	57	662
6. Неметаллические минеральные продукты	56	825	51	1 028	88	1 014	97	1 082	96	1 199	98	1 214
7. Производство металлов	43	413	22	218	85	242	147	939	143	900	143	805
8. Электрические машины и приборы	8	88	6	57	9	64	9	70	9	72	9	72
9. Другие промышленные продукты	57	530	26	349	33	313	39	336	40	342	40	324
Всего	612	9 285	499	8 210	740	8 571	944	9 258	915	9 297	919	9 239

Источник: Государственная организация планирования.

ставляет 10,3 %, то есть в долевом отношении наблюдается незначительный рост по сравнению с 1977 годом. Добавочная стоимость, созданная в промышленности в 2006 году, по сравнению с аналогичным показателем 1977 года выросла почти в четыре раза. Этот рост был обеспечен в основном за счет увеличения продукции перерабатывающей промышленности и в некоторой мере энергетики. Доля добывающей промышленности в ВВП в течение периода 1977–2006 гг. колебалась в пределах 0,2–0,4 %. Доля производства и поставок электроэнергии и воды в ВВП составляет около 2 %. В перерабатывающем секторе создается приблизительно 80 % добавочной стоимости всей промышленности.

Промышленность

Из-за маленьких размеров страны отрасль промышленности в ТРСК представлена малыми и средними предприятиями в сферах производства пищевых продуктов, напитков, текстиля, мебели, металлических и неметаллических изделий, а также производства бумаги и пластмассы.

Структура промышленности ТРСК сформировалась в 80-х и в начале 90-х годов. В основном на этот период приходится рост числа промышленных предприятий и особенно занятых в них работников. В течение периода 1974–2002 гг. число промышленных предприятий увеличилось от 230 до 919, а число занятых на этих предприятиях — от 2 148 до 9 239 человек. В течение периода 1997–2002 гг. число занятых на промышленных предприятиях практически не изменилось и составило приблизительно 9 200 человек (см. таблицу 8). В 2006 году число занятых на промышленных предприятиях составило 10 157 человек, или 9 % от общего числа занятого населения страны. В 1977 году в промышленности были заняты 4 818, что составило 10,8 % от общего числа занятого населения страны.

Хотя в течение периода 1977–2006 гг. промышленность показала устойчивую тенденцию роста (среднегодовой рост промышленного производства составил 4,1 % по постоянным ценам 1977 года), дальнейший рост отрасли подвержен ограничениям ряда важных факторов, включая трудности на экспортных рынках, неспособность привлечения новых инвестиций и развития новых секторов промышленности, политические ограничения и дешевый импорт из Турции.

В 2005 году экспорт промышленной продукции составил более 60 % от общего объема экспорта, но в денежном выражении он составил всего \$ 41,1 млн. Это означает, что объем экспорта про-

мысленных товаров практически остается на уровне 90-х годов. В 2005 году две трети (\$ 27,8 млн) из общего объема экспорта промышленных товаров пришлось на перерабатывающую промышленность. Подавляющее большинство объема промышленного производства реализуется на внутреннем рынке. Одновременно, ТРСК сильно зависит от импорта промышленных товаров, в особенности — из Турции.

Хотя реальный рост добавочной стоимости в промышленности в течение периода 2003–2006 гг. составил в среднем 7,65 % в год, он меньше, чем среднегодовой рост ВВП за тот же период (11,6 %).

Доля промышленности в капитальных вложениях 2006 года составила 15,6 % (\$ 91,4 млн). Из общего объема капиталовложений в промышленность 50,8 % (\$ 46,4 млн) пришлось на энергетику, 47,9 % (\$ 43,8 млн) — на перерабатывающие секторы, 1,3 % (\$ 1,2 млн) — на добывающие секторы.

По прогнозным данным 2006 года, в секторах промышленности было создано \$ 247,9 млн добавочной стоимости против \$ 20 млн в 1977 году (рост в 12,4 раза), в том числе в перерабатывающей промышленности — \$ 118,9 млн (против \$ 17,4 млн), в добывающей промышленности — \$ 16,4 млн (против \$ 0,5 млн), в энергетике — \$ 112,6 млн (против \$ 2,1 млн). Однако, по постоянным ценам 1977 года в секторах промышленности увеличение составило приблизительно 4 раза (от 365,1 млн. TL в 1977 году до 1 444,7 млн YTL в 2006 году), в том числе в перерабатывающем секторе — в 3,6 раза (от 317,2 млн TL в 1977 году до 1 136,3 млн YTL в 2006 году), в добывающей промышленности — в 5,9 раза (от 8,9 млн TL в 1977 году до 52,7 млн YTL в 2006 году), в энергетике — в 6,6 раза (от 39 млн TL в 1977 году до 255,7 млн YTL в 2006 году).

Перерабатывающая промышленность в ТРСК представлена в основном малыми и средними предприятиями в сферах пищевой (включая напитки) промышленности, изготовления мебели, металлургии, легкой промышленности (производство ткани и готовой одежды). В пределах промышленности в 2006 году 6,2 % экономически активного населения было занято в перерабатывающем секторе. Доля данного сектора в валовом внутреннем продукте в 2006 году составила 8,1 % против 8,4 % в 1977 году.

Приблизительно 90 % минеральных депозитов Кипра находятся в греческой части острова. Полезные ископаемые, которые может экспортировать ТРСК, включают медную руду, железные пириты, хромовую железную руду, марганцевую руду, гипс

и известь. Добывающий сектор ТРСК сконцентрирован вокруг Лефки. Доля добывающей промышленности в ВВП Северного Кипра в течение периода 1977–2006 гг. колебалась в пределах 0,3–0,4 %. По итогам 2005 года объем экспорта минералов из Северного Кипра составил \$ 2,4 млн.

Энергетический сектор

Республика Кипр полностью зависит от импорта традиционных энергоресурсов. Энергетический сектор Республики Кипр на 91 % зависит от импорта нефтепродуктов, на 4,5 % — от импорта угля и на 4,5 % — от солнечной энергии. Импортируемая нефть перерабатывается на местном НПЗ, однако Кипр импортирует и нефтепродукты. В среднем структура импорта следующая: сырая нефть — 45 %, нефтепродукты — 55 %. В стране есть небольшое количество угля, которое используется в небольшом производстве цемента. Кипр имеет определенный потенциал солнечных и биоэнергоресурсов и сравнительно умеренный потенциал ветряной энергии. Приблизительно 90 % жилого фонда и 50 % гостиниц Кипра оборудованы солнечными водными нагревателями. Кипр — первый пользователь солнечного оборудования для получения горячей воды в жилых домах.

По некоторым, неофициально подтвержденным данным от юга Кипра, в области между островом и Египтом существуют офшорные месторождения нефти и газа. 17 февраля 2003 года Республика Кипр подписала соглашение с Египтом для использования морского дна, находящегося между двумя странами. Согласно данному соглашению Республика Кипр получила права на использование более чем 32 000 квадратных километров моря.

Электроэнергия в Республике Кипр производится исключительно на трех электростанциях, работающих на мазуте: «Dheklia» с мощностью 360 МВт, «Moni» с мощностью 330 МВт и новая электростанция «Vassikili» с мощностью 2×130 МВт, работающая на газе, плюс газовый турбин с дизельным топливом с мощностью 38 MW. Общая мощность в настоящее время около 1000 (планируется, что в 2010 году общая мощность генерирующих единиц составит 1 320 МВт). Цены на электроэнергию высоки: 130 Euro/MWh для домашних хозяйств и 90 Euro/MWh для промышленности. Недавно были приняты налоговые и другие меры для стимулирования возобновляемой энергетики, а также меры для уменьшения загрязнения атмосферы со стороны работающих на мазуте электростанций. Использование первичной энергии

на душу населения составляет 90 % от среднего уровня ЕС-25, однако энергоинтенсивность на 30 % выше среднего уровня ЕС-25. Потребление электроэнергии на душу населения составляет 75 % от среднего показателя ЕС-25. Энергоинтенсивность увеличилась за прошедшие 15 лет из-за большого роста использования электроэнергии в жилищном и третичном секторах. За последние пятьдесят лет рост потребления электроэнергии опережал рост ВВП. Ожидается, что нынешние тенденции роста потребления электроэнергии сохранятся и в следующие десять лет. Есть существенный потенциал для более рационального использования энергии в жилых домах и в секторе транспорта. Поскольку в 2004 году Республика Кипр стала полноправным членом Европейского Союза (ЕС), она обязалась следовать правилам Белой Книги ЕС и развивать возобновляемые источники энергии (RES), как часть системы производства энергии. Для Республики Кипр доступны три формы RES — солнечная, ветровая и биомасса.

Как и греческая часть Кипра, Северный Кипр полностью зависит от импорта нефти (Северный Кипр полностью зависит также от импорта нефтепродуктов, так как в стране нет нефтеперерабатывающих заводов). Но если Республика Кипр имеет необходимые средства для инвестирования в энергетические проекты, а также может с этой целью привлекать иностранный капитал, то возможности ТРСК в этом вопросе весьма ограничены и практически полностью зависят от турецкой помощи и инвестиций.

С 1975 года до 1994 года от 80 % до 90 % потребляемой электроэнергии в ТРСК поставлялось из электростанций греческой части Кипра в обмен на воду из турецкой части. Остальные 10–20 % электроэнергии производилось в старых газовых турбинах, некоторые из которых были установлены еще во времена британского колониального правления. В конце 1980-х годов Республика Кипр вложила большие средства в водные проекты и больше не нуждалась в поставках воды от ТРСК, значит, и могла использовать энергетический рычаг для давления на Северный Кипр. В поставках электроэнергии в турецкую часть Кипра начались перебои. Были времена, когда поставки электроэнергии прерывались даже ежедневно. Для преодоления энергетического кризиса в ТРСК было решено с финансовой помощью Турции построить работающую на мазуте электростанцию с мощностью 120 Мвт около Кирении.

В июне 1995 года было завершено строительство первого блока (мощностью 60 Мвт) электростанции Текнесик, что смягчило напряженность на рынке электроэнергии. Поставки элек-

троэнергии из греческой части Кипра постепенно сокращались. Ситуация стала более благоприятной, когда спустя год стал эксплуатационным второй блок электростанции (мощностью 60 Мвт). Таким образом, начиная с июня 1996 года до настоящего времени электростанция «Текнесік» (общей мощностью 120 Мвт) ежегодно поставляет на электроэнергетический рынок Северного Кипра до 750 млн кВт электроэнергии. Организация собственного производства электроэнергии обеспечила энергетическую независимость турков-киприотов от греков-киприотов.

В последние годы из-за растущего требования на электричество стало ясно, что существующие мощности генерации недостаточны для удовлетворения внутреннего потребления электроэнергии. С целью решения этой проблемы был заключен контракт с частной турецкой компанией «Akса Enerji Uretim A. S.». Согласно контракту, Akса обязуется за predetermined тариф поставить в электросетевую сеть ТРСК Kib-Tek определенное количество электроэнергии. Для этого в Kalecik Akса построила электростанцию мощностью $2 \times 17,5$ МВт, которая начала поставлять электроэнергию в сеть Kib-Tek с сентября 2003 года.

В прошедших годах потребление и производство электроэнергии в ТРСК устойчиво увеличились (в среднем на 10 % в год), за исключением кризисного 2001 года. Но, несмотря на рост производства электроэнергии и модернизацию системы электропередачи и распределения, ее нехватка и качество передачи остается часто наблюдаемым явлением и серьезной экономической и социальной проблемой. Иногда прекращение поставок электроэнергии бывает достаточно длительными. В этой сфере нет также эффективного управления и контроля. Здесь ситуация в настоящее время очень тонка и уязвима, так как риск дополнительных длительных прерываний поставок электроэнергии очень высок.

Сеть электропередачи ТРСК включает 66 kV высоковольтные и 11 kV средневольтные линии. Программа сотрудничества с Турцией сосредоточена на реконструкции транспортной сети, а также на повышении ее вместимости и надежности. Планы развития сервисных компаний Kib-Tek основаны на стандартизации систем распределения (подстанции и линии передачи), чтобы модернизировать их от 66 kV до 132 kV и, таким образом, повысить взаимосвязанность систем электропередачи двух частей острова.

Распределительная сеть электроэнергии ТРСК в настоящий момент обслуживает фактически 100 % населения, с исключением области Dіrkarğaz (которая является экологически защищенной

областью), находящейся в самом конце северо-восточной части острова. По официальным данным, потери энергии в системе Kib-Tek достигают до 14 %. Однако ряд экспертов считают, что реальные потери не могут быть оценены с точностью из-за следующих причин: во-первых, потому что система измерения в конечных пользователях является несовершенной, и поэтому трудно определить точное количество энергии, которая достигает конечных пользователей, и во-вторых, потому что у некоторых потребителей просто нет счетчиков.

Для обеспечения ТРСК природным газом Турция планирует по дну Средиземного моря построить газопровод, соединяющий газотранспортную систему страны с Северным Кипром. При этом турки надеются также, что греки захотят использовать этот газопровод, что несомненно, повысит роль Турции в урегулировании кипрской проблемы. Однако греки-киприоты, скорее всего, выбрали свой путь решения газовой проблемы. Правительство Республики Кипр предусматривает импортировать СПГ для использования в производстве электроэнергии. Этим Кипр решит также вопросы связанные с экологическими стандартами ЕС. Электростанция, работающая на газе, будет построена в 2008 году вблизи Vassilikos. Существуют также планы импорта газа из Сирии через подводный трубопровод. Предусматривается, что потребление сжиженного природного газа достигнет 0,7 Gm³ в 2009 году и 1,8 Gm³ в 2021 году. Таким образом, большинство электростанций в Республике Кипр в обозримом будущем будут использовать СПГ, а возможное существование месторождений природного газа и нефти на южном и восточном побережье Кипра могут открыть новые перспективы.

Сельское хозяйство

Общая территория ТРСК занимает 2 496 370 гектаров. В конце 2004 года из этой площади пахотные земли заняли 56,7 %, из которых 20 % — орошаемые, лесные массивы — 19,5 %, города, деревни и дороги — 10,68 %, неиспользуемые земли — 4,96 %, непригодные земли — 8,16 %.

В ТРСК существуют три категории земельной собственности: частная, государственная и коммунальная. Основная часть земли является частной. Неограниченная юридическая собственность на частную землю в Кипре была предоставлена только с 1946 года, когда британская администрация подписала новые законы о Земле и о Недвижимом имуществе, которые заменили Земельный кодекс, существующий еще при Османской Импе-

рии. В соответствии с Оттоманским кодексом, вся земля принадлежала государству и тем, кто работал на ней. Земля могла быть передана от отца сыну, но нельзя было избавиться от участка без официального разрешения. В 1946 году британский закон изменил эту традицию, предусматривая, что вся государственная земля, должным образом приобретенная людьми, является их частной собственностью. Коммунальная земля оставалась как прежде, но вся незанятая и свободная земля стала собственностью государства. В результате фактически все леса стали государственной собственностью.

Мусульманский религиозный фонд «Evkaf Idaresi» (обычно известно как «Evkaf») был самым крупным частным собственником земли в ТРСК. Перед событиями 1974 года Эвкаф (Evkaf) владела 1–2 % от общих сельхозугодий острова. Эти авуары принадлежали ему еще со времен Оттоманской империи (образовались главным образом за счет пожертвований членов туркокиприотского община). Большая часть земли, принадлежащей Эвкафу, была расположена в той части острова, которая осталась под контролем Республики Кипр.

Хотя после провозглашения независимости городское население ТРСК увеличилось, более половины населения северного Кипра в настоящее время живет в сельских районах. Сельскохозяйственный сектор был основой экономики ТРСК многие годы после ее образования. Несмотря на то, что ее доля в валовом национальном продукте уменьшалась из года в год, отрасль все еще имеет важное значение с точки зрения вклада в ВВП, занятости населения, экспорта и поставок сырья секторам промышленности. Таким образом, сельское хозяйство все еще остается важной отраслью экономики Северного Кипра.

Вклад сельскохозяйственного сектора в валовом национальном продукте увеличился с 619,3 миллиона ТЛ в 1977 году к 1177,9 млн УТЛ в 2006 году по постоянным ценам 1977 года. Ежегодный средний рост в отрасли в течение 1977–2006 гг. составил 1,9 %. Доля сельского хозяйства в ВВП ТРСК в 2006 году составила 8,4 % против 16,4 % в 1977 году.

Экспорт сельскохозяйственных продуктов в 2005 году составил 36,1 % от общего объема экспорта ТРСК. Аналогичный показатель 1977 года составил 77,4 %, в 1980-х годах — более чем 80 %, в 1990 году — 45,5 %.

В 1977 году в сельском хозяйстве было занято 18 817 человек, что составило 42 % от общего занятого населения Северного Кипра в то время. По предварительным данным 2006 года, в секторе

сельского хозяйства было занято 12 423 человека (11 % от общего числа занятых в экономике).

Сельское хозяйство составляет фактически весь первичный сектор экономики ТРСК. Выращивание зерновых культур обеспечивает приблизительно 70 % от добавочной стоимости, созданной в секторе. Помимо зерновых культур важное значение имеет также выращивание цитрусов, винограда, картофеля и овощей. Остальная часть добавочной стоимости приходится практически на животноводство. Лов рыбы и лесоводство вместе составляют меньше чем 1 % валового национального продукта.

Сельское хозяйство стало все более и более механизированным в течение 1980-х. В конце 2004 года в тракторном парке ТРСК насчитывалось 4500 тракторов против 975 в 1975 году. Модернизация сельского хозяйства привела также к увеличению использования удобрений, инсектицидов и концентрированного корма. Хотя следует отметить, что в некоторых областях страны до сих пор все еще сохраняются традиционные методы ведения сельского хозяйства.

Правительство непосредственно участвовало в модернизации сельскохозяйственного сектора. Государство реализовало инфраструктурные и ирригационные проекты, поощряло консолидацию земли, строило сельские дороги, осуществляло исследовательские и образовательные программы, информировало фермеров о последних достижениях агротехники. Государственное агентство «Tarim Sigortasi» страховало фермерские хозяйства от случаев неурожайности. Наконец, государство обеспечило сельскохозяйственные кредиты и субсидии фермерам, чтобы помочь им улучшить производство и увеличить их доходы.

С целью обеспечения лучших экономических условий для фермеров и сельских жителей, еще в течение периода британского правления на Кипре были учреждены совместные общества. В 80-х годах создание совместных обществ получило бурное развитие в ТРСК. В 1987 году в ТРСК были 257 активных совместных обществ. Большинство деревень и городов имели совместные кредитные союзы, которые обеспечивали для своих членов кредитные услуги. Совместные общества создали даже свой банк.

Несмотря на правительственную поддержку сельского хозяйства, развитию этого сектора угрожает недостаточная поставка воды⁴. Северный Кипр — одна из тех европейских стран,

⁴ Единственный источник, который пополняет водные ресурсы Кипра, — это ливень. Анализы экспертов по ливню, проводимые в 1995 году на юге остро-

которая испытывает трудности из-за ограниченных водных ресурсов. Нехватка воды, наряду с экономическим эмбарго, является одной из основных проблем в развитии сельского хозяйства. Высокие издержки для накопления и распределения воды, а также относительно бедная почва на севере Кипра являются сдерживающими факторами в повышении производительности сельского хозяйства. Чрезвычайно нерегулярный речной поток требует больших емкостей для водохранилищ, а своеобразный ландшафт Кипра требует строительства необычно высоких дамб. Высокие нормы эрозии в водоразделах в свою очередь требуют дополнительных расходов. Высокие издержки при строительстве дамб были основным препятствием при строительстве дамб еще до 1950-х годов — во время правления британской администрации. После провозглашения независимости Кипра в 1960 году, были приняты меры для ускорения строительства дамб и систем распределения воды. В 1980-х годах Республика Кипр начала реализовать широкомасштабные проекты развития водного хозяйства. Реализация водных проектов в греческой части острова имела неблагоприятный эффект для Северного Кипра, так как многие из этих проектов заманили в ловушку водные ресурсы в горах «Troodos», на которую приходится большая часть ливня и снега острова. Следовательно, предотвратился поток воды вниз по течению в сторону ТРСК.

В 1976 году власти Северного Кипра начали реализовывать широкомасштабные восстановление лесных массивов в районе Кирени, в надежде привлечь большое количество ливня в эту область. Для покрытия водного дефицита, в ТРСК также начали строить дамбы и ряд ирригационных сетей. В 1980-х годах с помощью правительства Турции была построена 41 дамба, из которых только 16 — с целью сельскохозяйственной ирригации. Однако в конце 1980-х годов орошаемыми являлись всего 5 процентов пахотной земли Северного Кипра.

ва, показывают, что наблюдается 14 %-ое сокращение ливня, по сравнению с прошлым столетием. Исследования ливня на Кипре показали также, что фактически используется только 20 % ливня, а остающаяся часть возвращается в атмосферу через суммарное испарение. Северный Кипр — полусухая страна с типичным средиземноморским климатом: теплыми и сухими летами и умеренными зимами. Распределение ливня по районам страны значительно различается. Минимальные осадки выпадают в Центральной области Mesaoria (294,7 мм), а максимальные — на северном побережье и в горах Besparmak (456,6 мм). Средняя величина осадков на острове составляет 373,3 мм/год. Снег — редкое явление на верхних холмах гор Besparmak (на Севере) и обычно ежегодное явление (в течение января и февраля) в пиках гор Trodos (на Юге).

Водный дефицит является также главным экологическим вызовом и для сельских, и для городских областей Северного Кипра. В ТРСК (как и на Кипре в целом) всегда существовала проблема водного дефицита, однако она достигла тревожного уровня к 2000-м годам. В прошедшие годы (особенно после 1998 года) власти ТРСК попробовали решить водную проблему путем транспортировки воды суднами из Турции (буксируемыми пластиковыми цистернами переменной емкостью от 10 000 до 30 000 м³).

В 2000 году были построены некоторые заводы опреснения воды, но все эти меры, безусловно, являются только временным решением для преодоления муниципальных водных потребностей. Поэтому недавно было подписано соглашение между турецким государственным Водным департаментом (DSI) и частной компанией Alsim Alarko для строительства водного трубопровода (диаметром 1,6 метра и мощностью 75 млн кубических метров воды в год), соединяющего Турцию с Северным Кипром. Таким образом Турция намерена решить кризисную водную проблему на Северном Кипре. Вода будет взята из реки 'Anamur Dragon. Труба длиной 78 км между рекой (с дамбы Gecitkoу) и Кипром будет проходить через Средиземное море на глубине 250 метров. Планируется, что 15 млн кубометров из общего объема воды будут использованы для водоснабжения городов ТРСК, а остальная часть будет использована для ирригации долины «Meserya». Стоимость проекта оценивается в \$ 250 млн. Глава компании «Alsim Alarko» считает, что такой объем воды превышает внутреннее потребление ТРСК и возможно, что часть его будет отдана греческой стороне. Некоторые турецкие политики и эксперты считают, что таким образом этот проект может способствовать решению кипрской проблемы (конечно, в интересах турко-киприотской общины), так как в воде нуждается также Республика Кипр. Следует отметить, что одним из инструментов внешней политики Турции в регионе является именно водная политика. В настоящее время Турция обеспечивает водой и Израиль.

На неорошаемых землях выращивается пшеница, фураж, табак, маслины, рожковые деревья (семена которых используются главным образом для фуража рогатого скота, ориентированного на экспорт в Великобританию), миндаль, винный виноград. На орошаемых землях выращиваются цитрусы, листовые фрукты (включая яблоки, груши, сливы, абрикосы, гранаты), картофель, овощи, столовый виноград и бананы.

Зерновые культуры занимают одну треть всей обработанной земли. Разнообразная топография и климат Кипра позволяют

выращивать разнообразные зерновые культуры. Производство ячменя превышает внутренние потребности и его излишки экспортируются. Производство пшеницы обеспечивает приблизительно две третьих части внутреннего спроса. Механизация сельского хозяйства значительно улучшила производство зерна. Если в 1975 году производство зерна на Северном Кипре составило 59 913 т, то в 1987 году почти удвоилось и достигло 111 867 т.

Плоды цитрусовых (апельсины, лимоны и грейпфрут), безусловно, являются самыми ценными сельскохозяйственными продуктами. Эти фрукты обычно составляли, по крайней мере, две трети от общего сельскохозяйственного экспорта ТРСК. До конца 1980-х годов они были более важной статьёй экспорта, чем товары промышленного назначения. Плоды цитрусовых выращиваются на орошаемой земле в областях с умеренной зимней погодой (около Фамагусты (Gazimagusa), Morphou (Güzelyurt), Лэфка (Lefke) и Lapithos (Lapta).

Из технических культур в ТРСК выращивается хлопок, лен, гашиш, табак и другие. Табак растет в северо-восточных районах острова.

Из сельскохозяйственных культур известен кипрский картофель. Во второй половине 1980-х годов картофель составлял приблизительно 5 процентов экспорта Северного Кипра. Северокипрский картофель экспортировался в основном в Великобританию. Выращивание картофеля на Северном Кипре получило бурное развитие особенно после 1974 года в результате улучшения ирригационной системы. Из других овощей выращиваются капуста, цветная капуста, морковь, огурцы, лук, земляника, помидоры, артишоки, авокадо, бананы, бамиа. Эти овощи выращиваются не только для внутреннего потребления, но также и для экспорта.

Виноградные лозы больше всего встречаются на полуострове Karpas и в Кирении (Girne). Однако производство винограда страдает от нехватки воды.

Животноводство является важной частью сельского хозяйства. Начиная с середины 1970-х годов число голов животных увеличилось. По сравнению с 1975 годом число рогатого скота увеличилось в 5,5 раза, от 8 600 до 47 970 голов, производство молока — в 5,4 раза, от 20 000 до 107 114 т, производство мяса — в 3,8 раза, от 1 891 до 7 231 т. В течение того же времени число овец повысилось немного, от 147 609 до 194 500 голов. В 2004 году в ТРСК были произведены 353 т шерсти. В 2004 году число козлов составило 51 266, а домашней птицы — 4 105 763. По сравне-

нию с 1975 годом, в 2004 году производство мяса домашней птицы увеличилось в 7,4 раза, от 800 до 5 930 т.

В 1989 году с финансовой помощью Турции в ТРСК была построена большая современная фабрика для производства мяса с ежегодной вместимостью обработки 6 000 т мяса овец, 2 000 т мяса рогатого скота, 1 000 т мяса козлов и 3 000 т мяса домашней птицы. Построенный завод мог также использовать кости, кожу, и другие вещества для пищи и других целей.

В 1980-х годах одной из основных статей экспорта ТРСК был экспорт живых животных в Арабские страны.

Главные лесные массивы в ТРСК находятся в областях Larithos, Bellapais, Buffavento, Kantara и Kartal. Все эти области расположены в Кирении (Girne). Леса, расположенные на северных склонах Кирении, состоят в основном из сосны и средиземноморского кипариса. Леса на южных склонах Кирении и на полуострове «Karpas» состоят главным образом из оливковой ветки и тамариска. В лесах ТРСК растут также кедр и золотой дуб (оба местные), разновидности эвкалипта и акации.

Мусульманский религиозный фонд Эвкаф имеет некоторые лесные авуары, но большинство лесов является государственной собственностью и находится под управлением отдела лесоводства при Министерстве сельского хозяйства и природных ресурсов. Одна из целей отдела — это восстановление лесных массивов бесплодных склонов Горы «Pentadaktylos» в Кирении и других лесных областях, сожженных в течение вооруженного столкновения в 1974 году (примерно сорок восемь квадратных километров).

Лесоводство не имеет большого значения для экономики в целом. Доля этого сектора в ВВП составляет всего 0,2 % (в 1980-х годах — 0,1 %). Существуют программы восстановления лесов.

Рыбная промышленность обеспечивает приблизительно 60 % внутреннего спроса. С точки зрения обеспечения занятости, этот сектор является важным для областей Voghaz (на южном побережье полуострова Karpas) и Кирении. Большинство турко-киприотских рыбаков используют маленькие лодки с рыболовными сетями. Иностранцам судам не разрешается ловить рыбу в пределах шестимильных территориальных вод ТРСК. Ловля рыбы составляет от 0,5 % до 0,6 % валового внутреннего продукта.

Строительство

Если доля строительства в ВВП в 1977 году составила 4,1 %, то начиная с середины 80-х годов она начала расти. Развитию

строительного сектора в ТРСК способствовали несколько факторов: высокое требование к строительству на жилищном рынке (из-за тысяч беженцев, появившихся после событий 1974 года), реализация обширных инфраструктурных проектов и быстро расширяющаяся туристическая индустрия, требующая строительство новых гостиниц, вилл и комплексов развлечений. Программы размещения государственных служащих также поддержали рост строительства. Обычно, при реализации таких программ, наемные работники-строители становились домовладельцами, так как размеры государственного финансирования на единицу жилплощади были более низкими, чем в частном секторе.

В течение 2003–2004 гг. доля строительства в ВВП составила приблизительно 10 %. 2006 год в этом отношении является рекордным — 12,2 %. В 1977 году в строительстве были заняты 2360 человек, что составило 5,3 % от общего занятого населения страны. В 2006 году эти показатели составили соответственно — 23022 человека и 20,3 %.

Транспорт и коммуникации

Сектор транспорта и коммуникаций является важной инфраструктурой для социально-экономического развития ТРСК. Транспортная инфраструктура обеспечивает внешнеэкономические связи ТРСК и играет особую роль в развитии туристического сектора. Доля сектора транспорта и коммуникаций в ВВП достигла 11,1 % в 2006 году против 6,8 % 1977 года. Ежегодный рост в этом секторе за этот период составил в среднем 6,3 % по постоянным ценам 1977 года.

Транспортная и коммуникационная инфраструктура включает шоссе, аэропорты и морские порты, систему связи, почту, радио, телевидение.

Транспортные связи с зарубежными странами обеспечиваются с помощью воздушных и морских линий (внешние грузо- и пассажироперевозки в течение периода 1998–2002 гг. и за первое полугодие показаны в таблице 9). Однако воздушным путем Северный Кипр можно достичь только через аэропорты Турции и Азербайджана. Морские порты Северного Кипра объявлены Республикой Кипр закрытыми для всех судов со времени турецкого вторжения с 1974 года. Это заявление игнорируется только Турцией, морские порты которой открыты для судов, зарегистрированных в ТРСК. Более того, несмотря на подписанное соглашение о таможенном союзе между ЕС и Турцией, самолеты и корабли под флагом Рес-

Таблица 9. Внешние грузо- и пассажирообороты (1998–2003)

	Общие перевозки		Воздушные перевозки		Морские перевозки	
	А	В	А	В	А	В
1998	1,493,487	1,341,950	378,484	1,335,082	1,115,003	6,868
1999	1,197,166	1,248,274	380,497	1,241,689	816,669	6,585
2000	1,248,766	1,316,772	370,087	1,310,591	878,679	6,181
2001	1,125,782	1,149,624	367,042	1,145,334	758,740	4,290
2002	1,154,768	1,225,713	358,382	1,221,714	796,368	3,999
2003	487,527	677,510	149,315	675,351	338,212	2,159

¹ Январь — июнь. А — число пассажиров, В — груз в т.т.

Источник: Департамент гражданской авиации и портов ТРСК.

публики Кипр не имеют доступа к турецким аэропортам и морским портам. Снятие этого запрета является одним из условий вступления Турции в Евросоюз.

Автодороги. На Северном Кипре нет железных дорог, и все межгородское движение обслуживает автомобильный транспорт. Согласно данным официальной статистики, дорожная сеть ТРСК в середине 1980-х годов состояла из 5280 километров проложенных и 800 километров второстепенных дорог. В течение 1980-х годов с помощью турецкого и саудовского капитала была модернизирована автодорога от Никосии до Кирении. В течение последних лет, с финансовой помощью Турции, началась широкомасштабная модернизация дорог. Было построено шоссе между Никосией и аэропортом «Егсап». Была модернизирована магистральная дорога Фамагуста — Никосия. Согласно Западной программе дорог, была модернизирована дорога Никосия — Морфоу, а согласно Восточной программе дорог — Фамагуста — Карпас. Общая длина автомобильных дорог в настоящее время составляет приблизительно 7 000 км.

Аэропорты. В 1977 году для облегчения воздушных связей между Северным Кипром и внешним миром правительство ТРСК модернизировало прежнюю летную полосу в Егсап в соответствии с международными стандартами и превратило «Егсап» главный аэропорт страны. Аэропорт «Егсап» оборудован навигационными системами, способными обслуживать все типы самолетов. В 1986 году Аэропорт «Егсап» модернизировался и расширился. «Егсап» каждый год обслуживает приблизительно

120 000 пассажиров. Второй аэропорт на Северном Кипре был построен в «Gecitkale» в 1986 году. Последний используется для коммерческого движения.

Таким образом, в настоящее время два аэропорта, «Ercan» и «Gecitkale», обслуживают воздушный транспорт. Эти аэропорты не признаны международными аэропортами по известным политическим причинам. Национальная авиалиния «TRCK» управляет маленьким флотом современных самолетов. TRCK поддерживает воздушную связь с внешним миром через Турцию и Азербайджан.

Морские порты. TRCK имеет четыре морских порта: Фамагуста (Gazimagusa), Кирения (Girne), Текнесик и Калесик. Морские порты Северного Кипра объявлены Республикой Кипр закрытыми для всех судов со времени турецкого вторжения с 1974. Однако, суда, зарегистрированные на Северном Кипре, имеют свободный доступ к морским портам Турции.

Основной морской порт Северного Кипра — это Фамагуста. Фамагуста является многоцелевым портом. Порт имеет 1280 метров причалов, буксирные суда, мобильную связь, плавучие краны, грузоподъемники, склады и связанный с причалом современный бункер емкостью 20 000 т. Приблизительно 555 000 кв. метров внешней гавани порта превращены в промышленную зону свободной торговли. Порт имеет важное значение в грузоперевозках.

В Кирении был построен новый паромный порт. Через этот порт осуществляются регулярные связи с южными портами Турции, а иногда и с портами Израиля и Сирии. Порт Girne имеет важное значение в пассажироперевозках. Порты Teknesik и Kalesik имеют важное значение в нефтеперевозках.

Коммуникации. В последние годы телекоммуникационные услуги развиваются довольно быстрыми темпами. Коммуникационная связь (телефон, телекс, факс, телеграф) с внешним миром осуществляется через полностью автоматизированную систему. Все деревни и города связаны с этой системой. В модернизации телекоммуникационной системы существенным являлась помощь от Турции. Связь с внешним миром осуществляется через Турцию. В сфере соговой связи в TRCK действуют две частные компании.

Торговля и туризм

Торговля и туризм в TRCK тесно взаимосвязаны, и поэтому в национальной статистике они рассматриваются в одной

группе. Сектор торговли и туризма является одним из основных в экономике ТРСК. В 1977 году доля сектора торговли и туризма в ВВП Северного Кипра составила 21,2 %. В дальнейшие годы доля этого сектора составила в среднем 17–18 %, а в 2006 году — 17,6 %. В 1977 году в секторе торговли и туризма были заняты 3 077 человек, что составило 6,9 % от общего занятого населения страны. В 2006 году эти показатели составили соответственно — 13 683 человек и 12,3 %.

Если доля данного сектора в общих капиталовложениях в 1977 году составила всего 6,7 % (35,0 млн YTL по постоянным ценам 1977 года), то в конце 1980-х годов ее доля достигла 15 %, в 1990-х годах колебалась в пределах 7–8 %, а с 2003 года опять начала повышаться. По итогам 2006 года доля данного сектора в общих капиталовложениях составила приблизительно 11 % (343,1 млн YTL по постоянным ценам 1977 года).

Туризм является круглогодичным бизнесом в ТРСК. Этот сектор был самым важным источником иностранной валюты в конце 1980-х годов. В 1986 году правительство ТРСК решило, что сектор должен быть локомотивным и тянуть за собой всю экономику. Чтобы развивать туризм и привлечь иностранные инвестиции в этот сектор, правительством были применены многие стимулы, например такие, как предоставление в долгосрочную аренду и низкой ценой находящихся под собственностью государства земель и зданий, освобождение от таможенных пошлин и налогов многих ввозимых товаров, связанных с потреблением туристов, и т. д.

В течение 1980-х годов число иностранных туристов, посетивших страну, утроилось (от 87 000 в 1981 году до 300 810 в 1990 году), а число коек приблизительно удвоилось, составив более 7 000 в 1990 году. Следовательно, увеличилась и поступающая в страну иностранная валюта. В 1989 году чистые доходы от туризма составили \$ 154,9 млн. по сравнению с \$ 23,9 млн в 1981 году (рост в 6,5 раза).

В следующее десятилетие темпы развития сектора замедлились. В течение 90-х годов число иностранных туристов увеличилось всего на 37,6 %, составив 414 015 человек в 1999 году. Чистые доходы от туризма в 1999 году составили \$ 192,8 млн против \$ 224,8 млн в 1990 году (см. таблицу 10).

Хотя правительство объявило туристический сектор приоритетным и предпринимает необходимые меры для его развития, политическая изоляция страны остается в качестве препятствующего фактора развития. ТРСК имеет воздушные и морские связи с внешним миром только через Турцию, что означает

дополнительные затраты для туристов при полете на Северный Кипр. Некоторые страны, например Ирландия, не предоставляют разрешение для полетов на Северный Кипр даже через Турцию. Вследствие этого за прошедшие 30 лет основная часть туристов, посетивших Северный Кипр, была из Турции. Хотя в последние годы, в результате ослабления режима передвижения между двумя частями острова, растет число туристов из других стран, Турция продолжает оставаться главной страной происхождения туристов, посещающих ТРСК. Многие турки проводят свой отпуск в северной части Кипра. В 2005 году Северный Кипр посетили 652 779 туристов, из которых 488 023 были из Турции, а 164 756 — из других стран. По численности иностранных туристов, посетивших Северный Кипр, Великобритания и Германия занимают соответственно 2-ое и 3-е место после Турции. Зарегистрированная в Великобритании компания «Норт Сайпрус Туризм Сентр Лтд.» представляет ТРСК на различных туристических ярмарках. Израиль также сотрудничает с ТРСК в сфере туризма, реализуя в этой республике ряд инвестиционных проектов.

Развитию туристической индустрии на Северном Кипре препятствуют также факторы иного характера. Несмотря на то, что Северный Кипр имеет почти половину и более красивую часть береговой линии острова, инфраструктура туристической индустрии развита слабо по сравнению с югом. Гостиницы и другие инфраструктурные объекты нуждаются в модернизации. Северный Кипр имеет конкурентоспособное преимущество в отношении Юга в том плане, что его береговые линии не имеют проблемы сверхразвития. Однако, чтобы сохранить естественную красоту, строительство инфраструктурных объектов должно осуществляться в соответствии с экологическими стандартами ЕС, что требует вложение финансовых средств. А это означает, что зависимость от своего главного финансового донора — Турции — увеличится. Следует отметить, что до 1974 года самыми важными туристическими курортами на острове были Фамагуста и Кирения (на Северном Кипре). Туризм с тех пор переместился в южную прибрежную область, так как Республика Кипр смогла вложить достаточно большие средства для развития туристической индустрии в Пафосе, в Лимассоле и в Ларнаке, которые теперь являются самыми важными туристическими курортами острова Кипр. С другой стороны, вследствие либерализации турецкой экономики, Северный Кипр начинает терять свои преимущества по линии низкой розничной цены товаров, основная часть которых импортируется из Турции.

Таблица 10. Число туристов и чистые доходы от туризма

Годы	Туристы			Чистые доходы от туризма (млн \$)
	Из Турции	Из других стран	Всего	
1988	173,351	56,050	229,401	118,0
1989	214,566	59,507	274,073	154,9
1990	243,269	57,541	300,810	224,8
1991	179,379	41,858	220,237	153,6
1992	210,178	57,440	267,618	175,1
1993	281,370	77,943	359,313	224,6
1994	256,549	95,079	351,628	172,9
1995	298,026	87,733	385,759	218,9
1996	289,131	75,985	365,116	175,6
1997	326,364	73,000	399,364	183,2
1998	315,797	77,230	393,027	186,0
1999	334,400	79,615	414,015	192,8
2000	347,712	85,241	432,953	198,3
2001	277,739	87,358	365,097	93,7
2002	316,193	109,363	425,556	114,1
2003	340,083	129,784	469,867	178,8
2004	434,744	164,268	599,012	288,3
2005	488,023	164,756	652,779	328,8

Источник: Офис планирования туризма, Государственная организация планирования

Перед лицом потери конкурентоспособных преимуществ туристического сектора, власти ТРСК стали концентрировать свое внимание на новых стратегиях и проектах развития туристической индустрии.

По планам Министерства экономики и туризма ТРСК, доходы от туризма в следующие десять лет должны увеличиться от нынешних \$ 300 млн до \$ 1 млрд. Для этого необходимо увеличить как и число квалифицированных работников в этом секторе, так число коек. Прогнозируется, что число коек уже в 2009 году по сравнению с 2005 годом удвоится от 13 тысяч до 30 тысяч (см. таблицу 11).

Таблица 11. Распределение учреждений места пребывания (А)
и число коек (В)

		1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Всего	А	46	116	120	123	128	128	133
	В	3,265	10,520	10,798	10,916	11,858	12,222	13,145
1. Гостиницы, мотели, другие	А	25	103	107	110	115	116	121
	В	2,795	10,213	10,507	10,611	11,550	11,926	12,839
2. Пансионы	А	21	13	13	13	13	12	12
	В	470	307	291	305	308	296	306
3. Процент пользования		34,0	37,2	30,9	37,8	37,0	40,7	40,2

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 12. Число служащих в туристических учреждениях
(количество: А – учреждений, В – коек)

		1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Всего	А	169	664	645	679	886	689	820
	В	1,302	6,049	5,995	6,056	6,070	6,699	7,871
1. Гостиницы, мотели, другие	А	25	103	107	110	115	116	121
	В	682	2,865	2,901	2,939	2,393	2,397	2,838
2. Пансионы	А	21	13	13	13	11	12	12
	В	41	49	35	36	25	36	38
3. Рестораны и так далее	А	94	385	365	388	588	407	509
	В	360	1,333	1,257	1,218	1,846	1,951	2,264
4. Туристические агентства	А	29	142	140	148	155	135	157
	В	219	518	488	549	488	416	471
5. Казино	А	-	21	20	20	17	19	21
	В	-	1,284	1,314	1,314	1,318	1,899	2,260

Источник: Государственная организация планирования.

Министерство продолжает рекламировать Северный Кипр за границей и осуществляет новые проекты в секторе туризма, в частности для развития специального туризма в области Каргыз.

В отличие от греческой части, Северный Кипр является популярным местом игорного бизнеса, хотя гражданам ТРСК запрещено играть в казино. Еще в 1965 году был план по развитию игорного бизнеса на Северном Кипре в качестве дополнительного стимула привлечения туристов. В настоящий момент в стране практически нет отелей без казино. Действующий закон обязует, что при строительстве отеля владельцы должны построить и казино. Закрытие казино в Турции в конце 90-х годов способствовало развитию игорного бизнеса в ТРСК. Теперь азартные игроки из Турции едут играть на Кипр. Игорный бизнес в стране получил новый импульс развития после открытия Зеленой Линии в апреле 2003 года. Открытие Зеленой Линии привело к значительному притоку греческих киприотов и туристов из ЕС на Север Кипра для развлечения в казино. Вместе с игорным развивается также сексуальный туризм.

Финансовые институты

Основой финансовых институтов в ТРСК является банковская система. Но, в отличие от банковской системы Республики Кипра, она более слабо развитая, сильно зависит от колебаний турецкой лиры и от ситуации в банковской системе Турции в целом. В начале 2000 года банковскую систему ТРСК постиг кризис, в результате которого были ликвидированы 12 банков, а экономические потери республики составили приблизительно 200 триллионов ТЛ, что почти эквивалентно 50 % ВВП 1999 года.

Доля финансового сектора в валовом внутреннем продукте ТРСК устойчиво росла до 1999 года (от 3,4 % в 1977 году до 6,3 % в 1999 году (568,4 млн ТЛ по ценам 1977 года)). Но после банковского кризиса его доля стала устойчиво снижаться, составив 3,2 % или 445 млн. УТЛ (по ценам 1977 года) по прогнозным данным 2006 года. Если до кризисного 1999 года в финансовом секторе были заняты 3,026 человек, что составило 3,5 % от общего занятого населения ТРСК, то в настоящее время в секторе заняты 2,635 человек (по прогнозным данным 2006 года), или 2,3 % от общего числа занятого населения.

В ТРСК зарегистрированы 23 коммерческих и 2 государственных банка (см. таблицу 13). Мусульманский религиозный фонд «Эвкаф» имеет собственный банк — «Кибриса Вакифлара Банказия», который управляет финансовыми активами и доходами фонда, накапливающимися от широко распространенных и раз-

Таблица 13. Распределение банков

Секторы	Число
Государственные банки	2
Кооперативные банки (осуществляют деятельность согласно банковскому законодательству)	2
Коммерческие банки	16
Иностранные банки	5
Всего	25

Источник: Ассоциация банков Северного Кипра, 2002 г.

Таблица 14. Размещение банковских кредитов по секторам (млн \$)¹

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005
1. Государств. предприятия и институты	18,4	523,4	408,8	201,8	268,4	336,6	407,4
2. Сельское хозяйство	9,8	13,4	8,2	4,3	3,8	5,3	5,9
3. Перерабатывающая промышленность	2,3	8,7	4,5	4,6	4,6	4,8	4,0
4. Транспорт	1,1	3,1	2,3	1,0	0,9	1,2	10,6
5. Внешняя и внутренняя торговля	14,4	144,1	109,4	71,3	74,0	182,6	318,1
6. Строительство	5,0	15,7	11,5	18,6	17,1	24,2	48,0
7. Туризм	1,3	7,1	8,9	4,2	5,2	4,3	2,2
8. Бизнес и потребительские кредиты	4,8	116,0	81,4	95,8	148,8	262,1	366,3
9. Учетные векселя	0,3	6,9	4,0	6,3	3,5	—	—
Всего	57,4	838,4	639,0	407,9	526,3	821,1	1162,5

¹ Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

личных авуаров недвижимого имущества фонда. Банки ТРСК могут свободно держать иностранную валюту, действовать в качестве посредника в импортных и экспортных сделках, принимать сбережения в иностранной валюте, участвовать в закупке и продаже иностранной валюты (в том числе свободно устанавливать

Таблица 15. Размещение банковских кредитов по секторам (УТЛ)

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005
1. Государственные предприятия и институты	335,7	327,885,975,0	481,539,949,0	304,181,992,0	398,683,042,0	480,546,727,0	550,228,705,9
2. Сельское хозяйство	177,8	8,367,944,0	9,657,861,0	6,451,867,0	5,714,941,0	7,549,728,0	8,020,849,6
3. Перерабатывающая промышленность	42,5	5,478,267,0	5,328,570,0	6,917,211,0	6,891,959,0	6,891,552,0	5,449,898,3
4. Транспорт	20,0	1,921,712,0	2,708,014,0	1,587,560,0	1,402,365,0	1,755,784,0	14,386,490,4
5. Внешняя и внутренняя торговля	262,4	90,246,036,0	128,922,316,0	107,406,056,0	109,899,026,0	260,780,135,0	429,522,517,3
6. Строительство	91,0	9,858,156,0	13,501,013,0	28,048,818,0	25,357,955,0	34,524,407,0	64,886,021,9
7. Туризм	23,3	4,438,017,0	10,454,780,0	6,394,108,0	7,745,439,0	6,145,152,0	2,924,765,1
8. Бизнес и потребительские кредиты	87,6	72,690,096,0	95,888,115,0	144,339,419,0	221,109,179,0	374,344,084,0	494,505,355,3
9. Учтенные векселя	5,7	4,315,056,0	4,698,063,0	9,488,413,0	5,156,888,0	—	—
Всего	1,046,0	525,201,259,0	752,698,681,0	614,815,444,0	781,960,794,0	1,172,537,569,0	1,569,924,603,8

Источник: Государственная организация планирования.

различные валютные курсы для закупки и продажи иностранной валюты), заключать контракты на иностранной валюте, выпускать и погашать облигации в иностранной валюте, давать ссуды в иностранной валюте, активно участвовать в денежных рынках иностранной валюты.

В Северном Кипре, наряду с 25 местными банками, банковским делом занимаются еще 32 офшорных банка. Большинство офшорных банков управляются родительскими банковскими корпорациями, размещенными в Турции.

В течение периода 1977–2005 гг. наибольшие банковские кредиты получали государственные предприятия и институты, сектор внешней и внутренней торговли. Достаточно большие суммы составляют также потребительские кредиты, доля которых в последние два — три года растет опережающими темпами. На долю этих секторов приходится более 90 % общих кредитов. В 2005 году общий объем банковских кредитов составил \$ 1162,3 млн, из которых \$ 407,4 млн (35 %) пришлось на государственные предприятия и институты, \$ 318,1 млн (27,4 %) — на внешнюю и внутреннюю торговлю, \$ 366,3 млн (31,5 %) — на потребительские кредиты (см. таблицы 14, 15). В деятельности предприятий частного производственного сектора, а также транспорта, строительства и туризма банковские кредиты не играют существенной роли. По итогам 2005 года эти сектора вместе получили банковские кредиты на общую сумму \$ 70,7 млн.

Центральный Банк ТРСК был учрежден в 1983 году. Хотя Центральный Банк ответственен за денежно-кредитную политику страны, он не выпускает национальную валюту, вместо которой используется турецкая лира. Физические и юридические лица могут свободно держать, обменивать и использовать иностранную валюту. Официальный обменный курс лиры устанавливается и объявляется ежедневно Центральным банком. Центральный банк контролирует местные коммерческие банки и несколько филиалов турецких банков.

Образование

ТРСК имеет развитую образовательную систему, в которой внедрены достаточно высокие стандарты обучения. Образовательная система включает дошкольное образование, первичное образование, среднее образование и высшее образование. В стране действуют 13 технических и профессионально-технических средних школ и 8 учреждений высшего образования

Таблица 16. Число студентов в высших учебных заведениях

Учебный год	ТРСК	Турция	Третьи страны	Всего
1979–1980	105	—	—	105
1980–1981	215	—	—	215
1981–1982	287	—	—	287
1982–1983	201	6	—	207
1983–1984	257	87	3	347
1984–1985	474	238	35	747
1985–1986	907	437	93	1 437
1986–1987	967	812	100	1879
1987–1988	1 375	1 185	243	2 803
1988–1989	1 816	1 490	438	
1989–1990	1 943	2 502	521	4 966
1990–1991	2 068	3 879	568	6515
1991–1992	2 334	5 218	594	8 146
1992–1993	2 828	5 633	667	9 128
1993–1994	4 181	6 805	697	11 683
1994–1995	5 448	8 717	718	14 883
1995–1996	5 865	10 024	762	16 651
1996–1997	6 521	11 821	920	19 262
1997–1998	7 427	12 365	1 052	20 844
1998–1999	8 006	12 157	1 331	21 498
1999–2000	8 691	13 562	1 678	23 931
2000–2001	9 232	14 632	1 901	25 765
2001–2002	9 539	14 830	1 952	26 321
2002–2003	10 137	15 307	2 304	27 748
2003–2004	9 922	18 398	2 285	30 605
2004–2005	10 371	22 626	2 476	35 473
2005–2006	10 586	28 565	2 714	41 865

Источник: Университеты, Государственная организация планирования.

(два государственных и шесть частных). Пять из этих учреждений высшего образования предлагают обучение на английском языке.

Наряду с туризмом, этот сектор, особенно высшее образование, жизненно важен для экономического развития Северного Кипра. Образовательный сектор, как и туристический, является источником обеспечения занятости и получения иностранной валюты. Высшее образование можно получать в шести университетах, где преподавание ведется на турецком и английском языках, и в двух общественных школах высшего образования. Число студентов, которые получали образование в высших учебных заведениях в 2005–2006 учебном году, достигло 41 865 (см. таблицу 16). Ближневосточный Технический Университет (METU) из Турции имеет новый университетский городок с 450 студентами и стремится увеличить число студентов до 20 000 в ближайшем будущем.

Строительство новых университетских городков и расширение существующих увеличит доходы образовательного сектора. Университеты Северного Кипра привлекли существенное число студентов из заграницы, особенно из Турции. В 2005–2006 учебном году число студентов из Турции составило 28 565, или, приблизительно, 70 % от общего числа студентов, обучающихся в высших учебных заведениях ТРСК. Турки-киприоты предпочитают оставаться и учиться на острове, а не выезжать для этого в другие страны. В 2005–2006 учебном году число студентов, являющихся гражданами ТРСК, составило 10 586 из общих 41 865 студентов. В университетах ТРСК учатся также студенты из Пакистана, Палестины, Судана, других арабских стран. В принципе, этот сектор имеет потенциал развития за счет привлечения студентов из Турции. Обычно те турки, которые не в состоянии получать учебу в западных университетах, предпочитают учиться в высших учебных заведениях ТРСК. Изоляция и политическое непризнание негативно отражаются на развитии сектора, лишив северокипрских студентов, ученых и университетов академической свободы, возможностей обмена идеями и межкультурного опыта, а также заключения с иностранными субъектами соглашения о сотрудничестве, участия в международных научно-исследовательских проектах и получения финансирования. Кроме того, дипломы, выданные высшими учебными заведениями ТРСК, не признаются в Европе, несмотря на то, что турки-киприоты по сути являются гражданами ЕС.

Инвестиции и сбережения

Политика привлечения инвестиций

Политика привлечения иностранных инвестиций всегда была среди первичных целей политики экономического развития Турецкой Республики Северного Кипра. Для реализации инфраструктурных проектов (строительство аэропортов, морских портов, дамб, ирригационных систем, шоссе, электростанций и усовершенствование телекоммуникационных систем) Турецкая Республика Северного Кипра остро нуждалась в финансовой помощи, так как внутренние сбережения и инвестиции не могли удовлетворить эти потребности. С другой стороны, из-за маленького внутреннего рынка, власти ТРСК всегда стремились выйти на внешние рынки и охотно предоставляли различные льготы иностранным инвесторам в экспортно-ориентированных отраслях промышленности.

Северный Кипр предлагает многочисленные преимущества и стимулы иностранному инвестору, включая полную защиту его прав собственности. Национализация никогда не была частью правительственной политики. Конституция ТРСК гарантирует право частной собственности и не предусматривает какие-либо дискриминационные нормы между своими гражданами и иностранцами. В ТРСК активно поощряется сотрудничество между местными и иностранными фирмами в форме совместных предприятий, применяются различные привлекательные схемы инвестиций в секторы промышленности, сельского хозяйства и туризма, например промышленные земельные участки предоставляются в долгосрочную аренду (сроком на 60 лет) с низкими арендными платами, облегчены процедуры учреждения иностранных компаний и банков (в том числе офшорных). Правительство ТРСК поощряет также импорт товаров инвестиционного значения (импорт машин и оборудования полностью освобожден от таможенных пошлин), которые должны облегчить передачу современной технологии, ноу-хау и новых методов управления и в конечном итоге повысить производительность труда.

Для привлечения инвестиций применяются различные налоговые льготы. Все компании и другие коммерческие организации, кроме совместных обществ, облагаются налогом на корпорацию по следующему ставкам:

Корпорации, которые зарегистрированы в ТРСК как «Местные Компании», — 25 % от дохода.

Корпорации, которые являются «Иностранными Компаниями», зарегистрированы или не зарегистрированы в ТРСК, — 25 % от дохода, полученной из торговли или другого вида деятельности в ТРСК.

Компании, работающие в области воздушного транспорта, — 36 % от 5 % дохода, и компании, работающие в области морского транспорта, — 36 % от 10 % дохода.

Компании, зарегистрированные в ТРСК и осуществляющие деятельность в сферах образования и здравоохранения, — 10 % от дохода в течение 5 лет.

Компании, зарегистрированные в ТРСК и осуществляющие деятельность в промышленности, — 10 % от дохода в течение 10 лет.

Ставка подоходного налога в ТРСК едина — 15 %. Ставки налога на добавленную стоимость в ТРСК дифференцированы — 0 %, 3 %, 9 %, 13 % и 20 %.

Помимо вышеперечисленных мер, для привлечения иностранных инвестиций правительство ТРСК создало свободный порт и свободную зону в Фамагусте. Свободный порт и свободная зона охватывают территорию в размере 115 акр и предлагает иностранным инвесторам превосходные производственные возможности и возможности транзитной торговли с ближневосточными странами. Действующие тарифы в порте за обработку груза намного ниже, чем в других соседних портах. Порт, который географически хорошо расположен, предлагает достаточно хорошие условия для хранения товаров, разгрузки кораблей и хорошую безопасность, к минимальному уровню доведены все формальные стороны обслуживания, и создан благоприятный рабочий климат для инвесторов и дилеров. Согласно закону о свободном порте и зоне, предприятия, которые получили одобрение Совета свободного порта и свободной зоны, имеют право осуществлять деятельность в свободном порту и зоне в следующих направлениях:

- промышленность,
- сборка и ремонт товаров, импортированных в свободный порт и свободную зону,
- производство, ремонт и сборка всех видов судов,
- банковское дело и страховые услуги,
- любой вид деятельности, одобренный Советом Министров.

С инвесторов, которые обращаются для получения разрешения деятельности в свободном порту и в свободной зоне, взимается плата, размер которой зависит от ее деятельности. Фирмам,

осуществляющим деятельность в свободном порту и в свободной зоне, предоставляются следующие льготы:

— весь доход, полученный от предпринимательской деятельности в свободном порту и в свободной зоне, освобождается от корпоративного и подоходного налога. Освобождение от этих налогов не распространяется на экспорт товаров и услуг, не изготовленных в свободном порту и в свободной зоне и направленных в ТРСК;

— свободная и безграничная возможность репатриации прибыли и капитала,

— освобождение от таможенных обязанностей и косвенных налогов;

— возможность использования иностранных экспертов и технического персонала.

Однако следует отметить, что, несмотря на предоставленные иностранным инвесторам вышеперечисленные привилегии, ТРСК так и не добился существенных успехов в привлечении иностранных инвестиций. Фактически находясь в политической и экономической изоляции от внешнего мира, страна все более и более стала опираться на инвестиции из Турции. Все крупные инфраструктурные проекты в стране фактически были финансированы Республикой Турция. Финансовая и техническая помощь Республики Турция для подобных инвестиций продолжается. Северный Кипр привлекателен также для относительно дешевого и квалифицированного труда из Турции.

Структура капиталовложений

Объем общих инвестиций в 2006 году достиг \$ 621 млн против \$ 32,8 млн в 1977 году. Из всех инвестиций более 90 % составляют капиталовложения. В 2006 году общий объем капиталовложений составил \$ 585,3 млн (см. таблицы 17, 18, 19). Доля государственного сектора в капиталовложениях всегда была на довольно высоком уровне (особенно в годы интенсивно реализуемых инфраструктурных проектов). Доли государственного и частного сектора в общих капиталовложениях в 2006 году составили соответственно 29,2 % и 70,8 %.

В 2006 году в общем объеме капиталовложений 35,1 % пришлось на жилищную недвижимость. Доля промышленности в капитальных вложениях в 2006 году составила 15,6 % (\$ 91,4 млн). Из общего объема капиталовложений в промышленность 50,8 % (\$ 46,4 млн) пришлось на энергетику, 47,9 % (\$ 43,8 млн) — на перерабатывающие секторы, 1,3 % (\$ 1,2 млн) — на добывающие секторы. До-

Таблица 17. Баланс инвестиций и сбережений (млн \$)¹

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ²
1. Общие инвестиции	32,8	179,6	133,5	148,9	221,6	357,0	508,0	621,2
1.1 Капиталовложения	28,8	164,1	119,5	132,2	206,1	326,7	477,9	585,3
1.1.1 Государственные	11,4	66,2	34,8	48,1	72,5	102,7	129,4	171,1
1.1.2 Частные	17,4	97,9	84,7	84,1	133,6	224,0	348,5	414,2
1.2 Портфельные инвестиции	4,0	15,4	14,0	16,7	15,5	30,3	30,1	35,9
1.2.1 Государственные	-0,5	4,5	5,9	4,1	-0,8	0,8	4,8	3,5
1.2.2 Частные	4,5	10,9	8,1	12,6	16,3	29,5	25,3	32,4
2. Общие сбережения	32,8	179,6	133,5	148,9	221,6	357,0	508,0	621,2
2.1 Внутренние сбережения	7,8	146,8	116,4	162,6	241,0	342,9	231,7	339,2
2.2 Внешние сбережения	25,0	32,8	17,1	-13,7	-19,0	14,1	276,3	282,0

¹ Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

² Прогнозируемые данные.

Таблица 18. Баланс инвестиций и сбережений (по текущим ценам УПЛ)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Общие инвестиции	596,6	112,472,551,5	157,286,379,1	224,436,826,2	329,272,466,6	509,834,737,3	686,011,306,8	900,737,729,5
1.1. Капиталовложения	524,6	102,823,019,5	140,749,578,3	199,231,606,8	306,203,356,7	466,600,661,0	645,460,056,4	848,733,923,5
1.1.1. Государственные	206,7	41,488,121,6	40,991,559,2	72,427,431,4	107,642,306,6	146,665,039,8	174,763,841,3	248,115,682,4
1,1,2. Частные	317,9	61,334,897,9	99,758,019,1	126,804,175,4	198,561,050,1	319,935,621,2	470,696,215,1	600,618,241,1
1.2. Портфельные инвестиции	72,0	9,649,532,0	16,536,800,8	25,205,219,4	23,069,109,9	43,234,076,3	40,551,250,4	52,003,806,0
1.2.1. Государственные	-10,0	2,802,115,0	6,909,385,3	6,156,369,8	-1,226,302,1	1,095,183,5	6,335,935,7	5,029,348,0
1.2.2. Частные	82,0	6,847,417,0	9,627,415,5	19,048,849,6	24,295,412,0	42,138,892,8	34,215,314,7	46,974,458,0
2. Общие сбережения	596,6	112,472,551,5	157,286,379,1	224,436,826,2	329,272,466,6	509,834,737,3	686,011,306,8	900,737,729,5
2.1. Внутренние сбережения	141,8	91,926,707,9	137,144,809,1	245,008,086,0	358,092,948,7	489,699,121,6	312,868,156,8	491,837,729,5
2.2. Внешние сбережения	454,8	20,545,843,6	20,141,570,0	-20,571,259,8	-28,820,482,1	20,135,615,7	373,143,150,0	408,900,000,0

1 Прогнозируемые данные. Источник: Государственная Организация планирования.

Таблица 19. Баланс инвестиций и сбережений (по ценам 1977 года УТЛ)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Общие инвестиции	596,6	1,560,6	1,255,7	1,444,9	1,757,2	2,374,3	2,908,2	3,398,7
1.1. Капиталовложения	524,6	1,426,7	1,123,7	1,282,6	1,634,0	2,173,0	2,736,3	3,202,5
1.1.1. Государственные	206,7	575,7	327,3	466,3	574,4	683,0	740,9	936,2
1.1.2. Частные	317,9	851,0	796,4	816,3	1,059,6	1,490,0	1,995,4	2,266,3
1.2. Портфельные инвестиции	72,0	133,9	132,0	162,3	123,1	201,3	171,9	196,2
1.2.1. Государственные	- 10,0	38,9	55,2	39,7	- 6,5	5,1	26,9	19,0
1.2.2. Частные	82,0	95,0	76,8	122,6	129,7	196,2	145,0	177,2
2. Общие сбережения	596,6	1,560,6	1,255,7	1,444,9	1,757,2	2,374,3	2,908,2	3,398,7
2.1. Внутренние сбережения	141,8	1,275,5	1,094,9	1,577,3	1,911,0	2,280,5	1,326,3	1,855,8
2.2. Внешние сбережения	454,8	285,1	160,8	- 132,4	- 153,8	93,8	1,581,9	1,542,9

¹ Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная Организация планирования.

Таблица 20. Инвестиции в основной капитал: размещение по секторам (млн. \$)¹

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ²
1. Сельское хозяйство	3,7	10,0	9,6	10,5	13,1	17,5	22,4	25,6
2. Промышленность	4,7	21,7	13,0	14,9	27,4	49,5	62,6	91,4
2.1. Добывающая	—	0,2	0,2	0,2	0,4	0,5	0,9	1,2
2.2. Перерабатывающая	2,4	8,4	8,5	9,7	18,1	39,2	44,2	43,8
2.3. Электричество / вода	2,3	13,2	4,3	5,0	8,9	9,8	17,5	46,4
3. Строительство	0,2	3,3	2,2	2,9	6,0	14,9	32,0	31,9
4. Торговля / туризм	1,9	13,6	9,6	12,8	23,8	38,9	51,0	62,7
4.1. Торговля	1,3	5,4	4,6	5,9	9,6	17,9	23,2	27,2
4.2. Туризм	0,6	8,2	5,0	6,9	14,2	21,0	27,8	35,5
5. Транспорт / коммуникации	5,2	24,9	12,1	19,7	30,1	44,6	63,7	74,2
6. Финансовые институты	0,5	1,6	1,0	0,9	1,3	5,3	6,7	6,8
7. Недвижимость (жилищная)	10,8	43,1	49,8	44,0	61,3	85,0	151,2	205,5
8. Бизнес и индивидуальные услуги	—	11,0	4,7	5,3	8,6	15,4	19,2	21,2
9. Государственные услуги	1,8	35,0	17,5	21,2	34,5	55,6	69,0	65,9
9.1. Здравоохранение	0,7	0,6	1,4	0,9	3,6	2,7	3,2	7,9
9.2. Образование	0,2	15,7	6,4	10,1	15,8	28,9	40,3	32,5
9.3. Другие	0,9	18,7	9,7	10,2	15,1	24,0	25,5	25,5
Всего	28,8	164,1	119,5	132,2	206,1	326,7	477,9	585,2

¹ Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

² Прогнозируемые данные.

Таблица 21. Инвестиции в основной капитал: размещение по секторам (по текущим ценам, УТЛ)

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Сельское хозяйство	67,0	6,287,369,1	11,273,995,9	15,876,418,2	19,505,376,0	25,067,329,5	30,288,995,7	37,024,259,9
2. Промышленность	86,2	13,592,581,5	15,288,051,7	22,529,433,0	40,640,073,2	70,693,090,7	84,573,998,0	132,599,300,7
2.1. Добывающая	-	110,035,0	180,013,0	240,120,0	581,744,8	730,071,1	1,210,690,9	1,711,000,0
2.2. Перерабатывающая	44,1	5,234,814,1	10,043,659,0	14,629,250,3	26,897,248,7	55,959,681,7	59,725,765,6	63,506,914,2
2.3. Электричество / вода	42,1	8,247,732,4	5,064,379,7	7,660,062,7	13,161,079,7	14,003,337,9	23,637,541,5	67,381,386,5
3. Строительство	4,0	2,065,985,6	2,544,432,3	4,327,423,0	8,909,608,5	21,259,857,0	43,258,675,4	46,271,874,6
4. Торговля / туризм	35,0	8,500,384,0	11,290,015,6	19,239,532,6	35,370,682,2	55,650,643,9	68,847,433,3	90,929,715,5
4.1. Торговля	24,3	3,392,070,2	5,467,604,9	8,838,609,5	14,210,973,8	25,636,774,0	31,365,312,0	39,432,513,4
4.2. Туризм	10,7	5,108,313,8	5,822,410,7	10,400,923,1	21,159,708,4	30,013,869,9	37,482,121,3	51,497,202,1
5. Транспорт / коммуникации	94,2	15,590,051,2	14,193,791,5	29,705,307,4	44,707,365,5	63,636,784,3	86,087,316,9	107,632,260,5
6. Финансовые институты	9,5	980,516,9	1,193,000,5	1,371,729,5	1,953,076,3	7,523,937,0	9,103,826,6	9,804,493,2
7. Жилищная собственность	195,9	26,985,759,6	58,768,951,8	66,347,993,9	91,113,091,2	121,390,563,7	204,215,564,9	298,036,500,0
8. Бизнес и индивидуальные услуги	-	6,896,702,1	5,518,412,4	7,999,201,9	12,718,481,6	22,014,944,9	25,959,956,5	30,811,351,2
9. Государственные услуги	32,8	21,923,669,5	20,678,926,6	31,834,567,3	51,285,602,2	79,363,510,0	93,124,289,1	95,624,167,9
9.1. Здравоохранение	13,3	393,273,9	1,632,706,7	1,298,629,4	5,313,311,2	3,884,086,9	4,354,195,6	11,520,000,0
9.2. Образование	3,7	9,829,788,3	7,516,154,7	15,117,508,0	23,454,844,6	41,220,862,1	54,362,203,5	47,120,000,0
9.3. Другие	15,8	11,700,607,3	11,530,065,2	15,418,429,9	22,517,446,4	34,258,561,0	34,407,890,0	36,984,167,9
Всего	524,6	102,823,019,5	140,749,578,3	199,231,606,8	306,203,356,7	466,600,661,0	645,460,056,4	848,733,923,5

1 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная Организация планирования.

Таблица 22. Инвестиции в основной капитал: размещение по секторам (по ценам 1977 года, УТЛ)

Секторы	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Сельское хозяйство	67,0	87,2	90,0	102,2	104,1	116,8	128,4	139,7
2. Промышленность	86,2	188,6	122,0	145,0	216,8	329,2	358,5	500,4
2.1. Добывающая	—	1,5	1,4	1,5	3,1	3,4	5,1	6,5
2.2. Перерабатывающая	44,1	72,7	80,2	94,2	143,5	260,6	253,2	239,6
2.3. Электричество / вода	42,1	114,4	40,4	49,3	70,2	65,2	100,2	254,3
3. Строительство	4,0	28,7	20,3	27,9	47,6	99,0	183,4	174,6
4. Торговля / туризм	35,0	117,9	90,1	123,9	188,7	259,2	291,8	343,1
4.1. Торговля	24,3	47,0	43,7	56,9	75,8	119,4	132,9	148,8
4.2. Туризм	10,7	70,9	46,4	67,0	112,9	139,8	158,9	194,3
5. Транспорт / коммуникации	94,2	216,3	113,4	191,3	238,6	296,3	364,9	406,1
6. Финансовые институты	9,5	13,6	9,6	8,8	10,4	35,1	38,6	37,0
7. Жилищная собственность	195,9	374,5	469,2	427,1	486,2	565,3	865,7	1,124,6
8. Бизнес и индивид. услуги	—	95,7	44,0	51,5	67,9	102,5	110,1	116,2
9. Государственные услуги	32,8	304,2	165,1	204,9	273,7	369,6	394,9	360,8
9.1. Здравоохранение	13,3	5,5	13,0	8,4	28,3	18,1	18,5	43,5
9.2. Образование	3,7	136,4	60,0	97,3	125,2	192,0	230,5	177,8
9.3. Другие	15,8	162,3	92,1	99,2	120,2	159,5	145,9	139,5
Всего	524,6	1,426,7	1,123,7	1,282,6	1,634,0	2,173,0	2,736,3	3,202,5

1 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная Организация планирования.

ля сельского хозяйства в общем объеме капитальных вложений в 2006 году составила 4,4 % (\$ 25,6 млн) против 12,8 % в 1977 года (см. таблицы 20, 21, 22). С точки зрения капиталовложений, другими крупными отраслями экономики являются торговля-туризм, транспорт-коммуникации и государственные услуги (здравоохранение, образование и другие). В 2006 году доля данных отраслей в общем объеме капиталовложений составила соответственно 10,8 % (\$ 62,7 млн), 12,7 % (\$ 74,2 млн) и 11,3 % (\$ 65,9 млн).

Государственные финансы

Доходы бюджета Северного Кипра в 1977 году составили \$ 60,3 млн, в том числе: местные доходы (налоговые, неналоговые и другие доходы) — \$ 34,5 млн, иностранная помощь и кредиты (исключительно из Турции) — \$ 25,8 млн (помощь — \$ 10,6 млн, кредиты — \$ 15,2 млн). В том же году бюджетные расходы составили \$ 65,2 млн, в том числе: текущие расходы (индивидуальные и другие расходы) — \$ 36,7 млн, трансферты — \$ 15,6 млн, оборона — \$ 7,9 млн, инвестиции — \$ 5 млн. В результате дефицит бюджета составил \$ 4,9 млн (см. таблицы 23, 24, 25). По отношению к ВВП доходы бюджета в 1977 году составили 28,8 %, включая местные доходы (налоговые, неналоговые и другие доходы) — 16,5 %, иностранную помощь и кредиты (исключительно из Турции) — 12,3 % (помощь — 5,1 %, кредиты — 7,2 %). В том же году бюджетные расходы составили 31,1 % от ВВП, включая текущие расходы (индивидуальные и другие расходы) — 17,5 %, трансферты — 7,4 %, оборону — 3,8 %, инвестиции — 2,4 %. Дефицит бюджета по отношению к ВВП составил 2,3 % (см. таблицу 26).

В начале 1980-х годов по отношению к ВВП бюджетные доходы стали расти. В 1984 году соотношение бюджетные доходы/ВВП составило 36,5 %. Этот показатель был на достаточно высоком уровне и в течение последующих трех лет (около 33 %). Следует отметить, что этот уровень был обеспечен в основном за счет роста совокупного объема помощи и кредитов из Турции (хотя в 1983–1984 годах выросло также соотношение местные доходы/ВВП). В 1984 году совокупный объем помощи и кредитов из Турции превзошел объем местных доходов (\$ 37,6 млн против \$ 35,8 млн). Если в данном году по отношению к ВВП местные доходы составили 17,8 %, то иностранная помощь и кредиты — 18,7 %. Это означает, что иностранная помощь и кредиты покрывали более 51 % бюджетных расходов (\$ 73,4 млн). В течение 1985–1987 годов по отношению к помощи и кредитам из Турции

Таблица 2.3. Баланс государственных доходов и расходов (млн \$)¹

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ²
I. Бюджетные доходы	60,3	461,8	395,6	509,0	696,1	894,5	1142,6	1179,7
1. Местные доходы	34,5	290,9	222,3	231,9	404,3	656,2	771,8	804,3
1.1. Налоговые доходы	22,4	201,7	152,4	151,8	228,3	356,0	470,8	524,6
1.1.1. Прямые налоги	7,5	118,9	85,8	76,1	113,6	166,5	179,2	198,1
1.1.2. Косвенные налоги	14,9	82,8	66,6	75,7	114,7	189,5	291,6	326,5
1.2. Другие доходы	12,1	60,6	91,2	56,0	76,9	106,1	159,4	115,4
1.3. Доходы социального фонда	—	28,6	21,4	24,1	99,1	194,1	141,6	164,3
2. Иностранная помощь и кредиты	25,8	170,8	173,2	277,1	291,8	238,3	370,8	375,4
2.1. Иностранная помощь	10,6	102,7	49,7	74,8	110,3	123,2	153,7	195,5
2.1.1. Республика Турция	10,6	102,5	49,6	74,0	109,3	123,0	153,6	195,4
2.1.2. Другие	—	0,2	0,1	0,8	1,0	0,2	0,1	0,1
2.2. Кредиты	15,2	68,1	123,5	202,3	181,6	115,1	217,1	180,0
2.2.1. Республика Турция	15,2	68,1	123,5	202,3	181,6	115,1	217,1	180,0
II. Расходы	65,2	530,4	418,2	531,8	691,4	883,6	1110,9	1203,4
1. Текущие расходы	36,7	259,1	137,8	146,4	225,2	305,4	423,0	482,0
1.1. Индивидуальные расходы	30,4	180,5	116,8	123,9	192,4	262,4	357,7	419,3
1.2. Прочие текущие расходы	6,3	25,7	21,0	22,5	32,8	43,0	65,2	62,7
2. Трансферты	15,6	227,8	221,6	302,0	341,2	432,2	518,5	504,1
2.1. Социальные трансферты	—	141,9	105,8	107,1	150,2	202,5	—	—
2.2. Прочие трансферты	—	85,9	115,8	194,9	191,0	229,7	—	—
3. Оборона	7,9	38,7	29,6	35,8	46,4	54,6	59,3	69,0
4. Инвестиции	5,0	57,7	29,2	47,6	78,6	91,4	110,0	148,3
III. Баланс бюджета	-4,9	-68,6	-22,6	-22,8	4,7	10,9	31,7	-23,7
ВНП	209,4	1039,9	908,8	941,4	1283,7	1765,2	2327,8	2625,4

1 Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

2 Прогнозируемые данные.

Таблица 24. Баланс государственных доходов и расходов (по ценам 1977 года, УТЛ)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
I. Бюджетные доходы	1,097,3	4,013,4	3,720,2	4,938,5	5,518,8	6,026,2	6,541,6	6,454,4
1. Местные доходы	627,7	2,529,3	2,090,9	2,249,9	3,205,2	4,420,9	4,418,6	4,400,4
1.1. Налоговые доходы	408,0	1,753,5	1,433,2	1,472,5	1,809,8	2,398,4	2,695,6	2,870,1
1.1.1. Прямые налоги	135,9	1,033,5	806,8	738,1	900,9	1,121,6	1,025,9	1,083,7
1.1.2. Косвенные налоги	272,1	720,0	626,4	734,4	908,9	1,276,8	1,669,7	1,786,3
1.2. Другие доходы	219,7	527,0	456,3	543,7	609,5	714,9	912,4	631,4
1.3. Доходы социального фонда	—	248,8	201,5	233,7	785,9	1,307,6	810,6	899,0
2. Иностранная помощь и кредиты	469,6	1,484,1	1,629,3	2,688,6	2,313,6	1,605,3	2,123,0	2,054,0
2.1. Иностранная помощь	193,6	892,4	467,7	725,7	874,2	830,1	880,1	1,069,4
2.1.1. Республика Турция	193,6	890,6	466,9	718,4	866,4	828,9	879,8	1,068,8
2.1.2. Другие	—	1,8	0,9	7,3	7,8	1,2	0,3	0,5
2.2. Кредиты	276,0	591,7	1,161,6	1,962,9	1,439,4	775,2	1,242,9	984,6
2.2.1. Республика Турция	276,0	591,7	1,161,6	1,962,9	1,439,4	775,2	1,242,9	984,6
II. Расходы	1,186,1	4,609,7	3,932,8	5,159,6	5,481,7	5,952,9	6,359,8	6,584,3
1. Текущие расходы	668,0	1,791,6	1,295,6	1,420,4	1,785,1	2,057,6	2,421,5	2,637,2
1.1. Индивидуальные расходы	553,3	1,568,6	1,097,9	1,202,1	1,525,3	1,768,1	2,048,2	2,293,9
1.2. Прочие текущие расходы	114,7	223,0	197,7	218,4	259,8	289,5	373,3	343,3
2. Трансферты	283,7	1,979,9	2,084,1	2,930,1	2,705,3	2,911,7	2,968,5	2,758,4
2.1. Социальные трансферты	—	1,233,0	995,5	1,038,7	1,190,9	1,364,4	—	—
2.2. Прочие трансферты	—	746,8	1,088,6	1,891,4	1,514,4	1,547,3	—	—
3. Оборона	143,6	336,8	278,4	347,6	367,8	368,0	339,8	377,3
4. Инвестиции	90,8	501,4	274,7	461,4	623,5	615,6	630,1	811,5
III. Баланс бюджета	- 88,8	- 596,3	- 212,6	- 221,1	37,1	73,3	181,7	- 129,9
VIII	3,810,5	9,037,9	8,545,9	9,133,1	10,177,1	11,739,6	13,327,0	14,364,0

1 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 25. Баланс государственных доходов и расходов (по текущим ценам, УГЛ)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
I. Бюджетные доходы	1,097,3	289,254,266,2	465,990,013,2	767,120,255,9	1,034,149,136,3	1,277,372,902,4	1,543,093,055,6	1,710,566,495,0
1. Местные доходы	627,7	182,290,670,1	261,902,473,9	349,495,497,3	600,616,770,8	937,103,669,8	1,042,305,418,6	1,166,212,341,4
1.1. Налоговые доходы	408,0	126,376,196,1	179,519,586,9	228,729,649,2	339,140,945,1	508,382,819,8	635,864,588,4	760,625,840,5
1.1.1. Прямые налоги	135,9	74,487,604,5	101,059,993,5	114,648,012,9	168,814,269,4	237,740,888,4	241,992,465,0	287,208,457,0
1.1.2. Косв. налоги	272,1	51,888,591,5	78,459,593,4	114,081,636,3	170,326,675,7	270,641,931,4	393,872,123,4	473,417,383,5
1.2. Другие доходы	219,7	37,980,427,9	57,137,840,4	84,462,631,6	114,209,800,1	151,544,409,7	215,236,518,1	167,336,653,0
1.3. Доходы фонда	—	17,934,046,1	25,245,046,6	36,303,216,5	147,266,025,6	277,176,440,3	191,204,312,1	238,249,847,9
2. Иностр. пом. и кред.	469,6	106,963,596,1	204,087,539,3	417,624,758,6	433,532,365,5	340,269,232,6	500,787,637,0	544,354,153,6
2.1. Иностр. помощь	193,6	64,319,692,0	58,587,796,0	112,720,253,8	163,813,409,4	175,954,800,7	207,604,760,5	283,402,953,6
2.1.1. Респ. Турция	193,6	64,188,138,2	58,476,358,8	111,582,343,1	162,356,671,2	175,694,492,5	207,526,730,8	283,260,922,7
2.1.2. Другие	—	131,553,8	111,437,2	1,137,910,7	1,456,738,2	260,308,3	78,029,8	142,030,9
2.2. Кредиты	276,0	42,643,904,1	145,499,743,3	304,904,504,8	269,718,956,1	164,314,431,9	293,182,876,5	260,951,200,0
2.2.1. Респ. Турция	276,0	42,643,904,1	145,499,743,3	304,904,504,8	269,718,956,1	164,314,431,9	293,182,876,5	260,951,200,0
II. Расходы	1,186,1	332,228,068,4	492,609,666,7	801,470,483,8	1,027,199,638,9	1,261,834,304,7	1,500,220,978,1	1,744,990,966,5
1. Текущие расходы	668,0	129,126,690,9	162,283,573,5	220,646,137,4	334,498,045,2	436,157,692,2	571,203,866,0	698,912,430,3
1.1. Индивид. расх.	553,3	113,053,504,6	137,522,686,8	186,722,954,6	285,819,431,5	374,790,266,1	483,139,433,7	607,941,137,8
1.2. Проч. текущ. расх.	114,7	16,073,186,2	24,760,886,7	33,923,182,8	48,678,613,7	61,367,426,1	88,064,432,3	90,971,292,5
2. Трансферты	283,7	142,693,624,5	261,048,321,4	455,145,454,4	506,948,350,6	617,197,819,0	700,234,763,2	731,024,119,1
2.1. Соц. трансферты	—	88,867,822,1	124,691,894,2	161,351,749,3	223,159,031,5	289,221,703,0	—	—
2.2. Прочие трансферты	—	53,825,802,3	136,356,427,2	293,793,705,1	283,789,319,1	327,976,116,1	—	—
3. Оборона	143,6	24,275,000,0	34,870,000,0	54,000,000,0	68,918,000,0	78,000,000,0	80,145,649,0	100,000,000,0
4. Инвестиции	90,8	36,132,753,0	34,407,771,8	71,678,892,0	116,895,243,1	130,478,793,4	148,636,700,0	215,054,417,1
III. Баланс бюджета	-88,8	-42,973,802,2	-26,619,653,5	-34,350,227,9	6,949,497,4	15,588,597,7	42,872,077,5	-34,424,471,5
ВВП	3,810,5	651,380,055,0	1,070,424,473,0	1,418,703,263,6	1,907,070,964,0	2,520,806,747,4	3,143,699,611,6	3,806,769,899,6

1 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 26. Бюджетные доходы и расходы (доля в ВВП, %)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
I. Бюджетные доходы	28,8	44,4	43,5	54,1	54,2	51,3	49,1	44,9
1. Местные доходы	16,5	28,0	24,5	24,6	31,5	37,7	33,2	30,6
1.1. Налоговые доходы	10,7	19,4	16,8	16,1	17,8	20,4	20,2	20,0
1.1.1. Прямые налоги	3,6	11,4	9,4	8,1	8,9	9,6	7,7	7,5
1.1.2. Косвенные налоги	7,1	8,0	7,3	8,0	8,9	10,9	12,5	12,4
1.2. Другие доходы	5,8	5,8	5,3	6,0	6,0	6,1	6,8	4,4
1.3. Доходы социального фонда	—	2,8	2,4	2,6	7,7	11,1	6,1	6,3
2. Иностранная помощь и кредиты	12,3	16,4	19,1	29,4	22,7	13,7	15,9	14,3
2.1. Иностранная помощь	5,1	9,9	5,5	7,9	8,6	7,1	6,6	7,4
2.1.1. Республика Турция	5,1	9,9	5,5	7,9	8,5	7,1	6,6	7,4
2.1.2. Другие	—	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0
2.2. Кредиты	7,2	6,5	13,6	21,5	14,1	6,6	9,3	6,9
2.2.1. Республика Турция	7,2	6,5	13,6	21,5	14,1	6,6	9,3	6,9
II. Расходы	31,1	51,0	46,0	56,5	53,9	50,7	47,7	45,8
1. Текущие расходы	17,5	19,8	15,2	15,6	17,5	17,5	18,2	18,4
1.1. Индивидуальные расходы	14,5	17,4	12,8	13,2	15,0	15,1	15,4	16,0
1.2. Прочие текущие расходы	3,0	2,5	2,3	2,4	2,6	2,5	2,8	2,4
2. Трансферты	7,4	21,9	24,4	32,1	26,6	24,8	22,3	19,2
2.1. Социальные трансферты	—	13,6	11,6	11,4	11,7	11,6	0,0	0,0
2.2. Прочие трансферты	—	8,3	12,7	20,7	14,9	13,2	0,0	0,0
3. Оборона	3,8	3,7	3,3	3,8	3,6	3,1	2,5	2,6
4. Инвестиции	2,4	5,5	3,2	5,1	6,1	5,2	4,7	5,6
III. Баланс бюджета	-2,3	-6,6	-2,5	-2,4	0,4	0,6	1,4	-0,9

1 Прогнозируемые данные.

Источник: Государственная организация планирования.

местные доходы росли сравнительно быстрыми темпами, хотя в целом эти доходные статьи сохранили почти равную пропорцию в формировании бюджетных доходов. В течение периода 1984–1987 гг. по отношению к ВВП бюджетные расходы составили более 36 %. В 1987 году по отношению к ВВП оборонные расходы составили 2,1 % (\$ 6,9 млн), инвестиции — 5,6 % (\$ 18,5 млн), дефицит бюджета — 3,8 % (– 12,7 млн).

В 1988 году в формировании бюджетных доходов резко упала доля иностранной помощи и кредитов (до 4,6 % по отношению к ВВП). В течение периода 1989–1999 гг. доходы по этой статье не превысили уровень 9,8 % по отношению к ВВП (этот уровень был зарегистрирован в 1996 году). В отдельные годы объем иностранной помощи и кредитов по отношению к ВВП колебался даже в пределах 3–4 %.

В течение периода 1988–1995 гг. бюджетные доходы по отношению к ВВП не показывали устойчивую динамику и колебались в довольно широком диапазоне — от 25,6 % в 1989 году до 32,4 % в 1994 году. Бюджетные расходы в течение этого периода колебались в пределах 30–40 % от ВВП, а дефицит бюджета — 4–7 % (в 1995 году дефицит бюджета по отношению к ВВП достиг даже 11,1 %). За рассматриваемый период оборонные расходы по отношению к ВВП не превысили 2,1 %, а инвестиции — 4,9 %.

Начиная с 1996 года наблюдается рост как бюджетных доходов, так и расходов. Бюджетные доходы в 1996 году составили 35 % от ВВП, в 1997 году — 39,7 %, а в 1998 году — 42 %. Все последующие годы и до настоящего времени этот показатель всегда был больше 40 %. В течение периода 2002–2004 гг. данный показатель был больше половины ВВП (54,1 % в 2002 году, 54,2 % в 2003 году и 51,3 % в 2004 году). За рассматриваемый период по отношению к ВВП бюджетные расходы в среднем были близки к уровню 50 %. В 2002 году соотношение бюджетные расходы/ВВП составило даже 56,5 %. В целом на достижение таких высоких уровней бюджетных доходов и расходов повлияла вновь возрастающая роль иностранной помощи и кредитов. Практически весь объем иностранной помощи и кредитов ТРСК получает из Турции. В течение периода 1996–2006 гг. предоставляемая Турцией иностранная помощь и кредиты покрыли значительную часть бюджетных расходов республики Северного Кипра. В 2002 году 52 % бюджетных расходов ТРСК были осуществлены за счет турецкой помощи и кредитов (см. таблицу 27). Турецкая помощь и кредиты предоставляются согласно экономическим протоколам, которые подписываются между двумя

Таблица 27. Иностранная помощь и кредиты¹

Годы	Иностранная помощь и кредиты, млн \$	Бюджетные расходы, млн \$	Доля в покрытии бюджетных расходов (в%)
1996	81,9	296,8	27,6
1997	79,3	323,8	24,5
1998	134,7	403,6	33,4
1999	120,5	455,1	26,5
2000	170,8	530,4	32,2
2001	173,3	418,2	41,4
2002	277,1	531,8	52,0
2003	291,8	691,4	42,2
2004	238,3	883,6	27,0
2005	370,8	1110,9	33,4
2006	375,4	1203,4	31,2

¹ Составлен автором на основании данных Организации Государственного Планирования ТРСК.

странами, обычно на трехлетний период. Эти средства поступают по нескольким направлениям: государственные финансы (на содержание руководства Сил обеспечения безопасности и содержание Министерства гражданской обороны ТРСК, инфраструктурные проекты и т. д.), туризм, банковское дело и приватизационные проекты. Согласно экономическому протоколу за 2003–2006 гг., Анкара обязалась обеспечить ТРСК финансовой помощью приблизительно в \$ 550 млн. Согласно последнему экономическому протоколу (зарегистрированному в 2005 году), Турция обязуется предоставлять за трехлетний период ТРСК финансовую помощь и кредиты на общую сумму в \$ 450 млн. Ежегодно Турция предоставляет также займы (с низкими процентами) частному сектору для поддержки экспортоориентированных производств и развития туризма. Весь объем турецкой помощи Северному Кипру, начиная с 1974 года, оценивается свыше \$ 3 млрд.

По прогнозным данным 2006 года, доходы бюджета составили \$ 1179,7 млн, в том числе: местные доходы (налоговые, неналоговые и другие доходы) — \$ 804,3 млн, иностранная помощь и кредиты — \$ 375,4 млн (помощь — \$ 195,5 млн, кредиты — \$ 180,0 млн).

В том же году бюджетные расходы составили \$ 1203,4 млн, в том числе: текущие расходы (индивидуальные и другие расходы) — \$ 482 млн, трансферты — \$ 504,1 млн, оборона — \$ 69 млн, инвестиции — \$ 148,3 млн. В результате дефицит бюджета составил \$ 23,7 млн. По отношению к ВВП доходы бюджета в 2006 году составили 44,9 %, включая местные доходы (налоговые, неналоговые и другие доходы) — 30,6 %, иностранную помощь и кредиты — 14,3 % (помощь — 7,4 %, кредиты — 6,9 %). В том же году бюджетные расходы составили 45,8 % от ВВП, включая текущие расходы (индивидуальные и другие расходы) — 18,4 %, трансферты — 19,2 %, оборону — 2,6 %, инвестиции — 5,6 %. Дефицит бюджета по отношению к ВВП составил 0,9 %.

Начиная с 2003 года, в структуре местных доходов косвенные налоги сперва поравнялись, а потом стали превышать прямые, как было в течение периода 1977–1785 гг. Это было связано с бумом в секторах строительства, торговли и туризма, приводящих к росту импорта. После открытия «Зеленой Линии» в 2003 году, тысячи турков-киприотов стали зарабатывать большие денежные средства на Юге, что, в свою очередь, увеличило значимость социальных выплат в формировании местных доходов бюджета. Так, если в 2002 году доходы социального фонда по отношению к ВВП составил 2,6 %, то в 2003 году — уже 7,7 %, в 2004 году — 11,1 %, в 2005 году — 6,1 %. В 2006 году по отношению к ВВП косвенные налоги составили 12,4 % (\$ 326,5 млн), прямые налоги — 7,5 % (\$ 198,1 млн), доходы социального фонда — 6,3 % (\$ 164,3 млн), другие доходы (в основном факторные) — 4,4 % (\$ 115,4 млн).

Проект государственного бюджета 2007 года предусматривает правительственные доходы почти в два миллиарда новых турецких лир, 72 % которых составят местные доходы, а остальные 27,95 % — помощь и кредиты из Турции. Ожидается, что экономический рост в 2007 году составит 7,8 %, в результате которого ВВП на душу населения увеличится до \$ 12 367.

Учитывая то обстоятельство, что турецкую помощь непосредственно получает правительство ТРСК, государственный сектор традиционно остается мощным. Практически только государство в состоянии вложить капитал в инфраструктурные проекты.

В 1982 году, то есть накануне провозглашения независимости, государственные доходы ТРСК составили \$ 37,2 млн или 17,8 % от ВВП, трансферты — \$ 17,7 млн или 8,5 % от ВВП. В итоге располагаемый государственный доход составил \$ 19,5 млн (9,4 % от ВВП). В формировании государственных доходов доля налоговых поступлений составила 57,2 %, неналоговых — 17,5 %,

Таблица 28. Баланс государственного сектора (млн \$, по текущим ценам)¹

	1982	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ²
1. Государственные доходы	37,2	429,3	335,4	370,6	551,4	760,4	955,0	1026,6
1.1. Налоги	21,3	207,6	157,2	156,4	234,9	368,1	486,7	548,5
1.1.1. Прямые налоги	9,2	120,7	87,0	77,2	115,0	168,4	181,6	201,3
1.1.2. Косвенные налоги	12,1	86,9	70,2	79,2	119,9	199,7	305,1	347,2
1.2. Неналоговые доходы	6,5	68,9	55,4	63,0	86,5	120,7	179,7	145,7
1.3. Факторные доходы	9,4	152,7	122,8	151,2	230,0	271,6	295,2	332,5
2. Трансферты	17,7	219,8	224,8	298,8	333,1	416,4	512,5	501,0
3. Располагаемый госуд. доход	19,5	209,5	110,6	71,8	218,3	344,0	449,1	525,6
4. Текущие госуд. расходы	47,2	285,7	198,3	214,3	322,3	418,7	554,7	637,8
5. Государственные сбережения	- 27,6	- 76,2	- 87,6	- 142,5	- 103,9	- 74,7	- 105,6	- 112,2
6. Государственные инвестиции	10,3	70,7	40,7	52,1	71,7	103,5	134,1	174,6
6.1. Капиталовложения	10,7	66,2	34,8	48,1	72,5	102,7	129,4	171,1
6.2. Портфельные инвестиции	- 0,4	4,5	5,9	4,0	- 0,8	0,8	4,7	3,5
7. Государственный дефицит	37,9	146,9	128,3	194,6	175,6	178,2	239,6	286,7
ВВП	208,5	1039,9	908,8	941,4	1283,7	1765,2	2327,8	2625,4

¹ Рассчитан автором на основе данных Государственной организации планирования.

² Прогнозируемые показатели.

Таблица 29. Баланс государственного сектора (по ценам 1977 года, УТЛ)

	1982	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ¹
1. Государственные доходы	780,2	3,730,9	3,153,9	3,595,4	4,371,6	5,057,3	5,505,5	5,616,9
1.1. Налоги	446,5	1,804,1	1,478,2	1,517,3	1,862,0	2,448,2	2,786,5	3,000,8
1.1.1. Прямые налоги	193,9	1,048,7	818,5	749,3	911,6	1,120,2	1,040,0	1,101,5
1.1.2. Косвенные налоги	252,6	755,4	659,7	768,0	950,5	1,328,0	1,746,5	1,899,4
1.2. Неналоговые доходы	136,9	599,2	521,2	611,2	686,0	803,0	1,028,7	797,1
1.3. Факторные доходы	196,8	1,327,6	1,154,5	1,466,9	1,823,6	1,806,1	1,690,3	1,819,0
2. Трансферты	370,9	1,910,2	2,113,5	2,898,6	2,640,7	2,769,3	2,934,0	2,741,0
3. Располагаемый госуд. доход	409,3	1,820,7	1,040,4	696,8	1,730,9	2,288,0	2,571,5	2,875,9
4. Текущие госуд. расходы	988,1	2,483,4	1,864,5	2,079,1	2,555,1	2,784,7	3,175,8	3,489,6
5. Государственные сбережения	- 578,8	- 662,7	- 824,1	- 1,382,3	- 824,2	- 496,8	- 604,3	- 613,7
6. Государственные инвестиции	215,0	614,6	382,5	506,0	567,9	688,1	767,7	955,2
6.1. Капиталовложения	223,4	575,7	327,3	466,3	574,4	683,0	740,9	936,2
6.2. Порфельные инвестиции	- 8,4	38,9	55,2	39,7	- 6,5	5,1	26,9	19,0
7. Государственный дефицит	793,8	1,277,3	1,206,6	1,888,3	1,392,1	1,184,9	1,372,0	1,568,8

1 Прогнозируемые показатели. Источник: Государственная организация планирования.

факторных — 25,3 %. В том же году текущие государственные расходы составили \$ 47,2 млн. В итоге государственные сбережения были отрицательными на \$ 27,6 млн. В 1982 году в экономику Северного Кипра были вложены государственные инвестиции на общую сумму \$ 10,3 млн, в итоге — государственный дефицит составил \$ 37,9 млн или 18,2 % ВВП (см. таблицы 28, 29).

В последующие годы государственные доходы, трансферты и расходы постепенно увеличились. В течение периода 2003–2005 гг. государственные доходы по отношению к ВВП составили 41–43 %, трансферты государственного сектора — 22–26 %, текущие государственные расходы — 24–25 %, государственные инвестиции — около 6 %. По прогнозным данным 2006 года, государственные доходы по отношению к ВВП составили 39,1 % (\$ 1026,6 млн), трансферты государственного сектора — 19,1 % (\$ 501 млн), текущие государственные расходы — 24,3 % (\$ 637,8 млн), государственные инвестиции — 6,7 % (\$ 174,6 млн).

Платежный баланс и внешняя торговля

Анализ платежного баланса

В течение периода 1977–1987 гг. дефицит текущего счета ТРСК колебался между 20 и 25 миллионами долларов США, что было обусловлено отрицательным торговым балансом. Между 1988 и 1993 годами, в результате увеличения доходов от туризма и прочих невидимых статей (в среднем 14,5 % в год), баланс текущего счета показал положительные тенденции. Дефицит текущего счета понизился от 8,8 миллиона долларов США в 1988 году до 1 миллиона долларов США в 1993 году. Эти факторы были основными и при формировании баланса текущего счета в последующие годы. От их изменений и соотношений к импорту зависела величина текущего счета платежного баланса ТРСК. Экспорт, по причине своих маленьких размеров, практически никогда не играл значимой роли при формировании баланса текущего счета.

В 2002–2003 гг., впервые за всю 30-летнюю историю экономического развития ТРСК, баланс текущего счета был положительным (\$ 13,7 млн в 2002 году и \$ 19,4 млн в 2003 году). 2004 год вновь был закрыт с дефицитом текущего счета (на \$ 14,1 млн), а в 2005 году дефицит текущего счета резко возрос (был заре-

гистрирован рекордный показатель за весь предыдущий период экономического развития ТРСК — \$ 276,3 млн).

В 2006 году дефицит внешнеторгового баланса ТРСК достиг рекордного показателя — \$ 1 225,9 млн (47,8 % от ВВП). И хотя счет невидимых доходов превзошел все аналогичные показатели прошедших периодов и составил \$ 943,9 млн (36,8 % от ВВП), он не мог компенсировать огромный дефицит внешней торговли. В итоге, в 2006 году дефицит текущего счета платежного баланса ТРСК составил \$ 282 млн, превысив аналогичный показатель 2005 года на 2,1 %.

В категорию невидимых статей платежного баланса включаются чистые доходы от туризма и прочие невидимые статьи. Чистые доходы от туризма в 2006 году, по сравнению с аналогичными показателями 2004 и 2005 годов, уменьшились соответственно на 30 и 70,5 млн долларов США и составили \$ 258,3 млн. Чистые притоки прочих невидимых статей в 2006 году, по сравнению с аналогичными показателями 2004 и 2005 годов, увеличились соответственно на 196,9 и 103,3 млн долларов США и составили \$ 685,6 млн. Прочие невидимые статьи состоят из расходов турецких миротворческих сил (общая численность объединенной группировки турецких вооруженных сил на Кипре составляет около 50 тыс. человек, из которых 40 тыс. — военнослужащие турецкой армии и 10 тысяч — силы безопасности ТРСК), доходов от свободного порта и свободной зоны, чистых факторных доходов из-за границы (полученные платежи в форме заработной платы, доходов, аренд и процентов), доходов от образования и из других доходов. Следует отметить, что доходы от прочих невидимых статей в течение периода 2003–2006 гг. резко увеличились. За эти четыре года по данной позиции платежного баланса в ТРСК поступило более \$ 2 млрд, что помогло отчасти компенсировать резко возрастающий за эти годы дефицит внешнеторгового баланса.

На формирование раздела движения капитала влияют в основном помощь и займы, полученные из Турции. ТРСК практически не получает помощь и займы из других стран и международных организаций. В 2006 году ТРСК получила помощь и займы из Турции на общую сумму \$ 180 млн, что составило примерно 7 % по отношению к ВВП. Следует отметить, что значительная финансовая помощь из Турции ухудшает балансовые показатели экономики и приводит к деградации системы управления страной в целом. По некоторым оценкам, скрытая иностранная финансовая помощь достигает до 20 % ВВП. Потоки прочего краткосроч-

Таблица 30. Платежный баланс (млн \$)

	1977	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 ²
1. Текущий счет								
1.1. Внешняя торговля	106,9	475,3	306,6	355,0	528,6	915,1	1323,6	1356,1
1.1.1. Экспорт	24,9	50,4	34,6	45,4	50,8	62,0	68,1	65,1
1.1.2. Импорт	82,0	424,9	272,0	309,6	477,8	853,1	1,255,5	1,291,0
Внешнеторговый баланс	- 57,1	- 374,5	- 237,4	- 264,2	- 427,0	- 791,1	- 1,187,4	- 1,225,9
1.2. Счет невидимых статей								
1.2.1. Туризм (Net)	30,2	198,3	93,7	114,1	178,8	288,3	328,8	258,3
1.2.2. Прочие невидимые статьи (Net)	1,9	143,4	126,6	163,8	267,6	488,7	582,3	685,6
Баланс счета невидимых статей	32,1	341,7	220,3	277,9	446,4	777,0	911,1	943,9
Баланс текущего счета	- 25,0	- 32,8	- 17,1	13,7	19,4	- 14,1	- 276,3	- 282,0
2. Движение капитала								
2.1. Пом. и займы из Турции	31,0	105,5	133,7	202,3	178,7	175,3	217,2	180,0
2.2. Прочая иностр. помощь	3,0	—	—	—	—	—	—	—
2.3. Возвращенный импорт ¹	32,7	—	—	—	—	—	—	—
2.4. Движение прочего краткосрочного капитала	- 47,1	- 58,8	9,3	14,4	46,8	79,4	66,0	70,7
Баланс движения капитала	19,6	46,7	143,0	216,7	225,5	254,7	283,2	250,7
Общий баланс	- 5,4	13,9	125,9	230,4	244,9	240,6	6,9	- 31,3
3. Изменение резервов (- рост, + сокращение)	5,4	22,5	- 90,7	- 219,0	- 281,0	- 322,0	- 53,0	42,6
4. Чистые ошибки и пропуски	—	- 36,4	- 35,2	- 11,4	36,1	81,4	46,1	- 11,3

1 Из-за нового валютного законодательства (принятого в 1997 году), с 1997 года эта статья не рассматривается.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 31. Валютные резервы ТРСК (млн \$)

Резервы	1984	2000	2001	2002	2003	2004	2005
1. Официальные валютные резервы	32,3	26,6	37,9	30,5	16,8	- 28,2	- 26,8
2. Внутренние и внешние валютные депозиты	9,3	484,0	514,1	691,1	974,4	1 341,2	1 330,6
3. Валютные резервы банков	—	121,3	170,6	220,0	231,4	231,6	293,8
Всего	41,6	631,9	722,6	941,6	1 222,6	1 544,6	1 597,6

Источник: Центральный Банк ТРСК, Государственная организация планирования.

ного капитала на данный год составили \$ 70,7 млн. Из-за политической изоляции, в 2006 году, как и в предыдущие годы, в ТРСК практически не поступали прямые иностранные инвестиции. В итоге, несмотря на весомую сумму по прочим невидимым статьям и значительной помощи и займов из Турции, общий баланс платежного баланса в 2006 году был отрицательным на \$ 31,3 млн. Учитывая чистые ошибки и пропуски при составлении платежного баланса, официальные валютные резервы ТРСК в 2006 году сократились на \$ 42,6 млн. Примечательно, что в последний раз сокращение официальных валютных резервов наблюдалось в кризисном 2000 году. Тогда резервы сократились на сумму \$ 22,5 млн. Затем в 2001–2005 гг. валютные резервы выросли соответственно: на \$ 90,7, \$ 219,0, \$ 281,0, \$ 322,0 и \$ 53,0 миллионов (см. таблицу 30). Официальные валютные резервы ТРСК по итогам 2006 года составили \$ 1 555,0 млн (см таблицу 31).

В течение периода 1977–1986 гг. приблизительно одна треть импорта ТРСК компенсировалась за счет доходов от туризма. Начиная с 1987 года доля данной статьи в компенсации импорта стала расти и до 2001 года колебалась вокруг 50 %. В 2003–2004 гг. этот показатель превышал даже уровень 60 %. С 2001 года данный показатель стал приближаться к среднему показателю периода 1977–1986 гг., а в 2006 году снизился до 20 % (см. таблицу 32). Эти тенденции наглядно продемонстрировали существующие серьезные структурные проблемы экономики ТРСК. Вместе с тем они выявили также несостоятельность декларированного властями Северного Кипра экономического курса, согласно которому

сектор туризма должен был стать локомотивом экономического развития страны.

Таким образом, анализ платежных балансов ТРСК показывает, что внешнеэкономический сектор страны сильно уязвим и зависит от трех основных факторов: доходов от туризма, прочих невидимых статей и получаемой из Турции помощи и займов. Более того, значение получаемых доходов от туризма постепенно ослабилось после 2001 года, и в 2006 году доходы по этой статье компенсировали всего 20 % импорта. Параллельно увеличивалась внешнеэкономическая зависимость республики от доходов прочих невидимых статей, а также от помощи и займов из Турции, без которых страна просто окажется неплатежеспособной.

Внешняя торговля

Экономика ТРСК имеет особенности малой островной экономики с ограниченными ресурсами. На этом фоне развитие внешнеторговых отношений получает первостепенную значимость. В целом ТРСК проводит либеральную внешнеторговую политику, что способствовало установлению торговых отношений более чем с 60 странами мира уже в начале 1990-х годов. Среди этих торговых партнеров были члены ЕЭС, страны Ближнего Востока, Соединенные Штаты, Япония, многие другие страны Африки и Азии.

Правительство ТРСК пытается стимулировать внешнюю торговлю различными средствами, включая либеральные налоговые льготы и свободный обмен иностранной валюты. С целью привлечения инвесторов и стимулирования внешней торговли в конце 1977 года был учрежден свободный порт и зона в Фамагусте. В свободном порту и в зоне были установлены налоговые и импортные льготы, разрешалось без каких-либо ограничений репатриировать полученную прибыль и капитал.

Но политическая непризнанность ТРСК со многими другими внешними и внутренними ограничениями является серьезным барьером для налаживания прямых и регулярных морских и воздушных связей с этими странами (кроме Турции) и развития внешнеторговых отношений с внешним миром в целом. Экономика ТРСК имеет маленький производственный сектор и страдает от хронического торгового дефицита. По итогам 2006 года импорт составил \$ 1 291 млн (50,3 % по отношению к ВВП), экспорт — \$ 65,1 млн (2,5 % по отношению к ВВП).

Экономическое «эмбарго». До 1994 года Европейское Экономическое Сообщество и Великобритания были главными тор-

Таблица 32. Чистые доходы от невидимых статей, помощь и займы из Турции¹

Годы	Доходы от туризма (Net)		Доходы от прочих невид. статей		Помощь и займы из Турции	
	Сумма	Отн. к импорту (%)	Сумма	Отн. к импорту (%)	Сумма	Отн. к импорту (%)
1977	30,2	36,8	1,9	2,3	31,0	37,8
1978	33,5	39,9	-0,8	—	23,1	27,5
1979	33,7	36,6	-0,6	—	23,4	25,4
1980	24,0	25,3	1,7	1,8	25,6	26,9
1981	23,9	23,0	18,7	18,0	30,7	29,5
1982	27,2	22,7	24,8	20,7	37,7	31,4
1983	37,1	25,5	34,9	24,0	40,5	27,9
1984	40,3	29,6	27,9	20,5	38,3	28,1
1985	47,3	33,1	26,7	18,7	36,4	25,5
1986	52,0	33,9	27,6	18,0	43,5	28,4
1987	103,5	46,8	41,7	18,9	35,5	16,1
1988	118,0	54,1	38,9	17,8	10,9	5,0
1989	154,9	59,0	47,9	18,2	15,6	5,9
1990	224,8	58,9	74,8	19,6	22,5	5,9
1991	153,6	51,0	68,4	22,7	49,6	16,5
1992	175,1	47,1	118,3	31,9	36,8	9,9
1993	224,6	61,7	83,8	23,0	30,1	8,3
1994	172,9	60,3	56,1	19,6	22,1	7,7
1995	218,9	58,0	67,6	18,5	28,4	7,8
1996	175,6	55,2	70,3	22,1	82,8	26,0
1997	183,2	51,4	74,7	20,9	88,4	24,8
1998	186,0	43,2	88,0	20,4	168,7	39,2
1999	192,8	46,7	77,2	18,7	95,4	23,1
2000	198,3	46,7	143,4	33,7	105,5	24,8
2001	93,7	34,4	126,6	46,5	133,7	49,2
2002	114,1	36,9	163,8	52,9	202,3	65,3
2003	178,8	37,4	267,6	56,0	178,7	37,4
2004	288,3	33,8	488,7	57,3	175,3	20,5
2005	328,8	26,2	582,3	46,4	217,2	17,3
2006	258,3	20,0	685,6	53,1	180,0	13,9

1 Составлен автором на основе данных Государственной организации планирования.

говыми партнерами ТРСК. После раздела острова, ссылаясь на инструкции ЕЭС, Республика Кипр настаивала на том, чтобы европейские страны запретили импорт сельскохозяйственных продуктов из Северного Кипра, основанного на выдаваемых властями ТРСК свидетельствах о происхождении и фитосанитарии. Однако некоторые страны ЕЭС, например Великобритания и Германия, продолжали импортировать цитрусы и картофель из Северного Кипра, но уже под фитосанитарным свидетельством, выданным не от имени ТРСК, а Торговой Палатой Турции. 5 июля 1994 года Европейский Суд (ЕСJ) принял решение против такой практики импорта товаров из Северного Кипра. Согласно постановлению ЕСJ, фитосанитарные свидетельства продуктов из Северного Кипра, выданные другим государством, не должны быть приняты, и только товары, имеющие свидетельства о происхождении от Правительства Кипра, могут быть признаны государствами-членами ЕЭС. После этого Великобритания и Германия присоединились к решению Европейского Суда.

Решение ЕСJ серьезно ударило по экономике ТРСК, особенно по экспорту готовой одежды и цитрусовых. Несмотря на то, что Суд не стремился формально наложить экономическое эмбарго на товары из Северного Кипра, его решение серьезно ограничило торговлю между ТРСК и ЕЭС. В отсутствие должным образом разрешенного свидетельства компетентными властями, импорт текстильных товаров из Северного Кипра в Европейское Экономическое Сообщество был все еще возможен, но через лиц, не являющимися членами какой-либо организации сообщества, то есть блокаду можно было обойти, однако торгуя через международные компании. Поэтому текстильные товары из ТРСК облагались таможенными пошлинами в пределах от 3 до 32 процентов, что сделало их неконкурентоспособными на европейском рынке. Кроме того, это означало, что повышаются также цены необходимого импортируемого сырья. При подобных обстоятельствах и так маленький производственный сектор был ослаблен из-за трудностей экспорта товаров в ЕС. Северный Кипр практически не испытывает серьезных затруднений в импорте товаров из-за ограничений внешней торговли. Доставка товаров осуществляется кораблями в порты ТРСК.

После решения Суда значительно уменьшился экспорт ТРСК в страны ЕС — от \$ 36,4 миллиона (или 66,7 % от общего объема экспорта) в 1993 году к \$ 18,6 миллиона в 2005 году (или 27,3 % от общего объема экспорта в 2005 году). Но даже в этом случае ЕС продолжает быть вторым по величине торговым партнером

ТРСК, с 21,1 %-й долей в импорте и 18,6 %-й долей в экспорте в 2005 году. Экспорт Северного Кипра в страны ЕС извлекает выгоду от традиционных контактов турков-киприотов с этими странами, но трудности в транспортировке и «экономическое эмбарго» ограничивают как привлечение инвестиций в Северный Кипр, так и торговлю с ним. В торговых отношениях с ТРСК среди европейских стран лидирует Великобритания. Но если доля Великобритании в общем объеме импорта Северного Кипра в 1977 году составила 25,4 % (\$ 20,8 млн), в 1994 году — 25,6 % (\$ 73,4 млн), то в 2005 году — 8,1 % (\$ 101,4 млн). Доля Великобритании в экспорте Северного Кипра за отмеченные годы составила соответственно 49,4 % (\$ 11,8 млн), 46,3 % (\$ 24,7 млн), 20,3 % (\$ 13,8 млн). В 1990 году доля Великобритании даже превысила половину от общего объема экспорта ТРСК и составила 67,2 % (\$ 44 млн). Британский рынок (особенно после ослабления в 2000 году режима выдачи фитосанитарных сертификатов страны происхождения) является основным для сбыта производимых в ТРСК цитрусовых и картофеля. Некоторые британские предприятия в секторе легкой промышленности, которые принадлежат турко-кипрской диаспоре, импортируют из ТРСК полуфабрикаты. Из Великобритании ТРСК импортирует в основном потребительские товары.

За более чем 30 лет после раздела Кипра властям ТРСК не удалось должным образом диверсифицировать внешнюю торговлю. В 2005 году доля стран Среднего Востока в экспортно-импортных операциях ТРСК составила соответственно 10 % и 3,3 % (см. таблицу 33). Экспорт ТРСК в США в 2005 году составлял всего \$ 0,1 млн (0,1 % от общего объема экспорта), а импорт из США — \$ 8,3 млн (0,7 % от общего объема импорта). Экспорт товаров из ТРСК в дальневосточные страны отсутствует, а импорт из этих стран в 2005 году составил \$ 52 млн (4,1 % от общего объема импорта).

Экономическое эмбарго ТРСК ускорило увеличение экспорта в Турцию. Турция стала главным торговым партнером Северного Кипра и остается таковым до сих пор. Если в 1977 году доля Турции в экспорте ТРСК составила 27,6 %, а в импорте — 37,7 %, то в 2005 году — соответственно 50,2 % и 65,1 % (см. таблицу 34).

Отрицательные следствия зависимости внешней торговли ТРСК от Турции проявились во время финансово-экономического кризиса в Турции в 2001 году, побочным эффектом которого стал спад ВВП в ТРСК. По сравнению с 2000 годом общий объем импорта ТРСК в 2001 году сократился на 56,2 % (от \$ 424,9 млн до

Таблица 33. Внешняя торговля по странам (млн \$) 2000–2002 гг.

Страны	1977			2000			2001			2002						
	Имп.	% Эксп.	% Имп.	% Эксп.	% Имп.	% Эксп.	Имп.	% Эксп.	% Имп.	% Эксп.	Имп.	% Эксп.				
1. Турция	30,9	37,7	6,6	27,6	275,1	64,7	18,7	37,1	173,5	63,8	12,8	37,0	195,0	63,0	18,3	40,3
2. Другие страны	51,1	62,3	17,3	72,4	149,8	35,3	31,7	62,9	98,5	36,2	21,8	63,0	114,6	37,0	27,1	59,7
2.1. Страны ЕС	37,3	45,5	15,3	64,0	103,2	24,3	20,3	40,3	63,1	23,2	12,2	35,3	76,2	24,6	12,7	28,0
2.1.1. Велико- британия	20,8	25,4	11,8	49,4	43,3	10,2	18,8	37,3	28,6	10,5	11,5	33,2	34,2	11,0	11,9	26,2
2.1.2. Другие страны ЕС	16,5	20,1	3,5	14,6	59,9	14,1	1,5	3,0	34,5	12,7	0,7	2,0	42,0	13,6	0,8	1,8
2.2. Страны Среднего Востока	3,4	4,1	1,2	5,0	7,5	1,8	3,9	7,7	10,5	3,9	2,9	8,4	9,7	3,1	3,7	8,1
2.3. Дальневос- точные страны	5,1	6,2	0,0	0,0	14,1	3,3	0,0	0,0	5,4	2,0	0,0	0,0	7,4	2,4	0,0	0,0
2.4. США	0,4	0,5	0,2	0,8	5,2	1,2	0,2	0,4	4,1	1,5	0,5	1,4	3,1	1,0	0,1	0,2
2.5 Другие страны	4,9	6,0	0,6	2,5	19,8	4,7	7,3	14,5	15,4	5,7	6,2	17,9	18,2	5,9	10,6	23,3
Всего	82,0	100,0	23,9	100,0	424,9	100,0	50,4	100,0	272,0	100,0	34,6	100,0	309,6	100,0	45,4	100,0

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 33. Внешняя торговля по странам (млн \$). 2003–2005 гг

Страны	2003			2004			2005			
	Имп.	%	Эксп.	Имп.	%	Эксп.	Имп.	%	Эксп.	
1. Турция	299,3	62,6	22,9	512,4	60,1	28,7	817,4	65,1	34	50,2
2. Другие страны	178,5	37,4	27,9	340,7	39,9	33,3	438,1	34,9	34	49,8
2.1. Страны ЕС	115,0	24,1	12,6	224,4	26,3	15,2	264,3	21,1	19	27,3
2.1.1. Велико- британия	49,3	10,3	11,9	91,0	10,7	13,5	101,4	8,1	14	20,3
2.1.2. Другие страны ЕС	65,7	13,8	0,7	133,4	15,6	1,7	162,9	13,0	5	7,0
2.2. Страны Среднего Востока	12,7	2,7	3,8	23,5	2,8	4,3	42,0	3,3	7	10,0
2.3. Дальневос- точные страны	19,3	4,0	0,0	40,7	4,8	0,0	52,0	4,1	0	0,0
2.4. США	3,7	0,8	0,0	7,1	0,8	0,0	8,3	0,7	0	0,1
2.5 Другие страны	27,8	5,8	11,5	22,6	45,0	13,8	71,1	5,7	8	12,3
Всего	477,8	100,0	50,8	853,1	100,0	62,0	1 255,1	100,0	68	100,0

Источник: Государственная организация планирования.

\$ 272,0 млн), а общий объем экспорта — на 45,7 % (от \$ 50,4 млн до \$ 34,6 млн). Показатели импортно-экспортных операций ТРСК превысили докризисный уровень только в 2003 году.

Турция, безусловно, является главным источником импорта для ТРСК. Этому способствуют не только тесные финансово-экономические связи двух стран, но и привилегированное положение турецких товаров на внутреннем рынке ТРСК. Хотя, в отличие от Юга, Северный Кипр все еще поддерживает относительно более высокие импортные тарифы, страна применяет смягченные тарифы на импорт из Турции. Низкие тарифы на турецкий импорт не только ограничивают рост и развитие малых и средних промышленных предприятий в ТРСК, но и приводят к тому, что турецкие дешевые товары вытесняют из внутреннего рынка товары местного производства.

Турция является также главным экспортным рынком для производителей Северного Кипра, хотя сказанное очень условно, так как объемы экспорта очень скромные. Правда, при экспорте в Турцию не существуют условия торгового эмбарго, однако и здесь северокипрские производители сталкиваются с определенными барьерами, в этом случае — экономическими. Экспорт промышленных товаров в Турцию ограничивается рядом причин:

— в отношениях с Турцией Северный Кипр не имеет никакого сравнительного преимущества в производстве промышленных товаров (Турция имеет сильную текстильную промышленность и секторы переработки сельскохозяйственных продуктов), а турецкие промышленники, в отличие северокипрских предпринимателей, наслаждаются долгосрочными ссудами и налоговыми льготами (то есть существует недобросовестная конкуренция). Если учитывать также, что минимальная заработная плата на Северном Кипре больше, чем в Турции (800 YTL против 300 YTL), то безнадежное положение северокипрских предпринимателей становится более очевидным:

— хотя экспорт в Турцию состоит из специально обработанных товаров (например, неподгораемая кухонная посуда, картонные коробки и другие), рост турецкого производства данных товаров и низкие импортные тарифы в стране нивелируют преимущества северокипрских экспортных товаров;

— в ряде случаев импорт из ТРСК облагается высокими налоговыми ставками. Например, ставка налога на добавленную стоимость для конфет и ракий из ТРСК составляет 18 %.

Таким образом, получается, что Турция продает все виды промышленных товаров Северному Кипру, но препятствует импорту

Таблица 34. Внешняя торговля с Турцией и с другими странами (млн \$)¹

Годы	Турция				Другие страны				Всего	
	Импорт	Доля (%)	Экспорт	Доля (%)	Импорт	Доля (%)	Экспорт	Доля (%)	Импорт	Экспорт
1977	30,9	37,7	6,6	27,6	51,1	62,3	17,3	72,4	82,0	23,9
1978	33,0	39,2	6,3	20,5	51,2	60,8	24,5	79,5	84,2	30,8
1979	39,1	43,1	7,5	20,9	51,7	56,9	28,3	79,1	90,8	35,8
1980	41,5	43,9	6,1	13,7	52,9	56,1	38,4	86,3	94,4	44,5
1981	44,2	40,5	7,1	19,2	59,9	59,5	29,8	80,8	104,1	36,9
1982	49,5	41,3	7,3	18,5	70,4	58,7	32,2	81,5	119,9	39,5
1983	65,3	44,9	6,5	15,9	80,0	55,1	34,2	84,1	145,3	40,7
1984	61,5	45,1	8,4	21,6	74,8	54,9	30,4	78,4	136,3	38,8
1985	65,1	45,5	5,4	11,7	77,9	54,5	40,9	88,3	143,0	46,3
1986	70,1	45,8	7,7	14,8	83,1	54,2	44,3	85,2	153,2	52,0
1987	94,3	42,7	7,9	14,3	126,7	57,3	47,2	85,7	221,0	55,1
1988	101,9	46,7	6,3	12,0	116,2	53,3	46,1	88	218,1	52,4
1989	112,5	42,9	9,2	16,7	150,0	57,1	46,0	83,3	262,5	55,2
1990	153,5	40,2	7,9	12,1	228,0	59,8	57,6	87,9	381,5	65,5
1991	143,0	47,5	7,3	13,9	158,1	42,5	45,2	86,1	301,1	52,5
1992	178,0	47,9	9,1	16,7	192,7	42,1	45,5	83,3	371,4	54,6
1993	150,9	41,5	12,5	22,9	213,0	58,5	42,0	87,5	363,9	54,5
1994	129,3	45,1	10,4	19,5	157,3	44,9	43,0	89,6	286,6	53,4
1995	194,8	53,2	34,0	48,2	171,3	46,8	47,1	70,0	366,1	67,3
1996	176,1	55,3	27,1	47,0	142,3	44,7	36,5	51,8	318,4	70,5
1997	202,0	56,6	27,1	47,0	154,6	43,4	30,6	53,0	356,6	57,7
1998	251,5	58,4	27,0	50,6	179,0	41,6	26,4	49,4	430,5	53,4
1999	256,4	62,1	27,9	53,2	156,3	37,9	24,5	46,8	412,7	52,4
2000	275,1	64,7	18,7	37,1	149,8	35,3	31,7	62,9	424,9	50,4
2001	173,5	63,8	12,8	37,0	98,5	36,2	21,8	63,0	272,0	34,6
2002	195,0	63,0	18,3	40,3	114,6	37,0	27,1	59,7	309,6	45,4
2003	299,3	62,6	22,9	45,1	178,5	37,4	27,9	54,9	477,8	50,8
2004	512,4	60,1	28,7	46,3	340,7	39,9	33,3	53,7	853,1	62,0
2005	817,4	65,1	34,2	50,2	438,1	34,9	33,9	49,8	1255,5	68,1

¹ Составлен автором на основе данных Государственной организации планирования.

оттуда. В результате многие местные предприятия промышленности ТРСК закрываются.

В конце апреля 2003 года Республика Кипр подписала договор о вступлении в ЕС, после чего власти турецкой части острова впервые за 30 лет отменили часть ограничений на переход «Зеленой Линии». Ослабление ограничений продвижения между двумя частями острова в апреле 2003 года позволило пересечению миллионов людей через «Зеленую Линию». В августе 2004 года решением Евросоюза в греческой части Кипра допускалась продажа товаров, произведенных на Севере Кипра, если эти товары отвечали требованиям ЕС о происхождении и фитосанитарии. В соответствии с правилами ЕС, в мае 2005 года власти ТРСК позволили продажу определенных товаров, произведенных на юге. Несмотря на эти изменения, прямая торговля между двумя частями острова остается очень ограниченной.

В сентябре 2005 года в Брюсселе было открыто представительство турко-кипрской торговой палаты, признанной европейскими структурами в качестве органа, уполномоченного выдавать те или иные сертификаты на товары, производимые на севере Кипра и действительные на территории ЕС.

Структурные особенности внешней торговли

В течение периода 1977–2006 годов объем внешней торговли ТРСК увеличился от \$ 105,9 млн в 1977 году до \$ 1356,1 млн в 2006 году, то есть в 12,8 раза. Однако следует отметить, что только за 2004–2005 гг. объем внешней торговли вырос в 2,5 раза, что обусловлено в первую очередь бурным развитием торговли и строительного сектора. Рост внешней торговли республики за 1977–2006 годы был обеспечен за счет роста импорта, который вырос несравнимо высокими темпами, чем экспорт. Если импорт в течение периода 1977–2006 гг. увеличился почти в 16 раз! то экспорт в данный период вырос всего в 2,7 раза. В 2006 году общий объем импорта ТРСК \$ 1 291 млн экспорта — \$ 65,1 млн против соответствующих показателей \$ 82 млн и \$ 23,9 млн в 1977 году (см. таблицу 35).

В результате этих изменений, по итогам 2006 года, внешне-торговый дефицит по сравнению с 1977 годом (\$ 58,1 млн.) вырос в 21,1 раза (\$ 1225,9 млн). В 1977 году соотношение экспорт/импорт составило 29,1 %, в 1978 году — 36,6 %, в 1979 году — 43,4 %, в 1980 году — 50,1 %. Но эти благоприятные тенденции не продолжались в последующих годах, и данный показатель больше никогда не превышал 50 %, снизивши, наконец, до 5 % в 2006 году.

Экспорт ТРСК ограничен вокруг некоторых традиционных товаров. В структуре экспорта ТРСК доля сельскохозяйственных продуктов в 1977 году составила 77,5 %. Но в дальнейшем она упала до 36,1 % в 2005 году. Что касается доли промышленных товаров в общем объеме экспорта, то этот показатель увеличился от 12,1 % в 1977 до 60,4 % в 2005 году.

Основную часть экспорта сельскохозяйственных продуктов составляют цитрусы. Долгие годы эта статья экспорта была также основной в общем объеме экспорта Северного Кипра. Но вследствие «экономического эмбарго» ее доля постепенно сократилась в общем объеме экспорта, хотя и остается основной статьёй в экспорте сельскохозяйственных продуктов. Если в 1977 году экспорт цитрусов составил 65,7 % от общего объема экспорта ТРСК, то в 2005 году их доля составила уже 29,1 %.

В экспорте промышленных товаров доминирует сектор переработки сельскохозяйственных продуктов (главным образом цитрусовый концентрат для приготовления соков и фуража). Доля данного сектора увеличилась от 3,8 % в 1977 году до 40,8 % в 2005 году. Второй по значению статьёй в экспорте промышленных товаров и третьей в экспорте Северного Кипра в целом является экспорт одежды. ТРСК начал экспортировать одежду с 1993 года. В данном году 34,9 % от общего объема экспорта пришлось на одежду (\$ 19 млн от \$ 54,5 млн). В дальнейшем доля этой статьи в экспорте сократилась. В 2005 году экспорт одежды составил 14,7 % от общего объема экспорта ТРСК. В 2005 году доля минеральных товаров (в основном гипсе) в общем объеме экспорта Северного Кипра составила 3,5 %. Кроме цитрусовых, одежды и минеральных ресурсов экспорт ТРСК включает также такие товары, как картофель, живые ягнята и козлята, молочные продукты, виноград, свежие овощи, семена рожкового дерева, срубленные рожковые деревья, оливки и оливковое масло, алкогольные напитки, лекарства, картонные коробки, кожу, шерсть, табак, кухонную посуду (тефлон), сварочный электрод и другие статьи.

В 1977 году основными статьями импорта Северного Кипра являлись промышленные товары из разных материалов (35,1 %), машиностроительное и транспортное оборудование (19,7 %), пищевые продукты (13,5 %), химические товары (9,1 %), напитки и табак (6,8 %), минеральное топливо, масло и связанные с ней материалы (6,4 %), животное и растительное масло (1,5 %), сырые материалы (1,1 %) и разнообразные товары (6,8 %). В течение периода 1977–2005 гг. в общем объеме импорта доля машино-

Таблица 35. Основные показатели внешней торговли¹

Годы	Внешнеторговый оборот		Внешнеторг. баланс		экспорт/импорт, %
	импорт	экспорт	всего		
1977	82,0	23,9	105,9	- 58,1	29,1
1978	84,2	30,8	115,0	- 53,4	36,6
1979	90,8	35,8	126,6	- 55,0	39,4
1980	94,4	44,5	138,9	- 49,9	47,1
1981	104,1	36,9	141,0	- 67,2	35,4
1982	119,9	39,5	159,4	- 80,4	32,9
1983	145,3	40,7	186,0	- 104,6	28,0
1984	136,3	38,8	175,1	- 97,5	28,5
1985	143,0	46,3	189,3	- 96,7	32,4
1986	153,2	52,0	205,2	- 101,2	33,9
1987	221,0	55,1	276,1	- 165,9	24,9
1988	218,1	52,4	270,5	- 165,7	24,0
1989	262,5	55,2	317,7	- 207,3	21,0
1990	381,5	65,5	447,0	- 316,0	17,2
1991	301,1	52,5	353,6	- 248,6	17,4
1992	371,4	54,6	426,0	- 316,8	14,7
1993	363,9	54,5	418,4	- 309,4	14,9
1994	286,6	53,4	340,0	- 233,2	18,6
1995	366,1	67,3	433,4	- 298,8	18,4
1996	318,4	70,5	388,9	- 247,9	22,1
1997	356,6	57,7	414,3	- 298,9	16,2
1998	430,5	53,4	483,9	- 377,1	12,4
1999	412,7	52,4	465,1	- 360,3	12,7
2000	424,9	50,4	475,3	- 374,5	11,9
2001	272,0	34,6	306,6	- 237,4	12,7
2002	309,6	45,4	355,0	- 264,2	14,7
2003	477,8	50,8	528,6	- 427,0	10,6
2004	853,1	62,0	915,1	- 791,1	7,3
2005	1255,5	68,1	1323,6	-1187,4	5,4
2006	1291,0	65,1	1356,1	- 1,225,9	5,0

¹ Составлен автором на основе данных Государственной организации планирования.

Таблица 36. Основные статьи экспорта по товарным группам (млн \$)

	1977	%	2000	%	2001	%	2002	%	2003	%	2004	%	2005	%
1. Сельхоз. продукты	18,5	77,4	16,0	31,7	12,3	35,5	18,9	41,6	20,9	41,1	21,1	34,0	24,6	36,1
1.1. Цитрусы	15,7	65,7	13,4	26,6	9,9	28,6	17,1	37,7	17,8	35,1	20,1	32,4	20,2	29,6
1.2. Картофель	1,8	7,5	0,1	0,2	0,5	1,4	0,2	0,4	0,4	0,8	—	—	1,0	1,5
1.3. Домашние животные	—	—	0,3	0,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1.4. Другие	1,0	4,2	2,2	4,3	1,9	5,5	1,6	3,5	2,7	5,2	1,0	1,6	3,4	5,0
2. Промышленные товары	2,9	12,1	34,2	67,9	21,9	63,3	26,1	57,5	29,2	57,6	39,4	63,6	41,1	60,4
2.1. Переработка сельхозтоваров	0,9	3,8	12,2	24,2	8,1	23,4	12,2	26,9	16,6	32,7	24,9	40,2	27,8	40,8
2.2. Одежда ¹	—	—	19,3	38,3	11,1	32,1	10,9	24,0	10,2	20,1	11,7	18,9	10,0	14,7
2.3. Другие	2,0	8,3	2,7	5,4	2,7	7,8	3,0	6,6	2,4	4,8	2,8	4,5	3,3	4,9
3. Минералы	2,5	10,5	0,2	0,4	0,4	1,2	0,4	0,9	0,7	1,3	1,5	2,4	2,4	3,5
Всего	23,9	100,0	50,4	100,0	34,6	100,0	45,4	100,0	50,8	100,0	62,0	100,0	68,1	100,0

¹ Включая прочие промышленные товары до 1993 года.

Источник: Государственная организация планирования.

Таблица 37. Основные статьи импорта по товарным группам (млн \$)

	1977	%	2000	%	2001	%	2002	%	2003	%	2004	%	2005	%
1. Пищевые продукты и домашние животные	11,0	13,5	60,6	14,3	46,2	17,0	43,5	14,1	58,4	12,2	80,3	9,4	110,5	8,8
2. Напитки и табак	5,6	6,8	26,9	6,3	19,3	7,1	24,2	7,8	32,9	6,9	45,2	5,3	54,4	4,3
3. Сырые материалы. Несъедобные, кроме топлива	0,9	1,1	6,0	1,4	4,5	1,6	4,4	1,4	7,0	1,5	13,5	1,6	21,0	1,7
4. Минеральное топливо, масло связанные материалы	5,2	6,4	44,4	10,5	32,6	12,0	27,4	8,9	36,6	7,6	68,9	8,1	172,8	13,8
5. Животное и растительное масло и жиры	1,2	1,5	3,5	0,8	3,0	1,1	3,6	1,2	4,7	1,0	5,3	0,6	6,8	0,5
6. Химические товары	7,5	9,1	35,0	8,2	28,5	10,5	33,1	10,7	46,0	9,6	66,0	7,7	93,0	7,4
7. Промышленные товары из разных материалов	28,8	35,1	91,0	21,4	58,3	21,4	73,5	23,7	110,4	23,1	207,7	24,4	310,1	24,7
8. Машиностроительное и транспортное оборудование	16,1	19,7	125,5	29,6	59,0	21,7	74,1	23,9	141,3	29,6	304,5	35,7	385,8	30,7
9. Разнообразные товары	5,7	6,8	32,0	7,5	20,6	7,6	25,8	8,3	40,5	8,5	61,7	7,2	101,1	8,1
Всего	82,0	100	424,9	100	272,0	100	309,6	100	477,8	100	853,1	100	1,255,5	100,0

Источник: Государственная организация планирования.

строительных и транспортных товаров повысилась до 30,7 %, доля минерального топлива и связанных с ней материалов — до 13,8 %, доля сырых материалов — до 1,7 %, доля разнообразных товаров — до 8,1 %. В течение того же периода по остальным статьям импорта наблюдалось сокращение их удельных весов. Так, по сравнению с 1977 годом в 2005 году в общем объеме импорта удельный вес пищевых продуктов составил 8,8 % против 11 %, напитков и табака — 4,3 % против 5,6 %, животного и растительного масла — 0,5 % против 1,2 %, химических товаров — 7,4 % против 7,5 %, промышленных товаров из разных материалов — 24,7 % против 28,8 %. В целом, динамика и номенклатура импорта отражают основные экономические процессы в ТРСК.

Заключение

Экономика Северного Кипра была создана фактически с нуля, на базе развития сельского хозяйства и туризма, то есть на основе тех секторов, в которых традиционно был специализирован Кипр в международном разделении труда в 70-е годы. Вместе с тем политическая изоляция страны не позволила экономике Северного Кипра приобрести те функциональные черты и, соответственно, развивать те секторы, которые стали присуще экономике Республики Кипр и были связаны с ее стратегическим местоположением. А именно, несмотря на географическую однородность, ТРСК, в отличие от Республики Кипр, не стала выступать в качестве международного и регионального коммуникационного, транспортного и бизнес-центра и фактически превратилась в островную провинцию Турции. Надежды руководства ТРСК на сокращение зависимости экономики страны от поступлений финансовых средств из Турции, на развитие экспортоориентированных промышленных секторов, на привлечение иностранных инвестиций и создание саморазвивающейся экономики, которые были у них в конце 80-х годов, так и не оправдались.

В экономике нынешней ТРСК лидирующую позицию занимают секторы услуг, включая государственный сектор, торговлю, туризм и образование. Доля сельского хозяйства и промышленности сравнительно маленькая. Хотя экономика работает на основании свободного рынка, на ее развитие влияют серьезные ограничивающие факторы: нехватка частных и правительственных инвестиций, нехватка квалифицированной рабочей силы, высокие издержки транспортировки (связи с внешним миром осуществляются

через Турцию, что приводит к повышению транспортных издержек), ограниченная торговля между турецким Кипром и греческим Кипром. Политическая изоляция Северного Кипра лишила турков-киприотов также международной помощи и иностранных инвестиций, а международное экономическое эмбарго ограничивало экспорт, что сделало частный сектор очень слабым. Турция стала опорной точкой для выживания Северного Кипра в течение всего периода после раздела острова. Функционирование экономики Северного Кипра сильно зависит от государственных расходов и инвестиций, одна крупная часть которого компенсируется Турцией. Для ТРСК Турция является фактически единственным источником иностранных инвестиций, ссуд и финансовой помощи. Практически все инфраструктурные проекты в ТРСК реализовались и реализуются с финансовой помощью Турции. Развитие двух основных секторов экономики — туризма и образования, приносящие иностранную валюту стране, в основном также зависит на прямой и косвенной помощи Турции. Турция остается, безусловно, главным торговым партнером ТРСК. Турция практически является единственным окном связи ТРСК с внешним миром, исполняя промежуточные функции. Между тем, обеспечивая постоянную поставку помощи с 1974 года, Турция не приняла особых мер для развития производственного сектора Северного Кипра. Товары, импортированные из Турции по низким тарифам, не только ограничивали рост и развитие малых и средних промышленных предприятий в ТРСК, но и форсировали процесс вытеснения из внутреннего рынка товаров местного производства и закрытия многих местных предприятий.

Стратегия греков-киприотов относительно разрешения кипрской проблемы была связана с перспективой членства в ЕС. 4 июля 1990 года Республика Кипр формально обращалась к ЕС с заявлением о желании приобрести полное членство, а 1-го мая 2004 года стала полноправным членом Европейского Союза, что открывало новую веху в направлении ее экономического развития. Перед вступлением Республики Кипр, в ЕС Европейская комиссия предложила комплекс мер, которые могли бы содействовать сближению с турко-киприотами. Эти предложения включали также меры по экономическому развитию северной части острова. Республика Кипр учитывая законы страны, международное право и *acquis*, объявила о собственном комплексе мер по развитию северной части острова, которая, однако, исключала признание ТРСК. Эти меры включали мероприятия как политического, социального, культурного и научного характера, так и экономи-

ческого. В частности, эти меры предусматривали облегчение перемещения товаров, произведенных в Северном Кипре, экспорт таких товаров в ЕС и третьи страны в соответствии с нормами кипрского законодательства и *acquis*, трудоустройство турко-киприотов на территории, контролируемой правительством, финансирование проектов на местном уровне в оккупированной части Кипра и так далее. Но если первоначально греки-киприоты предполагали, что открытие границ поможет экономически быстро интегрировать Северный Кипр с Южным, то потом они поняли, что это намного более сложная и нерешимая по такому принципу проблема. Греки-киприоты настаивают на объединение острова в едином федеративном государстве. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на начальные ожидания, смягчение ограничений на продвижение через буферную зону не привело к значительному развитию торговых связей между этими двумя общинами.

В свою очередь турки-киприоты, несмотря на предполагаемые выгоды, которые они могут получать в едином федеративном государстве в составе ЕС, имеют свои опасения и в целом настроены против объединения в такой форме. Конечно, интеграция Северного Кипра в ЕС открыла бы двери для иностранных инвестиций, ссуд и помощи, которые необходимы для улучшения производительности отраслей экономики и уровня жизни турко-киприотов. Однако турки опасаются, что в едином федеративном государстве, в составе ЕС, и то без Турции, турко-киприотская экономика окажется под контролем греческого капитала. Такой процесс мог привести также к другим негативным для турко-киприотов последствиям. Например, возможные сделки по приобретению недвижимости в турецкой части острова могут быть оспорены в судах греками, у которых эти земли были незаконно конфискованы в ходе турецкого вторжения 1974 года. Более того, если турко-киприотская экономика стала все более и более управляемой греческим и греческо-киприотским капиталом, турки-киприоты могут искать возможности работы на европейских рынках труда, что приведет к дальнейшей эмиграции и более глубокой демографической неустойчивости между этими двумя общинами. Помимо этого, иммиграционная политика Республики Кипр в составе ЕС может обрести такие жесткие черты относительно требований входа и пропусков работы (соответствующие стандартам ЕС), что Северный Кипр может испытывать резкое снижение в числе зарегистрированных и недокументированных иммигрантов из Турции. Турция не является членом ЕС и наибо-

лее вероятно, что не получит доступ к союзу в обозримой перспективе. Так что при едином федеративном государстве в составе ЕС из Северного Кипра могут быть высланы даже анатолийские поселенцы, которые проживали на Кипре около четверти века и имеют гражданство ТРСК (греки-киприоты никогда не переставали требовать репатриацию для всех турецких иммигрантов, которые переселились в Северный Кипр после событий 1974 года). При соединении Северного Кипра к ЕС в составе федеративной республики можно ожидать инвестиционный бум в секторах сельского хозяйства, промышленности и туризма, что значительно увеличит спрос на сравнительно низкоквалифицированную рабочую силу и откроет Северный Кипр для рабочих из стран членов ЕС. При таких условиях греческая рабочая сила, относительно недорогая по европейским стандартам, была бы привлечена к инвестиционному буму на Северном Кипре, а турки уверены, что такое развитие может привести к этнической напряженности.

В последние годы экономика ТРСК развивается сравнительно быстрыми темпами. В течение периода 2003–2005 годов рост ВВП показал беспрецедентные результаты, составив соответственно — 11,4 %, 15,4 % и 10,6 %. За тот же самый период, валовой внутренний доход на душу населения почти удвоился. Несомненно, это было результатом той политической ситуации, которая сложилась вокруг урегулирования кипрской проблемы в 2003–2004 годах. Сохранятся ли высокие темпы экономического роста в ТРСК в будущем, является ли этот внезапный взрыв роста жизнеспособным, задаются вопросами эксперты. Качественные характеристики экономики ТРСК не дают оснований для оптимизма. Дефицит текущего счета остается главной проблемой экономики ТРСК. Хотя в течение периода 2003–2006 годов импорт увеличился более чем в 2,5 раза (от \$ 528,6 млн в 2003 году до \$ 1 356,1 в 2006 году), экспорт колеблется в пределах \$ 60 млн. Дилемма остается: почему Турция вливает капитал в Северный Кипр, но не продвигает там производство? Но это предмет отдельного исследования.

После провала «Плана Анана» рост экономики стал постепенно замедляться. По прогнозным данным 2006 года, рост ВВП составил 7,8 %, а в текущем году составит 7 %. Предполагается, что рост строительного сектора также будет отступать, хотя и разрабатываются государственные программы строительства. По всей вероятности, аналогичные темпы роста сохранятся и в ближайшие годы. Однако этот рост скорее всего будет обеспечен не качественными изменениями в реальном секторе

экономики, а вливанием огромных финансовых средств, часто не имеющих законного происхождения. В сообщении Мирового Банка (подготовленного для Европейской Комиссии) об устойчивости и источниках экономического роста в турецком Кипре отмечается, что темпы роста экономики Северного Кипра во многом обеспечиваются за счет казино и офшорного банковского бизнеса. Общеизвестно, что оба сектора привлекательны для отмывания денег. Что касается стратегии экономического развития ТРСК, то остаются неопределенными перспективы развития основных отраслей экономики. Провозглашенная правительством экономическая цель — достижение уровня экономического развития, соизмеримого с греко-кипрской общиной и позволяющего интегрироваться в европейское общино, остается на декларативном уровне. Хотя в последние годы разрыв в доходах на душу населения между греческим и турецким Кипром сократился, он остается большим.

Вступление Республики Кипр в ЕС в конечном итоге повысило уровень зависимости Северного Кипра от Турции. Статус-кво на острове приводит также к дальнейшему укреплению социальных и культурных связей с Турцией. В целом, в ближайшей перспективе экономическое положение ТРСК будет во многом зависеть от хода и результатов межобщинных переговоров по кипрскому урегулированию и процесса вступления Турции в ЕС.

К. В. ШЕВЧЕНКО

А. Ю. БЕНДИН. ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (1863–1914 ГГ.) . МИНСК, 2010

В процессе становления современной этнической идентичности населения пограничных в этноязыковом отношении регионов Восточной Европы особую роль играл конфессиональный фактор, часто приобретавший здесь значение главного этнообразующего критерия. Подобное амплуа конфессиональный фактор приобретал в этнически неоднородных пограничных областях на стыке западнославянского и восточнославянского населения, принадлежавшего к разным конфессиям. Русский историк И. П. Филевич, анализируя отношения карпатских русинов с соседними словаками и поляками, отмечал, что «ход жизни и история до такой степени осложнили здесь племенные отношения, что наиболее верная мерка определения народности — язык — оказывается здесь непригодной... Забитое и приниженное в течение веков «быдло» только в церкви и молитве чувствовало себя человеком... и с верой связывало свое национальное имя... Только вероисповедание, — резюмировал Филевич, — представляет на всем этом рубеже некоторый критерий для определения народности».¹ К упомянутому И. Филевичем «рубежу» можно отнести и польско-литовско-белорусское пограничье, где роль конфессионального фактора была особенно сложной, являясь как катализатором становления этнического

¹ Филевич И. Очерк Карпатской территории и населения // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1895. № 4. С. 206.

самосознания населения в этнически смешанном регионе, так и одним из инструментов реализации противостоящих друг другу цивилизационных и этнокультурных проектов Российской империи и польской государственно-политической традиции.

Серьезный вклад в решение вопроса о роли конфессионального фактора в этнокультурных процессах на территории Северо-Западного края Российской империи в 1863–1914 гг. вносит фундаментальное монографическое исследование минского историка А. Ю. Бендина, посвященное сложной и малоисследованной теме, которую сам автор определяет как «историю веротерпимости». Свой тематический выбор автор объясняет необходимостью изучения вопросов, остающихся без должного внимания со стороны исследователей конфессиональной истории и государственно-конфессиональной политики Российской империи. По мнению автора, это происходит потому, что у каждого из указанных направлений уже сложился свой определенный объект исследования, своя методология и свой круг источников.

Так, например, конфессиональная история после большого исторического перерыва, вызванного советским идеологическим диктатом, сейчас вновь восстанавливает свои позиции в российской и белорусской историографии. Исследователи, изучающие историю конфессий, ставят своей целью изучение структур управления, положение духовенства, деятельность приходов и общин, количество молитвенных зданий и прихожан, формы религиозного образования, культовые практики, вопросы миссии среди иноверцев и т. д.

В подобных исследованиях история российских конфессий предстает как история религиозных институтов со своим устройством, функциями и сакральным предназначением. Лучшие работы по конфессиональной истории, появившиеся в последние десятилетия, актуальны, востребованы и пользуются спросом у профессионалов и заинтересованных читателей. Однако изучение истории церквей и религиозных общин, в силу специфики своего объекта исследования, не предусматривает пристального внимания к вопросам политико-правового характера, которые определяют характер государственно-конфессиональных отношений и степень религиозной свободы в обществе. Эти принципиально важные вопросы зачастую рассматриваются лишь в качестве исторического контекста.²

² Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и уни в Белоруссии и Литве. Минск, 2006; Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии в 1839–1889 гг. М., 1889; Цыпин Вл. протоиерей. История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. Яноўская В. В. Гісторыя хрысціянскай царквы ў Беларусі і Мінск, 2002.

Не менее привлекательной для исследователей является история государственно-конфессиональной политики, которая во главу угла ставит взаимоотношения российского государства и различных конфессий. Это направление в историографии позволяет продуктивно изучать эволюцию и содержание государственных решений в отношении церквей и религиозных общин. Объектом исследования становятся реформы и изменения религиозного законодательства, взаимоотношения между органами государственной власти и конфессиональными структурами различного уровня, практика достижения государством своих целей с помощью религии и т. д.

Но и в этом случае вопросы, связанные с проблемами религиозной свободы, дискриминации и ограничений, межрелигиозные и государственно-религиозные конфликты, роль церкви в межэтнических отношениях выходят на второй план исследовательской работы.³

В своей работе А. Ю. Бендин делает успешную попытку преодолеть традиционные подходы, сложившиеся в области изучения конфессиональной истории и государственно-конфессиональной политики и определить новый предмет исследования на стыке указанных историографических направлений. Особый научный интерес автора вызывает состояние веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи в 1863–1914 гг.

Этот правовой термин являлся традиционным для российского законодательства, регулировавшего вероисповедные отношения в государстве, которое отличалось сложным полиэтническим и поликонфессиональным составом населения. Под веротерпимостью понимался особый, отличный от западноевропейского конституционно-законодательного опыта, тип религиозной свободы для неправославных подданных империи. Утвердившийся в Российской империи со времен Екатерины II, этот тип регламентации государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, законодательно эволюционируя, просуществовал до конца царствования Николая II.

В этой связи одна из задач автора заключалась в том, чтобы наполнить термин «веротерпимость» конкретно-историческим

³ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг.: дис. канд. ист. наук. СПб., 1999; Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imregio. M.*, 2003. № 1; Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

содержанием, придав ему статус научного понятия. Эта теоретическая операция необходима автору для использования понятия веротерпимости в качестве орудия продуктивного анализа источников и формирования концепции работы.

В интерпретации А. Ю. Бендина веротерпимость предстает как сложный исторический феномен, включавший в себя институт права и управления и обеспечивавший «свободу веры», пространство которой выстраивалось по сложному иерархическому принципу прав и привилегий. В этой связи понятие веротерпимости, с одной стороны, выступает в роли критерия правомерности государственно-конфессиональной политики правительства и действий местной администрации. С другой стороны, оно позволяет анализировать действия конфессиональных соперников — иерархии, духовенства и мирян православной и римско-католической церквей.

Таким образом, проблемы веротерпимости в понимании автора — это своего рода болевые точки российской конфессиональной политики и права, как светского, так и церковного, которые возникали и эволюционировали в силу различных причин. Во-первых, это причины политико-правового характера, вызванные чрезвычайными обстоятельствами, к числу которых относятся ограничения деятельности католического клира и религиозной жизни мирян, государственно-правовое принуждение религиозной совести католиков, нарушения правовых привилегий православия. Во-вторых, это причины религиозно-этнического характера, прежде всего межрелигиозные конфликты и противоречия, проявления нетерпимости и насилия между православными и католиками на религиозной и этнической почве.

Особенно сложным регионом для утверждения норм веротерпимости во взаимоотношениях между конфессиями и государством являлся Северо-Западный край, включавший в себя шесть губерний: Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. Специфика этой сложности определялась политическими, религиозными и правовыми факторами, среди которых на первое место выходили отношения государства и «господствующей» православной церкви к «терпимой» католической церкви.

Для изучения заявленной темы А. Ю. Бендин предлагает методологию исследования, основанную на изучении правовых, политических и этнических аспектов проблем веротерпимости. Безусловным плюсом монографии является то, что для понимания религиозных мотивов, лежащих в основе церковно-государственных противоречий и конфликтов, автор активно использует

исследования современных историков, этнологов и правоведов, а также работы известных дореволюционных правоведов, специалистов по каноническому праву православной и католической церквей.⁴

В целом, А. Ю. Бендин основывает свой концептуальный подход к изучению заявленной темы на сочетании двух главных осей исследования. К вертикальной оси следует отнести теоретические методы исследования, включающие в себя анализ правовых механизмов института веротерпимости, претерпевших качественную эволюцию после указа 17 апреля 1905 г. К вертикальной оси исследования следует отнести также анализ социальных механизмов конструирования этничности, действовавших в рамках института веротерпимости.

В качестве горизонтальной оси исследования можно назвать анализ многочисленных фактов, связанных с нарушениями действовавших норм веротерпимости и административных распоряжений генерал-губернаторов края, межконфессиональные и конфессионально-этнические конфликты и противоречия, проявления религиозной и этнической нетерпимости между католиками и православными.

Двигаясь по этим двум направлениям, автор успешно стремится к целостному пониманию проблем веротерпимости, вызванных совокупностью причин правового, политического, религиозного и этнокультурного характера. Учитывая, что феномен имперской веротерпимости на протяжении указанного периода претерпел известную эволюцию, автор в качестве переломного рубежа для развития вероисповедных отношений выделяет указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.

Таким образом, повествование практически разбивается на две части. Первая часть — опыт государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, существовавших

⁴ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008; Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; Сафонов А. А. Свобода совести и модернизации вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007; Пинкевич В. К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000; Коркунов Н. М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. СПб., 1899. Т. 1; Суворов Н. Учебник церковного права. Ярославль, 1898; Красножен М. Е. Положение неправославных христиан по действующему российскому законодательству. Юрьев, 1901

с 1863 г. вплоть до издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. Вторая часть — практика правоприменения указа на территории Северо-Западного края, охватывающая период от 17 апреля 1905 г. до начала Первой мировой войны.

Точкой отсчета возникновения проблем веротерпимости в Северо-Западном крае автор считает польское восстание 1863 г. В ходе восстания часть римско-католического клира использовала авторитет своего духовного сана и каноническую власть над паствой для политической мобилизации участников вооруженных антиправительственных выступлений. Ответной реакцией администрации генерал-губернатора М. Н. Муравьева и его ближайших преемников были адекватные меры, призванные предотвратить возможность повторения ситуации, когда духовная власть католического клира приобрела функции, враждебные единству Российской империи.

В результате чрезвычайных мер, предпринятых администрацией, институциональные позиции католичества на территории Северо-Западного края — религиозные, социальные, экономические и этнокультурные — к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены. Но, отмечает автор, эти политически целесообразные решения, ставшие закономерной реакцией на вооруженный мятеж против государства, имели и побочный социальный эффект. Правительственные ограничения, наложенные на духовную власть, и влияние местного католичества вызвали у католического клира и населения трудности с реализацией религиозных прав, которые были предоставлены им российским законодательством о веротерпимости. Возникли конфликты, свидетельствовавшие о несоблюдении на территории Северо-Западного края принципов «свободы веры» и привилегий «господствующего» православия.

Среди них автор выделяет конфликт между лицами, «упорствующими в латинстве», с одной стороны, и православным духовенством и администрацией, с другой стороны. Особое внимание А. Ю. Бендин уделяет следующим конфликтам:

1. конфликты между администрацией Виленского учебного округа и католическим духовенством, которое настаивало на соблюдении норм канонического права своей церкви в государственной народной школе;

2. конфликты между администрацией и католиками при реализации указа от 25 декабря 1869 года, который разрешал введение русского языка в дополнительное католическое богослужение, чем вызвал протесты сторонников сохранения польской традиции в костеле;

3. попытки «сворачивания» православных, а также нарушения распоряжений имперской администрации со стороны католического духовенства.

Автор рассматривает не только эволюцию указанных проблем, мотивы и интересы противоборствующих сторон, но и дает возможность выяснить, каким образом правительство стремилось к разрешению указанных конфликтов и насколько эффективной была его политика.

А. Ю. Бендин убедительно показывает, что конфликты и противоречия, возникшие в период правления Александра II, начали разрешаться только в начальный период деятельности правительства Николая II. Политический опыт решения затянувшихся конфликтов администрации с местным католичеством нашел свое правовое выражение в форме указов 10 июля 1896 г., 25 июня 1897 г., 3 апреля 1897 г. и 12 ноября 1901 г.

Вместе с тем попытки частичного решения накопившихся религиозно-этнических проблем Северо-Западного края выявили ограниченные возможности религиозной свободы, предлагаемой институтом российской веротерпимости. Предварительные выводы, сделанные А. Ю. Бендиным в своем исследовании, позволяют выяснить, каким образом правительство начало подготовку к модернизации религиозного законодательства.

Автор анализирует политические мотивы и решения, которые позволили сформулировать основные положения указа «О веротерпимости» от 17 апреля 1905 года. Правоприменение этого указа позволило разрешить ряд наиболее болезненных для религиозной совести верующих проблем, но не привело к стабилизации религиозно-этнических отношений на западных окраинах Российской империи. Этот вывод А. Ю. Бендин делает на основании анализа новых конфликтов и противоречий, возникших в крае уже после издания указа «О веротерпимости».

На основании многочисленных фактов автор рассматривает попытки католической иерархии установить «двоевластие» в вопросах переходов из православия в католичество. А. Ю. Бендин обращает обоснованное внимание на резкий рост противоправного католического прозелитизма и нетерпимости к православным, связанный с этим явлением.

В монографии рассматриваются вопросы борьбы за возвращение католической церкви ее собственности, конфискованной после 1863 г., и попытки насильственного захвата католиками церковных зданий, перешедших в ведомство православного исповедания. Эти противоправные способы решения спорных

имущественных вопросов приводили на практике к случаям социального насилия и даже к человеческим жертвам.

Источником новых конфликтов и противоречий послужили решения правительства о введении «природного» языка учащихся при изучении Закона Божьего для католиков. Таким языком для учащихся-белорусов католическое духовенство считало польский, а правительство — русский или белорусский.

Попытки римско-католической иерархии ввести «двоевластие» в систему народного образования путем преподавания Закона Божьего на польском языке вызвали сопротивление со стороны правительства и школьной администрации Виленского учебного округа. В основу этого конфликта лег вопрос об этнической идентичности католиков, принадлежавших к «русской народности», т. е. белорусов и малороссов.

Автор показывает, что католическое духовенство определяло идентичность своих прихожан-белорусов и малороссов по принципу «я — католик, следовательно, я — поляк», в то время как российское правительство исходило из иного представления о должной идентичности католиков этого региона: «я — католик, я — белорус и — русский». Конфликт идентичностей, как отмечает А. Ю. Бендин, вызвал появление тайных религиозных польских школ, борьбу с которыми правительство рассматривало как политическую, правовую и этническую проблему.

Особое внимание автор уделяет изучению причин обострения противоречий между католиками и православными на почве этнического противостояния. Указ о веротерпимости вызвал подъем польского национализма у части католического клира и населения, а это, в свою очередь, сказалось на дестабилизации межрелигиозных отношений. Изучая действия правительства, А. Ю. Бендин анализирует комплекс мер, которые были призваны воспрепятствовать полонизации белорусского населения с помощью польского костела.

Общий вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что отношение правительства к католической церкви в Северо-Западном крае в 1863–1914 гг. претерпело известную эволюцию, состоящую в том, что католическая церковь, действовавшая в рамках института веротерпимости, после восстания 1863 г. стала рассматриваться правительством в качестве политического врага. Это обстоятельство привело к ряду серьезных административных ограничений, наложенных на ее деятельность. Указ «О веротерпимости» от 17 апреля 1905 года, с точки зрения А. Ю. Бендина, означал деполитизацию отношений государства к католической церкви, которая уже не рассматривалась как политически враж-

дебная сила. Последовавшие затем указы от 26 декабря 1905 года, расширившие правовой статус католической церкви, усилили эту тенденцию. Тем самым государство недвусмысленно заявляло, что предпочитает видеть в консервативном католичестве политического союзника в борьбе с революцией или, в худшем случае, только религиозного конкурента для «господствующего» православия.

Однако обострение отношений между католиками и православными, а также рост правонарушений со стороны римско-католического клира и попытки его продолжить колонизацию белорусского населения вызвали негативную реакцию правительства. В результате правительство было вынуждено частично восстановить прежние отношения «холодной войны» с католической церковью, сохраняя при этом неприкосновенность модернизированных норм веротерпимости, созданных указами от 17 апреля и 26 декабря 1905 г.

В целом обоснованные и хорошо аргументированные выводы автора, тем не менее, оставляют возможность высказать некоторые замечания и пожелания. Так, для понимания причин приверженности католического духовенства к польской церковной традиции следовало обратить более пристальное внимание на организацию и содержание учебно-воспитательного процесса в римско-католических семинариях Северо-Западного края, прежде всего на вопрос о том, способствовал ли учебно-воспитательный процесс в этих учебных заведениях формированию нетерпимости к православию на религиозной и этнической почве? Весьма желательно также более обстоятельно рассмотреть миссионерские действия православного духовенства, которые вызвали недовольство католического клира и мирян. Автору следовало бы уделить в своей работе и большее внимание анализу отношений российского государства с Ватиканом, который пристально следил за соблюдением прав и интересов римско-католической церкви в России, неоднократно обращаясь с протестами к правительству и ссылаясь при этом на факты нарушения норм веротерпимости в Северо-Западном крае.

Фундаментальное исследование А. Ю. Бендина является крупным достижением белорусской историографии и важным интеллектуальным орудием осмысления проблем веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи, которые в известной мере сохраняют свою актуальность в данном регионе и в настоящее время. Хочется надеяться, что рецензируемый труд — несмотря на свой прискорбно малый тираж (300 экземпляров) — станет известным не только белорусскому, но и российскому читателю и будет способствовать становлению нового направления в российской и белорусской историографии.

О. Р. АЙРАПЕТОВ

НУ ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ...

N. STONE. WORLD WAR ONE. A SHORT HISTORY.

PENGUIN GROUP. 2007

Признаюсь, мне тяжело и неприятно писать эту рецензию о работе Нормана Стоуна¹. Во-первых, потому, что это действительно слабая, а местами и откровенно лживая книга, а во-вторых, потому, что её автор был когда-то ярким, неординарным и в высшей степени симпатичным мне историком. Он умел ценить факты, знал и блестяще анализировал источники и литературу, его работа по истории русского фронта Первой мировой войны стала явлением в англоязычной литературе.² Заметим, что эта книга вышла в то время, когда большинство отечественных историков в той или иной форме переписывали А. М. Зайончковского или вели весьма «научные», а по сути — схоластические дискуссии о том, средне-слабо-развитой или слабо-средне-развитой была Россия начала XX века и чего, в конечном итоге, в ней было больше — феодального или капиталистического.

Эта книга отличалась и от споров «новопрочтенцев» и «старопропрочтенцев» Ленина, и от нынешнего сусального умиления

¹ Русское издание см.: Норман Стоун. Первая Мировая война. Краткая история. М., 2010. 224 с. (Издательство АСТ). Из издательской аннотации: «Вся история Первой мировой войны — от рокового выстрела в Сараево до противоречивых мирных соглашений — в одной книге! Известный современный историк Норман Стоун в своей живо, ярко и необыкновенно увлекательно написанной книге дает полномасштабную картину причин Первой мировой, ее хода и негативных последствий для геополитики XX века».

² Stone N. The Eastern front 1914–1917. L., 1975 (первое издание).

тем, как удачно и естественно совпадали некогда титулы царя и батюшки в одном лице. Тогда Стоун был настоящим исследователем, его работа имела научную мотивацию. Поэтому она была интересной и новаторской и, выдержав три издания, до сих пор остается одним из лучших исследований на эту тему. Её бы и стоило предложить отечественному читателю. Увы, на русский язык перевели нечто другое.

Omnia mutantur. Теперь Норман Стоун заведует кафедрой международных отношений Билкентского университета Анкары, одновременно руководит российско-турецким центром в данном вузе. Краткая история Первой мировой по Стоуну — это преимущественно турецкая версия этих событий, написанная настоящим европейцем. Свой идеал устройства пространства Российской империи он изложил кратко и ясно: это Брестский мир, т. е. уничтожение России как великой державы, свобода действий для Германии в Восточной Европе и для Турции в Закавказье. О вкусах не спорят, но давайте разберемся с пристрастиями. Германия, по мнению автора, в Бресте «не взяла много территории»³, но при этом остается непонятным: а кто же тогда, собственно, её получил? Неужели новообразования, которые сам г-н профессор называет «германскими сателлитами»? Сомнительно, что освобождены были народы, ибо единственной реальной властью на их территориях были оккупанты.

Кстати, о народах и территориях. Несколько лет назад один из британских младших коллег Стоуна по Билкенту обратился ко мне за помощью в области русской имперской политики в «восточной Анатолии». На вопрос, почему он пользуется этой нелепой географической тавтологией («восточная Анатолия» буквально означает «восточная востокия») вместо адекватного (во всяком случае изучаемому им периоду) термина «Западная Армения», сей ученый муж ответил, что, конечно же, знает, что такое «Западная Армения», но работает на турок и получает от них деньги. Комментарии, по-моему, излишни. Практикующему любовь за деньги было отказано в помощи.

Нечто умилительно похожее на подобные подходы почти постоянно можно встретить на страницах нового труда Н. Стоуна. Он, например, считает, что в начале 1914 г. страны Антанты заставили Турцию дать нечто подобное автономии «частично армянским провинциям восточной Анатолии»⁴. Следует отметить,

³ Stone N. *World War One. A Short History.* Penguin Group. 2007. P. 6.

⁴ *Ibid.* P. 13.

что использование этого неологизма из области топонимики он не оговаривает, отмечая, что будет пользоваться в книге принципом удобства⁵. Что тут скажешь? Bravo, г-н профессор! Замечательно удобное прочтение проблемы «армянского вопроса» в начале XX века! Действительно, фраза «частично армянским провинциям Западной Армении» вряд ли звучала бы убедительно. Тогда бы пришлось обратиться к документам, упомянуть о систематических истреблениях и депортациях армянского населения, направленных на изменение процентного соотношения христиан и мусульман (включая в число последних и курдов) в этих «частично армянских провинциях». При малейшем желании это может сделать каждый⁶. Кстати, там есть и информация по населению этих территорий⁷.

«Вся история армянского народа, — вспоминал русский министр иностранных дел, — начиная с тринадцатого века, когда он подпал под власть сперва сельджуков, затем, переменнно, — монголов и персов, а наконец, после создания Оттоманской Империи в четырнадцатом веке, он был отдан турками в крепостную зависимость курдским феодальным владетелям, представляет многовековой мартиролог. Как ни была полна ужасов история всех Христианских народов, подпадавших под власть турок, ни одна из них не может быть сравнима, с точки зрения перенесенных страданий, с историею армянского народа, положение которого было тем более трагично, что он не мог, подобно другим, рассчитывать когда-либо свергнуть иго варваров и организовать свое существование на началах национальной независимости. Для этого у него не хватало главного условия — собственной территории»⁸. Наличие таковой у армян даже в прошлом как раз и отрицает г-н Стоун.

Привычка к тому, что знание и доказательства необязательны, опасна. Г-н профессор вообще позволяет себе небрежности, сделанные широким жестом, без ссылок и сносок. Так, например, он дает следующие оценки русского импорта и экспорта через Проливы: 90 % зернового экспорта и гораздо больше — промышленного импорта⁹. Доказательства? А зачем они Стоуну? Между тем, судя по опубликованным документам, эти показатели в самом благопо-

⁵ Ibid. P. XIII.

⁶ Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении 26 ноября 1912 года — 10 мая 1914 года. Пг., 1915. С. 7.

⁷ Там же. Приложение № 6. Статистика населения 6 армянских вилаетов. С. 273–290.

⁸ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 167.

⁹ Stone N. World War One. P. 13.

лучном для зернового вывоза через порты Черного и Азовского морей 1910 году составили более 70 %.¹⁰ В целом с 1903 по 1912 гг. 37 % всего вывоза из Империи проходило через Черноморские проливы.¹¹ Если в 1913 году 2/3 всей внешней торговли России приходилось на морскую, то на Балтику приходилось 69,7 % всего морского импорта, а на Черное море — 16,7 %. Экспорт распределялся по тем же морям в соотношении 39,2 % к 56,5 %. При этом свыше 60 % хлебного экспорта приходилось именно на южные порты, менее 30 % — на Балтику и Северное море и около 10 % — на западную сухопутную границу и германские порты.¹²

В другом вопросе — о миссии генерала Лимана — Стоун опять небрежен и опять неправ, но в этот раз в пользу своих нынешних работодателей. Он насчитывает в составе миссии несколько дюжин офицеров¹³, хотя в состав миссии входили и инструкторы унтер-офицеры — всего приблизительно 900 человек.¹⁴ Для сравнения отметим, что британская военно-морская миссия, пребывавшая в столице Турции с 1913 года, насчитывала только 72 человека, из них 10 офицеров на командных должностях, 10 электротехников, 20 комендоров и пр.¹⁵ Германская миссия была самой многочисленной за всю историю турецких Вооруженных сил, и перед ней стояла наиболее масштабная задача — полное преобразование армии. Они начались с массовой чистки офицерского корпуса — в отставку были отправлены 2 фельдмаршала, 3 генерал-лейтенанта, 30 генерал-майоров, 95 бригадных генералов, 184 полковника, 236 подполковников, 800 капитанов и лейтенантов.¹⁶ Их место занимали проявившие себя на поле боя командиры. Результаты не замедлили сказаться.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. (далее МОЭИ). Сер. III. 1914–1917 гг. М., 1935. Т. 1. (14 января — 4 августа 1914 г.). С. 223.

¹¹ Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. Т. 1. С. 156–157.

¹² Кондратьев Н. Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 107.

¹³ Stone N. World War One. P. 13.

¹⁴ Erickson E. Ordered to die. A history of the Ottoman Army in the First World war. Westport, 2001. P. 10–12.

¹⁵ Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1938. С. 55–56; Корбетт Ю. Операции английского флота в Мировую войну. Л., 1927. Т. 1. С. 104; Гальмерсен П. В. Операции на западных театрах. Борьба флота против берега в Мировую войну. Л., 1927. Т. 1. С. 95.

¹⁶ Erickson E. J. Defeat in detail: The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913. L., 2003. P. 340; Handan Nezir Akmese. The birth of modern Turkey. The Ottoman military and the march to World War I. L.; N. Y., 2005. P. 161.

Выбор младотурок был естественным для Турции, хотя усиление любого иностранного влияния, в том числе и германского, не могло не породить и опасения. «За последние 6 лет, — докладывал в январе 1914 г. из Константинополя глава британской военно-морской миссии вице-адмирал Артур Генри Лимпус, — члены Тройственного Соглашения отняли у Турции Боснию, Герцеговину и Триполи. Германия, наоборот, не захватила ни одной части Турции, и турецкая армия находится под германским влиянием, сильнеешим из возможных. Но Германия также приобрела огромные коммерческие интересы в Константинополе, на Босфоре и во многих других местах, кроме дороги на Багдад и далее, с широкой полосой прилегающей территории. Турки, или точнее армейские офицеры и Комитет Единения и Прогресса (единственная правильно организованная и финансируемая политическая партия в Турции) привыкли рассматривать Германию как своего друга и спасителя. Сейчас они начинают спрашивать себя, на самом ли деле Германия является таким бескорыстным другом, как они верили раньше»¹⁷. Впрочем, эти сомнения, источником которых, очевидно, были морские офицеры-англофилы, с лихвой компенсировались очевидными достижениями немцев на турецкой почве.

Удивительно пунктирно Стоун дал и описание убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, который прибыл в Сараево «с государственным визитом» и был убит сербом Гаврилой Принципом, «романтиком, воспитанным на национализме и терроризме».¹⁸ И все. Ни слова о том, что Принцип был австрийским подданным, а ответ за его действия Вена потребовала от Белграда, ни одного упоминания об административном терроре австрийцев в Боснии и Герцеговине, об арестах, направленных в первую очередь против сербов, о маневрах на сербской границе, в которых должны были участвовать 4 из 16 австрийских корпусов¹⁹, для руководства которыми, кстати, и прибыл эрцгерцог. Эти маневры весьма подходили на подготовку к вторжению. Между прочим, 4 корпуса — это ровно столько, сколько планировалось выделить на Minimal

¹⁷ Public Records Office. ADM. 1/8365/4. Naval Mission to Turkey. The Naval officer and Politics. P. 9.

¹⁸ Stone N. World War One. P. 18–19.

¹⁹ МОЭИ Сер. III. 1914–1917. М.; Л. 1933. Т. 2. (14 марта — 13 мая 1914 г.) С. 11.

Gruppe Balkan, предназначенной австрийским Генштабом для разгрома Сербии.²⁰

Профессор Стоун промолчал и о том, что маневры должны были начаться в Видов День — траурную дату сербского народа — день памяти героев битвы с турками на Косовом Поле в 1389 г. Между прочим, эти маневры единодушно оцениваются историками как провокация, и ее планы обсуждались на встрече Вильгельма II с австрийским наследником в замке Конопиште. Следует отметить, что даже во время боснийского кризиса, в сентябре 1908 г., ежегодные маневры в присутствии Франца-Фердинанда проводились вдалеке от границы — в районе Балатона и в них участвовал только венгерский гонвед, 90 тысяч солдат и офицеров при 280 орудиях. В сентябре 1909 года в императорских маневрах принимали участие три корпуса и две кавалерийских дивизии, но они проводились в Моравии. В сентябре 1911 года маневрировали уже четыре корпуса (10 дивизий) и две кавалерийских бригады, к которым потом присоединилась еще одна дивизия пехоты. Но и эти маневры проводились в глубине австрийской территории — на Дуклинском перевале в Карпатах. Через год маневры проводились в Южной Венгрии, на равнине между Тиссой и Трансильванскими Карпатами. В них участвовали 3 корпуса и 2 кавалерийские дивизии.²¹

Впрочем, зачем такие подробности? К чему? Они явно портят общую картину «краткой истории», и ее автор смог обойтись и без них. Сказать, что он вообще чурается подробностей, нельзя. Как эффектно, например, он называет хана Нахичеванского «престарелым генералом», «татарским кавалеристом» и добавляет, что татарская кавалерия получила особую благодарность за подавление революционных беспорядков в Одессе в 1905 г.²² Что бы это могло значить — сие остается непонятным. Почему Гуссейн Келлбалаевич, которому в 1914 г. исполнился 51 год, был престарелым, почему командир 3-го Дагестанского конного (в 1905 году и полк, и его командир были в Маньчжурии), 44-го Нижегородского драгун-

²⁰ Asprey R. B. The German High Command at War. Hindenburg and Ludendorff and the First World War. L., 1994. P. 37.

²¹ Большие маневры в Западной Венгрии в сентябре 1908 г. // Сборник ГУГШ. 1909. Вып. 2. Отдел II. С. 20–21; Австрийские императорские маневры в 1909 г. // Сборник ГУГШ. 1910. Вып. 13. Отдел III. С. 39–41; Австро-Венгрия. Большие маневры 1911 года в Сев. Венгрии // Сборник ГУГШ. 1912. Вып. 32. С. 25–29; Австро-Венгрия. Большие маневры 1912 года // Сборник ГУГШ. 1913. Вып. 44. С. 13, 16.

²² Stone N. World War One. P. 32.

ского и л.-гв. Конного полка был назван татарским кавалеристом, лично мне непонятно, как и то, откуда взялась в Одессе в 1905 г. татарская кавалерия. Для англоязычного читателя это, может и сгодится. «Оу! Зыс рашн Тартар барбариянс! Фантастик ленд!»

Вообще, если описание событий на фронтах этой войны дается в книге несколько абрисно и претензии снимаются названием — чего вы, собственно, ожидали — краткая история, то в ряде случаев, и в том числе с Россией, у Стоуна частенько возникают такого рода ляпы. Вот, например, в случае с Нарочской операцией. Профессор суров в оценках: потери 100 тысяч человек, глупая, бессмысленная операция, лишившая русских генералов решительности и веры в успех, и даже «самое неудачное по управлению сражение войны».²³ Естественно, это был провал. Но даже этот факт не освобождает историка от знания того, о чем он говорит и пишет. Думается, что для анализа столь значительной неудачи недостаточно беглого знакомства с дневниками М. К. Лемке. Можно было бы посмотреть и классическую работу.²⁴ И убедиться, что Гвардейский корпус под командованием ген.-ад. В. М. Безобразова в боях под Нарочью участия не принимал. Ну, а если лень читать по-русски, то — пожалуйста — его дневники изданы на английском.²⁵ Мне неясно, откуда взяты цифры потерь и почему не указаны таковые у противника. Между тем, если сравнить одно и другое, то получится соотношение, ничуть не уступающее потерям сторон в битве на Сомме и во время «дороги на Пашандель», которые (ясное дело!) худшим примером управления ну никак не считаются. Шуточек в стиле Лемке в отношении «мясника Хейга» в этом случае Стоун также не допускает и считает необходимым объективно исследовать проблему.²⁶ Почему же в случае Нарочи делается исключение? Знамо дело: «Оу! Зыс ыз Раша! Фантастик ленд!»

* * *

Но если в Билкенте профессор чудесным образом растерял свои знания по русской армии, историографии и сравнительному

²³ Ibid. P. 81.

²⁴ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на Русском фронте Мировой войны. М., 1938.

²⁵ Bezobrazov V. M. Diary of the commander of the Russian Imperial Guard, 1914–1917. Boynton Beach, Florida, 1994.

²⁶ Stone N. World War One. P. 86–87.

источниковедению, то неясно, почему он делает совершенно недопустимые ошибки даже в том, что, казалось бы, так близко его симпатиям и интересам. Например, линейный крейсер «Гебен» и легкий «Бреслау» вдруг превратились у него в «линкоры».²⁷

Вообще, изложение обстоятельств вступления Турции в войну — когда германо-турецкие корабли без объявления войны стали расстреливать русские гавани, топить корабли, входя в порты под русскими флагами, — более чем кратко. Оно попросту пунктирно! И это г-ну профессору удалось сделать при огромной литературе по данному вопросу. И здесь нет недостатка и в опубликованных материалах.²⁸ Убежден, что профессор Стоун, в недалеком еще прошлом — весьма серьезный историк, знает их прекрасно (во всяком случае, он хвалит две мои работы, а там об этом написано) и именно поэтому старательно обходит стороной.²⁹ Может быть, поскольку г-н профессор использовал фигуру умолчания, наверное, читателю стоит напомнить некоторые детали вступления Турции в войну.

Ранним утром 10 августа командующий германской эскадрой Средиземного моря вице-адмирал Вильгельм Сушон привел свои корабли — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» — ко входу в Дарданеллы. Младотурецкое правительство колебалось вплоть до последнего момента. Некоторое время немецкие корабли стояли у Дарданелл: турки так и не могли окончательно решиться выпустить их в Мраморное море. Еще 26 июля (8 августа) великий визирь принц Саид Халим-паша убеждал русского посла в Турции М. Н. Гирса, что не пустит немцев в турецкие воды и не нарушит нейтралитета своей страны.³⁰

В 8 часов 30 минут утра 10 августа 1914 года немецкие корабли, спасавшиеся от преследования союзников, были допущены в Пролив. Как отмечает официальная история британского флота, «мы допустили в первые дни войны ошибку, серьезность которой в начале не была даже понята».³¹ Положение в восточном Средиземноморье действительно усложнилось. 11 августа с ту-

²⁷ Ibid. P. 48.

²⁸ Прекрасный обзор источников и литературы по вопросу о том, как Турция начала войну на море, дан в последней публикации на эту тему на русском языке: Козлов Д. Ю. «Странная война» в Черном море (август — октябрь 1914 года). М., 2009. С. 6–14.

²⁹ Stone N. World War One. P. 49, 176.

³⁰ Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 года, предшествовавшие войне с Турцией. Пг., 1914. С. 8.

³¹ Корбетт Ю. Операции английского флота в Мировую войну. С. 73.

режкой стороны последовало предложение временно разоружить «Гeben» и «Бреслау». Против него категорически восстал фон Вангенгейм, и корабли были «проданы». ³² В прессе была указана и сумма сделки — 80 млн марок. ³³ Покупка кораблей носила чисто формальный характер и фактически свелась к переодеванию германских экипажей в турецкую форму. Командовать ими продолжал немецкий адмирал, и поведение его было порой вызывающим. Сушон старательно демонстрировал тот очевидный факт, что продажа его маленькой эскадры фактически была фикцией.

Так, например, «Гeben» («Султан Явуз Селим») и «Бреслау» («Мидилли») подходили к резиденции М. Н. Гирса, выходящей на Мраморное море. Выстраивались экипажи кораблей, которые по команде снимали фески, заменяя их немецкими бескозырками, и судовые оркестры в течение часа — двух исполняли «Die Wacht am Rein», «Deutschland, Deutschland uber alles» и т. д. Потом фески занимали место бескозырок. ³⁴ Неудивительно, что страны Антанты протестовали против подобной покупки. Посол Франции сразу же отметил, что пребывание германской военной миссии в таком виде угрожает нейтралитету Турции. Французы предлагали совместное с Великобританией выступление за одновременный вывод из страны всех военных миссий. Положение становилось угрожающим. Германские корабли не подчинялись военно-морской миссии, во главе которой стоял британский адмирал Артур Генри Лимпус. И хотя по контрактам 1909 и 1912 гг. британский адмирал являлся командующим флотом со ставкой в Константинополе, было ясно, что эффективно сопротивляться германскому влиянию он не мог. ³⁵

С одной стороны, учитывая обострение турецко-греческих отношений (весной 1914 года опасались даже начала конфликта между этими двумя странами) и усиление ВМС Греции за счет покупки кораблей типа «Дредноут» в США, а также отказа правительства Великобритании выполнить обязательства по продаже Константинополю двух равноценных судов в связи с началом войны, покупка кораблей германской Средиземноморской эскадры была вполне закономерным шагом Константинополя.

³² Djemal Pasha Memoires of a Turkish Statesman — 1913–1919. L., [1932] P. 116, 119.

³³ Лудшувейт Е. Ф. Ук. соч. С. 39.

³⁴ Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's story. N. Y., 1918. P. 79.

³⁵ Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны. М., 1962. С. 177.

С другой — она принципиально меняла баланс сил в восточном Средиземноморье.

Мощность одного только «Гебена» позволяла ему успешно противостоять всему русскому Черноморскому флоту, ударной частью которого в это время служили 5 линкоров додредноутного типа: «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» (по четыре 12-дюймовых, два 8-дюймовых, шесть 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов), «Пантелеймон» (бывший «Князь Потемкин-Таврический» — четыре 12-дюймовых, восемь 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов), «Ростислав» (четыре 10-дюймовых, четыре 6-дюймовых орудия, скорость — 15 узлов), «Три Святителя» (четыре 12-дюймовых, семь 6-дюймовых орудий, скорость — 16 узлов). Теперь турецкий флот имел в своем составе «Гебен» (десять новых 10-дюймовых, шесть 6-дюймовых орудий, скорость — реальная скорость — 24 узла), бывшие немецкие корабли типа «Бранденбург» — «Барбаросс-Хайреддин» («Курфюрст Фридрих Вильгельм») и «Тургут-Реис» («Вейсенбург»).

Каждый из них имел по шесть устаревших 11-дюймовых орудий, скорость этих кораблей составляла 17 узлов. Русский флот на Черном море имел два крейсера — «Кагул» и «Очаков», каждый из которых имел по восемь 6-дюймовых орудий и скорость 23 узла. Турецкий — три крейсера: «Бреслау» (шесть 4-дюймовых орудий, скорость — 27 узлов), «Гамидие» и «Меджидие» (по два 6-дюймовых, четыре 4-дюймовых орудия, скорость — 22 узла). Только в эсминцах превосходство было за русским флотом — 22 против 10, причем 9 новейших против 6. Последнее объяснялось тем, что весной 1914 года в строй начали вступать первые четыре черноморских «новика». ³⁶

Скорость русской броненосной эскадры не превышала 16 узлов, в то время как проектная скорость германского линейного крейсера — 28 узлов, что давало ему возможность свободно навязывать бой русским эскадренным броненосцам или уклоняться от него. Русские корабли, заложенные по программе, находившиеся в постройке, имели готовность: линкоры дредноутного типа — «Императрица Мария» (65 %), «Император Александр III» (53 %), «Императрица Екатерина II» (33 %); легкие крейсера — «Адмирал Лазарев» (14 %), «Адмирал Нахимов» (14 %). «Импе-

³⁶ Петров М. А. Два боя (Черноморского флота с л. кр. «Гебен» 5. IX. 1914 и крейсеров Балтийского флота у о. Готланд 19-VI-1915). Л., 1928. С. 7, 9; Лорей Г. Ук. соч. С. 70–71; Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1999. С. 133.

ратрицу Марию» спустили на воду в октябре 1913 года, в строй ее планировалось ввести весной 1915 г., «Екатерину II» — в конце 1915 года, и «Александра III» — летом 1915 года.³⁷ Это была расплата за задержки финансирования этих программ в предвоенный период.

Приход немецких крейсеров в Константинополь имел не только военные, но и политические последствия. Период с 10 августа по 29 октября 1914 года Сушон считал для себя наиболее тяжелым за всю войну: до последней минуты он не был уверен, удастся ли ему преодолеть колебания противников войны в турецком правительстве.³⁸ Это свидетельство тем более интересно, что турецко-германский союз был заключен до прихода германских судов в Мраморное море. Тем не менее единства в турецком правительстве не было — оно продолжало колебаться.³⁹

25 октября 1914 г. Сушон получил секретные приказы, подписанные Джемаль-пашой. Они были адресованы турецким морским командирам, которые ставились в подчинение немецкому адмиралу. 26 октября Германия внесла в Константинополе аванс в счет нового займа — 5 млн турецких лир золотом.⁴⁰ «Завтра мы выйдем в море, и это уже не будет прогулка! — записал в этот день в своем дневнике один из офицеров «Бреслау». — Как только всему миру станет известно, что турки присоединились в качестве союзников к германо-австрийским армиям, пусть узнают также, что «Бреслау» и «Гебен» не почивают на лаврах»⁴¹.

27 октября «Гебен» и «Бреслау» вышли в Черное море. Вместе с ними в набеге участвовали практически все боееспособные суда турецкого флота, которые должны были обеспечить одновременную атаку наиболее важных пунктов русского побережья. Для обороны Босфора были оставлены только два тихоходных линкора — «Торгут Раис» и «Барбаросс Хайретдин», канонерка «Буррак Раис» и два эсминца. На все корабли были назначены германские офицеры и матросы — без них выполнение сколько-нибудь ответственного задания было невозможно.⁴² Только их усилиями

³⁷ Шацкило К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны 1906–1914 гг. М., 1968. С. 160.; Петров М. [А.]. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 150; Григорович И. К. Ук. соч. С. 117.

³⁸ Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. С. 50.

³⁹ Djemal Pasha Op. cit. P. 116, 119.

⁴⁰ Лудшувейт Е. Ф. Ук. соч. С. 59.

⁴¹ Бреслау-Мидилли // Морской сборник (далее МС). 1918. №№ 7–8. С. 15.

⁴² Козлов Д. Ю. Ук. соч. С. 82–83.

удалось привести в готовность к выходу два новейших корабля 1-й миноносной полуфлотилии — «Муавинет» и «Гайрет». Все работы по управлению ими, включая работу у топок, также делали немцы — турецкая команда была слаба и непривычна к работе, а потому грелась в походе у дымовых труб.⁴³ В день выхода в море Сушон отдал своим подчиненным приказ об уничтожении русских морских сил, а также торговых судов, государственного и частного имущества. На флагманском корабле был поднят сигнал: «Сделать все возможное для будущности Турции»⁴⁴.

Утром 29 октября турецкие корабли обстреляли русские города Причерноморья — Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Ялту, Новороссийск. Последний город был совсем не защищен. «Бреслау» выпустил по нему 308 снарядов — были подожжены нефтяные цистерны. Город покрыл густой черный дым от горящей нефти.⁴⁵ По Феодосии было выпущено около 100 снарядов, были повреждены городской собор, греческая церковь, портовые амбары, железнодорожное депо и плавкран. Ко всем русским городам турецкие корабли подходили под русским флагом. В порт Одессы турецкие эсминцы также вошли под русскими флагами, которые они спустили вместе с началом торпедной атаки. Нападение было полностью внезапным. В Одессе были потоплены канонерская лодка «Донец» и пароход «Николай».⁴⁶ У берегов Крыма, в 10 милях к западу от мыса Фиолент, под обстрел противника попал минный транспорт «Прут», который шел с грузом мин в Севастополь.

Это был бывший пароход Доброфлота «Москва», построенный в 1879 г. В 1909 г. он был включен в состав Черноморского флота. Имея 5459 тонн водоизмещения и восемь 47-миллиметровых орудий и максимальную скорость в 12 узлов, он никак не мог ни уйти от германского крейсера, ни оказать ему сопротивление. Даже

⁴³ Шведе Е. Боевые действия турецких миноносцев на Черном море в первые месяцы мировой войны (выдержки из воспоминаний начальника Первой Полуфлотилии турецких миноносцев капитана 2-го ранга Рудольфа Фирле) // МС. 1922. № 10. С. 58.

⁴⁴ Бреслау-Мидилли // МС. 1918. № № 7–8. С. 26.

⁴⁵ Бреслау-Мидилли // МС. 1918. № № 7–8. С. 27; Шведе Е. Операции на Черном море в мировую войну в освещении германской официальной морской историографии // МС. 1928. № 6. С. 108–110.

⁴⁶ Утро России. 18 октября 1914. № 254. С. 2; 23 октября 1914. № 259. С. 4; Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914. № 241. С. 3; 22 октября (4 ноября) 1914. № 243. С. 3; Новое Время. 5 (18) февраля 1915. № 13 974. С. 3; Русский инвалид. 8 февраля 1915. № 31. С. 2; Лорей Г. Ук. соч. С. 75.

попытка выброситься на берег не удалась: «Гебен» преградил дорогу «Пруту». Его командир — капитан 2-го ранга Г. А. Быков принял решение затопить корабль.⁴⁷ Команда покинула судно, на борту которого остался лишь корабельный священник иеромонах Антоний, молившийся о спасении своих духовных чад, и минный офицер лейтенант А. В. Рагузский, взорвавший в последний момент пороховой погреб, чтобы не допустить захвата судна противником. Позже при атаке противника немцами было повреждено и несколько эскадренных миноносцев. На поставленных турецкими судами минных заграждениях у Керчи погибли два русских каботажных парохода — «Ялта» и «Казбек», среди команды и пассажиров были убитые и раненые. Судоходство на Черном море пришлось временно приостановить.

Удар по главной базе русского флота также оказался внезапным. «Тихо и безмятежно протекала жизнь в Севастополе, — писал официальный историограф Ставки. — Выступлений Турции так долго ждали, что и ждать перестали»⁴⁸. Обстрел начался около 6.30. Он продолжался недолго, но вызвал беспокойство в городе.⁴⁹ Первые выстрелы сначала приняли за учение, но когда начали рваться боевые снаряды, началась легкая паника: «По приморским улицам с криками ужаса разбегаются во все стороны портовые рабочие. По набережным мечутся женщины с расширенными от страха глазами, громко крича»⁵⁰. Внезапность атаки стала причиной того, что была упущена возможность потопить «Гебен».⁵¹

Немецкий крейсер обстреливал Севастополь на русских минных позициях, которые не успели замкнуть с электрорядом. Проход в минных полях был открыт, так как в Севастополе ждали прихода «Прута».⁵² Командующий Черноморским флотом адм. А. А. Эбергард не хотел рисковать столь ценным кораблем и не отдал сразу же приказ, колебался, желая получить подтверждение того, что минный транспорт не находится на заграждении.⁵³ Начальник Охраны рейдов, не дождавшись распоряжения Эбергарда, отдал

47 Варнек П. А. Что произошло на «Пруте» (по воспоминаниям командира) // Военная быль (далее — ВБ). Париж, 1973. № 120. С. 41–43.

48 Дубенский Д. Ук. соч. Январь — июнь 1915. Пг., 1915. С. 42.

49 Голос Москвы. 22 октября (4 ноября) 1914. № 243. С. 3.

50 Монастырев Н. А. Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 40.

51 Бурхановский В. [З.] Письмо в редакцию // Морской журнал (далее — МЖ). Прага, 1934. № 5 (77). С. 10.

52 Пестов А. Н. «Гебен» на русских минах // ВБ. Париж, 1973. № 125. С. 21–22.

53 Покровский А. Г. Письмо в редакцию // МЖ. Прага. 1929. № 6 (18). С. 13–14.

приказ активировать минное заграждение, но было уже поздно.⁵⁴ Приказ был отдан в 6.23, и на исполнение его потребовалось около 20 минут. В результате противнику удалось покинуть опасные для себя воды невредимым. Летом 1917 г. при разоружении минных станций под Севастополем на позиции 2-й станции была поднята мина № 12 с широкой царapiной, свидетельствующей о том, что «Гебен» зацепил ее. К несчастью, 5 пудов взрывчатки тогда еще не были введены в боевое положение.⁵⁵

За 15 минут германский линейный крейсер выпустил по крепости 47 280-мм и 12 150-мм снарядов.⁵⁶ В Одессе вражеское нападение привело к тому, что испуганные обыватели толпой облепили набережную, наблюдая за непривычным зрелищем. В это время власти города, не исключая присутствовавшего ответственного за оборону Черноморского побережья ген. Никитина, отличившегося при защите Порт-Артура, попросту не знали, что делать.⁵⁷ Людские потери в Севастополе были относительно невелики — погибло два больных матроса в госпитале и несколько солдат-артиллеристов на береговых батареях.⁵⁸

Жертв могло быть гораздо больше: на рейде в полной боевой готовности находились недавно переданные в состав флота 4 парохода РОПиТа, переделанные в тральщики. Каждый имел на борту полный запас мин (200 на рельсах на палубе и 200 в трюме) — 15 (28) октября они получили приказ командующего быть в полной готовности для выхода в море. Все 4 минных заградителя стояли в линии напротив морского госпиталя, непосредственно за линейными кораблями. Здесь они и попали под залпы «Гебена».⁵⁹ Взрыв даже одного заградителя, в случае попадания даже осколка снаряда, мог закончиться настоящей трагедией.⁶⁰ В Новороссийске и Одессе также пострадало несколько человек, большая часть пострадавших от внезапного нападения (85 убитых, 40 раненых

⁵⁴ Бурхановский В. [З.] Ук. соч. // МЖ. Прага. 1934. № 5 (77). С. 10.

⁵⁵ Пестов А. Н. Ук. соч. С. 21–22.

⁵⁶ Лорей Г. Ук. соч. С. 82; Корбетт Ю. Ук. соч. С. 361.

⁵⁷ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 434.

⁵⁸ Дубенский Д. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей армии. Январь — июнь 1915. Пг., 1915. С. 44.

⁵⁹ Четверухин М. Три встречи с «Гебеном» // Морские записки. Издание общества бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1948. № 1. С. 53–54.

⁶⁰ Монастырев [Н. А.] Краткий обзор военным действиям на Черном море в начале войны // Морской сборник. Бизерта, 1922. № 5. С. 48.

и 76 пленных) выпала на флот, потерявший канонерскую лодку («Донец» был поднят и вновь введен в строй в 1916 г.) и минный заградитель. Кроме того, противник потопил 8 коммерческих пароходов общей вместительностью более 7 тыс. тонн и угольную баржу, еще один пароход достался туркам в качестве приза.⁶¹

Николай II записал в этот день в своем дневнике: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения вчера на Черном море!»⁶² Император был не одинок. Негодование в России достигло весьма высокого уровня. Здание турецкого посольства было немедленно взято под охрану конной и пешей полицией, подойти к нему было невозможно.⁶³ 17 (30) октября в Петрограде прошла патриотическая демонстрация — около 10 тысяч человек прошли по Невскому проспекту к Военному министерству, где бурно приветствовали появившегося на балконе Сухомлинова, после чего отправились к Зимнему дворцу.⁶⁴ Передовица кадетской «Речи» торжествовала: «Судьбе угодно было, чтобы мы одним ударом решили не только вопросы международного равновесия, не только вопросы национального освобождения, но и важнейшие для нас самих вопросы нашей национальной жизни. Турция подняла меч. Турция от меча погибнет»⁶⁵. Турецкое посольство в России не знало, что делать. О планах своего правительства оно проинформировано не было. 17 (30) октября первый советник посольства посетил русский МИД и поинтересовался, какой же будет судьба турецких дипломатов. Ответ был предельно ясен: «...отношение русского правительства к турецкому посольству будет всецело зависеть от того, как отнесется турецкое правительство к нашим представителям в Константинополе»⁶⁶.

В тот же день Гирс потребовал от османского правительства свой паспорта, и вечером следующего дня русское посольство покинуло Константинополь.⁶⁷ Следует отметить, что, несмотря на наличие большой толпы, многочисленная конная и пешая полиция смогла обеспечить порядок и отъезд посольства не был омрачен инцидентами.⁶⁸ 19 октября (1 ноября) турецкое посоль-

⁶¹ Козлов Д. Ю. Ук. соч. С. 152.

⁶² Дневники Николая II. М., 1991. С. 492.

⁶³ Речь. 18 (31) октября 1914. № 281 (2950). С. 4.

⁶⁴ Голос Москвы. 17 (30) октября 1914. № 239. С. 4.

⁶⁵ Речь. 17 (30) октября 1914. № 280 (2949). С. 1.

⁶⁶ Голос Москвы. 17 (30) октября 1914. № 239. С. 3.

⁶⁷ Сборник дипломатических документов. С. 60.

⁶⁸ Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 23 октября (5 ноября) 1914. № 14451. С. 1.

ство в России было проинформировано о разрыве дипломатических отношений между двумя странами, а 20 октября (2 ноября), после того как пришло подтверждение выезда русских дипломатов из столицы Османской империи, решила судьба турецких — их известили, что они покинут Петроград и отправятся домой через Скандинавию, Германию и Австро-Венгрию.⁶⁹ Выезд турецких дипломатов был хорошо организован, сотрудники посольства покинули страну под охраной жандармов, никаких эксцессов не было допущено.⁷⁰

19 октября (1 ноября) турецкое правительство объяснило свое нападение на русские суда и города провокацией с русской стороны и даже предложило предать случившееся забвению. Прибывший в этот день к С. Д. Сазонову османский поверенный в делах зачитал ему ноту великого визиря: «Передайте министру иностранных дел Сазонову, что мы глубоко сожалеем, что враждебный акт, вызванный русским флотом, нарушил дружеские отношения обеих держав. Вы можете заверить Императорское российское правительство, что Блистательная Порта не преминёт дать этому вопросу надлежащее разрешение и что Порта примет все меры к прекращению возможности повторения подобных фактов. Вы можете заявить ныне же господину министру иностранных дел, что турецкое правительство решило запретить флоту выходить в Черное море и что мы, в свою очередь, надеемся, что русский флот не будет крейсировать у наших берегов. Я твердо надеюсь, что Императорское российское правительство выкажет в этом деле такой же примирительный дух, как и мы, в интересах обеих стран»⁷¹.

Сазонов не принял эти объяснения и категорически отверг фантастическую версию событий, изложенную в турецкой ноте. С его точки зрения, только немедленная высылка германских военных и морских чинов могла бы стать предпосылкой для начала переговоров о компенсации за набег. Без этого русским и турецким дипломатам нечего было обсуждать.⁷² Нота великого визиря была очередной попыткой выиграть время. Уже 29 октября султан подписал манифест о вступлении в войну, в ко-

⁶⁹ Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914. № 241; 20 октября (2 ноября) 1914. Экстренное прибавление к № 241. С. 1.

⁷⁰ Голос Москвы. 19 октября (1 ноября) 1914. № 241; 20 октября (2 ноября) 1914. Экстренное прибавление к № 241. С. 1.

Речь. 21 октября (3 ноября) 1914. № 284 (2953). С. 3.

⁷¹ Голос Москвы. 21 октября (3 ноября) 1914 г. № 242. С. 3.

⁷² Там же.

тором говорилось о том, что русские войска перешли границу на Кавказе, англо-французский флот обстрелял Дарданеллы, а английский — Акабу. Русское, английское и французское правительства объявлялись главными врагами Халифата.⁷³ Это не помешало великому визирю уверять 17 (30) октября Гирса, что он «сумеет привести к порядку немцев». Разумеется, ни в этом разговоре, ни в своей телеграмме от 19 октября (1 ноября) визирь не обмолвился об удалении германских военных из Турции.⁷⁴ Одновременно с вылазкой в Черное море, турки предприняли попытку атаки Суэца, ссылок на провокацию со стороны англичан в этом случае не было.⁷⁵

1 ноября за Гирсом последовали английский и французский послы в Турции и сотрудники миссий. 20 октября (2 ноября) Николай II подписал манифест об объявлении войны Турции: «В безуспешной доселе борьбе с Россией, стремясь всеми способами умножить свои силы, Германия и Австро-Венгрия прибегли к помощи Оттоманского Правительства и вовлекли в войну с нами ослепленную ими Турцию. Предводимый германцами турецкий флот осмелился напасть на наше Черноморское побережье. Немедленно после сего повелели мы Российскому Послу в Царьграде, со всеми чинами посольскими и консульскими, оставить пределы Турции. С Полным спокойствием и упованием на помощь Божию примет Россия это новое против нея выступление старого угнетателя христианской веры и всех славянских народов. Не впервые доблестному русскому оружию одолевать турецкие полчища — покарает он и на сей раз дерзкого врага Нашей Родины. Вместе со всем народом Русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее исход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»⁷⁶.

В последний момент великий визирь попытался исправить положение хотя бы в отношениях с Парижем. 2 ноября турецкий посол в этой стране встретился с Теофилом Делькассе и сообщил ему турецкую версию случившегося: «26 и 27 октября турецкий

⁷³ Българо-турски военни отношения през Първата Световна война (1914–1918). Сборник от документи. София, 2004. С. 32.

⁷⁴ Сборник дипломатических документов. С. 55–56.

⁷⁵ МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 6. Ч. 1 (5 августа 1914 — 13 января 1915 г.). С. 460.

⁷⁶ Высочайший Манифест о начале военных действий Турции против России // Известия Министерства иностранных дел. СПб., 1914. № 6. С. 1–2.

флот упражнялся в стрельбе в Черном море. 28-го один турецкий крейсер и три или четыре контрминоносца увидели отряд русских судов, состоявших из минного заградителя «Прут» и трех миноносцев, которые направлялись ко входу в Босфор с намерением искать (?! — *А. О.*) мины. Вследствие сего начальник оттоманского отряда, имея в виду, что между Турцией и Россией существовало состояние войны (?! — *А. О.*), направился к одному из русских портов и причинил ему повреждения. Порта полагает, что русский корабль действовал по собственной инициативе и без ведома своего правительства, а потому она надеется, что русское правительство выразит ему свое порицание. Со своей стороны, Порта готова возратить нам взятых турецкими судами русских пленных»⁷⁷. Этот неслыханный по наглости и лжи документ был оставлен без ответа. Не говоря уже о том, что нападение было совершено без объявления войны, само место гибели «Прута» было столь далеко от Босфора, что фальшь турецкой версии была очевидна⁷⁸.

23 ноября 1914 года в Константинополе была провозглашена «священная война». Халиф обращался к мусульманам всего мира: «Центральная Европа не избегнула бедствий, вызванных на Ближнем и Дальнем Востоке Московитским правительством, которое, стремясь уничтожить благотворение Божества, этого дара нациям и народам, имеет лишь одну цель — поработить человечество и которое, как испокон веков, выказало себя жестоким и озлобленным врагом человеческого благополучия, увлекая на этот раз в общую войну правительства Англии и Франции, национальная гордость которых имеет высшим удовлетворением поработение тысяч мусульман, и которые, все питаясь низким стремлением насытить их вождедения похищением свободы населения, подвергнутого их тираническому и незаконному господству, — никогда не переставали проявлять застарелую ненависть, которая толкает их поколебать и ослабить насколько возможно Калифат, потому что эта высокая власть составляет поддержку мусульманского мира и силу Ислама»⁷⁹.

Воспитанники французских лицеев и германских академий сочли необходимым прежде всего разъяснить причины своей

⁷⁷ МОЭИ. Сер. III. 1914–1917 гг. М.; Л., 1935. Т. 6. Ч. 2 (5 августа 1914 — 13 января 1915 г.). С. 6.

⁷⁸ Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 1 (26). С. 21.

⁷⁹ Масловский Е. В. Ук. соч. Приложение № 2. С. 431.

ненависти к России. Скоро они продемонстрируют свою способность защищать «благотворение Божества, этого дара нациям и народам», истребляя своих собственных подданных — армян, греков, арабов. В Константинополе и ряде городов Османской империи в ответ на эту декларацию прошло несколько массовых демонстраций, в столице они закончились погромами имущества подданных Антанты. Было частично разрушено здание русского генерального консульства, уничтожен памятник-часовня над могилой русских солдат в Сан-Стефано. Во вполне традиционной для этой среды манере вслед за этим разрушением последовало глумление над человеческими останками. Колокола с часовни направили в военный музей. Правительство приступило к массовому закрытию образовательных учреждений, принадлежащих подданным Антанты, к конфискации их имущества. Следует отметить, что объявление «священной» войны в союзе с христианскими государствами не получило однозначной поддержки даже в самой Турции, не говоря уже о ее арабских провинциях.⁸⁰

Призыв халифа не нашел поддержки и среди русских мусульман. Их общины остались лояльными, в мечетях Казани, Уфы, Екатеринбурга, Новочеркасска, Екатеринодара и т. д. прошли молебны о даровании победы над новым врагом. В Баку такой молебен собрал в соборной мечети около 10 тысяч человек.⁸¹ Вечером 20 октября (2 ноября) 1914 г. в Тифлисе перед дворцом Наместника состоялась многотысячная патриотическая демонстрация, на следующий день ген.-ад. граф И. И. Воронцов-Дашков принял делегации от армянского и мусульманского населения во главе с их духовными пастырями, заверившими его в полной лояльности своей паствы правительству. В своей речи Наместник обратил особое внимание на необходимость сохранения внутреннего мира на Кавказе и в Закавказье.⁸² Экзарх Грузии архиепископ Питирим обратился с воззванием ко всем жителям Кавказа и Закавказья: «Живите дружно между собой, без различия языка, народностей и вероисповедания». В Грузии прозвучали призывы «дать

⁸⁰ Българо-турски военни отношения през Първата Световна война. С. 34, 37–38.

⁸¹ Голос Москвы. 22 октября (4 ноября) 1914. № 243. С. 3; Речь. 22 октября (4 ноября) 1914. № 285 (2954). С. 3; 25 октября (7 ноября) 1914. № 288 (2957). С. 4; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 24 октября (6 ноября) 1914. № 14 453. С. 2; Русский инвалид. 25 октября 1914. № 240. С. 2.

⁸² Утро России. 21 октября 1914. № 257. С. 2; 23 октября 1914. № 259. С. 2; Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 22 октября (4 ноября) 1914. № 14449. С. 2.

отпор врагу нашего общего отечества — России»⁸³. Количество добровольцев было значительным. Уже 22 октября (4 ноября) последовало разрешение к формированию армянских и грузинских добровольческих дружин⁸⁴.

Итак, партия сторонников войны в турецком правительстве победила и именно она была основным виновником втягивания Турции в Первую мировую войну. Почему бы не вспомнить о том, как это происходило? Неужели Стоун и его издатели думают, что все это забыто в России?

* * *

Можно смело утверждать, что направленность недоговорок и ляпов англо-турецкого автора весьма очевидна и более всего она проявляется в армянском вопросе. Профессор — один из активных борцов международного признания Геноцида армян. Нетрудно заметить, что Норман Стоун начал борьбу с объективной историей Армянского вопроса сразу же после переезда из Англии в Турцию. Раньше он не был отмечен на этом поприще. Формально он выступает за научный подход к этим событиям. Посмотрим, как оный проявляется в его работе

О пристрастности Стоуна можно судить хотя бы по таким заявлениям в его последней работе: «Энвер вторгся в Россию через Кавказ и понес огромное поражение — 100.000 его солдат умерло от болезни и холода на плато около Сарыкамыша»⁸⁵. Вот так, кратко, просто и элегантно. Не было турецкого вторжения в Персию, тяжелых боев под Сарыкамышем и Ардаганом, в которых русские войска разгромили турок. Они просто начали вторжение, а потом заболели и... умерли. Почти все. Между тем при малейшем желании можно было бы существенно расширить источниковую и историографическую базу «краткой истории», сохранив ее краткость, но оставив всё же место для истины.⁸⁶ А она

⁸³ Голос Москвы. 1 (14) ноября 1914. № 252. С. 4.

⁸⁴ Утро России. 21 октября 1914. № 257. С. 2; 23 октября 1914. № 259. С. 2.

⁸⁵ Stone N. World War One. P. 49.

⁸⁶ Работ и документов об этих событиях — огромное количество, в том числе, разумеется, и на английском языке. Не будем голословными, приведём хотя бы кратчайшее их перечисление, коль речь идет о «краткой истории»: **А) литература:** Данилов Ю. Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 годов. Берлин, 1924; Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне (планы войны). М., 1926; Н. Р. Сарыкамыш // Война и Революция. 1927. № 3; Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г.

проста: турки начали военные действия, проведя сосредоточение в мирный период, имея целью окружить основные силы русской армии в районе Сарыкамыша и, надо сказать, были весьма близки к осуществлению этих планов, но в конце концов были разбиты. Всего этого читатель Стоуна не узнает. Как и многого другого.

В отношении попытки турок «окончательно решить» армянский вопрос профессор уже не ограничивается недомолвками

Париж, [1933]; Никольский В. П. Сарыкамышская операция. 12–24 декабря ст. ст. 1914 года. София, 1933; Корсун Н. Г. Сарыкамышская операция. М., 1937; Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966; Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1808–1918 гг.). М., 1972; Moberley F. J. Operations in Persia 1914–1919. L., 1987; Ericson E. [J.] Ordered to die. A history of the Ottoman Army in the First World war. Westport, 2001; Мартиросян Д. Г. Генерал Г. Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом...». Приписанные заслуги генералов Н. Н. Юденича и М. А. Призевальского // Военно-исторический журнал. М., 2008. № 6; Мартиросян Д. Г. Трагедия батумских армян. Просто «резня» или предвестник армянского геноцида? // Родина. М., 2010. № 4; **Б) источники:** Виберг [С. А.] Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Кавказско-Турецкого театра военных действий. Тифлис, 1911.; Виберг [С. А.] Весьма секретно. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк Черноморского театра военных действий. Тифлис, 1912; Емельянов А. Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин, 1923; Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив (далее — КА). М., 1923. Т. 2; Ахаткин Кр. [З.] Сарыкамыш // Военный Сборник Общества ревнителей военных знаний. Белград, 1925. Кн. 6; Liman von Sanders O. Five years in Turkey. Annapolis, 1927; Ахаткин [Кр. З.] Начало войны с Турцией // Часовой. Париж, 1930. № 23; Масловский Е. [В.] Значение духовной сущности боя // Часовой. Париж. 1932. № 76; Ахаткин Кр. [З.] Письмо в редакцию // Вестник военных знаний. Сараево. 1931. № 2; Сарыкамышская операция 12–24 декабря 1914 года. Некоторые документы / Под ред. П. Андреева. Париж. 1934; Калугин С. Персидская Казачья Его Величества Шаха Персии Дивизия // Военно-исторический вестник (далее — ВИВ). Париж, 1958. № 11; Бах П. Тегеран. Май 1914 — апрель 1916 г. // ВИВ. Париж, 1959. № 13; Семина Х. Д. Трагедия русской армии Первой Великой войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Нью-Мексико, 1963. Кн. 1; Федоровский В. М. Почти забытые были (Правда о Сарыкамышской операции) // ВВ. Париж, 1963. № 58; Масловский Е. В. Русские отряды в Персии (к вопросу о естественном историческом поступательном движении России на юг, к открытому морю) // Возрождение. Париж, 1966. №№ 169–171; Kalmykov A. D. Memoirs of a Russian diplomat. Outposts of the Empire, 1893–1917. New Haven; L., 1971; Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001.

и ляпами — он просто лжет: «Было армянское восстание на востоке, в Ване, где мусульманский город был уничтожен с большой резней»⁸⁷. Вот так вот — без каких-либо ссылок и доказательств — представляется англоязычному (а теперь и русскому) читателю «объективная» версия произошедшего. Оказывается, не было резни армян, которая началась с самого начала войны не только на территории Западной Армении, но и в русском Закавказье, куда вторглись внезапно «умершие» затем от болезней воины Энвер-паши. Я уже молчу о том, что истреблению было подвергнуто также и армянское, и ассирийское население центральной Персии.⁸⁸

Между прочим, в ходе резни, устроенной турками в Ардагане, за 5 дней их пребывания там был уничтожен целый город. А после подвигов «заболевших» в России была учреждена Комиссия о нарушении правил и обычаев войны на турецком фронте. В результате ее работы под Ардаганом были вскрыты массовые захоронения жертв турецких зверств. В основном убитыми были армяне — мужчины, в возрасте, начиная от 12–13 лет. Их уводили за город, где убивали и закапывали в огромных рвах-могилах. После этого начинался зверский погром оставшегося населения — женщин и малолетних детей. Особенно изуверскую изобретательность турки проявляли по отношению к церквям. Присутствовавшие при этом германские офицеры ничего не делали для того, чтобы остановить эти убийства.⁸⁹ Происходившее настолько напоминает преступления нацистов на территории нашей страны, что невозможно не предположить, что эти германские офицеры прибыли туда для того, чтобы перенять опыт — и они его действительно переняли. О том, что на самом деле произошло в Ване и насколько реальная картина отличается от той, которую предлагает Стоун, узнать не тяжело — было бы желание.⁹⁰ У г-на профессора этого желания, очевидно, нет.

⁸⁷ Stone N. World War One. P. 58.

⁸⁸ Об этом см: Иван Ратцигер: «Тетра-Востокия» — ложь и правда об армянском Геноциде (www.regnum.ru/news/1156516.html); Он же: Адвокатам каннибализма: факты о резне армян и айсоров в Турции и Иране (www.regnum.ru/news/1173806.html)

⁸⁹ Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 17 (30) апреля 1916. № 15504. С. 2.

⁹⁰ См., например: Мартиросян Д. Г. Ванская операция: эпизоды армянской и русской истории (www.regnum.ru/news/1161786.html); Он же. Унижение Джейдет-бея. Ванская операция: миф или реальность? // Родина. М., 2009. № 5. С. 89–91.

Так, например, описывая ситуацию после крушения Кавказского фронта (с трудно определяемыми по тексту датами), Стоун пишет: «Греки и армяне вторглись в Анатолию с благословения британцев и французов»⁹¹. Не правда ли — умилительно? Объективность английского ученого после работы в Билкенте зашла так далеко, что он готов подвергнуть критике даже Англию (Франция, разумеется, не в счет). И вновь — если греко-турецкая война хорошо известна, во всяком случае, на Западе, то события, происходившие на армянском направлении, почти не известны. Это создает преимущество для фальсификатора — можно предложить почти любую версию. Кого интересует то, что, например, в 1918 году у Армении практически не было армии,⁹² что при этом она вынуждена была отбиваться от наступавших турок, практически не имея за собой тыла. Позади на стороне турок действовал Татарский корпус⁹³. В то же самое время уходившие с Кавказского фронта эшелоны русских солдат подвергались атакам и истреблению со стороны азербайджанских и грузинских националистов, устроивших резню на станции Шамхор.⁹⁴ В самом деле, кому интересны такие «мелочи»?

Итак, перед нами книга, в которой соединились блестящий легкий стиль, легкое скольжение по верхам событий, изящная демагогия, сочетающаяся в ряде вопросов с последовательным игнорированием фактов, а часто — и с незнанием оных. Судя по всему, такого рода широкий взгляд в Турции поддерживается активно. Но кому же мы обязаны появлению этого «шедевра» на русском? Кому он здесь понадобился? Почему бы не перевести и издать раннюю и, безусловно, научную работу Нормана Стоуна? Зачем переводить и печатать в России столь безнадежно слабую работенку? «Все могу, — сказала злато»? Жаль, если это так, как жаль людей, которые (избави Боже!) начнут знакомство с историей, в том числе и своей страны по таким вот кратким версиям её прошлого.

⁹¹ Stone N. World War One. P. 154.

⁹² См.: Доклад [И. Ф.] Назарбекова об армянском корпусе (Аглян В. О формировании Армянского корпуса (1917–1918) // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М., 2009. Т. 6. С. 150–162).

⁹³ См.: Туманов Я. К статье капитана Н. Шугурова «Закавказский флот» // Морской журнал. Прага, 1932. 1 (49). С. 8–9.

⁹⁴ Стеклов А. П. Кровавые события в районе станций Шамхор — Елизаветполь в январе 1918 года // Труды Тбилисского Государственного Педагогического института им. Пушкина. Т. XII. 1957. С. 369–385.

А. В. ГАНИН

О КНИГЕ В. В. КАМИНСКОГО «ВЫПУСКНИКИ
НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА НА СЛУЖБЕ В КРАСНОЙ АРМИИ»¹

*«Увы, как бы ни хотелось автору увидеть
в ответ на его работы действительно серьезную критическую статью, подлинно научную и беспристрастную по своему подходу, этому желанию пока что осуществиться не суждено!»*

В. В. Каминский

Проблематика первых лет строительства Красной армии по-прежнему остается столь малоизученной, что, кажется, радуешься каждому новому исследованию. Однако уже сейчас понятно, что десятилетия забвения темы не могли не сказаться на уровне ее разработки и осмысления и, к сожалению, обычным явлением наших дней стал выход работ, качество которых оставляет желать лучшего.²

Еще более печально то, что многие читатели, не являющиеся специалистами по теме выходящих работ (а иногда и профессиональные историки), не имеют возможности проверить приводимые в литературе данные и вынуждены всецело полагаться

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

² См., напр., мою предыдущую критическую рецензию по этой проблематике на работы А. А. Здановича и С. С. Войтикова: Ганин А. В. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин. Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IX. М., 2010. С. 336–378.

на добросовестность и профессионализм авторов того или иного наукообразного текста. В этом смысле долгом каждого специалиста является профессиональная экспертиза новинок научной литературы по своей тематике и написание рецензий, которые помогали бы читателям сориентироваться в том, что им предлагают на книжном рынке. Особенно это касается тех работ, которые претендуют на академичность, однако на самом деле лишь вводят читателей в заблуждение. Именно к таким работам относится книга израильского историка В. В. Каминского о выпускниках Николаевской академии Генерального штаба в Красной армии.³

В аннотации работы автор пишет о предназначении книги для всех, «кому не безразлична судьба России и доблестного русского офицерства». Однако в самой работе русское офицерство унижается и поносится, изображается как исключительно корыстолюбивое и материально озабоченное. Поэтому понять, почему подобного рода работа должна вызвать интерес людей, небезразличных к истории русского офицерского корпуса, довольно затруднительно.

Более того, анализ всех опубликованных работ Каминского по тематике Генерального штаба позволяет прийти к заключению, что его публикации являются не только оскорбительными для памяти русского офицерства, но и откровенно безграмотными, самым серьезным образом искажающими ход событий Гражданской войны и представления о ней наших современников. Основной проблемой этих произведений является практически полное отсутствие у их автора способности грамотно анализировать исторические источники, а также умения делать на основе этого анализа сколько-нибудь логичные, не противоречащие здравому смыслу выводы. Все эти проблемы преследуют автора от работы к работе.

Как указал сам автор, ему довелось только дважды поработать в архивах России — осенью 1997 и осенью 1999 гг. (с. 28), что представляется явно недостаточным для того, чтобы претендовать на сколько-нибудь глубокую разработку той или иной темы. Сама же книга, если верить предисловию, была написана в 1996–2005 гг., но вышла только в 2011 г. В ее основу положе-

³ Каминский В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. 736 с. В рецензии рассматриваются лишь наиболее серьезные ошибки работы Каминского, тогда как полный разбор всех допущенных им ляпов требует написания многостраничного критического труда, что представляется непроизводительной тратой времени.

на диссертация Каминского, защищенная еще ранее. Видимо, по этим причинам в работе отсутствует как таковая историография последнего десятилетия. Объективности ради, некоторое исключение Каминским было все же сделано... для его собственной статьи 2008 г. (с. 41).

Таким образом, с одной стороны, книга представляется в значительной степени устаревшей и не отражающей современного уровня разработки проблемы,⁴ с другой стороны, Каминский почти не эволюционировал как исследователь во взглядах и оценках с начала 2000-х гг. Между тем его работы того времени были мною подвергнуты жесткой критике,⁵ на которую Каминский не нашел никаких внятных возражений, если не считать таковыми навешивание ярлыков,⁶ что никоим образом не украшает его ни с профессиональной, ни с человеческой точки зрения.

В новой работе Каминский продолжает изображать себя жертвой распоясавшихся в современной России и пристрастных к честному историку «белых апологетов» (с. 18), не дающих возможности развернуться его глубокому таланту в полную силу. В особенности, автор жалуется на «молодого ученого, некоего г-на Ганина А. В.» (с. 18). Посетовал он и на то, что еще не увидел в ответ на свои публикации серьезной критики (фраза, вынесенная в эпиграф этой рецензии; не соглашусь с этим и во второй раз добросовестно

⁴ В особенности после выхода моего справочника «Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы» (М., 2009), в котором, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов России, Украины, Польши и Финляндии, представлены сведения практически обо всех (более 2 700 персоналий) офицерах-генштабистах, служивших в армиях сторон Гражданской войны.

⁵ Ганин А. В. О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.

⁶ Аспирант МГУ А. Ганин — «один из характерных представителей современной белой апологетики», публикация которого — попытка «явно тенденциозной критики моих статей» (Каминский В. В. Сергей Алексеевич Кузнецов — «собиратель» «генштабистов» для Красной армии (весна — осень 1918 г.) // Проблемы новейшей истории России. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 246). Тем не менее далее в той же статье Каминский посчитал возможным воспользоваться неизвестными ему ранее фактическими данными о расстреле героя его статьи и сослаться по этому вопросу на публикацию упомянутого аспиранта и «белого апологета». Но в отношении подпольной деятельности Кузнецова Каминский разрешил мне критиковать себя лишь после того, как я смогу отыскать материалы тайных заседаний военной организации «Национального Центра», существование которых науке пока неизвестно.

выполню пожелание Каминского). По мнению Каминского, «ярко выраженный тенденциозный «бело-апологетический» «подход» (сколько закавычиваний в одном предложении! — *А. Г.*) помешал г-ну Ганину не только написать сколько-нибудь основательную критическую статью. В угоду названному «подходу» Ганин показал практически полное пренебрежение архивными источниками (в его статье можно наблюдать поверхностное ознакомление с отдельными архивными документами), предпочитая весьма пристрастные «белые мемуары» и труды некоторых современных российских ученых, отличающихся склонностью к «белой апологетике». Видно, г-н Ганин еще на университетской скамье не очень прилежно изучал источниковедение?! Кстати, не заметно, чтобы Ганин, пытаясь критиковать авторские концепции, предложил взамен какой-то свой конструктивный подход (такой подход Каминский мог бы отыскать в моих публикациях по теме Генерального штаба, благополучно им проигнорированных. — *А. Г.*). Приходится только удивляться, что по всей матушке Руси редакция столь солидного научного журнала не смогла найти ни одного российского историка, кто оказался бы в состоянии представить профессиональный, а значит — взвешенный и непредвзятый критический анализ авторских работ?» (с. 18).

Рассуждения о «бело-апологетическом» подходе представляются банальной попыткой уйти от ответов на серьезные критические замечания, вскрывающие незнание Каминским фактического материала и его неумение анализировать источники. Как с первым, так и со вторым у Каминского проблемы довольно серьезные. Начну с того, что за несколько месяцев архивной работы, пусть и целенаправленной, проблематику, заявленную в названии работы Каминского, раскрыть в принципе невозможно. Тем более что Каминский первый и последний раз работал с подлинными документами короткий промежуток времени более десятилетия назад. В то время совсем иным был уровень осмысления проблем Гражданской войны, не были опубликованы многие важнейшие сборники документов по теме, практически не существовало серьезных справочных изданий по персоналиям офицерского состава. К сожалению, весь этот багаж десятилетней давности вынесен на страницы работы, вышедшей в 2011 году!

Даже название книги не соответствует рассматриваемой проблематике, так как автор смог охватить отнюдь не весь период службы выпускников Николаевской академии в Красной армии (они служили в Красной, а затем в Советской армии вплоть до второй половины XX в.), а лишь 1917–1919 гг., т. е. даже не всю

Гражданскую войну. Подобные временные рамки в этой и предшествующих работах Каминского вообще выглядят странно. Однако ознакомление с содержанием работы показывает, что и этот короткий период исследован автором весьма условно.

Фактически работа затрагивает лишь службу генштабистов в Советской России в конце 1917–1918 гг., причем далеко не во всех, даже основных, аспектах. Вообще вне поля зрения автора оказались военспецы, служившие в армиях, на фронтах и в военных округах севера и северо-запада Советской России, а о периоде 1919 г. автор книги судит во многом по материалам энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», периода же 1920 г., не говоря о дальнейшем и вовсе не касается. Сама работа и по стилю и по содержанию в высшей степени сумбурна и неудобочитаема, поэтому даже специалист вынужден буквально продирается сквозь авторский текст. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры удивительных «открытий» автора книги.

Представление о творческой лаборатории Каминского начинается с самого первого предложения книги: «Уже более века отделяет нас от событий «русской смуты» начала XX столетия» (с. 7). Это написано в начале 2000-х гг. о событиях Гражданской войны! В дальнейшем поток разного рода ляпов возрастает лавинообразно.

Уже в предисловии Каминский огорошивает читателей заявлением, что «к концу 1917 г. русский офицерский корпус представлял собой достаточно пеструю смесь. Здесь были гвардейцы и «генштабисты», пехотинцы и кавалеристы, артиллеристы и казаки, моряки и инженеры и даже — офицеры военного времени» (с. 29). То есть все вышеперечисленные к офицерам военного времени не относились! Весьма новаторская градация, свидетельствующая о степени погружения автора в изучаемый вопрос! Оказывается, «Поход на Москву» армий Деникина имел в качестве своего результата лишь «успехи местного значения» (с. 391), а Восточный фронт Гражданской войны был более значимым, чем Южный, являвшийся, если верить Каминскому, лишь «вторым главным фронтом русской гражданской войны 1918–1920 гг.» (с. 358). Хорошие «успехи местного значения» на втором фронте, поставившие под вопрос само существование Советской России!

Источниковая база работы показательна. Помимо недостаточного использования базовых документов РГВА, где Каминский использовал только небольшой и поверхностно изученный им комплекс документации некоторых высших органов военного

управления, автор использовал документы РГАСПИ и в незначительной степени материалы ГА РФ и вовсе не использовал документы РГВИА. Не работал он ни с документами академии Генерального штаба РККА, ни, за исключением отдельных единиц хранения, с архивом старой академии Генерального штаба периода 1917–1919 гг., практически не знаком он с документами антибольшевистского лагеря и с массивом документов по репрессиям. Как следствие, основные умозаключения автора соответствуют действительности лишь весьма отдаленно.

К примеру, противоречит документам, свидетельствует о незнании документальной базы и неудовлетворительности анализа источников, проведенного Каминским, тезис о несостоятельности советского учета кадров Генерального штаба в 1918–1919 гг. (с. 85, 234).⁷ Столь же несостоятельны его заявления о добровольности поступления в РККА всех служивших в ней генштабистов (с. 260) или даже только той их части, что пошла в новую армию с самого начала зимой — весной 1918 г. (с. 109). Можно ли считать добровольным переход в новую армию офицера по инерции в составе штаба, в котором он привык служить с дореволюционных времен? Можно ли считать добровольным поступление в новую армию семейного офицера, оказавшегося на грани голода? Наконец, можно ли считать добровольной службу офицера, пошедшего в Красную армию исключительно для борьбы с внешним врагом, но затем принудительно отправленного на внутренний фронт? Думается, во всех случаях ответ будет отрицательным. Следовательно, говорить о повсеместной добровольности поступления в новую армию не приходится. И хотя факт службы специалистов Генштаба у большевиков до начала их регистрации неоспорим, за гранью критики находятся подсчеты Каминским учтенных большевиками в это время генштабистов (с. 76) — как мог вестись учет до начала учета, автор явно не задумывается.

Статистические выкладки Каминского относительно численности специалистов Генерального штаба в армиях сторон Гражданской войны вообще нельзя признать сколько-нибудь достоверными. Невладение фактическим материалом по теме работы и удивительное непонимание сути изучаемой проблемы привело Каминского к целому ряду «сенсационных» заявлений. Например, что к концу

⁷ Детальный анализ практики учета кадров Генштаба всеми воюющими сторонами в Гражданскую войну см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 34–105.

1919 г. было расстреляно лишь 6 генштабистов из 61 арестованного (с. 187). В действительности за период 1917–1919 гг. было расстреляно не менее 70 генштабистов, арестам подвергся 191 генштабист, включая 43 расстрелянных или умерших в заключении.⁸ Ошибка Каминского по расстрелянным превысила десять раз. По арестованным он заблуждается более чем в три раза. Основываясь на своих ошибочных данных, он делает неверный вывод о том, что для Л. Д. Троцкого пребывание генштабистов в РККА было предпочтительнее их содержания под стражей в ВЧК и что в этом вопросе победила точка зрения председателя РВСР (с. 187). Этот тезис был бы верен, если бы Троцкий мог контролировать ВЧК, однако реальная картина разделения властных полномочий в Советской России была совершенно иной.

Интересно соотнести масштабы репрессий против бывших офицеров вообще и генштабистов в частности, чтобы определить, отличалась ли политика большевиков в отношении последних «мягкостью», как полагает автор книги. Каминский утверждает, что якобы подсчитал, что всего в 1918 г. было арестовано и расстреляно 28 875 офицеров (с. 174), а с ноября 1917 г. по апрель 1918 г. якобы было убито 6 267 офицеров русской армии (с. 71). Точность подобных цифр и та самоуверенность, которая сопровождает их публикацию, вызывают лишь недоумение, а отсутствие указаний на способ подсчета и использованные источники заставляют подозревать, что эти данные просто взяты с потолка.

По Каминскому, всего репрессировано было примерно 10 % бывших офицеров. Тогда как из специалистов Генштаба за период 1918–1919 гг. — 61 человек, или 8,7 % находившихся на службе в РККА (с. 178). Далее автор заявляет: «При отмеченных выше весьма внушительных общих потерях от террора ЧК среди всего населения России вообще, а офицерства «добольшевистской» армии, в особенности, 61 репрессированный «специалист Генштаба» представляется весьма незначительной цифрой» (с. 178). Но, как уже было отмечено выше, показатели репрессий, по Каминскому, не имеют ничего общего с действительностью, так как реальное число репрессированных генштабистов за этот период в два с лишним раза выше.

Для корректности сопоставлений с репрессированными офицерами всех категорий, процент которых Каминский вывел

⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. «Товарищ Склянский — заступитесь...» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. Российский исторический журнал. М., 2009. № 1. С. 79.

из общей численности офицерского корпуса на 1917 г., процент репрессированных генштабистов тоже рассчитаем от общей их численности, а не от тех, кто служил в РККА, как сделал Каминский. За годы Гражданской войны из 2 798 известных мне выпускников академии были, по моим подсчетам, расстреляны не менее 127 человек и 246 прошли через аресты.⁹ Таким образом, процент репрессированных генштабистов (13,3 %) существенно выше приведенного Каминским предположительного процента по всей офицерской корпорации. Из этого можно было бы заключить, что генштабисты подвергались репрессиям отнюдь не реже прочих офицеров, а, возможно, даже значительно чаще. В 1918–1919 гг. репрессировано было 198 генштабистов, т. е. в три с лишним раза больше, чем известно Каминскому.

В свете приводимых нами данных вывод Каминского о том, что генштабисты, якобы, восстановили в Красной армии свой до-революционный статус (с. 423), не могут восприниматься иначе, как полнейшая нелепость. Реальное их место в советском обществе видно из простого факта, что в Советской России любого из них — от младшего штабного работника до главнокомандующего — можно было без суда и следствия отправить за решетку или расстрелять, что было немыслимо до революции.

Неверны рассуждения Каминского и о деталях репрессивной темы. Так, неверно его утверждение, что генштабисты якобы избежали «бесцеремонных массовых офицерских регистраций» (с. 115). Достаточно отметить, что среди сотен учетных карточек бывших офицеров, зарегистрированных в Алексеевском военном училище в Москве (наиболее известной из тех самых массовых регистраций), мне встретилась карточка на бывшего Генштаба генерал-лейтенанта М. Н. Вахрушева,¹⁰ причем, возможно, это не единичный случай.

Еще больше ляпов в кратком пассаже Каминского о «деле» Полевого штаба РВСР. Не ориентируясь в вопросе, Каминский утверждает, что кроме главкома И. И. Вацетиса из генштабистов тогда были арестованы только бывшие обер-офицеры (с. 181). В действительности среди арестованных значатся бывший на-

⁹ Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 135. Пересчитано по новым архивным данным.

¹⁰ Изображение учетной карточки, заведенной на Вахрушева при этой регистрации, опубликовано в качестве иллюстрации к моей статье: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. М., 2010. № 6. С. 71.

чальник Полевого штаба в прошлом Генштаба генерал-майор Ф. В. Костяев и помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба бывший Генштаба полковник В. К. Токаревский. Далеко не генштабовская молодежь. Аресты проводились отнюдь не московскими чекистами, как утверждает Каминский, а Особым отделом ВЧК. Кроме того, Вацетис не был освобожден из-под ареста «уже к августу 1919 г.» (с. 181), а вышел на свободу только 13 октября. Фантазией Каминского следует считать и его утверждение, что все генштабисты, арестованные по делу Полевого штаба, пробыли в заключении не более трех месяцев (с. 181). На самом деле основная масса была освобождена лишь по амнистии в ноябре 1919 г., т. е. после четырех месяцев ареста. Подобные нюансы сопровождают работу Каминского от начала и до конца.

Вне поля зрения Каминского оказались материалы органов местного военного управления, фронтов и военных округов, хотя попытка рассмотреть этот вопрос в книге предпринята. По признакам, понятным лишь одному автору, из этих органов рассмотрены только Южный и Восточный фронты, а также Северо-Кавказский, Орловский, Ярославский, Уральский и Приволжский округа. Куда подевались все прочие фронты и округа — неясно. В отношении войск завесы частично рассмотрены Северный и Западный участки, а также Московский район обороны.

Большую погрешность содержат выведенные Каминским общие показатели количества генштабистов в Красной и в антибольшевистских армиях. Так, он полагает, что в РККА служили только 703 военспеца-генштабиста (что составляет уже четвертый вариант его собственных расчетов), тогда как в действительности таковых было не менее 1 538.¹¹ Столько военспецов-генштабистов прошло через учет РККА за период 1917–1922 гг., а не за искусственно выбранный Каминским отрезок 1917–1919 гг. За период 1917–1919 гг. через учет кадров Генерального штаба в Советской России прошло не менее 1 360 бывших офицеров. И здесь Каминский ошибся почти в два раза, пропустив... 657 человек.

По утверждению Каминского, в войсках адмирала А. В. Колчака насчитывалось лишь 289 генштабистов (с. 12, 340), тогда как на самом деле — не менее 630.¹² Ошибка снова в два раза. В другом месте он утверждает, что 390 (по его предположению) генштабистов — служащих центрального военного аппарата Советской России в 1,3 раза превышали общее их количество

¹¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 120–122.

¹² Подробнее см.: Там же. С. 125–126.

в армиях генерала А. И. Деникина (с. 223). Из этого нетрудно подсчитать, что, по мнению Каминского, у Деникина было только 300 генштабистов. Эту же цифру приводит и он сам, заявляя, что это, якобы, их максимальная численность (с. 12). На самом деле через белые армии юга России прошло не менее 1012 выпускников академии.¹³ Каминский ошибается более чем в три раза, что неудивительно, так как строит свои неумелые предположения лишь на известном справочнике Н. Н. Рутыча по высшему командному составу Вооруженных сил на Юге России и опубликованных боевых расписаниях белых армий, которые даже не претендуют на полноту в анализируемом вопросе. Следовательно, он не только не владеет информацией по теме, но и не отдает себе отчета в том, какие материалы использует. Неудивительно, что выводы о скудности корпуса генштабистов антибольшевистских армий и количественном превосходстве большевиков над ним (с. 12, 340) представляют собой грубую ошибку и не имеют ничего общего с историческими реалиями.

В таких же отношениях с действительностью находятся подсчеты Каминским распределения выпускников ускоренных курсов академии (с. 195), а следовательно, и важные выводы о качественном соотношении офицеров Красной и белых армий. Так, по его предположению, всего через ускоренные курсы 1–3-й очереди прошло 709 офицеров, из которых в РККА было 194 офицера (в другом месте он почему-то приводит и другую цифру — 174 офицера — с. 13), а в белых армиях — 205, причем на юге России единственным (!) курсовиком, якобы, был Е. Э. Месснер, тогда как остальные 204 были на Восточном антибольшевистском фронте. Других лагерей и фронтов для Каминского, очевидно, не существует, а еще 285 офицеров, якобы, остались «нейтральными» (на самом деле Каминский просто не знает, где они находились). Впрочем, автор признает, что его подсчеты «все-таки могут быть неполными, поскольку не удалось обнаружить более-менее заверченный список офицеров, закончивших ускоренные курсы АГШ I очереди» (с. 63). В данном случае Каминский явно поскромничал, так как это далеко не единственное неизвестное.

Подсчеты Каминского представляют собой поучительный пример для беспристрастного историка. Они не то чтобы неполны — они вообще не относятся к области исторических фактов. А факты говорят о том, что через белые армии Юга России прошло не менее 210 курсовиков. И «все-таки неполные данные» Камин-

¹³ Подробнее см.: Там же. С. 122–124.

ского оказываются преуменьшены ни много ни мало... в 210 раз! Аналогичные ошибки и по всем остальным показателям. Через белые армии Востока России прошло не менее 393 курсовиков, включая непосредственно подготовленных в академии на Востоке. Каминский ошибся здесь примерно в два раза. Только 5 человек успели послужить и на Юге, и на Востоке. Следовательно, в антибольшевистском лагере Юга и Востока находилось не менее 598 курсовиков. Через РККА прошло не менее 587 курсовиков, в том числе 308 служивших в белых армиях Востока и Юга.

Даже в доступных ему документах Каминский оказался неспособен произвести элементарный правильный подсчет. Так, например, в списке Всероглавштаба на 28 ноября 1918 г. значится 486 человек,¹⁴ тогда как Каминский насчитал 555 человек, заявив, что, якобы, впервые вводит этот документ в научный оборот. В списке Всероглавштаба на 15 июля 1919 г. по нумерации значится 417 человек¹⁵ (всего 418, так как двое учтены под одинаковыми номерами¹⁶), однако Каминский насчитал 455 (с. 91). Как можно ошибиться с подсчетами в документах (к тому же содержащих нумерацию персоналий!) не на одного — двух, а на несколько десятков человек?! К сожалению, подобное обращение с источниками характерно для Каминского.

Искажения фактов и неверные выводы встречаются не только в каждом разделе работы Каминского, но и практически на каждой странице, а мелкие ошибки и неточности буквально густой сыпью покрывают страницы его книги. Разберем, к примеру, раздел о переходах военспецов на сторону противника. Крайняя узость кругозора привела автора книги к тому, что военспецы-генштабисты оказались представлены как бы в безвоздушном пространстве, поскольку с документами по их службе в белых и национальных армиях он не работал. Такой подход к теме заведомо провален, ибо сотни генштабистов циркулировали на протяжении всей Гражданской войны из одного противоборствующего лагеря в другой. Рассмотрение лишь какой-то одной части их служебного пути неполноценно и вырвано из исторического контекста.

Как следствие, Каминский не в состоянии проследить перемещения офицеров-генштабистов, бежавших от красных. Он даже

¹⁴ Подробнее см.: Там же. С. 55.

¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 64.

¹⁶ Кавтардзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 217.

полагает, что перебежчиков-генштабистов из Красной армии было всего 74 человека (с. 193). На самом же деле их было не менее 529 человек.¹⁷ Как видим, исследователь в семь раз преуменьшил реальную цифру! Можно ли после вышеизложенного доверять его работе?

Неверные исходные данные с завидным постоянством приводят Каминского и к искаженным выводам. В том же разделе он пытается анализировать известные ему случаи измены военспецов. Что же он пишет? Так, по мнению Каминского, «совершенно случайно» академия Генштаба оказалась в антибольшевистском лагере (с. 194). Для доказательства своего постулата автор книги не гнушается прямой подтасовкой фактов. Посмотрим, что же это была за «случайность». Как вспоминал преподававший в академии Генштаба генерал-майор М. А. Иностранцев, при эвакуации академии в Екатеринбург ее начальник Генштаба генерал-майор А. И. Андогский привез в ящиках с книгами оружие, в том числе 2 пулемета, была сделана попытка связаться с восставшими против большевиков чехословаками.¹⁸ Служащие академии также планировали осуществить операцию по спасению из-под ареста царской семьи, однако наличных сил для этого рискованного предприятия оказалось слишком мало.

Тот же Иностранцев позднее отмечал: «комплектовать наши учениками (т. е. академии Генштаба. — А. Г.) красную армию мы совершенно не собирались и, в этом отношении, установили совершенно определенное решение».¹⁹ Другой преподаватель академии, Генштаба полковник А. Т. Антонович, также оказавшийся летом 1918 г. с академией в Екатеринбурге, записал в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Новосибирской области, о занятии Екатеринбурга белыми в июле 1918 г.: «Утро 25-го — новая эра. Загорелась заря; важно, чтобы она не погасла. Сравнительно безболезненно совершился переворот; свои позиции прежняя власть легко уступила новой, которая внесла в жизнь мир, тишину и спокойствие. Все граждане свободно и легко вздохнули. В день вступления освободителей обыватель, видимо, не верил своему счастью... Все слышанное взволновало меня, явилась надежда на лучшее будущее, рассеялся мрак,

¹⁷ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 120–122. С учетом новых материалов, обнаруженных после выхода справочника. ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 313.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 4. Л. 313.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1в.

что-то появилось вдали, что манит к себе и говорит о возможности работать уже не бесцельно».²⁰

Сам начальник академии генерал Андогский, по характеристике Г. Х. Эйхе — одного из видных участников Гражданской войны со стороны красных, был «смертельный враг Советской власти... Из присланных Колчаку материалов вырисовывается омерзительное лицо предателя и вместе с тем врага в высшей степени умного и коварного. Занимая пост начальника советской военной академии, Андогский уже в декабре 1917 г. направлял офицеров академии на Дон к Алексееву и другим с деньгами и секретными шпионскими сведениями. Восстание в Екатеринбургe и захват города были проведены по плану Андогского.²¹ Его метод, как сказано в одном из присланных Колчаку документов-характеристик, “заключался в том, чтобы, добившись доверия комиссаров, взорвать их изнутри...”²² Вряд ли подобные оценки свидетельствуют о лояльности преподавательского состава академии большевикам. То же самое можно отнести и к слушателям академии. К слову сказать, отряд слушателей академии под командованием подполковника К. Ю. Румши, вооружившись, 21 июля ушел из Екатеринбурга на соединение с чехами, подходившими к городу.²³ Сам Андогский впоследствии вспоминал, что слушатели академии помогли чехословакам при взятии Екатеринбурга.²⁴ В дальнейшем и слушатели, и преподаватели академии успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях востока России.²⁵ Все вышеизложенное никак не свидетельствует о «совершенной случайности» того, что академия оказалась у противников большевиков.

Достоинны внимания рассуждения Каминского и о других случаях измены. Например, об измене командующего 9-й армией бывшего Генштаба полковника Н. Д. Всеволодова (с. 212–213). Не будучи знакомым с документами о вредительской деятельности Всеволодова в Красной армии и его измене, а также об обстоятельствах его службы в Советской России в конце 1918 — начале

²⁰ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири: литературный альманах. Вып. 3. Кемерово, 2006. С. 381, 384.

²¹ С этим утверждением едва ли можно согласиться. — А. Г.

²² Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 362–363.

²³ Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 67.

²⁴ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

²⁵ Подробнее см.: Бушин А. Ю. Академия генерального штаба в гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. науч. трудов. Уссурийск, 2001. С. 169–173.

1919 г., Каминский подгоняет его случай под свою «универсальную» схему службы военспецов в РККА по «социально-бытовым мотивам» и утверждает, что к белым Всеволодов перебежал ради карьеры, что является существенным упрощением реальной картины событий.²⁶

Нельзя отрицать ту важную роль, какую сыграло материальное обеспечение военспецов РККА в Гражданскую войну для привлечения бывших офицеров в новую армию и для выживания их и членов их семей, однако сводить все многообразие мотивов поведения офицерства исключительно к материальным, как делает Каминский, крайне наивно. Свой «философский камень» он отыскал уже более десятилетия назад, и с тех пор навязчивая идея чрезмерной материальной или «социально-бытовой» озабоченности русских офицеров перетекает из одной работы Каминского в другую. В результате очевидное идеологическое противостояние Гражданской войны в его работах фактически полностью вытеснено корыстным интересом, приписываемым офицерам. Интересно понять, действительно ли Каминский столь наивен в своем понимании истории, чтобы выстраивать подобные теории, или же занимается намеренной фальсификацией истории с целью очернить офицеров русской армии, либо «подтвердить» своей работой какую-либо более общую зарубежную историческую концепцию.

В категоричной форме Каминский отвергает патриотическую мотивацию службы бывших офицеров у красных в период борьбы с германцами в начале 1918 г. (с. 22). О каком патриотизме может идти речь, когда единственная мотивация офицерской службы, по Каминскому, — это карьера и деньги. Как тут не вспомнить аннотацию книги с поминанием «доблестного русского офицерства». В действительности, в начале 1918 г. на защиту страны от внешнего врага добровольно выступили тысячи офицеров, в том числе немало офицеров-генштабистов. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города.²⁷ В период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию в общей

²⁶ Подробнее см.: Измена командарма Н. Д. Всеволодова / Вступительная статья, публикация и примечания А. В. Ганина // Вопросы истории. М., 2011. № 4–5.

²⁷ Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.; Л., 1964. С. 151.

сложности более 8 000 бывших офицеров.²⁸ Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий.

«Социально-бытовое» объяснение Каминский пытается давать и случаям переходов военспецов на сторону противника, причем в качестве стимула перехода к противнику указывает не реальные, а лишь гипотетические более высокие должности и оклады в противоположном лагере.

Обращение к документам не оставляет камня на камне от подобного рода измышлений. Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший Генштаба полковник И. Г. Пехливанов сбежал к белым.²⁹ По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1 000 руб.³⁰ Оклад такого же размера получали лишь высшие должностные лица — управляющий делами наркомата по военным делам Н. М. Потапов или начальник корпуса военных топографов А. И. Аузан. Выше был оклад только у военного руководителя района (1 500 руб.). Оклад начальника дивизии составлял 900 руб., лица Генштаба, прикомандированные к Л. Д. Троцкому, получали 800 руб. Вопреки заявлениям Каминского о том, что переходы на сторону противника обусловлены поисками более высокого жалования, солидный оклад вовсе не предотвратил бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства.

Еще один пример. Бывший Генштаба полковник А. В. Станиславский — крупный белый агент и в то же время один из создателей советской военной разведки и контрразведки. 22 сентября 1918 г. он подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам,³¹ затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Мне удалось установить, что буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта.³² Вполне возможно, что между этими событиями существует прямая взаимосвязь. Подобные Станиславскому антибольшевистски настроенные офицеры, ориентировавшиеся

²⁸ Кавтарадзе А. Г. Указ. соч. С. 70.

²⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

³⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

³² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

на верность союзникам России по Первой мировой войне, стремились противостоять внешним врагам, но пытались по возможности избегать непосредственного участия в Гражданской войне или, как тогда говорили, службы на внутреннем фронте.

Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным мною документам, Станиславский получил жалование по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1 600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания.³³ Получается, что он бежал, захватив с собой 2 780 руб., из которых 1 600 должен был возвратить.

Для идейных противников большевиков — белых подпольщиков в РККА — максимальное ослабление большевиков, в том числе путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников³⁴) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4 000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться от красных в Киеве, неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком,³⁵ перешел к белым из корысти. Про видного эсеровского подпольщика в рядах РККА бывшего Генштаба подполковника Ф. Е. Махина³⁶ Каминский прямо пишет, что тот был «перебежчиком» от одной «кормушки» к другой» (с. 209), что также не имеет никакого отношения к реальным событиям.

С документами о деятельности антибольшевистского подполья Каминский также не знаком, поэтому «плавает» во всех вопросах, связанных и с этим сюжетом. Методика его работы в таких случаях проста: не смущаясь незнанием фактов, он во всех таких случаях пишет о социально-бытовой мотивации действий военспецов. Совершенно не соответствуют действительности его

³³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

³⁴ Подробнее см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов — реальность или миф? // Родина. М., 2010. № 6. С. 70–75.

³⁵ РГВА. Ф. 40 238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

³⁶ Подробнее см.: Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина // Военно-исторический журнал. М., 2006. № 6. С. 54–58.

рассуждения о невозможности связи военспецов с белыми через линию фронта уже с лета 1918 г. (с. 206). Наглядным свидетельством вопиющего дилетантизма Каминского является то, что он не осведомлен даже об авторстве широко известного, опубликованного в 9 томе «Архива русской революции» отчета генерала В. Е. Флуга о секретной командировке в Сибирь, и специально отмечает, что его автор пожелал остаться неизвестным (с. 41).³⁷ При этом несколькими строками ниже приводит далекое от реальности свидетельство, оставленное генералом А. П. Будбергом как раз о миссии Флуга, совершенно не соотнося его с вышенаписанным и не понимая, что речь идет об одном и том же.

Попытка Каминского доказать непричастность бывшего Генштаба генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова к деятельности белого подполья поражает своим примитивизмом. По мнению Каминского, Стогов бежал к белым, так как не имел служебных перспектив в РККА и надеялся «в другом политическом лагере получить новые должности, а с ними и высокие денежные оклады» (с. 207). При этом Каминский умалчивает о неоднократных арестах Стогова и о том, что даже бежать ему пришлось вовсе не со службы, а из-под ареста, в условиях которого бывший генерал, обвинявшийся в руководстве вооруженным подпольем в Москве, не просто не мог рассчитывать на получение новых должностей, но едва ли мог избежать расстрела. В случае Стогова речь шла не о мифических окладах у белых, а об очевидной попытке военспеца спастись. Но незадачливого автора мало интересуют факты, не вписывающиеся в его построения.

По логике Каминского, именно за деньгами с риском для жизни шел через линию фронта к белым и еще один видный деятель белого подполья — бывший Генштаба генерал-лейтенант А. П. Архангельский (с. 205). Видимо, жажда наживы у русских офицеров была столь велика, что оказывалась сильнее здравого смысла и инстинкта самосохранения. Не говоря уже о том, что своих гипотетических окладов в лагере белых никто из перебежчиков знать не мог. При развитии логических построений Каминского напрашивается вывод, что, если бы большевики платили больше, тогда бывшие офицеры не бежали бы тысячами в лагерь противника, что, конечно же, совсем не так. Еще одна загвоздка — ни до, ни после Гражданской войны офицеры, прошедшие через императорскую армию, в армии противника тысячами

³⁷ Подробнее см.: Ганин А. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. М., 2007. № 12. С. 41–47.

не переходили. Вероятно, были довольны своим материальным положением!

Спланированное бегство военспеца через линию фронта в условиях беспощадного красного террора при всем возможном многообразии причин можно трактовать по-разному, но невозможно игнорировать тот факт, что это был решительный поступок, сопряженный со смертельным риском. Для огромного большинства людей такие ценности, как деньги и жизнь, далеко не равнозначны, а следовательно, должны быть более весомые причины совершения подобных поступков.³⁸

Для примера проанализирую качество работы автора в другой части книги, выбрав случайный разворот страниц 30–31. Здесь буквально ошибка на ошибке. А. М. Ионов был причислен к Генштабу, но Каминский уверен, что не был (с. 31). А. И. Дутов, указанный Каминским среди не причисленных (с. 31), хотя и не был причислен к Генштабу до революции, однако, в конце концов, добился причисления весной 1919 г.³⁹ Наличие в книге таких ляпов объяснимо, поскольку автор собственную безграмотность подкрепляет еще более безграмотным, откровенно антинаучным детищем В. В. Клавинга «Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции».⁴⁰

Б. М. Шапошников у Каминского на 30 сентября 1918 г. — помощник начальника Генштаба (с. 31, 649). Каминского не смущает даже то, что такого органа, как Генштаб, в Советской России тогда не было, а Борис Михайлович занимал в этот период совсем другие должности — был помощником начальника оперативного управления по разведывательной части штаба Высшего Военного Совета, а затем, с 4 сентября 1918 г., — начальником разведывательного отдела штаба Реввоенсовета республики.⁴¹ Удивительно,

³⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции. Сб. материалов международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160–171.

³⁹ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 394.

⁴⁰ Разбор работ Клавинга см.: Бушин А. Ю., Зуев В. Н. Доктор технических наук о гражданской войне // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 2 (24). С. 96–100; Иванов И. Б. Уж лучше бы не занимались... // Наши вести. Издание Союза чинов Русского корпуса. Санта-Роза (Калифорния), 1999. № 455 (2756). С. 22–23; Кручинин А. М., Неуймин Н. Б. Осторожно, Клавинг! // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2003. № 13. С. 117–118.

⁴¹ Послужной список Шапошникова на 1920 г. // РГВА. Ф. 37 976. Оп. 1. Д. 30. Л. 3 об.

что автор книги о генштабистах не знает прописных истин (к слову, на с. 234 Каминский утверждает, что Всероссийский главный штаб существовал уже на 12 апреля 1918 г., хотя на самом деле был создан месяцем позже — 8 мая 1918 г.). Шапошникову вообще не повезло у Каминского, который проигнорировал его и многих других генштабистов членство в большевистской партии (с. 24). Каминский всерьез полагает, что членами партии были за все время лишь 5 военспецов-генштабистов. По моим подсчетам, не менее 31 человека.⁴² Каминский вновь ошибается в шесть с лишним раз.

Генштабисты Н. З. Неймирок и Н. В. Ерарский никакого отношения к строительству украинских национальных сил, вопреки утверждению Каминского (с. 31), не имели, а состояли в белом подполье на Украине. Неудивительно, что автор книги попал впросак, ведь в качестве источника по этому вопросу ссылается на украинскую большевистскую прессу, да еще в пересказе ведомственных историков КГБ брежневской поры.

Дилетантские умозрительные расчеты количества генштабистов в Северо-западной армии Н. Н. Юденича (в том числе в некоем «окружном» штабе, хотя никаких военных округов на контролировавшемся Юденичем клочке территории России не было и в помине) и даже выстраивание абсурдных предположений о количестве имевшихся у Юденича дивизий (при том, что боевые расписания Северо-западной армии давно опубликованы⁴³), утверждения о том, что Белое движение на Севере «серьезное оформление получило лишь к осени 1919 г.» (с. 29–30), вообще нельзя воспринимать без улыбки. Итого шесть грубых ошибок на один книжный разворот! Складывается впечатление, что автор книги имеет очень смутные представления об истории Гражданской войны в России.

Знакомство с книгой лишь подтверждает это. Так, Каминский затрудняется назвать точную дату гибели генерала Н. Н. Духонина и пишет о «20-х числах ноября 1917 г.» (с. 223) и даже о том, что это случилось 22 ноября (с. 80), хотя дата гибели Духонина уже давно не является каким-то секретом, а эвристические воз-

⁴² Подробнее см.: Ганин А. «Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать «примазавшимся» к партии...»: Партийность бывших офицеров Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 59–62.

⁴³ Родзянко А. П. Воспоминания о северо-западной армии. М., 2000. С. 125–127. Уточненный вариант см.: Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. Ч. 1. М., 1997. С. 79–81. Всего в армии имелось пять дивизий и одна бригада, а отнюдь не «примерно» 8, как предполагает Каминский.

возможности сети интернет, если другие источники информации Каминскому недоступны, позволяют оперативно находить такого рода сведения. Духонин погиб в Могилеве 20 ноября 1917 г. Похожие затруднения возникли у Каминского и с точной датой перехода подполковника Ф. Е. Махина на сторону антибольшевистских сил — «не позднее середины июля 1918 г.» (с. 218). В действительности — 3 июля.⁴⁴

Свою квалификацию автор в очередной раз ярко демонстрирует, пытаясь «умозрительно» определить год выпуска из академии Генштаба подполковника Б. А. Энгельгардта — «Срок окончания АГШ подполковником Б. А. Энгельгардтом в Списке Генштаба на 8 февраля 1917 г. не указан, однако, есть основания полагать, что он закончил Академию в период между 1909–1913 гг., поскольку именно на эти годы приходится все выпуски “подполковников”» (с. 63). Наблюдение особенно «удачно» подходит к Энгельгардту, вернувшемуся на службу из отставки. Академию он окончил отнюдь не в отведенный ему Каминским период, а в 1903 г.

Неточности, незнание фактов и примитивные построения — еще не самая интересная составляющая «творческой лаборатории» Каминского. Отдельные персоналии вообще оказались им полностью выдуманы! Например, он «изобрел» некоего курсовика 1917 г. выпуска А. Л. Барановского (с. 105, 107), которого на самом деле не существовало. Очевидно, этого офицера Каминский придумал, спутав с В. Л. Барановским 1910 г. выпуска. Неудивительно, что сам Каминский недоумевает относительно того, кто же это такой (с. 107).

А. И. Андогский с ноября 1917 г. и на лето 1918 г. был не полковником, как полагает написавший о нем ранее специальную биографическую статью Каминский (с. 245, 263), а генерал-майором. Совершенно неверно методологически и фактически считать Николаевскую академию и академию Генштаба РККА одним и тем же учреждением (с. 261) и, тем более, суммировать их преподавательский состав. Казалось бы, для любого исследователя темы это прописная истина, но, конечно, не для Каминского. Является заблуждением и предположение о том, что генштабист В. А. Замбрицкий «перебежал» к белым вместе с известным перебежчиком А. Л. Носовичем (с. 219).

Нескромным выглядит утверждение не работавшего с документами РГВИА Каминского о неубедительности одной из важ-

⁴⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Судьба Генерального штаба полковника Ф. Е. Махина.

ных ссылок на материалы этого архива в работе замечательного отечественного военного историка А. Г. Кавтарадзе (с. 83), высочайшая квалификация и обширная эрудиция которого несопоставимы с тем, чем может похвастаться Каминский. По мнению Каминского, генштабисты «редко» страдали от солдатских бесчинств в 1917 г. (с. 61). Это громкое заявление тоже неверно, так как по меньшей мере одиннадцать выпускников и слушателей академии были убиты разбушевавшейся солдатской массой в 1917 г.,⁴⁵ а количество раненых, испытавших на себе побои, оскорбления и унижения, не поддается подсчету. Также Каминский ошибочно полагает, что все должности в центральной системе военных сообщений Советской России исполняли генштабисты (с. 258). Этому заявлению очень сильно удивился бы не кто иной, как сам начальник Центрального управления военных сообщений М. М. Аржанов, не имевший ни малейшего отношения к Генштабу. Думается, он был не единственным работником центрального аппарата службы, не обладавшим академическим образованием.

Не имеют большой ценности попытки анализа Каминским персонального состава генштабистов в штабах фронтов, армий, дивизий и округов путем простого перечисления этих военспецов на основе такого сомнительного источника, как энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (с. 318–332, 341–358, 378–383, 397–413, к примеру, из 175 сносок 7-й главы о деятельности генштабистов на Южном фронте не менее 63 отсылают к энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР») с постоянным и бездоказательным воспроизведением мантры о том, что именно благодаря «заботливой опеке» этих специалистов и были достигнуты высокие результаты на том или ином фронте или в округе. Автор книги не только никак не поясняет, чем именно занимались эти военспецы, но даже не утруждает себя анализом конкретных результатов их деятельности. Между тем роль генштабистов в военном строительстве была многоплановой и неоднозначной.

Российскому читателю может и вовсе показаться дикостью то, что в некоторых разделах своей работы Каминский ссылается на толковый словарь русского языка для разъяснения таких банальных вещей, как «быт» (с. 29), «изменник», «предатель» (с. 41), «перебежчик» (с. 218), «абсолютный», «приемлемый» (с. 431–432). Впрочем, из некоторых цитированных пассажей можно заметить, что с русским языком у него такие же проблемы, как и с русской

⁴⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Корпус офицеров. С. 795–804.

историей. К слову Каминский не знает и точных наименований чинов русской армии. Например, употребляет штаб-ротмистр (с. 297) вместо штабс-ротмистр.

Оформление сносок Каминским также вызывает недоумение: отчего в его книге повсеместно стоит ссылка «Там же» на абсолютно разные источники и исследования (с. 38, 95, 97, 169–171, 188–190, 192, 244–245, 273, 383, 385, 414–415, 417, 468, 661). В результате разобраться с тем, на что же в действительности ссылается автор, могут только специалисты, да и то не всегда. Показательны и используемые им публикации источников. Например, «Очерки Русской смуты» генерала А. И. Деникина он цитирует по купированному советскому изданию 1990 г. (с. 219), хотя в настоящее время общедоступны заслуживающие значительно большего доверия как полное современное переиздание, так и оцифрованная копия первого издания, вышедшего в эмиграции!

Справочная часть книги Каминского (с. 433–661) особой ценности не представляет, при том, что ее составитель не владеет фактическим материалом и повсеместно допускает те или иные ошибки.⁴⁶ Нелепо смотрятся заявления Каминского о введении им впервые в научный оборот данных Списка Генштаба РККА к 28 ноября 1918 г. (с. 85) и списков выпускников ускоренных курсов академии (с. 263), так как публикаций этих списков его работа

⁴⁶ Ляпы «справочной» части заслуживают отдельного упоминания. Мало того, что список Каминского изобилует огромными лакунами, выясняется, например, что в отношении И. Г. Пехливанова «факт «перехода» именно к «белым» не подтвержден» (с. 591), тогда как тот, бежав из РККА, оказался на службе во ВСЮР. Зачем-то указан казначей Всероглавштаба И. И. Либерский, никакого отношения к генштабистам не имевший (с. 555). В таких же отношениях с академией состоят некто Н. П. Гумберт (с. 506) и Р. Р. Карачан (с. 535). Генштабист У. И. Самсон фон Гиммельшерн, по Каминскому, оказался Самсон-Гиммельшерн (с. 606). Б. М. Шапошников, как и в основной части книги, на сентябрь 1918 г. — помощник начальника не существовавшего тогда Генштаба (с. 649). Один из самых известных генштабистов, выдающийся военный ученый, бывший Генштаба генерал-майор А. А. Свечин по неведомым причинам указан в чине генерал-лейтенанта, которого никогда не имел (с. 609). Дата снятия П. П. Сытина с поста командующего Южным фронтом, по Каминскому, 9/28 ноября 1918 г. (с. 629): к сожалению, не поясняется, что имел в виду под столь странной датировкой автор, при том, что обе даты не верны, а правильно — 13 ноября (подробнее см.: Ганин А. От редакции // Родина. М., 2011. № 2. С. 41). Читатели могут продолжать поиск ошибок самостоятельно, например сопоставляя основанные на подлинных архивных документах данные моего справочника и работы Каминского.

не содержит (эти и многие другие списки впервые опубликованы и проанализированы в моем справочнике и более нигде не публиковались). Более ценным для широкого круга читателей может показаться приложение № 3, в котором Каминским опубликованы выписки из регистрационных списков генштабистов за 1918 г. (с. 662–695). Однако и эти документы уже были проанализированы в очерке, предворяющем основную часть моего справочника, хотя я и не стал публиковать пожелания генштабистов относительно мест их возможной службы и особенно их адреса, что лишь перегружает текст, не неся никакой смысловой нагрузки.

Зато в книге Каминского вполне ощутимо стремление подогнать факты под заранее заготовленную схему, предусматривающую отчасти видоизмененные, но в целом всё те же тезисы Каминского десятилетней давности (чтобы избежать повтора, я адресую читателей к моей статье 2004 г. с разбором прежних измышлений Каминского). Подобный подход вкупе с невладением автором фактическим материалом, внушительным перечнем ошибок и неточностей, элементарной безграмотностью, нелогичностью, неспособностью даже к простейшему анализу документов не позволяет считать его работу сколько-нибудь значимым шагом вперед в разработке проблемы. Пользоваться такой книгой следует крайне осторожно, перепроверя каждый факт. Более того, на мой взгляд, довольно нескромно со стороны автора было предстать на суд читателей подобный «труд» да еще с указанием на «неудовлетворительность современной историографии» проблемы (с. 22), которой Каминский, как выясняется, совершенно не знает и, наоборот, своей книгой лишь увеличивает количество неудовлетворительных, искажающих наши представления о прошлом и лишь запутывающих читателя работ. Как говорил император Александр I, «лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно».

Н. К. ГАВРЮШИН

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ В ПАРИЖЕ:
ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОГО СВЯТО-СЕРГИЕВСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА

Отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. СПб., 2010

Название книги, вынесенное на обложку и на корешок, озадачивает... Хотя и понятно, что речь не идет о сенсационном открытии в биографии святого, а скорее о формах знакомства парижан с жизнью и деяниями преподобного Сергия Радонежского, о *Богословском институте* как-то сразу мысль не приходит. Однако речь идет именно о нем. Причем подзаголовок тоже дает не вполне точный ориентир: «История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института».

На самом деле собственно *история* занимает в этом весьма объемистом томе всего 37 страниц, основной текст посвящен биографиям ректоров, профессоров и преподавателей знаменитого учебного заведения. К ним в конце добавлено несколько воспоминаний и справочный материал.

Поэтому главное в книге — *история в биографиях*.

Сколько бы ни удалось самому придирчивому рецензенту найти в ней пробелов, несуразностей, неточностей, они заведомо померкнут перед впервые открывающейся картиной главной кузницы богословских кадров Русского Православия в перспективе её более чем восьмидесятилетнего бытия. Здесь преподавали «отцы» шестидесятников и семидесятников — В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский, Б. П. Вышеславцев, А. В. Карташев, Н. Н. Афанасьев, А. Шмеман, И. Мейендорф, не говоря уже о Сергии Булгакове, немалыми личными усилиями создавшем корпорацию на протяжении первых двадцати лет.

Ответственным редактором книги выступил известный богослов, протопресвитер Борис Бобринский, с 1993 по 2005 г. трудившийся в Институте на посту декана. Учитывая его почтенный возраст, можно предположить, что некоторые неочевидные решения вынуждены были взять на себя его помощники, для которых упорядочение столь масштабного материала являлось весьма непростой задачей.

Биографии профессоров и преподавателей в книге очень разные — и по объему, и по научной значимости, и по стилю. Назовем прежде всего те, которые представляются наиболее удачными. На основе архивных материалов написана содержательная биография В. В. Зеньковского (Н. К. Рауш фон Траубенберг). Весьма обстоятельным и основательно документированным выглядит очерк о Н. Н. Глубоковском (Т. А. Богданова). С интересом читается и жизнеописание Киприана Керна, написанное архимандритом Иовом (Гетчей).

В отношении *авторства* многих других текстов читателя ожидают некоторые курьезные недоумения. Так, под биографией А. Шмемана стоит подпись: *Протопресвитер Иоанн Мейендорф и Йост ван Россум*. Невольно задумаешься, когда же в Бозе почивший о. Иоанн (1926–1992) и ныне здравствующий профессор ван Россум решили написать этот очерк? Из библиографии к данной статье можно с вероятностью заключить, что в ее основу положены опубликованный Мейендорфом в 1984 году на английском языке некролог А. Шмемана и франкоязычная статья о нем ван Россума, вышедшая в 2003 г. Как учтена воля авторов при составлении этого сводного текста, остается неясным.

Очерк о Б. П. Вышеславцеве подписан: *Л. А. Зандер...* Из библиографии к этому тексту легко сделать вывод, что составители использовали статью Зандера «Памяти Б. П. Вышеславцева», опубликованную в 1959 году, и оснастили ее списком литературы, включающим публикации новейшего времени. Но при данном оформлении неискушенный читатель вправе считать, что здравствующий автор *Л. А. Зандер* цитирует публикации 2000 и 2007 годов...

Под статьей о митрополите Владимире (Тихоницком) стоит подпись: *А. В. Карташев...* Сам автор, как известно, скончался в 1960 г. В краткой библиографии к данному очерку его публикаций на эту тему не названо. Зато *в самом тексте* А. В. Карташев *говорит о себе в третьем лице и цитирует себя самого*: «Антон Карташев позже напишет об этих драматических мгновениях» (с. 77)... Удивляться тому, что в библиографии *Карташев* дает

такие ссылки, как <http://zarubejie>, уже не приходится... А вот недоумевать относительно источников этого текста читатель будет непременно.

Биография протоиерея Николая Озолина должна, по-видимому, восприниматься как *автобиография*, ибо под ней стоит подпись: *О. Николай Озолин*. Правда, изложение ведется *в третьем лице*, и zelo сомнительно, чтобы почтенный профессор *сам* поставил в подписи пресловутое «о.». Клирики старой школы никогда сами себя «отцами» не называли.

К слову сказать, это «о.» в разделе «Священнослужители, окончившие Институт» (С. 627–634) своей монотонностью просто режет глаз, а порой даже забавляет: «о. Мефодий (Кульман), епископ Кампанский», но тут же «Серафим, митрополит Женевский (Дуглов)» или «о. диакон Александр Галака» ...

В очерке «Иеромонах Савва (Струве)» мы читаем, что он был возведен в сан архимандрита в 1944 г. Почему тогда в названии «иеромонах»? Подписи под статьей нет, но зато есть ссылка на публикацию М. Шкарова 2007 г. Его, по-видимому, надо считать и автором, но вопрос остался несогласованным. В подписанной Т. Викторовой статье «Иеромонах Афанасий (Нечаев)» в первом же абзаце говорится, что он имел сан архимандрита. Каковы тогда мотивы, побудившие в названии о. Афанасия несколько «понизить»?

Прелюбопытно, что в книге оказалось «два» Геннадия Эйкаловича. «Один» в списке выпускников за 1951 год: «о. Геннадий (Ейкалович — *sic!*), архимандрит, магистр богословия (1956)» — С. 629, «другой» — игумен Геннадий (Эйкалович) — С. 170–171...

В статье протопресвитера Бориса Бобринского, исполненной благоговения перед С. Н. Булгаковым, просто удивительно читать, что «в 1897 г. С. Н. вступает в брак с Наталией Михайловной, дочерью знаменитого художника Нестерова...». Ведь даже в цитируемой на той же странице статье монахини Елены «Профессор протоиерей Сергей Булгаков» черным по белому написано, что Булгаков женился 14 января 1898 г. на *Елене Ивановне Токмаковой* (Богословские труды. Сб. 27. М., 1986. С. 119; в рецензируемой книге ссылка дана на отдельное издание — М., 2003. С. 13).¹

¹ Исправляя свое давнее предположение (По следам рыцарей Софии. М., 1998. С. 145), уточняю, что Е. И. Токмакова была дочерью не археографа-краеведа И. Ф. Токмакова (1856 — ок. 1923), а предпринимателя и мецената И. Ф. Токмакова (1838–1908).

На дочери М. В. Нестерова действительно женился в 1945 году сын С. Н. Булгакова — Федор... Невольно возникает вопрос: а читал ли *сам автор* подписанную его именем статью?

Другая, принципиально важная публикация протопресвитера Бориса Бобринского в этой книге — собственно «История богословского института». Она носит «парадный» характер и избегает рассмотрения скользких и пререкаемых тем. Одна из них — переход Института в юрисдикцию Константинопольского патриархата. О ней в очерке не сказано *ни слова*. Зато «эпоха расцвета Института» связывается с «его полноценным участием в зарождающемся экуменическом движении» (с. 28)...

О смене юрисдикции в книге, тем не менее, упоминание все-таки можно найти — в статье об С. В. Троицком, написанной диаконом Кириллом Киселевым, — но в форме какой-то двусмысленной: Троицкий «преподавал церковное право в Св.-Сергиевском Православном Богословском Институте в Париже, но прекратил связь с Институтом, когда перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии» (с. 526). Так кто же перешел — Троицкий или Институт?

Эта стилистическая ошибка, похоже, не случайна. Достаточно взглянуть на библиографию к статье. Под № 3 в ней упомянута монография (С. В. Троицкого) «Об именах Божиих» (СПб., 1914), и здесь тоже на первый взгляд вполне «невинная» редаKTура — полное название этой книги: «Об именах Божиих *и имябожниках*». Сокращено название намеренно, ибо автор не хотел касаться жесткой полемики С. В. Троицкого с С. Н. Булгаковым по вопросу об «имябожничестве» (= «имяславии»). Обходит эту тему и протопресвитер Борис Бобринский в своей биографии С. Н. Булгакова...

В библиографии к статье о С. В. Троицком *опущены* также его статьи о «восточном папизме». Понятное дело, что омофор Константинопольского патриарха, под которым находится Богословский Институт, вряд ли располагает распространяться на эту тему в ее бескомпромиссной трактовке С. В. Троицким. Не говорю уже о том, что д. Кириллу Киселеву, видимо, не попалась на глаза одна из новейших статей, посвященных С. В. Троицкому,² как остались вне поля зрения других авторов и новые статьи, посвя-

² См.: Гаврюшин Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород, 2005. С. 187–223. В новом, расширенном издании (Нижний Новгород, 2011) она несколько дополнена (С. 407–445).

ценные «парижской школе», даже выходявшие на русском языке в самом Париже...³

Луч света на каноническую коллизию, пережитую Институтом в 1930 г., проливает статья о митрополите Евлогии, написанная Антуаном Нивьером и протопресвитером Борисом Бобринским. В ней достаточно подробно и объективно рассказывается об обстоятельствах, побудивших митрополита Евлогия уйти в юрисдикцию Константинополя, а также и о его попытке воссоединиться с Московским Патриархатом в 1946 г. (с. 61–63).

Возвращаясь к «Истории богословского института» о. Б. Бобринского, должен заметить, что и некоторые другие драматические моменты в жизни Института автор предпочел обойти молчанием. Так, из «Дневников» А. Шмемана мы узнаем, что в 1950–1951 гг. в Богословском институте была «удушающая атмосфера»,⁴ побудившая его переехать в Америку. В чем тогда было дело? Почему вслед за ним в 1952 г. в Нью-Йорк уезжает и С. С. Верховский, который и при жизни С. Булгакова «не был *persona grata* в Институте», как пишет сам о. Борис Бобринский в очерке о протопресвитере Алексии Князеве (с. 99)?

Подобных вопросов немало, но для ответов на них сборник почти никаких материалов не дает. Конечно, любопытно было бы увидеть в нем освещение и таких сторон жизни Института, как постепенный переход преподавания на французский язык, изменения в его литургической жизни и т. д.

Последняя часть сборника посвящена воспоминаниям об Институте. Она вызывает все те же вопросы — происхождения текстов, их датировки, обработки... Вот публикация «Бесед о Богословском институте» В. Вейдле. Кем она осуществлена, на основании какого источника? Пояснений нет никаких... Похоже, что это запись серии бесед по радио, судя по следующим словам: «Теперь лишь несколько минут мне осталось, чтобы помянуть Георгия Петровича Федотова» (с. 692). Только почему надо читателю *догадываться*, а нельзя было прямо и точно указать происхождение текста?

Источник воспоминаний М. М. Осоргина «К истории росписи храма: памяти Д. С. Стеллецкого» также не указан, но они хотя бы датированы, а вот воспоминания Л. А. Зандера «В обители преподобного Сергия» публикуются без указания источника

³ См., напр.: «...Чтобы иссякло упорство раздора». Штрихи к портрету Г. В. Флоровского // Символ. № 47. Париж, [2003]. С. 201–238.

⁴ Шмеман А., прот. Дневники. 1975–1983. М., 2005. С. 282.

и датировки, и только по другим текстам сборника можно *предположить*, что они взяты из его личного архива. Кто их готовил к изданию? Ответа нет.

Резюмируя сказанное, придется сделать вывод, что книга — еще не *история Богословского Института*, а только материалы к ней, во многом интересные и полезные, но в разной мере надежные и объективно подобранные. Украшают издание порой очень редкие фотографии, хотя подписи к ним будут, наверное, еще уточняться.

Чтение сборника дополнялось для рецензента теплыми впечатлениями от посещения Сен-Сержа и общения — в разное время и различных местах — со многими преподавателями Богословского Института. Но не они определили отношение к тексту книги.

А. В. МАРЧУКОВ

Ю. Н. ЖУКОВ. ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА.
1917–1922 ГОДЫ: ОТ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ К СССР. М., 2011.

Национальный вопрос. Пожалуй, нет необходимостишний раз напоминать о его непреходящей актуальности. И острее всего значимость национального вопроса и важность его продуманного и последовательного разрешения стоит именно перед Россией, дважды за прошедший век распадавшейся — в том числе и по причине нерешённости многих национальных проблем и неправильного их понимания правящими кругами.

Как нельзя более актуален национальный вопрос для Российской Федерации. И хотя российские власти стараются не акцентировать общественное внимание на связанных с ним проблемах, последние от этого не только не исчезают, но, напротив, загоняемые под спуд, делаются лишь запутаннее и взрывоопаснее. К противоречиям, доставшимся от СССР, современная Россия приобрела и ряд собственных. А главное, нынешняя российская политическая «элита» в практически неизменном виде унаследовала прежний большевистско-советский взгляд на сущность и способы разрешения национального вопроса в России. К тому же дополнив всё это превращёнными в догму западными концепциями мультикультурализма, приоритетности интересов меньшинств перед интересами большинства и основанной на них миграционной политикой.

Всё это делает крайне насущным непредвзятое изучение современного состояния национального вопроса и его истории. Вот почему можно только приветствовать появление монографии Ю. Н. Жукова, посвящённой одному из аспектов этого вопроса

и попыткам его разрешения в наиболее сложный и переломный период отечественной истории — в 1917–1922 гг. К тому же аспекту, имеющему самое прямое отношение к проблемам дня сегодняшнего и судьбе России вообще. Книга посвящена проблеме распада Российской империи, поиску форм собирания этого «построссийского» пространства и его практическому осуществлению, в итоге закончившемуся образованием в 1922 г. СССР.

Проблеме образования СССР и осуществлению «ленинской национальной политики» в предшествующей историографии уделялось значительное внимание. Но, несмотря на это, работа Ю. Жукова не только не затеряется в ней, но благодаря широте поднимаемых автором проблем и глубине их анализа (основанного на привлечении большого массива источников) станет заметным вкладом в изучение множества крайне запутанных и политизированных вопросов.

Вопросы эти лежат как бы на стыке нескольких исторических направлений. Изучая проблему воссоединения распавшегося российского пространства и становления советской федерации (национально-территориальный вопрос, как характеризует предмет своего исследования он сам), автор обращается к национальной проблематике. К проявлениям национализма и сепаратизма в Российской Империи, межэтническим отношениям в её различных регионах (от Финляндии и Прибалтики до Закавказья и Средней Азии); к тому, как национальный вопрос понимался различными политическими игроками в Центре и на местах (Временным правительством, большевиками, деятелями национальных движений); к особенностям территориального устройства страны и т. д.

Также справедливо будет сказать, что данная монография посвящена изучению революции и Гражданской войны в их национально-политическом аспекте: ведь хронологически она охватывает период с 1917 по 1922 гг., и даже доходя до 1924 г. Обращение к указанному периоду ценно уже само по себе, поскольку и революция, и Гражданская война в последнее время не так часто привлекают внимание отечественных исследователей.

К числу несомненных плюсов монографии следует отнести и то, что изучаемую проблему автор рассматривает в широком внутри- и внешнеполитическом контексте. Особое внимание Ю. Жуков уделяет внешнеполитическим проблемам, поскольку они оказывали далеко не последнее влияние на решение национального вопроса и ход интеграционно-дизинтеграционных процессов на просторах бывшей Российской империи.

Наконец, в монографии подробно изучена позиция И. В. Сталина: его понимание национального вопроса, его видение того, каким надлежало быть единству Советской страны. Именно фигура Сталина является соединяющим моментом всей работы, придаёт ей цельность и динамизм. И дело не столько в приверженности автора этой, действительно великой, исторической фигуре. К национальному вопросу Сталин начал обращаться ещё до 1917 г., а после революции стал им заниматься серьёзно: и на теоретическом уровне, и на практике. И потому понять историю осмысления национального вопроса и попыток его решения в нашей стране в XX в., не обратившись к фигуре Сталина, невозможно.

В годы перестройки и после того, как распался СССР, известными политическими и общественными кругами ответственность за этот распад и межнациональную обстановку в стране вообще во многом (если не целиком) была возложена именно на Сталина. Однако, как убедительно продемонстрировал Ю. Жуков, за такую форму государственного устройства, которая была создана в 1922 г. и в 1990–1991 гг. привела Советский Союз к развалу, Сталин был «ответственен» в меньшей степени, чем другие партийные вожди. Такие, как В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий или Л. Б. Каменев (который как раз и был автором разрушительной формулы о «праве выхода» республик из состава Союза), или некоторые представители компартий Украины и Грузии (не говоря уже о ряде руководителей КПСС времён перестройки).

В отличие от них, выдвинувших и продавивших принятие конфедеративного принципа объединения республик (причём именно как национальных, а не просто советско-территориальных образований), Сталин последовательно, насколько это было возможно в тех внутри- и внешнеполитических условиях, отстаивал именно федеративный принцип восстановления разорванного российского пространства и вхождение советских республик в состав РСФСР. И, как показывает автор, конечной целью видел не национальную федерацию, а такую, в основу которой был бы положен сугубо территориально-экономический принцип. Понятно, что если такой федерации и угрожал бы распад, то в гораздо меньшей степени.

Автором была изучена не только позиция самого Сталина, но и весь ход обсуждения и решения проблемы национально-го и государственного устройства России в указанный период (Временным правительством, кадетами, меньшевиками, а также в большевистской партийной и советской среде), рассмотрено влияние на этот процесс целого комплекса внутренних и внешних факторов. обстоятельно проанализировано развитие «финлянд-

ского вопроса», запустившего процесс дезинтеграции Российской Империи, ситуация в Кавказском регионе и Прибалтике, «башкирский вопрос» и положение на Украине.

Следует отметить, что Ю. Жуков, пожалуй, впервые в отечественной историографии, посвящённой революции и «образованию СССР», столь пристальное внимание уделяет украинским сюжетам и их влиянию на ход дезинтеграционно-интеграционных процессов. Он совершенно справедливо подчёркивает ту особую роль, которую сыграла Украина и «украинский фактор» сначала в развале Российской империи, а после — в объединении советских республик (причём именно в той форме, в какой оно и произошло). Впрочем, правильнее тут говорить не об «Украине», а о конкретных политических силах и личностях, действовавших в том регионе: сначала о националистически-сепаратистском украинском движении и его лидерах, а после о ряде деятелей компартии Украины (таких, как Х. Г. Раковский, М. В. Фрунзе, Н. А. Скрыпник и некоторых других).

Из материала книги (и анализа русско-украинского национального вопроса вообще) можно сделать важный вывод. Одной из «мин замедленного действия», заложенной под политическое и национально-культурное единство Советской страны, стала как раз специфика понимания большевиками (и всей либеральной и левой российской общественностью) «украинского вопроса». Не как внутрирусской национальной проблемы (каковой она во многом и является), а как, образно говоря, «инородческой», и помещение его в один ряд с прочими национальными вопросами — кавказским, финляндским, прибалтийским, тюркско-мусульманским и т. п. По сути, это подразумевало признание ими «украинцев» (а фактически, малороссов) такой же *нерусской* народностью, как башкиры, финны, грузины и т. д., для которой Россия, русская культура, язык — не *свои*, а *чужие*. К тому же народностью, «угнетённой царизмом».

Не будь этого «равноправия в нерусскости», не загнали бы себя большевики (в том числе те из них, кто был больше склонен не к идеологическим проектам, а к отстаиванию интересов *России*) в логический тупик, не было бы потворствования требованиям украинских националистов, а после и украинской партийно-советской этнократической номенклатуре. Проще было бы идти на тактические уступки другим республикам. К примеру, той же Грузии, ставшей камнем преткновения на пути сталинского проекта и, ко всему прочему, сорвавшей мирное урегулирование ряда внутрикавказских конфликтов, в первую очередь карабахского,

почти что разрешённого Сталиным и его соратниками (о чём подробно рассказывается в книге). Идти на уступки, не попадая в зависимость от позиции их руководителей, настаивавших на менее тесных связях с РСФСР. Ибо для единства и мощи страны менее прочные связи с той же Грузией были не так важны, как характер взаимоотношений с УССР, выделившейся из тела России и вобравшей в себя важные в экономическом и стратегическом отношении регионы (многие из которых к тому же исторически «Украиной», и даже «Малороссией», не являлись).

По прочтении монографии становится очевидной правота автора, утверждающего, что все разговоры о федерации свободных народов или республик и попытки их федеративного объединения в итоге закончились созданием конфедерации, лишь до поры до времени, пока были крепки партия и государство, позволявшей стране сохранять единство. О том, что СССР по форме и юридически как раз и был *конфедерацией*, автор заявляет прямо. Это утверждение даже было вынесено им в заглавие рукописи («От Российской империи к Советской конфедерации»). Остаётся лишь сожалеть, что это название, как нельзя лучше отражающее суть и результат всех национально-территориальных процессов того периода, автор заменил на другое («От Российской империи к СССР»), пойдя навстречу пожеланиям некоторых уважаемых (и автором, и рецензентом) коллег.

Новое название звучит нейтрально, да и по сути верно. Но на самом деле этот пример наглядно демонстрирует, с одной стороны, живучесть мифологии (десятилетиями людям твердили об СССР как о «советской федерации»), а с другой — нежелание воспринимать действительность такой, какой она есть, и происходящие из этого попытки дезавуировать её, подменив привычными и удобными мифологемами уже на уровне терминологии. (Как тут не вспомнить восторжествовавшую на Западе, а теперь и у нас «стыдливую» и, на первый взгляд, мягкую, но на деле очень жёсткую и неумолимую цензуру — «политкорректность» с её хорошо известными языковыми и понятийными «табу».)

Но главное, что содержание работы осталось неизменным. Факты — вещь упрямая, и читатель сможет самостоятельно разобраться, чем же по сути являлась та форма государственного устройства, что скрывалась под аббревиатурой «СССР». А правильное понимание характера объединения советских республик представляется делом не только давно назревшим с точки зрения соблюдения исторической объективности, но и необходимым для понимания настоящего федерализма.

Среди положительных моментов надо отметить то, что автор периодически напоминает читателю эволюцию отношения партийно-советских органов к проблеме объединения. Учитывая большой объём монографии (672 стр.), это позволяет не упускать смысловую нить. К сожалению, в книге отсутствуют именной и географический указатели, которые в таком объёмном и информационно-насыщенном издании просто необходимы.

Как и любое другое исследование, монография содержит моменты, которые заслуживают более развёрнутого изложения. Так, она несомненно выиграла, если бы «национальный контекст» революции и политики большевиков, который напрямую сказывался на проблеме создания советской федерации, был очерчен более подробно. Речь о т. н. «великодержавном шовинизме», а если брать шире — об отношении большевиков к проблеме «национального» вообще, к России, мировой революции и «русскому вопросу».

Автор время от времени касается этих проблем, особенно в тех разделах, где речь идёт о завершающей стадии борьбы за объединение и 1922 г., когда жупел «великодержавного шовинизма» то и дело всплывал в речах ряда деятелей большевистской партии — борцов с этим «шовинизмом» (а по «странному» стечению обстоятельств — и противников сталинского видения советской федерации). Но делает это вскользь.

«Русский вопрос» — это основной национальный вопрос в нашей стране, и с течением времени он становится всё острее и очевидней. Поэтому бытующее отношение к нацвопросу лишь как взаимоотношениям других народов (Кавказа, Поволжья и т. д.) между собой и с российским государством (или же стремление его толковать именно так) не может претендовать на полное понимание всей сложности национальной проблемы, а значит, и не способствует поиску путей её решения. Тематика монографии позволяет оставить этот аспект в стороне. И тем не менее он проходит по книге пунктиром, присутствуя в виде фона драматических событий тех лет: скажем, когда речь заходит о борьбе с «великодержавным шовинизмом», о взаимоотношениях башкир, горцев и киргизов с русскими (казаками и крестьянами) или же упоминается проблема «русской республики».

Стоит отметить, казалось бы, малозначащий эпизод. На проходившем в сентябре 1917 г. в Петрограде Демократическом совещании один из лидеров грузинских меньшевиков А. И. Чхенкели выразил сожаление, что среди выступавших по национальному вопросу не оказалось русских. А сожалел он потому, что считал, что перед страной стоит «не только старый национальный вопрос

о так называемых инородцах, а вопрос о русской нации», и потому воля и национальное чувство русских тоже должны быть выражены (с. 109). Почему и предложил русским «задуматься о собственном самоопределении».

Наверное, сказано это было не из большой любви к русским и России. Скорее, так грузинский меньшевик добивался иного: самоопределение русских в тех условиях могло бы подстегнуть дезинтеграцию Российской Империи и, соответственно, обретение Грузией самостоятельности. Однако Чхенкели как человек, смотрящий на проблему, в общем, со стороны, вольно или невольно поставил национальный вопрос во всей его подлинной полноте. Его речь является подтверждением того, что русский вопрос возник вовсе не сегодня и не является «идеологической спекуляцией», а уже в начале XX в. нуждался в общественном и государственном внимании.

А кроме того, грузинский делегат поднял и такую, на первый взгляд (но лишь на первый!) невероятную проблему, как соотношение интересов русских как народа-нации и интересов государства (будь то, в меньшей степени, Российская империя или, в большей, — СССР и Российская Федерация), которые далеко не всегда тождественны. Поэтому не совсем верной представляется реакция Ю. Жукова, назвавшего предложение Чхенкели неожиданным, странным и провокационным. Как и его восклицание (по-человечески вполне понятное), что подталкивание русских к самоопределению означало бы первый «шаг на пути к (их. — А. М.) отделению от... собственной страны!». Всё было гораздо сложнее.

Проблема «русскости» Российской империи, взаимоотношения русских как *народа* и российского *государства* была поставлена ещё в первые десятилетия XIX в. декабристами. Но по известным причинам их идеи были надолго забыты. Поэтому вновь к этой проблеме русское общество вернулось уже ближе к концу XIX в. — в иную эпоху и в иных условиях. Причём одним из средств нормализации и гармонизации этих отношений рядом представителей общества действительно назывался добровольный отказ от ряда чужих по духу и культуре регионов (прежде всего Польши и ряда азиатских территорий). Однако самоопределение русских вовсе не означало и не означает необходимости и неизбежности отделения — их самих или кого-то другого — от страны. Речь — о праве и возможности осознания русскими себя как нации, как самостоятельного исторического лица, а не придатка своего (а с течением времени — уже и «своего») государства.

Эти прорывающиеся сквозь текст «хвостики» русского вопроса (напрямую связанные и с проблемой федерации, и с проблемой национально-территориального устройства СССР и нынешней России) заслуживают самого пристального внимания. Пускай не здесь (хотя упоминание о его наличии и связи с данными проблемами было бы желательно). А вот внимание к упомянутому выше «национальному контексту» революции позволило бы внести ясность и в то, чем было вызвано и кому выгодно «удаление» Сталина из Москвы на фронты Гражданской войны в 1919 г. То есть, фактически, его временное отстранение от решения важнейших государственных вопросов, в том числе — касавшихся объединения республик (автор по этому поводу лишь делает скупые намёки).

Есть в данной монографии и моменты, с которыми можно поспорить или уточнить. Например, не вполне исторически корректным является утверждение автора, что национализм в Российской империи стал «неизбежной реакцией на многовековую политику самодержавия». Если это и была реакция (и то лучше сказать на политику не *самодержавия*, а *государства* как такового), то лишь отчасти. Национализмы (ибо у разных народов они были различны по целям, формам и проявлениям) были самостоятельными явлениями, порождёнными внутренними закономерностями развития самих этносов и страны в целом, а также целым комплексом разнообразных внешних идейных и прочих воздействий.

И это, кстати, подтверждается даже материалом монографии: ведь после падения самодержавия и крушения старой государственности националистические движения никуда не исчезли и лишь получили больший размах; сохранились национализмы и при советском строе, проникая даже в интер- или антинациональную (как она сама себя стремилась преподнести) партию большевиков. Классический пример — украинский национализм. Непреложным фактом является его характер как самостоятельного феномена, вызванного к жизни, особенно на ранних этапах, совершенно другими причинами, нежели политика российского государства (кстати, совместного детища и великороссов, и малороссов). Более того. Политика властей в отношении украинского движения являлась именно *ответной мерой*. А русский национализм, который адепты украинства любят изображать причиной появления национализма украинского, на самом деле — явление более позднее, чем этот последний (и куда менее оформленное и структурированное). И возник русский национализм отчасти как реакция на национализм украинский.

Есть некоторые замечания и в отношении характеристики Ю. Жуковым политики Сталина. Так, можно согласиться с автором, что Ленин (как и Каменев, одно время фактически ведавший осуществлением национальной политики), в отличие от Сталина, в вопросе разбирался слабее и был больше оторван от реальной действительности. Что тут было причиной — в данном случае не столь важно. Однако невольно оттеняя и оправдывая линию «главного героя» — Сталина, автор иногда склонен отказывать в правоте его оппонентам (когда ближе к истине оказывались они). Скажем, оценка отношения крестьян украинских губерний к вопросу о языке и проблеме «сливания Украины с Россией» (весна 1919 г.) Каменевым, да и Лениным, полагавшими, что крестьяне национальным и языковым вопросом интересуются в последнюю очередь и что националистическое движение не пустило глубоко свои корни, была в целом правильной.

Прочность советской власти на селе зависела не столько от национальной, сколько от социально-экономической политики. Поражение красных на Украине весной 1919 г., крестьянские восстания и т. п. объясняются попыткой большевиков спешно и насильственно коммунизировать село, а вовсе не тем, что они не занимались украинизацией (отношение крестьян к которой нередко было отрицательным или настороженным). Настаивали на национальной подоплёке всего и вся, помимо деятелей украинского движения, как раз те украинские коммунисты, которые отчасти сами были выходцами из этой среды, а отчасти испытывали на себе её влияние. Тем более, что дальше сам автор верно объясняет слабость Директории (то же можно сказать и о прочих украинско-националистических режимах времён Гражданской войны) тем, что народ за ней не пошёл (с. 270).

Заслуживает более детального объяснения и позиция наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, сыгравшего не последнюю роль при определении формы взаимоотношений между советскими республиками. Не до конца ясно, почему в 1920 г. он решительно выступал против идеи их федеративного объединения в рамках РСФСР, хотя уже в 1921-м поддержал её и, по выражению Ю. Жукова, «счёл себя обязанным защищать, отстаивать национальные интересы России» (с. 526–527).

Трудно согласиться и с утверждением, что созданные большевиками Башкирская и Татарская АССР и в начале 1920-х за счёт присоединённых районов, населённых русскими и другими народами Поволжья, превращённые ими в многонациональные

республики, стали территориальными образованиями, национальными только по названию (с. 372).

Есть и ряд мелких неточностей, но все они (как и досадные опечатки) при повторном издании легко устранимы и на качество работы не влияют. Хочется надеяться, что в новом издании будет устранено ещё одно небольшое недоразумение. В монографии указано, что она «рекомендована к печати Учёным советом Института Российской истории РАН», но, к сожалению, не упомянуты рецензенты (д. и. н. В. Н. Земсков и к. и. н. А. В. Марчуков), собственно, и давшие книге «путёвку в жизнь» на этом Совете. Мелочь, конечно, но с организационной (да и не только) точки зрения сделать это следовало бы.

Автор подробно, чуть ли не по дням и даже часам прослеживает развернувшуюся борьбу вокруг сталинского проекта, настойчивые, но, в конечном счёте, неудачные попытки Сталина отстоять своё мнение и восстановить единство страны на тех принципах, которые он считал более надёжными (и, объективно, более подходящими для страны). Победу одержали его оппоненты, сталинский проект партийной верхушкой был отвергнут. И не случайно, что свою книгу Ю. Жуков назвал «Первое поражение Сталина». После того, как победил санкционированный и подавленный Лениным курс на конфедерализацию, Сталин смирился и стал столь же последовательно проводить новую политическую линию. Не отказался он от неё и позже, в конце 1930–1940 гг., хотя до этого упорно, невзирая на трудности и сопротивление, пытался провести в жизнь свою.

Почему так произошло? Этот вопрос возникает после прочтения книги Ю. Жукова. Книги глубокой, вдумчивой, не оставляющей читателя равнодушным, книги, заслуживающей самого пристального внимания. И притом очень интересной. И хотелось бы, чтобы автор сделал ещё маленький шаг — и ответил на этот вопрос. Нет, без этого работа не потеряла своего значения или научной законченности. Она лишь получила бы то, чего ждёт от неё читатель. Ответа, почему произошло так, а не иначе. Только ли Сталин потерпел тогда поражение. Что стало причиной наших национальных катастроф в 1917 и 1991 гг. (в том числе из-за национального вопроса и специфики территориального устройства страны). И кто за это ответственен.

И дело тут не в сведении счётов и выяснении «кто виноват». Хотя, повторюсь, автор доказывает, что Сталин «виноват» в этом меньше многих других. Вопрос в том, «что делать». Что делать, чтобы Российская Федерация не разделила участи Российской

Империи и СССР. Как разрешать национальный вопрос так, чтобы в России *всем* жилось хорошо и *все* народы были бы подлинно равноправными, чтобы проблемы одних не решались за счёт интересов других — пока что более многочисленных. Как сделать так, чтобы её территориальное устройство не взращивало этнократические и в основе своей сепаратистские и русофобские региональные режимы и не таило в себе опасности нового Беловежья, а способствовало укреплению государственного и гражданского единства России.

Вот этому поиску и осмыслению (научному и практическому), без сомнения, и послужит данная монография. Именно так, надо думать, понимает её задачи и сам автор. Иначе не поставил бы он в качестве эпиграфа к ней слова О. Конта: «Знать — чтобы предвидеть, предвидеть — чтобы избегать».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ XI ТОМА
«РУССКОГО СБОРНИКА»

Авилов Роман Сергеевич — аспирант Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва).

Белоусов Сергей Владиславович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного педагогического университета (Пенза).

Бибикова Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета (Москва)

Висенс Елена Мануэловна — заместитель руководителя международной редакции Российского информационного агентства «Новости» (Москва)

Володихин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент по кафедре источниковедения исторического факультета Московского государственного университета (Москва).

Гаврюшин Николай Константинович — кандидат философских наук, профессор Московской духовной академии, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН (Москва).

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва).

Ганин Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва).

Гутьеррес Анхель (Angel Gutierrez) — режиссёр, художественный руководитель Мадридского Камерного театра им. А. П. Чехова (Испания).

Дубровский Игорь Владимирович — научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва).

Егизарян Ашот Ариунович — кандидат экономических наук, доцент Армянского государственного экономического университета (Ереван).

Колеров Модест Алексеевич — кандидат исторических наук (Москва).

Магалян Артак — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Республики Армения (Ереван).

Марчук Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва).

Назария Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы (Кишинёв, Молдавия).

Симмонс Пол (Paul Simmons) — аспирант Оксфордского Университета (Великобритания).

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук (Минск, Белоруссия).

РУССКИЙ СБОРНИК

Том XI

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти

REGNUM

Издательский дом «Регнум»
115088, Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 1б, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 01.08.2012. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура Old Standard. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34.75. Тираж 300 экз. Заказ № #####

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, 1, стр. 5.